

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XXIII

Харків
Видавництво НУА
2017

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Видання є фаховим з економічних, соціологічних, філософських
та філологічних наук*

Постанови президії ВАК України
від 22.12.2010 р. № 1-05/8, від 26.01.2011 р. № 1-05/01, від 30.03.2011 р. № 1-05/3

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».
Протокол № 9 від 24.04.2017.*

Редакційна колегія

Астахова К. В., д-р іст. наук (голов. редактор); *Астахова В. І.*, д-р іст. наук;
Батаєва К. В., д-р філос. наук; *Бистрянцев С. Б.*, д-р соціол. наук;
Воробйов Є. М., д-р екон. наук; *Герасіна Л. М.*, д-р соціол. наук;
Городяненко В. Г., д-р іст. наук; *Карабан В. І.*, д-р філол. наук; *Кім М. М.*, д-р
екон. наук; *Корабльова Н. С.*; д-р філос. наук; *Кравченко В. В.*, д-р іст. наук;
Култаєва М. Д., д-р філос. наук; *Лозовой В. О.*, д-р філос. наук; *Мамалуй О. О.*,
д-р філос. наук; *Михайльова К. Г.*, д-р соціол. наук; *Нагорний Б. Г.*, д-р соціол.
наук; *Осінова Н. П.*, д-р філос. наук; *Пасинок В. Г.*, д-р філол. наук;
Петровський В. В., д-р іст. наук; *Подольська Є. А.*, д-р соціол. наук;
Посохов С. І., д-р іст. наук; *Ребрій О. В.*, д-р філол. наук; *Робак І. Ю.*, д-р іст.
наук; *С.-О. Коллін*, проф.; *Сілласте Г. Г.*, д-р філос. наук; *Соболев В. М.*, д-р
екон. наук; *Сокурянська Л. Г.*, д-р соціол. наук; *Степанченко І. І.*, д-р філол.
наук; *Сумець О. М.*, д-р екон. наук; *Сухіна В. Ф.*, д-р філос. наук; *Тарасова О. В.*,
д-р філол. наук; *Тимошенкова Т. М.*, канд. філол. наук; *Шевченко І. С.*, д-р
філол. наук; *Яременко О. Л.*, д-р екон. наук.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.
Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

ISSN 1993-5560

© Народна українська академія, 2017

ПЕРЕДМОВА

Очередной, XXIII том «Ученых записок ХГУ «НУА» открывает новую страницу не только в научных публикациях Академии, но и в проблематике ее научных исследований в деятельности ее научных школ. В 2017 году успешно завершился 20-летний социальный эксперимент по становлению единственного в своем роде в Украине учебно-научного комплекса непрерывного образования. Завершился длительный и плодотворный этап поиска своего пути, своего «не общего выражения лица», своей ниши в образовательном пространстве Украины.

Завершился успешно, свидетельством чему стало признание научным сообществом не только в Харькове и в Украине, но и за рубежом самого факта существования уникального учебного заведения, обеспечивающего качественную подготовку на всех образовательных ступенях, а также многочисленные награды, полученные по результатам учебной, научной и воспитательной деятельности коллектива ХГУ «НУА».

Создание уникального учебного заведения стало лишь первым шагом, лишь сформировало стартовые возможности для дальнейшего движения по пути разработки проблем модернизации современного образования, определения тех факторов, которые способны обеспечить его переход на качественно новый уровень, связанный с процессами глобализации, усиления воздействия информационных технологий и коммерциализацией всей образовательной деятельности.

Новейшая научная литература определяет несколько факторов, оказывающих наиболее мощное воздействие на образование, науку, культуру [1, с. 22–23], на всю гуманитарную сферу жизнедеятельности современного общества и в том числе на формирование новых

академических ценностей. К глобальным факторам первого порядка относят сам факт глобализации, которая подразумевает стирание экономических, культурных и прочих границ между странами, увеличение миграционных потоков в сферах экономики, занятости, образования;

– **интернационализацию**, отражающую усиление международного измерения в образовательной, научной, инновационной видах деятельности вузов;

– **формирование экономики знания**, обозначающее переход от индустриальной экономики к экономике, основным ресурсом которой выступает знание.

Данные процессы тесно связаны между собой. Так, например, интернационализация образования призвана сформировать у студентов в процессе обучения глобальную компетенцию, необходимую для успешной работы в глобализирующемся обществе. Недостаток в таких специалистах ведет к существенным потерям в экономике, основанной на знаниях.

Глобальные процессы являются причиной изменений **второго порядка**, к которым относят:

– **массификацию**, т. е. существенно растущий спрос на высшее образование;

– **прагматизацию**, т. е. трансформацию целей и ценностей образования;

– **неопределенность места образования в общественной структуре и социальных отношениях**;

– **изменение роли государства, опасность снижения доли ответственности государства за сферу образования**;

– **маркетизацию**, т. е. внедрение в область образования рыночных отношений;

– **академический капитализм – включение учебных заведений в рыночноподобные отношения**;

– **высокую степень неравенства среди учреждений образования** [2; 3].

Изменения в обществе, вызванные процессами глобализации

и формирования общества знаний, задают новые направления развития современного высшего образования, влияют на изменение ценностей академической культуры.

Академическую культуру принято понимать как совокупность норм и ценностей образовательной и научной деятельности учебного заведения. К традиционным академическим ценностям принято относить критическое мышление, неприкладную науку, академическую (интеллектуальную) свободу, преданность интересам подлинного знания и автономию, признание научным сообществом, публикаций в авторитетных изданиях и т. д. Эти ценности присущи не отдельным нациям и регионам, не конкретным институтам, а носят **универсальный** характер [4].

В сфере высшего образования развивается противоречие «старых» и «новых» ценностей, которые связаны с усилением «рыночной логики» в университетской среде, получившей название академического капитализма. К традиционным академическим ценностям сегодня принято относить:

- интеллектуальную свободу и социальную ответственность;
- моральную ответственность самостоятельных исследователей и ученых не только за процесс исследований (выбор темы, методы и добросовестность), но и за их результаты;
- стремление отдельных научных сообществ к сотрудничеству в мировом масштабе;
- право ученых свободно выражать свое мнение о научных и этических аспектах исследовательских проектов и их результатов и устраняться от участия в проектах, противоречащих их убеждениям и совести;
- самооценку интеллектуальной работы вне зависимости от того, когда будет получен результат [5, с. 72].

Однако многие традиционные академические ценности в современных условиях претерпевают существенные ограничения, мимикрируют, растворяются в академическом капитализме. Например, принципы академической свободы, связанные со свободой научной и образовательной деятельности, ограничиваются в тех случаях,

когда научные разработки ведутся по заказу и на средства представителей бизнес-среды, а научная деятельность в целом становится более прагматичной, постепенно уходя от «романтического поиска истины» к генерации экономически актуального знания. Интересы потенциальных работодателей и сложившаяся ситуация на региональном и глобальном рынках труда вносят коррективы в структуру подготовки будущих специалистов, определяют актуальность одних направлений подготовки и оставляют на периферии другие.

Международное образование стало рассматриваться как товар, а обладание им – как благо, а не как общественное обязательство. Сегодня даже вопросы доступности и получения профессионального образования все больше рассматриваются в терминах обеспечения национальной или региональной конкурентоспособности [4, с. 61].

С развитием ценностей академического капитализма в высшем образовании стала формироваться новая модель отношений университета с государством, гражданским обществом, бизнесом, рынком, и, что немаловажно, личностью. Университет в этих условиях стал восприниматься как равноправный партнер, что объективно приводит к трансформации его структурных характеристик социальных функций, академической культуры в целом.

Именно эти процессы и тенденции становятся сегодня предметом научных исследований коллектива преподавателей Народной украинской академии, что, естественно, найдет свое отражение на страницах нашего научного ежегодника. Уже в данном, XXIII томе ряд статей нацелены на новую проблематику (см. например, работы Е. В. Астаховой, Е. В. Батаевой, Е. Г. Михайлевой, Е. И. Решетняк, А. М. Сумца и др.).

В ближайшее время в НУА будет утверждена новая концепция развития Академии на ближайшие 20 лет. Одновременно завершается подготовка нового перспективного плана НИР на период 2017–2035 гг., стержнем которого станет разработка проблемы становления

и развития социального партнерства как инновационной функции современного образования. Естественно, что основной раздел данного научного издания (раздел I «Трансформация социальных функций образования и методов обучения: вызовы и перспективы в XXI веке»), начиная от XXIII тома будет связан именно с этой проблематикой, хотя остальные разделы по-прежнему будут представлять результаты научных изысканий в сфере экономики и гуманитарного знания преподавателей ХГУ «НУА» и ученых других регионов Украины.

Сохранятся в «Ученых записках» и наши традиционные рубрики: «Наука в НУА» (сообщения о наиболее значимых событиях года – защиты кандидатских и докторских диссертаций, конференции, семинары, «Круглые столы» и мн. др.), презентация новых изданий Академии, студенческая трибуна и др. Как всегда, в конце тома читатель найдет достаточно подробные сведения об авторах и тематическую направленность следующего тома.

Мы приглашаем к сотрудничеству на страницах нашего научного ежегодника всех, кто исследует актуальные проблемы современного образования, науки, культуры, тем более, что наши «Ученые записки» имеют государственную лицензию на опубликование результатов НИР, докторских и кандидатских диссертаций по социологии, философии, филологии и экономике.

Редколлегия

Список литературы

1. Прохоров А. В. Новые академические ценности высшего образования / А. В. Прохоров // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2012. – № 1. – С. 22–27.
2. Налетова И. В. Диверсификация высшего образования: вызов университетам / И. В. Налетова // Высшее образование в России. – 2005. – № 5. – С. 39–45.
3. Юрьев В. М. Условия модернизации исследовательской среды вуза в контексте государственной политики / Юрьев В. М., Болдырев Н. Н., Шаршов И. А. // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 5–6. – С. 343–347.

4. Ylijoki O. H. Entangled in Academic Capitalism? A Case-study on Changing Ideals and Practices of University Research / Ylijoki O. H. // Higher Education. – 2003. – Vol. 45. – № 3. – P. 307–335.

5. Шиверских М. Р. Взаимодействие предпринимательской и академической культуры в экономике знаний / М. Р. Шиверских // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 70–84.

**Трансформація соціальних
функцій освіти й методів
навчання:
виклики і перспективи
у XXI столітті**

Е. В. Астахова

ВКЛАД НУА В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УКРАИНЕ: НАРАБОТКИ ПЕРВОГО ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЯ

Аннотация. Четверть века – достаточно значимый временной отрезок для системы образования, особенно если она находится в стадии реформирования. Именно 25-летний период функционирования комплекса непрерывного образования, коим является ХГУ «НУА», дает основание для анализа вклада учебного заведения в развитие образовательных процессов региона и страны. В данной статье – конкретно – речь идет о создании и трансляции культурно-образовательной среды, а также о развитии модели социального партнерства.

Ключевые слова: Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия», вклад в развитие образовательных процессов, модель непрерывного образования, человекоцентризм, культурно-образовательная среда, межсекторальное социальное партнерство.

***Астахова К. В.* Внесок НУА у розвиток освітніх процесів в Україні: напрацювання першого двадцятиріччя**

Анотация. Четверть століття – досить вагомий відрізок щодо системи освіти, особливо, якщо вона знаходиться у стадії реформування. Саме 25-річний період функціонування комплексу безперервної освіти, яким є ХГУ «НУА», дає підстави для аналізу вкладу навчального закладу в розвиток освітніх процесів регіону та країни. В статті – конкретно – йдеться про створення і трансляцію культурно-освітнього середовища та про розвиток моделі соціального партнерства.

Ключові слова: Харківський гуманітарний університет, вклад в розвиток освітніх процесів, модель безперервної освіти, людино центризм, культурно-освітнє середовище, між секторальне соціальне партнерство.

***Astakhova K. V.* PUA contribution to the developmnet of educational processes in Ukraine: results of the first 25 years**

Annotation. A quarter of a century is a time period significant enough for the education system, especially the one undergoing reforms. The 25-year period of functioning of KhUH “PUA”, a complex of continuous education, affords ground for the analyses of the contribution of the educational institution to the

development of the region and country educational processes. The article specifically deals with the creation and transmission of a cultural and educational environment, as well as with the development of the social partnership model.

Key words: Kharkov University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”, contribution to the development of the educational processes, the model of lifelong education, man-centeredness, cultural and educational environment, cross-sectoral social partnership.

Термин «качество», постоянно присутствующий в контексте образовательного поля, представляется, совершенно не добавляет понимания процессов, протекающих на нем.

«Качество образования», «качество управления образованием», «культура качества», «качество кадрового корпуса»... Сочетаний, традиционно используемых в образовательном дискурсе, нет числа.

Чаще всего, если не стремиться к уточнению дефиниций, под термином «качества» подразумевают совокупность свойств и признаков, определяющих соответствие образцу, степень ценности, пригодности, опять же, соответствия тому, каким следует быть.

Так или иначе, но проблема критериев качества образования, что считать таковым, а что – далеким от идеала, остается достаточно острой. Даже «рейтингомания», захлестнувшая образовательный мир в начале XXI века и ошутимо стандартизовавшая подходы к оценке деятельности университетов, не дает однозначного ответа на вопрос «что такое хорошо, а что – плохо».

Более того, если внимательно присмотреться к параметрам рейтингов, то не трудно заметить, что в основе подавляющего большинства – оценка ресурсов, т. е. дается ответ на вопрос: «Сколько?», а не «Как?»

Конечно, методологии рейтингов достаточно разные. Например, Академический Рейтинг Университетов Мира (ARWU), публикуемый Центром Исследования Университетов Мирового Класа (CWCU) в Шанхайском университете Цзяо Тун, за основу берет шесть ключевых показателей, среди которых – количество выпускников и сотрудников, присужденных Нобелевской или Филдсовской премий, число высокоцитируемых исследователей и т. д.

Другой наиболее престижный рейтинг – по версии британского издания Times Higher Education, позиционируется как экспертно-аналитический и учитывает уровень достижений университетов на основании комбинации статистического анализа их деятельности, аудированных данных и результатов экспертных опросов.

Есть рейтинги, где в основу положены результаты научно-исследовательской деятельности, есть – показатели образовательного процесса. Но в любом случае доминируют количественные параметры.

Аналогичные подходы, и это вполне понятно, заложены в критерии лицензирования и аккредитации учебных заведений: количество студентов, выпускников, преподавателей (в том числе с научной степенью и званием), занимаемые площади (в м²), объем библиотечных фондов, число компьютеров, посадочных мест в библиотеке и столовой и т. д., и т. п.

Оценка ресурсных возможностей позволяет оценить потенциал учебного заведения, но едва ли статистические параметры приближают к пониманию того, что же, в конечном итоге, является качественным образованием, а что – не очень. Казалось бы, чем больше в университете академиков, лауреатов престижных научных премий, тем лучше. Но практика показывает, что чем выше статус и научная квалификация преподавателя, тем меньше у него времени и интереса к студентам. Как, кстати, достаточно спорно, с точки зрения оценки качества образования, выглядит, кажущийся неоспоримым, критерий публикационной активности ученых, их представленности в научно-метрических базах данных. Для представителей точных и естественных наук – отчасти – ситуация «просматривается». Что же до специалистов социо-гуманитарного направления, то здесь Scopus, Web of Science или РИНЦ едва ли отражают реальный статус-кво. Скорее даже напротив, ибо возникающие технологии повышения индексов и самоцитирований с наукой имеют мало общего.

Так или иначе, но стремление «поймать» и препарировать понятие качества в сфере образования, то приближает к заветной цели, то снова уводит от нее в сторону.

И тем не менее, попытка оценить вклад конкретного учебного заведения в систему образования региона и страны, посмотреть корреляцию результатов его деятельности с понятием «качественное образование», представляется не бесполезной. Тем более, если учесть, что ХГУ «НУА», во-первых, инновационен по своей сути, а, во-вторых, реально присутствует на образовательном поле Украины уже более двадцати пяти лет.

Традиционно анализ деятельности учебного заведения за определенный период предполагает изложение, во-первых, статистических параметров самого разного плана (как правило, с позиций «было-есть») и перечня наиболее весомых общественно и профессионально значимых достижений. Можно пойти таким путем. Но при подготовке к 25-летию ХГУ «НУА» было опубликовано много материалов в которых, как раз, представлена и статистика, и ключевые достижения. Наиболее полно эта информация отражена в монографии «Дорогу осилит идущий» [1], которая увидела свет в канун 25-летнего юбилея и обобщила опыт ХГУ «НУА».

Есть достаточно валидный информационно-аналитический пласт, отражающий самые разные аспекты и направления функционирования научно-учебного комплекса, сконцентрированный в репозитории НУА [2].

Поэтому в данной статье, учитывая формат и тематическую направленность «Ученых записок», хотелось бы вычленивать и проанализировать вклад ХГУ «НУА» в развитие образования региона и страны. Соответственно, предметом анализа является вклад учебного заведения, а объектом – деятельность НУА за 25-летний период.

При этом, учитывая позиции и подходы, обозначенные ранее, представляется целесообразным сконцентрировать внимание не на количественных параметрах деятельности (сколько выпустили, опубликовали, трудоустроили, выиграли и т. д.), а на принципиально важных содержательных моментах, которые можно отнести к числу существенных наработок, составляющих реальное приращение научных знаний и образовательной практики.

На уровне гипотезы есть основание предположить, что ХГУ «НУА» как комплекс непрерывного образования, реализующий на

практике модель непрерывного гуманитарного образования, представляет собой уникальное единичное явление в системе образования Украины. По структуре, организованно-управленческим параметрам, ряду других характеристик, он не имеет аналогов ни в стране, ни в СНГ. Следует, заметить, что в доступной автору литературе, такие образовательные модели не описаны вообще.

Учебное заведение по своей миссии, целеполаганию и методологии построено на культуре диалога, на признании того факта, что образование в истинном своем смысле может существовать (и быть качественным) только в том случае, если базируется на диалоге, на принципах человекоцентричности.

Такие подходы, безусловно, значительно проще декларировать, нежели реализовать на практике. Тем более в условиях повсеместного перехода образования на мегауровни, что с точки зрения финансовой целесообразности совершенно оправдано. Однако реальные субъект-субъектные отношения, как и личностный аспект образовательной деятельности, представляется, можно сохранить только при условии, что существуют реальные возможности «услышать» ученика, вступить с ним в диалог.

Что дает право на утверждение о наличии именно таких подходов в НУА? Во-первых, и это самое главное (или одно из главных), коэффициент соотношения «обучающийся – обучающий» в НУА всегда был в несколько раз ниже среднестатистического по стране и средних показателей европейских образовательных систем.

При коэффициенте по высшей школе Украины 1:17 (т. е. на одного преподавателя приходится 17 студентов), за весь период существования НУА аналогичный показатель по университету колебался в пределах 1:5,5 – 1:11, а по общеобразовательной школе от 1:6 до 1:9. Можно было бы говорить и об оптимальных величинах, которые учебное заведение определило для себя опытно-экспериментальным путем, но в данном случае не это предмет анализа. В контексте рассматриваемой проблемы важно другое. Соотношение 1:6 – 1:10, в целом, позволяет реально, физически обеспечить индивидуализацию образовательного процесса, тот самый диалог, о котором шла речь ранее. Финансово такой коэффициент крайне не выгоден, но с точки

зрения субъект-субъектных подходов он не только оправдан, но и необходим. В противном случае преподаватель заменяется «инструктором», способным подсказать студенту где и что можно «взять» при изучении учебной дисциплины, но не более.

Во-вторых, от самых первых шагов НУА много внимания уделяла формированию системы дополнительных, индивидуальных занятий, консультирования, деятельности института тьюторства и т. д. То есть, созданию организационных условий для обеспечения контактов студентов с преподавателем и для выстраивания индивидуальной образовательной траектории.

Попутно хотелось бы отметить, что при резкой поляризации студенческого контингента и появлении большей части студентов, не готовых к предлагаемым формам обучения, такая индивидуализация и «сеть» дополнительных занятий, консультаций и т. п. позволили не только создать условия для выравнивания тех, у кого оказалась крайне слабой «предистория образования», но и не терять способных студентов, получивших дополнительные возможности для работы с преподавателями, для подготовки научных работ и т. д.

Названными формами обеспечения диалоговости образовательного процесса, практика НУА не исчерпывается. При наличии соответствующего запроса можно было бы описать и проанализировать методы обеспечения индивидуализации образовательной траектории и диалоговости более системно и детально. В рамках же заявленной проблемы важно иное: наличие реальных механизмов для реализации задекларированных принципов и подходов.

Одной из интереснейших наработок НУА, позволяющей говорить о вкладе в развитие образовательной системы Украины, является создание и трансляция уникальной культурно-образовательной среды (КОС). Того самого окружения, которое посредством «педагогической повседневности» как бы «пропитывает» человека, обучающегося в конкретном учебном заведении. Создается некий «реестр элементов», которые в совокупности с корпоративной культурой, принципами функционирования организации, другими важными элементами образуют своеобразную «окружающую среду». Пребывание в такой КОС, взаимодействие с ней через участие в образовательном

процессе, различных формах социальной активности формирует определенную систему взглядов, оценок, подходов, норм, которые в совокупности, в конечном итоге, дают «человека академического».

По меткому замечанию удивительного социолога В. Ядова, интеллигентность возникает (или не возникает) в результате влияния на человека эпохи, родителей и среды. И если первые два параметра человек сам не выбирает, то среду, часто, определяет для себя сам.

Сказанное в какой-то степени облегчает понимание КОС в НУА и то особое внимание, которое ей уделяют. Учебное заведение стремится сформировать такую «окружающую среду», которая создает максимально благоприятные условия для формирования личности, активной социализации, приобретения и совершенствования тех качеств и компетенций, без которых современный цивилизованный человек обойтись просто не может. Безусловно, каждый школьник, студент, преподаватель по-разному использует возможности, предоставляемые учебным заведением, по-разному реагирует и «пропитывается» КОС. Но здесь уже возникает своеобразная зона ответственности образовательного учреждения, которое не просто обеспечивает КОС, но и отрабатывает различные пути ее трансляции, закрепления и сохранения. Через неформальные методы социального взаимодействия, со-участия, осознанного включения в те или иные формы деятельности.

Для НУА это органы ученического и студенческого самоуправления, профсоюзная организация, многочисленные общественные советы (профессорский, библиотечный, совет ветеранов образования, совет музея, совет часовни св. Татианы и т. д.), активы школьных классов и групп.

Только таким образом, если без формалистики и изоформизма, можно «впитывать» и направлять социальную активность всех субъектов образовательного процесса, обеспечивать их соприкосновение, взаимодействие и принятие той КОС, которая характерна для Народной украинской академии.

КОС не данность, сформированная единожды и сохраняемая без изменений. Учитывая достаточно высокий уровень сменяемости контингента (в университете поколения студентов меняется примерно

раз в пять-шесть лет, в общеобразовательной школе – реже, но тоже величина не постоянная), работа по сохранению, развитию и трансляции КОС – процесс непрерывный.

Анализируя наработки НУА в плане создания и трансляции КОС, необходимо достижение обновленного понимания того, что воспринимается как само собой разумеющееся. Ведь во многих университетах, общеобразовательных школах существует своя корпоративная культура, традиции. Однако, представляется, НУА удалось пойти несколько дальше. Здесь за привычным лежит экстраординарное:

- сформирована КОС целого учебного комплекса, реализующего на практике идею непрерывного образования, в сферу влияния которой попадают люди от 1,5–2 лет и до т. н. «третьего возраста» (программа «50+» и др. формы работы с людьми старших возрастов);

- КОС транслируется уже на второе поколение обучающихся, так как в образовательные структуры НУА (Детская школа раннего развития, Специализированная экономико-правовая школа, гуманитарный университет) приходят – и достаточно массово – дети выпускников;

- замеры и анализ карьерно-профессионального и личностного роста выпускников университета показывают, что у них в несколько раз выше, чем в среднем по стране, уровень сохраненности в профессии (80-86% по сравнению со среднестатистическими 30%); значительно ниже количество разводов (11% против 62%) и большее число детей в семьях.

Учитывая относительность приведенной статистики и необходимость серьезного ее анализа, далекоидущие выводы, конечно, делать пока рано. Однако многие работодатели отмечают высокий уровень «заточенности» выпускников НУА на постоянное развитие, саморазвитие, стремление к быстрому профессиональному и карьерному росту, мотивацию к получению второго образования и т. д. Результаты таких плотных опросов и конкретно-социологических исследований, регулярно проводимых Лабораторией проблем высшей школы ХГУ «НУА», позволяют серьезно относиться к отличительным характеристикам выпускников Народной украинской академии.

Еще предстоит изучить и проанализировать «фактор среды НУА». Но ее наличие и влияние – это уже факт. Эксперимент, осуществляемый в академии, позволил увидеть, какой опыт приобретает человек из ежедневного пребывания в конкретной образовательной среде, приобщаясь к некому «реестру элементов», которые и составляют КОС НУА. Нельзя не замечать, что вокруг сформировалась «среда вызова и хаоса». НУА же утверждается на стабильности и уважении. Важно найти баланс между этими противоположностями. В противном случае влияние КОС будет искажаться средой внешней.

Еще один принципиальный «взнос» НУА – отработка межсекторального социального партнерства: конструктивного взаимодействия организаций из нескольких секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающего синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгодное» каждой из сторон и населению [4, с. 64].

Современные условия развития образования показывают – и опыт НУА это однозначно подтверждает, что социальное партнерство составляет новую функцию системы образования.

Именно: формирование системы социального партнерства между властью, бизнесом, образовательными учреждениями, работодателями, студентами, родителями, что способствует развитию процессов образовательной и профессиональной подготовки.

Специалисты отмечают, что социальное партнерство не является статичным социальным состоянием. Это процесс постоянного достижения равновесия развивающихся интересов всех субъектов [4, с. 64]. В реальных условиях функционирования образовательного учреждения именно так и происходит.

На протяжении всего периода существования, НУА выстраивает и постоянно корректирует свои отношения, например, с органами государственной области. Этот вид государственно-частного партнерства претерпевает постоянные изменения и не является статичным. Если проследить основные этапы развития таких взаимоотношений, то даже при всей специфичности украинского контекста, можно вычлениить основные тенденции, акценты и векторы.

Особенно в рамках таких зон как распределение ролей партнеров и распределение ресурсных рисков.

Уже отличалось, что формирование социального партнерства, к сожалению, пока не носит системного характера. Образовательные учреждения, в том числе и Народная украинская академия, в меру своего понимания на свой страх и риск организуют такое партнерство. Практически с каждым конкретным субъектом этих взаимоотношений принципы и подходы складываются разные. И это закономерно, ведь привычный мир к началу XXI в. практически закончился. Соответственно, динамика общественных отношений резко ускорилась и видоизменилась. Как изменились и все субъекты социального партнерства. Государственные органы, работодатели, бизнес-среда, сами образовательные учреждения, абитуриенты, преподаватели, студенты, родители... Изменились не только внутренние характеристики этих субъектов, но и принципы взаимоотношений, условия функционирования.

Университеты в последние двадцать-тридцать лет оказались в сложной ситуации и остро ощутили на себе «запросную перегруженность». Государство, органы управления образованием, общественные организации, студенты и т. д. – все изменилось не только сами по себе, но и ощутимо «нарастили» запросы по отношению к образовательным учреждениям. В ситуации осторожного балансирования между традициями и новациями, университеты стали активнее выстраивать свои взаимоотношения с самыми разными стейкхолдерами. При этом далеко не всегда им удается соблюсти паритет между удовлетворением и формированием образовательных потребностей.

НУА, опираясь на свое понимание миссии и целей образовательного учреждения, используя базовые принципы функционирования, заложенные в «Концепции развития НУА до 2020 г.» [5], формировала изначально свои взаимоотношения в рамках социального партнерства на основе фундаментального посыла, утверждающего, что образование не является услугой. Соответственно, студент, школьник, слушатель аспирантских программ не могут быть клиентами. Подробно аналогичные подходы хорошо прописаны у таких известных

организаторов высшего образования как Л. Гребнев [6], А. Запесоцкий [7].

В целом, Народная украинская академия строит свои взаимоотношения в рамках социального партнерства, опираясь на следующие черты:

- рациональность;
- взаимная ответственность;
- добровольность;
- признание за негосударственным сектором образования права на равные правовые условия функционирования с образовательными учреждениями, созданными по инициативе государства;
- симметричность;
- учет некоммерческого характера функционирования НУА.

Нельзя сказать, что со всеми субъектами социального партнерства академия разработала конкретные «правила игры» и методологию взаимодействия. Однако для выстраивания системных взаимовыгодных партнерских отношений с такими группами как работодатели, родители, выпускники, абитуриенты разработаны и реализуются специальные долговременные комплексные программы «Выпускник», «Абитуриент», «Родители», «Кадры», «Программа непрерывной практической подготовки студентов и школьников» и др. (Подробнее см.: фонды Центра научно-гуманитарной информации и протоколы заседаний Ученого совета ХГУ «НУА»). Такие комплексные программы определяют цели, стратегию, методы и формы организации взаимодействия с теми или иными стейкхолдерами. По мере необходимости программы дорабатываются, корректируются. Ежегодно анализируется ход их реализации, планируются формы работы учебный год.

Параллельно с программами, в зависимости от специфики и запросов тех или иных партнеров, создаются и другие действенные формы и рычаги обеспечения реального взаимодействия. Так, если говорить о партнерстве учебного заведения с выпускникам, то здесь за прошедшие четверть века вычленились как традиционные формы (Ассоциация выпускников, издание «Альманаха выпускников» и др.), так и не совсем типичные, среди которых: активное привлечение

выпускников к участию в учебном процессе (приглашение в составы ГЭК, на защиты дипломов, практик, курсовых работ, на семестровые экзамены, собеседования по вопросам планирования карьеры и т. д.); взаимодействие с выпускниками по вопросам организации различных видов практики, стажировок, трудоустройству; функционирование интеллектуального Клуба выпускников, специальной детской программы для детей выпускников, спортивной программы, программы буккроссинга, «Завтрака выпускников» и т. д. Как результат – взаимодействие с выпускниками можно с полным основанием относить к категории эффективного и динамично развивающегося социального партнерства.

Несколько медленнее и сложнее перестраивается работа учебного заведения с родителями. Но в стратегии формирования социального партнерства данное направление занимает одно из приоритетных мест. Связано это с целым комплексом причин, среди которых: изменения самой группы, ее социальных характеристик, наращивание запросных позиций по отношению к учебному заведению, возрастание дистанцированности родителей от детей и т. д. Кроме уже упомянутой программы «Родители», в НУА проводятся родительские форумы, предпринимаются попытки установления системной коммуникации, привлечения родителей к социально-значимым проектам и программам (театральный фестиваль, конкурс «История моей семьи» и др.).

По каждому из субъектов партнерских отношений у НУА результаты разные. Но учитывая экспериментальный характер деятельности учебного комплекса, отработку им модуля непрерывного образования, отсутствие государственной поддержки и, соответственно, высокий уровень самостоятельности, объективно сложились благоприятные условия для отработки реального взаимодействия с самыми разными субъектами партнерства. Академии удалось не только «почувствовать» наметившийся в обществе переход от формально-принудительной модели к инициативно-гуманистической, ориентированной на согласование интересов, ценностных установок, запросов стейкхолдеров, но и осязательно продвинуться по пути создания реальной модели социально-портретных отношений учебного заведения.

НУА закладає реальну основу под появленням нового покоління людей, знайомих з основами партнерських отношений и имеющих опыт создания социально-партнерского взаимодействия. Иными словами, в рамках вычленения новой социальной функции образования – развитие социального партнерства – Народной украинской академии удалось не только отработать принципы и некоторые механизмы взаимодействия с субъектами партнерства, но и вплотную подойти к методике подготовки студентов и школьников к пониманию, принятию к наработке на развитие социального партнерства в обществе.

В целом же, есть все основания для констатации того, что в лице Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» образовательная система Украины имеет уникальное единичное явление, своеобразную институциональную форму, позволяющую реализовать на практике модель непрерывного гуманитарного образования с достаточно высоким эффектом для общества.

Список литературы

1. Дорогу осилит идущий... : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой ; [редкол.: Астахова Е. В., Астахова В. И., Батаева Е. В. и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2015. – 645 с. – Электрон. версия печат. публ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1260>. – Загл. с экрана.
2. Электронный архив Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/>. – Заг. с экрана.
3. Отчеты о проведении социологических исследований Лабораторией проблем высшей школы (репозиторий ЦНГИ ХГУ «НУА»).
4. Костина Е. Ю. Социальное партнерство в деятельности современных университетов / Е. Ю. Костина // Alma mater (Вестн. высш. шк.). – 2015. – № 12. – С. 63–67.
5. Концепция, стратегические задачи и перспективный план развития Народной украинской академии на период 2006–2020 гг. : утв. Советом НУА, протокол № 2 от 25.09.2006 г. / Нар. укр. акад. ; [авт.-разработчики: В. И. Астахова, Е. В. Астахова]. – Харьков, 2006. – 198 л. – Электрон. версия рукоп.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/892>. – Загл. с экрана.

6. Гребнев Л. ВТО и российские вузы: от жесткой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству / Л. Гребнев // Высш. обр. в России. – 2006 – № 4. – С. 28–32.

7. Запесоцкий А. Платное образование – не услуга, студент – не клиент / А. Запесоцкий // Высш. обр. в России. – 2002. – № 2. – С. 48–50.

References

1. Dorogu osilit idushhij... : monografija / Nar.ukr. akad. ; pod obsh. red. E. V. Astakhovoj ; [redkol.: Astakhova E. V., Astakhova V. I., Bataeva E. V. et al.] – Kharkov : Izd-vo NUA, 2016. – 646 s. – Elektron. vesrija pechatn. publ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1260>. – Zagl. s ekrana.

2. Elektronnyj arhiv Kharkovskogo gumanitarnogo universiteta “Narodnaja ukrainskaja akademija” [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupa: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/>. – Zagl. s ekrana.

3. Otchety o provedenii sociologicheskikh issledovanij Laboratoriej problem vysshej shkoly (repozitorij CNGI HGU «NUA»).

4. Kostina E. Ju. Social’noe partnerstvo v dejatel’nosti sovremennyh universitetov / E. Ju. Kostina // Alma mater (Vestn. vyssh. shk.). – 2015. – № 12. – S. 63–67.

5. koncepcija, strategicheskie zadachi i perspektivnij plan razvitija Narodnoj ukrainskoj akademii na period 2006–2020 gg. : utv. Sovetom NUA, protocol № 2 ot 25.09.2006 g. / Nar. ukr. akad [avt.-razrabotchiki: V. I. Astakhova, E. V. Astakhova]. – Khar’kov, 2006. – 198 l. – Elektron. vesrija pechatn. publ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/892>. – Zagl. s ekrana.

6. Grebnev L. VTO i rossijskie vuzy: ot zhestkoj konkurentsiji k vzaimovыgodnomu sotrudnichestvu / L. Grebnev // Vyssh. obr. v Rossii – 2006 – № 4. – S. 28–32.

7. Zapesockij A. Platnoe obrazovanie – ne usluga, student – ne klient / A. Zapesockij // Vyssh. obr. v Rossii. – 2002. – № 2. – S. 48–50

Отчеты Лаборатории проблем высшей школы:

1. Звіт про науково-дослідну роботу лабораторії проблем вищої школи за 2006 рік : затв. ректор ХГУ «НУА» Астахова В. І. / Ін-т вищої освіти АПН України, Харк. облдержадмін., голов. упр. освіти і науки, Нар. укр. акад. – Харків, 2006. – 12 л.

2. Звіт про науково-дослідну роботу лабораторії проблем вищої школи за 2007 рік : затв. ректор ХГУ «НУА» Астахова В. І. / Ін-т вищої освіти АПН України, Нар. укр. акад. – Харків, 2007. – [19] л.

3. Проблемы профессионального выбора и занятости молодежи на региональном рынке труда : отчет о результатах социол. исслед. / [сост.: В. И. Астахова, Е. Г. Михайлева, Е. В. Бирченко, Т. В. Зверко]. – Харьков : [Изд-во НУА], 2010. – 58 л.

4. О работе с кадрами и студенческим контингентом в условиях комплекса непрерывного образования : аналит. записка по итогам 20-летней деятельности НУА / Нар. укр. акад., [Лаб. пробл. высш. шк]. – Харьков : [Изд-во] НУА, 2012. – 41 л.

5. Результаты общеакадемического опроса по оценке уровня магистерской подготовки в НУА : информ. записка [по результатам социол. исслед. лаборатории проблем высшей школы ХГУ «НУА», февраль 2012 г. / подгот. О. С. Овакимян]. – [Харьков : Изд-во НУА, 2012]. – 21 л.

УДК 378.1:378.095(477)+37.07

В. И. Астахова

ЭКСПЕРИМЕНТ ЗАВЕРШЕН. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ!

Аннотация. Подводя краткие итоги двадцатилетнего социального эксперимента по становлению и развитию уникального образовательного модуля непрерывного образования, обеспечивающего взаимодействие и преемственность всех образовательных ступеней от дошкольной до послевузовской, автор обосновывает вывод о позитивных результатах экспериментальной работы, которая была проведена в НУА в период с 1997 по 2016 год в соответствии с приказами МОН Украины. В статье на конкретном материале показано, что созданная в 1991 году инновационная образовательная структура успешно функционирует и дает высококачественные результаты, причем подчеркивается целесообразность и необходимость проведения экспериментальной работы для принятия научнообоснованных и проверенных практикой решений по модернизации образования в Украине.

Основное внимание уделено перспективам дальнейшего развития Народной украинской академии, разработке новой образовательной политики, которая стала насущной необходимостью в условиях успешного завершения эксперимента по становлению авторской модели непрерывного образования и перехода к новому стратегическому этапу, в ходе которого предполагается осуществить новый эксперимент по проблемам социального партнерства определить принципы взаимодействия со стейкхолдерами в украинской национальной системе образования.

Ключевые слова: социальный эксперимент, непрерывное образование, образовательная политика вуза, социальное партнерство, проблемно-ориентированное управление, стейкхолдеры.

Астахова В. И. Эксперимент завершено. Хай живе експеримент!

Анотація. Підводячи короткі підсумки двадцятирічного соціального експерименту з становлення та розвитку унікального освітнього модулю безперервної освіти, який забезпечує взаємодію та наступність всіх освітніх ступенів від дошкільного до після вузівського, автор дає аргументований висновок про позитивні наслідки експериментальної роботи, що була проведена в Народній українській академії в період 1997–2016 років відповідно

наказом МОН України. В статті на конкретному матеріалі доведено, що створена в 1991 році інноваційна освітня структура успішно функціонує і дає високоякісні результати, при цьому підкреслюється необхідність та значущість проведення експериментальної роботи для прийняття науковообґрунтованих та перевічених практикою рішень, спрямованих на модернізацію освіти в Україні.

Головну увагу приділено перспективам подальшого розвитку НУА, розробці нової освітньої політики, яка стала життєважливою необхідністю в умовах успішного завершення експерименту з становлення авторської моделі неперервної освіти і переходу до нового стратегічного етапу, протягом якого планується здійснити новий експеримент з проблем соціального партнерства та визначити принципи взаємодії із стейкхолдерами в українській національній системі освіти.

Ключові слова: соціальний експеримент, безперервна освіта, освітня політика ВНЗ, соціальне партнерство, проблемно-орієнтоване управління, стейкхолдери.

Astakhova V. I. The experiment is over. Long live the experiment!

Annotation. Summing up the twenty-year-long social experiment on the formation and development of a unique educational module of lifelong education that provides interaction and ensures continuity of all educational levels from the preschool level to the postgraduate one, the author substantiates the conclusion as to the positive results of the above experimental work that was conducted at Kharkov University of Humanities “People’s Ukrainian Academy” (“PUA”) in the period from 1997 to 2016 in accordance with the orders of the Ministry of education of Ukraine. Drawing on specific material, the author shows that the innovative educational structure founded in 1991 operates successfully and gives high quality results and further highlights the advisability and necessity of conducting experimental work to make scientifically based and practice-proven decisions as to the modernization of education in Ukraine.

The author particularly focuses on the prospects for “PUA” further development, the development of a new educational policy, which has become a priority in the context of the successful completion of the experiment on the formation of the author’s model of lifelong education and the transition to a new strategic stage. On the new stage it is planned to carry out a new experiment on social partnership and determine the principles of interaction with stakeholders in the Ukrainian national education system.

Key words: social experiment, lifelong education, higher educational institution educational policy, social partnership, problem-oriented management, stakeholders.

Образованность общества справедливо считается сегодня основой решения любых, самых сложных социальных и экономических проблем, сохранения и развития науки, культуры, национальных традиций, укрепления государства и обеспечения его безопасности.

Понимая всю значимость и ответственность учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы именно в образовательной сфере, мы на протяжении почти трех десятилетий вели напряженный поиск ответов на многие сложнейшие вопросы, которые ставила жизнь перед образованием, добросовестно исполняя функции экспериментальной площадки Министерства образования и науки Украины.

И сегодня, спустя четверть века от своего рождения, у нас есть все основания утверждать: мы нашли свой собственный путь, мы состоялись, мы есть в образовательном пространстве Украины, нам удалось реализовать те стратегические задачи, которые мы ставили перед собой на рубеже 80–90-х годов и достичь целей, сформулированных в концепции развития академии до 2010, а затем до 2020 года [1, с. 10–18, 21]. Пройдя достаточно долгий и очень тернистый путь, мы сумели не только создать, но и апробировать принципиально новую модель образования – интегрированный учебно-научный комплекс как систему, обеспечивающую взаимосвязь и взаимодействие, взаимопроникновение всех ее структурных элементов, систему реально существующую, полноценно функционирующую и дающую высококачественные результаты.

Качество это обеспечивается за счет трансформации методов обучения и воспитания, чему, безусловно, способствует, создание и развитие интегрированных образовательных подразделений, когда общеакадемическая школа вступает в ассоциированные отношения с дошкольным учреждением, с вузом и с профессиональными институтами общества. Начиная с 2002 года Народная украинская академия функционирует как вуз высшего IV уровня аккредитации

(решение Государственной аккредитационной комиссии от 9 апреля 2002 г., протокол № 38)*

Уже более десяти лет в НУА функционируют все образовательные ступени – от дошкольной до послевузовской, объединенные общностью целей, интересов и образовательных практик [2, с. 10–18]. Концепция, стратегические задачи и перспективный план развития Народной украинской академии, разработанные в середине 1990-х г., а затем в середине 2000-х г. и подкрепленные многочисленными программами их реализации [3, с. 155–160], фактически полностью осуществлены и в настоящее время требуют своего дальнейшего углубления и совершенствования, разработки новой образовательной политики, соответствующей новому этапу развития ХГУ «НУА».

Успешная деятельность академии, ее неуклонное поступательное развитие принесли ей международное признание (подписание Великой Хартии университетов мира в 2011 году, принятие НУА в Международную Ассоциацию университетов в 2012 году, получение достаточно высоких показателей в Международных рейтингах и мн. др.) и весомый авторитет в образовательном пространстве Украины.

Важнейшим результатом своей работы за эти годы мы считаем не только более восьми тысяч выпускников, пользующихся неизменным спросом на рынке труда (численность выпускников, получивших рабочее место при содействии Академии, составляет ежегодно от 83 до 95%). Мы гордимся еще и тем, что используя все преимущества частного образования (значительную автономию, широкие возможности для творческого поиска, мобильность выбора форм и методов работы, совмещение новейших технологий и классических методов обучения, ориентацию на индивидуальный подход и мн. др.) мы доказали за прошедшие четверть века, что умеем обучать и воспитывать, умеем ставить на крыло не только талантливых молодых людей, но и тех, чей уровень подготовки ниже среднего, кто в других условиях сломался бы, пошел по кривой дорожке. И это тоже мы расцениваем как одно из важнейших наших достижений.

* Последняя аккредитация всех специальностей ХГУ «НУА» прошла в июне 2016 года сроком на 10 лет (решение ГАК от 16 июня 2016 года, протокол № 121).

К позитивным результатам нашей экспериментальной работы мы относим также стабильность структуры и позитивную динамику количественных показателей академии, коллектив которой насчитывает более 2000 человек, полностью сложившуюся и доказавшую свою эффективность систему управления нашим сложным учебно-научным комплексом, последовательную реализацию горизонтальной и вертикальной интеграции деятельности всех подразделений НУА (интегрированные кафедры, интегрированные учебные программы, общеакадемические службы и т. п.) и, что особенно важно, четкую кадровую политику, нацеленную на формирование команды энтузиастов-единомышленников, понимающих и принимающих проблемы и трудности становления инновационного учебного заведения.

Надо признать, что все это достигалось не благодаря, а вопреки, ибо по всем законам логики – без финансирования, без материально-технической базы, без кадрового обеспечения, но зато при наличии жесточайшей конкуренции с вузами – гигантами негативного отношения чиновников мы еще в самом зародыше должны были «почить в бозе».

Но жизнь распорядилась иначе. С первых же шагов рождения идеи о создании учебного заведения нового типа мы шли непроторенными путями, не искали легких решений и не повторяли уже апробированный опыт других, да собственно и опыта-то никакого ни у кого не было. Мы были первыми в стремлении создать уникальный учебно-научный комплекс непрерывного образования.

Мы первыми начали обучение одновременно на всех образовательных ступенях, первыми разработали и апробировали в МОН Украины интегрированные по горизонтали и по вертикали программы и учебные планы, первыми создали интегрированные кафедры, на которых работают и вузовские преподаватели, и школьные учителя и педагоги-дошкольники. Мы одними из первых начали подготовку по сдвоенным специальностям (экономист-юрист, социолог-психолог, референт-переводчик), разработали систему вузовских общественных организаций и принципы их взаимодействия

с администрацией, первыми создали факультет дополнительных специальностей (с выдачей после его окончания собственного сертификата) и первыми возродили деятельность студенческого и ученического самоуправления, студенческих трудовых и волонтерских отрядов. И все это было неотъемлемой составляющей эксперимента, поскольку осуществлялось в принципиально новых условиях (становление непрерывки к тому же на основе частного учебного заведения, где все возможности зависят только от собственного труда, инициативы и организованности).

И все-таки главный инновационный смысл нашей деятельности мы видим в том, что академия культивирует, выращивает на своей экспериментальной площадке огромный массив инновационных, т. е. принципиально новых, не используемых ранее образовательных практик – отработывает их от теоретических изысканий до практической реализации.

К числу специфических характеристик ХГУ «НУА», на фундаменте которых будет строиться дальнейшее развитие нашего учебного заведения, мы относим:

- **Мобильность, маневренность, небольшие масштабы и возможность быстро, даже агрессивно реагировать на перемены в конъюнктуре рынка образовательных услуг.** Мы всегда ставили перед собой цели научно-исследовательские и просветительские в их неразрывном единстве. И считаем целесообразным сохранение такого подхода на будущее.

- **Элитарность и уникальность.** Мы четко определяем для себя, что элитарность – это не избранные по разным критериям выдающиеся школьники и студенты, это не сливки общества, нет! Это – выдающиеся педагоги и сотрудники, способные выращивать жемчужины из песчинок, открывать способности и ставить на крыло таланты за счет высочайшего уровня и качества преподавания, просто за счет любви к детям и к своему делу. Для нас потеря каждого студента и школьника – это наш профессиональный прокол, наше нежелание или неумение найти индивидуальный подход, недостаточное наше к ним

уважение и ответственность за них. А уникальность НУА – в уже выстроенной и выстраданной нами непрерывке. Ее возможности мы тоже должны использовать в будущем значительно более эффективно. Хотя это не исключает определения новой темы нашей экспериментальной работы.

Третья особенность – **неограниченные возможности для творческого поиска и постоянного профессионального роста преподавателей.** Нам уже удалось создать педагогические мастерские, нам есть чему учиться друг у друга. У нас есть возможность повышать свой квалификационный уровень, публиковать результаты своих исследований. Нужны только желание, творческое горение и стремление к самосовершенствованию. За прошедшие годы мы однозначно убедились в правильности и перспективности избранного нами пути. Однако мы отлично понимаем, что современное образовательное пространство стремительно трансформируется, в нем время от времени происходят такие тектонические сдвиги, благодаря которым в ближайшем будущем человечество может иметь дело с совершенно новым образовательным ландшафтом. А это требует не только последовательного продвижения вперед, не только ускорения темпов развития, но прежде всего **понимания важнейших последствий трансформаций, которые сегодня происходят в образовательных системах мира,** и их учета при определении дальнейших путей развития.

Нельзя, например, не учитывать сегодня в повседневной деятельности учебных заведений интенсивного процесса их коммерциализации на всех уровнях; нельзя не считаться с тем, что образование перестало выполнять функцию социального лифта и в условиях массовизации высшего образования наличие диплома уже не гарантирует человеку продвижения по социальной лестнице. Кроме того, на рубеже веков вызовом мировой высшей школе стало появление на образовательном поле новых игроков в виде корпоративных университетов, которые оказались более эффективными и мобильными в плане реагирования на образовательные запросы различных

групп общества. Эпоха, когда образовательная деятельность осуществлялась только в учебных заведениях, закончилась.

Развитие высшего образования уже в ближайшем будущем будет зависеть от того, как вузы ответят на данный вызов. В развитых странах университеты уже активно апробируют различные изменения в своей деятельности. Например, **классические университеты трансформировались в исследовательские или предпринимательские**, сформировав вокруг себя «пояса» инновационных предприятий, интегрированных с высокотехнологичным бизнесом. Для выполнения генераторов социально-культурных проектов и трансляторов стилей жизни **университеты переформатируются в общественно-культурные центры, деятельность которых адресована не только студенческому контингенту, но и сообществу региона.** Эта тенденция существенно влияет на трансформацию социальных функций вуза, **выдвигая проблему взаимопонимания со стейкхолдерами в число важнейших направлений научных исследований и практического внедрения новых принципов и форм взаимоотношений вуза с внешним миром.**

Важно учитывать и то, что **образование перестало быть терминальной или целевой смысложизненной ценностью для подавляющего большинства молодежи, оно теперь не самоценно как идеал саморазвития личности.** Преобладает отношение к нему скорее как к инструментальной ценности, общественно значимому способу достижения других важных социальных и индивидуальных целей. Мы же пытаемся вопреки этой тенденции формировать восприятие образования именно как смысложизненной ценности, наряду со здоровьем, например.

Как однозначно утверждает известный российский социолог Ж. Т. Тощенко, «возможности, которые открылись обществу в начале 2000-х годов, исчерпаны полностью. Нужен новый качественный скачок в развитии... Но пути решения этой задачи пока не найдены. Нам необходимо внимательно изучить то, что созрело в душах и сердцах людей и прежде всего молодежи. Изучить, понять

и направить, ибо развитие в конечном счете пойдет по тому руслу, которое воплощено не в программах официальной политической власти или ее оппонентов, а в том направлении, которое отражает ожидания и ориентации большинства людей» [4, с. 7].

Мы, безусловно, понимаем, что и нам предстоит изучить, понять и направить в нужное русло дальнейшее развитие НУА, выработать долговременную инновационную стратегию развития нашего учебно-научного комплекса, основанную на использовании системной методологии и специально разработанных технологиях.

Что нам нужно знать и учитывать при разработке новой образовательной политики на очередной стратегический этап развития НУА (2017-2035 годы)?

Целевым ориентиром молодежной политики в высшей школе, согласно Закона Украины «О высшем образовании», является формирование современного специалиста высшей квалификации, обладающего должным уровнем профессиональной и общекультурной компетентности, комплексом профессионально значимых качеств, твердой социально-ориентированной жизненной позицией и системой социальных, культурных и профессиональных ценностей. Она направлена на формирование и развитие гармонично развитой личности, сочетающей качества научной и профессиональной добросовестности, высокой гражданственности и патриотизма, содействует самоопределению личности в обществе [5].

- На основе такой обобщенной целевой установки выстраивается и **образовательная политика вуза**. Суть которой состоит в том, чтобы ее основополагающие принципы и требования были представлены в понятном и прозрачном для всех сотрудников университета виде – как набор задач, согласованных по всем видам ресурсов и механизмов их реализации, но оставляющих им при этом свободу для выбора конкретных действий.

Очевидно, что образовательная политика любого уважающего себя учебного заведения должна быть нацелена на задачи опережающего, а не «догоняющего» развития, поскольку

последнее вряд ли позволит приблизиться к лучшим стандартам национальной образовательной системы.

Однако, разрабатывая стратегию своего дальнейшего развития, **мы должны учитывать собственные реальные возможности и опыт реализации предыдущей концепции**, собственные достижения и просчеты, поскольку разработка новой образовательной политики, **потребуется нового набора идей и оригинальных подходов**, способных не только существенно поднять уровень учебного процесса научно-исследовательской деятельности, но и осуществить еще один многолетний социальный эксперимент, еще раз пройти неизведанным, трудным путем, сопряженным с рисками и потерями.

Научный подход к проблеме предполагает также сравнительный анализ собственных планов модернизации с планами обновления лучших отечественных и зарубежных университетов, с существующими практиками в этой области. Конечно, использование чужого опыта и чужих идей имеет свои преимущества – уверенности больше, а ответственности меньше.

Но наш собственный опыт однозначно свидетельствует о том, что сформировать «лица не общее выражение», найти собственную нишу можно только на основе своих идей, своей глубоко продуманной образовательной политики. Иными словами: **мы можем и должны подготовить новую концепцию развития Народной украинской академии в рамках разработанной в НУА стратегии и основываясь на собственной уникальности и принципах**, которые легли в основу создания нашего учебно-научного комплекса еще в 1991 году.

При этом необходимо учитывать, что совершенствовать инновационную образовательную политику можно только вовлекая в этот процесс как можно больше опытных научно-педагогических работников и управленцев, а также продвинутых студентов, что требует открытой корпоративной культуры. Из истории известно, что даже такие великие достижения, как изобретение печатного станка и паровой машины, сами по себе не привели к техническим

революциям. Их породило новое мышление людей, понимающих, как эти и подобные им технологии можно применить на практике с максимальной пользой. **Сформировать такое мышление у всего коллектива университета для достижения установленной цели – одна из основных задач перспективной образовательной политики.**

Важно также иметь ввиду, что функционирование нашего учебно-научного комплекса как единого организма требует сочетания всех видов политик, реализуемых в процессе его деятельности: образовательной, научной, планово-финансовой, хозяйственной и т. п. Поэтому их обновление и оптимизация должны осуществляться одновременно на основе единых принципов, тоже требующих детальной разработки.

Как определяем мы свои главные стратегические ориентиры на ближайшие 20 лет?

1. **НУА сохраняет за собой статус инновационного учебно-научного комплекса, осуществляющего экспериментальную работу по определению оптимальных путей модернизации национальной системы образования.**

• Инновационным в современной научной литературе считается такое учебное заведение, которое **вносит целевые, перспективно-спланированные, практически отработанные качественные и количественные изменения в функционирование системы образования** [6, с. 130–134].

2. **Мы идентифицируем себя не только как учебное заведение, но и как научное учреждение, где на смену завершившемуся эксперименту по непрерывному образованию должен придти новый не менее сложный и длительный эксперимент по отработке модели социального партнерства, порождающего новые функциональные характеристики системы образования.**

Работа по подготовке нового эксперимента началась у нас в 2015 году, когда в академии был объявлен год взаимодействия с родителями ХГУ «НУА» и начались исследования по определению стейкхолдеров образовательных учреждений и основных направлений работы с ними в условиях новых социально-экономических и поли-

тических реалий. Задачу мы ставим перед собой достаточно сложную, поскольку предлагаемая тема практически не разработана ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе, а система социального партнерства только начинает формироваться.

Поэтому нашим научным школам вновь предстоит встать перед новыми, еще до конца даже не сформулированными проблемами.

Появление новой значимой научной идеи при наличии авторитетных лидеров, которыми располагают научные школы НУА, и опыта, приобретенного в ходе предыдущего эксперимента станет важным стимулом для дальнейшего развития каждой научной школы, активизирует исследовательскую деятельность преподавателей. А это абсолютно необходимо, поскольку **не являясь учеными, преподаватели высшей школы не могут методологически подготовить инновационно мыслящие, креативные кадры.** Они выступают лишь как трансляторы прошлых достижений науки, что в нынешних условиях уже неприемлемо.

3. Мы не предполагаем развиваться вширь, увеличивать наборы и строить новые учебные корпуса. Современная ситуация в мире и в стране, многие объективные факторы не стимулируют нас к такой перспективе. Вопреки настойчиво продвигаемой идее создания вузов-гигантов, **мы считаем целесообразным оставаться небольшим по численности учебным заведением (в пределах 2,5-3,0 тыс. чел.), в котором можно в полной мере реализовать и личностно-ориентированное обучение, и педагогику партнерство и углубленную экспериментальную работу со стейкхолдерами.**

Мы не разделяем тезис, положенный в основу современной политики в области высшего образования, о том, что более крупные вузы гарантируют высокое качество обучения. Наш собственный опыт и примеры многих зарубежных вузов позволяют утверждать, что **не существует прямой связи между величиной вуза и качеством образования.**

И даже наоборот ведущие места в рейтингах на Западе занимают элитные вузы средних и даже малых размеров (Массачусетский

технологический институт, Гарвард, Оксфорд, Йельский университет и мн. др.), тогда как **наиболее крупные вузы ориентированы на массовое образование обычного качества.** Это объективная истина, поскольку в соответствии с законом Парсонса чем крупнее социальная система, тем менее она работает на общественные цели и тем более – на самое себя. **Мы не отказываемся от цели создания элитарного, суперсовременного учебного заведения, которое отличается не масштабами, не элитным составом обучающихся, а высоким устойчивым авторитетом основанным на высоком качестве образовательной, научной и культурно-просветительской деятельности.**

Чтобы быть конкурентоспособным, вуз обречен на постоянный анализ и выявление возникающих противоречий, опасностей и угроз, на постоянную постановку перед собой все новых, усложняющихся целей, на решение новых задач развития, вытекающих не только из логики рыночных отношений, но и из будущих вызовов и перспектив развития образования.

В основу своей дальнейшей деятельности мы хотим заложить еще три важнейших стратегических направления, которые позволят нам сохранить наши принципиальные концептуальные позиции и в тоже время идти в ногу со временем, добиваясь позитивных результатов.

Во-первых, постоянное совершенствование кадровой политики нацеленной на последовательное укрепление кадрового потенциала Академии. Подбор и закрепление людей, понимающих и принимающих особенности преподавания в условиях инновационного учебного заведения, сознающих, что личный пример воспитателя – главный вектор учебно-воспитательного процесса. Создание и совершенствование системы воспитания воспитателей. Сохранение кадров в условиях демографического спада и последовательная подготовка кадров новой генерации.

Усиливающаяся конкуренция между образовательными учреждениями, особенно в условиях неблагоприятной демографической ситуации в стране, стимулирует вузы наращивать материально-технические и кадровые преимущества,

побуждает устанавливать партнерские контакты с различными учреждениями и организациями, налаживать международные связи, организовывать различные пиар-акции и таким образом работать на свой бренд. Появившаяся в стране иерархия высших учебных заведений, хотя и создает неравные условия для развития всех вузов, в тоже время является стимулом для роста профессиональной активности преподавателей.

Новые требования к профессиональной компетентности преподавателя обусловлены и такими тенденциями развития высшего образования, как его непрерывность, расширение массовости и платной доступности. Так, непрерывность профессиональной подготовки требует обеспечения реальной преемственности программ и технологий на всех ступенях обучения. Создание многоуровневых университетских комплексов, которые объединяют в своей структуре учреждения среднего, высшего, дополнительного профессионального образования, ставит перед преподавателями задачу удовлетворения образовательных потребностей всех категорий обучающихся (разного возраста и уровня учебной подготовки), в том числе за счет дифференциации педагогических подходов и технологий обучения. Наблюдаемые в нашей стране массовость и платная доступность высшего образования также нацеливают преподавателей на поиск методов обучения, позволяющих вывести студентов на приемлемый качественный уровень независимо от их интеллектуальных способностей и предыстории их образовательной подготовки.

Осознание общественной потребности в компетентном, чувствительном к инновациям и мотивированном в своем профессиональном развитии преподавателе, потребует от нас особого внимания к стабилизации и улучшению качественных характеристик профессорско-преподавательского, административно-управленческого состава и учебно-вспомогательного персонала, привлекать ведущих специалистов-практиков, зарубежных педагогов и ученых к участию в учебном процессе, активизировать программу «Гостевые профессора». Пополнение преподавательского корпуса мы практикуем,

в первую очередь, за счет лучших выпускников НУА, повышая при этом уровень подготовки молодых преподавателей через магистратуру и аспирантуру, формируя их ответственность перед коллективом учебного заведения и чувство гордости за принадлежность к нему.

Мы исходим из того, что реализация программы «Кадры» является главным условием выполнения миссии Академии.

Во-вторых, мы считаем целесообразным **идти по пути интеграции классических ценностей в организации учебно-воспитательного процесса** (жесткое расписание, обязательность посещения занятий или их индивидуальная отработка, чтение лекционных курсов, проведение семинаров и практикумов, реализация «сквозной» программы практической подготовки в жестком соответствии с учебными планами и программами и т. п.) **с последовательным внедрением инноваций** (информационные технологии, интерактивные методы работы с аудиторией и, прежде всего, метод диалогического общения, активизация самостоятельной работы студентов и школьников, расширение и внедрение в жизнь электронной базы ЦНГИ, дистанционного обучения и пр.).

В-третьих, **гуманистическая парадигма образования**, на которой мы строим и будем строить наши стратегии, противостоит двум традиционным и гораздо более распространенным парадигмам, а именно авторитарной и манипулятивной.

В отличие от последних двух гуманистическая парадигма рассматривает социальные отношения как взаимодействия партнеров, каждый из которых трактуется как полноправный субъект этих отношений. Такая форма отношений получила название диалогической, в отличие от авторитарной и манипулятивной, которые определяются как монологические, традиционные.

Переход к гуманистической парадигме образования требует от нас сохранить и углубить семь основополагающих нишевых стратегий в организации **учебного процесса**, которые были сформулированы еще в период создания НУА.

К ним относятся:

1. Обеспечение качественной, фундаментальной подго-

товки, основанной на эвристических принципах и интеграции с современными научными исследованиями, т. е. **фундаментальность и сайентификация учебного процесса**.

2. **Подготовка на всех факультетах по сдвоенным и даже тройным специальностям** (экономист-предприниматель-юрист, переводчик-референт – преподаватель иностранного языка, социолог-социальный работник-психолог) в соответствии с обновленными концепциями развития факультетов и новыми учебными программами.

3. **Усиленная «сквозная» практическая подготовка студентов, начиная с I курса, и школьников на всех этапах обучения**. «Сквозная» практика должна включать в себя не только профессиональную подготовку, но и процессы социализации личности становление ее социальной и гражданской зрелости. С этой целью необходимо постоянное совершенствование таких форм работы как студенческие трудовые и волонтерские отряды (СТО), школа предпринимательства, шефство студентов над школьниками, а школьников – над ветеранами войны и труда, активное участие в деятельности органов студенческого и ученического самоуправления и **многие другие формы вовлечения в общественную деятельность, которую мы рассматриваем как неотъемлемую составную часть профессиональной подготовки, формирования цивилизационных компетентностей личности**.

4. **Совершенствование форм и методов профориентационной работы, борьбы за абитуриента** в условиях углубляющегося демографического спада и оттока молодежи в зарубежные учебные заведения. Предотвращение выезда за рубеж выпускников нашей школы и вуза требует изучения причин, порождающих нежелательную для нас мобильность учащихся, и создания необходимых условий для их обучения в НУА.

5. **Расширение последипломного образования различных форм корпоративного обучения, внедрение новых видов образовательных услуг** (факультет дополнительных специальностей, дистанционное обучение, консалтинг, тренинги и спецсеминары и мн. др.). **Введение новой специальности на ФПДО** – управление современным высшем учебным заведением. **Мы считаем**

важнейшей формой повышения квалификации преподавателей НУА обучение в аспирантуре и докторантуре, получение второго высшего образования на ФПДО, а также овладение иностранными языками посредством курсовой подготовки.

Снижение количества молодежи в возрасте 17–25 лет на 12–15% по сравнению с уровнем 2010 года в ближайшем будущем приведет к сокращению труда в его наиболее гибком и активном сегменте. Выраженной тенденцией развития кадрового потенциала предприятий и организаций станет создание центров и программ по обучению и переучиванию персонала, т. е. будет усиленно расти корпоративная подготовка. Отсюда необходимость усиления внимания к этому виду деятельности, создание стабильных учебных подразделений, ведущих эту работу на базе ФПДО.

6. Расширение внешних связей и международных контактов Академии; привлечение на учебу иностранных студентов, работа с грантами и спонсорами; **заключение договоров о сотрудничестве на уровне кафедр и факультетов;** создание и эффективное функционирование учебно-научно-производственных комплексов (УНПК), прежде всего, на выпускающих кафедрах.

7. Постоянное совершенствование культурно-образовательной среды НУА ее академического этоса за счет укрепления атмосферы доверия, творчества, свободы, партнерства (внутреннего, внешнего, международного), с одной стороны, а с другой – за счет систематической модернизации и интенсификации использования материально-технической базы и финансовых ресурсов НУА с целью повышения эффективности учебно-воспитательного процесса, сохранения, поддержания и углубления комфортности учебы и работы, специфического психологического климата свойственного родной семье и любимому дому, во имя сохранения и развития традиций НУА.

В формуле «учебно-воспитательный процесс» мы отводим ведущее место воспитательной работе, поскольку главная цель образования в современном мире существенно трансформировалась от прямолинейной трансляции знаний от учителя к ученику к формированию у каждого ученика потребности в знаниях, устойчивого интереса к самостоятельному поиску

истины, к обучению и самосовершенствованию на протяжении всей жизни.

К сожалению, сегодня, в середине второго десятилетия XXI века, ситуация с эффективностью воспитательной работы оставляет желать много лучшего.

В настоявшее время ни учащаяся молодежь не нацелена на высококачественную подготовку, ни общество не проявляет интереса и озабоченности проблемами своего будущего, ни разрушающееся на наших глазах производство не способно вовлечь в свою орбиту даже качественно подготовленных выпускников Высшей Школы.

Такая ситуация требует от нас принципиально нового подхода и к содержательной части обучения и к воспитанию, и к проблемам трудоустройства наших выпускников и конечно, к организации работы по управлению всеми этими процессами.

Мы исходим из того, что в нынешних условиях образовательный и воспитательный процесс должны быть направлены не только и не столько на подготовку профессионалов-интеллектуалов, востребуемых работодателями, сколько на формирование высокоморальной личности, духовно стойкого человека, интеллигента, способного толерантно воспринимать изменяющийся мир, самостоятельно находить свое собственное место в нем, не изменяя гуманным и нравственным ценностям, человека с широким мировоззрением и разносторонним кругом интересов.

Сегодня нам приходится иметь дело с первым посткоммунистическим поколением, с его новыми ценностями и идеалами, которых мы сами до конца еще не осознали. Но мы уже давно усвоили принцип деполитизации нашей деятельности, отказа от участия в политических баталиях и разборках и руководствуемся исключительно государственными официальными документами и источниками. На этом строится наша концепция воспитания.

В настоящее время уже научно доказано, что гуманизм не заложен в биологической природе человека, он не присущ ему от рождения. Каждый индивид должен самостоятельно усвоить какие-то

элементарные гуманистические ценности. **Поэтому подлинно гуманистическое воспитание сталкивается с рядом сложнейших проблем, оно не может осуществляться как бы автоматически, требует больших усилий от воспитателей, существенных изменений самой системы воспитания, а также переосмысления некоторых фундаментальных положений, еще недавно казавшихся аксиоматичными.**

Нам часто говорят, что мы ставим перед собой недостижимые цели, что в мире, где все продается и покупается, где деньги всему голова, где чистоган определяет цену человека, достижение наших целей, это фантастика, а их постановка – просто очковтирательство. Но наш 25-тилетний опыт позволяет утверждать – да, иногда достижение цели становится невыносимо сложным, почти невозможным, но все-таки позитивные результаты есть, и значит бороться за это стоит.

Далеко не все выдерживают работу в режиме бесконечного поиска и борьбы. Но один гениальный человек на вопрос «В чем Вы видите смысл счастья?» ответил: «Счастье в борьбе». В этом смысле мы очень счастливые люди. Счастья у нас хоть отбавляй, и мы готовы делиться им со всеми. Это борьба за качество того продукта, который мы готовим – за умы и сердца наших воспитанников, за сохранение их нравственных устоев, их высоких жизненных принципов и жизнеутверждающего мировоззрения.

А это значит, что нам предстоит борьба за возвращение устойчивой мотивации к учебе и к труду, за сохранение чести и достоинства личности, за элементарное уважение друг к другу и совершенствование нашей культурно-образовательной среды, этоса нашего учебного заведения.

Мы просто обязаны помочь всем и каждому, кто учится или учит в НУА, раскрыть свой талант, свои потенциальные возможности, которые обеспечивают человеку и самоутверждение и самореализацию.

Именно эти цели, задачи и принципы должны лечь в основу нашей дальнейшей работы, определить нашу стратегию с учетом долгосрочных перспектив. Наша новая концепция не должна стать

ни букварем, ни энциклопедией. Это лишь некоторые теоретические, методологические и практические установки по перспективам нашей дальнейшей деятельности. Но они должны послужить четким ориентиром тому, как нам видится наше детище – Народная украинская академия спустя десять и двадцать лет.

Учитывая процессы, происходящие в современном образовании, те трудности и проблемы, с которыми сталкивается общество при определении путей его дальнейшего развития, **Народная украинская академия, как и 25 лет назад, не останавливается перед трудностями, не успокаивается на достигнутом, наоборот, ставит перед собой все более труднодостижимые, амбициозные цели. Мы привыкли быть первыми, лучшими, признанными. И эту привычку не хотим менять.** Мы хотим не только сохранить то, что создано, но искать, совершенствовать и творить дальше. **Мы хотим уберечь от любых невзгод и сохранить навсегда наше уникальное учебное заведение, смысл деятельности которого не только в том, чтобы «подготовить человека к жизни и труду в нашем быстро изменяющемся мире», но и в том, чтобы сформировать у наших питомцев устойчивый жизненный стержень, светлое и доброе отношение к людям, к окружающей действительности, к своей профессии и уважение к самому себе.**

Не для всех такие цели понятны и приемлемы. В нашем жестоком и циничном мире этого достичь действительно очень трудно. Но определенные в нашей концепции стратегии послужат надежным ориентиром для последовательного движения в этом направлении.

Список литературы

1. Концепция и перспективный план развития НУА до 2010 года / Нар. укр. акад. ; [авт.-сост. В. И. Астахова]. – Харьков, Изд-во НУА, 2000. – 22 с.

2. Концепция, стратегические задачи и перспективный план развития Народной украинской академии на период 2006–2020 гг. : утв. Советом НУА, протокол № 2 от 25.09.2006 г. / Нар. укр. акад. ; [авт.-разработчики: В. И. Астахова, Е. В. Астахова]. – Харьков, 2006. – 54 с. – Электрон. версия печат. публ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/479>. – Загл. с экрана.

3. Дорогу осилит идущий... : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой ; [редкол.: Астахова Е. В., Астахова В. И., Батаева Е. В. и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2015. – 645 с. – Электрон. версия печат. публ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1260>. – Загл. с экрана.
4. Не созданы мы для легких путей : анализ. материалы к собр. трудового коллектива 31 авг. 2016 г. / Нар. укр. акад. ; [авт.-сост. В. И. Астахова, Е. В. Астахова]. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 169 с. – Электрон. версия печатн. публ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1355>. – Загл. с экрана.
5. Тощенко Ж. Т. Время АКМЕ. Социологическим исследованиям – 40 лет / Ж. Т. Тощенко // Социол. исслед. – 2014. – № 7. – С. 3–11.
6. Про вищу освіту [Електронний ресурс] : Закон України, із змінами, внес. згідно із Законом № 1774-VIII від 06.12.2016. – Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>. – Загол. з екрана.
7. Глоссарий современного образования / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. Ю. Усик. – Харьков : Изд-во НУА, 2007. – 523 с.

References

1. Konceptija i perspektivnyj plan razvitija NUA do 2010 goda / Nar. ukr. akad. ; [avt.-sost. V. I. Astakhova]. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2000. – 22 s.
2. Konceptija, strategicheskie zadachi i perspektivnyj plan razvitija Narodnoj ukrainskoj akademii na period 2006–2020 gg. : utv. Sovetom NUA, protocol № 2 ot 25.09.2006 g. / Nar. ukr. akad [avt.-razrabotchiki: V. I. Astakhova, E. V. Astakhova]. – Khar'kov, 2006. – 198 l. – Elektron. versija pechatn. publ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/892>. – Zagl. s ekrana.
3. Dorogu osilit idushhij... : monografija / Nar.ukr. akad. ; pod obsh. red. E. V. Astakhovoj ; [redkol.: Astakhova E. V., Astakhova V. I., Bataeva E. V. et al.] – Kharkov : Izd-vo NUA, 2016. – 646 s. – Elektron. versija pechatn. publ.: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1260>. – Zagl. s ekrana.
4. Ne sozdany my dlja legkih putej : analit. materialy k sobr. trudovogo kollektiva 31 avg. 2016 h. / Nar. nukr.akad. ; [avt.-sost.: E. V. Astakhova, V. I. Astakhova]. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2016. – 172 s.
5. Toshchenko Zh. T. Vremja AKME. Sociologicheskim issledovanijam – 40 let / Zh. T. Toshchenko // Sociol. issled. – 2014. – № 7. – S. 3–11.
6. Pro vyshchu osvity [Electronnyj resurs] : Zakon Ukrainy, iz zminamy, vnes. zgidno iz Zakonom № 1774–VIII vid 06.12.2016. – Rezhym dostupu: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>. – Zagol. z ekranu.
7. Glossarij sovremennogo obrazovanija / Nar. ukr. akad. ; pod obshhej red. E. Ju. Usik. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2007. – 523 s.

В. В. Астахов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Модернизация образования в целом и системы непрерывного образования, в частности, является главной стратегической задачей развития украинского общества. В статье рассмотрены проблемы, возникающие в процессе реализации в Украине указанной стратегии, а также предложены пути их решения, основанные на опыте создания и функционирования реально существующего комплекса непрерывного образования – Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия».

Ключевые слова: образовательное право, непрерывное образование, правовой статус вуза, правовой статус частного вуза.

Астахов В. В. Правове регулювання процесів модернізації системи освіти України: проблеми та перспективи

Анотація. Модернізація освіти в цілому і системи безперервної освіти, зокрема, є головним стратегічним завданням розвитку українського суспільства. У статті розглянуті проблеми, що виникають у процесі реалізації в Україні зазначеної стратегії, а також запропоновано шляхи їх вирішення, які базуються на досвіді створення та функціонування реально існуючого комплексу безперервної освіти – Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія».

Ключові слова: освітнє право, безперервна освіта, правовий статус ВНЗ, правовий статус приватного ВНЗ.

Astakhov V. V. Legal regulation of modernizing Ukrainian education system: problems and prospects

Annotation. Modernization of education in general and lifelong learning system, in particular, is the major strategic task of development of the Ukrainian society. The article considers problems arising in the process of implementation of the given strategy and suggests the solutions based on the experience of Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy», the complex of life-learning education.

Key words: education law, lifelong education, legal status of the University, legal status of the private university.

Сегодня образовательная сфера, как и украинское общество в целом, переживает кризис, который обнажил наиболее острые проблемы, требующие незамедлительной смены стратегий её развития и реформирования. В то же время процессы, связанные с бесконечным совершенствованием образования, подвергаются критике, как со стороны профессионального образовательного сообщества, так и потребителей образовательных услуг. Отсюда, вероятно, большинство предложений, связанных с реформой системы образования, носят косметический характер. А поскольку любое новшество оформляется внесением изменений в действующее образовательное законодательство, последнее превращается в поистине громадный массив нормативно-правовых актов на всех уровнях образовательной вертикали, который нивелирует правовые гарантии свободного функционирования и развития как системы образования в целом, так и всех составляющих ее элементов.

При этом очевидно, что процветание государства в немалой степени зависят от системы образования, которой для систематического позитивного влияния на развитие общества требуется не только постоянная экономическая поддержка государства, но и наличие качественной правовой базы, способной обеспечить его успешное функционирование. Ненадлежащее исполнение государством указанных обязанностей становится препятствием в реализации намеченных преобразований. Указанные проблемы также существенно тормозят развитие инновационных направлений развития образовательного сектора, связанных с системой непрерывного образования.

Состояние действующего образовательного законодательства Украины не отвечает в полной мере вызовам XXI столетия, требующим скорейшего преобразования системы образования. Бессистемность широкого спектра законов и отдельных норм по вопросам образования в разных нормативно-правовых актах создает определенные трудности в их применении, не способствует формированию логически построенного и завершенного образовательного законодательства. Есть небезосновательное опасение, что, продолжая развивать принятую «хаотическую» модель его формирования, мы неминуемо создадим громоздкий набор правовых норм

без определенной логики, а в ряде случаев и без необходимой согласованности.

Законодательство об образовании в настоящее время характеризуется значительным числом актов, издаваемых различными органами. Образовательному же праву – отрасли, формирующейся в самостоятельную из подотрасли административного права, – присуща традиционная для административного права разбросанность источников, преобладание инструкции, «более успевающей следить за злобой дня, над законом, более громоздким, создаваемым более медленно» [1, с. 11]. Традиционно ведомственное нормотворчество в нашей стране развивалось очень интенсивно, поскольку была слаба законодательная база. Однако в сфере образования можно наблюдать парадоксальный обратный процесс: развитие законодательства об образовании не сократило, а стимулировало нормотворческую деятельность органов управления образованием, а многие вопросы по-прежнему остаются вне сферы действия закона или ему не соответствуют (например, первоначальное введение внешнего независимого тестирования, дистанционные технологии обучения, существование учебно-научных комплексов непрерывного образования в рамках единого юридического лица и др.).

Благодаря этому в последние годы в Украине развернулась дискуссия о систематизации законодательства об образовании. Проблемы, вызванные несистематизированным характером этой отрасли законодательства, давно уже стали очевидны для многих. К слову сказать, работа по подготовке Кодекса Российской Федерации об образовании ведется с 2003 года, а разработка его Концепции – с конца 90-х годов прошлого столетия. Кодекс об образовании Белоруссии был рассмотрен Палатой представителей Национального собрания в первом чтении 5 ноября 2009 года [2]. В Молдавии новый Кодекс об образовании принят в конце 2009 года [3]. Поэтому перед украинскими учёными-правоведами, законодателями и общественностью в настоящее время стоит непростая, но необходимая задача формирования самостоятельной отрасли правовой системы Украины – образовательного права.

Отсюда представляется, что основной мерой, способной качествен-

но улучшить состояние законодательства в сфере образования, может стать подготовка и принятие Кодекса Украины об образовании. Идея о подготовке такого нормативно-правового акта в настоящее время поддерживается рядом специалистов в области образовательного права и заслуживает самого пристального внимания. Причём обсуждаемую проблему нельзя считать совершенно новой. Еще в 1922 году, к примеру, был принят Кодекс народного просвещения Украины, «весьма систематично разработанный» [1, с. 12]. В 1985 году Г. А. Дорохова отмечала, что нормы различных отраслей права, попадая в систему образования, как бы утрачивают права гражданства, тем самым формируя новую отрасль законодательства – образовательную [4, с. 19].

При этом следует согласиться с А.Н. Козыриным, который справедливо указывает, что в работе по упорядочению и совершенствованию законодательства об образовании необходимо использовать не только кодификацию, но и все основные виды систематизации – учет, инкорпорацию и консолидацию [5].

Так, Министерство образования и науки Украины, как главный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, должен вести учет нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере. Значение данной функции министерства возрастает в условиях проведения образовательной реформы, поскольку именно на него должна быть возложена задача по поддержанию в надлежащем состоянии всего нормативно-правового массива в этой сфере государственного управления.

Задача учета нормативных правовых актов в сфере образования состоит не только в сборе и «инвентаризации» самих нормативно-правовых актов, но и в постоянной поддержке их в состоянии т. н. «действующего нормативно-правового акта», который бы учитывал все вносимые в него изменения и дополнения. Эту функцию сегодня выполняют информационно-правовые и справочно-правовые системы «Лига-Закон», «Форум» и др., позволяющие оперативно получить подборку не только действующих актов по образованию, но и отмененных, а также актов в уже не действующих редакциях.

Еще одной формой систематизации законодательства об образо-

вании может стать консолидация – объединение совокупности мелких актов, изданных по одному или нескольким вопросам в один укрупненный акт. До настоящего времени эта форма систематизации в отношении актов образовательного законодательства Украины практически не применялась. Хотя нормативные акты, частично использующие элементы консолидации, т.е. систематизирующие акты законодательства по каким-то конкретным вопросам все же используются, например, в Правилах приема в вузы. Невостребованность на практике консолидации законодательных актов идет вразрез с потребностью приведения в единое целое многочисленных правовых норм об образовании, разбросанных по ряду нормативных правовых актов. Прежде всего, это касается актов, предоставляющих различного рода льготы участникам образовательных правоотношений.

Систематизация образовательного законодательства может проводиться также в форме инкорпорации. Последняя предполагает лишь внешнюю обработку нормативных правовых актов без какого-либо изменения их содержания. Систематизированные таким образом нормативно-правовые акты объединяются в различные рода сборники. В этих сборниках они могут располагаться по хронологическому принципу (т.е. по времени издания акта) или по предмету правового регулирования (например, акты могут группироваться в зависимости от уровня образовательной системы, к которой они относятся, или от сферы регулируемых отношений – экономика образования, управление образованием и т.д.).

В случае официальной инкорпорации инкорпорированные акты объединяются в сборники, впоследствии утверждаемые органами, издавшими акты. Эта форма систематизации не получила должного распространения в нашей стране. В случае неофициальной инкорпорации соответствующие сборники создаются и издаются заинтересованными лицами по своей инициативе и без санкции компетентных государственных органов. Неофициальная инкорпорация получила большее развитие, нежели официальная. В качестве примера можно привести сборники, издаваемые Европейским университетом (г. Киев).

Однако наиболее сложной формой систематизации законодательства является кодификация, при которой происходит внутренняя

переработка нормативного материала и создается новый нормативно-правовой акт.

Необходимость проведения кодификации законодательства об образовании обусловлена практически теми же причинами, которые привели к формированию хозяйственного и экологического права, обеспечили принятие Таможенного кодекса, Земельного кодекса, Воздушного кодекса, Лесного кодекса, Водного Кодекса и других актов. Если обратиться к толкованию терминов «кодификация», «кодекс», также можно однозначно убедиться в целесообразности и своевременности работы по совершенствованию образовательного законодательства: объем материала, нуждающегося в кодификации, и уровень решаемых проблем требуют разработки акта, который по объему и масштабу может быть только кодексом.

Как известно, кодификация как способ систематизации есть упорядочение юридических норм в процессе правотворческой деятельности, издание на этой основе единого, юридически и логически цельного кодифицированного акта (основ, кодекса, устава, положения и др.). Главная функция и важнейшая особенность кодификации в ее современном звучании – изменение содержания правового регулирования, придание ему комплексного системного характера. С этой точки зрения, кодификация является высшей формой систематизации, которая обеспечивает коренную переработку действующего законодательства в той или иной сфере регулируемых им отношений и придающая ему на этой основе новое качество. Кодификация выступает как средство (способ) совершенствования и упорядочения законодательства и проводится с той целью, чтобы: а) объединить и систематизировать апробированные в течение достаточно длительного времени действующие установления, б) уточнить (переработать) их содержание и в) изложить с соблюдением требований законодательной стилистики и техники. Тем самым обеспечивается максимально возможная полнота регулируемых данным кодифицированным актом общественных отношений. Критика кодифицируемого законодательства, являющегося основой кодификации, позволяет устранить противоречия и несогласованность действующих норм права, придать им совершенную форму.

Принципиально выгодная особенность кодификации состоит в том, что она обеспечивает выполнение в правовой системе двух важнейших задач: 1) упорядочивает законодательство и 2) качественно совершенствует его.

В этом смысле кодификация является уже не только высшей формой систематизации, но и высшей формой правотворчества. Кодификация всегда преследует установление новых норм, отвечающих в наибольшей мере потребностям практики, устраняющих пробелы и дефекты в правовом регулировании и обладающих качеством оптимальных регуляторов в данных условиях. В результате кодификации, принимается сводный кодификационный акт [6]. В то же время, несмотря на положительные аспекты разработки и принятия Кодекса Украины об образовании, существует ряд препятствий для быстрой разработки и принятия указанного законодательного акта. Во-первых, есть определенные трудности, связанные с недостаточным количеством специалистов в области именно образовательного нормотворчества и их целенаправленной подготовки. Во-вторых, в Украине очень мало исследований проблем нормотворчества в сфере образования. В-третьих, имеется немало противников кодификации образовательного законодательства и в целом формирования самостоятельной отрасли образовательного права со стороны представителей различных отраслей правовой науки. Все это дает основания полагать, что в этих условиях чрезвычайно трудно в короткий промежуток времени создать универсальной и в то же время качественной комплексный систематизированный законодательный акт.

Тем не менее, проводимая в Украине реформа системы образования, курс на вхождение нашей страны в единое европейское пространство высшего образования, а также существенные изменения, вносимые в иные, «смежные» отрасли законодательства, предопределяют активное развитие образовательного права. Поэтому накопившиеся за последние два десятилетия многочисленные организационно-правовые проблемы в сфере образования настоятельно требуют самого скорейшего разрешения. При этом одним из главных средств концептуального обновления системы образовательного законодательства Украины является его скорейшая системати-

зация и желательно в форме кодификации, которая сможет облегчить и его инкорпорацию. Это давно назревшая необходимость: число нормативно-правовых актов, регулирующих образовательные отношения, очень велико, и их давно пора систематизировать и привести по уровням образования.

Следовательно, независимо от результатов дискуссии по вопросу о праве на существование образовательного права, изменения в форме и содержании образовательного законодательства на основе единого кодифицированного акта существенно продвинул исследуемую отрасль вперед, что, в свою очередь, станет вкладом в развитие многих отраслей права – административного, гражданского, трудового и др.

Другим важнейшим направлением образовательной политики, занявшим лидирующие позиции, в начале третьего тысячелетия в большинстве развитых государств, в том числе и на постсоветском пространстве, выступает развитие непрерывного образования как основы жизненного успеха, благосостояния и конкурентоспособности каждого человека и общества в целом. В нашей стране эта идея также получила законодательное закрепление, начиная с Национальной доктрины развития образования Украины в XXI веке, которая была принята II Всеукраинским съездом работников образования в октябре 2001 года, и заканчивая Указом Президента Украины № 344/2013 от 25 июня 2013 года «Национальная стратегия развития образования в Украине на период до 2021 года».

Однако, закрепив приоритетность системы непрерывного образования, указанное направление образовательной деятельности до сих пор остается по сути только декларацией. Это обусловлено не столько отсутствием разработанных методологических основ и конкретных представлений о системе непрерывного образования, сколько неразработанностью нормативно-правовой базы, способной ввести в правовое поле экспериментальные наработки, которые, в свою очередь, позволили бы развивать и совершенствовать зарождающуюся систему «непрерывки». Проблема усугубляется тем, что ни теоретические разработки, ни социальные практики пока не дают целостного представления даже о понятийном аппарате последней, не говоря уже о конкретных представлениях оптимальных путей

и форм становления непрерывного образования и его правового регулирования.

В нормативных документах [7] и в научной литературе [8, с. 284–298] существуют самые различные, порой даже взаимоисключающие, трактовки понятия «непрерывное образование» – от возникновения новой образовательной системы, имеющей глобальный характер [9], до принципа непрерывности, который в эпоху глобализации становится определяющим для функционирования любой образовательной системы [10, с. 221].

Подавляющее большинство представляет сегодня непрерывное образование как «образование для взрослых». Такая, на наш взгляд, не совсем правомерная позиция напрямую связана с недостаточным пониманием самой сути «непрерывки», как обучения на протяжении всей жизни от младенчества и до полного завершения жизненного пути на принципах преемственности, интегрированности, целостности процесса обучения, обеспечивающих единство, взаимосвязь и согласованность целей, содержания, методов и форм обучения и воспитания на разных ступенях образования, в разных условиях и при различных потребностях [11].

Указанная трактовка позволяет дать более точную функциональную характеристику непрерывного образования, определить его как исходный принцип функционирования любой образовательной системы в эпоху глобализации и перехода человечества к информационному обществу. Представляется, что такой подход может стать методологической основой для разработки правовой базы непрерывного образования и, в целом, модернизации образовательных систем в современном мире.

Важно только учитывать, что правовое регулирование процессов становления и развития непрерывного образования требует достаточно длительной и глубокой экспериментальной работы, правовая база для которой тоже полностью отсутствует. Одной из главных причин этого является невозможность, а порой и нежелание украинского государства пойти на дополнительные материальные затраты, возлагать на свои плечи лишние заботы и проблемы [12, с. 167–169]. Указанными тенденциями обусловлено также то, что

в Украине образование взрослых до сих пор не обрело государственно-институционального статуса. Поэтому, несмотря на попытки создания современной и гибкой системы непрерывной подготовки, существующая система профессионального образования остаётся устаревшей и мало эффективной, в то время как её дальнейшее развитие требует более тесной интеграции начального, среднего и высшего профессионального образования, что позволит ее поднять на качественно новый уровень. Но для этого требуется основательно реконструировать и обновить существующие образовательные учреждения, как в организационном, так и в содержательном плане, а также создать соответствующую нормативную базу.

Тем не менее, несмотря на указанные выше проблемы, некоторые украинские вузы, причем, как государственные, так и частные в качестве эксперимента пошли по пути создания в своем составе лицеев, колледжей, учебных институтов, интегрирующих естественно-научные, гуманитарные и технические специальности в рамках многоуровневой системы подготовки специалистов. Следует согласиться с мнением Г. И. Большаковой, что основной целью создания подобных комплексов является возможность объединения структурных компонентов модели, помогающих личности в выборе эффективных образовательно-профессиональных программ, наиболее полно отвечающих ее способностям и возможностям, развивающих личность как таковую и повышающих ее конкурентоспособность на рынке труда [13].

Однако, несмотря на то, что подавляющее большинство учебных заведений осуществляют на практике идею непрерывного образования путем организации совместной деятельности или создания объединений юридических лиц, связанных между собой договором в целях реализации «непрерывки», мы убеждены, что наиболее оптимально концепция непрерывного образования может быть реализована в учебных заведениях (комплексах), которые в рамках единого юридического лица объединяют структурные подразделения, осуществляющие подготовку по всем основным ступеням образовательной вертикали, начиная от дошкольного и заканчивая послевузовским образованием. Немаловажной составляющей

деятельности таких образовательных учреждений становится воспитательная составляющая единого учебно-воспитательного процесса, реализуемого в указанных структурах. Итогом этой деятельности может стать сеть образовательных учреждений, в которых будут созданы условия для перехода к разноуровневому, многоступенчатому, преемственному и вариативному образовательным программам.

Подобную модель одним из первых в Украине реализовал Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия», положивший еще в 1991 году в основу своей деятельности концепцию непрерывного образования. Однако полноценное воплощение в жизнь идеи «life long education – образования на протяжении всей жизни», ставшей ключевой для образовательных систем ведущих стран мира, сталкивается с серьезными препятствиями со стороны действующего законодательства. Причем проблема усугубляется тем, что практическую реализацию указанной модели в Украине взяли на себя частные вузы, правовой статус которых до сих пор однозначно не определен и остается предметом научных дискуссий и острых споров.

В этой связи следует более подробно остановиться на одной из главных проблем частных вузов: их деятельность по предоставлению образовательных услуг на договорной основе законодательно закреплена в качестве предпринимательской, хотя по сути таковой не является. Иная ситуация у государственных вузов: действующим законодательством за ними закреплён некоммерческий статус. То есть, несмотря на оказание платных образовательных услуг, по своему правовому статусу они остаются непредпринимательскими учреждениями, сохраняя за собой статус некоммерческих юридических лиц. Это даёт им ряд конкурентных преимуществ, в том числе в вопросах использования земельных участков, на которых они расположены, налогообложения, пенсионного обеспечения профессорско-преподавательского состава, обеспечения стипендиями студентов из числа сирот и т. д.

К сожалению, разграничение коммерческих и некоммерческих организаций является слабым местом современного гражданского

законодательства Украины. Проблема кроется не столько в выборе подходящих критериев разграничения этих видов организаций, сколько в последовательном применении выбранных критериев к тем или иным видам юридических лиц. Так, например, в современных экономических реалиях недофинансирование ставит перед государственными вузами задачи по сохранению высококвалифицированных научно-педагогических кадров, осуществлению научно-исследовательских работ, обновлению и расширению материально-технической базы и многие другие. Средства, полученные от осуществления разрешенной им платной образовательной деятельности, в первую очередь направляются ими на решение указанных задач. В связи с этим осуществление вузом указанной и по сути предпринимательской деятельности – это вынужденная, но необходимая для него мера [14]. Таким образом очевидно, что платную образовательную деятельность необходимо квалифицировать как вид предпринимательской деятельности любого вуза, независимо от формы собственности.

Это утверждение полностью соответствует Гражданскому Кодексу Украины, статья 86 которого закрепила норму, согласно которой непредпринимательские общества и учреждения наряду со своей основной могут осуществлять и предпринимательскую деятельность, если иное не установлено законом и если эта деятельность отвечает целям, для которых они были созданы, и оказывает содействие их достижению.

Отсюда мы убеждены, что частный вуз – это специфическое непредпринимательское юридическое лицо, созданное в соответствии с действующим законодательством Украины в организационно-правовой форме учебного заведения для осуществления предпринимательской деятельности в сфере предоставления образовательных услуг на основе самофинансирования и самоуправления [15, с. 152]. Именно поэтому очевидна необходимость законодательного закрепления для них некоммерческого статуса, что соответственно позволит осуществлять правовое регулирование их деятельности по специальным правилам, используемым для субъектов неприбыльного сектора экономики, в том числе государственных вузов.

В конечном итоге внесение в действующее законодательство указанных изменений, закрепляющих равенство правового статуса всех вузов, в том числе и развивающих на практике модель непрерывного образования, укрепит их позиции в условиях обострения конкуренции в образовательной сфере. Причем указанное обострение может быть вызвано не столько демографической ситуацией, сколько растущей международной доступностью образования в связи с присоединением Украины к ВТО, Болонскому процессу и подписанием Ассоциации с Европейским Союзом, учебные заведения которого уже проводят достаточно агрессивную политику на рынке образовательных услуг в отношении вузов Украины, привлекая украинских абитуриентов как более низкими ценами, так и качеством образовательного продукта.

Другие отличия в нормативно-правовом регулировании деятельности частного вуза, реализующего программу непрерывного образования, в основном касаются отдельных положений законодательства в сфере социальной защиты его научно-педагогических кадров, процедуры создания подобного инновационного комплекса в рамках единого юридического лица и разграничения полномочий и ответственности его различных структурных подразделений. Вероятно, такое небольшое количество указанных особенностей связано, прежде всего, с исключительной новизной подобных образовательных структур в образовательном пространстве Украины. Этим объясняются и пробелы в законодательстве, и коллизии в правоприменительной деятельности, что, к сожалению, тормозит весь механизм правового регулирования осуществляемой ими образовательной деятельности.

Теоретическое осмысление процессов модернизации украинской высшей школы в целом, а также функционирования вузов, реализующих концепцию непрерывного образования, в частности, позволяет сделать вывод о том, что по своей природе последние не могут существовать и развиваться без систематической и разноплановой инновационной деятельности, гибкой реакции на изменяющуюся ситуацию в обществе, поиска новых, нетрадиционных и эффективных решений. Эти качества присущи сегодня не только ведущим исследовательским университетам, но и частным вузам, поставив-

шим инновации, связанные с непрерывным образованием, во главу угла своей деятельности. При этом мы глубоко убеждены, что все эти процессы станут возможными и будут иметь положительные результаты только при соответствующем их закреплении в нормах действующего законодательства Украины.

Список литературы

1. Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры [Электронный ресурс] / В. Н. Дурденевский. – М.-Л., 1929. – Режим доступа: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/?13.html>
2. Белорусские депутаты приняли в первом чтении проект Кодекса об образовании [Электронный ресурс] // News, 21. by. 5.11.2009. – Режим доступа: <http://news.21.by/society/2009/11/05/397361.html>
3. Новости содружества. Информационный канал. 22.09.08. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirtv.ru/content/view/42133/12/>
4. Дорохова Г. А. Законодательство о народном образовании. Теоретические проблемы совершенствования / Г. А. Дорохова. – М., 1985.
5. Козырин А. Н. Современные контуры образовательного права [Электронный ресурс] / А. Н. Козырин // Закон. – 2007. – № 4. – С. 17–28. – Режим доступа: www.kozyrin.ru/userfiles/documents/march.doc
6. Ягофаров Д. А. Образовательное нормотворчество и проблемы кодификации российского законодательства об образовании. Разд. 3.2 Теоретические и практические аспекты кодификации образовательного законодательства [Электронный ресурс] / Д. А. Ягофаров, Н. Н. Хридина, Е. А. Васильченко. – Режим доступа: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/normotvorchestvo/?32.html>
7. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века. Принята ЮНЕСКО. Париж, 5–9 окт. 1998 г. // Вестн. высш. шк. – 1999. – № 3. – С. 29–35; Концепция непрерывного образования, принятая Гособразованием СССР 18 марта 1989 года; Національна доктрина розвитку освіти України у XXI столітті. – Київ : Шк. світ, 2001.
8. Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине : монография / [авт. кол. В. И. Астахова, Е. Г. Михайлева, Е. В. Астахова и др.] ; под общ. ред. В. И. Астаховой, Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2006. – 300 с.
9. Шаронова С. А. Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства : моногр. / С. А. Шаронова. – М., 2004. – 357 с.
10. Инновационный поиск продолжается... (из мирового опыта становле-

ния непрерывного образования) : монография / под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, . – 240 с.

11. Сенашенко В. С. Преемственность и сопряжение основных образовательных программ в структуре непрерывного образования / В. С. Сенашенко, Н. А. Вострикова, В. А. Кузнецова // Высш. образование в России. – 2009. – № 10. – С. 3–10.

12. Чеганова Л. Н. Основные направления развития системы непрерывного образования / Л. Н. Чеганова, В. А. Мезенин // Образование через всю жизнь. Непрерывное образование в интересах устойчивого развития : тр. междунар. сотрудничества / сост. Н. А. Лобанов ; под науч. ред. Н. А. Лобанова и В. Н. Скворцова; ЛГУ им. А. С. Пушкина, НИИ соц.-экон. и пед. пробл. непрерыв. образования. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – Вып. 9. – 750 с.

13. Большакова Г. И. Региональный образовательный комплекс как новая форма интегрированного многоуровневого непрерывного образования [Электронный ресурс] / Г. И. Большакова. – Режим доступа: <http://www.t21.rgups.ru/doc2011/10/02.doc>

14. Звездина Т. М. Предпринимательская и иная приносящая доход деятельность образовательного учреждения / Т. М. Звездина // Право и образование. – 2006. – № 3. – С. 89–96.

15. Освітнє право : навч. посіб. для студентів гуманітарних ВНЗ / [авт. кол.: В. В. Астахов, К. В. Астахова (мол.), О. Л. Войно-Данчишна та ін.]; за заг. ред. В. В. Астахова / Нар. укр. акад.; Міжнар. фонд «Відродження». – Харків : Вид-во НУА, 2011. – 188 с.

References

1. Durdenevskij V.N. Lekcii po pravu social'noj kul'tury. – M.-L., 1929. // rezhim dostupa: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/?13.html>

2. Belorusskie deputaty prinjali v pervom chtenii proekt Kodeksa ob obrazovanii // News,21.by.5.11.2009. // rezhim dostupa: <http://news.21.by/society/2009/11/05/397361.html> ;

3. Novosti sodruzhestva. Informacionnyj kanal. 22.09.08. // rezhim dostupa: <http://mirtv.ru/content/view/42133/12/>

5. Dorohova G.A. Zakonodatel'stvo o narodnom obrazovanii. Teoreticheskie problemy sovershenstvovanija. – M., 1985.

6. Kozyrin A.N. Sovremennye kontury obrazovatel'nogo prava // Zakon. 2007. – №4. – S.17-28 // rezhim dostupa: www.kozyrin.ru/userfiles/documents/march.doc

7. D.A. Jagofarov, N.N. Hridina, E.A. Vasil'chenko. Obrazovatel'noe

normotvorche-stvo i problemy kodifikacii rossijskogo zakonodatel'stva ob obrazovanii. Razd. 3.2 Teoreticheskie i prakticheskie aspekty kodifikacii obrazovatel'nogo zakonodatel'stva // rezhim dostupa: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/normotvorchestvo/?32.html>

8. Vsemirnaja deklaracija o vysshem obrazovanii dlja XXI veka. Prinjata JuNESKO. Parizh, 5–9 okt. 1998 g. // Vestn. vyssh. shk. – 1999. – № 3. – S. 29–35; Koncepcija nepreryvnogo obrazovanija, prinjataja Gosobrazovaniem SSSR 18 marta 1989 goda; Nacional'na doktrina rozvitku osviti Ukraïni u XXI stolitti. – K.: Shk. svit, 2001.

9. Nepreryvnoe obrazovanie v kontekste obrazovatel'nyh reform v Ukraine. – Har'kov: Izd-vo NUA, 2006. – 299 s.

10. Sharonova S. A. Universal'nye konstanty instituta obrazovanija – mehanizm vosproizvodstva: monogr. / S. A. Sharonova. – M., 2004. – 357 s.

11. Innovacionnyj poisk prodolzhaetsja... (iz mirovogo opyta stanovlenija nepre-ryvnogo obrazovanija): monogr. / pod obshh. red. V. I. Astahovoj. – Har'kov : Izd-vo NUA, . – 240 s.

12. Senashenko V. S. Preemstvennost' i soprjazhenie osnovnyh obrazovatel'nyh pro-gramm v strukture nepreryvnogo obrazovanija / V. S. Senashenko, N. A. Vostrikova, V. A. Kuznecova // Vyssh. obrazovanie v Rossii. – 2009. - № 10. – S. 3–10.

13. Cheganova L. N. Osnovnye napravlenija razvitija sistemy nepreryvnogo obrazovanija / L. N. Cheganova, V. A. Mezenin // Obrazovanie cherez vsju zhizn'. Nepre-ryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitija : tr. mezhdunar. sotrudni-cestva / sost. N. A. Loba- nov ; pod nauch. red. N. A. Lobanova i V. N. Skvorcova; LGU im. A. S. Pushkina, NII soc.-jekon. i ped. probl. nepreryv. obrazovanija. – SPb. : LGU im. A. S. Pushkina, 2011. – Vyp. 9. – 750 s.

14. Bol'shakova G. I. Regional'nyj obrazovatel'nyj kompleks kak novaja forma in-tegrirovannogo mnogourovnevnogo nepreryvnogo obrazovanija [Elektronnyj re-surs] / G. I. Bol'shakova. – Rezhim dostupa: <http://www.t21.rgups.ru/doc2011/10/02.doc>

15. Zvezdina T. M. Predprinimatel'skaja i inaja prinosjashhaja dohod dejatel'nost' obrazovatel'nogo uchrezhdenija / T. M. Zvezdina // Pravo i obrazovanie. – 2006. – № 3. – S. 89–96.

16. Osvitne pravo : navch. posib. dlja studentiv gumanitarnih VNZ / [avt. kol.: V. V. Astahov, K. V. Astahova (mol.), O. L. Vojno-Danchishna ta in.]; za zag. red. V. V. Astahova / Nar. ukr. akad.; Mizhnar. fond «Vidrodzhennja». – H. : Vid-vo NUA, 2011. – 188 s.

Е. В. Батаєва

КОНЦЕПЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО И КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ Ю. ХАБЕРМАСА В ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы проблемы и перспективы рецепции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в современной теории образования, выявлено сходство и различия в трактовках понятий инструментальности и коммуникативности в теориях Ю. Хабермаса, М. Рокича, Ж.-Ф. Лиотара, Н. Мезирова. Если Ю. Хабермас подверг радикальной критике инструментальный стиль мышления и коммуницирования, то М. Рокич акцентировал возможность взаимодополнительности инструментальных/терминальных ценностей и жизненных позиций социальных акторов. Если Ж.-Ф. Лиотар проблематизировал тезис Ю. Хабермаса о *согласии* как финальной цели неискаженной коммуникации между социальными акторами, то в статье сделан вывод, что в концепции Ю. Хабермаса речь идет не столько о согласии, сколько о мета-согласии – согласии на со-присутствие и интеллектуальное со-действие в общем коммуникативном пространстве; согласии на признание интеллектуального достоинства собеседника. Коммуникативное мета-согласие не исключает гетерогенности и множественности концептуальных позиций собеседников, создавая поле сосуществования и сопряжения различных идей.

Ключевые слова: инструментальное действие, коммуникативное действие, согласие, мета-согласие, образование.

Батаєва К. В. Концепція інструментальної та комунікативної дії Ю. Хабермаса в філософії і соціології освіти

Анотація. У статті проаналізовано проблеми і перспективи рецепції теорії комунікативної дії Ю. Хабермаса в сучасній теорії освіти, виявлено подібність і відмінності в трактуваннях понять інструментальності та комунікативності в теоріях Ю. Хабермаса, М. Рокіча, Ж.-Ф. Ліотара, Н. Мезірова. Якщо Ю. Хабермас піддав радикальній критиці інструментальний стиль мислення і комунікування, то М. Рокіч акцентував можливість взаємодоповнення інструментальних/термінальних цінностей і життєвих позицій соціальних акторів. Якщо Ж.-Ф. Ліотар проблематизував тезу Ю. Хабермаса про згоду як фінальну мету неспотвореної комунікації між соціальними акторами, то

в статті зроблено висновок, що в концепції Ю. Хабермаса мова йде не стільки про згоду, скільки про мета-згоду – згоду соціальних акторів на спів-присутність та інтелектуальну спів-дію у спільному комунікативному просторі; згоду на визнання інтелектуальної гідності співрозмовника. Комунікативна мета-згода не виключає гетерогенності і множинності концептуальних позицій співрозмовників, створюючи поле співіснування та сполучення різних ідей.

Ключові слова: інструментальна дія, комунікативна дія, згода, мета-згода, освіта.

Bataeva K. V. Conception of instrumental and communicative action by J. Habermas in philosophy and sociology of education

Annotation. The paper analyzes problems and prospects of reception of communicative theory by J. Habermas in modern education theory. Similarities and differences in interpretation of concepts of the instrumental and the communicative in the theories of J. Habermas, M. Rokeach, J.-F. Lyotard, and N. Mezirow are revealed. While J. Habermas subjected the instrumental style of thinking and communication to radical criticism, M. Rokeach has marked an opportunity of complementarity of instrumental and terminal values and attitudes of social actors. While J.-F. Lyotard problematizes the view of Habermas on consensus as the final goal of undistorted communication between social actors, the article concludes that Habermas' concept deals not only with consensus, but with meta-consensus – agreement on co-presence and intelligent co-action in general shared communicative space, agreement on intellectual recognition of dignity of an interlocutor. Communicative meta-consensus does not preclude heterogeneity and multiplicity of interlocutors conceptual positions creating a field of ideological coexistence and interaction of different ideas.

Key words: instrumental action, communicative action, consensus, meta-consensus, education.

В современной философии и социологии образования все более актуальными становятся попытки рецепции идей великих мыслителей современности в контексте осмысления новой ситуации в сфере образования. Концепции выдающихся теоретиков дают возможность более глубокого и тонкого понимания радикальных изменений в образовательном пространстве, позволяют более точно диагностировать социальные патологии, прогнозировать возможные последствия резких трансформаций в сфере образования и предлагать

способы нейтрализации негативных эффектов образовательных реформ/революций. Можно предположить, что огромную роль в данном контексте могут сыграть идеи выдающегося немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса (род. 1929), которые до сих пор не получили достаточно глубокого освещения в современной теории образования: как полагают М. Мерфи (Mark Murphy) и Т. Флеминг (Ted Fleming), еще не были сделаны серьезные попытки ввести идеи Ю. Хабермаса в теорию образования и сделать из них все возможные выводы [2, р. 3]. Прежде всего, речь идет о теории коммуникативного, стратегического и инструментального действия Ю. Хабермаса, которая становится особенно актуальной в свете свершившегося «коммуникативного поворота» в современном образовании. В статье будут проанализированы проблемы и перспективы применения концепции Ю. Хабермаса в современной теории образования, будет выявлено сходство и различия в трактовках понятий инструментальности и коммуникативности в теориях Ю. Хабермаса, М. Рокича, Ж.-Ф. Лиотара, Н. Мезирова.

На данный момент наиболее известными работами, в которых представлены интерпретации идей Ю. Хабермаса в контексте теории образования, являются монография Р. Янга «Критическая теория образования: Хабермас и будущее наших детей» (Young R. A Critical Theory of Education: Habermas and our Children's Future. New York: Harvester Wheat-Sheaf, 1989), коллективная монография американских теоретиков «Хабермас, критическая теория и образование», изданная в Нью-Йорке в 2009 г. под общей редакцией М. Мерфи и Т. Флеминг («Habermas, critical theory and education»). New York: Routledge, 2009) и педагогические работы Дж. Мезирова, посвященные трансформативному обучению взрослых. В монографии «Хабермас, критическая теория и образование» представлено философское осмысление важнейших концептов Ю. Хабермаса, таких как «жизненный мир», «система», делиберативная демократия, коммуникация в контексте анализа важных проблем современной образовательной системы, проанализированы различные педагогические практики, концептуально связанные с критической теорией общества Ю. Хабермаса. Авторы книги тематизируют риски демократизации

общества, связанные с инструментализацией и технизацией образования, которое превращается в техническое средство для достижения узко профессиональных целей. Как полагает Т. Флемминг, «университеты должны быть местом реализации коммуникативных действий. Опасность заключается в том, что очень многие университеты нацелены на развитие утилитарного знания, на инструментальное обучение, а не на коммуникативный праксис... Существует опасность, что университетское обучение превратится скорее в тренинг, нежели образование» [2, p. 122].

В концепции «трансформативного обучения» американского теоретика Дж. Мезирова (1923–2014) проанализированы особенности трех форм образования – инструментальной (технической), коммуникативной (практической) и эмансипаторской, которые в концепции Ю. Хабермаса были соотнесены с различными науками: «подход эмпирико-аналитических наук предполагает *технический* когнитивный интерес; подход историко-герменевтических наук – *практический* когнитивный интерес; подход критически ориентированных наук – *эмансипаторский* когнитивный интерес (*emancipatory cognitive interest*)» [1, p. 308]. В концепции Дж. Мезирова *инструментальное* обучение рассматривается как сориентированное на решение прикладных задач, предполагающее разработку алгоритма последовательности действий, необходимых для их реализации; при этом деятельность социальных акторов максимально механизмуется/автоматизируется, будучи сведенной к выполнению фиксированного набора механических акций и процедурных предписаний. «Инструментальное обучение – это обучение контролю и манипулированию окружающим миром или другими людьми. При этом результаты могут быть эмпирически продемонстрированы» [6]. *Коммуникативное* обучение имеет своей целью не столько овладение процедурой производства чего-либо, сколько постижение смысла и понимание собеседников в процессе углубленного коммуницирования по поводу ценностей, идеалов, чувств, моральных решений и т. д. Коммуникативное обучение нацелено на достижение согласия между коммуникантами в определенном контексте и в конкретной ситуации, но не на осуществление эффективного контроля

над показателями производительности(как и в инструментальном обучении). При этом эмпирическая проверка и подтверждение результатов коммуницирования становятся менее важными, нежели в контексте инструментального обучения [6]. Трансформативное/эмансипаторское обучение, по мнению Дж. Мезирова, может осуществляться в пределах, установленных как инструментальным, так и коммуникативным контекстом обучения, будучи нацеленным на исправление искаженных представлений, доставшихся в наследство от предшествующих контекстов обучения, и на поиск альтернативных когнитивных и жизненных перспектив[6].

Понятия «инструментальное» и «коммуникативное» можно трактовать как взаимоисключающие либо как взаимодополняющие концепты. Столь разные интерпретации этих понятий можно обнаружить в теориях Ю. Хабермаса и М. Рокича. Если Ю. Хабермас подверг радикальной критике инструментальный стиль мышления и коммуницирования, то американский психолог М. Рокич (1918–1988) акцентировал возможность взаимодополнительности инструментальных/терминальных ценностей и жизненных позиций социальных акторов. Возможность столь разных трактовок объясняется различием в понимании самого понятия «инструментальный» или «инструментальность». Ю. Хабермас использует понятие «инструментальное действие» наряду с понятием «стратегическое действие», обращая внимание на тот факт, что первое из них уместнее использовать в несоциальном контексте (к примеру, анализируя манипуляции с неживыми объектами как с «инструментами»), а второе – в социальном (к примеру, рассматривая взаимоотношения между людьми в контексте схемы «цель – средство»). Как отмечают немецкие социологи Х. Йоас и В. Кнебль, «инструментальная модель действия расширяется до стратегической модели действия в том случае, если в расчеты шансов на успех со стороны действующего лица может быть включено ожидание решений по меньшей мере еще одного целенаправленно действующего актора. Эта модель действия часто получает утилитаристскую трактовку; в этом случае предполагается, что актер выбирает и рассчитывает средства и цели с точки зрения максимизации пользы или ожидаемой выгоды» [3, р. 211]. Если

инструментальное и стратегическое действие нацелены на достижение успеха и выгоды, то коммуникативное действие – на достижение взаимопонимания между социальными акторами, свободно вступившими в пространство со-действия и диалога, поэтому оно по своей сути всегда является социальным и не-телеологическим. «Коммуникативное действие не является телеологическим, т. е. оно не направлено на какую-то заранее установленную цель.... Хабермас в качестве антитезы инструментальному и стратегическому действию противопоставляет коммуникативное действие. Это действие, которое изначально и неизбежно предполагает в качестве предпосылки других, способных к аргументации акторов и одновременно не является телеологическим» [3, р. 212].

Анализируя различные социальные ситуации, Ю. Хабермас предпочитает использовать формулу *versus*: инструментальное *versus* коммуникативное действие, при этом понятие инструментальности чаще всего используется им с негативными коннотатами утилитарности, расчетливости, непрозрачности взаимоотношений между социальными акторами. В то же самое время Ю. Хабермас допускал и более «мягкие» интерпретации инструментальных акций в социальном контексте, которые позже были концептуализированы Р. Янгом, Д. Качуром и С. Мидемой. По мнению Р. Янга, в учебной аудитории вполне возможно совмещение коммуницирования с использованием учителем инструментально-технических практик с целью достижение определенного учебного эффекта: «учитель может манипулировать дискуссией, чтобы сделать урок более понятным ученикам» [8, р. 99]. Аналогичным образом, Д. Качур предпочитает трактовать педагогическое действие в учебной аудитории как диалектическое единство коммуникативного и инструментального/стратегического действия, обращая внимание на то, что «координация стратегических действий как может, так и не может требовать коммуникативного действия» [4, р. 278].

В отличие от Ю. Хабермаса, М. Рокич использует термин «инструментальность» в несколько ином, позитивном смысле, акцентируя значение «инструмент», средство (tools). В этом контексте инструментальные ценности – это ценности-средства (к примеру,

ответственность, независимость, образованность), с помощью которых можно достичь определенных ценностей-целей (к примеру, счастья, любви, свободы, общественного признания, счастливой семейной жизни и т. д.) [7]. Если принять подобное значение понятия «инструментальность», то необходимо будет признать его смысловую связь с концептом «достижительность» и, как следствие, предположить, что хабермасовская критика инструментального действия автоматически предполагает критику достижительных мотивов поведения человека. В научной литературе можно встретить предположение, что нейтрализация социального инструментализма должна коррелировать с формированием общества недостижительных личностей, лишенных инструментальных навыков и целерациональных амбиций. Однако подобное замечание можно поддержать лишь в концептуальном поле теории М. Рокича. Если же иметь в виду содержательный анализ инструментального действия Ю. Хабермаса, в котором основную смысловую нагрузку выполняют не понятия достижительности и целеустремленности, а утилитарности и недоверительности, то можно будет предположить, что инструментализм в понимании Ю. Хабермаса соотносится лишь с определенной модификацией достижительности – эгоистически-расчетливой, лишенной интереса к достижительным проектам других социальных акторов, и в этом смысле – асоциальной. Напротив, коммуникативное действие, лишенное инструментальных коннотаций, предполагает (а не исключает) достижительность особого рода, – нацеленность на достижение взаимопонимания, достижение самореализации в контексте диалога с Другими, достижение со-творчества и со-трудничества с Другими, лишенное эгоистической заботы лишь о личном становлении и собственном успехе.

Рецепция теории коммуникативного и инструментального действия Ю. Хабермаса в ситуации анализа современной образовательной ситуации может помочь по-новому оценить некоторые болезненные проблемы, с которыми сталкиваются агенты системы образования и установить определенные взаимосвязи между трансформационными процессами в сфере образования. В то же самое время следует указать и на некоторые сложности, возникающие в процессе

адаптации теории Ю. Хабермаса в ситуации осмысления образовательной тематики. В современной философии и социологии проблематизируется тезис Ю. Хабермаса о *согласии* как финальной цели неискаженной коммуникации между социальными акторами. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар (1924-1998), один из наиболее известных критиков Ю. Хабермаса, полагает, что «мы считаем неосмотрительным и даже невозможным ориентировать разработку проблемы легитимации в направлении поиска универсального консенсуса, как это делает Хабермас, или того, что он называет *Diskurs*, т. е. диалог аргументации. В действительности это предполагает две вещи. Во-первых, говорящие могут прийти к соглашению по поводу правил или метапрескрипций универсально применимых для всех языковых игр, хотя совершенно очевидно, что эти игры гетероморфны и подразумевают гетерогенные прагматические правила. Во-вторых, предполагается, что целью диалога является консенсус. Но, анализируя научную прагматику мы показали, что консенсус — это лишь одно из состояний дискуссии, а не ее конец. Концом ее скорее является паралогия. ... Консенсус стал устарелой ценностью, он подозрителен. Но справедливость к таким не относится. Следовательно, нужно идти к идее и практике справедливости, которая не была бы привязана к консенсусу» [5, с. 156–157]. Столь резкую критику концепции согласия Ю. Хабермаса можно поддержать лишь отчасти: действительно, сложно представить такой коммуникативный контекст, в котором коммуниканты стремились бы во что бы то ни стало прийти к единому мнению, идейному консенсусу, подавляя сомнения и отказываясь от собственных позиций, противоречащих итоговому консенсусу. Каждый участник коммуникации, действуя в определенном языковом и идейном поле, стремится раскрыть *свое* понимание конкретных смысловых ситуаций, не нанося ущерба интеллектуальному капиталу собеседника. С другой стороны, можно предположить более сложный контекст мысли Ю. Хабермаса, который говорил о мета-согласии – согласии коммуникантов слышать и слушать друг друга, не пресекая и не обрывая идейных самопроявлений друг друга; согласии на со-присутствие и интеллектуальное со-действие в общем коммуникативном пространстве;

согласие на признание интеллектуального достоинства друг друга, исключающего взаимные оскорбления; согласие быть разными и мыслить по-разному. Стремление к согласию необязательно предполагает формулировку единственно правильного вывода в финале дискуссии, снимающего и преодолевающего множество других интерпретаций обсуждаемой ситуации; коммуникативное мета-согласие не исключает гетерогенности и множественности концептуальных позиций собеседников, создавая поле сосуществования и сопряжения различных идей.

Список литературы/References

1. Habermas J. Knowledge and Human Interests: a General Perspective // Knowledge and Human Interests. – Cambridge: Polity, 1987. – Pp. 301–317
2. Habermas, critical theory and education / edited by Mark Murphy and Ted Fleming. – New York : Routledge, 2009. – 216 p.
3. Joas H. Social Theory. Twenty Introductory Lectures // Hans Joas, Wolfgang Knübl. [Translated by Alex Skinner]– Cambridge University Press, 2009. – 600 p.
4. Kachur J. Habermas's «Theory of Communicative Action» and Siebren Miedema. Part Two: An Ideology Critique of Intellectual Appropriation // Interchange 29.3. – 1998. – Pp. 275-285
5. Lyotard J-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / Jean-Francois Lyotard [Tanslation from the French by Geoff Bennington and Brian Massumi Foreword by Fredric Jameson] Manchester University Press, 1984. – 110p.
6. Mezirow J. How Critical Reflection triggers Transformative Learning // Fostering critical reflection in adulthood. A Guide to Transformative and Emancipatory Learning San Francisco. – Jossey-Bass Publishers, 1991. – P. 1–20. URL: <http://www.ln.edu.hk/osl/conference2011/output/breakout/4.4%20%5Bre%5DHow%20Critical%20Reflection%20triggers%20Transformative%20Learning%20-%20Mezirow.pdf>
7. Rokeach M. The Nature of Human Values. – Free Press, 1973. – 438 p.
8. Young R. A Critical Theory of Education: Habermas and our Children's Future. – New York: Harvester Wheat-Sheaf, 1989.

УДК 376.1-053.88

*О. Л. Войно-Данчишина***ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЮДЕЙ
ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА
(опыт Народной украинской академии)**

Аннотация. В статье анализируются предпосылки актуализации образования людей третьего возраста в мире и в Украине, а также основные проблемы, связанные с недостаточным вниманием, которое уделяется государством дополнительному образованию взрослых. Обобщается семилетний опыт Народной украинской академии по организации программ для пожилых людей, которые стали логичной и неотъемлемой частью комплекса непрерывного образования. Автором рассматриваются основные методы обучения людей третьего возраста, содержание основных направлений их образования и кадровое обеспечение учебного процесса. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития данного образовательного направления и его нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: дополнительное образование взрослых, обучение пожилых людей, неформальное обучение, непрерывное образование

Войно-Данчишина О. Л. Особливості освіти людей третього віку (досвід Народної української академії)

Анотація. У статті аналізуються передумови актуалізації освіти людей третього віку в світі і в Україні, а також основні проблеми, пов'язані з недостатньою увагою, яка приділяється державою додаткової освіти дорослих. Узагальнюється семирічний досвід Народної української академії з організації програм для літніх людей, які стали логічною і невід'ємною частиною комплексу безперервної освіти. Автором розглядаються основні методи навчання людей третього віку, зміст основних напрямків їх освіти і кадрове забезпечення навчального процесу. Робиться висновок про необхідність подальшого розвитку даного освітнього спрямування і його нормативно-правового регулювання.

Ключові слова: додаткова освіта дорослих, навчання людей похилого віку, неформальне навчання, безперервна освіта

Voiono-Danchishina O. L. Features of the adult education (experience of the People's Ukrainian Academy)

Annotation. The article analyzes the conditions of actualization of education

of the adult people around the world and in Ukraine, and the main problems related to the insufficient attention of the state to the additional adult education. We generalize a seven-year experience of the People's Ukrainian Academy of organizing programs for the elderly who have become a logical and integral part of the development of Life long education. The author considers the main methods of teaching the people in the third age, the content of the main directions of their education and staffing of the educational process. The author concludes that there is the necessity of further development of this educational direction and its legal regulation.

Key words: additional adult education, teaching of older people, non-formal education, life long education

Все большую популярность в современном мире приобретает дополнительное образование взрослых. Это образовательное направление интенсивно развивается как у нас в стране, так и за рубежом, что вызвано, в первую очередь, демографическими изменениями в современном обществе. Исследователи отмечают общую для всех стран тенденцию старения населения, что происходит в результате объективного процесса повышения продолжительности жизни и падения рождаемости. И по прогнозам ученых к 2050 году людей старше 60 лет будет 31% населения (сейчас 11,5%) [7]. В этой связи особую актуальность приобретает дополнительное образование такой возрастной категории как пожилые люди или люди третьего возраста, которые находятся в предпенсионном возрасте или на пенсии.

Пожилым людям зачастую сложно приспособиться к изменениям, происходящим в мире, они оказываются в информационном вакууме и нередко, их несовременность вызывает насмешки у молодого поколения. В результате пожилой человек чувствует себя не востребованным, изолированным и не может смириться с новыми жизненными обстоятельствами. По этим причинам образование в третьем возрасте является главным путем сохранения способности этой возрастной категории к социальной адаптации и интеграции в общество. Право на образование, являясь одним из основных прав человека, не должно быть ограничено по возрасту, предполагает его непрерывность и возможность продолжения в пожилом возрасте и является обязательным условием для создания и сохранения личного, социального и эконо-

мического благосостояния [4]. Ученые установили тесную связь между уровнем образования и продолжительностью жизни.

Страны мира по-разному подходят к вопросам сбалансированности приоритетов в сфере образования взрослых, но все они едины в том, что эффективно противостоять всем вызовам возможно, только если обучение взрослых займет центральное место в политике и станет сквозной программой действий [4]. Идеальным вариантом считается система обучения на протяжении всей жизни, опирающаяся на гибкий механизм сертификации и аккредитации всех форм обучения, причем особое внимание следует уделять неформальному и информальному обучению, а также обучению на основе опыта.

В Народной украинской академии программа обучения людей третьего возраста, начатая в 2009 году, логично вписалась в функционирующий комплекс непрерывного образования, в котором изначально была заложена идея обучения пожилых людей в рамках последипломного образования. Оно не ориентировано на получение новой профессии, а имеет своей главной целью общение, развитие личности, сохранение активной жизненной позиции, овладение актуальными навыками, социальная адаптация.

Данному вопросу посвящено значительное количество публикаций и исследований с точки зрения геронтологии и андрологии и с позиций имеющегося опыта образования людей пожилого возраста с соответствующими методиками обучения [2; 3, с. 337–347; 5]. По проблемам образования взрослых проводятся научно-практические конференции [4]. Нормативно-правовые документы по этому вопросу приняты в основном на международном уровне [1].

Основной проблемой образования людей третьего возраста в нашей стране является даже не отсутствие опыта работы с такой аудиторией или наработанных методик, а невозможность самих пенсионеров оплачивать обучение. Важным вопросом является то, что сектор обучения взрослых людей носит фрагментарный характер и находится на «обочине» образовательной государственной политики [4]. Причем указанная проблема характерна не только для нашей страны. Размер средств, выделяемых в бюджетах разных государствах мира, колеблется от 0,01% (в развивающихся странах)

до 1%, что, по мнению специалистов, является недостаточным и должен доходить до 6% [там же]. В такой ситуации необходимо привлечение дополнительных ресурсов, как например, средств бизнеса, местных органов власти, общественных и благотворительных организаций, не снимая при этом ответственности с государства в финансировании обучения людей третьего возраста.

Опыт Народной украинской академии в этом направлении может быть определенным ориентиром. Возникновение идеи создания школы для людей третьего возраста («Школа 50+») столкнулось с необходимостью поиска источников финансирования. Причем это была первая в Украине программа обучения для пожилых людей (август 2009 г.) [3]. Постоянным и надежным партнером НУА стал Харьковский городской совет (Департамент труда и социальных вопросов) (сотрудничество ежегодно продолжается и до нынешнего времени – прим.авт.). В дальнейшем донорами программы выступали международные и украинские благотворительные фонды на грантовой основе. 2010/11 годы – Немецкий фонд «Память, ответственность, будущее» и Украинский благотворительный фонд «Забота о пожилых в Украине»; 2014 год – Международный благотворительный фонд Хороших дел; 2016 год – Общественная организация «ЗС: Общество осознанного общения», Британский Совет и Международный благотворительный фонд «Украинский женский фонд».

С содержательной точки зрения для Школы 50+ была выбрана комплексная программа, предполагающая обучение пожилых людей по нескольким направлениям сразу (не ограничиваясь только одним). Среди них: психология построения будущего в третьем возрасте; современные методы сохранения и продления жизни; совершенствование навыков работы с современной техникой (телефон, компьютер); основы правовых знаний (наследственное право, пенсионное законодательство); английский язык. Такой подход представляется более системным и результативным. Пожилые люди не только получают определенные современные навыки, но и имеют возможность психологически осмыслить свой новый статус, увидеть жизненные перспективы и получить стимулы к дальнейшему развитию.

Ведущим методом работы с людьми третьего возраста является

индивидуальный подход, что обусловлено разнообразием интересов и личных проблем пожилых людей. Образование пожилых людей не направлено на получение новой профессии, а нацелено на самообразование и самосовершенствование.

Обеспечение кадрами программ для пожилых людей в Народной украинской академии осуществляется за счет внутренних резервов. Преподаватели НУА в рамках комплекса непрерывного образования работали с представителями разных возрастных категорий, однако специальной подготовки для обучения людей третьего возраста не проходили, приобретая такой опыт на практике.

Большим плюсом является создание условий для совместной деятельности и времяпровождения пожилых слушателей и молодежи. Это достигается благодаря участию в общеакадемических мероприятиях (концерты, экскурсии, спектакли) и волонтерской помощи студентов во время обучения людей третьего возраста (например, работе с компьютерной техникой или во время психологических тренингов). Такой подход способствует налаживанию диалога между поколениями, воспитанию толерантности.

По итогам всех программ Школы 50+ осуществляется мониторинг их результативности, оценивается как эффективность обучения, так и степень влияния участия в программе на качество жизни и мировосприятие слушателей. Заметно улучшается психоэмоциональное состояние пожилых людей, уменьшается ощущение изолированности от общества, повышается активность, расширяются социальные связи. Овладев современными навыками, слушатели программ повышают свой социальный статус и осознают новые возможности. Появление в учебном процессе рядом со студенческой и школьной молодежью людей третьего возраста способствует изменению отношения к пожилым людям вопреки негативным стереотипам, распространившимся за последние десятилетия в обществе. Главный критерий образования в третьем возрасте — это изменение качества жизни. Оно выражается в появлении отчетливого ощущения удовлетворения от общения и совместной деятельности.

В целом, в Украине система образования пожилых людей, к сожалению, пока ещё недостаточно развита и ей не уделяется должное

внимание со стороны государства. Однако с каждым годом растет понимание важности роли представителей старшего поколения в обществе, увеличивается количество организаций, которые занимаются их обучением и адаптацией. Существенной проблемой образования взрослых является отсутствие нормативно-правового регулирования данного направления. Общественные организации неоднократно инициировали внесение в Закон Украины «Об образовании» раздела «Образование взрослых», где оговаривалось бы и направление обучения людей третьего возраста. Действие Закона должно быть подкреплено другими нормативно-правовыми документами, обеспечивающими успешное функционирование системы образования взрослых.

Список литературы

1. Глобальный доклад об обучении и образовании взрослых призывает страны инвестировать в обучение на протяжении всей жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/director-general/singleviewdg/news/global_report_on_adult_learning_and_education_calls_on_count/#.WBhhytSLTDc. – Загл. с экрана.
2. Дополнительное образование взрослых за рубежом: университет третьего возраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mojuniver.net/dopolnitelnoe-obrazovanie-vzroslyx-za-rubezhom-universitet-tretego-vozrasta/>. – Загл. с экрана.
3. Дорогу осилит идущий... : монография / Нар. укр. акад. ; редкол.: Е. В. Астахова, В. И. Астахова, Е. В. Батаева [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2015. – 646 с.
4. Жить и учиться ради благополучного будущего: важность образования взрослых : Междунар. конф. по образованию взрослых, 2009, Бразилия, Белен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/INSTITUTES/UII/confintea/pdf/working_documents/confinteavi_annotated_agenda_ru.pdf. – Загл. с экрана.
5. Калмыкова О. Ю. Формирование стресскомпетентности как метод совершенствования социального взаимодействия людей третьего возраста [Электронный ресурс] / О. Ю. Калмыкова, Г. П. Гагаринская, Ю. Н. Горбунова // Интернет-журнал «Науковедение». – Том 7. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=vol7-2>. – Загл. с экрана.
6. Кошарная Г. Б. Особенности обучения пожилых людей [Электронный

ресурс] / Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина // Интеграция образования. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obucheniya-pozhilyh-lyudey>. – Загл. с экрана.

7. Учиться не поздно в любом возрасте [Электронный ресурс] // Профессиональное Интернет-издание «Психологическая газета». – Режим доступа : <http://psy.su/feed/3887/>. – Загл. с экрана.

References

1. Global'nyj doklad ob obuchenii i obrazovanii vzroslyh prizyvaet strany investirovat' v obuchenie na protyazhenii vsej zhizni [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/director-general/singleviewdg/news/global_report_on_adult_learning_and_education_calls_on_count#.WBhhytSLTDc.

2. Dopolnitel'noe obrazovanie vzroslyh za rubezhom: universitet tret'ego vozrasta [Electronic resource]. – Mode of access: <http://moyuniver.net/dopolnitelnoe-obrazovanie-vzroslyx-za-rubezhom-universitet-tretego-vozrasta/>.

3. Dorogu osilit idushchij... : monografiya / Nar. ukr. akad. ; redkol.: E. V. Astahova, V. I. Astahova, E. V. Bataeva [i dr.] ; pod obshch. red. E. V. Astahovoj. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2015. – 646 s. – S. 337-347;

4. Zhit' i uchit'sya radi blagopoluchnogo budushchego: vazhnost' obrazovaniya vzroslyh. Mezhdunar.konf. po obrazovaniiyu vzroslyh, 2009, Braziliya, Belen [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/INSTITUTES/UIIL/confintea/pdf/working_documents/confinteavi_annotated_agenda_ru.pdf.

5. Kalmykova O. YU. Formirovanie stresskompetentnosti kak metod sovershenstvovaniya social'nogo vzaimodejstviya lyudej tret'ego vozrasta [Electronic resource] / O. YU. Kalmykova, G. P. Gagarinskaya, YU. N. Gorbunova // Internet-zhurnal «Naukovedenie». – Tom 7. – 2015. – №2. – Mode of access: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=vol7-2>.

6. Kosharnaya G. B., SHCHanina E. V. Osobennosti obucheniya pozhilyh lyudej [Electronic resource] / G. B. Kosharnaya, E. V. SHCHanina // Integraciya obrazovaniya. – 2013. – № 4. – Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obucheniya-pozhilyh-lyudey>.

7. Uchit'sya ne pozдно v lyubom vozraste [Electronic resource] / Professional'noe Internet-izdanie «Psihologicheskaya gazeta». – Mode of access : <http://psy.su/feed/3887/>.

Н. П. Гога

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье анализируется структура учебного процесса, а также место педагога как непосредственного субъекта всех его составляющих, понятие и проблемы индивидуализации обучения (факторы различного уровня, которые оказывают на него влияние). Выделяются индивидуальные психологические характеристики, которые должны быть учтены педагогом при взаимодействии с учащимися, такие, как типы восприятия информации, различные когнитивные стили деятельности и особенности их влияния на поведение и усвоение информации, типы ощущения времени. Рассматриваются затруднения в процессе обучения и типичные отклонения в поведении учащихся и правила взаимодействия педагогов с ними. Предложены рекомендации, направленные на улучшение проведения качества учебных занятий и нормализацию психологического климата в школе и высшем учебном заведении.

Ключевые слова: учащийся, педагог, учебный процесс, индивидуализация обучения, восприятие информации, когнитивный стиль, поведенческие отклонения.

Гога Н. П. Психологічні аспекти взаємодії суб'єктів навчального процесу

Анотація. У статті аналізується структура навчального процесу, а також місце педагога як безпосереднього суб'єкта всіх його складових, поняття і проблеми індивідуалізації навчання (фактори різного рівня, які чинять на нього вплив). Виділяються індивідуальні психологічні характеристики, які повинні бути враховані педагогом при взаємодії з учнями, такі, як типи сприйняття інформації, різні когнітивні стилі діяльності та особливості їх впливу на поведінку і засвоєння інформації, типи відчуття часу. Розглядаються труднощі в процесі навчання і типові відхилення в поведінці учнів і правила взаємодії педагогів з ними. Запропоновано рекомендації, спрямовані на поліпшення проведення якості навчальних занять і нормалізацію психологічного клімату в школі та вищому навчальному закладі.

Ключові слова: учень, педагог, навчальний процес, індивідуалізація навчання, сприйняття інформації, когнітивний стиль, поведінкові відхилення.

Hoha N. Psychological aspects of interaction of subjects of educational process

Annotation. The article analyzes the structure of the educational process and the place of the teacher as a direct subject of all its components, the concept and problem of individualization of learning (factors at different levels that influence it). Stand out individual psychological characteristics that must be taken into account by the teacher when interacting with students, such as the types of perception of information, different cognitive styles activities and their influence on the behavior and assimilation of information, types of sense of time. Discusses difficulties in the learning process and typical deviations in the behavior of students and the rules of interaction of the teachers with them. Proposed recommendations to improve the conduct of quality training sessions and the normalization of psychological climate in school and higher education.

Keywords: pupil, teacher, educational process, training individualization, perception of information, cognitive style, behavioral deviations.

Современная система образования находится в состоянии постоянного изменения, причем изменения касаются как внешних параметров (система оценивания, требования к документации, структурные изменения), так и внутренних (прежде всего личностные изменения субъектов образовательного процесса).

Управление учебным процессом состоит из 5-х блоков [1; 9]: 1. организация и планирование учебного процесса; 2. управление качеством учебного процесса; 3. контроль за качеством процесса (качество профессорско-преподавательского состава, профессиональных образовательных программ, обеспеченность информационно-образовательной среды, качество абитуриентов как конечного результата образовательного процесса, качество управления); 4. автоматизация взаимодействия в информационном управлении инновационным образовательным процессом, активно развивающееся направление в рамках современных вызовов рынка труда и увеличение количества студентов, которые переходят на индивидуальное или дистанционное обучение. Каждый из указанных блоков актуален для изучения. Однако для рассматриваемых нами вопросов наибольшую значимость имеет 5 блок: управление психолого-педагогическим сопровождением учебного процесса.

Педагог является непосредственным субъектом всех вышеуказанных составляющих образовательного процесса: он должен в соответствии с учебным планом составить программу, разработать занятие, провести оценку знаний, периодически повышать свой уровень, производить замеры знаний и т. д. Однако в педагогическом опыте даже квалифицированного преподавателя бывали занятия, когда ситуация начинала выходить из-под контроля и требовала гибкости и понимания происходящего. Одним из ответов на вызов ситуации являлся учет личностных особенностей студентов.

Изучением различных проблем взаимодействия в учебном процессе занимались Аругтюнян М. Ю., Боровая Т. А., Васильева З. Н., Вербицкий А. А., Гончар А. В., Горшкова В. В., Грехнев В. С., Давыдов В. В., Здравомыслова О. М., Зимняя И. А., Кан-Калик В. А., Леонтьев А. А., Тихонова М. Ю., Шурыгина И. И., Радионова Н. Ф., Седова Н. В., Смирнова Г. А., Щукина Г. И. и др.

Целью нашего исследования, является анализ различных психологических особенностей взаимодействия между учащимся (студентом и школьником) и педагогом (учителем и преподавателем).

Способность к педагогическому взаимодействию означает универсальную особенность педагога, характерную для выполнения его функций в педагогическом процессе, оказывать влияние на других людей в совместной деятельности зависит возможность достигнуть желаемых результатов, комфортность педагогического процесса.

Несмотря на большое количество развивающих методик, подходов, тренинговых упражнений, открытость исследований и доступ к мировым наработкам классические программы направлены на «среднего» ученика или студента, что, очевидно, снижает, в том числе и уровень будущей профессиональной подготовки. Кроме того, одной из существенных проблем процесса обучения является то, что редко когда представления об индивидуализации совпадают у всех его субъектов (школьников, студентов, учителей, преподавателей, администрации, родителей).

Классическим определением «индивидуализации обучения» является следующее – это организация учебного процесса, при которой учитываются индивидуальные особенности учащихся;

позволяет создать условия для реализации потенциальных возможностей каждого учащегося [11].

В целом, анализ проблемы индивидуализации обучения требует рассмотрения следующих групп факторов:

- 1) макрофакторы (социальные) предполагают изменения:
 - в системе образования (преимущество среднего и высшего звеньев образования);
 - структура подготовки педагогических кадров;
 - увеличение доли дистанционного образования.
- 2) к микрофакторам (психолого-педагогическим) можно отнести:
 - изменения психологических характеристик личности (особенности когнитивных процессов, когнитивных стилей);
 - особенности характера и темперамента и т. д.);
 - вопросы одаренности личности (параметры одаренности и их проявление, понятие «истинной» и «мнимой» одаренности) и многие другие;
 - особенности сознательного формирования личностных качеств, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

Наиболее известными и исследуемыми в отечественной и зарубежной педагогике и психологии являются следующие индивидуальные различия:

1. ведущий тип восприятия информации (аудиалы, визуалы, кинестетики, дислектики) [2]. Наиболее ярко различия проявляются при работе с аудиовизуальными носителями, например, с презентациями. Для учащихся-аудиалов презентация бесполезна, для визуалов – необходима, кинестетикам больше подойдут модели, макеты, деловые игры, а схемы и графики – дислектикам.

2. особенности когнитивных стилей личности как показателей индивидуальных различий в познавательной сфере личности [4; 7]:

2.1. полезависимость/полenezависимость (влияние внешнего информационного поля на принятие человеком решений). Учащиеся с полезависимостью в процессе обучения больше зависят от отрицательного внешнего подкрепления, с полenezависимостью – больше зависят от внутренней мотивации. В целом академическая успеваемость выше полenezависимых, так как они более склонны

выбирать наиболее рациональные стратегии запоминания и воспроизведения материала, у них ярче происходит генерализация и перенос знаний.

2.2. импульсивность/рефлексивность (данный параметр проявляется в стабильной тенденции субъекта обнаруживать в ситуациях с высокой неопределенностью медленную реакцию, развернутый детальный анализ ситуации перед принятием решения и аналитически более подготовленный ответ (рефлексивные) либо быструю реакцию при меньшей степени исследования стимульного поля, менее аналитически подготовленный ответ и, следовательно, большое число ошибок (импульсивные)). Следовательно, в ситуации прохождения учебных тестов преподаватель должен контролировать скорость выполнения их импульсивными студентами.

2.3. ригидность/адаптивность (предполагает определенную затрудненность в изменении намеченной субъектом программы деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки). Выделяют когнитивную, аффективную и мотивационную ригидность. Когнитивная ригидность обнаруживается в трудностях перестройки восприятия и представлений в изменившейся ситуации, адаптивность противоположное качество, развитие которого является основой и будущего профессионального успеха.

2.4. аналитичность/синтетичность и т. д. (учащиеся с аналитичностью показывают низкий уровень продуцирования оригинальных идей, менее высокие показатели учебной успеваемости, темпа обучаемости, произвольного и произвольного запоминания, они более ригидны и тревожны; учащиеся с синтетичностью демонстрируют более высокими показателями учебной успеваемости, темпа обучаемости, произвольного и произвольного запоминания, характеризуются высокой оригинальностью продуцируемых идей; часто они интеллектуальные лидеры в своей учебной группе).

3. личностные особенности восприятия времени, которые могут быть связанные с когнитивными способностями к выполнению различных учебных заданий, усвоению информации [5]. Выделяют: 1. оптимальный тип, который успешно справляется с любыми временными задачами, но, к сожалению, процент таких учащихся

невелик (5–10%); 2. дефіцитний тип, у якого все строки сводятся к дефіциту времени, то есть суб'єктивно урівнює всі часові режими, но діє успішно, ці учасніє склонні виконувати всі завдання «в останню хвилину», їх околo 70%. 3. спокійний тип учасніє, який іспитує труднощі в режимі дефіциту времени или ограниченного срока, а в остальных режимах діє успішно. Учасніє цього типу цілесобразно заранеє повідомити о предстоящем заранеє, їх околo 10%. 4. исполнительский тип учасніє успішно працює во всіх режимах с внешне заданным сроком. 5. тривожний тип учасніє успішно діє в оптимальному строке, непогано працює при избытке времени, но всячески избегает его дефіцита, что и отражается в конфликтном характере его переживания времени. Понимание восприятие своего времени учасніє, позволяет преподавателей индивидуализировать процесс распределения заданий и систематизировать контроль за их выполнением.

Однако, кроме, психологических особенностей, которые оказывают влияние на учебный процесс, выделяют общие поведенческие отклонения.

Кан-Калик В. А., Маркова А. К. отмечали, что затруднения в обучающей деятельности могут быть вызваны, во-первых, тем, что один используемый способ никак не связан с другими; во-вторых, учитель использует несколько способов, не связанных между собой; в-третьих, применяемый метод обучения не соответствует возможностям обучающихся; в-четвертых, он не соответствует индивидуально-психологическим особенностям учителя (например, если активный, импульсивный, контактный учитель-экстраверт использует метод алгоритмизированного, пошагового контроля или если глубокий интроверт проводит деловую игру в форме блиц-решения) [6; 8].

Трудности воспитательного воздействия заключаются, прежде всего, в преодолении сложности сочетания: роли учителя и партнера общения; ненавязчивости, недирективности советов и умения «быть нужным» советчиком.

Выделяют следующие типичные отклонения в поведение учащихся

(причем все меньше зависящие от возраста) и рекомендованные модели поведения педагога с ними [3; 10]:

1. Гиперактивное поведение. Рекомендуется эмоционально поддерживать учащегося даже при попытках даже незначительного конструктивного поведения, избегать жесткой формулы «нет», давать одно задание в один промежуток времени, тренировать концентрацию внимания, не давать переутомляться, создавать условия для расходования избыточной энергии.

2. Демонстративное поведение у учащихся необходимо предупреждать, хорошо себя зарекомендовали переключение внимание, подключение других учащихся. Как правило, демонстративное поведение является проявлением заниженной или завышенной самооценки.

3. Агрессивное поведение, также как и демонстративное, необходимо предупреждать и переключать внимание учащегося. Необходимо четкое и логично обоснованное его осуждение со стороны преподавателя.

4. Инфантильное и комформное поведение учащихся является следствием несформированности в рамках интериоризации волевых процессов, главными направлениями его преодоления является формирование самостоятельности суждений и ответственности за свои поступки. Нарушая дисциплину, учащийся (школьник или студент) преследует одну из 4-х целей: привлечение внимания; борьба за власть; месть; избегание неудачи.

Таким образом, могут быть выделены общие правила поведения со школьниками и студентами, которые имеют отклонения в поведении: 1. Акцентировать внимание на поведение, а не на личности. 2. Использовать правило «здесь и теперь». 3. Избегать обобщения поведения, если это нет – «вот вечно...», «как обычно...». 4. Объяснять, почему его поведение неправильно. 5. Взаимодействие с родителями. В конечном итоге речь идет об индивидуализации отношения и процесса обучения.

На основании всего вышеизложенного, можно предложить следующие рекомендации, направленные на улучшение качества проведения учебных занятия и нормализацию психологического

климата в школі і в університеті: 1. в разі обмеження можливостей проведення психологічного аналізу використовувати в роботі творчий і емоційно-ціннісний стилі, які дозволять стимулювати студентів до пізнавальної діяльності і творчості, а також створити атмосферу співпраці і емпатії; 2. комбінувати різні методики проведення занять; 3. звертати увагу на проблеми з сприйняттям інформації у студентів, розділяючи психологічні і поведінкові особливості особистості. Більшість викладачів використовують різні методи і прийоми проведення лекційних, семінарських і практичних завдань, однак, знання психологічних особливостей, сприяють ефективності засвоєння знань і підвищення успішності школярів і студентів в цілому.

Список літератури

1. Борова Т. А. Теоретичні основи адаптивного управління професійним розвитком науково-педагогічних працівників вищого навчального закладу : [монографія] / Т. А. Борова. – Харків : Компанія СМІТ, 2011. – 384 с.
2. Вуймина И. Тест языковых способностей / И. Вуймина [Электронный ресурс] // Портал психологических online-тестов. Режим доступа: <http://psylingva.ru/test-tip-yazykovyh-sposobnostey>.
3. Гончар О. В. Педагогічна взаємодія учасників навчального процесу в системі вищої освіти України (історико-педагогічний аспект) : [монографія] / О. В. Гончар. – Харків : ХНАДУ, 2011. – 424 с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология. / И. А. Зимняя. – Москва : Университетская книга, 2009. – С. 305–365.
5. Калинин С. И. Тайм-менеджмент: Практикум по управлению временем / С. И. Калинин. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – С. 19–61.
6. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении / В.А. Кан-Калик – Москва : Просвещение, 1987. – С. 6–25.
7. Либин А. В. Дифференциальная психология / А. В. Либин. – Москва : Смысл, 2010. – С. 158–192.
8. Маркова А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. – Москва : Просвещение, 1993. – 192 с.
9. Симонов В. П. Педагогический менеджмент: Ноу-хау в образовании / В. П. Симонов. – Москва : Высшее образование, 2009. – С. 55–91.
10. Стоунс Э. Психопедагогика. Психологическая теория и практика обучения / Э. Стоунс – Москва : Педагогика, 2004. – 472 с.

11. Унт И. Э. Индивидуализация и дифференциация обучения / И. Э. Унт. – Москва : Педагогика, 1990. – 192 с.

References

1. Borova, T. A (2011). Teoretychni osnovy adaptivnogo upravlinnia profesijnym rozvytkom naukovo-pedagogichnyh pracivnykiv vyshhogo navchal'nogo zakladu: monografija [The theoretical framework of adaptive management of professional development of scientific and pedagogical workers of higher educational institutions: [monograph]. Kharkiv : Kompaniia [in Ukrainian].
2. Vuymina, I. Portal psikhologicheskikh online – testov. <http://psylingva.ru/test-tip-yazykovyh-sposobnostey>.
3. Gonchar, O. V. (2011). Pedagogichna vzajemodija uchasnykiv navchal'nogo procesu v systemi vyshhoi' osvity Ukrai'ny (istoryko-pedagogichnyj aspekt): monografiia [Pedagogical interaction of participants of educational process in higher education of Ukraine (historical and pedagogical aspect): [monograph]]. Kharkiv: HNADU [in Ukrainian].
4. Zimnyaya, I.A. (2009). Pedagogicheskaja psikhologija [Educational psychology]. Moscow: Universitetskaya kniga [in Russian].
5. Kalinin, S.I. (2006). Taym-menedzhment: Praktikum po upravleniju vremenem [Time management: a Workshop on time management]. Sankt Peterburg: Rech [in Russian].
6. Kan-Kalik, V.A. (1987) Uchitelju o pedagogicheskom obshhenii [The teacher about the pedagogical communication]. : Prosveshhenie [in Russian].
7. Libin, A.V. (2010) Differencial'naja psihologija [Differential psychology] : Smysl [in Russian].
8. Markova, A.K.(1993). Psihologija truda uchitelja [The psychology of the teacher]. Moscow: Prosveshhenie [in Russian].
9. Simonov, V.P. (2009). Pedagogicheskij menedzhment: Nou-hau v obrazovanii [Pedagogical management: Know-how in education]. Moscow: Vyshee obrazovanie [in Russian].
10. Stouns, Je. (2004). Psihopedagogika. Psihologicheskaja teoriia i praktika obuchenija [Psychopedagogy. Psychological theory and practice of teaching]/ Moscow: Pedagogika [in Russian].
11. Unt, I.Je. (1990). Individualizacija i differenciacija obuchenija [Individualization and differentiation of learning]. Moscow : Pedagogika [in Russian].

УДК 316.444.-057.87

К. Ю. Домбровская

ПОСТРОЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В статье освещена проблема воздействия трансформационных процессов на формирование профессиональных стратегий. Рассмотрены подходы к определению профессиональных стратегий и представлена авторская позиция. Отмечены характерные особенности современного трансформирующегося общества, оказывающие влияние на формирование профессиональных стратегий, среди них: процессы глобализации, современное общество как общество риска, тенденции, связанные с переходом к постиндустриальному обществу. Рассмотрены возможные изменения рынка труда как следствие усиления роли образования и знания. Проанализированы современные концепции построения профессиональных стратегий (концепция «изменчивой» карьеры и модель «дизайна жизни»), предложенные М. Савикасом. Выделены необходимые черты и характеристики профессиональных стратегий, детерминируемые трансформационными процессами, которые смогут обеспечить успешность профессионального становления молодежи.

Ключевые слова: профессиональные стратегии, трансформационные процессы, молодежь, профессиональное становление.

Домбровська К. Ю. Вибудовування професійних стратегій молоді в умовах соціальних трансформацій

Анотація. У статті виявлено вплив трансформаційних процесів на формування професійних стратегій. Розглянуто підходи до визначення професійних стратегій і представлена авторська позиція. Відзначені характерні особливості сучасного суспільства, що трансформується, які суттєво впливають на формування професійних стратегій, серед них: процеси глобалізації, сучасне суспільство як суспільство ризику, тенденції, пов'язані з переходом до постіндустриального суспільства. Розглянуто можливі зміни ринку праці, що є наслідком посилення значення освіти та знання. Проаналізовано сучасні концепції побудови професійних стратегій (концепція «мінливою» кар'єри і модель «дизайну життя»), запропоновані М. Савикасом. Виділені необхідні

риси та характеристики професійних стратегій, що детермінуються трансформаційними процесами, які зможуть забезпечити успішність професійного становлення молоді.

Ключові слова: професійні стратегії, трансформаційні процеси, молодь, професійне становлення.

Dombrovska Kseniia. Formation of the youth professional strategies in terms of social transformation

Annotation. The article presents the author's point of view on the impact of transformation processes on professional strategies formation and approaches to their determination. The author states the characteristics of a self-transforming modern society that has influence on the formation of professional strategies including globalization processes, modern society as a risk society, tendencies linked to the transformation to a postindustrial society. The author analyses possible changes on the labour market as the result of the education and knowledge significance strengthening as well as modern theories of professional strategies formation (the models of a "choppy" career and of "design of life") suggested by M. Savickas. The article reveals the necessary features and characteristics of professional strategies determined by transformational processes that can ensure professional formation of young people.

Key words: professional strategy, transformation processes, young people, professional development.

Современное украинское общество характеризуется качественными трансформациями, проявляющимися в изменении механизмов социального взаимодействия и возникновении новых структур, в том числе и в изменении социально-профессиональной структуры общества. К социальным трансформациям особенно чувствительна молодежь как наиболее мобильная и динамичная социальная группа. Проблема профессионального становления молодежи сохраняет свою актуальность, так как успешность данного процесса коррелирует с уровнем социального развития общества в целом. В таких условиях изучение феномена формирования профессиональных стратегий молодежи приобретает особую социальную значимость, так как именно успешность данного процесса обеспечивает оптимальный выбор профессии, адаптацию молодежи к рыночным отношениям

в профессиональной сфере, конкурентоспособность на рынке труда, социальную защищенность и карьерный рост.

Проблематика исследования процессов трансформации украинского общества в последние годы проходит сквозной линией в работах отечественных ученых. Особенности трансформаций в сфере труда и профессионального становления рассматривались такими украинскими социологами: В. Жуков, Т. Прохоренко, Л. Хижняк, В. Шульга и др.. Особенности социального развития и профессионального становления молодежи в условиях современного общества рассматриваются в работах Ю. Зубок, К. Чупрова. В рамках работ О. Балакиревой, О. Валькована, Л. Масич, О. Мраморновой, О. Олейник, В. Оникиенко, О. Рудюк, были выделены особенности положения молодежи в сфере занятости, социально-экономические противоречия вступления в профессиональную деятельность, с учетом специфики украинского рынка труда. Однако недостаточно разработанной является проблема определения воздействия трансформационных процессов современности на конструирование профессиональных стратегий молодежи.

Целью данной статьи является выделение характерных черт профессиональных стратегий, способствующих обеспечению успешности профессионального становления молодежи в условиях постоянных социальных трансформаций.

Профессиональные стратегии являются неотъемлемыми составляющими более общих жизненных стратегий. Впервые понятие «жизненная стратегия» было предложено известным психологом К. А. Альбухановой-Славской: «это способность соединять свои индивидуальные особенности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества, окружающих» [1, с. 27]. Также исследователь отмечает, что жизненный путь представляет собой не только раз и навсегда зафиксированную позицию, но и определенную жизненную линию, то есть реализацию своей позиции во времени, ее постепенное развертывание, расширение, укрепление.

В социологическом дискурсе под стратегией понимается «динамическая, саморегулирующаяся система социокультурных

представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени. Она предполагает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу» [2, с. 224]. Данное определение подчеркивает взаимосвязь выбранной профессиональной стратегии со всеми сферами жизнедеятельности личности, но упускает подверженность воздействия на нее внешних факторов.

С нашей точки зрения, профессиональные стратегии представляют собой серию последовательных выборов, совершаемых личностью, основанных на соотнесении своих возможностей и предпочтений с существующим на данный момент условиями окружающей социальной среды, а также тактическое реагирование на ее изменения. Таким образом, особенности формирования жизненной стратегии, профессиональных ориентаций молодежи во многом зависят от социальных факторов и трансформационных процессов современности.

Трансформационные процессы представляют собой преобразования форм и содержания общественной жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, менталитета и других социокультурных сторон социума, которые не имеют вектора изменений: они могут быть как более прогрессивными, так и регрессивными [3, с. 161]. Трансформация – это процесс приобретения обществом новых черт, которые отвечают требованиям времени.

Среди процессов социальной трансформации, детерминирующих профессиональное самоопределение молодежи и формирование ею профессиональных стратегий, в первую очередь, следует отметить процессы глобализации, которые охватывают весь мир и все социальные системы. Глобализация пронизывает все уровни социальной структуры и проникает во все социальные слои, которые перестают быть замкнутыми в себе; формирует сетевые структуры общения, поддержки и социального контроля. Все становится быстротечным, изменяющимся и приобретает переходный характер. [3, с. 81]. В рамках профессионального становления данные явления находят свое отражение в возможности существования невероятного

разнообразия профессиональных стратегий и в появлении возможности для личности выбора того или иного типа стратегий, так как географические и социальные ограничения в значительной мере снизились благодаря глобализационным процессам. В тоже время названные характерные особенности данных процессов определяют необходимость постоянной корректировки профессиональной стратегии на каждом этапе формирования, поиск новых сфер развития и обучения новым навыкам.

Быстрая изменчивость и «плюрализация рабочих миров и форм труда» позволяет говорить о современном обществе как об обществе риска, что серьезно влияет на профессиональную структуру, профессиональный выбор, адаптацию и самоопределение [4, с. 109]. При выборе профессии и конструировании своих профессиональных стратегий молодежь должна учитывать огромное количество возможных рисков, при этом зачастую не имея достаточного опыта для прогнозирования данных рисков. Профессиональные риски (риск утраты востребованности профессии, риск потери места работы, риск снижения личной профессиональной конкурентоспособности специалиста и другие) сохраняют свою актуальность на протяжении всей профессиональной деятельности.

Еще одной тенденцией современности является усиление роли образования и знания, которое по оценке Д. Белла, в «грядущем постиндустриальном обществе», где «революция в организации и обработке информации и знаний», имеющая «решающее значение для экономической и социальной жизни, способов производства знания и характера трудовой деятельности человека», изменит и облик, и характер, и содержание трудовой деятельности человека [5, с. 336]. По оценке П. Друкера, «образование как фактор продвижения в обществе оттеснило ныне и происхождение, и богатство, и таланты» [6, с. 207]. Данная тенденция влечет за собой изменение социальной структуры общества, в которой определяющую роль будет играть не «родовая» элита, а «элита знания» («в постиндустриальном обществе элита – это элита знающих людей»), непременным условием для вхождения в которую становится «знания и техническая компетент-

ность», а важнейшим инструментом продвижения – образование. По мнению М. Бехтеля [7], переход к информационному обществу будет сопровождаться формированием двух полярных классов работников. С одной стороны, мобильные, высококвалифицированные и хорошо оплачиваемые, занятые в сфере информации, а с другой стороны – те сотрудники, которые не могут адаптироваться к быстро-развивающимся технологиям, для которых будут характерны длительные периоды безработицы и работа вне сферы информации. Проявление данной тенденции можно отметить в оценке престижности профессий представленных на украинском рынке труда. В рейтинге наиболее высокооплачиваемых и востребованных профессий первые места занимают: инженер IT, программист, менеджер по продажам, маркетолог [8]. Такая расстановка оказывает влияние и на профессиональный выбор молодежи, что отображается в росте конкурса на поступление в вузах по данным направлениям подготовки.

В целом для трансформационных процессов современности характерны такие особенности: системность воздействия на общество в целом, нелинейность социальных процессов, широкий диапазон возможных вариантов поведения социальной системы. Сопутствующим явлением становится состояние неопределенности, которое существенно ограничивают возможности долгосрочного планирования молодежью своих жизненных планов и профессиональных стратегий. Это требует от них усиления гибкости социального поведения, постоянной корректировки жизненных стратегий как следствие изменения законов, по которым функционирует нестабильная социальная система [2, с. 90–91].

Многомерность трансформационных процессов одновременно и обостряет проблему формирования успешных профессиональных стратегий, а также задает определенные требования, выполнение которых обеспечивает успешность. Рассматривая процесс профессионального становления в условиях трансформирующегося общества в рамках теории социального конструктивизма, М. Савикас акцентирует внимание на том, что успешность профессиональной деятельности зависит от готовности специалиста к непрерывной

адаптации своих профессиональных стратегий к условиям изменяющейся социальной среды. Происходящие изменения стимулируют появление новых концепций «изменчивой» карьеры (в отличие от традиционных представлений о линейной, иерархической, предсказуемой, привязанной к организации карьере) [9]. Согласно данной теории, наиболее успешной стратегией, отвечающей вызовам современности, является концепция «дизайна жизни» (life designing), в рамках которой профессиональные стратегии выстраиваются во взаимосвязи с другими сферами жизни. Для достижения успеха в профессиональной деятельности работники должны на практике придерживаться направления «обучение в течение всей жизни» (life-long education), использовать сложные технологии, которые предполагают гибкость, а не стабильность, поддержание работоспособности и создание своих собственных возможностей.

С учетом вышеизложенного материала о влиянии трансформационных процессов на формирование профессиональных стратегий молодежи, в качестве характерных черт, обеспечивающих успешность профессиональной деятельности, можно выделить:

- адекватная оценка своих возможностей и способностей и соизмерение их с условиями внешней среды;
- сознательность выбора и активность молодого человека в построении своей профессиональной стратегии;
- гибкость и мобильность: готовность к смене места работы, места жительства или смены сферы деятельности;
- необходимость получения образования и постоянное пополнение знаний не только в узкой профессиональной направленности, но и как минимум в смежных сферах;
- постоянная корректировка профессиональной стратегии как следствие оценка возможных рисков в профессиональной деятельности;
- взаимосвязь конструируемой профессиональной стратегии с жизненной стратегией, соотношение ее со всеми сферами жизнедеятельности;
- ориентация профессиональной стратегии на становление как профессионала, что может обеспечить гибкость и более быструю

адаптацію при смене работы нежели ориентация на поступательное развитие карьеры в достижении руководящей должности.

Именно наличие таких характеристик позволяет оптимизировать процесс построения профессиональных стратегий и вхождения молодежи в профессиональную деятельность.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 158 с.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
3. Подольская Е. А. Управление социальными процессам : учебник для студентов высш. учеб. заведений / Е. А. Подольская; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2015. – 500 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс–Традиция, 2000. – 384 с.
5. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе / [Сост. и ред. П.С. Гуревич]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 330–342.
6. Друкер П. Постиндустриальное общество / П. Друкер ; [под ред. В. Л. Иноземцева] // Постиндустриальная волна на Западе: антология – М. : Академия, 1999. – С. 67-100.
7. Бехтель М. Будущее труда. Размышления, взгляды, перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Publikationen/Sozialpolitik/Datei_Arbeitsukunft,property=D.
8. Топ-20 самых востребованных в Украине специальностей [Электронный ресурс] / Сайт специализированного портала об образовании в Украине. – Режим доступа : <http://www.education.ua/articles/116/>.
9. Savickas Mark L. Life designing: a paradigm for career construction in 21st century / Mark L. Savickas, L. Nota, J. Rossier, Jean-Pierre Dauwalder, Maria Eduarda Duarte, Jean Guichard, S. Soresi, Raoul Van Esbroeck, Annelies E.M. van Vianen // Journal of Vocational Behavior. – Vol. 75. – 2009. – P. 239–250.

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A. Strategiya zhizni / K.A. Abul'hanova-Slavskaya. – М. : Mysl', 1991. – 158 s.
2. Uehbster F. Teorii informacionnogo obshchestva / F. Uehbster. – М. : Aspekt Press, 2004. – 400 s.

3. Podol'skaya E. A. Upravlenie social'nymi processam: Uchebnik dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenij / E. A. Podol'skaya; Nar. ukr. akad. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2015. – 500 s.
4. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / U. Bek. – M. : Progress–Tradiciya, 2000. – 384 s.
5. Bell D. Social'nye ramki informacionnogo obshchestva / D. Bell // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade / [Sost. i red. P.S. Gurevich]. – M. : Progress, 1986. – S. 330–342.
6. Druker P. Postindustrial'noe obshchestvo / P. Druker [Pod red. V.L. Inozemceva] // Postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya – M. : Akademiya, 1999. – S. 67-100.
7. Bekhtel M. Budushchee truda. Razmyshleniya, vzglyady, perspektivy [Electronic resource]. – Mode of access : www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Publikationen/S_ozialpolitik/Datei_Arbeitszukunft,property=D.
8. Top-20 samyh vostrebovannyh v Ukraine special'nostej [Electronic resource] / Sajt specializirovannogo portala ob obrazovanii v Ukraine. – Mode of access : <http://www.education.ua/articles/116/>.
9. Savickas Mark L. Life designing: a paradigm for career construction in 21st century / Mark L. Savickas, L. Nota, J. Rossier, Jean-Pierre Dauwalder, Maria Eduarda Duarte, Jean Guichard, S. Soresi, Raoul Van Esbroeck, Annelies E.M. van Vianen // Journal of Vocational Behavior. – Vol. 75. – 2009. – P. 239-250.

Ю. В. Єременко

СУТНІСТЬ ІНТЕГРАТИВНОГО ПІДХОДУ ДО ОСВІТИ ОБДАРОВАНИХ ДІТЕЙ

Анотація. Виявлено сутність інтегративного підходу до розвитку творчо обдарованих учнів, що передбачає: цілісність особистості школяра; єдність процесів розвитку, виховання і навчання; цілісність педагогічного впливу на обдаровану дитину; взаємозв'язок спадкових, соціальних і педагогічних факторів; взаємообумовленість теоретичної і практичної підготовки творчої людини; єдність освіти і самоосвіти, змістовної і процесуальної сторін навчання; взаємозалежність навчальної та позанавчальної діяльності. Виділені напрямки формування системи соціального супроводу талановитих дітей.

Ключові слова: інтегративний підхід, креативність, обдарований учень, обдарованість, освітнє середовище, психодидактичний підхід, соціальний супровід.

***Єременко Ю. В.* Сущность интегративного подхода к образованию одаренных детей**

Аннотация. Выявлена сущность интегративного подхода к развитию творчески одаренных учеников, предусматривающего: целостность личности школьника; единство процессов развития, воспитания и обучения; целостность педагогического влияния на одаренного ребенка; взаимосвязь наследственных, социальных и педагогических факторов; взаимообусловленность теоретической и практической подготовки творческого человека; единство образования и самообразования, содержательной и процессуальной сторон обучения; взаимозависимость учебной и внеучебной деятельности. Выделены направления формирования системы социального сопровождения одаренных детей.

Ключевые слова: интегративный подход, креативность, одаренный ученик, одаренность, образовательная среда, психодидактический подход, социальное сопровождение.

***Yeremenko J. V.* The essence of the integrative approach to the gifted students education**

Annotation. The essence of the integrative approach to the development of gifted students was revealed. It provided the integrity of the individual student;

the unity of the processes of development, education and training; integrity of pedagogical influence on the gifted child; interrelation of hereditary, social and pedagogical factors; interdependence of theoretical and practical training of a creative person; the unity of education and self-education, substantial and remedial parties of training; the interdependence of educational and extracurricular activities. The directions of formation of the system of social support for gifted children were distinguished.

Key words: integrative approach, creativity, a gifted student, talent, educational environment, psychodidactic approach, social support.

В сучасному світі швидка зміна техніки і технологій, інтелектуалізація праці, гуманізація та динамізм, притаманний суспільству зумовлюють зростання ролі обдарованої особистості з високим рівнем загальної та духовної культури, творця нових цінностей в соціумі. Особливої значущості набуває завдання пошуку ефективних способів навчання обдарованих дітей, створення умов для інтелектуального і особистісного зростання дітей і підлітків з ознаками загальної обдарованості у загальноосвітніх закладах різних типів. Такі завдання вирішуються за рахунок внесення змін у зміст, методи і організацію навчання в рамках основної освіти для обдарованих дітей або за допомогою додаткової освіти дітей. На перший план виходить необхідність реалізації потенційних можливостей школярів з урахуванням їх індивідуальних особливостей. Тому робота з обдарованими дітьми набуває все більшої актуальності.

Всебічному вивченню проблеми обдарованості, сутності даного поняття сприяли праці зарубіжних вчених: А. Біне, Дж. Гілфорда, Ч. Спірмена, Л. Торндайка, Л. Термена, В. Штерна та ін. Дитячій обдарованості, її видам, формам прояву, факторам, що впливають на її розвиток, присвячені праці Ю. Д. Бабаєвої, Н. С. Лейтеса, Т. М. Марютиної, М. С. Старчеус, В. С. Юркевич та ін. Наукові підходи до вирішення проблем освіти обдарованих учнів відображені у роботах Р. А. Литвак, О. А. Логінової, В. І. Панова, Є. А. Подольської, В. Д. Шадрикова, А. А. Ятайкіної та інших вчених. Однак, у сучасній літературі недостатньо досліджень, у яких дана тема висвітлюється цілісно, в основному розглядаються лише окремі аспекти формування і розвитку обдарованих дітей.

Мета статті – виявити сутність інтегративного підходу до розвитку творчо обдарованих учнів в освітньому середовищі.

Розуміння сутності обдарованості є надто важливим не тільки для виявлення дидактичних аспектів проблеми навчання і педагогічного супроводу обдарованих і здібних дітей, але й для побудови дидактичної системи, орієнтованої на розвиток людського потенціалу в цілому. Досліджуючи дитячу обдарованість, необхідно враховувати, що обдарована дитина – це дитина, яка розвивається інакше, що вимагає зміни усталених норм взаємовідносин в родині і в освітньому середовищі, інших навчальних програм, залучення до різних видів діяльності. Особливо важко помітити таку дитину, адекватно оцінити її специфічні риси і створити умови їх розвитку згідно потреб творчої самореалізації неординарної дитини на користь собі і суспільству.

З урахуванням рівнів обдарованості як психічної реальності акцент практичної роботи з обдарованим підлітками зміщується від діагностики обдарованості і розвитку явної або прихованої обдарованості до створення умов для її виявлення як системної якості психіки, що постійно розвивається, іншими словами – до створення такого розвиваючого освітнього середовища, яке б сприяло розкриттю і найбільш оптимальному виявленню творчої природи психіки даної дитини. На думку В. І. Слободчикова, поняття освітнього середовища потрібно визначати не тільки суто організаційною, але також і управлінською позицією. Це завдання він пояснює тим, що специфічною властивістю освітнього середовища є його насиченість різного роду освітніми ресурсами, а організаційно-управлінська діяльність якраз і формує, збагачує і розподіляє ці ресурси [5]. Тому ми, підтримуючи позицію, цього дослідника, розглядаємо створення освітнього середовища як особливе, нетрадиційне завдання, сутність якого – перетворення наявного соціокультурного змісту у засіб і зміст освіти, тобто власне в освітнє середовище. Обов'язковою умовою створення освітнього середовища є вибудовування певних зв'язків і відносин між окремими інститутами, програмами, суб'єктами освіти, різними видами освітньої діяльності. Саме таке розуміння освітнього середовища дає можливість виділяти і досліджувати його соціальний аспект.

Існує два *підходи* до проблеми виявлення і розвитку обдарованості. Перший підхід передбачає роботу зі спеціально відібраними учнями, що характеризуються вже розвинутими підвищеними здібностями («елітою»). Зкладами елітної загальної освіти вважаються ті, де навчаються інтелектуально обдаровані діти, які мають скласти майбутню еліту соціуму. На наш погляд, найбільш сприятливі умови для такої роботи складаються у гімназіях і ліцеях на базі вищих навчальних закладів. Другий підхід виходить з уявлень про резерви обдарованості, які від природи закладені практично в кожній дитині. В сучасних умовах ствердження нової парадигми освіти перспективним вважається саме другий підхід, оскільки завдяки узгодженості у такому середовищі природних, предметних, соціальних, екзистенціальних складових життєвого світу підлітка з'являється можливість зняття у обдарованих учнів психологічних бар'єрів і виключення фактору насильства в освітньому процесі.

Сутність такого синтезування всіх складових освітнього простору полягає у створенні умов для активно неадаптивних дій всіх учасників освітнього процесу, а також для всебічної відображеності їх суб'єктних проявів. Тому найбільш адекватним для цілісного розвитку обдарованої особистості ми вважаємо саме психодидактичний підхід, що полягає у створенні освітнього середовища розвиваючого (творчого типу). При цьому, враховуючи системний характер обдарованості, основною умовою для її розвитку, безсумнівно, є розвиток в учня здатності бути суб'єктом свого розвитку, тобто мати здібності до свободної регуляції своїх пізнавальних дій, емоційних станів і поведінки в цілому [2; 3; 4; 6]. Стосовно шкільної освіти – це здатність вільно, свідомо управляти своєю навчальною діяльністю

З метою формування системи соціального супроводу талановитих дітей важливою є розробка системи психологічних, дидактичних і психолого-дидактичних методів роботи з обдарованими дітьми у загальноосвітніх закладах різного типу. Проте, ми акцентуємо увагу на тому, що досягнення цієї мети можливе тільки завдяки вирішенню чотирьох відносно самостійних проблем: 1) розкриття сутності концепцій обдарованості та їх методологічного потенціалу; 2) оцінка методик діагностики обдарованості у сфері освіти; 3) розробка

методів прогнозування розвитку неординарних особистостей; 4) оцінка ефективності практичних методів розвитку обдарованої особистості згідно її творчих потреб. Зрозуміло, що кожна наступна проблема не може бути вирішеною без розв'язання попередньої. Першою фундаментальною, звісно, є проблема розкриття евристичного потенціалу концепції обдарованості. Її вирішення дозволить надалі розробити загальну схему роботи і методичний інструментарій соціального супроводу обдарованих дітей. Результати, отримані на етапі діагностики, створюють засади для прогнозування розвитку неординарної особистості. Врешті решт, все це разом служить базою для моделювання процесу розвитку, розробки теоретичних основ і практики освіти обдарованих дітей.

І хоча на сьогодні чітка диференціація проблем діагностики, прогнозування, побудови розвиваючих моделей є більш-менш вирішеною проблемою на теоретичному рівні, проте з точки зору практики розвитку обдарованості ці напрямки дослідницького пошуку і практичної реалізації потребують тісної інтеграції. Їх автономізація породжує масу ускладнень на рівні прикладних досліджень і створює практично нездоланні перешкоди у практиці освіти.

Використовуючи теоретико-методологічний потенціал динамічної теорії обдарованості [1], група спеціалістів Харківського фізико-математичного ліцею № 27 за участю автора у 2011–2016 рр. провела лонгітюдне дослідження, що дозволило уточнити сутність інтегративного підходу до освіти обдарованих дітей. Розуміючи, що ярлики типу «обдарований» і «необдарований», які даються на основі традиційних методів «діагностики відбору» (тестів інтелекту, шкільних оцінок, експертних оцінок вчителів і т. п.), можуть суттєво вплинути на долю дитини, не дати можливості поступити в школу для обдарованих, ми зосередились на виявленні реальних і штучних перешкод на шляху прояву і розвитку здібностей. Ми намагались адекватно оцінити можливості подолання цих перешкод або хоча б послаблення їх негативного впливу на розвиток обдарованості дитини.

Результати нашого лонгітюдного дослідження підтвердили гіпотезу, що зростання інтелекту і креативності у значній мірі визначається характерними відмінностями у психологічних механізмах подолання

труднощів. Виявлено, що на формування у дітей здатності протистояти труднощам суттєво впливають особливості їх усвідомлення дитиною, емоційно-мотиваційні фактори, особливості Я-концепції, ціннісні орієнтації, стиль сімейного виховання і т. п. Слід враховувати не тільки інтелектуально-афективну дисинхронію, а й дисинхронію у розвитку самої емоційної сфери дитини: нерівномірність у розвитку інтелектуальних емоцій і емоцій, що виникають у спілкуванні.

Оскільки обдарованість являє собою комплексну, інтегральну властивість, що включає в себе когнітивні, некогнітивні й соціальні фактори, в навчанні обдарованих дітей для їх успішного розвитку необхідно використовувати *інтегративний підхід*. Важливо інтегрувати можливості базової та додаткової освіти, поєднати навчальну й позанавчальну діяльність дітей і забезпечити в загально-освітньому закладі єдиний освітній простір, де ефективно, згідно своїх творчих потреб, буде розвиватись обдарована дитина. Ядром такої інтеграції ми вважаємо дослідницьку активність дітей, що забезпечує їх самостійну творчу діяльність, заохочення і розвиток якої обумовлює великі можливості самореалізації творчо обдарованої дитини в обраних нею видах діяльності.

На нашу думку, інтегративний підхід в освіті щодо обдарованої дитини передбачає: по-перше, цілісність особистості школяра, єдність процесів розвитку, виховання і навчання; по-друге, єдність життєдіяльності людини та її освіти, а також цілісність педагогічного впливу на обдаровану дитину; по-третє, взаємозв'язок спадкових, соціальних і педагогічних факторів; по-четверте, цілісність науково-педагогічного знання, взаємообумовленість теоретичної і практичної підготовки творчої людини; по-п'яте, єдність освіти і самоосвіти, цілісність процесу навчання (взаємообумовленість його компонентів, взаємозв'язок процесів викладання і навчання, єдність змістовної і процесуальної сторін навчання, міжпредметні зв'язки, взаємозалежність навчальної та позанавчальної діяльності).

Зрозуміло, що всі ці складові інтеграції в освіті не є новими, проте розгляд всіх цих елементів систем в органічному взаємозв'язку дозволяє, з одного боку, інакше побудувати освіту в цілому, а з другого – якісно перетворити кожний її складовий елемент для досягнення

поставленої цілі. Саме такий розгляд ми і тлумачимо як інтеграційний підхід, що сприяє не тільки інтенсифікації, систематизації навчально-пізнавальної діяльності, але й оволодінню філософською, історичною, етичною, мовною та ін. культурами.

Включеність (інклюзія) означає не тільки інтеграцію у шкільні класи, але й заходи найкращого сприяння кожному учневі з його індивідуальними здібностями. Мова, по суті, йде про пробудження, стимулювання і розвиток специфічних інтересів і талантів в особливій педагогічній формі, що ставить на центральне місце індивідуальну траєкторію навчання. Тому школі необхідні різні підходи для сприяння творчо обдарованим учням, які, нарівні з іншими, включають і тимчасові групи за рівнем успішності. Це можуть бути такі заходи диференціюючого порядку: тимчасове прискорення навчання (акселерація) завдяки ранньому зарахуванню до школи; форсування класів; організація профільних класів, починаючи з 7-го, з поглибленим вивчення профільних предметів; формування груп за здібностями поза звичних класів для створення спецкласів; створення міждисциплінарних спеціальних об'єднань для сприяння обдарованим дітям; створення внутрішньодисциплінарних спеціальних об'єднань для підтримки обдарованих дітей; організація спецкурсів, рівневих груп і т. п.

Всі результати досліджень диференціюючих заходів всередині регулярної шкільної системи показують, що високообдаровані учні тільки виграють у своєму розвитку від створення груп за здібностями. Однак, обов'язково потрібно передбачати зміни у навчальних планах і програмах відносно навчального матеріалу і методичного супроводу. Ризиками формування груп за здібностями можуть бути недооцінка талановитими учнями інших предметів, які їх менше цікавлять, а також відчуття ізольованості від ровесників. Проте, на нашу думку, слід враховувати, що в силу кумулятивного приросту знань шанси «наздогнати» обдарованих учнів для менш талановитих у недиференційованих навчальних групах будуть зменшуватись. Щоб уникнути цього ефекту, необхідні достатні диференціюючі заходи на заняттях.

Отже, оскільки обдарованість являє собою комплексну, інтегральну властивість, що включає в себе когнітивні, некогнітивні й соціальні фактори, в навчанні обдарованих дітей для їх успішного розвитку

необхідно використовувати інтегративний підхід. Він передбачає як взаємозв'язок спадкових, соціальних і педагогічних факторів, так і єдність процесів розвитку, виховання і навчання. Важливе значення при цьому має цілісність педагогічного впливу на обдаровану дитину.

Список літератури

1. Бабаева Ю. Д. Динамическая теория одаренности / Ю. Д. Бабаева // Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской. – М. : Молодая гвардия, 1997. – С. 275–294.

2. Литвак Р. А. Закономерности социализации одаренных детей в современных социокультурных условиях [Электронный ресурс] / Р. А. Литвак, Т. В. Бондарчук // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 1(09). – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 15.07.2016).

3. Логинова Е. А. Обучение одаренных школьников на основе реализации интегрированного подхода [Электронный ресурс] / Е. А. Логинова. – Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 3. – Режим доступа: www.science-education.ru/15-382 (дата обращения: 9.09.2016).

4. Подольська Є. А. Сучасні технології в освіті: інноваційно-активний сценарій / Подольська Є. А. // Соціальні технології: заради чого? яким чином? з яким результатом? : монографія / Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечнікова. – Одеса, 2015. – С. 338–354.

5. Слободчиков В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования / В. И. Слободчиков. – М., 2000. – 230 с.

6. Ятайкина А. А. Об интегрированном подходе в обучении / А. А. Ятайкина // Школьные технологии. – 2001. – № 6. – С. 10–15.

References

1. Babaeva Ju. D. Dinamicheskaja teorija odarennosti / Ju. D. Babaeva // Osnovnye sovremennye koncepcii tvorchestva i odarennosti / Pod red. D. B. Bogojavlenskoy. – M., Molodaja gvardija, 1997. – S. 275-294.

2. Litvak R. A. Zakonomernosti socializacii odarennyh detej v sovremennyh sociokul'turnyh uslovijah / R. A. Litvak, T. V. Bondarchuk // Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). – 2012. – № 1(09). – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.sisp.nkras.ru (data obrashhenija: 15.07.2016).

3. Loginova E. A. Obuchenie odarennyh shkol'nikov na osnove realizacii integrirovannogo podhoda / E. A. Loginova. – Sovremennye problemy nauki

i obrazovanija. – 2007. – №3. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.science-education.ru/15-382 (data obrashhenija: 9.09.2016).

4. Podol's'ka Є. А. Suchasni tehnologii v osviti: innovacijno-aktivnij scenarij / Podol's'ka Є. А. // Social'ni tehnologii: zaradi chogo? jakim chinom? z jakim rezul'tatom? : monografija / Odes. nac. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa, 2015. – S. 338–354.

5. Slobodchikov V. I. O ponjatii obrazovatel'noj sredy v koncepcii razvivajushhego obrazovanija / V. I. Slobodchikov. – M., 2000. – 230 s.

6. Jatajkina A. A. Ob integrirovannom podhode v obuchenii / A. A. Jatajkina / Shkol'nye tehnologii. – 2001. – № 6. – S. 10–15.

УДК 316.44.56

*Т. В. Зверко, Т. В. Топчий***КАРЬЕРНЫЙ КАПИТАЛ ВЫПУСКНИКА ВУЗА:
СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье проанализированы существующие в современной социологической науке подходы к исследованию карьеры. Обоснована перспективность теоретического и эмпирического изучения карьеры в контексте теории социальных полей и капитала П. Бурдьё, что расширяет традиционное видение карьеры, увязывает между собой различные аспекты ее анализа.

В русле новых карьерных теорий рассмотрен один из подходов к трактовке понятия «карьерный капитал», представленный тремя «способами знания»: «знания как» («knowing-how»), «знания зачем» («knowing-why»), «знания кто» («knowing-whom»).

Проанализированы полученные исследовательским коллективом Народной украинской академии эмпирические данные по карьерно-профессиональным ориентациям выпускников в контексте теории карьерного капитала. Обозначены сильные стороны и проблемные зоны, связанные с влиянием «карьерных полей».

Ключевые слова: карьера, карьерный капитал, выпускник, карьерно-профессиональные ориентации выпускника.

***Зверко Т. В., Топчий Т. В. Кар'єрний капітал випускника ВНЗ:
сильні сторони та напрямки розвитку***

Анотація. В статті проаналізовано існуючі в сучасній соціологічній науці підходи до дослідження кар'єри. Обґрунтовано перспективність теоретичного та емпіричного вивчення кар'єри в контексті теорії соціальних полей і капіталу П. Бурдьє, що розширює традиційне бачення кар'єри, пов'язує між собою різні аспекти її аналізу.

В руслі нових кар'єрних теорій розглянуто один з підходів до трактування поняття «кар'єрний капітал», представлений трьома «способами знання»: «знання як» («knowing-how»), «знання навіщо» («knowing-why»), «знання хто» («knowing-whom»).

Проаналізовано отримані дослідницьким колективом Народної української академії емпіричні дані щодо кар'єрно-професійних орієнтацій випускників у контексті теорії кар'єрного капіталу. Позначені сильні сторони та проблемні зони, пов'язані з впливом «кар'єрних полей».

Ключові слова: кар'єра, кар'єрний капітал, випускник, кар'єрно-професійні орієнтації випускника.

Zverko T. V., Topchiy T. V. University graduate career capital: strenghts and directions of development

Annotation. The article analyzes the approaches to career studies existing in modern social science. The expediency of theoretical and empirical career studies within the framework of Bourdieu's social field context and capital theory which broadenes the traditional view of a career and links together different aspects of its analysis is justified.

In line with the new career theories one of the approaches to the interpretation of «career capital» concept, represented by the three «means of knowledge»: «knowing-how», «knowing-why», «knowing-who» is considered.

The empirical data obtained by a study preformed by the faculty of Kharkiv University of Humanities People's Ukrainian Academy on the graduates' career and professional orientation in the context of the career capital theory is analyzed.

Some problem areas, related to the «career fields» influence effect are marked.

Key words: career, career capital, university graduate, career and vocational monitoring of a university graduate.

В условиях системных трансформаций современного украинского общества и активизации процессов социальной и профессиональной мобильности карьера становится одной из основных социально и индивидуально значимых форм трудового поведения молодежи, что актуализирует изучение карьеры как результата и процесса активного профессионального развития выпускника вуза, использования им своего карьерного капитала.

Профессиональная карьера является предметом изучения многих наук (социологии, экономической теории, психологии, менеджмента). Интерес в данном направлении представляют научные наработки таких исследователей, как Э. Хьюз, М. Арчер, Б. Бернстайн, П. Бурдые, Э. Гидденс, Макклелланд, Я. Щепаньский, Х. Ганз, Э. Шейн, К. Гренроуз, М. Артур и мн. др.

Вместе с тем, междисциплинарность научного анализа понятия «карьера», динамичность и изменчивость социально-экономических, организационных и других факторов, обуславливающих характе-

ристики современной профессиональной карьеры, требуют некоторого переосмысления подходов к рассматриваемой проблеме.

На сегодняшний день среди социологических макротеорий карьеры наиболее часто используются теория структуриации Э. Гидденса, социальная теория Дж. Коулмана, теория социальных систем Н. Лумана, теория практики, социальных полей и капитала П. Бурдьё. Последняя стала особенно популярной в современных разработках в контексте признания значимой роли индивида в управлении своей карьерой, факторов рационального использования карьерного капитала и проактивного карьерного поведения (П. Паркер, М. Артур).

Этот подход, с нашей точки зрения, расширяет традиционное видение карьеры, увязывает между собой различные аспекты ее анализа. Поэтому нами была предпринята попытка интерпретировать полученные исследовательским коллективом Народной украинской академии эмпирические данные¹ по карьерно-профессиональным ориентациям выпускников в контексте теории карьерного капитала.

Это дает возможность, во-первых, пунктирно обозначить новые тенденции в исследовании профессиональной карьеры выпускников, ее моделей в русле уже имеющихся разработок (Н. Лукашевича, В. Городяненко, В. Журавского, И. Навроцкого, В. Пилипенко, В. Астаховой и др.), во-вторых, сконцентрироваться на карьере как на индивидуальной траектории профессионального пути выпускника вуза.

Рассмотрение карьерной проблематики в контексте теории П. Бурдьё основывается на понятии «социальное поле» (по П. Бурдьё, «структурированное пространство социальных позиций») [1]. И, как указывает исследователь данного направления П. С. Сорокин, «хотя термин карьерного капитала введен в литературе, не было артикулировано два альтернативных его понимания, логически вытекающих из теории П. Бурдьё. Во-первых, карьерный капитал в качестве

¹ Результаты социологических исследований, проведенных Лабораторией проблем высшей школы Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»: «Проблемы профессионального выбора и занятости молодежи на региональном рынке труда» (2014 г.) – (n = 950), «Изучение карьерно-профессиональных ориентаций выпускников ХГУ «НУА» и роль вуза в их формировании» (2015 г.) – (n = 312).

результата борьбы за позицию в данном поле (должность, репутация и т. п.) и, во-вторых, в качестве основных условий занятия агентом этой позиции (квалификация, связи и др.)». Продолжая свои рассуждения, ученый отмечает, что понятие карьерного капитала «в первую очередь связывается с накоплением индивидом так называемого «культурного капитала» (который обозначает трудовые умения и навыки в концепции П. Бурдьё)» [2].

Значимым для большинства новых карьерных теорий является признание особой роли индивида в управлении своей карьерой (А. Вос, Т. Дэвилд, С. Хапова и др.). Анализируя в данном контексте понятие карьерного капитала, А. Б. Седых обращается к работам зарубежных ученых (К. Инксон, М. Артур, Р. Дефиллиппи) и делает вывод, что «карьерный капитал состоит из трех «способов знания». «Знания как» («knowing-how») обеспечивают индивида релевантными его карьере способностями и навыками, а также знанием и пониманием того, что необходимо для высокой производительности. «Знания зачем» («knowing-why») наделяют индивида энергией, чувством цели, мотивацией и идентификацией с миром работы. «Знания кто» («knowing-whom») состоят из спектра внешних и внутриорганизационных профессиональных и социальных связей, объединенных в сеть» [3].

Обобщив различные подходы, мы проведем анализ имеющегося эмпирического материала, исходя из двух «способов знания»: «знания как», «знания зачем».

Исследование карьерных ориентаций выпускников Народной украинской академии показало, что приоритетными карьерными задачами для тех, кто находится на первом этапе планирования, являются «наработка» опыта и развитие профессиональных навыков, на всех этапах развития карьеры значимы знания и навыки персонального менеджмента.

Большее количество респондентов (73,8%) считают личные качества (инициативность, активность) главным фактором, способствующим карьерному успеху. Далее идут личные связи (31,6%), дополнительное образование (16,3%), опыт работы по специальности (15,3%), востребованность полученной специальности на рынке труда (6%) [4].

На уровень развития карьеры, по мнению выпускников, оказывают влияние и умение решать комплексные проблемы, связанные с различными областями деятельности (71%). В качестве доминантных профессиональных и личностных качеств ими выделены навыки самоорганизации, самопрезентации; умение искать, анализировать и обобщать информацию; компьютерная грамотность; коммуникабельность; практические навыки по специальности; владение иностранным языком; способность и готовность учиться; нацеленность на результат; заинтересованность в работе, что, с нашей точки зрения, демонстрирует знание и понимание того, что необходимо для высокоэффективной работы [4].

Важным моментом для наших размышлений выступает определение приоритетных для построения карьеры позиций. Среди значимых для карьерного капитала элементов были отмечены: уверенность в себе (82,5%), самореализация (71,5%), хорошее образование с последующей престижной карьерой (71%), профессия по душе (70,9%), уверенность в завтрашнем дне (64,7%), совершенствование себя как личности и развитие своих способностей (63,5%) [4]. Эти данные свидетельствуют о высокой заинтересованности в самосовершенствовании с целью повышения профессиональных навыков.

К сожалению, целевые и мотивационные установки выпускников характеризуются более низкими показателями: соответствие современным требованиям, предъявляемым рынком труда (39,2%), интерес к новым знаниям (37,8%), возможность служебного роста (37,8%) и возможность изменить свой статус (24,1%) [5]. Видимо, в данном случае можно говорить о недостаточно проявляющемся проактивном поведении, что влияет на накопление карьерного капитала.

Еще одной проблемной зоной, как показало исследование², является повышение квалификации. Суждения выпускников по этому вопросу достаточно противоречивы. С одной стороны, они указывают

² Результаты социологического исследования, проведенного Лабораторией проблем высшей школы Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», «Изучение карьерно-профессиональных ориентаций выпускников ХГУ «НУА» и роль вуза в их формировании» (2015 г.) – (n = 312).

на необходимость профессионального роста (58%), а с другой – всего лишь 7,6% опрошенных считают важным достичь этого путем повышения квалификации. Напрашивается вывод, что респонденты не считают сам процесс повышения квалификации достаточно значимым в своей профессиональной карьере. Здесь видится необходимым купировать те демотиваторы, которые были отмечены (нехватка средств (52,9%), нехватка времени (56%), отсутствие соответствующих структур (28,8%), незаинтересованность (23,7%)), и актуализировать направленность на непрерывное образование.

Таким образом, как показывает анализ эмпирических данных, карьерный капитал выпускников Народной украинской академии характеризуется следующими особенностями:

- междисциплинарная базовая подготовка;
- ориентация на многопрофильность;
- нацеленность на получение опыта и на активную работу;
- проактивная социогуманитарная позиция;
- готовность к усвоению новой информации;
- активность в освоении нового и др.

Вместе с тем, обозначились и проблемные зоны, проецирующие направления потенциального развития карьерного капитала, связанные с влиянием «карьерных полей»:

- непонимание требований и ожиданий организации;
- отсутствие практических навыков управления и планирования своего рабочего времени;
- слабая заинтересованность в повышении квалификации;
- часто завышенная самооценка своих профессиональных способностей;
- недостаточная готовность соблюдать иерархию производственных отношений;
- недостаточное владение передовыми методиками и технологиями.

К тому же карьерный капитал во многом зависит от представлений выпускника о возможностях развития карьеры. В современном контексте эта ситуация осложняется динамизмом, некоторой неопределенностью, вариативностью так называемой «изменчивой

карьеру» (protean career) и «карьеру без границ» (boundaryless career), что требует изучения и эмпирического измерения.

Список литературы

1. Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J. G. (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – NY.: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
2. Сорокин П. С. Дисциплинарные подходы к изучению профессиональной карьеры в бизнес-организации и перспективы применения общих социологических теорий [Электронный ресурс] / П. С. Сорокин. – Режим доступа: http://vestniknpi.info/upload/information_system_15/4/5/0/item_450/information_items_property_946.pdf.
3. Седых А. Б. Карьерная мобильность личности в контексте современных воззрений на карьеру [Электронный ресурс] / А. Б. Седых. – Режим доступа: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2012_2/2012_2_Sedich.pdf.
4. Проблемы профессионального выбора и занятости молодежи на региональном рынке труда / Нар. укр. акад.; [сост. : В. И. Астахова, Е. Г. Михайлева, Е. В. Бирченко и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2014. – 47 с.
5. Информационная записка по результатам социологического исследования «Изучение карьерно-профессиональных ориентаций выпускников ХГУ «НУА» и роль академии в их формировании» / Нар. укр. акад.; [сост. : О. С. Овакимян, М. С. Кабанец]. – Харьков, 2015. – 8 с.

References

1. Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J. G. (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – NY.: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
2. Sorokin P. S. Disciplinarnye podhody k izucheniyu professional'noj kar'ery v biznes-organizacii i perspektivy primeneniya obshchih sociologicheskikh teorij / [Elektronnyj resurs]: http://vestniknpi.info/upload/information_system_15/4/5/0/item_450/information_items_property_946.pdf.
3. Sedyh A. B. Kar'ernaya mobil'nost' lichnosti v kontekste sovremennyh vozzrenij na kar'eru / [Elektronnyj resurs] : http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2012_2/2012_2_Sedich.pdf.
4. Problemy professional'nogo vybora i zanyatosti molodezhi na regional'nom rynke truda / Nar. ukr. akad.; [sost. : V. I. Astahova, E. G. Mihajleva, E. V. Birchenko i dr.]. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2014. – 47 s.
5. Informacionnaya zapiska po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya «Izuchenie kar'erno-professional'nyh orientacij vypusknikov HGU «NUA» i rol' akademii v ih formirovanii» / Nar. ukr. akad.; [sost. : O. S. Ovakimyan, M. S. Kabanec]. – Har'kov, 2015. – 8 s.

В. О. Ильина

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ДИСПОЗИЦИЙ
СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ
(на примере Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»)**

Аннотация. Описаны изменения в требованиях, предъявляемых к выпускнику высшего учебного заведения и вместе с тем возрастающая роль высших учебных заведений в формировании навыков, компетенций, ценностей студентов, формировании зрелой личности. Определено понятие личностных диспозиций как уникальных индивидуальных особенностей поведения, которые устойчиво повторяются у одной личности, но отсутствуют у большинства других людей. Описана структура личностных диспозиций и методы формирования личностных диспозиций на каждом из уровней. На примере Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» проиллюстрированы методы, используемые высшим учебным заведением с целью формирования личностных диспозиций студентов. Сделан вывод о важности внеучебной деятельности студентов с целью формирования их личностных диспозиций, а также о важности этого процесса для развития общества в Украине.

Ключевые слова: социализация, высшее учебное заведение, личностные диспозиции, формирование личностных диспозиций, Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»

***Ильїна В. О. Розвиток особистісних диспозицій студентів
у вищому навчальному закладі (на прикладі Харківського
гуманітарного університету «Народна українська академія»)***

Анотація. Описано зміни у вимогах до випускника вищого навчального закладу і разом з тим роль вищих навчальних закладів у формуванні навичок, компетенцій, цінностей студентів, формуванні зрілої особистості. Визначено поняття особистісних диспозицій як унікальних індивідуальних особливостей поведінки, які стійко повторюються в одній особистості, але відсутні у більшості інших людей. Описано структуру особистісних диспозицій і методи формування особистісних диспозицій на кожному з рівнів. На прикладі Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» проілюстровано методи, використовувані вищим навчальним закладом

з метою формування особистісних диспозицій студентів. Зроблено висновок про важливість позанавчальної діяльності студентів з метою формування їх особистісних диспозицій, а також про важливість цього процесу для розвитку суспільства в Україні.

Ключові слова: соціалізація, вищий навчальний заклад, особистісні диспозиції, формування особистісних диспозицій, Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»

Irina V. O. Development of students' personal dispositions through the higher education (on the example of the Kharkov Humanitarian University "People's Ukrainian Academy")

Annotation. The author claims that the requirements for graduates are increasing. The role of higher education institutions in the formation of skills, competences, values of students, and the formation of a mature personality are described. The object of the research are personal dispositions as unique individual features of behavior that are consistently repeated in one person but absent in most other people. The article presents the structure of personal dispositions and methods of its forming at each level on the example of the Kharkov Humanitarian University "People's Ukrainian Academy". In conclusion the importance of the extra-curricular activity of students for forming their personal dispositions is drawn, the author concludes by highlighting the importance of this process for development of society in Ukraine.

Key words: socialization, higher education institute, personal dispositions, personal dispositions' formation, Kharkiv Humanitarian University "People's Ukrainian Academy".

Нарастающая с каждым годом динамика социально-экономических процессов, характерная для современного общества, приводит к постоянному повышению требований рынка труда к выпускнику вуза. Диплом о высшем образовании уже не считается единственным и достаточным результатом обучения в высшей школе. Выпускник высшего учебного заведения сегодня – это «обладатель» не только фундаментальных знаний и определенного набора практических навыков по специальности, но и начального опыта применения этих знаний и навыков (в стенах вуза или за его пределами), а также комплекса компетенций, сформированных личностных установок и относительно устойчивых ценностных ориентаций.

Серьезные изменения коснулись и рынка труда, требований работодателей, условий профессиональной деятельности, которую начинают выпускники. Так, современный работодатель предъявляет новые требования к личности выпускников вуза, которые отличаются от требований пяти-, десятилетней давности. Это – умение работать в команде и на благо команды, решать нестандартные задачи и брать на себя ответственность, умение и желание учиться, самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способность к сотрудничеству, мобильность, динамизм, конструктивность, способность к межкультурному взаимодействию, высокий уровень нравственности. Как видно, особые требования предъявляются к уровню развития личности, ценностно-смысловой сфере личности будущего профессионала [1].

По нашему мнению, трансляционная функция образования как социального института, заключающаяся в передаче знаний из поколения в поколение, которая долгое время была одной из основных и первостепенных функций образования, в современных условиях дополнилась функцией формирования личности, её установок, ценностных ориентаций, навыков, компетенций и умений, необходимых для успешной реализации полученных знаний в дальнейшей деятельности. Поэтому образовательная среда вуза может быть рассмотрена как совокупность факторов и условий, которые способствуют развитию личностных и профессиональных возможностей обучающихся, что обеспечивает социализацию молодёжи. Целью социализации является, с одной стороны, формирование социально активной личности, действия которой регулируются социальными нормами и общественными интересами, с другой – воспроизводство общества в целом [2]. Успешность процесса социализации в вузе характеризуется определенным набором приобретенных студентами и выпускниками вуза личностных качеств [3].

Ещё одним аспектом социализации в высшем учебном заведении, имеющим значительный потенциал для развития, является формирование личностных диспозиций студентов. Термин «диспозиция» буквально означает «склонность», «настроенность», «отношение». Личностные диспозиции – это уникальные индивидуальные

особенности поведения, которые устойчиво повторяются у данной личности, но отсутствуют у большинства других людей. Понятие диспозиции пришло в социологию из психологии, где его предложил к использованию американский психолог Гордон Олпорт. Диспозициями Олпорт назвал общие черты личности, характерные для каждой отдельной культуры, и индивидуальные черты. Олпорт отмечал, что диспозиции проявляются в поступках, поведении и поведенческих особенностях, сохраняющихся на протяжении всей жизни. Он выделяет три типа диспозиций: кардинальные, центральные и вторичные [4].

В социологии концепцию личностных диспозиций разрабатывал российский социолог В. А. Ядов, который рассматривал диспозиции как иерархически организованную систему:

- высшие диспозиции – стратегическая направленность интересов, концепция жизни и ценностные ориентации;
- средние диспозиции – социальные установки на типичные социальные объекты и обстоятельства;
- низшие диспозиции – предрасположенность к восприятию и поведению в конкретных условиях, в данной предметной и социальной среде [5].

Анализ разных форм диспозиций в отечественной и зарубежной научной литературе позволил установить, что они формируются благодаря индивидуальному жизненному опыту, определяют конкретную избирательность и ориентацию в восприятии внешних стимулов и отражают разные уровни склонности и готовности личности к ответному поведенческому реагированию, то есть выполняют регулятивную функцию относительно поведения [6].

Рассмотрим методы формирования личностных диспозиций на каждом из уровней, выделенных В. А. Ядовым, на примере Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (далее по тексту – НУА).

Первый, низший уровень диспозиций личности Ядов характеризует как элементарные фиксированные установки, которые формируются на основе потребностей физического существования и в простейших ситуациях. Эти установки – закрепленная предшествующим опытом

готовность к действию, которая лишена модальности (переживание «за» или «против») и не является осознаваемой, в связи с чем мы предлагаем пропустить влияние высшего учебного заведения на формирование личностных диспозиций низшего уровня [7, с. 35].

Второй уровень диспозиционной структуры – социальные фиксированные установки, система социальных установок. В отличие от первых, социальная установка обладает сложной структурой. Она содержит эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (поведенческая готовность) аспекты.

Факторы, формирующие личностные диспозиции второго уровня, представлены, с одной стороны, предметными потребностями социального существования, связанными с включенностью индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой – различными социальными ситуациями [7, с. 35].

Учебная деятельность студентов НУА организована так же, как в других украинских высших учебных заведениях – студенты формируют группы, группы формируют потоки, факультеты и т. д. Однако академию отличает особенная способность объединять студентов в другие контактные группы, помимо учебных студенческих. В опыте автора статьи было неоднократное участие в специально сформированных группах студентов разных возрастов, факультетов и специальностей для достижения общих целей – работы над совместными проектами в рамках студенческого самоуправления, совместных поездок в составе различных делегаций на студенческие конкурсы, совместной организации заседания профильных клубов, в том числе Политического клуба НУА. В рабочих группах, в которые студент включается, начиная с младших курсов, всегда есть «старший наставник», который транслирует основные ценности, нормы и правила, характерные для вуза в целом, которые академия воспитывает в своих студентах. Со временем, становясь студентами старших курсов, вчерашние первокурсники сами становятся наставниками для своих коллег, так как принимают и разделяют ценности, принятые в процессе групповой деятельности. Следует отметить, что НУА – комплекс непрерывного образования и под одной

крышей учебного заведения получают образование представители самых разных возрастных групп, начиная от «дошколят», заканчивая слушателями программ «60+» и «70+». Поэтому нередко участие в различных контактных группах реализуется через совместную деятельность школьников и студентов.

Следующий диспозиционный уровень — общая (доминирующая) направленность интересов личности в определенные сферы социальной активности. По Ядову, она формируется на основе более высоких социальных потребностей и представляет собой предрасположенность к идентификации с той или иной областью социальной деятельности. Например, можно обнаружить доминирующую направленность интересов в сферу профессиональной деятельности, досуга или семьи. Этот уровень личностных диспозиций и направленность личности, которая его характеризует, считается Ядовым более устойчивой, чем социальные установки на отдельные социальные объекты или ситуации [7, с. 35].

Одним из самых ярких примеров формирования направленности личности на определенные сферы социальной активности в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия», по нашему мнению, является ежегодное проведение конкурса «История моей семьи», который проходит среди студентов и школьников. Вынося на всеобщее обозрение ценности и достижения каждой отдельной семьи, поощряя интерес молодых людей к своим корням, НУА воспитывает направленность студенчества на самореализацию в семейной жизни, а также формирует ценность преемственности, важность передачи лучшего собственного опыта через поколения. Это соответствует концепции непрерывного образования, принятой в НУА, которая на практике подкрепляется еще и тем, что выпускники академии со временем приводят сюда учиться своих детей.

Высший диспозиционный уровень образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения. Формирование ценностных ориентаций отвечает высшим социальным потребностям личности в саморазвитии и самовыражении, притом в социально-конкретных, исторически обусловленных формах

жизнедеятельности, характерных для образа жизни общества и социальных групп, к которым принадлежит индивид и с которыми он себя идентифицирует, следовательно – мировоззрение, идеологию и образ мыслей которых он разделяет [7, с. 36].

Над высшим диспозиционным уровнем личности студентов, по нашему мнению, в НУА работают непрерывно с помощью следования выбранным ценностям, и привлечения студентов к действиям, направленным на реализацию этих ценностей. Множество регулярных мероприятий, в которых задействованы студенты, призваны в долгосрочной перспективе, задев высший уровень их личностных диспозиций, сформировать их систему ценностных ориентаций. К такой деятельности следует отнести и совместную активность студентов и преподавателей на Аллее славы, и трепетное отношение ко Дню Победы, и работу музея ХГУ «НУА».

Подводя итог, хочется особо отметить, что формирование личностных диспозиций современной молодёжи зафиксировано в миссии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», которая состоит из трёх слов, заключающих в себе практически все рассмотренные нами уровни личностных диспозиций – образование, интеллигентность, культура¹. По нашему мнению, высшим учебным заведениям сегодня стоит стремиться к тому, чтобы обеспечить не только передачу знаний, но и формирование зрелой личности, готовой к успешной профессиональной деятельности, понимающей собственные ценностные ориентиры, что, по приведёт созреванию полноценного гражданского общества в Украине.

Список литературы

1. Аршинова Е. В. Проблема формирования ценностных типов и смысловых образований в процессе обучения в вузе [Электронный ресурс] / Е. В. Аршинова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-tsennostnyh-tipov-i-smyslovyh-obrazovaniy-v-protse-obucheniya-v-vuze>.

¹ «Образование. Интеллигентность. Культура» – лозунг НУА.

2. Шишкина Е. В. Семейная социализация: проблема определения / Е. В. Шишкина // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. – СПб. : Изд-во АНО «ИПП», 2009. – Вып. 3. – С. 91–95.
3. Хизбуллина Р. Р. Обучение в вузе как процесс социализации: методологический аспект / Р. Р. Хизбуллина // Молодой ученый. – 2014. – № 5. – С. 445–447.
4. Олпорт Г.В. Личность в психологии / Г.В. Олпорт. – СПб., 1998. – 345 с.
5. Ядов В. А. Диспозиционная концепция личности / В. А. Ядов // Социальная психология. – Л. : Наука, 1979. – 396 с.
6. Резник В. Феномен диспозиционной концепции В. Ядова в советской и постсоветской социологии / Владимир Резник // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. – № 1. – С. 71–90.
7. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция [Электронный ресурс] / В. А. Ядов. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/97145776>.

References

1. Arshinova E. V. Problema formirovaniya cennostnyh tipov i smyslovyh obrazovaniy v processe obucheniya v vuze [Electronic resource] / E. V. Arshinova. – Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-tsennostnyh-tipov-i-smyslovyh-obrazovaniy-v-protssesse-obucheniya-v-vuze>.
2. Shishkina E. V. Semejnaya socializaciya: problema opredeleniya / E. V. SHishkina // Sovremennye problemy psihologii sem'i: fenomeny, metody, koncepcii. – SPb. : Izd-vo ANO «IPP», 2009. – Vyp. 3. – S. 91–95.
3. Hizbullina R. R. Obuchenie v vuze kak process socializacii: metodologicheskij aspekt / R. R. Hizbullina // Molodoj uchenyj. – 2014. – № 5. – S. 445–447.
4. Olport G. V. Lichnost' v psihologii / G. V. Olport. – SPb., 1998. – 345 s.
5. Yadov V. A. Dispozicionnaya koncepciya lichnosti / V. A. Yadov // Socialnaya psihologiya. – L. : Nauka, 1979. – 396 s.
6. Reznik V. Fenomen dispozicionnoj koncepcii V. Yadova v sovetskoj i postsovetskoj sociologii / Vladimir Reznik // Sociologiya: teoriya, metody, marketing. – 2003. – № 1. – S. 71–90.
7. Yadov V. A. Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti: dispozicionnaya koncepciya [Electronic resource] / V. A. Yadov. – Mode of access: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/97145776>.

А. Е. Ильченко

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. На основе изучения сущности и характеристик современных проблем развития человеческого капитала, определена роль и функции развития экономического образования и науки. Представлен краткий обзор функционирования инновационного образовательного комплекса – Народной украинской академии. Определены основные колонны непрерывного образования. Сформулирован вывод о том, что одним из путей развития человеческого капитала является получение образования на протяжении всей жизни, опирающиеся на реализацию человеческого потенциала, на эффективное применение знаний и умений людей для улучшения социально-экономических результатов жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, роль выпускника, экономическое образование, наука, инновации, непрерывное образование, институт человеческого капитала, институт непрерывного образования.

***Ильченко А. Е.* Інституційні особливості розвитку людського капіталу в рамках концепції безперервної освіти**

Анотація. На основі вивчення сутності і характеристик сучасних проблем розвитку людського капіталу, визначена роль та функції розвитку економічної освіти і науки. Представлений короткий огляд функціонування інноваційного освітнього комплексу – Народної української академії. Визначено основні колони безперервної освіти. Сформульовано висновок про те, що одним із шляхів розвитку людського капіталу є отримання освіти впродовж усього життя, що спираються на реалізацію людського потенціалу, на ефективне застосування знань і умінь людей для поліпшення соціально-економічних результатів життєдіяльності суспільства.

Ключові слова: людський капітал, роль випускника, економічна освіта, наука, інновації, безперервна освіта, інститут людського капіталу, інститут безперервної освіти.

Ilichenko A. E. Institutional features of human capital in the lifelong education concept

Annotation. The role and function of economic education and science development have been determined based on studying the essence and characteristics of modern problems of human capital development.

A brief overview of the innovative educational complex, People's Ukrainian Academy, functioning has been given. The main pillars of continuing education have been identified. The conclusion is made that one of the ways of human capital development is long life education based on human capital implementation, effective application of people's knowledge and skills to improve social and economic results of vital functions of the society.

Key words: human capital, role of graduates, economic education, science, innovation, lifelong education, institute of human capital, institute of lifelong education.

Необходимость выявления тенденций и проблем развития интеллектуального капитала, с учетом национальных особенностей является одним из важнейших вопросов стратегического развития Украины. Одной из важнейших тенденций формирования интеллектуального капитала в Украине является увеличение численности населения охваченного непрерывной образованием.

Проблемы формирования и развития интеллектуального капитала привлекают интерес научных дискуссий и ученых заинтересованных этой проблематикой: Е. Гришнова, Г. Задорожный, Е. Марчук, Л. Федулова, А. Чухно. Несмотря на значительное количество опубликованных работ и их научную ценность, многие теоретические и практические аспектов проблематики остаются дискуссионными и требуют дальнейших исследований. Целесообразным, на наш взгляд, является рассмотрение институциональных особенностей развития концепции непрерывного образования, в рамках исследования качества формирования человеческого капитала в Украине.

Как отмечает В. Бахрушин, перед образованием стоит огромное количество глобальных вызовов, среди которых: глобализация и глобальная конкуренция в образовании; переход от элитарного высшего образования к массовому; новые технологии; переход от обучения на всю жизнь к обучению на протяжении всей жизни [4]. Данные

вызовы говорят о том, что образование и наука в современных условиях объективно будет сталкиваться со многими вызовами, чтобы эволюционировать.

Цель данной статьи – анализ особенностей развития человеческого капитала в рамках реализации концепции непрерывного образования на примере Народной украинской академии.

Ключевыми индикаторами эффективности образовательной системы любой страны является доступность и качество образования. Эти два базовых индикаторы включают целый ряд показателей, среди которых особенно важное место занимает развитие образования в течение жизни.

В отечественной научной и публицистической литературе непрерывное образование рассматривается как единство и совокупность всего образовательного процесса. Эта концепция охватывает все аспекты образования, включая все его составляющие, причем это целое больше, чем сумма составляющих. Не существует такого понятия, как самостоятельная «постоянная» часть образования, которая не была бы образованием на протяжении всей жизни [3, с. 34–36].

Образование в течение жизни в значительной степени коррелирует с такими важными проблемами, как соответствие рынков труда и образования, признание предыдущего образования, развитие дистанционного образования, использования потенциала неформального и формального образования и т. д.

Далее, считаем необходимым представить статистику расходов на образование, для того чтобы показать что образование – это не только расходы государства, но и то, что государство вынуждает граждан заботиться об уровне образованности и для этого создает возможности частного образования, перекладывая с себя ответственность о качестве развития человеческого капитала. По данным, взятым с официального сайта Госкомстата, статистика общих затрат на образование представлена на рис. 1.

В общие расходы вошли государственные и частные расходы вместе с учетом официальных и неофициальных прямых платежей населения.

Сравнивая с показателями национальной экономики в 2007 и 2008 годах, Украина потратила по 7,4% валового внутреннего

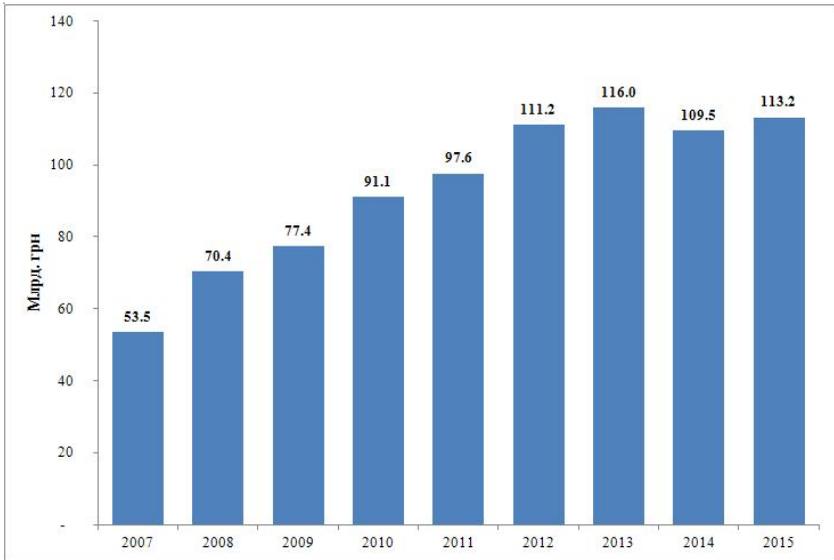

Рис. 1. Общие расходы на сферу образования
(Источник: построено автором по данным [9])

продукта (ВВП) на образование, в 2009 г. – 8,5%, в 2010 г. – 8,1%, в 2011 г. – 7,2%, в 2012 и 2013 годах – по 7,6%, в 2014 г. этот показатель составил 6,9%. Сравнительная диаграмма общих и государственных расходов на образование в процентном соотношении от ВВП представлена на рис. 2.

Основными финансирующими организациями в Украине являются администраторы бюджета (центральные и региональные/местные правительственные учреждения) и частный (негосударственный) сектор – домохозяйства.

Также распределение общих затрат по финансирующим организациям происходит следующим образом – львиная доля выделяется из государственного бюджета, затем частными компаниями, домохозяйствами и донорами.

Несмотря на огромное количество исследований вопросов финансирования образования остается много проблем и самая главная

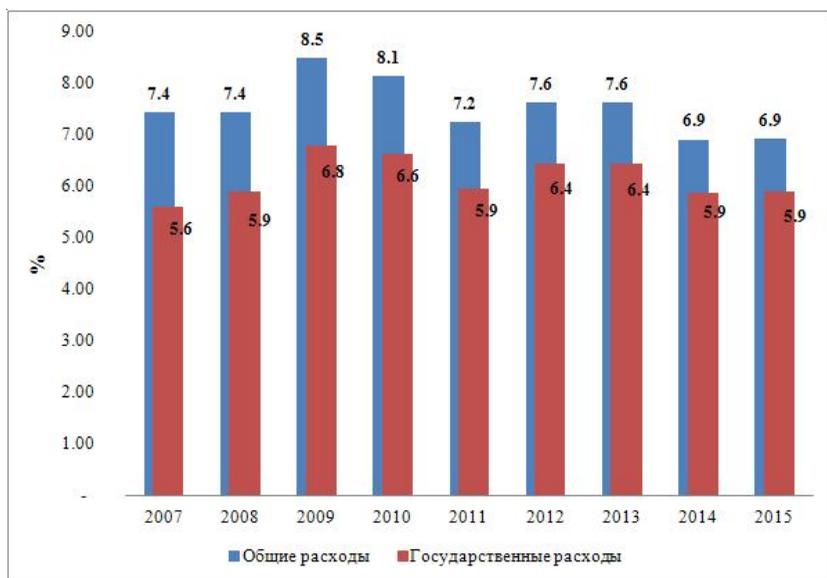

Рис. 2. Величина расходов на образование от ВВП,
(Источник: построено автором по данным [9])

из них – за счет каких источников должны финансироваться учебные заведения и научно-исследовательские учреждения в рыночной экономике для эффективного решения вопроса с дальнейшим трудоустройством своих выпускников.

Исследование Института социологии НАН Украины, которые осуществляются с 1992 года в мониторинговом режиме, свидетельствует, что около 60% украинцев не могут найти работу по полученной специальности, а 25% готовы пожертвовать специальностью ради получения работы. По данным Государственной службы занятости, среди зарегистрированных безработных каждый четвертый имел высшее образование, 22% – базовое и неполное высшее образование, треть лиц закончили профессионально-технические учебные заведения, среднее образование имели 19% тех, кто ищет работу [11].

Осуществляемая деятельность и соответствующие инвестиции имеют исключительно важное значение, как для индивида, так и для

всего общества, поскольку ориентированы на формирование, сохранение, накопление и эффективное использование человеческого капитала.

Народная украинская академия – это уникальное учебное заведение, реализующее на практике идею непосредственного образования. Комплекс, основанный в 1991 году, за время своего существования, завоевал устойчивый авторитет в образовательных кругах Украины, приобрел имидж солидного учебного заведения, обеспечивающее качество общеобразовательной и профессиональной подготовки. Одним из подтверждений сказанного являются награды различного уровня и достоинства, которыми на протяжении всего существования НУА оценивались ее достижения и успехи.

Важно отметить, что во многих, уже ранее опубликованных работах, была предпринята попытка показать традиции, сформированные в НУА на протяжении всей ее истории, вклад учебного комплекса в развитие системы непрерывного образования Украины. Сложно выделить отдельные достижения и награды НУА, так как их немало. Сотни конференций прошли в Академии и за ее стенами. НУА состоит во многих ассоциациях и объединениях, имеет множество зарубежных партнеров (Великобритания, Германия, Греция, Швеция и др.). Была отмечена государственными наградами – Орденами Княгини Ольги II и III степени за выдающийся личный вклад в развитие образования ректор ХГУ «НУА» В.И. Астахова. В числе наиболее весомых актов признания 2009 года – подписание Академией Великой Хартии университетов в Болонье, приглашение Европейской Бизнес Ассоциацией (Оксфорд, Англия) ректору НУА вступить в Клуб Ректоров Европы, представление Академии к международной награде «Европейское качество» в знак признания профессионализма преподавательского корпуса, качества научных достижений и реализации международных программ [5, с. 3–4].

Миссия НУА – формирование интеллигентного человека, способного зарабатывать себе на жизнь высококвалифицированным умственным трудом и цивилизованными методами, который умеет работать с людьми и для людей; отработка модуля непрерывного гуманитарного образования.

Академия состоит из четырех основных образовательных ступеней: детская школа раннего развития (подготовка детей 3–6 лет к учебе в общеобразовательной школе), специализированная экономика-правовая школа с углубленным изучением иностранного языка (общеобразовательная подготовка с 1 по 11 класс); гуманитарный университет (высшее учебное заведение IV уровня аккредитации, готовящее бакалавров, специалистов, магистров в сфере экономики, перевода и социологии), центр дополнительного образования (корпоративное и последипломное обучение, факультет дополнительных специальностей).

В данном контексте наибольшую ценность представляет не только объем накопленного человеческого капитала, но и способность в случае необходимости быстро получать требуемые в конкретной ситуации знания, что гармонично сочетается с тенденцией непрерывного получения образования и приобретения новых знаний.

Традиции развития науки и в частности, учебы, сформированные в НУА, оставляют и показывают свой вклад учебного комплекса в развитии системы непрерывного образования Украины. Дополнительное образование способствует формированию профессиональной основы кадрового потенциала современной высокотехнологичной экономики. Потребителями услуг данной части системы непрерывного образования является социально адаптированная часть населения, получает образование последовательно на всех ее уровнях

Таким образом, к своему 25-летнему юбилею Народная украинская академия, по мнению её фундаторов, завершила многолетний социальный эксперимент, доведя на практике возможность даже в сложнейших условиях системного кризиса в стране осуществлять огромную созидательную работу по модернизации образовательного пространства, по внедрению структурных инноваций, гарантирующих высокое качество подготовки специалистов, их принципиальные гражданские позиции.

Создана принципиально новая, не имеющая аналогов в международной образовательной практике, стабильная, многоуровневая структура непрерывного образования, характеризующаяся преемственностью в обучении и воспитании, гибкостью организационных

форм и многообразием образовательной деятельности. Структура НУА постоянно развивающийся и совершенствующийся организм, базисом которого являются основные образовательные ступени национальной системы образования в Украине (дошкольная подготовка – ДШРР, специализированная экономико-правовая школа – СЭПШ, гуманитарный университет (бакалаврат и магистратура), последипломная подготовка, аспирантура и докторантура).

Определен главный системообразующий принцип, лежащий в основе всей организации образования – «непрерывка» не является какой-то особой, новой образовательной системой, на ее основе развивается и функционирует каждый из элементов любой системы образования.

Вокруг этого исходного принципа формируется система базовых принципов функционирования непрерывного образования. Среди них: принцип целостности, принцип преемственности, принцип интеграции, принцип гибкости и маневренности и др. [8, с. 7–22].

Сегодня подтверждения результатов неформального обучения регламентируется законами Украины «О занятости населения» и «О профессиональное развитие работников». Однако основной акцент в них сделан на рабочие профессии, что является существенным недостатком, поскольку не учитывает глобальные тенденции развития экономики, которые демонстрируют уменьшение доли рабочих профессий и быстрый рост сегмента квалифицированных специалистов непроемственной сферы, IT отрасли, социальных коммуникаций и услуг и тому подобное.

По некоторым оценкам, финансовый потенциал рынка образования в течение жизни в Украине составляет около 117 млрд грн в год, то есть 7,8% ВВП Украины, что характеризует образование как одну из ведущих отраслей в структуре отечественной экономики. Прогнозируемый рост составляет 3–7% ежегодно в течение следующего десятилетия. Таким образом, до 2024 года он увеличится до 150 млрд грн [10].

Следует, однако, учитывать, что на качество обучения влияет не только непосредственно учебный процесс, но и ряд опосредованных факторов, к числу которых ведущие университеты США и Великобритании, например, относят следующие:

- Статистика трудоустройства выпускников.
- Количество и качество публикаций преподавателей, в том числе совместно со студентами. Уровень их активности в научной работе и общественной жизни вуза.
- Количественное соотношение преподаватель/студенты.
- Процент студентов, обучающихся по студенческому обмену за рубежом.
- Тенденция приема студентов в вуз на программу (рост или снижение).
- Процент студентов, заканчивающих обучение в срок (4–5 лет).
- Разнообразие этнического и социального состава студентов.
- Финансовая устойчивость вуза (наличие солидного стабилизационного фонда). – Количество книг в библиотеке.
- Уровень организации НИР и НИРС.

Этот инструмент контроля над качеством подготовки студентов должен знать и применять в своей деятельности каждый преподаватель. В Народной украинской академии все эти показатели находятся на достаточно высоком уровне (к примеру, по 2016 г. трудоустроено на 15 августа 82% выпускников; наша библиотека насчитывает почти 900 тыс. электронных изданий и более 150 тыс. экземпляров книг) хотя снижать внимание к этим показателям недопустимо. Одним из главных факторов, определяющих успешность вуза и его студентов, остается уровень организации и результативность научно-методической и научно-исследовательской работы [8, с. 55–56].

Поэтому целесообразно разрабатывать и принимать закон именно «Об образовании в течение жизни», в котором, кроме образования взрослых, будет урегулирована государственная политика для различных форм и видов образования (неформального, информального, домашнего, дистанционного, экстерната и т. п.).

Список литературы

1. A Memorandum on Lifelong Learning [Electronic resource] // Commission of the European communities. – Mode of access: http://arhiv.acs.si/dokumenti/Memorandum_on_Lifelong_Learning.pdf
2. Towards an institutional strategy for Lifelong Learning in Higher Professional

Education [Electronic resource] // Published by the FLLLEX consortium May 2012. – Mode of access: www.aqu.cat/doc/doc_16974883_1.pdf.

3. Бахрушин В. Академічна автономія і трансформація української освіти [Електронний ресурс] / В. Бахрушин. – Режим доступу: <http://www.edu-trends.info/wp-content/uploads/2016/04/%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B8%D0%BD.pdf?c6a0fb>.

4. Диалог поколений : (воспоминания ветеранов, записанные студентами Харьк. гуманитар. ун-та «Нар. укр. акад.». – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – 120 с.

5. Ильченко А. Краткая история НУА: достижения и награды [научная работа на межд. студ. науч. конф. 17 апреля 2010 г.] / А.Ильченко. – 2010. – 26 с.

6. Ильченко А.Е. История Народной украинской академии: достижения и награды как факторы признания / Алина Евгеньевна Ильченко // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Х., 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 345–348.

7. Кумбс Ф. Г. Кризис образования в современном мире : пер. с англ. / Ф. Г. Кумбс. – М. : Прогресс, 1970. – 293 с.

8. Не созданы мы для легких путей : анализ. материалы к собр. трудового коллектива НУА 31 авг. 2016 г. / Нар. укр. акад. ; авт.-сост.: В. И. Астахова, Е. В. Астахова. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 170 с.

9. Официальный сайт Госкомстата Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

10. Потенціал вітчизняного ринку освіти протягом життя [Електронний ресурс] // Освітня політика. Портал громадських експертів – Режим доступу: <http://mvshky3boruw63rnovqs433sm4.cmle.ru/ua/tsifri-i-fakti/367-potentsial-vitchiznyanogo-rinku-osviti-protyagom-zhittya>.

11. Пропозиція робочої сили та попит на неї. Статистичні таблиці та графічні матеріали (оновлено 02.11.15) [Електронний ресурс]// Державна служба зайнятості – Режим доступу: <http://www.dcz.gov.ua/statdatacatalog/document?id=350802>.

References

1. A Memorandum on Lifelong Learning [Electronic resource] // Commission of the European communities. – Mode of access: http://arhiv.acs.si/dokumenti/Memorandum_on_Lifelong_Learning.pdf.

2. Towards an institutional strategy for Lifelong Learning in Higher Professional Education [Electronic resource] // Published by the FLLLEX consortium May 2012. – Mode of access: www.aqu.cat/doc/doc_16974883_1.pdf.

3. Bahrushin V. Akademichna avtonomia i transformazia ukrainskoï osvity / V. Bahrushin. – El. dzherelo. Rezhim dostupu: <http://www.edu-trends.info/wp-content/uploads/2016/04/%D0%91%D0%B0%D1%85%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B8%D0%BD.pdf?c6a0f6>.
4. Dialog pokoleniy : (vospominaniya veteranov, zapisanniye studentamy Khark. gumanitar. un-ta «Nar. ukr. akad.»). – Kharkiv : Izd-vo PUA, 2011. – 120 p.: photo.
5. Ilchenko A. Kratkaya istoriya PUA: dostizhenia i nagrody [naychnaya rabota na mezhd. stud. naych. konf. 17 April 2010]/A. Ilchenko. – 2010. – 26 p.
6. Ilchenko A. E. Istoriya People’s Ukrainian academy: dostizhenia i nagrody kak faktory priznaniya / Alina Ilchenko // Vcheni zap. Khark. gumanitar. un-ta «Nar. ukr. akad.». – Kh., 2012. – T. 18, b. 1 : Osvita: tradizii ta innovatzii v umovah socialnyh zmin. – P. 345-348. – Bibliogr.: p. 348 (7 nazv.).
7. Kums F. G. Krysys obrasovaniya v sovremennom mire : per. s angl. / F. G. Kums. – M. : Progress, 1970. – 293 p.
8. Ne sozdany my dlya legkih pytey : analit. materialy k sobr. trudovogo kollektiva PUA 31 aug. 2016 / Nar. ukr. akad. ; avt.-sost.: V. I. Astakhova, E. V. Astakhova. – Kharkiv : Izd-vo PUA, 2016. – 170 p.
9. Official website of State Statistics Service of Ukraine. – Mode of access: <http://www.ukrstat.gov.ua/>.
10. Potencial vitchiznyznogo rynku osvity protyagom zhittya // Osvitnya politika. Portal gromadskyh ekspertyv – Mode of access: <http://mvshky3boruw63rnovqs433sm4.cmle.ru/ua/tsifri-i-fakti/367-potentsial-vitchiznyanogo-ryнку-osviti-protyagom-zhittya>.
11. Propozitiya robochoi syly ta popyt na niyi. Statystychni tablici ta graphichni materialy (onovleno 02.11.15) // Public Employment Service. – Mode of access: <http://www.dcz.gov.ua/statdatacatalog/document?id=350802>.

УДК 316.34-057

*Н. О. Камбур***РЕАЛІЗАЦІЯ ПРАВА НА ОСВІТУ ЯК УМОВА
СОЦІАЛЬНОЇ СПРАВЕДЛИВОСТІ**

Анотація. Статтю присвячено розкриттю соціологічного змісту поняття реалізації права на освіту. Зазначається, що змістовно це поняття пов'язане з поняттям соціальної справедливості. Підкреслюється, що реалізація права на освіту є умовою соціальної справедливості. Законодавство України забезпечує рівність всіх громадян щодо реалізації свого права на освіту, але дані сучасних соціологічних досліджень підтверджують той факт, що в реальності нерівність в освіті, все ж таки, має місце. Цей факт актуалізує пошук та виявлення причин неповної реалізації права на освіту на рівні певних соціальних груп. Авторка підкреслює, що, не зважаючи на спільне право на освіту, якісна освіта сьогодні є дефіцитним ресурсом, доступ до якого є проблематичним для нижчих прошарків суспільства. Дослідження показують, що виключення з навчання, переривання процесу отримання освіти найчастіше спостерігається саме на рівні цих прошарків, що є проблемою, яка гальмує розвиток демократії. Вирішення цієї проблеми потребує дослідження та виявлення прихованих чинників, невидимих бар'єрів, які існують в самій системі освіти та перешкоджають повноцінній реалізації права на освіту, його розповсюдженню на всі прошарки суспільства. Усунення цих бар'єрів, сприятиме встановленню соціальної справедливості, справедливого соціального порядку, а їх виявлення потребує спеціального соціологічного дослідження, логікою якого передбачено дослідницький пошук на різних рівнях освіти – дошкільної, шкільної, вищої, післядипломної.

Ключові слова: право, реалізація права, соціальна нерівність, соціальна справедливість, соціальний порядок.

Камбур Н. А. Реализация права на образование как условие социальной справедливости

Аннотация. Статья посвящена раскрытию социологического содержания понятия реализации права на образование. Отмечается, что содержательно это понятие связано с понятием социальной справедливости. Подчеркивается, что реализация права на образование является условием социальной справедливости. Законодательство Украины обеспечивает равенство всех граждан по реализации своего права на образование, но данные современных

социологических исследований подтверждают тот факт, что в реальности неравенство в образовании, все же, имеет место. Этот факт актуализирует поиск и выявление причин неполной реализации права на образование на уровне определенных социальных групп. Автор подчеркивает, что, несмотря на общее право на образование, качественное образование сегодня является дефицитным ресурсом, доступ к которому проблематично для низших слоев общества. Исследования показывают, что исключение из обучения, прерывания процесса получения образования чаще всего наблюдается именно на уровне этих слоев, является проблемой, которая тормозит развитие демократии. Решение этой проблемы требует исследования и выявления скрытых факторов, невидимых барьеров, которые существуют в самой системе образования и препятствуют полноценной реализации права на образование, его распространение на все слои общества. Устранение этих барьеров, способствовать установлению социальной справедливости, справедливого социального порядка, а их выявление требует специального социологического исследования, логикой которого предусмотрено исследовательский поиск на разных уровнях образования – дошкольного, школьного, высшего, последипломного.

Ключевые слова: право, реализация права, социальное неравенство социальная справедливость, социальный порядок.

Kambur N. A. Realization of the right for education as condition of social justice

Annotation. The article is devoted to the discovering of sociological (content of) concept of realization of the right for education. It is noted that this concept is connected with the concept of social justice. It is emphasized that realization of the right for education is the condition of social justice. The Ukrainian legislation provides equality of all citizens according to the realization of their rights for education, but the data of modern sociological researches prove the fact that de facto inequality in education takes place. This fact actualizes the search and revealing the reasons of in completed realization of the right for education on the level of certain social groups. The author emphasizes that despite of the general right for education, the quality education today is scarce resource and access to it is problematic for the lower social strata. The researches show that suspension of education, interrupting the studies is often observed, mainly on the level of above mentioned strata, that it is the problem which stops the development of democracy. The solvation of that problem requires doing researches and revealing hidden factors, not visible barriers which exist in the system of education and

prevent the proper realization of the right for education, its spreading for all social strata. The elimination of these barriers will contribute to restore the social justice, social order and their revealing requires special sociological research, the investigation on the various levels of education-preschool, school, higher education and post-graduation ones.

Key words: right, realization of the right, social inequality, social justice, social order.

Кожна людина має право на освіту, яке дає можливість індивідам та соціальним групам розвивати свої здібності, реалізувати життєві стратегії за бажаними сценаріями тощо. Взагалі, проблема реалізації прав людини дуже тісно пов'язана з проблемою соціальної справедливості. Оскільки, теоретично та у найзагальніших рисах, справедливим вважається те суспільство, в якому всі громадяни мають однакові права та обов'язки. Отже, несправедливість – це коли або обов'язки не виконуються, або права не реалізуються (особливо на рівні окремих соціальних груп, спільнот).

В Україні право на освіту має кожний громадянин, не зважаючи ані на його стать, ані на його соціальне походження та інші аскриптивні ознаки. Утім, сучасні соціологічні дослідження показують, що вихідці з вищих соціальних прошарків, набагато частіше мають більш високий рівень освіти. Що ж стосується вихідців з нижчих прошарків, то навіть якщо їм вдається вступити до ВНЗ, вони, здебільшого, не мають успіхів у навчанні, а багато кому з них так і не вдається отримати вищу освіту [8; 9]. Отже, де юре, право на освіту мають усі громадяни України, а де факто виходить так, що реалізація цього права відбувається «нерівномірно», тобто є цілі соціальні прошарки, яким не вдається реалізувати своє право на освіту в повній мірі. Тому не випадково проблема реалізації права на освіту, як умова соціальної справедливості, набуває особливої актуальності, адже на сьогодні завдання законодавства полягає в тому, щоб нормативно забезпечити реалізацію права на освіту, не допускати або, принаймні, мінімізувати можливості його порушення.

Проблема реалізації права на освіту є міждисциплінарною. Її досліджують та вивчають здебільшого юристи. Значну увагу проблемі

реалізації права приділяли такі дослідники, як В. Немечкін, М. Горячев, О. Ферাপонтова, Т. Сазанова, А. Калініна, О. Стерлікова. Соціологи, в свою чергу, також небайдуже ставляться до цієї проблеми. Зокрема, Н. І. Зуйкова акцентує увагу на актуальності визначення соціологічного змісту поняття «реалізація права на освіту», що зумовлено необхідністю вирішення протиріч, які виникають між запропонованим правом на освіту та його фактичною реалізацією [3, с. 241]. Вітчизняні та зарубіжні соціологи С. Оксамитна, О. Осипов, Н. Матвєєва та інші акцентують увагу на існуванні в самій системі освіти внутрішніх «невидимих» бар'єрів, які створюють перешкоди для освітніх успіхів вихідців з нижчих соціальних прошарків [8, с. 28; 10, с. 37]. Оскільки проблема реалізації права, як ми писали вище, дотична до проблеми соціальної справедливості, окремої уваги заслуговують наукові праці, в яких порушуються питання по сутність та зміст соціальної справедливості. Значний внесок у розроблення ідеї соціальної справедливості зробили такі всесвітньо відомі вчені, як Р. Дарендорф, Ф. Гаєк та інші. Сучасна дослідниця Ю. Золотарьова стверджує, що незважаючи на існуюче розмаїття концепцій соціальної справедливості, практично всі вони дають підстави для порушення питання про взаємозв'язки таких соціальних феноменів, як право і справедливість [2, с. 145]. В умовах українського суспільства, що трансформується, мірою соціальної справедливості є міра реалізації права. Особливу увагу проблемі соціальної справедливості приділяє сучасна дослідниця С. Ісанбаєва, яка вважає, що діяльність деяких соціальних інститутів нашого суспільства не є сприятливою для становлення соціальної справедливості [4, с. 640].

Отже, *мета* цієї статті полягає у розкритті соціологічного змісту поняття «право на освіту» та визначенні перспектив соціологічного дослідження реалізації цього права як умови соціальної справедливості в сучасному суспільстві.

Нині в українському суспільстві зростає критична увага до проблем соціальної справедливості, рівності/нерівності, подолання прірви між бідними і багатими, забезпечення не тільки формальної рівності у правах (особистих, політичних, соціокультурних, економічних тощо),

а передусім створення рівних можливостей щодо їх реалізації [1, с. 270]. Сучасне розуміння соціальної справедливості пов'язане з наданням рівних можливостей, соціальних гарантій усім членам суспільства, запобіганням дискримінації, необхідністю підтримки окремих верств і груп населення. Одне з найголовніших завдань держави полягає в тому, щоб забезпечити реалізацію принципу соціальної справедливості у сфері освіти, який полягає у наданні рівних можливостей користування однаковими правами. У соціологічних працях соціальна справедливість нерідко трактується крізь призму проблематики соціального порядку. Тобто, соціальна справедливість – це коли в суспільстві встановлений справедливий соціальний порядок. Взагалі під соціальним порядком розуміються фундаментальні принципи організації соціальної системи і складових її елементів, способи зв'язку цих елементів між собою, а також їх гармонійного функціонування. У понятті соціального порядку розкриваються провідні принципами системної організації суспільства [5, с. 24; 11, с. 145].

Взаємозв'язок права і соціальної справедливості можливий за умови високої соціальної ефективності права, тобто в ситуації ефективного функціонування права як соціального інституту. Показником такої ефективності (або неефективності) є рівень конфліктності в суспільстві. Високий рівень конфліктності, який спостерігається в сучасній Україні, свідчить про те, що інститут права, як виявляється дисфункціонує.

У цій статті соціальна справедливість розглядається крізь призму реалізації права (зокрема, на освіту) і необхідних для цього умов. Міра реалізації права є мірою соціальної справедливості. Виходячи із загальнотеоретичних підходів, реалізація права на освіту – це сукупність дій, передбачених суб'єктивним правом, які дають змогу особі задовольнити потребу у здобутті освіти [6, с. 24]. Важливим є справедливий розподіл повноважень, наданих суспільством, що дає можливість навчатись, здобувати знання, кваліфікацію. Застосування права на освіту характеризується прийняттям нормативно-правових актів в освітній сфері, створенням адміністративної та судової практики, звичаїв та традицій, поширенням досвіду, що склалися в галузі освіти.

На сьогодні головною проблемою української освіти є її хронічне недофінансування. Скорочення бюджетного фінансування освіти призвело до помітного зниження її якості. Ще однією проблемою повноцінної реалізації права на освіту є бідність значної частини населення України, що спричиняє виключення з навчання, переривання процесу отримання освіти з причини нестачі коштів на життя та необхідності заробляти ці кошти. На фоні масовизації вищої освіти спостерігається зниження її якості та вмотивованості молодих людей на отримання саме освіти, а не диплома про освіту. Отже, хоча статистичні дані й свідчать про зростання в Україні кількості людей з вищою освітою, проте на жаль, це не є свідченням на користь високого рівня освіченості цих людей [10, с. 37]. Але ж саме рівень освіченості, а не рівень освіти населення є важливим для розвитку суспільства. Низький рівень освіченості значної частини населення стримує зростання виробництва, впровадження інновацій та сприяє загостренню соціальної напруги.

Сьогодні, не зважаючи на загальне право на освіту, можемо спостерігати, що саме якісна освіта (тобто така, що, справді освідчує) не є однаково доступною для всіх верств вселення, особливо для осіб з низьким рівнем доходів. Варто зазначити, що така «несправедливість» простежується вже на рівні дошкільної освіти [7, с. 120]. Батьки, які мають кошти та час на спеціальну дошкільну підготовку своїх дітей, таким чином, забезпечують їм безпроблемний вступ до привілейованих шкіл та/або класів. Де юре, тобто згідно з правом на освіту, у нашому суспільстві таких не існує. Але, де факто, кожен з батьків першокласників, які вже проходили відбір до першого класу, знає, що наприклад, спеціалізовані школи, які відрізняються високими показниками освітніх результатів своїх учнів (перемоги в конкурсах, олімпіадах та ін.), мають право робити відбір потенційних першокласників. Саме тут і дається взнаки нестача дошкільної підготовки, яка не є безкоштовною, а разом із тим, не є доступною для всіх соціальних прошарків.

У працях таких авторів як Оксамитна С. М. та Осіпова А. М. зазначено [9, с. 116; 10, с. 37], що бар'єром для отримання якісної освіти є неформальні платежі, що розповсюджені в сучасних

загальноосвітніх закладах. Де юре, їх не можна вважати хабарем, оскільки вони оформлюються як благодійна допомога батьків шкільному фонду. Але, де факто, спостерігається навмисне гноблення дітей, чії батьки, з фінансових труднощів, не можуть сплачувати ці платежі. Навіть, починаючи з самого першого класу. При цьому страждають діти, які, насправді є здібними й талановитими але, на жаль, «матеріально неспроможними».

Проблема нерівного доступу до якісної освіти актуалізується у зв'язку з популяризацією та розвитком репетиторства, витратами на транспорт та проживання (якщо йдеться про отримання вищої освіти віддалено від місця проживання), нерівномірною доступністю та вартістю якісних підручників та ін. На рівні вищої освіти нерівність у її отриманні живиться поділом на «престижні» й «непрестижні» ВНЗ та спеціальності.

Робивши висновок, ми цілком згодні з авторами Л. М. Герасіною та С. Д. Ісанбаєвим [1, с. 268; 4, с. 637] в працях яких підкреслюється, що ані правові реформи, ані нові нормативно правові акти, спрямовані на посилення ефективності реалізації права на освіту, не призведуть до бажаних результатів, доки не будуть досліджені та виявлені приховані чинники, невидимі бар'єри, які існують у самій системі освіти та перешкоджають повноцінній реалізації цього права, його розповсюдженню на всі верстви населення. Усунення цих бар'єрів, на наш погляд, сприятиме встановленню соціальної справедливості, справедливого соціального порядку, а їх виявлення потребує спеціального соціологічного дослідження, логікою якого передбачено дослідницький пошук на різних рівнях освіти – дошкільної, шкільної, вищої, післядипломної. Доречним уявляється визначення міри доступності освіти для різних верств населення на основі виявлення статистично значущих зв'язків між такими показниками: а) економічного, культурного, соціального капіталу сім'ї та престижем навчального закладу, у якому навчається виходець з цієї сім'ї, а також показниками його успішності; б) престижем навчального закладу, показниками успішності та якістю підготовки вступу до цього закладу, наявністю та активністю репетиторського втручання у цей процес.

Безумовно, дослідження бар'єрів у реалізації права на освіту не

обмежується виявленням лише зазначених вище зв'язків. Такому дослідженню має передувати ретельне методологічне обґрунтування та пошук відповідних дослідницьких методів і методик, що складає перспективи нашої подальшої науково-дослідної діяльності.

Список літератури

1. Герасіна Л. М. Реалізація принципу соціальної справедливості в Україні: соціолого-правовий вимір / Л. М. Герасіна, В. І. Місютіна // Вісник Національної юридичної академії України ім. Ярослава Мудрого. – 2012. – № 2. – С. 268–278.
2. Золотарьова Ю. І. Соціальна справедливість та право: співвідношення і взаємозв'язок / Ю. І. Золотарьова // Вісник Нац. юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого. – 2012. – 12. – С. 144–150.
3. Зуйкова Н. И. К характеристике социологического содержания понятия «реализация права на образование» / Н. И. Зуйкова // Известия Алтайс. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 2 (74). – С. 240–248.
4. Исанбаева С. Д. Проявление социальной справедливости в социальном институте / С. Д. Исанбаева // Вестник Башкир. ун-та. – 2008. – № 8. – С. 637–641.
5. Клейменова Е. Г. Социальный порядок как основа устойчивости социальной системы / Е. Г. Клейменова // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 2. – С. 23–30.
6. Мельничук О. Ф. Реалізація права людини на освіту: сутність та механізм / О. Ф. Мельничук // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2012. – № 3. – С. 23–29.
7. Нечітайло І. С. Когнітивний ресурс як латентний «медіатор» відтворення та закріплення соціальної нерівності // Молодий вчений. Науковий журнал. – 2014. – № 10 (13) жовтень. – С. 118–123.
8. Оксамитна С. М. Міжгенераційна класова та освітня мобільність / С. Оксамитна. – Київ : НАУКМА ; Аграр Медіа Груп, 2011. – 287 с.
9. Оксамитная С. Н. Социально-классовые основы образовательного неравенства в Украине / С. Н. Оксамитная // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 3. – С. 116–136.
10. Осипов А. М. Институциональные барьеры и механизмы доступности образования: концепция и региональная динамика / А. М. Осипов, Н. А. Матвеева // Социол. исслед. – 2015. – № 7. – С. 37–48.
11. Ступак А. Л. Соціальний порядок як необхідна умова стабільності суспільних відносин / А. Л. Ступак // Держава і право: зб. наук. праць. Юридичні

і політичні науки. – Київ : Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2011. – Вип. 51. – С. 110–116.

References

1. Gerasina L. M. Realizacija principu social'noj spravedlivosti v Ukraïni: sociologo-pravovij vimir / L. M. Gerasina, V. I. Misjutina // *Visnik Nacional'noj juridichnoj akademii Ukraïni im. Jaroslava Mudrogo*. – 2012. – № 2. – С. 268–278.
2. Zolotar'ova Ju. I. Social'na spravedlivist' ta pravo: spivvidnoshennja i vzaemovz'jazok / Ju. I. Zolotar'ova // *Visnik Nacional'noj juridichnoj akademii Ukraïni imeni Jaroslava Mudrogo*. – 2012. – № 12. – С. 144–150.
3. Zujkova N. I. K karakteristike sociologicheskogo sodержanija ponjatija «realizacija prava na obrazovanie» / N. I. Zujkova // *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – Vip. 2 (74). – С. 240–248.
4. Isanbaeva S. D. Projavlenie social'noj spravedlivosti v social'nom institute / S. D. Isanbaeva // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2008. – № 8. – С. 637–641.
5. Klejmenova E. G. Social'nyj porjadok kak osnova ustojchivosti social'noj sistemy / E. G. Klejmenova // *Vestnik Udmurskogo universiteta*. – 2014. – № 2. – С. 23–30.
6. Mel'nichuk O. F. Realizacija prava ljudini na osvitu: sutnist' ta mehanizm / O. F. Mel'nichuk // *Bjuleten' Ministerstva justicii Ukraïni*. – 2012. – № 3. – С. 23–29.
7. Nechitaylo I. S. Kognitivnij resurs jak latentnij «mediator» vidtvorennja ta zakriplennja social'noj nerivnosti // *Molodij vchenij. Naukovij zhurnal*. – 2014. – №10 (13) zhovten'. – С. 118–123.
8. Oksamitna S. M. Mizhgeneracijna klasova ta osvitnja mobil'nist' / S. Oksamitna. – Київ : NaUKMA; Agrar Media Grup, 2011. – 287 s.
9. Oksamitnaja S. N. Social'no-klassovye osnovy obrazovatel'nogo neravenstva v Ukraine / S. N. Oksamitnaja // *Sociologija: teorija, metody, marketing*. – 2006. – № 3. – С. 116–136.
10. Osipov A. M. Institucional'nye bar'ery i mehanizmy dostupnosti obrazovanija: koncepcija i regional'naja dinamika / A. M. Osipov, N. A. Matveeva // *Sociologicheskie issledovanija*. – 2015. – № 7. – С. 37–48.
11. Stupak A. L. Social'nij porjadok jak neobhidna umova stabil'nosti suspil'nih vidnosin / A. L. Stupak // *Derzhava i pravo: Zbirnik naukovih prac'.* Juridichni i politichni nauki. – Київ : Institut derzhavi i prava im. V. M. Korec'kogo NAN Ukraïni, 2011. – Vip. 51. – С. 110–116.

В. А. Кирвас, П. Э. Ситникова

РЕФЕРЕНТ-ПЕРЕВОДЧИК: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИИ

Аннотация. В статье рассматривается референтская деятельность, анализируется профессия «референт-переводчик», приводятся квалификационные требования работодателей к референту-переводчику, его функциональные обязанности, необходимые компетенции (знания, умения, навыки и способности), возможные направления деятельности, отмечаются преимущества, социальная значимость, перспективность и риски профессии. Приводится опыт Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА») в подготовке студентов по сдвоенной специальности на факультете «Референт-переводчик». Отмечается, что обучение обеспечивается не только по дисциплинам основного переводческого направления, но и по достаточно многим дисциплинам референтского цикла. При этом референтская направляющая включает два этапа: секретарско-референтская и референтско-переводческая подготовки. Перечисляются названия учебных дисциплин и раскрываются цели их изучения в рамках «Авторской интегрированной программы непрерывной подготовки по информационным технологиям».

Ключевые слова: делопроизводство, референт, переводчик, референт-переводчик, компетенции, обязанности, квалификационные требования.

Кирвас В. А., Ситнікова П. Е. Референт-перекладач: особливості та перспективи професії

Анотація. У статті розглядається референтська діяльність, аналізується професія «референт-перекладач», наводяться кваліфікаційні вимоги роботодавців до референта-перекладача, його функціональні обов'язки, необхідні компетенції (знання, вміння, навички та здібності), можливі напрямки діяльності, відзначаються переваги, соціальна значимість, перспективність і ризики професії. Наводиться досвід Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» (ХГУ «НУА») в підготовці студентів за здвоєною спеціальністю на факультеті «Референт-перекладач». Відзначається, що навчання забезпечується не тільки з дисциплін основного перекладацького напрямку, але і з досить багатьох дисциплін референтського циклу. При цьому референтська направляюча включає два етапи: секретарсько-референтська

і референтсько-перекладацька підготовки. Перераховуються назви навчальних дисциплін і розкриваються цілі їх вивчення в рамках «Авторської інтегрованої програми безперервної підготовки з інформаційних технологій».

Ключові слова: діловодство, референт, перекладач, референт-перекладач, компетенції, обов'язки, кваліфікаційні вимоги.

Kirvas V. A., Sitnikova P. E. Referent-translator: features and professional prospects

Annotation. The article focuses on the secretary-assistant constituent of a translator-interpreter profession, employers' requirements for translators-interpreters qualification, their job responsibilities, translators' knowledge and competence, possible areas of activity. The article highlights the benefits, social importance, perspectives and risks of this profession.

The authors describe experience of Kharkiv University of Humanities "People's Ukrainian Academy" (PUA) in training students of the Translator-Interpreter Department both as secretaries-assistants and translators-interpreters. It is noted that students have a number of secretary-assistant courses together with studying special courses in translation and interpreting.

The secretary-assistant training is provided in two stages: secretary-assistant and assistant-translation training. The authors give the list of academic disciplines and set the aim of their study within the framework of "Author's integrated program of information technologies continuous training".

Key words: competences, job responsibilities, office administration, personal assistant, translator-interpreter, qualification requirements.

Глобализация экономики, формирование информационного общества, динамичное и устойчивое развитие международных отношений и туризма требуют всё большего количества подготовленных переводчиков – специалистов в различных областях человеческой деятельности. Профессия переводчика становится одной из самых востребованных. Появился целый ряд переводческих специальностей: устный переводчик, переводчик-синхронист, письменный переводчик, переводчик технической литературы, переводчик-гид, переводчик-редактор и т. д. [1].

Увеличение числа международных контактов разного уровня привело к резкому увеличению спроса на услуги таких специалистов,

как референт-переводчик, поскольку переработка первичных документов является одной из важнейших составных частей информационной деятельности. В свободной энциклопедии *Википедия* «референт» (лат. referens, referentis) трактуется как – относящийся, сопоставляющий, воспроизводящий; сообщающий о реферате. В современном экономическом словаре референт (от лат. referens – сообщающий) – должностное лицо, готовящее доклады руководителю, консультирующее по определённым вопросам, дающее рекомендации. Реферирование относится к числу наиболее сложных аналитических задач смысловой обработки текстов человеком и всегда рассматривалось как сложная сфера человеческой деятельности, это одна из высших форм практического владения языком [2, 3].

Под референтской же деятельностью понимают оказание деловому партнёру услуг по реферированию, редактированию, спичрайтерству и других услуг, необходимых ему для успешного функционирования в деловой сфере [4]. Известно, что «для руководителей пишут не только речи, с которыми они выступают на презентациях, конференциях и предвыборных шоу, – за руководителей составляют приказы, аналитические справки, деловые письма и иные документы, которые они лишь утверждают, издают и подписывают».

В самом известном русскоязычном журнале Германии «Партнёр» [5] утверждается, что наблюдается повышенный интерес молодёжи к профессии «Fremdsprachenkorrespondent» [6]. Ольга де Гильде отмечает, что сотрудники интернет-портала ГРАМОТА.РУ, ознакомившись в общих чертах с описанием должностных инструкций, соответствующих этой популярной в Германии профессии, порекомендовали называть её «референт-переводчик».

В том или ином ракурсе рассматривали данную тему в своих исследованиях Андреева В. И., Барсуков М. И., Веселов П. В., Гойхман, О. Я., Гордиенко К. Д., Демин Ю. М., Комендровская Ю. Г., Комова М. В., Конькова О. Ю., Кузнецова Т. В., Литвинцева Н. А., Матвеева Г. В., Тимошенкова Т. М. и др. Однако до сих пор у многих выпускников школ и абитуриентов нет полной ясности – кто такой референт-переводчик, какие требования предъявляются к нему, какие он имеет функциональные обязанности и т.п.

Цель статьи – попробовать найти ответы на вопросы: что это за профессия «референт-переводчик» и почему она в последнее время так стремительно завоёвывает умы и сердца молодых людей.

Референт – это должностное лицо в организации, и он является непосредственным помощником руководителя. Следует отметить, что в классификаторе профессий ДК 003:2010 [7] под кодом 3436.1 числится профессия «референт», а под кодом 2444.2 – «переводчик». В Выпуске 1 «Справочника квалификационных характеристик профессий работников» [8], утверждённого приказом Министерства труда и социальной политики Украины, как для референта, так и для переводчика, приводятся квалификационные требования, характеристика работы что они должны знать. Часто можно встретить комбинированную должность – секретарь-референт, в которой функции референта выполняет секретарь. Но образ референта-переводчика как «лучшего секретаря» давно устарел. Поэтому, чтобы понять что это за сдвоенная профессия «референт-переводчик», вначале отметим возможные направления деятельности: это – международные организации и объединения; импорт и экспорт; промышленность; туризм; реклама и связи с общественностью; выставка и управление событиями; обслуживание; логистика; архитектура и строительство; здравоохранение и социальные услуги; средства массовой информации, и др. Референты-переводчики работают в различных отраслях в офисах, фирмах, компаниях, в государственных учреждениях и частных организациях, ориентированных в основном на развитие международных контактов, в международных компаниях и предприятиях любого профиля и форм собственности.

Сегодня в функциональные обязанности референта-переводчика входят не только осуществление письменного и устного перевода с (на) несколько иностранных языков, но также ряд знаний и умений, таких как внедрять и координировать работу системы внешних взаимосвязей организации; готовить служебные командировки (заказ авиа и ж/д билетов, бронирование гостиниц, получение виз и т.п.) и оформлять рабочий план руководителя на время командировки; планировать, организовывать и проводить международные встречи, конференции, выставки, ярмарки; представлять компанию за рубежом,

организовывать приём и поддерживать деловой разговор иностранных гостей и деловых партнёров; организовывать встречи должностных лиц, посетителей и гостей с руководством; вести предварительные и готовить официальные переговоры с партнёрами (в том числе иностранными); осуществлять организацию электронного делопроизводства на предприятии (знать нормативные акты по делопроизводству, порядок приёма и обработки входящих и исходящих документов, трудовое законодательство Украины), вести базы данных; координировать взаимодействия между подразделениями, контролировать исполнения управленческих решений компании; обеспечивать своевременное и адресное распределение поручений, распоряжений и приказов руководителя, контролировать их выполнение, составлять графики отчётов руководителей структурных подразделений о результатах деятельности; вести организационно-распорядительную документацию предприятия (учреждения, организации), оформлять акты, приказы, распоряжения руководителя организации; готовить запросы, обращения, ответы на письма, сообщения и т.п. на профессиональном уровне организовывать и проводить собрания и совещания, вести протоколы; работать с современной офисной техникой (принимать и передавать телефонограммы, факсограммы, сканировать и распечатывать документы, работать в компьютерной сети) и новыми офисными компьютерными программами, включая Microsoft-Office (Word, Excel, Access, PowerPoint), Internet и т.д.; вести деловую переписку на родном и иностранных языках, грамотно и по всем правилам составлять деловые письма зарубежным партнёрам (письмо-заказ, письмо-запрос, письмо-жалоба и т.д.); работать с деловыми документами и редактировать их на своём родном языке и по крайней мере на одном иностранном языке, контролировать сроки исполнения документов; правильно и в соответствии с существующими нормами делового этикета вести телефонный диалог с партнёрами в стране и за её пределами; осуществлять отбор, обработку, анализ и давать оценку информации из различных отечественных и зарубежных источников, составлять отчёты, аналитические обзоры и презентации по актуальным социальным, экономическим, финансовым вопросам, в развёрнутом или сжатом

виде представлять ту інформацію, которая интересуєт руководство підприємства, в том числі о потенціальних зарубіжних партнёрах.

Референти-перекладачі можуть виконувати самі різноманітні обов'язки: офіс-менеджера (адміністратора офіса), перекладача, секретаря-делопроизводителя, референта, бізнес-помічника керівника міжнародної компанії (підприємства) і др. Таким образом, референт-перекладач не просто здійснює переклади, робить дзвінки і пише електронні листи. Він може виконувати одночасно функції поштової відділення, редактора, бухгалтерського учёта, делопроизводства, туристического агентства, центра обробки викликів, менеджера подій і др. [9].

Требования, пред'являемые работодателями к референтам-перекладачам доволно обширны: знання англійського і бажано ще не менше одного іноземного мови; знання правил ведення документооборота, стандартів системи організаційно-розпорядчій документації, комп'ютерного делопроизводства; вміння працювати на ПК (MSWord, Excel, Access, PowerPoint, Internet, Outlook, IC і др.); вміння швидко і без помилок друкувати на ПК сліпим десятипальцевим методом; знання основних принципів управління персоналом, основ психології і соціології, ділової етики і естетики; знання основ адміністративного, господарського, інтелектуального права і трудового законодавства; володіння аналітичними здібностями; знання стилів літературної і ділової мови; володіння грамотною і чіткою мовою, діловим державним мовою; володіння хорошими організаційними здібностями, адміністративними навичками; стрессостійкість, емоційно-волевая стійкість, виконавчість, організованість, дисциплінованість, пунктуальність, наполегливість, надійність, хороша пам'ять, находчивість, комунікабельність, доброжелательність, культура спілкування, дипломатичність і акуратність.

Соціальна значимість професії референт-перекладач в обществі достатньо велика. Без управління і координування не може існувати і ефективно працювати ні одне підприємство. Чітка, налажена робота керівника, який буде займатися важливими справами, не відволікаючись на дрібні проблеми – основа

стабільного функціонування всей організації. Поєтому, професія референт-переводчик являється важною і потрібною в будь-якій організації і сучасному суспільству в цілому. Без референта-переводчика робота керівництва була б менше ефективною. Референт-переводчик економить час керівника, представляючи йому короткий огляд або підбірку статей, книг, наукових робіт, складаючи доповіді, що містять різні, як літературні, так і наукові вітчизняні і іноземні джерела. Від референта-переводчика залежить, яка інформація і в якому світлі предстане перед керівником, що може суттєво впливати на приймаєму ним рішення. Таким чином референт-переводчик повинен уміти виконувати всі види робіт: від простіших технічних до творчих, робота референта-переводчика різноманітна і багатогранна. Коло знань, умінь і навичок, необхідних референту-переводчику з кожним роком росте. Референт-переводчик – це високоосвіта, творчо наділений, високопрофесійний помічник керівника, якому завжди довіряють і на якого можна покластися, він виконає доручення будь-якої складності.

Для будь-якого випускника робота референтом-переводчиком – хороша життєва і професійна школа. Уже на самих перших етапах роботи встановлюється, чи можна довіряти даній людині, чи має він необхідні якості. В процесі роботи набувається не тільки досвід, але і необхідні і важливі зв'язки, що в подальшому, може позитивно сказатися на розвитку кар'єри. Щоденне спостереження за керівником може багато навчити: стилю керівництва, вмінню приймати правильні рішення, вистраивати стосунки з партнерами і підлеглими і др. З ризиків професії можна відзначити те, що референт-переводчик часто може мати ненормований графік і працювати допізно або в вихідні дні, а також їздити в командировки. Ця робота в інформаційно-наповнених умовах нерідко буває нервовою, з частими стресовими ситуаціями і поспіхом, а велика відповідальність вимагає стійкої нервової системи, особливого складу характеру, високого рівня культури і самообладання.

Основной особенностью требований к знаниям, умениям, навыкам и способностям референта-переводчика является их многоуровневость: первый уровень – компетенции в области письменного и устного перевода с (на) одного-двух иностранных языков; второй уровень – компетенции в области организации эффективной управленческой деятельности; третий уровень – компетенции в области функционирования предприятия (организации, компании, офиса и т. п.).

Первый уровень компетенций студенты получают обучаясь в вузах на филологических факультетах по специальности «Перевод».

Компетенции второго уровня, касающихся организации эффективной управленческой деятельности руководителя, составляют сущность профессиональных компетенций референта [8]. Он в некоторой степени и документовед, который должен хорошо ориентироваться в теории и практике организации и научного управления офисом. Ему необходимо знать нормативно-правовую базу отрасли и правовые основы управленческой, информационной и хозяйственной деятельности. От референта требуется также знание структуры современных информационных учреждений: библиотек, архивов, центров научно-технической информации, информационно-аналитических центров и т.п. Некоторые вузы готовят отдельно таких специалистов – документоведов. Для референта особое значение имеет и знание современных программных продуктов, применяемых в процессе организации документооборота, формирования баз данных, информационного сопровождения управленческой деятельности. Кроме этого для референта важными являются знания и навыки по основам психологии общения, риторике, этике профессиональных отношений, различных PR-технологий и др.

Согласно квалификационным требованиям к профессии [8], референт должен иметь стаж работы не менее одного года на соответствующем предприятии по профессиональному направлению. В это время он и должен приобрести компетенции третьего уровня – в области функционирования предприятия.

Далее приведём опыт ХГУ «НУА» подготовки студентов по сдвоенной специальности на факультете «Референт-переводчик», где обеспечивается обучение не только дисциплинам основного

переводческого направления, но и дисциплинам референтского цикла. При этом помимо изучения обществоведческих, филологических и переводческих дисциплин, студенты получают серьёзную подготовку в области компьютерных технологий, информатики, документо-ведения, офисной техники, компьютерного делопроизводства, организации управленческого труда, что обеспечивает референтам-переводчикам возможность успешного выполнения их функциональных обязанностей в каждом из направлений их профессиональной деятельности [10].

Референтская направляющая включает два этапа: секретарско-референтская подготовка и референтско-переводческая подготовка.

Первый этап длится пять семестров и заканчивается экзаменом «Компьютерное делопроизводство и организация управленческой деятельности» с присвоением сертификата по специальности «Секретарь-референт со знанием иностранного языка». На кафедре информационных технологий и математики разработана и применяется «Авторская интегрированная программа непрерывной подготовки по информационным технологиям»[11], составной частью которой являются следующие дисциплины для референтов-переводчиков.

С первого по третий курс изучается базовая дисциплина «Информационные технологии», цель которой – подготовка квалифицированных пользователей компьютерной техники, обладающих основными теоретическими положениями, методами и практическими приёмами анализа и обработки компьютерной информации, умеющих профессионально работать с современными программными продуктами, способных самостоятельно использовать полученные знания на практике при изучении новых программных продуктов и в практической работе. При этом студенты обучаются работе с современной операционной системой Windows и с сервисными программами, изучают работу с основными программами офисного пакета MicrosoftOffice для работы с текстовыми документами, электронными таблицами и базами данных, а также работе в сети Интернет.

Отдельным модулем в данной дисциплине является модуль «Компьютерное делопроизводство». Эта часть дисциплины ставит

своей целью научить студентов основным методам и формам работы со сложными, составными и структурированными документами, самостоятельно составлять, оформлять и исполнять документы организационно-распорядительного характера, а также дать им базовые знания в области современных методов организации электронного документооборота. В результате изучения этого модуля студенты могут обеспечивать приём, учёт, регистрацию, контроль исполнения документов, информационно-справочное обслуживание и хранение документной информации, контролировать качество подготовки, правильность составления, согласования, утверждения документов, представляемых на подпись руководству предприятия, а также осуществлять контроль исполнения документов и поручений руководства, принимать оперативные меры, направленные на своевременное и качественное их исполнение.

Дисциплина «Организация управленческого труда» ставит своей целью организационную и психологическую подготовку студентов в рамках профессии «секретарь-референт» и включает вопросы, касающиеся особенностей работы специалистов этого профиля, их взаимодействия с руководителем, роли референта в формировании корпоративной культуры и участия в общественных мероприятиях, правил бездокументного обслуживания и тайм-менеджмента.

Возможность соединить теоретическую подготовку с формированием практических навыков у студентов для облегчения их выхода на рынок труда обеспечивает включение в подготовку безотрывной ознакомительной и производственной практик, которые являются частью сквозной программы практики в ХГУ «НУА». Безотрывная ознакомительная практика на I курсе предоставляет студентам возможность без отрыва от учебного процесса развить практические навыки работы с персональным компьютером, а также ознакомиться с основами документоведения и бездокументного обслуживания, приобрести навыки печати текстов на украинском, русском и иностранном языках слепым десятипальцевым методом. Она является подготовительной к производственной практике. Целью производственной секретарско-референтской практики является глубокое практическое освоение студентами современных методов,

форм организации труда и информационно-коммуникационных технологий в области компьютерного делопроизводства, бездокументного и документного обслуживания, разработки организационно-распорядительных документов, выполнения различных видов печатных работ с применением современных средств оргтехники и компьютерных технологий; формирование у студентов, на базе полученных в ХГУ «НУА» знаний, профессиональных умений и навыков для принятия самостоятельных решений во время конкретной работы в реальных рыночных и производственных условиях современного офиса, умений работать в команде; воспитание потребности систематически обновлять свои знания и умения самостоятельно изучать необходимые новые информационно-коммуникационные технологии и творчески их применять в практической профессиональной деятельности. Производственная секретарско-референтская практика предшествует сдаче комплексного квалификационного экзамена «Компьютерное делопроизводство и организация управленческой деятельности» и позволяет закрепить знания, умения и навыки, полученные студентами в течение двух лет обучения.

Следующий этап референтской подготовки – подготовка по направлению референт-переводчик. Дисциплины, включённые в этот этап – это «Компьютерные технологии многомерного анализа данных» и «Информационные технологии переводчика». Целью изучения дисциплины «Компьютерные технологии многомерного анализа данных» является получение теоретических знаний и практических навыков в обработке информационных массивов различного типа. Студенты изучают задачи анализа данных с использованием сводных таблиц, методику построения и работы с кубами OLAP, позволяющие будущим специалистам получать информацию для статистического анализа и дальнейшего принятия управленческих решений, как повседневного характера, так и в целях стратегического планирования. Для эффективной работы в информационной среде от современного специалиста вместе со знанием иностранных языков нужны глубокие знания методов анализа и обработки всех видов информации: методов структурирования знаний, OLAP-технологий, систем интеллектуального анализа данных (DataMining) и др. Дисциплина «Информацион-

ные технологии переводчика» направлена на формирование у студентов необходимых теоретических знаний и практических навыков в области современных информационных технологий аналитической обработки больших объёмов информации (текстов, данных). При этом отдельный модуль посвящён различным аспектам интеллектуального и автоматического реферирования текстов на различных языках.

Сегодня в процессе глобализации, динамичного и устойчивого развития международных отношений профессия референт-переводчик не только престижна и востребована, но и весьма перспективна. В ХГУ «НУА» есть все условия и возможности для получения образования по сдвоенной специальности на факультете «Референт-переводчик».

Список литературы

1. Комендровская Ю. Г. Формирование проектировочной компетенции переводчика-референта в процессе профессиональной подготовки : дис. ... канд. пед. наук / Ю. Г. Комендровская – 2010. – 165 с.
2. Лазаренко О. В. Информационные технологии переводчика. Интеллектуальное и автоматическое реферирование : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 035 – Филология / О. В. Лазаренко ; Нар. укр. акад., [каф. информ технологий и математики]. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – С. 156.
3. Комарова Е. В. Обучение реферированию профильной профессионально-ориентированной литературы на иностранном языке в вузе / Е. В. Комарова // Молодой учёный. – 2015. – № 11 (91). – С. 1360–1362.
4. Гойхман, О. Я. Теория и практика референтской деятельности : учебное пособие / О. Я. Гойхман. – М. : ИНФРА, 2006. – 571 с.
5. Гильде О. Престижная профессия референт-переводчик / О. Гильде // Партнёр. – 2006. – № 7 (106). – С. 84–90.
6. Geprüfter Fremdsprachenkorrespondent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Gepr%C3%BCfter_Fremdsprachenkorrespondent. – Загл. с экрана.
7. Класифікатор професій: ДК 003 / Держ. ком. України з питань техн. регулювання та споживч. політики. – Київ : Держспоживстандарт України, 2010. – 697 с.
8. Довідник кваліфікаційних характеристик професій працівників. Вип. 1 :

Професії працівників, що є загальними для всіх видів економічної діяльності, розд. 1: Професії керівників, професіоналів, фахівців та технічних службовців / М-во праці та соц. політики України. – 3-тє вид., допов. та перепр. – Краматорськ : Центр продуктивності, 2005. – 353 с.

9. Woerfen in die Ausbildung zur Fremdsprachenkorrespondentin hinfuehren kann ... EuroAkademie. 04.08.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euroakademie.de/de/standorte/koeln/ausbildung/fremdsprachenkorrespondent.html>. – Загл. с екрана.

10. Подготовка референта-переводчика в условиях инновационного вуза : коллективная монография / под общ. ред. Т. М. Тимошенко ; Нар. укр. акад., [каф. герм. и роман. филол.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 104 с.

11. Авторская интегрированная программа непрерывной подготовки по информационным технологиям в Народной украинской академии / П. Э. Ситникова, В. А. Кирвас, В. П. Козыренко и др. ; Нар.укр. акад., [каф. информ. технологий и математики]. – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – 258 с.

References

1. Komendrovskaya Yu. G. Formirovanie proektirovochnoj kompetencii perevodchika-referenta v processe professional'noj podgotovki. Dis. k.p.n., 2010. – 165 s.

2. Lazarenko O. V. Informacionnye tekhnologii perevodchika. Intellektual'noe i avtomaticheskoe referirovanie : ucheb.posobie dlya studentov, obuchayushchihsia po special'nosti 035 – Filologiya / O. V. Lazarenko ; Nar. ukr. akad., [kaf. inform tekhnologij i matematiki]. – Har'kov: Izd-vo NUA, 2016.– S. 156.

3. Komarova E. V. Obuchenie referirovaniyu profil'noj professional'no-orientirovannoj literatury na inostrannom yazyke v vuze. Molodoj uchyonyj. № 11 (91). 2015 g. S. 1360-1362.

4. Gojhman, O. Ya. Teoriya i praktika referentskoj deyatel'nosti : uchebnoe posobie / O. Ya. Gojhman. – M. : INFRA, 2006. – 571 s.

5. Gil'de O. Prestizhnaya professiya referent-perevodchik / O. Gil'de // Partnyor. – №7 (106). – 2006. – S. 84-90.

6. Geprüfter Fremdsprachenkorrespondent [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa k resursu: https://de.wikipedia.org/wiki/Gepr%C3%BCfter_Fremdsprachenkorrespondent. – Zagl. s ekrana.

7. Klasifikator profesij: DK 003 / Derzh. kom. Ukraïni z pitan' tekhn. reguljuvannya ta spozhivch. politiki. – Kyiv. :DerzhspozhivstandartUkraïni, 2010. – 697 s.

8. Dovidnik kvalifikacijnih karakteristik profesij pracivnikiv. Vip. 1: Profesii

pracivnikov, shcho e zagal'nimi dlya vsih vidiv ekonomichnoї diyal'nosti, rozd. 1: Profesii kerivnikov, profesionaliv, fahivciv ta tekhnichnih sluzhbovciv / M-vo praci ta soc. politiki Ukraїni. – 3-te vid., dopov. ta perepr. – Kramators'k: Centr produktivnosti, 2005. – 353 s.

9. Woewien die Ausbildung zur Fremdsprachenkorrespondentininhinfbhrenkann ... EuroAkademie. 04.08.2016. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.euroakademie.de/de/standorte/koeln/ausbildung/fremdsprachenkorrespondent.html>. – Zagl. s ehkrana.

10. Podgotovka referenta-perevodchika v usloviyah innovacionnogo vuza : kollektivnaya monografiya / pod obshch.red. T. M. Timoshenkovej ; Nar. ukr. akad., [kaf. germ. i roman. filol.]. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2016. – 104 s.

11. Avtorskaya integrirovannaya programma nepreryvnoj podgotovki po informacionnym tekhnologiyam v Narodnoj ukrainskoj akademii / P. EH. Sitnikova, V. A. Kirvas, V. P. Kozyrenko i dr. ; Nar.ukr. akad., [kaf. inform. tekhnologij i matematiki]. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2011. – 258 s.

В. П. Козыренко

ОБЛАЧНЫЕ РЕСУРСЫ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НУА

Аннотация. Реализация непрерывного образования на практике предполагает наряду с развитием соответствующих личностных качеств человека (способности к дальнейшему самостоятельному обучению) обязательное создание единого образовательного информационного пространства и системы удаленного обучения, использующей новые информационные технологии и обеспечивающей с их помощью удобную, доступную и эффективную среду обучения.

Последние годы в учебных заведениях всех образовательных уровней проявляется повышенный интерес к облачным вычислениям (ресурсам), обеспечивающим как обмен учебной информацией, так и возможность развития коммуникативной информационной культуры. Цель статьи – рассмотреть основные возможности и опыт применения облачных ресурсов в учебно-воспитательном процессе НУА.

В статье приводятся причины популярности облачных ресурсов в учебных заведениях, а также особенности и опыт применения публичной модели облачных вычислений, известной как модель предоставления программного обеспечения как услуги, представлены основные направления внедрения облачных ресурсов в учебно-воспитательный процесс НУА на всех образовательных уровнях.

Ключевые слова: Непрерывное образование, НУА, информационные технологии, образовательные технологии, облачные вычисления, облачные ресурсы, информационная компетенция, Интернет.

Козыренко В. П. Хмарні ресурси у навчально-виховному процесі НУА

Анотація. Реалізація безперервної освіти на практиці передбачає разом із розвитком відповідних особистісних якостей людини (здібності до подальшого самостійного навчання) обов'язкове створення єдиного освітнього інформаційного простору й системи віддаленого навчання, що використовує нові інформаційні технології й забезпечує з їх допомогою зручне, доступне і ефективне середовище навчання.

Останнім часом у навчальних закладах усіх освітніх рівнів виявляється підвищений інтерес до хмарних обчислень (ресурсів), що забезпечують як обмін навчальною інформацією, так і можливість розвитку комунікативної інформаційної культури. Мета статті – розглянути основні можливості й досвід застосування хмарних ресурсів у навчально-виховному процесі НУА.

У статті наведено причини популярності хмарних ресурсів у навчальних закладах, а також особливості й досвід застосування публічної моделі хмарних обчислень, відомої як модель надання програмного забезпечення як послуги, подано основні напрями впровадження хмарних ресурсів у навчально-виховний процес НУА на всіх освітніх рівнях.

Ключові слова: Безперервна освіта, НУА, інформаційні технології, освітні технології, хмарні обчислення, хмарні ресурси, інформаційна компетенція, Інтернет.

Kozirenko V. P. Cloud resources in the educational process of the PUA

Annotation. Practical realization of continuing education presupposes alongside to the development of appropriate personal qualities (ability of further self-training) an obligatory creation of a united education and informational space and a system of distance education, using new information technologies and thus ensuring a comfortable, accessible and effective educational environment.

Recently institutions of all education levels show a keen interest in cloud computing (resources), securing both educational information exchange and the development of communicative information culture. The purpose of the article is to analyze the possibilities and the experience of applying cloud resources in the educational process at PUA.

The article discusses the reasons of cloud resources popularity, as well as peculiarities and experience of the usage of public cloud computing model of providing software service, designates the main trends of introducing cloud resources to all levels of educational process at PUA.

Key words: Continuing education, PUA, information technology, educational technology, cloud computing, cloud resources, information competence, Internet.

Роль страны в мировом сообществе, ее экономическое развитие все больше зависят от уровня технологического развития. В свою очередь, уровень развития современных технологий во многом зависит от интеллектуального потенциала общества, эффективности

системы образования. Это требует создания и применения более совершенных средств и технологий обучения. Наиболее перспективными и результативными среди новых технологий являются информационно – коммуникационные технологии. Одними из основных инновационных направлений в системе непрерывного образования является широкое внедрение во все формы образования информационно-коммуникационных технологий, а также методов и средств дистанционного обучения в органическом сочетании с практикой очного обучения. Реализация непрерывного образования на практике предполагает наряду с развитием соответствующих личностных качеств человека (способности к дальнейшему самостоятельному обучению) обязательное создание единого образовательного информационного пространства и системы удаленного (дистанционного) обучения, использующей новые информационные технологии и обеспечивающей с их помощью удобную, доступную и эффективную среду обучения [1, с. 130–139].

Требования к информационным ресурсам, направленные на обеспечение интеграции на всех уровнях непрерывного образования НУА:

- достаточная информационная полнота, соответствующая каждому уровню (ДШРР, СЭПШ, ХГУ, последипломное образование);
- надежность, достоверность и качество информации;
- структуризация и систематизация информации, удобная в использовании на всех образовательных уровнях НУА;
- единые поддерживающие технологии формирования и сопровождения информации, позволяющие оперативно поддерживать ее в актуальном состоянии и гарантирующие осуществление различных видов доступа в образовательном процессе (единые принципы администрирования);
- обеспечение соответствия информационных ресурсов возрастным и индивидуальным потребностям;
- единая коммуникационная среда, обеспечивающая как взаимодействие всех уровней образования, так и общие принципы доступа в локальную среду, среду Интернет.

Последние годы в учебных заведениях всех образовательных уровней проявляется повышенный интерес к облачным вычислениям (ресурсам), обеспечивающим как обмен учебной информацией, так и возможность развития коммуникативной информационной культуры [3, с. 126]. Цель статьи – рассмотреть основные возможности и опыт применения облачных ресурсов в учебно-воспитательном процессе НУА.

Учитывая разнообразную трактовку облачных вычислений, приведем основные определения.

Под облачными вычислениями (cloud computing) понимается модель предоставления по требованию доступа к совместно используемым вычислительным ресурсам (сетям, серверам, приложениям и сервисам). Ресурсы выделяются и освобождаются при минимальных усилиях, затрачиваемых на управление и взаимодействие с поставщиком ресурсов.

Наиболее распространенной и популярной в учебных заведениях моделью облачных вычислений является публичная модель предоставления программного обеспечения как услуги (Software as a Service, SaaS). Эта услуга поддерживает все функции традиционных приложений с доступом через Web-браузер. Модель SaaS позволяет не заботиться о серверах приложений, системах хранения, средствах разработки программного обеспечения.

Причины популярности облачных ресурсов:

1. Высокая технологичность и возможность внедрения практически без дополнительных затрат. Основные требования – наличие скоростного доступа в Интернет и достаточный уровень организации сетевой среды учебного заведения. В настоящее время для большинства учебных заведений эти условия выполнимы.

2. Возможность «перемещения» элементов учебного процесса в виртуальную среду.

3. Разработка и поддержка облачных решений со стороны известных информационных корпораций Microsoft и Google [2, с. 35–36].

4. Появление новых облачных решений, таких, как MEGA.

Именно по этим причинам в настоящее время наиболее популярными и внедряемыми информационными решениями для удаленного

обучения являются такие онлайн-сервисы и облачные ресурсы, как платформы для хранения и обмена информацией Dropbox, Google Drive, Office 365, MEGA, а также облачные платформы более высокого уровня – Azure, Amazon.

Первая группа представляет в основном возможность хранения и обмена информацией, вторая является для учебных заведений перспективной, решает вопросы с выделением вычислительных ресурсов для обеспечения, как учебного процесса, так и производственной деятельности учебных заведений.

Перспективным вариантом использования облачных ресурсов, который начинает распространяться в сфере образования, является перемещение в облако систем управления обучением (Learning Management Systems, LMS).

Внедрение информационных технологий в профессиональную деятельность преподавателя во многих случаях является основным условием формирования образовательных инноваций. К сожалению, использование инновационных методов на основе этих технологий не всегда облегчает и оптимизирует учебную деятельность, а иногда перегружает и усложняет ее, приводя к разочарованиям и неудачам. Основным условием успешного применения информационных технологий для внедрения и поддержки образовательных инноваций является наличие у преподавателей достаточно высокого уровня информационной компетенции. В связи с этим следует отметить и изменения в содержании требований к информационной компетенции преподавателей (стандарты информационной компетенции педагогов, разработанные в Международном обществе информатизации в образовании (ISTE)). Содержательная часть требований направлена на развитие коммуникативных компетенций и умение применять в учебном процессе современные сервисы Интернет.

В качестве новых возможностей и решений, связанных с внедрением облачных ресурсов в учебно-воспитательном процессе НУА можно отметить:

1. Расширение сетевых технологий обучение за пределы локальной среды академии. Функциональность облачных служб позволяет преподавателям формировать облачную среду, полностью аналогич-

ную по возможностям локальной среде с папками \$tasks, \$control и доступную в любом месте при наличии Интернет.

2. Возможность создания в облачном хранилище групп, ориентированных на информационное взаимодействие в соответствии как с учебной деятельностью (учебные группы, курсы), так и с направлениями воспитательной и научной работы (клубы, студком, профком, родители и др.). Передача информации на уровне групп и публикация информации в Интернет.

3. Обеспечение студентов и школьников электронной почтой со средствами планирования для обмена информацией с деканатами и отдельными службами академии.

4. Обеспечение дисциплин кафедры информационных технологий и математики достаточным количеством почтовых ящиков, возможность изучения современных облачных решений, в том числе новых офисных технологий.

5. Возможность администрирования отдельных облачных решений, таких, как Office 365, сетевыми администраторами НУА, т.е. самостоятельное создание и редактирование учетных записей, восстановление паролей.

Основное достоинство облачных решений – возможность внедрения на всех образовательных уровнях, т.е. соответствие требованиям, предъявляемым к информационным решениям непрерывного образования.

Использование в учебно-воспитательной работе облачных решений повышает конкурентоспособность учебного заведения, поскольку умение работать с современными информационными технологиями способствует успешной карьере выпускника на рынке труда.

Список литературы

1. Козыренко В. П. Информационно-техническое обеспечение учебно-воспитательной и научной работы в системе непрерывного образования / [В. П. Козыренко] // Непрерывное образование как принцип функционирования современных образовательных систем : (первый опыт становления и развития в Украине) : монография / под общ. ред. В. И. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – Разд. 2.2. – С. 130–139.

2. Облачные решения Microsoft в образовании / В. П. Козыренко // Экспертные оценки элементов учебного процесса : программа и материалы XIV межвуз. науч.-метод. конф., [Харьков, 3 ноября 2012 г.] / Нар. укр. акад. Каф. информ. технологий и математики. – Харьков, 2012. – С. 35–36.

3. Савчук Я. Технологии «облачных вычислений» как направление информационной подготовки в современном вузе / Я. Савчук, С. Щит (руков. Козыренко В. П.) // Формирование профессиональной культуры специалиста в условиях современного вуза: прогр. и материалы XVII Международной студен. науч. конф., [Харьков] 17 апр. 2010 г. / М-во образования и науки Украины, Нар. укр. акад.; [редкол.: В. И. Астахова и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – С. 126. – (День науки в НУА).

References

1. Kozyrenko V.P. Informacionno-tehnicheskoe obespechenie uchebno-vospitatel'noj i nauchnoj raboty v sisteme nepreryvnogo obrazovanija / [V.P. Kozyrenko] // Nepreryvnoe obrazovanie kak princip funkcionirovanija sovremennyh obrazovatel'nyh sistem : (pervyj opyt stanovlenija i razvitija v Ukraine) : monografija / pod obshh. red. V. I. Astahovoj ; Nar. ukr. akad. – H. : Izd-vo NUA, 2011. – Razd. 2.2. – S. 130–139.

2. Oblachnye reshenija Microsoft v obrazovanii. V. P. Kozyrenko// Jekspertnye ocenki jelementov uchebnogo processa: Programma i materialy XIV mezhvuz. nauch.-metod. konf., [Har'kov, 3 nojabrja 2012 g.] / Nar. ukr. akad. Kaf. inform. tehnologij i matematiki. - H., 2012. - S. 35-36.

3. Savchuk Ja. Tehnologii «oblachnyh vychislenij» kak napravlenie informacionnoj podgotovki v sovremennom vuze / Ja. Savchuk, S. Shhit (rukov. Kozyrenko V. P.) // Formirovanie professional'noj kul'tury specialista v uslovijah sovremennogo vuza: progr. i materialy XVII Mezhdunarodnoj studen. nauch. konf., [Har'kov] 17 apr. 2010 g. / M-vo obrazovanija i nauki Ukrainy, Nar. ukr. akad.; [redkol.: V. I. Astahova i dr.]. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2010. – S.126. – (Den' nauki v NUA).

УДК 796.011.3(477.54)

М. А. Красуля

ГУМАНИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Аннотация. *Цель:* раскрыть педагогические возможности физического воспитания в решении одной из задач современной системы образования – воспитании гуманных отношений в учебном процессе ВУЗа, направленных на саморазвитии личности студентов. *Методы:* анализ литературных данных по вопросу гуманизации физического воспитания. Обобщение опыта проведения занятий по физическому воспитанию у студентов 1-го и 2-го курсов ХГУ «НУА». *Результаты:* обосновано, что гуманизация физического воспитания создает значительные потенциальные возможности педагогического влияния на развитие личности. *Область применения:* занятия по физическому воспитанию в вузах. *Выводы:* гуманизация образования должна стать обязательным условием педагогических технологий, а личностно-ориентированный подход – ключевым психолого-педагогическим принципом организации учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: физическое воспитание, физическая культура, гуманизация, личностно-ориентированное образование.

***Красуля М. О.* Гуманізація фізичного виховання як необхідна умова для саморозвитку особистості студента**

Анотація. *Мета:* розкрити педагогічні можливості фізичного виховання у вирішенні однієї з задач сучасної системи освіти – виховання гуманних відносин у навчальному процесі ВНЗ, спрямованих на саморозвиток особистості студентів. *Методи:* аналіз літературних даних з питання гуманізації фізичного виховання. Узагальнення досвіду проведення занять з фізичного виховання у студентів 1-го і 2-го курсів ХГУ «НУА». *Результати:* обґрунтовано, що гуманізація фізичного виховання створює значні потенційні можливості педагогічного впливу на розвиток особистості. *Область застосування:* заняття з фізичного виховання у ВНЗ. *Висновки:* гуманізація освіти повинна стати обов'язковою умовою педагогічних технологій, а особистісно-орієнтований підхід – ключовим психолого-педагогічним принципом організації навчально-виховного процесу.

Ключові слова: фізичне виховання, фізична культура, гуманізація, особистісно-орієнтована освіта.

Krasulia M. A. Humanization of physical education as a condition for self-development individual student

Annotation. *Objective:* reveal the pedagogical possibilities of physical education in solving one of the problems of modern education - the education of humane relations in the educational process of the university, aimed at self-development of personality of students. *Methods:* analysis of published data on the humanization of physical education. Summarizing the experience of physical education classes the students of 1st and 2nd year of People's Ukrainian Academy. *Results:* justified, that the humanization of physical education creates significant potential of pedagogical influence on personality development. *Scope:* physical education classes in high school. *Conclusions:* humanization of education should be a prerequisite of educational technology, and personality-oriented approach – a key psychological-pedagogical principles of organization of the educational process.

Key words: physical education, physical education, humanization, personality-oriented education.

Постановка проблеми. Вопросы гуманизации образования и воспитания традиционно вызывают интерес у специалистов и достаточно широко освещены в литературе. Однако, если теоретические вопросы, касающиеся гуманизации образовательного процесса, достаточно проработаны, то реализация их на практике оставляет желать лучшего. Это связано с тем, что гуманизация процесса физического воспитания означает коренную переориентацию ценностных установок, нормативных регуляторов, целей и задач учебно-воспитательного процесса.

Анализ последних достижений и публикаций. Анализ литературных источников показал, что гуманистические традиции в спорте берут свое начало со времен Древней Греции [3]. Появление гуманистических идей в теории физической культуры связывают с периодом Возрождения. С одной стороны, происходило осмысление культуры движений, обобщение знаний о физических упражнениях и об их воздействии на организм. С другой стороны, развивалось

понимание взаимосвязи физической культуры и гуманистических идеалов, необходимых для формирования всесторонне развитой личности. Например, в педагогической системе английского утописта Томаса Мора (1478–1535 гг.) системе физической культуры человека отводилось значительное место. Именно ему принадлежит идея о физкультурных занятиях в качестве обязанностей человека перед обществом и государством.

Дальнейшее развитие гуманистическая идея физической культуры получила в трудах русского педагога, врача, создателя научной системы физического воспитания П. Ф. Лесгафта (1837–1909 гг.). В основу этой системы легла идея гармонического всестороннего развития личности.

На современном этапе развития образования гуманизация образования и воспитания становится одной из прогрессивных тенденций образовательного процесса. Гуманистические идеи получили воплощение в теории личностно-ориентированного образования, которая непосредственно касается и сферы физической культуры.

Предмет «Физическое воспитание» в высших учебных заведениях имеет значительный гуманистический потенциал. К сожалению, в настоящее время содержание предмета «Физическое воспитание» зачастую не отвечает как потребностям общества, так и самой студенческой молодежи [8]. Происходит это потому, что формирование физических качеств, умений и навыков остается по-прежнему приоритетной задачей, тогда как гуманизация предполагает, в первую очередь, индивидуализацию учебно-педагогического процесса, обеспечение личностного развития студента, проявлению его способностей в избранных видах физкультурно-спортивной деятельности.

Цель исследования. Обосновать необходимость гуманизации физического воспитания, определить основные принципы организации занятий, а также направления, методы и последствия гуманизации.

Результаты исследования и их обсуждение. Основываясь на многолетнем опыте работы преподавателей кафедры физического воспитания и спорта ХГУ «НУА», можно констатировать, что

гуманистически ориентированный процесс по физическому воспитанию является необходимым условием для раскрытия физических возможностей студента, для его всестороннего развития и самовыражения. При этом цели учебно-воспитательного процесса должны быть направлены на личностное развитие обучаемого и совпадать с его жизненными планами. В связи с этим меняется роль студента в образовательном процессе, в котором студент и преподаватель выступают партнерами в своей деятельности, преследуя общие цели: формирование культуры здоровья, достижение соответствия физического развития критериям гармонии и красоты; стремление к органическому дополнению физического совершенствования духовной культурой.

Однако в настоящее время огромный гуманистический потенциал физической культуры и спорта используется все еще не достаточно эффективно. Традиционный путь освоения студентами ценностей физической культуры с приоритетом физической подготовки – это лишь основа для формирования всей системы ценностей физической культуры. Процесс гуманизации физического воспитания студентов можно сделать достаточно эффективным только в случае признания личности студента, его индивидуальности. Преподаватель физического воспитания должен помочь студенту осознать его индивидуальные особенности, понять противоречие между реальным состоянием организма и его потенциальными возможностями, указать способы индивидуального личностного самосовершенствования и самопознания средствами физической культуры, помочь студенту раскрыть те способности, о которых он и не догадывался.

Кроме того, в основу организации занятий должен быть заложен принцип оздоровительной направленности, предполагающий оптимальные физические нагрузки, определяемые индивидуальными физкультурными интересами студентов и состоянием их здоровья. Отказ от излишней стандартизации учебного процесса, организация занятий по физическому воспитанию с учетом потребностей и интересов занимающихся, предоставление студенту возможности выбора различных форм занятий – все это будет способствовать гуманизации

физического воспитания в вузе и создавать благоприятные условия для раскрытия физических возможностей студента, для его всестороннего развития и самовыражения.

Немаловажным следствием гуманизации физического воспитания может стать формирование толерантности студентов как к процессу обучения, так и к вузу в целом [1]. Совместная деятельность преподавателя физического воспитания и обучающихся по созданию толерантной образовательной среды обеспечивает устойчивую связь между гуманизацией физического воспитания и формированием толерантности студентов, комплексное решение задач, стоящих перед ним (формирование всех компонентов физической культуры личности, компетенций и личностно-профессиональных качеств), преодоление разрыва между умственной и двигательной деятельностью.

Еще одним следствием реализации гуманизации на занятиях по физическому воспитанию является создание предпосылок для развития гуманных отношений между студентами, что будет способствовать саморазвитию личности [7]. Структура занятий такова, что в нее вписываются элементы гуманистически ориентированной воспитательной системы: создание эмоционально привлекательной атмосферы, основанной на взаимопомощи и доверительных отношениях; использование системы оценок для закрепления положительного опыта студентов; использование разнообразных технологий личностно-ориентированного образования.

Можно выделить такие основные педагогические условия для обеспечения процесса гуманизации физического воспитания [2; 6; 9]:

- Ликвидация низкого уровня знаний студентов в области физической культуры и на этой основе обеспечение их ориентации в гуманистических ценностях, касающихся сохранения здоровья;
- Установление гуманных отношений между участниками педагогического процесса посредством обеспечения индивидуального подхода к студентам и реализации педагогики партнерства;
- Высокая квалификация преподавателя физического воспитания, позволяющая формировать у студентов соответствующие ценностные ориентиры и адекватную самооценку.

Реализовать указанные педагогические условия на практике

возможно только при условии соблюдения следующих гуманистических подходов к организации учебного процесса [5]:

- развитие контактов между преподавателем и студентами с целью коррекции поведения и общей стратегии взаимодействия, достижения сотрудничества;
- преподаватель физического воспитания должен быть человеком, облегчающим обучение, а не дидактическим наставником, при этом он должен воспринимать студента таким, каким он есть, без обсуждения;
- отношение преподавателя к студенту должно носить не просто официальный, но и человеческий характер; преподаватель должен быть терпим к неправильным поступкам студентов, уметь переубедить и разъяснить их ошибки, поддерживать более ценные качества студента, всесторонне содействовать их развитию;
- преподаватель должен обладать ответственностью за принятие решений относительно каждого студента и предвидение всех педагогических и социальных последствий этих решений;
- укрепление авторитета преподавателя физического воспитания не только как человека, но и как специалиста.

Выводы.

1. Гуманизация образования должна стать обязательным условием педагогических технологий образования и воспитания современной молодежи. Физическое воспитание имеет значительные потенциальные возможности педагогического влияния на развитие и становление личности в соответствии с высокими нормами гуманистической морали.

2. Личностно-ориентированный подход должен стать ключевым психолого-педагогическим принципом организации учебно-воспитательного процесса.

3. Главной задачей педагога должно стать создание максимально благоприятных условий для физического и духовного развития личности студента.

4. Педагогические возможности физической культуры в воспитании гуманных отношений личности способствуют ее развитию, саморазвитию, совершенствованию и необходимы для формирования

культурного человека. Гуманистическая направленность физической культуры активизирует механизмы самореализации, саморазвития, адаптации и выживания в современном обществе.

Список литературы

1. Агеева Н. А. Гуманизация физического воспитания как фактор формирования толерантности студентов / Н. А. Агеева, В. Н. Еременко, Н. В. Лысенко и др. // Научные труды Кубанского гос. технологич. ун-та. – 2014. – №5. – С. 91–103.
2. Зеленин Л.А. Гуманизация физического воспитания студентов / Л. П. Зеленин // European social science journal.– Мск. – 2013. – № 2(30). – С.106–112.
3. Кожевникова Л. А. Гуманизация развития физического воспитания студентов современной высшей школы / Л. А. Кожевникова // Физическое воспитание студентов. – Харьков.–2012. – № 2. – С. 38–41.
4. Кряж В. Н. Основные понятия метапринципа гуманизации физического воспитания / В. Н. Кряж // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – Харьков. – 2008. – № 6. – С. 120–126.
5. Осыченко М. В. Гуманизация процесса физического воспитания в вузе: реалии и перспективы / М. В. Осыченко // Вестник АПК Ставрополя. – 2012. – № 1(5). – С. 7–10.
6. Осыченко М. В. Гуманизация процесса физического воспитания в вузе как педагогическая проблема / М. В. Осыченко // Физическая культура, спорт – наука и практика. – Краснодар. – 2012. – № 2. – С. 26–29
7. Оплетин А. А. Воспитание гуманных отношений между студентами на занятиях физической культуры / А. А. Оплетин // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – Набережные Челны. – 2014. – Т. 32. – № 3(32). – С. 86–92.
8. Садыкова Г. С. Гуманизация физического воспитания студентов в высших технических учебных заведениях / Г. С. Садыкова // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 5. – С. 97–105.
9. Тарасенко И. Р. Гуманизация педагогического процесса физического воспитания студенческой молодежи / И. Р. Тарасенко // Наукапарк. – Ставрополь. – 2014. – № 1(20). – С. 44–48.

References

1. Ageeva N. A. Gumanizatsiya fizicheskogo vospitaniya kak faktor formirovaniya tolerantnosti studentov / N. A. Ageeva, V. N. Eremenko, Lyisenko N. V. i dr. // Nauchnyie trudyi Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. – 2014. – №5. – S. 91–103.
2. Zelenin L.A. Gumanizatsiya fizicheskogo vospitaniya studentov / L. P. Zelenin // European social science journal. – Msk. – 2013. – №2(30). – S. 106–112.
3. Kozhevnikova L. A. Gumanizatsiya razvitiya fizicheskogo vospitaniya studentov sovremennoy vyishey shkoly / L. A. Kozhevnikova // Fizicheskoe vospitanie studentov. – Harkov. – 2012. – №2. – S. 38–41.
4. Kryazh V. N. Osnovnyie ponyatiya metaprintsipa gumanizatsii fizicheskogo vospitaniya / V. N. Kryazh // Pedagogika, psihologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta. – Harkov. – 2008. – №6. – S. 120–126.
5. Osyichenko M. V. Gumanizatsiya protsessa fizicheskogo vospitaniya v vuze: realii i perspektivy / M. V. Osyichenko // Vestnik APK Stavropolya. – 2012. – №1(5). – S. 7–10.
6. Osyichenko M. V. Gumanizatsiya protsessa fizicheskogo vospitaniya v vuze kak pedagogicheskaya problema / M. V. Osyichenko // Fizicheskaya kultura, sport – nauka i praktika. – Krasnodar. – 2012. – №2. – S. 26–29
7. Opletin A. A. Vospitanie gumannyih otnosheniy mezhdu studentami na zanyatiyah fizicheskoy kultury / A. A. Opletin // Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kultury i sporta. – Naberezhnyie Chelny. – 2014. – T.32. – №3(32). – S. 86–92.
8. Sadyikova G. S. Gumanizatsiya fizicheskogo vospitaniya studentov v vyisshih tehnikeskikh uchebnyih zavedeniyah / G. S. Sadyikova // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2008. – №5. – S. 97–105.
9. Tarasenko I. R. Gumanizatsiya pedagogicheskogo protsessa fizicheskogo vospitaniya studencheskoy molodezhi / I. R. Tarasenko // Naukapark. – Stavropol. – 2014. – №1(20). – S. 44–48.

УДК 316.356.2

*М. Е. Кругляк***СТУДЕНТСЬКИЙ ШЛЮБ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ ст.
У ПІДРОСІЙСЬКІЙ УКРАЇНІ**

Анотація. Розглянуто студентський шлюб в підросійській Україні ХІХ – початку ХХ ст. як соціальний інститут, що виник на тлі протистояння державних вимог до студента як чиновника та ліберально-демократичних тенденцій емансипаційного руху в Європі та Росії. Показано мотиви одруження студентів, зміни в повсякденному житті молодят, визначені на основі студентських переписів початку ХХ ст. Наведено статистичні дані, що ілюструють ставлення до шлюбу з боку студентства різних типів навчальних закладів. Продемонстровано кризу інституту сім'ї на межі ХІХ–ХХ ст.

Ключові слова: студентський шлюб, регламентація, розлучення, фіктивний шлюб, емансипація, крах патріархальної родини.

***Кругляк М. Е. Студенческий брак ХІХ – начала ХХ вв.
в подросийской Украине***

Аннотация. Рассматривается студенческий брак в подросийской Украине ХІХ – начала ХХ вв. как социальный институт, возникший на фоне противостояния государственных требований к студенту как чиновнику и либерально-демократических тенденций эмансипационного движения в Европе и России. Показаны мотивы женитьбы студентов, изменения в повседневной жизни молодых, определенные на основании студенческих переписей начала ХХ в. Приводятся статистические данные, иллюстрирующие отношение к браку со стороны студенчества различных типов учебных заведений. Продемонстрирован кризис института семьи на рубеже ХІХ–ХХ вв.

Ключевые слова: студенческий брак, регламентация, развод, фиктивный брак, эмансипация, крах патриархальной семьи.

***Kruhliak M. E. Student marriage of the 19th – early 20th centuries
in Ukraine under the Russian rule***

Annotation. Student marriage in Ukraine under the Russian rule in the 19th – the early 20th cc. as a social institution, which emerged in the background of the confrontation between the state requirements towards a student as a potential official and liberal-democratic tendencies of the emancipatory movement in Europe

and Russia is reviewed. The motives of student marriages, the changes in the everyday lives of married couples on the basis of the student censuses of the early 20th century are shown. The statistical data, which illustrates the attitude towards marriage by students of various types of educational institutions is used. The crisis of the family institution on the edge of the 19th and 20th centuries is demonstrated.

Key words: student marriage, the regulation, divorce, fictitious marriage, emancipation, the collapse of the patriarchal family.

Шлюбно-сімейні відносини в цивілізованому світі вже давно не є предметом гострих дискусій на рівні державного регулювання та морального схвалення/осуду. На початку XXI ст. важко здивувати когось нерівним шлюбом за віком на користь чоловіка або дружини, міжрасовим і міжнаціональним союзом, одностатевим партнерством. Мотивами укладення шлюбу зазвичай виступає кохання й симпатія, а не вибір батьків чи громади. В той же час, попри дозволу різноманітність союзів людей, роль держави в шлюбно-сімейних відносинах хоч й зведена до мінімуму, проте є важливим чинником контролю за соціалізацією індивідів у сім'ї.

Студентство нині не поспішає одружуватися; ті ж, хто обрав цей шлях, знайомий із труднощами економічного характеру, відсутністю підтримки з боку держави й громадськості. Важливо врахувати досвід минулого, прослідкувати, яке місце посідали сім'я й шлюб в житті студентства України XIX – початку XX ст., які проблеми мали студентські родини тоді, в який спосіб їх долали. Демократизація шлюбно-сімейних стосунків початку XXI ст. була б неможливою без жіночого емансипаційного руху кінця XIX – початку XX ст., однією з вимог якого був доступ жінок до здобуття вищої освіти.

Проблеми студентської сім'ї і шлюбу в підросійській Україні XIX – початку XX ст. належним чином не розглянуті. Серед українських науковців вартими уваги є монографія І. Посохова [20] та публікації К. Кобченко [13] та О. Драч [5]. І. Посохов розглядає лише студентство російських університетів, дозовано подає інформацію про курсисток. К. Кобченко й О. Драч, навпаки, вивчають боротьбу жінок за право здобувати вищу освіту, зокрема, на прикладі слухачок Київських вищих жіночих курсів. Методологічно й концептуально

глибшими є дослідження зарубіжних, зокрема російських, істориків і соціологів. Так, у двотомнику Б. Миронова читаємо про деформацію інституту шлюбу в Російській імперії з кінця XVIII до початку XX ст. [15], в монографіях А. Є. Іванова [8; 9] та О. Маркова [14] почерпуємо інформацію про студентські сім'ї в Російській імперії наприкінці XIX – на початку XX ст.

Мета статті – визначити місце інститутів сім'ї і шлюбу в повсякденному житті студентства підросійської України XIX – початку XX ст., показати тенденції змін ставлення держави і громадськості до патріархальної сім'ї, продемонструвати проблеми студентської сім'ї.

Зауважимо, що здобувати вищу державну освіту в Російській імперії всередині XIX ст. могли лише чоловіки. На думку консервативної частини російського суспільства, роль жінки зводилася лише до берегині домашнього вогнища, а тому Університетський Статут 1863 р. відмовляв жінкам у праві на вищу освіту [9, с. 103–104]. До закладів державного сектора – університетів (Харківського, 1805 р., Київського, 1834 р., Новоросійського, 1865 р.), спеціальних інститутів (Харківського ветеринарного, 1873 р. та технологічного, 1885 р., Київського політехнічного інституту, 1898 р., Катеринославського вищого гірничого училища, 1899 р.), закладів закритого типу – Київської духовної академії, 1819 р., і Ніжинського історико-філологічного інституту князя Безбородька, 1874 р., додалися заклади т. зв. вищої «вільної школи», по суті, громадські і приватні вищі навчальні заклади. Причина їхньої появи полягала в неможливості задовольнити зростаючі потреби капіталістичної Росії в дипломованих спеціалістах через обмежувальну статево-національну (офіційна заборона вищої жіночої освіти, відсоткові норми для єврейської молоді) та станову (обмеження вступу випускників закладів середньої спеціальної та духовної освіти до університетів) політику влади. Поява установ такого типу припала на останню чверть XIX ст., коли в Києві відкрилися Вищі жіночі курси (ВЖК) (1878–1889 рр.). На початку XX ст. недержавна школа не лише відновилася, але й вибудувала цілу мережу навчальних закладів: ВЖК у Києві, Харкові та Одесі (1906 р.), Вищі комерційні курси у Києві (1906 р.), Київський жіночий Фребелівський інститут (1907 р.) тощо [9, с. 10–220].

Одним із дієвих, на думку уряду, засобів залучення молоді до знань була зафіксована «Правилами про прийом у студенти університетів» (1885 р.) заборона на вступ до вишів одружених студентів і на укладення шлюбу під час навчання [21, с. 31, 38]. В той же час Університетські «Правила» (1885 р.) не забороняли клопотатися перед міністром народної освіти про дозвіл на одруження за умови засвідчення відмінної поведінки прохача та згоди батьків молодих [28, арк. 3, 87]. 18 травня 1898 р. через численні прохання молоді МНО визначило, що, як виняток, студенти можуть одружуватися в разі згоди на те Попечителя навчального округу й за умови попереднього погодження із начальством ВНЗ [1, с. 268–269]. 23 травня 1906 р. МНО передало право надавати дозвіл на шлюб та прийом одружених студентів виключно адміністрації вишів, тобто ректорові або директорові [30].

Не менш серйозно ставилися до одруження студентів у закладах духовного відомства. У 1876 р. Св. Синод заборонив вступ до духовних академій одружених осіб, а також одруження випускників до 1 вересня, коли здійснювався розподіл на посади по духовних навчальних закладах, аби випускники не відмовлялися проходити службу за направленням [23, с. 228–231]. У 1879 р. радам духовних академій було дозволено, за особливо поважних причин, укладення студентами шлюбу до закінчення терміну навчання, але за умови, що казеннокошті перейдуть у розряд своєкоштних та сплатять витрачені на їхню підготовку гроші. 23 грудня 1886 р. Синод офіційно заборонив зараховувати до академій одружених студентів та укладати шлюб під час навчання, а тих, які чинитимуть опір, наказав звільняти з академії з умовою сплати перебування на казенному утриманні [29, арк. 45–46].

У закладах недержавного типу заборон з приводу прийняття одружених студентів чи укладання шлюбу під час навчання не існувало. Однак частка одружених серед студентів неурядових вишів інколи була навіть нижчою порівняно з державною школою. Пояснення цьому в домінуванні жінок у статевій структурі «вільної» школи, для яких навчання, після тривалої боротьби за право здобувати вищу освіту, стояло на першому місці, а також у нижчому віковій курсисток

порівняно зі студентами. Так, середній вік студентів Харківського університету 1909 р. дорівнював 23,5 роки, слухачок місцевих ВЖК – 21,7 роки [17, с. 53]. За даними Першого Харківського студентського перепису (1909 р.), одружених серед студентів місцевих вишів було 16,7 %, що збігалось із показником по Харківських ВЖК; найбільша ж кількість одружених була серед вільнослухачок в університеті – 29,6 % [17, с. 14]. На Київських ВЖК (1881 р.) навчалось 5 % одружених курсисток [2, арк. 13 зв.], на Одеських вищих жіночих медичних курсах (1915 р.) – 8,6 % [4, арк. 1]. Статистичні дані по Київських ВЖК свідчать про зростання чисельності одружених курсисток з переходом на старші курси. Так, у 1882 р. закінчило курси 107 дівчат, з них 18 (або 16,8 %) були одружені [10, с. 18].

Зауважимо, що згідно з російським законодавством, шлюбний вік для жінок починався з 16 років, для чоловіків – з 18 років (указ імператора Миколи I 1830 р.), але громадянське повноліття припадало на 21 рік [15, с. 167].

Для порівняння, наведемо дані перепису слухачок Санкт-Петербурзьких ВЖК (1909 р.) Так, 9,5 % курсисток були заміжні, 1,8 % – розлучені та 0,5 % вдови. Найчастіше дівчата уклали шлюб у віці 20–25 років (2/3 опитаних), в 24,3 % сімей були діти. Цікава й така деталь: кожна третя одружена петербурзька курсистка (31,2 %) уклала не церковний, а цивільний шлюб [24, с. 14–15]. Про популярність цивільного шлюбу свідчать дані переписів 1904 р. студентів Петербурзького гірничого (25 %) і технологічного інститутів (12 %), Юр'євського університету і ветеринарного інституту (20 %) [8, с. 299]. З одного боку, дані цифри засвідчують крах засад патріархальної сім'ї, а з іншого – простий спосіб уникнення студентом бюрократичної процедури збирання різних «дозволів» для офіційного одруження. Наталія Полонська-Василенко у спогадах про навчання на Київських ВЖК згадує, що розлучення та навіть вільні стосунки на початку ХХ ст. вже не були рідкістю [19, с. 215–222].

Отже, в середньому по ВНЗ Харкова нараховувалося 16,7 % одружених студентів. Для порівняння: у Томському університеті та технологічному інституті в 1901 р. налічувалося лише 5,7 % одружених студентів, в Юр'євському університеті 1904 р. – 4,4 %; сумарно

у гірничому і технологічному інститутах Петербурга (1904 р.), а також у 1910 р. в Москві, Томську та Юр'єві частка сімейних студентів в середньому сягала 12,7 % [9, с. 336]). У розподілі за факультетами в Харківському університеті лідирували філологи (19,8 % одружених), серед яких було найбільше старшовікових студентів; найрідше одружувалися математики (12,4 %). Середній вік вступу у шлюб харківських студентів становив 26 років (для порівняння – середній вік для одруження чоловіків у великих містах Російської імперії 1910 р. становив 27,7 років, в інших містах – 26,8 років, в селах – 24,8 років, жінок – відповідно 24,3, 22,8 та 21,6 років [15, с. 169]). 0,6 % опитаних студентів віднесли себе до вдівців, 0,3 % – до розлучених. Бездітність і малодітність були характерними для більшості студентських шлюбів. Так, лише в 43,5 % одружених харківських студентів були діти, 75,7 % перебуваючих у шлюбі мали одну дитину, 16,9 % опитаних – двох дітей. Серед математиків (69,2 %) і вільнослухачок (58,3 %) спостерігаємо найвищий відсоток бездітних шлюбів [17, с. 14–15]. Подібні тенденції були притаманні й вихованцям інших навчальних закладів. Зокрема, серед московських університетів (перепис 1905 р.) дітей мали 35,4 % осіб [18, с. 54–55], серед петербурзьких технологів – лише 40 % (1909 р.) [11, с. 67].

Розглянемо мотиви одружень. Цікаво, що для 21 % студентів Московського університету (1905 р.) шлюб став можливим завдяки матеріальному забезпеченню своєму або дружини (шлюби з розрахунку). Натомість 59 % респондентів головними мотивами назвали «ідейні міркування» – «жагу живої справи», бажання «просвітити» симпатичну дівчину «купецького звання» чи з «напівміщанського, напівчиновницького середовища»; шлюб із немолодою й невродливою курсисткою через дане їй у запалі «геройського духу» слово; шлюб «ідейно-платонічний у толстовському дусі», коли одружені збиралися жити разом на правах «товаришів» [8, с. 301–302].

Відтак одним із видів одруження студента і курсистки за ідейними поглядами був фіктивний шлюб. Чоловіки співчували дівчатам, що прагнули вирватися з провінції чи сильного патріархального сімейного ладу, аби здобути вищу освіту й самоствердитися. Натхненним прикладом для дівчат була історія математика Софії Круковської, яка

1868 р. одружилася з В. Ковалевським, аби виїхати за кордон здобувати вищу освіту. Подібних прикладів й в підросійській Україні було достатньо. Зокрема, 20-річний харківський студент Раєвський у 1880-ті рр. уклав фіктивний шлюб з випускницею гімназії м. Єльця. Він хотів допомогти дівчині продовжити навчання на Петербурзьких ВЖК, що розглядалося її батьками як ознака розпусти. Знаючи Раєвського як заможного поміщика й порядну людину, батьки погодилися на союз. Молодята від'їхали до столиці; з часом між ними виникли справжні почуття [25, с. 203–204].

Бажання одружитися подеколи ставало причиною суперечок батьків та дітей. Старше покоління мріяло зовсім про іншу долю для своїх дітей, розуміючи, що одруження навчаючись – не на часі. Як приклад – історія М. Булгакова. Проти шлюбу студента-третьокурсника й колишньої гімназистки виступила вся родина нареченого, особливо матір, яка просила наречену не виходити заміж, бо «йому (синові – М. К.) зарано» [12, с. 110].

Зауважимо, що студенти одружувалися найчастіше з вихідцями з інтелігентного середовища. За даними переписів 1904 і 1910 рр. студентів гірничого і технологічного інститутів Петербурга, дружини 2/3 сімейних респондентів мали середню гімназійну або домашню освіту [8, с. 300]; серед слухачок Бестужевських ВЖК 52,1 % були одружені зі студентами, 22 % – з особами інтелігентних професій, в 11,1 % чоловіки перебували на державній службі [24, с. 14]. Подібні тенденції мали місце й у ВНЗ України. Так, у 1913 р., 21 % одружених курсисток Одеських вищих жіночих медичних курсів мали за чоловіків студентів [3, арк. 11]. Н. Полонська-Василенко згадує непоодинокі випадки одруження її однокурсниць або під час навчання, або по закінченні курсів як зі студентами, так й з професорами. Так, Наталія Будде по закінченні курсів одружилася з професором КПІ Євгеном Патоном, Ольга Парфінєнко – з приват-доцентом Олександром Грушевським [19, с. 206–210, 219–221].

Окрім суворої регламентації одруження «згори», причинами того, що студенти не поспішали укладати шлюб, були економічні труднощі (32,4 % респондентів перепису московських університетів 1905 р.), «відсутність нагоди» (40 %), моральні мотиви (14 %), 2,2 %

вважали себе надто молодими для цього кроку, хоча 64 % опитаних безумовно збиралися одружитися в майбутньому [18, с. 55]. Деякі юнаки не планували шлюб в роки навчання, бо це обмежувало відчуття свободи. Підтвердження цьому – у віршах київського студента 1850-х рр. Рудольфа: «Если хочешь быть счастливым, Спать спокойно, вкусно есть, То не верь ты сказкам лживым, Что в женитьбе счастье есть» [22].

Наскільки змінилося повсякденне життя студента після одруження, дає змогу прослідкувати перепис єврейської молоді Київського університету і політехнічного інституту 1909 р. Згідно з ним, 55 % одружених студентів жили виключно за рахунок заробітку (серед усіх респондентів перепису таких було 36,5 %), 24 % доповнювали заробіток допомогою рідних (26,8 % – в середньому серед усіх респондентів) й лише 21 % одружених юнаків жив виключно на кошти рідних (в середньому – 36,7 %). Д. І. Шейніс зазначає: одружені студенти в матеріальному плані живуть гірше, серед них нужденними є 56 % (серед усіх опитаних – 35 %), забезпечених вище середнього – лише 7 % (за середнього показника в 20,7 %) [32, с. 182, 186–187]. На підтвердження додамо епізод з життя М. Булгакова. «Фати в мене, звісно, ніякої не було, весільної сукні також...», – згадувала Т. Лаппа [12, с. 110]. Після одруження грошей не вистачало, можливо, й через те, що молодята не економили на розвагах: відвідували ресторани, кінематограф, каталися на візниках й автомобілях, грали в більярд і карти. 10–15 рублів витрачали на наймання квартири, харчувалися або в батьків Михайла, або наїдалися «Московською» ковбасою. Заробітку Михайла від «уроків» та надісланих батьком Тетяни 50 руб. на місяць було замало, тому нерідко доводилося закладати прикраси в ломбард [26, с. 10].

На початку ХХ ст. перестало бути забороненим розлучення, офіційними підставами для якого були порушення вірності в шлюбі; хвороба одного з подружжя; «безвісна відсутність» протягом 7 років [19, с. 258–259]. Цікаву статистику наводить Б. Миронов. За період з 1841 до 1850 рр. церква санкціонувала 770 розлучень, тобто 77 на рік (стосується виключно православного населення). Після реформ Олександра II 1860–1870-х рр. число розлучень зросло: з 1867 до

1886 рік зафіксовано 16945 розлучень, тобто вже 847 на рік, з 1905 до 1913 рр. – 23087 розлучень, або 2565 на рік [15, с. 176].

Отже, наприкінці XIX – на початку XX ст. інститут сім'ї і шлюбу зазнав кардинальних змін. Розпочинаються процеси руйнування патріархальної родини, спричинені подальшим розвитком капіталізму, активним проникненням рис західноєвропейської моделі шлюбно-сімейних відносин в російське середовище, емансипаційними рухами – скасування кріпацтва, з одного боку, та боротьби жінок за рівні із чоловіками права у сфері вищої освіти, з іншого. На тлі цих змін виникає й активно поширюється нове явище – студентська сім'я, поява якої усіляко утруднювалися регламентаційними нормами, зафіксованими в «Правилах для студентів», та бюрократичними процедурами з їхнього подолання. На початку XX ст. студентський шлюб, як і розлучення, повторний шлюб, бездітність та малодітність, регулювання народжуваності перестають бути забороненими. Все частіше головним мотивом при укладенні шлюбу стає не бажання батьків, а взаємна симпатія. І все ж шлюб не став популярним серед студентства, адже суперечив самій його суті як молодіжної субкультури, сферою діяльності якої є здобуття вищої освіти.

Список літератури

1. Воловенко П. Ф. Сборник постановлений и распоряжений начальства по Университету Св. Владимира и другим русским университетам с 1892 по 1911 год / П. Ф. Воловенко. – Київ : Работник, 1912. – 1020 с.
2. Державний архів м. Києва, ф. 244, оп. 17, спр. 27, 42 арк.
3. Держархів Одеської обл., ф. 62, оп. 1, спр. 33, 160 арк.
4. Державний архів Одеської обл., ф. 62, оп. 1, спр. 45, 138 арк.
5. Драч О. О. Новації жіночої освіти модерної доби крізь призму мікроісторії родини (на матеріалах Російської імперії) / О. О. Драч // Вісник Черкас. ун-ту. – 2015. – Вип. 29 (362). – С. 80–88.
6. Дьяконова Е. Дневник русской женщины / Е. Дьяконова. – М. : Захаров, 2004. – 480 с.
7. Женильба с препятствиями // Киевлянин. – 1876. – 20 нояб. – С. 2.
8. Иванов А. Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века / А. Е. Иванов. – М. : Новый хронограф, 2010. – 360 с.
9. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – М. : РОССПЭН, 1999. – 416 с.

10. Историческая записка и отчет о Киевских высших женских курсах за первое четырехлетие (1878–1882 гг.). – Київ : В Унив. тип., 1884. – 36 с.
11. К характеристике современного студенчества. – СПб. : Типо-Лит. Б. Авидона, 1911. – 85 с.
12. Кисельгоф Т. Н. Годы молодости / Т. Н. Кисельгоф // Воспоминания о Михаиле Булгакове. – М. : Сов. писатель, 1988. – С. 108–122.
13. Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: історія Київських вищих жіночих курсів / К. Кобченко. – Київ : МП Леся, 2007. – 271 с.
14. Марков А. Р. Что значит быть студентом / А. Р. Марков. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 264 с.
15. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 548 с.
16. Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова / Л. К. Паршин. – М. : Книжная палата, 1991. – 208 с.
17. Первая Харьковская студенческая перепись // Записки Имп. Харьковского ун-та. – 1912. – Кн. 4. – С. 1–114.
18. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. – М. : Изд. студенч. издат. комиссии, 1909. – 104 с.
19. Полонська-Василенко Н. Спогади / Н. Полонська-Василенко. – Київ : Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2011. – 591 с.
20. Посохов І. Студентство університетів Російської імперії XIX – початку XX ст. : становлення та еволюція субкультури / І. Посохов. – Харків : Раритети України, 2013. – 276 с.
21. Правила о приеме в студенты университетов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1885. – Кн. 7 (Июль). – С. 31–46.
22. Предание о Р-е, студенте-поэте старого времени // Киевлянин. – 1870. – 17 марта. – С. 1–2.
23. Протоколы заседаний Совета Киевской духовной академии // Труды КДА. – 1876. – Кн. 8. – С. 225–336.
24. Слушательницы С.-Петербургских высших женских (бестужевских) курсов. – СПб. : Экономия, 1912. – 144 с.
25. Стеклов В. А. Воспоминания / В. А. Стеклов // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців : в 2 т. – Харків : Сага, 2010. – Т. II. – С. 199–225.
26. Татаринов В. Эпоха абсурда в поисках автора / В. Татаринов // Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Собачье сердце. – М. : Эксмо, 2005. – С. 5–61.

27. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 12. – М. : Худ. лит., 1982. – 478 с.
28. Центральний державний історичний архів України, м. Київ (далі – ЦДАК України), ф. 707, оп. 143, спр. 43, 311 арк.
29. ЦДАК України, ф. 711, оп. 1, спр. 5913, 65 арк.
30. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1906. – № 1. – С. 20.
31. Фавр В. В. К вопросу о половых сношениях, о венерических болезнях и онанизме учащейся молодежи / В. В. Фавр // Русский журнал кожных и венерических болезней. – 1910. – Т. 19. – С. 197–215.
32. Шейнис Д. И. Еврейское студенчество в цыфрах / Д. И. Шейнис. – Київ : Печатня Иосифа Шенфельда, 1911. – 73 с.

References

1. Volovenko P. F. Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy nachal'stva po universitetu Sv. Vladimira i drugim russkim universitetam s 1892 po 1911 god. Kyiv : "Rabotnik", 1912, 1020 pp.
2. State Archives of Kyiv, f. 244, inv. 17, c. 27, 42 pp.
3. State Archive of Odesa region, f. 62, inv 1, c. 33, 160 pp.
4. State Archive of Odesa region, f. 62, inv. 1, c. 45, 138 pp.
5. Drach O. O. Novatsiyi zhinochoyi osvity modernoyi doby kriz' pryizmu mikroistoriyi rodyny (na materialah Rosiys'koyi imperiyi). In: Visnyk Cherkas'kogo universytetu. 2015. No 29 (362), pp. 80–88
6. Diakonova Ye. Dnevnik russkoi zhenshchiny. Moscow: Ed. by Zaharov, 2004, 480 pp.
7. Zhenit'ba s prepiatstviiami. In: Kievlianin, 1876, November 20, p. 2.
8. Ivanov A. Ye. Mir rossiyskogo studenchestva. Konets 19 – nachalo 20 veka. Moscow : Novyi hronograf, 2010, 360 pp.
9. Ivanov A. Ye. Studenchestvo Rossii kontsa 19 – nachala 20 veka. Sotsial'no-istoricheskaya sud'ba. Moscow : ROSSPEN, 1999, 416 pp.
10. Istoricheskaya zapiska i otchet o Kievskih vysshyh zhenskih kursah za pervoe chetyriohletie (1878–1882 gg.). Kyiv : University Printing house, 1884, 36 pp.
11. K karakteristike sovremennogo studenchestva. St. Petersburg : Ed. by B. Avidon, 1911, 85 pp.
12. Kisel'gof T. N. Gody molodosti. In: Vospominaniia o Mihaile Bulgakove. Moscow : Sovetskiy pisatel', 1988, pp. 108–122.
13. Kobchenko K. "Zhinochyi universytet Sviatoyi Ol'gy": istoriia Kyivs'kyh vyshchyh zhinochyh kursiv. Kyiv: "MP Lesia", 2007. 271 pp.
14. Markov A. R. Chto znachit byt' studentom. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 264 pp.

15. Mironov B. N. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (18 – nachalo 20 vv.): v 2 tomah*. St. Petersburg: “Dmitry Bulanin”, 2000. Volume 1, 548 pp.
16. Parshin L. K. *Chertovshchina v Amerikanskom posol'stve v Moskve, ili 13 zagadok Mihaila Bulgakova*. Moscow : Knizhnaia palata, 1991, 208 pp.
17. Pervaia Har'kovskaia studencheskaia perepis'. In: *Zapiski Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta*, 1912, No 4, pp. 1–114.
18. Polovaia perepis' moskovskogo studenchestva i eia obshchestvennoe znachenie. Moscow: Students' publishing Committee, 1909, 104 pp.
19. Polons'ka-Vasylenko N. *Spogady*. Kyiv : Publishing house of Kyiv Mogyla Academy, 2011, 591 pp.
20. Posohov I. *Studetstvo universytetiv Rosiys'koyi imperiyi 19 – pochatku 20 st.: stanovlennia ta evoliutsiia subkul'tury*. Kharkiv: Rarytety Ukrainy, 2013. 276 pp.
21. *Pravila o prieme v studenty universitetov*. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1885, No 7 (July), pp. 31–46.
22. *Predanie o R-e, student-poete starogo vremeni*. In: *Kievlianin*, 1870, March 17, pp. 1–2.
23. *Protokoly zasedaniy Soveta Kievskoi duhovnoi akademii*. In: *Trudy KDA*, 1876, No 8, pp. 225–336.
24. *Slushatel'nitsy S.-Peterburgskih vysshih zhenskih (bestuzhevskih) kursov*. – St. Petersburg : “Ekonomiia”, 1912, 144 pp.
25. *Steklov V. A. Vospominaniia*. In: *Harkivs'kyi universytet 19 – pochatku 20 st. u spogadah yogo profesoriv ta vyhovantsiv*. Kharkiv: Saga, 2010, volume 2, pp. 199–225.
26. *Tatarinov V. Epoha absurda v poiskah avtora*. In: *Bulgakov M. A. Master i Margarita Sobachie serdtse*. Moscow: Eksmo, 2005, pp. 5–61.
27. *Tolstoy L. N. Sobranie sochineniy v 22 tomah*. Moscow: Hudozh. lit-ra, 1982, volume 12, 478 pp.
28. Central State Historical Archive of Ukraine, in Kyiv, f. 707, inv. 143, case 43, 311 pp.
29. Central State Historical Archive of Ukraine, in Kyiv, f. 711, inv. 1, c. 5913, 65 pp.
30. *Tsirkuliar po Har'kovskomu uchebnomu okruhu*, 1906, No 1, p. 20.
31. *Favr V. V. K voprosu o polovyh snosheniiah, o venericheskikh bolezniakh i onanizme uchashcheisia molodyozhi*. In: *Russkiy zhurnal kozhnyh i venericheskikh bolezney*, 1910, No 19, pp. 197–215.
32. *Sheinis D. I. Evreiskoe studenchestvo v tsyfrah*. Kyiv: Printing House of Joseph Shenfel'd, 1911, 73 pp.

USC 339.137.2:65.012.124

*O. Mykolenko, E. Mittelstädt***CHALLENGES AND ACHIEVEMENTS
OF ENTREPRENEURSHIP EDUCATION DURING
INTERCULTURAL GROUP WORK**

Annotation. The aim of the paper is to analyse group-level effects of culture and cultural diversity on group satisfaction and performance, to investigate the collaboration experience of FH Südwestfalen University of Applied Science (Meschede, Germany) and People's Ukrainian Academy (Kharkiv, Ukraine) in this context. For the last 3 years the joint project has already integrated 72 students from Germany and Ukraine, who were the participants of seminars and lectures on entrepreneurship. The intercultural group work of the German and Ukrainian students resulted in joint projects aimed at business models development.

Key words: collaborative learning, international collaboration, entrepreneurship education, intercultural workgroup.

Миколенко О., Миттельштед Е. Підприємницька освіта: проблеми та переваги навчання за допомогою малих міжкультурних груп

Анотація. Метою статті є аналіз впливу культури та культурної самобутності на рівень задоволеності роботою в групі та її ефективність, а також дослідження досвіду співпраці в цьому напрямі Народної української академії та Південно-Вестфальського університету прикладних наук. За три роки реалізації проект об'єднав 72 студенти з Німеччини та України, які стали учасниками семінарів та лекцій, присвячених підприємництву. Результатом спільної роботи в групах німецьких і українських студентів стали проекти зі створення моделі бізнесу.

Ключові слова: спільне навчання, міжнародне співробітництво, підприємницька освіта, міжкультурні комунікації в групах.

Миколенко О., Миттельштед Э. Предпринимательское образование: проблемы и преимущества обучения посредством малых межкультурных групп

Аннотация. Целью статьи является анализ влияния культуры и культурной самобытности на уровень удовлетворенности работой в группе и ее эффек-

тивность, а также исследование опыта сотрудничества в этом направлении Народной украинской академии и Юго-Вестфальского университета прикладных наук. За три года реализации проект объединил 72 студента из Германии и Украины, которые стали участниками семинаров и лекций, посвященных предпринимательству. Результатом совместной работы в группах немецких и украинских студентов стали проекты по созданию модели бизнеса.

Ключевые слова: совместное обучение, международное сотрудничество, предпринимательское образование, межкультурные коммуникации в группах.

Problem statement. The main advantage of the entrepreneurship education is the opportunity of student's independent activity, the marriage of self-learning practices with experimental and practical trainings, where students choose a course of action themselves and perform on their own initiative.

Entrepreneurship education embraces a diverse range of subjects as well as flexible training programs where students can work in a comfortable rhythm. What is more important is to make good use of interactive methods of training, which encourage interest in the profession; promote the efficient acquisition of training material; provide high motivation, getting knowledge, team work, freedom of expression; and most importantly, critical thinking. In November 2012, the European Commission published the communication "Rethinking education: investing in skills for better socio-economic outcomes". This policy initiative emphasises that, in order to build "skills for the 21st century", efforts are needed to develop transversal skills such as entrepreneurship and highlights "the ability to think critically, take initiative, solve problem and work collaboratively" [2, p. 7].

One of the best ways to help students become critical thinkers capable of taking initiatives and making decisions is engaging them in project-based learning process (PBL). The term critical thinking refers to the cognitive skills which contribute to a desirable outcome through the evaluating, discussing, collaborating processes. Critical thinking can be defined as an effective, well-organized cognitive period enabling us to improve understanding our own thoughts and others ideas to explain the opinion or to give the solution to a defined problem [1].

Reinforcing the effect projects have to be planned around topics that lead to thorough consideration. Students, in turn, have to be provided with favorable environment, tasks, supports needed to develop critical thinking tools and strategies. Teachers have a central role, as they have a strong impact on the attainment of learners – future entrepreneurs. Teachers support students and foster enterprising aptitudes, facilitate the learning process of students with diverse backgrounds, contribute to learning outcomes.

Universities are actively engaged in supporting and encouraging entrepreneurship, teaching critical thinking skills through project-based learning. Many of them have established professorships, departments and institutes that are the integral part of the internal support structure. But the international collaborative learning projects are even more challenging and meaningful. Intercultural group work of the future entrepreneurs from different countries (universities) creates special environment that pushes students beyond their comfort zones. However, this kind of cooperation can be possible due to the partnership between universities (institutions). They ensure culture and knowledge diffusion. The concept of knowledge diffusion has become as relevant to universities as knowledge creation [4].

The aim of the paper is to analyse group-level effects of culture and cultural diversity on group satisfaction and performance, to investigate the collaboration experience of FH Sьdwestfalen University of Applied Science (Meschede, Germany) and People's Ukrainian Academy (Kharkiv, Ukraine) in this context.

Main results. The labn st international collaborative learning project was delivered by universities in 2016. The project gathered 24 students from Germany and Ukraine, who were experiencing lectures and seminars as well as different forms of group work. During two weeks they were studying concepts and theories of business creation and applied new knowledge while working on creative tasks in groups. The final stage of student's group work covered presentations of their business ideas and models. The project of 2016 is the third one to achieve the set of goals. Two previous projects were implemented in 2015 and 2014. Such collaboration also gives the opportunity to investigate the challenges and achievements of intercultural group work, that enhances entrepreneurship

culture and gives inspiration for new approaches through international experiences.

The table 1 shows the university initiatives that ensure the international collaborative learning project.

Table 1

Practice initiatives at university level [3]

Criteria	Practice initiatives of the universities engaged in the project
Strategy	A broad understanding of entrepreneurship is a strategic objective of the universities. Objectives of entrepreneurship education include generating entrepreneurial attitudes, behaviour and skills, as well as enhancing growth in entrepreneurship culture.
Financial and human resources	Professors and other teaching staff from universities are available. Human resource development for entrepreneurship educators is in place.
Support infrastructure	Facilities for business incubation either exist on the campus (university) or assistance is offered to gain access to external facilities.
Entrepreneurship education	The entrepreneurship education offer is widely communicated. A suite of courses exists, which uses creative teaching methods and is tailored to the needs of students major in entrepreneurship. Results of entrepreneurship research are integrated into entrepreneurship education messages.
Start-up support	Team building is actively facilitated by university staff. Entrepreneurship support is closely integrated into external business support partnerships and networks (business excursions).
Evaluation approach	Evaluation of entrepreneurship activities is not formalised and includes immediate (post-course) and mid-term (graduation) monitoring of the impact.

But collaborative decision-making is more complex: during and after the learning process the teachers and the students discuss, reflect and evaluate both the method and the knowledge applied in the intercultural context. In culturally diverse workgroups, an individual attitude and cultural values have a direct effect on communication behavior and decision-making process [7]. At the group level the diversity impacts on the quality of both interaction process and group performance [8]. For instance, it was identified that lower group member cohesiveness reduced performance after initial group formation.

However, there were positive factors associated with diversity. They include increased personal satisfaction, high creativity and effectiveness, and good quality of idea generation [5]. The survey conducted after the last project shows that 97% of the respondents are very satisfied with their personal contribution to the outcome while 83% of them emphasize how important to collaborate while working on the joint project. 63% of the participants state that the understanding of the different points of view is much more important to succeed and outstanding work of all team members reflects well on the entire project. The most frequent statements are as follows:

- 1) I am extremely satisfied with our team's outcomes.
- 2) I have confidence in the members of my team.
- 3) I like working with my team.
- 4) My team performs at an excellent level.

It means that students from both countries Ukraine and Germany are ready to create collaborative environment that is crucial for entrepreneurship development. More than that, majority (73%) of the students pointed out that international collaborative learning was interesting and valuable experience for them. For instance, some respondents stated that they learned how people work, think and handle different problems. But during the group work enriched with relevant professional information there were some challenges towards collaboration. Respondents listed the following (in descending order).

1. A deal with different operation methods.
2. A command of English.

3. No challenges.
4. A difference in the cultures.
5. A creation of business idea.

Knippenberg and Schippers suggest factors that are important in explaining workgroup behavior (surface-level and deep-level) [5]. According to the results we can identify the features of the deep-level diversity to explain collaborative difficulties that team members faced. Deep-level diversity refers to intragroup differences in personality, attitudes, and values [7, p. 146]. Our experience with one group shows that deep-level differences may be more salient for group members and create situations really difficult to manage. The situation was not associated with deep-level diversity. Conversely, the reason of the conflict seems to be the group composition as a whole. Group composition is a surface-level factor of diversity and helps to explain differences in group communication behaviors and outcomes.

The intercultural theory includes several communication behaviors that are associated positively with group work and relational outcomes: cooperative conflict, respectful communication, consensus decisions making, and participation [6].

Conclusions. The results of the survey indicate that the majority of the students involved in this project have self-guided and critical thinking. They attempt to reason at the highest level of their quality in a fair-minded way despite any challenges faced. We have drawn to the conclusion that the input factors (situational features, individual differences and group composition) influence significantly processes and outcomes of the collaborative activity.

Obviously, the effective intercultural group work should combine tasks with high relational outcomes. This means that work productivity and good decision-making hinge on results of developing positive work relationships and desire to work together. Communication processes in this case are the medium through which individual differences in group composition affects group outcomes.

The results of this study indicate that both individual and group-level variables impact on the interaction climate and the satisfaction of the team

members. Interestingly, the simultaneous analysis of both levels may help to illuminate which factors are most important for understanding interaction peculiarities and satisfaction.

References

1. Chaffe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing / W. Chaffe. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 327 p.
2. Entrepreneurship Education: a Guide for Educator – Brussels: European Commission, 2014. – 98 p.
3. Hofer A. R. Innovation, Universities and Entrepreneurship: Criteria and Examples of Good Practice / A. R. Hofer and J. Potter. – OECD, 2009. – 64 p.
4. Horowitz J. Gassol. The Effect of University Culture Stakeholders' Perceptions on University – Business Linking Activities / J. Horowitz, C. Gassol // *Journal of Technology Transfer*. – 2007. – №32. – P. 489 – 507.
5. Knippenberg D. Work Group Diversity / *The Annual Review of Psychology* / D. van Knippenberg, M. C. Schippers. – 2007. – № 58. – p. 515–541.
6. Oetzel J. G. Effective intercultural workgroup communication theory / In W.B. Gudykunst (Ed.) // *Theorizing about intercultural communication*. – Thousand Oaks CA: Sage, 2005 – p. 351 – 371.
7. Oetzel J. G. The Impact of Individual Differences and Group Diversity on Group Interaction Climate and Satisfaction: A Test of the Effective Intercultural Workgroup Communication Theory / J. G. Oetzel, V. M. McDermott, A. Torres, C. Sanchez // *Journal of International and Intercultural Communication*. – 2012. – Vol. 5. – №2. – p. 144–167.
8. Shachaf P. Cultural Diversity and Information and Communication Technology Impacts on Global Virtual Teams: An Exploratory Study / P. Shachaf // *Information & Management*. – 2008. – № 45. – p. 131–142.

И. С. Нечитайло, В. О. Ильина

ГРАЖДАНСКИЕ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ ХАРЬКОВСКОГО РЕГИОНА: АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления гражданского общества в Украине. Подчеркивается, что для интенсификации процесса становления гражданского общества необходима включенность в этот процесс молодежи как социальной группы, обладающей высоким деятельностным потенциалом. Перспективы и направления развития гражданского общества во многом зависят от того, какие гражданские позиции преобладают в молодежной среде. В статье приводятся результаты социологического исследования, со ссылкой на которые делается вывод о недостаточной зрелости гражданских позиций современной молодежи, проживающей, учащейся и работающей в пределах Харьковского региона. Кроме того, на основе полученных данных, с помощью процедуры факторного анализа, выделяются латентные переменные, отражающие отличия гражданских позиций молодежи Харьковского региона.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская позиция, молодежь.

Нечитайло І. С., Ільїна В. О. Громадянські позиції молоді харківського регіону: аналіз структурних компонентів

Анотація. Статтю присвячено виявленню громадянських позицій сучасної української молоді (на прикладі Харківського регіону). Підкреслюється, що для інтенсифікації процесу становлення громадянського суспільства необхідною є включеність в цей процес молоді як соціальної групи, яка має високий діяльнісний потенціал. Перспективи і напрямки розвитку громадянського суспільства багато в чому залежать від того, які громадянські позиції переважають у молодіжному середовищі. У статті наводяться результати соціологічного дослідження. З посиланням на ці результати робиться висновок про недостатню зрілість громадянських позицій сучасної молоді, що проживає, навчається та працює в межах Харківського регіону. Окрім того, на основі отриманих даних, із застосуванням процедури факторного аналізу, виділяються латентні змінні, що характеризують відмінності громадянських позицій молоді Харківського регіону.

Ключові слова: громадянське суспільство, громадянська позиція, молодь.

Nechitaylo I. S., Ilna V. O. Civic positions of the youth at the Kharkiv region: structural componentals analysis

The article is devoted to the problem of a civil society formation in Ukraine. It is emphasized that to intensify strengthen the process of civil society development, involvement of youth as a social group with a high potential for social activity is needed. Prospects of civil society development are largely dependent on the kind of civic positions prevailing among the youth. The article presents the results of an empirical research, which give ground to speak about the immaturity of civic positions of the young people, studying and working in the Kharkiv region. Also, using based on the data obtained, the factor analysis procedures, latent variables are identified, reflecting the differences in the civic positions the Kharkiv region youth.

Key words: civil society, civic position, youth.

Становление гражданского общества – длительный процесс. Для интенсификации этого процесса необходима включенность в него молодежи как социальной группы, обладающей самым высоким деятельностным потенциалом. Перспективы и направления развития гражданского общества во многом зависят от того, какие гражданские позиции преобладают в молодежной среде. Гражданское общество может существовать и функционировать только на основе относительно устойчивых и активных гражданских позиций. Именно в молодом возрасте происходит закладка тех культурных, политических, морально-психологических и других личностных качеств, которые представляют важность для всего общества, являясь основой таких позиций. Однако результаты социологических исследований, проведенных в последние годы, свидетельствуют, скорее, об обратном. Они показывают, что современной украинской молодежи присущи такие негативные социальные характеристики и качества как заниженная самооценка, правовой нигилизм, отказ от ответственности, социальный изоляционизм, инфантилизм, стремление избегать задач повышенной сложности, выраженное ослабление стремления к самосовершенствованию, низкий уровень социальной активности [2, с. 55; 5; 6, с. 80]. В этом заключается суть одной из

проблем, затрудняющих процесс становления гражданского общества в Украине.

Проблема становления гражданского общества и формирования гражданственности всегда привлекала внимание ученых разных областей научной деятельности. Современные ученые ведут активную работу в области теории гражданственности и гражданского воспитания, осуществляя разработку концепций, операционализацию основных понятий, с целью их адаптации к современным социальным реалиям (В. Астахова, Е. Астахова, М. Боришевский, А. Гаязов, С. Рябова, И. Саввина и др.) [1; 6, с. 87, 102]. Многие работы посвящены изучению гражданских качеств и проблеме их формирования в системе образования (В. Астахова, Н. Басюк, В. Бойченко, А. Козлов, Т. Пелевина, Т. Петрушенко, М. Шимановский и др.) [1; 7]. Проблеме становления гражданской культуры, формирования гражданского самосознания и гражданской идентичности молодежи в условиях современной Украины посвящены работы таких украинских ученых как: М. Боришевский, О. Красовская, Л. Сокурская, А. Остроухова и др. [3; 5; 8].

Анализ научных публикаций показывает, что накоплен достаточно мощный пласт теоретического и эмпирического материала по проблематике формирования гражданского общества в Украине. Однако динамика социальных процессов настолько высока, что насущной необходимостью становится постоянное отслеживание изменений на уровне гражданского самосознания, гражданских позиций населения Украины в целом и современной украинской молодежи в частности. Необходимо знать особенности гражданских позиций, проявляющихся на практике, для того, чтобы определить способы и методы их корректировки в сторону повышения социальной активности (в положительном для общества ключе).

Цель статьи: выявить гражданские позиции современной молодежи (на примере Харьковского региона) через анализ их структурных компонентов.

Гражданская позиция – комплексная характеристика отдельной личности или группы, характеризующая субъектную, деятельную сторону личности (и/или группы) и определяемая тем вкладом,

который человек (и/или группа) вносит в жизнь общества как социальный актор и/или субъект социальных процессов. Активная гражданская позиция проявляется в осознанном участии человека в жизни общества, в его сознательных реальных действиях (поступках), направленных на реализацию личных и общественных целей при разумном соотношении личностных и общественных интересов.

Теоретическая модель гражданской позиции в самых общих чертах представлена следующими структурными компонентами: (1) гражданские качества; (2) гражданское (само)сознание, гражданская (само)идентификация; (3) гражданские диспозиции (смыслы, мотивы, склонности к определенному действию, в том числе инновационный потенциал и эмиграционные настроения); (4) гражданская компетентность, (5) гражданские действия и практики [2, с. 105]. Зрелость гражданской позиции определяется выраженностью гражданских качеств, гражданской компетентностью, степенью принятия личностью общественных интересов и актуальных социальных задач, пониманием социального значения и социальных последствий своей деятельности, а также степенью социальной активности.

Реализуя цель данной статьи, мы обратились к результатам исследования, проведенного Лабораторией проблем высшей школы Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» в мае 2014 года¹. Эти результаты, позволят сделать вывод о степени зрелости гражданских позициях молодежи Харьковского региона по таким компонентам, как гражданское (само)сознание, гражданские диспозиции, гражданская компетентность, гражданская деятельность.

¹ Тема исследования: «Роль молодежи в становлении гражданского общества (на примере Харьковского региона)» (научные руководители – В. И. Астахова, И. С. Нечитайло; организатор полевого этапа – Овакимян О. С.). С помощью метода анкетирования опрошено 1119 респондентов из числа в возрасте от 16 до 35 лет (средний возраст респондентов – 21,4 года). Выборка репрезентативная для генеральной совокупности, представленной студенческой и работающей молодежью Харьковского региона; случайная, квотная (по полу и возрасту); погрешность – 3,8 %.

Человеком, преданным Украине и украинскому народу (патриотом) считает себя 63,4% опрошенной молодежи. Приблизительно столько же, в той или иной степени, гордятся тем, что являются гражданами Украины. Тех, кто себя не считает патриотом – чуть более 12%.

Имеет место ярко выраженная противоречивость или, если точнее, амбивалентность гражданского сознания молодежи, наблюдаемая, в частности, по признаку поддержки тех или иных идеологических позиций. Самый высокий рейтинг поддержки у такой позиции как «сильное государство, регулирующее экономику» (4,1 из максимальных 5 баллов). Далее, с незначительным отрывом, идут позиции, олицетворяющие поддержку принципов рыночной экономики и развитой демократии, такие как «свободный рынок», «значительные (и справедливые) налоги», «сильная роль граждан и гражданского общества в управлении государством» (3,6). На третьем – «незначительные налоги» и «полное социальное равенство» (3,4). Такая противоречивость свидетельствует о недостаточном уровне гражданской компетентности.

На уровне диспозиций, деятельностного потенциала, готовности к определенным действиям ради Украины и сограждан-украинцев ситуация несколько лучше. Активно трудиться готово около 67% опрошенных, приблизительно столько же респондентов подтверждают свою готовность реальными действиями. Однако активная трудовая деятельность не является показателем собственно гражданской активности. В качестве такого показателя выступают готовность и реальное участие в выборах, акциях протеста и деятельности гражданских организаций. Результаты опроса показывают, что участвовать в выборах и подобных мероприятиях готово меньше половины респондентов. Только 52 % опрошенных подтвердили свое реальное участие в выборах (в качестве голосующих), что, по сути, отражает низкий уровень электоральной активности населения Украины в целом, наблюдаемый на последних парламентских выборах. Низкая потенциальная и реальная электоральная активность молодежи Харьковского региона является негативным показателем, свидетельствующим о неразвитости деятельностного компонента гражданских позиций.

Готовность участвовать в мирных акциях поддержки/протеста изъявило 17,5% респондентов. Приблизительно столько же подтвердило факт реального участия в таких мероприятиях. На фоне чрезвычайно низкого уровня доверия к власти и высокой степени обеспокоенности событиями, происходящими в стране, показатель протестной активности довольно низок. Локализация этого показателя на уровне 17–20% – типичная картина для большинства стран постсоветского лагеря, что расценивается аналитиками как «смирение» со сложившейся ситуацией, утрата веры в собственные силы [9, с. 5]. Молодежь Харьковского региона объясняет свое «неучастие» в жизни страны недоверием к власти, к политикам, что, с одной стороны, можно рассматривать как проявление гражданской пассивности, но с другой – как своего рода «саботаж», скрытое противодействие власти.

Свое участие в деятельности гражданских и подобных организаций подтвердило чуть менее 6% опрошенной молодежи. Готово участвовать – от 5 до 7 процентов респондентов (в зависимости от направленности деятельности организации – профсоюзных, военно-исторически-патриотических и т. п.). Эти показатели немного выше, чем в целом по стране: в 2013 году около 5% украинцев подтвердили свое членство в гражданских и общественных организациях (не включая религиозные и спортивные организации, а также не клубы по интересам). Однако по сравнению с теми показателями, которые наблюдаются в странах с развитой демократией и крепким гражданским обществом (20–30%), они могут быть расценены как низкие [10, с. 34].

Подавляющее большинство молодых харьковчан (76,4%) ничего не слышало и не знает о деятельности каких-либо гражданских организаций, хотя по факту таковых в г. Харькове зарегистрировано довольно много. Выходит, либо деятельность этих организаций фиктивна, либо неэффективна информационная политика по освещению результатов этой деятельности. Эксперты настаивают на последнем пункте и утверждают, что, на самом деле, многие гражданские организации Украины имеют весьма заметные результаты своей деятельности. Однако широким массам об этих

результатах ничего не известно, что на уровне общественного сознания формирует устойчивое мнение о бесполезности гражданских организаций, как и членства в них.

Как утверждает целый ряд известных на постсоветском пространстве социологов (Е. Головаха, Т. Заславская, Е. Злобина, Н. Панина и др.), любые серьезные изменения в обществе начинаются с микроуровня – то есть с уровня индивидуального (само)сознания, а также с уровня проявления тех или иных личностных качеств. Аккумуляция схожих индивидуальных проявлений становится импульсом социальных изменений и в результате может дать мощный социальный эффект. С целью поиска таких «узлов» аккумуляции – качеств, которые могли бы стать основой для последующего выявления типологических особенностей гражданских позиций молодежи Харьковского региона, нами была проведена процедура факторного анализа².

Процедура факторного анализа осуществлялась по двум группам наблюдаемых переменных. Измерение этих переменных осуществлялось с помощью порядковых шкал, ранжированных от 1 до 5 (в порядке нарастания степени выраженности измеряемого свойства). Предполагалось, что измерение переменных первой группы позволит сделать вывод о степени выраженности тех или иных гражданских качеств и компетенций (по самооценкам респондентов), а измерение переменных второй группы – выводы о гражданских ориентациях (по степени поддержки респондентами тех или иных идеологических позиций). Задача факторного анализа состояла в том, чтобы *определить структуру* взаимосвязей между этими переменными, в том числе, входящими в разные группы, и выявить несколько латентных переменных, результирующих множество наблюдаемых. В данном случае под латентной переменной, вслед за шведскими учеными К. Жорескогом и Д. Сорбомом – экспертами в области

² В рамках факторного анализа применялись методы *главных компонент* и *Varimax* (с вращением). После проведения процедуры вращения картина распределения признаков внутри образовавшихся факторов существенно не изменилась, что свидетельствует об относительной устойчивости этих факторов.

факторного аналіза³, ми розуміємо ознаку, наявність якої передбачається, але яку не можна виміряти безпосередньо [13, с. 40–43, 105]. Латентна змінна – гіпотетичний конструкт. Мета факторного аналізу в нашому випадку полягала в тому, щоб виявити латентні змінні, що характеризують різні громадянські позиції молодіжників Харківського регіону.

В результаті процедури факторного аналізу було виділено декілька незалежних факторів. Перший, найбільш потужний фактор, що пояснює 24% дисперсії, сконцентрував досить велику кількість змінних з відносно високими факторними навантаженнями (не нижче 0,5). В переліку, наведеному нижче, представлені ті з них, які, згідно з їх факторними навантаженнями, є найбільш важливими: прагнення до отримання нових знань (0,67); прагнення до самореалізації (0,65); освітність, освіченість (0,61) любов до Батьківщини (0,60); чесність, порядковність (0,60); висока культура поведінки (0,60); знання своїх прав і обов'язків як громадянина України (0,59); занепокоєність подіями, що відбуваються в країні (0,59); відповідальність за події, що відбуваються в родині (0,59); відповідальність за події, що відбуваються в особистому житті (0,58).

Застосування методу Varimax з обертанням дозволило мінімізувати кількість змінних з високою факторною навантаженням і звести його до наступних шести: прагнення до знань, освітність і освіченість, порядковність, високий рівень культури, любов до Батьківщини, широкий круг відповідальності. Процедура обертання полегшила інтерпретацію змісту першого фактора. За її результатами можна констатувати, що цей фактор позначений високими навантаженнями на змінні, пов'язані з такими комплексними якостями як інтелектуальність⁴ і відповідальність,

³ К. Жореског і Д. Сорбом є авторами-розробниками LISREL – спеціального статистичного пакету програмного забезпечення, що використовується для виявлення структур зв'язків між змінними, моделювання явних і прихованих змінних.

⁴ Від латинського *intelligens* – розуміючий, мислючий; сукупність особистісних якостей індивіда, що відображають легкість інтелекту, освіченість, відкритість характеру, порядковність.

поэтому он был условно обозначен как «Интеллигентность и ответственность».

Все остальные факторы объясняют значительно меньшую долю дисперсии, не превышающую 7% для каждого из них. Представим их в порядке убывания объяснительной силы. Итак, второй выделенный нами фактор (вклад в общую дисперсию – 6,7%) представлен, преимущественно, переменными, отражающими поддержку респондентами тех или иных идеологических позиций, а именно следующих: обеспечение социальной защиты населения (0,54); укрепление демократических основ государства (0,51); поддержка (государством) образования и науки (0,50); стабильность в государстве (0,50); возрождение украинской культуры (0,47); построение общества, ориентированного на расцвет украинской нации (0,47); наличие в государстве сильной оппозиции (0,45).

По результатам Varimax с вращением можно сделать вывод, что содержательное ядро второго фактора составляют такие переменные как: «обеспечение социальной защиты населения» и «поддержка (государством) образования и науки». В итоге данный фактор был условно обозначен нами как «Патерналистские настроения», поскольку содержательно он отражает такие отношения между государством и его гражданами, которые основаны на покровительстве и опеке со стороны государства и ожидании от государства со стороны граждан обеспечения их потребностей.

Следует отметить, что переменные, отражающие такие качества как стремление быть лидером, вести за собой, стремление выделяться, менять все вокруг, решительность и готовность к риску вошли в состав второго фактора с отрицательными факторными нагрузками, то есть находятся в обратной корреляции с переменными, составившими содержательное ядро данного фактора. Другими словами, патерналистские ориентации связаны с нерешительностью и невыраженностью деятельностного потенциала.

Третий фактор (вклад в общую дисперсию – 6,2%) представлен следующим перечнем переменных: «готовность поступиться своим благополучием ради общественного блага» (0,54); «ориентация на Евросоюз» (0,48); «принятие образцов западной культуры» (0,43);

«возрождение украинской культуры» (0,42); «ответственность за события, происходящие в стране» (0,38); «знание своих прав и обязанностей как гражданина Украины» (0,38); «почитание и соблюдение государственных законов» (0,35); «наличие в государстве сильной оппозиции»; «ответственность за события, происходящие в личной жизни» (0,35); «любовь к своей семье» (0,33); «любовь к Родине»; «любовь к украинскому народу» (0,33).

Varimax с вращением показал, что содержательное ядро данного фактора составляют переменные, связанные с принятием образцов западной культуры и возрождением украинской культуры, наряду с любовью к Родине и украинскому народу. Сочетание в одном факторе переменных, отражающих ориентацию на европейские ценности, и, в то же время, на сохранение и поддержание национальной культуры, в сочетании с любовью к Родине, может свидетельствовать о наличии соответствующих интенций в гражданском (само)сознании современной украинской молодежи, связанных с восприятием Украины как европейского государства, разделяющего европейские ценности.

Переменные, отражающие склонность рассчитывать на защиту и поддержку со стороны государства, ориентацию на стабильность как предпочитаемое состояние общества, вошли в третий фактор с отрицательными факторными нагрузками и обратно коррелируют с переменными, отражающими «европейско-национальные» ориентации.

Четвертый фактор (вклад в общую дисперсию – 5%) составили следующие переменные: «терпимое отношение к людям другого вероисповедания» (0,50); «терпимое отношение к людям другой национальности» (0,45); «любовь к своей семье» (0,36); «дисциплинированность» (0,29); «почитание и соблюдение законов морали и нравственности» (0,26); «почитание и соблюдение государственных законов» (0,26). Следовательно, условно обозначим его как «Толерантность и дисциплинированность».

Переменные, отражающие потенциал социальной активности, стремление к лидерству, стремление менять все вокруг, вошли в данный фактор с отрицательными нагрузками, из чего следует, что такие стремления, скорее всего, не согласуются с терпимостью и законопослушностью.

Пятый фактор (вклад в общую дисперсию – 4%) представлен следующими переменными: «любовь к украинскому народу» (0,41); «любовь к Родине» (0,32); «любовь к самому себе» (0,31); «ответственность за события, происходящие в семье» (0,31); «ответственность за друзей и близких» (0,30).

Сокращение числа переменных с помощью процедуры вращения привело к выделению переменных, составляющих смысловое ядро данного фактора, а именно, таких как любовь к украинскому народу, стремление быть лидером, вести за собой, стремление к самореализации. В результате, данный фактор проинтерпретирован нами как «Патриотизм и лидерство».

В целом, результаты факторного анализа позволили классифицировать все переменные, в зависимости от тех или иных гражданских качеств, компетенций, ориентаций и выделить пять факторов, сочетающих в себе разные качества, характеризующие ту или иную гражданскую позицию. Переменные, характеризующие патриотические чувства и ориентации, лидерские качества и ответственность за события, происходящие в семье, стране, сильнее коррелируют между собой. Их сочетание можно расценивать как активную гражданскую позицию. Переменные, характеризующие патерналистские настроения, упования на поддержку государства и стабильность, поддержку идеалов прошлого и т. п., находятся в обратной корреляции с переменными, отражающими индивидуальную и социальную активность. Их сочетание можно расценивать как проявление пассивной гражданской позиции.

Делая общие выводы, подчеркнем, что результаты проведенного исследования свидетельствуют о недостаточной зрелости гражданских позиций молодежи Харьковского региона по таким ее компонентам, как: гражданское (само)сознание (амбивалентность, противоречивость), гражданские диспозиции, гражданские компетентности (недостаток гражданской осведомленности, политической образованности; как следствие – отсутствие мотивации участвовать в деятельности гражданских организаций и т. п.) и гражданская деятельность (низкие показатели реальной гражданской активности). В то же время, результаты факторного анализа позволяют увидеть

наличие потенциала развития гражданского самосознания и гражданской активности, в том числе и потому, что в состав большинства из выделенных нами факторов, с относительно высокими положительными нагрузками, вошли переменные, связанные с любовью к Родине, к украинскому народу, возрождением украинской культуры и т. п. Такие выводы могут послужить основанием для дальнейшего исследования и более глубокого анализа гражданских позиций современной украинской молодежи, с выходом на их типологизацию по степени зрелости и активности.

Список литературы

1. Астахова В. И. Об особенностях и задачах гражданско-патриотического воспитания в современной Украине: [из опыта ХГУ «НУА»] / В. И. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2009. – Т. 15. – С. 7–23.
2. Громадянське суспільство: політичні та соціально-правові проблеми розвитку : монографія / Г. Ю. Васильєв, В. Д. Воднік, О. В. Волянська та ін. ; за ред. М. П. Требіна. – Харків : Право, 2013. – 536 с.
3. Кириченко И. Горизонтальные связи пунктиром [Электронный ресурс] / И. Кириченко. – Режим доступа: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/gorizontalnye_svyazi_punktirom_obschestvennye_organizatsii_v_ukraine.html
4. Резник А. Личность и гражданское общество: опыт теоретического осмысления / А. Резник // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С. 68–79.
5. Остроухова А. С. Феномен дефицита гражданской идентичности молодежи как фактор формирования эмиграционных установок студенчества / А. Остроухова, Л. Сокурская // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – С. 263–268.
6. Гражданские позиции молодежи и студенчества в современной Украине (на примере Харьковского региона) : монография / [авт. кол.: В. И. Астахова, Е. В. Астахова и др.]; под общ. ред. И. С. Нечитайло ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2014. – 176 с.
7. Пелевина Т. В. Роль психологических механизмов и диспозиций в формировании патриотического потенциала современной молодежи [Электронный ресурс] / Т. В. Пелевина. – Режим доступа: <http://www.nravstvennost.info/library>.

8. Сокурская Л. Г. Гражданская идентификация современного украинского студенчества как аксиологический феномен // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / Л. Г. Сокурская; Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – С. 72–80.

9. Україна-2013: Між виборами і перед вибором (аналітичні оцінки, за матеріалами центру Разумкова). – Київ, 2013. – 19 с.

10. Чамкаева Е. Анализ деятельности молодежных организаций в контексте молодежной политики Федеративной Республики Германия / Е. Чамкаева // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013 г.). – Пермь : Меркурий, 2013. – С. 32–36.

11. Joreskog K. G. In *Advances in Factor Analysis and Structural Equation Models* / K. G. Joreskog, D. Sorbom; J. Magidson (Ed.). Cambridge, Massachusetts : Abt Books, 1979. – 235 p.

References

1. Astahova V. I. Ob osobennostyah i zadachah grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya v sovremennoj Ukraine: [iz opyta HGU «NUA»] / V. I. Astahova // Vcheni zap. Hark. гуманит. un-tu «Nar. ukr. akad.». – Harkiv : Vid-vo NUA, 2009. – Т. 15. – С. 7–23.

2. Hromadianske suspilstvo: politychni ta sotsialno-pravovi problemy rozvytku : monohrafiia / H. Yu. Vasyliev, V. D. Vodnik, O. V. Volianska ta in. ; za red. M. P. Trebina. – Kharkiv : Pravo, 2013. – 536 s.

3. Kirichenko I. Gorizontaľnye svyazi punktirom [EHlektronnyj resurs] / I. Kirichenko. – Rezhim dostupa: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/gorizontalnye_svyazi_punktirom_obschestvennye_organizatsii_v_ukraine.html.

4. Reznik A. Lichnost' i grazhdanskoe obshchestvo: opyt teoreticheskogo osmysleniya / A. Reznik // Sociologiya: teoriya, metody, marketing. – 2002. – 3. – S. 68–79.

5. Ostrouhova A. S. Fenomen deficita grazhdanskoj identichnosti molodezhi kak faktor formirovaniya ehмиграционныh ustanovok studenchestva / A. Ostrouhova, L. Sokuryanskaya // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / Под общ. ред. YU. R. Vishnevsogo. – Ekatiirenburg : UrFU, 2012. – S. 263–268.

6. Grazhdanskie pozicii molodezhi i studenchestva v sovremennoj Ukraine (na primere Har'kovskogo regiona) : monografiya / [avt. kol.: V. I. Astahova, E. V. Astahova i dr.] ; pod obshch. red. I. S. Nechitajlo ; Nar. ukr. akad. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2014. – 176 s.

7. Pelevina T. V. Rol' psihologicheskikh mekhanizmov i dispozicij v formirovanii patrioticheskogo potentsiala sovremennoj molodezhi [Elektronnyj resurs] / T. V. Pelevina. – Rezhim dostupa: <http://www.nravstvennost.info/library>.

8. Sokuryanskaya L. G. Grazhdanskaya identifikaciya sovremenogo ukrainskogo studenchestva kak aksiologicheskij fenomen // Studenchestvo nachala XXI veka: cennostnye orientacii i povsednevnye praktiki / L. G. Sokuryanskaya ; Pod obshch. red. YU. R. Vishnevskogo. – Ekatiirenburg : UrFU, 2012. – S. 72–80.

9. Ukraina-2013: Mizh vyboramy i pered vyborom (analytichni otsinky, za materialamy tsentru Razumkova). – Kyiv, 2013. – 19 s.

10. Chamkaeva E. Analiz deyatel'nosti molodezhnyh organizacij v kontekste molodezhnoj politiki Federativnoj Respubliki Germaniya / E. CHamkaeva // Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', yanvar' 2013 g.). – Perm' : Merkurij, 2013. – S. 32–36.

11. Joreskog K. G. In Advances in Factor Analysis and Structural Equation Models / K. G. Joreskog, D. Sorbom ; J. Magidson (Ed.). Cambridge, Massachusetts : Abt Books, 1979. – 235 p.

Д. В. Подлесный

**ПОДХОДЫ К РЕФОРМИРОВАНИЮ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД
РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917–1921 гг.)**

Аннотация. Целью статьи является анализ принципов реформирования университетского образования Украины в период 1917–1921 гг. Автор приходит к выводу, что правительства периода Революции и Гражданской использовали разные подходы к реформированию университетской системы. В период Временного правительства университетское образование развивалось в рамках либеральной модели, которая, прежде всего, проявилась в максимальном расширении университетской автономии и нормативном закреплении равного права на получение высшего образования. В свою очередь, главным приоритетом политики национальных правительств стала украинизация университетской системы. Наиболее радикальный характер приобрели реформы советского периода. В 1920–1921 гг. в Советской Украине началось внедрение рационалистической модели высшего образования, в рамках которой университеты были ликвидированы и заменены системой узкопрофильных высших учебных заведений.

Ключевые слова: университетское образование, реформы, революция, гражданская война.

Підлісний Д. В. Підходи до реформування університетської освіти в період революції і громадянської війни (1917–1921 рр.)

Анотація. Метою статті є аналіз принципів реформування університетської освіти України в період 1917–1921 рр. Автор доходить висновку, що уряди доби Революції і Громадянської війни використовували різні підходи до реформування університетської системи. У період Тимчасового уряду університетська освіта розвивалася в рамках ліберальної моделі, яка, перш за все, проявилася в максимальному розширенні університетської автономії та нормативному закріпленні рівного права на отримання вищої освіти. У свою чергу, головним пріоритетом політики національних урядів революційного періоду стала українізація університетської системи. Найбільш радикальний характер набули реформи радянського періоду. У 1920–1921 рр. в Радянській

Україні почалося впровадження раціоналістичної моделі вищої освіти, в рамках якої університети було ліквідовано і замінено системою вузькопрофільних вищих навчальних закладів.

Ключові слова: університетська освіта, реформи, революція, громадянська війна.

Podlesniy D. V. The approaches to reforming of university education in the period of revolution and civil war (1917–1921)

Annotation. The purpose of the article is to analyze the principles of the reforming of university education in Ukraine in the period of 1917–1921. The author comes to the conclusion that governments of the period of the Revolution and the Civil used different approaches to the reform of the university system. During the period of the Provisional Government, university education developed in the framework of the liberal model, which is primarily manifested in the maximum expansion of university autonomy and normative securing equal rights for higher education. The main priority of the policy of national governments of Ukraine was ukrainization university system. The most radical reform of the Soviet period purchased. In 1920–1921 in Soviet Ukraine the implementation of the rationalist model of higher education has begun. As a result universities have been eliminated and replaced by a system narrow-profile high schools.

Key words: university education, reform, revolution, civil war.

В современной литературе все чаще звучит тезис относительно состояния глобального кризиса, в котором университетская система оказалась на рубеже XX–XXI вв. [1]. В условиях, когда университетское образование не всегда способно адекватно отвечать на постоянно меняющиеся вызовы современности, в экспертном сообществе выдвигается целый ряд концепций реформирования университета как социального института. Учитывая вышесказанное, представляется, что важное значение сегодня приобретает анализ исторического опыта функционирования университетской системы, тем более, что история университетского образования как в Украине, так и за рубежом знает немало примеров успешной адаптации (или попытки адаптации) к изменяющимся требованиям окружающей среды. Особый интерес с данной точки зрения представляет период 1917–1921 гг., когда развитие высшего образования происходило на

фоне тотальної ломки політичної і соціальної системи, сложившоїся в дореволюційний період.

Целью данної статті являється аналіз основних підходів к реформуванню університетського освіти, котрі були апробовані на різних етапах Революції і Гражданської війни. При цьому слід відзначити, що проблема трансформацій університетського освіти привертала і продовжує привертати увагу наукового суспільства. Так, трапившіся в революційний період трансформації університетської системи в общеросійському масштабі були проаналізовані в трудах Ш. Х. Чанбарісова [2], А. І. Авруса [3] і деяких інших авторитетних дослідників. Цілий ряд робіт сучасних українських спеціалістів, серед яких виділяється докторське дослідження А. М. Завальнюка, присвячене проблемам українізації університетської системи і виниклому в 1917–1918 гг. феномену українського університету [4].

Переходя к аналізу трансформацій університетського освіти в період Революції і Гражданської війни, слід відзначити, що активна дискусія стосовно шляхів і способів його реформування розвернулася в академічних і державних колах уже в кінці ХІХ – початку ХХ в. В ході цієї дискусії наметилися найбільш спірні, гострі питання функціонування університетської системи. Так, найбільший резонанс в середі академічної громадськості викликав питання стосовно університетської автономії, межі якої на протязі ХІХ в. неодноразово переглядалися. Саме розширення університетської автономії було крайнім камнем вимог ліберальної професури, котра виступала проти спроб Міністерства народного освіти встановити контроль над діяльністю університетів [5, с. 14].

Одночасно в обществі шлі активні дискусії стосовно змісту вищої освіти. Вища школа Російської імперії з початку вибрала шлях надання глибокої общетеоретическої підготовки, котра базувалася на нерозривній зв'язі вищої освіти з наукою. Уже в кінці ХІХ ст. було

выдвинуто мнение относительно пересмотра образовательной парадигмы в сторону рационализации. На страницах периодической печати был озвучен проект университетской реформы, направленный на ликвидацию университетов в их классическом понимании и создании системы узко профильных специальных школ и научных институтов. В то же время, для академической элиты, которая была воспитана на неразрывной связи образования и науки, такой подход был неприемлем [5, с. 9]. Жесткую критику в академических кругах вызвала система существовавших в период Российской империи образовательных цензов. Реакцией на ограниченность права на получение высшего образования стало становление целой системы частных высших школ, которые были призваны предоставлять образовательные услуги дискриминируемым сегментам общества, в том числе, женщинам и лицам иудейского вероисповедания. Крайне остро в дореволюционных университетах стоял национальный вопрос. Ситуация, когда учебный процесс в вузах носил исключительно русскоязычный характер, а изучение истории и языков нацменьшинств было сведено к минимуму, не могла удовлетворить национально-культурные потребности студентов и преподавателей, отождествлявших себя с не титульными этносами Российской империи.

Революционные события февраля 1917 г. открыли путь к либерально-демократическим трансформациям всех сфер общественной жизни, реализация которых была задекларирована в программе Временного правительства. При этом ключевое влияние на развитие системы высшего образования в постфевральский период оказало то, что ведущую роль в формировании культурно-образовательного курса Временного правительства играли представителями академической элиты. На протяжении марта-октября 1917 г. представители либеральной профессуры (А. А. Мануйлов, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, М. М. Новиков и др.) возглавляли Министерство народного просвещения и доминировали в комиссии по реформе высшей школы. Важную роль в подготовке реформы высшего образования также сыграли академические съезды и совещания, в которых принимали участие представители ведущих высших школ

бывшей Российской империи, в том числе, Харьковского, Киевского и Новороссийского (Одесского) университета.

Исходя из вышесказанного, неудивительно, что в период Временного правительства в основу реформирования университетской системы были положены представления либеральной профессуры и, прежде всего, тезис о максимальном расширении университетской автономии. В июне 1917 г. университеты были выведены из сферы компетенции попечителей учебных округов и подчинены непосредственно Министерству народного просвещения. В свою очередь, университетские советы получили право решать практически все вопросы внутренней жизни учебного заведения [6, с. 78].

Важную роль в демократизации университетской системы сыграло нормативное закрепление всеобщего права на получение высшего образования. В правилах приема в университеты, которые были утверждены 13 июня 1917 г., подчеркивалось, что в университеты принимаются «лица обоего пола без различия национальностей и вероисповеданий» [7]. При этом следует отметить, что реализованное Временным правительством нормативное закрепление гендерного и национально-религиозного равноправия в сфере получения высшего образования стало беспрецедентным шагом не только в отечественной, но и мировой истории. Даже в США и странах Западной Европы проблема обеспечения права женщин на получение высшего образования была полностью решена лишь в 60-е гг. XX века. Определенные шаги были сделаны на пути удовлетворения запросов национальных меньшинств бывшей Российской империи, в том числе, и украинского народа. В частности, было дано разрешение на открытие кафедр украинского языка, литературы, истории и права в Киевском и Харьковском университетах.

Октябрьские события 1917 г. в Петрограде обусловили активизацию украинского национального движения. В период ноября 1917 – января 1919 гг. (за исключением сравнительно небольшого временного промежутка декабря 1917 – марта 1918 г.) большая часть территории Украины находилась под властью национальных правительств. Естественно, между Центральной Радой, Гетманатом и Директорией

УНР существовали значительные расхождения в области видения принципов построения национальной государственности и реализации внутренней политики. В то же время, все национальные правительства революционного периода декларировали необходимость украинизации культурно-образовательной сферы, в том числе, и системы высшего образования.

Следует отметить, что проблема построения национальной системы высшего образования стояла не только перед правительством Украины, но и перед целым рядом государств Восточной и Центральной Европы, возникших на руинах Российской и Австро-Венгерской империй. При этом в разных странах были апробированы различные способы ее решения. Так, в Польше периода Ю. Пилсудского построение национальной системы образования сопровождалось активными процессами дерусификации. Более либеральный подход практиковался в Чехословакии, где немецкий культурный сегмент был, в основном, сохранен (например, в Праге продолжали работать как чешский, так и немецкий университеты). Вопрос относительно модели украинизации университетской системы постоянно обсуждался в правительственных и академических кругах УНР и Украинской Державы П. Скоропадского. При этом большинство академического сообщества, в том числе, представители умеренных кругов национального движения, выступало против дерусификации дореволюционных университетов. В резолюции состоявшегося в мае 1918 г. Второго всеукраинского съезда представителей высших учебных заведений подчеркивался тезис о недопустимости перехода на украинский язык преподавания существующих русскоязычных университетов и необходимости проведения украинизации путем открытия новых «украинских высших школ нормального типа» [8]. В свою очередь, представители радикальных кругов национального движения выступали за полную ликвидацию «российского» сегмента университетского образования путем реорганизации дореволюционных университетов в высшие школы с национально-ориентированным учебно-воспитательным процессом.

Первая точка зрения возобладала в период Украинской державы П. Скоропадского, когда ведущую роль в реформировании высшей

школы, как и в марте-октябре 1917 г., играли представители академической элиты. Результатом деятельности комиссии по реформе высшей школы, которую возглавлял В. И. Вернадский, стало открытие двух украинских государственных университетов в Киеве и Каменец-Подольском. Данные заведения стали первыми государственными высшими школами с национально-ориентированным учебным процессом (в том числе, украинским языком преподавания). Одновременно, в период Гетманата расширялась и система русскоязычных заведений университетского типа, что нашло отражение в открытии Екатеринославского и Таврического университетов.

В свою очередь, лозунг дерусификации университетской системы вышел на первое место после утверждения власти Директории УНР, период которой охарактеризовался наибольшей радикализацией национального движения. В декабре 1918 – январе 1919 г. вопрос относительно необходимости реорганизации дореволюционных университетов в украинские высшие школы неоднократно поднимался на заседаниях правительственных органов УНР. Министерством образования был даже подготовлен законопроект относительно объединения Киевского университета Св. Владимира и украинского государственного университета в одно украиноязычное учебное заведение – Киевский государственный украинский университет Св. Владимира [4]. Однако произошедшее в январе 1919 г. второе установление советской власти в Украине не дало воплотить данные планы в жизнь.

В 1919–1921 гг. реформирование высшего образования Украины происходило, преимущественно, по инициативе советских правительственных структур. При этом, как отмечает современный российский исследователь Е. В. Данилова, большевики изначально не имели целостной концепции в этой области [9]. В то же время, реформирование высшей школы на этапе установление советской власти становилось неизбежным. В условиях гражданской войны и формирования советской политической системы (для которой изначально был присущ целый ряд недемократических атрибутов) широкая автономия университетов, которые, к тому же, были оппозиционны к действующей власти, вызвала неприятие со стороны советского

руководства. Так, В. И. Ленин называл университетскую автономию буржуазным пережитком, недопустимым в условиях диктатуры пролетариата [3, с. 109]. Также следует отметить, что основу студенческого контингента университетов составляли выходцы из, так называемых, нетрудовых классов, тогда как городской и сельский пролетариат, который составлял основу социальной базы большевиков, практически не имел шансов на получение высшего образования.

В 1918 г. правительством Советской России было рассмотрено несколько проектов нового университетского устава, которыми, в частности, предполагались такие новации, как ликвидация университетской автономии, закрепление принципа «открытых дверей» при поступлении в высшую школу (который должен был обеспечить доступ в высшую школу представителям городского и сельского пролетариата), отмена ученых степеней и званий. Проект университетской реформы, предложенный профессором Московского университета П. К. Штернбергом, также предполагал разделение университетов на две секции – научную и практическую. Первая была призвана готовить только научных работников, вторая – практических работников для экономики и культуры [3, с. 46]. Несмотря на то, что проект университетского устава не удалось согласовать с представителями академической общественности и он так и не был утвержден, в 1918 – 1919 г. некоторые из вышеперечисленных мер были внедрены как в РСФСР, так и в Советской Украине. В частности, были приняты декреты о приеме в высшую школу (согласно которому двери университетов открывались для всех лиц, независимо от наличия среднего образования) и отмене ученых званий и степеней, которая была призвана ограничить влияние дореволюционной профессуры на университетское сообщество. В марте 1919 г. в УССР также была ликвидирована университетская автономия, а ключевые полномочия в сфере управления высшей школой передавались назначаемому в административном порядке комиссару.

Если в 1919 г. реформы высшего образования в УССР проходили в русле мер, которые ранее были апробированы в Советской России, то уже с 1920 г. в Украине начала строиться собственная образовательная модель, главными идеологами которой стали руководители

Наркомата просвещения Г. Ф. Гринько и Я. П. Ряппо. При этом в отличие от РСФСР в Украине уже к концу 1920 г. произошла полная ликвидация классических университетов, на базе структурных подразделений которых была построена система узкопрофильных вузов. Следует отметить, что современные ученые расходятся в оценке причин временной ликвидации университетского образования в Украине. Так, Д. Ф. Розовик считает, что данная мера стала первым шагом на пути формирования советской тоталитарной системы, в условиях которой не осталось места для широкого изучения гуманитарных наук [10, с. 111]. В свою очередь, Г. В. Касьянов связывает ликвидацию университетов с желанием большевиков нейтрализовать влияние буржуазно-кадетской профессуры, которая составляла ядро их профессорско-преподавательского корпуса [11, с. 24–25]. Не ставя под сомнение логичность данных выводов, отметим, что они не раскрывают всех мотивов соответствующих действий Наркомата просвещения. В основе реформирования высшей школы УССР лежала модель рационализации высшего образования, в условиях которой высшая школа из социального института, выполнявшего не только учебные, но и научные и культурные функции, превращалась в конвейер по массовому выпуску специалистов. В таких условиях на первое место выходили узкопрофильные вузы, ориентированные на предоставление практической, а не теоретической подготовки. Что же касается классических университетов, то в условиях максимального упрощения содержания высшего образования их функции становились невостребованными. Поэтому мы склонны согласиться с В. В. Липинским, который связывает ликвидацию университетов, прежде всего, с внедрением новой образовательной модели [12]. При этом соответствующие меры Совнаркома УССР вряд ли можно считать беспрецедентными. Фактически, в 1920–1921 гг. руководством украинского наркомата просвещения был скопирован опыт Франции конца XVIII в., когда на волне революции все университеты были ликвидированы, а их место заняла созданная с нуля система узкопрофильных высших школ.

Таким образом, в период 1917–1921 гг. университетское образование превратилось в поле для достаточно смелых и неоднозначных

экспериментов. При этом на различных этапах революции и гражданской войны в основу реформирования университетской системы были положены разные подходы, выбор которых обуславливался не только (а иногда и не столько) целями оптимизации функционирования высшей школы, но и политико-идеологическими причинами. В период Временного правительства университетская система развивалась в рамках либерального подхода, который, прежде всего, проявился в максимальном расширении университетской автономии и нормативном закреплении равного права на получение высшего образования. В свою очередь, главным приоритетом политики национальных правительств Украины стала украинизация университетской системы, главным результатом реализации которой стало создание новых украинских университетов, призванных развивать украинскую культуру и формировать мировоззрение молодежи в рамках национальной идентичности. Наиболее радикальный характер приобрели реформы советского периода. Большевистский подход к реформированию университетов был связан, прежде всего, с необходимостью установления контроля над высшими учебными заведениями и превращения их в базу подготовки новой, советской интеллигенции. В течение 1918–1919 гг. советской властью были реализованы такие меры, как ликвидация университетской автономии, допуск в высшую школу лиц, не имевших среднего образования (который был призван обеспечить привлечение в высшую школу выходцев из среды городского и сельского пролетариата). Окончательная ломка основ функционирования дореволюционной высшей школы в Советской Украине произошла в 1920–1921 гг., когда в рамках реализации курса на внедрение рационалистической образовательной модели классические университеты были полностью ликвидированы.

Список литературы

1. Комлева Е. Ю. Кризис современного университетского образования / Е. Ю. Комлева // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3. – С. 248–255.

2. Чанбарисов Ш Х Формирование советской университетской системы (1917–1938) / Ш. Х. Чанбарисов. – Уфа, 1973. – 472 с.
3. Аврус А. И. История российских университетов / А. И. Аврус. – М. : Московский общественный научный фонд, 2001. — 85 с.
4. Завальнюк О. М. Утворення і діяльність українських державних університетів : автореф. дис... докт. істор. наук: 07.00.01 / Завальнюк Олександр Михайлович. – Київ, 2011. – 37 с.
5. Вернадский В. И. Об основаниях университетской реформы / В. И. Вернадский // Ноосферные исследования. – 2013. – Вып. 2 (4). – С. 7–38.
6. Сизова А. Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы / А. Ю. Сизова // Вестник РГГУ. – 2009. – № 17. – С. 70-83.
7. Правила приема в университеты // Речь. – 1917. – 14 июня.
8. Кульбакин С. М. Второй съезд вузов Украины / С.М. Кульбакин // Южный край. – 1918. – 29 мая.
9. Данилова Е. В. Отечественная высшая школа в 1917–1927 гг.: исторический опыт и уроки становления : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Елена Владимировна Данилова. – Саратов, 2010.
10. Розовик Д.Ф. Культурне будівництво в Україні у 1917–1920 рр. / Д. Ф. Розовик. – К. : Аквілон-Плюс, 2011. – 543 с.
11. Касьянов Г. В. Интеллігенція Радянської України у 1920-х – 1930-х рр. : автореф. дис. ... д-ра. іст. наук / Г. В. Касьянов. – К., 1993. – 31 с.
12. Липинський В. В. Концентрація та модель освіти в УСРР у 20-ті рр. / В. В. Липинський // Український історичний журнал. – 1999. – № 5. – С. 3–15.

References

1. Komleva E. Yu. Krizis sovremennogo universitetskogo obrazovaniya / E. Yu. Komleva // Izvestiya UrGU. Ser. 2. Gumanitarnyye nauki. – 2010. – № 3. – S. 248–255.
2. Chanbarisov Sh X Formirovanie sovetskoy universitetskoy sistemyi (1917–1938) / Sh. H. Chanbarisov. – Ufa, 1973. – 472 s.
3. Avrus A. I. Istoriya rossiyskih universitetov / A. I. Avrus. – M. : Moskovskiy obschestvennyiy nauchnyiy fond, 2001. — 85 s.
4. Zaval'nyuk O. M. Utvorenniya i diyal'nist' ukraiyins'kykh derzhavnykh universytetiv : avtoref. dys... dokt. istor. nauk: 07.00.01 / Zaval'nyuk Oleksandr Mykhaylovych. – K., 2011. – 37 s.
5. Vernadskiy V. I. Ob osnovaniyah universitetskoy reformy / V. I. Vernadskiy // Noosfernyie issledovaniya. – 2013. – Vyip. 2 (4). – S. 7–38.

6. Sizova A. Yu. Rossiyskoe vyisshее obrazovanie pri Vremennom pravitelstve: zamyisel i nachalo demokraticheskoy reformy / A. Yu. Sizova // Vestnik RGGU. – 2009. – № 17. – S. 70–83.
7. Pravila priema v universitety // Rech. – 1917. – 14 iyunya.
8. Kulbakin S. M. Vtoroy s'ezd vuzov Ukrainyi / S.M. Kulbakin // Yuzhnyiy kray. – 1918. – 29 maya.
9. Danilova E. V. Otechestvennaya vyisshaya shkola v 1917-1927 gg.: istoricheskiy opyt i uroki stanovleniya : avtoref. dis...kand. istor. nauk / Danilova Elena Vladimirovna. – Saratov, 2010.
10. Rozovyk D.F. Kul'turne budivnytstvo v Ukraini u 1917–1920 rr. / D. F. Rozovyk. – K. : Akvilon-Plyus, 2011. – 543 s.
11. Kas'yanov H. V. Intelihentsiya Radyans'koyi Ukrainy u 1920-kh – 1930-kh rr. : avtoref. dys... dokt. istor. nauk / Kas'yanov H. V. – K., 1993. – 31 s.
12. Lypyns'kyy V. V. Kontseptsiya ta model' osvity v USRR u 20-ti rr. / V. V. Lypyns'kyy // Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal. – 1999. – № 5. – S.3–15.

Е. А. Подольская

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Аннотация. Предложена новая модель старости, включающая возможности индивидуально-личностного развития в пожилом возрасте средствами образования. Старение рассматривается как этап эволюции человека, имеющего свои ресурсы, а пожилой человек – как субъект образования. Выявлены возможности образования как фактора активизации социального поведения лиц «третьего возраста», проанализированы содержательные приоритеты и структурные инновации в сфере образования пожилых людей. Изучены формы включения пожилых людей в образовательный процесс: обучение в качестве студента без ограничения возраста; самообразование, ориентация на духовную культуру и самопознание; специальные программы для пожилых людей. Обобщен зарубежный опыт использования потенциала социально-культурной деятельности в обеспечении процесса активизации духовной жизни пожилых людей.

Ключевые слова: образовательный процесс, пожилой человек, самообразование, социокультурная деятельность, специальная программа, старость, субъект образования, «третий возраст».

Подольська Є. А. Освіта як чинник активного довголіття: світовий досвід

Анотація. Запропоновано нову модель старості, що включає можливості індивідуально-особистісного розвитку у похилому віці засобами освіти. Старіння розглядається як етап еволюції людини, що має свої ресурси, а людина похилого віку – як суб'єкт освіти. Виявлені можливості освіти як фактора активізації соціальної поведінки осіб «третього віку», проаналізовані змістовні пріоритети й структурні інновації у сфері освіти осіб похилого віку. Вивчені форми включення людей похилого віку в освітній процес: навчання в якості студента без вікових обмежень; самоосвіта, орієнтація на духовну культуру і самопізнання; спеціальні програми. Узагальнено зарубіжний досвід використання потенціалу соціально-культурної діяльності у забезпеченні процесу активізації духовного життя осіб похилого віку.

Ключові слова: освітній процес, людина похилого віку, самоосвіта, соціокультурна діяльність, спеціальна програма, старість, суб'єкт освіти, особа «третього віку».

Podolskaya E. A. Education as a factor of an active longevity: the world experience

Annotation. A new model of old age has been suggested. It includes opportunities of an individual personal development for elderly people by way of education. Old age is regarded as a stage in the evolution of a person having his/her own resources, and an elderly person – as the subject of education. Possibilities of education as a factor of intensification of «the third age» persons' social behaviour have been revealed; contents priorities and structural innovations in the sphere of elderly people education have been analyzed. The forms of elderly people involvement in the process of education have been studied: teaching elderly persons as students without age limitation; self-education; orientation towards spiritual culture and introspection; special programmes for elderly people. Foreign experience of making use of social and cultural activities potential in ensuring the process of intensification of elderly people's spiritual life has been generalized.

Key words: the process of education, an elderly person, self-education, social and cultural activities, special programme, old age, the subject of education, «the third age».

Человеческий потенциал, воплощенный в запасе знаний, навыков, интеллекта и творческих способностей, становится в XXI веке ключевым ресурсом, который определяет жизненный уровень населения и конкурентоспособность на глобальном рынке. Новая модель старости определяется не только увеличением периода жизни человека, но и позитивным изменением ее качества, включающем в себя значительные возможности индивидуально-личностного развития в пожилом возрасте. Решение проблемы социокультурного развития людей пожилого возраста в современном социальном контексте необходимо искать в сфере образования и досуга.

Место и роль пожилых людей в современном обществе, влияние социально-демографических характеристик на их участие в трудовой и общественной деятельности, концепции социального поведения личности в пожилом возрасте, динамика изменения статуса пожилого человека глубоко проанализированы в работах М. Д. Александровой, Н. Г. Большаковой, В. М. Васильчикова, С. В. Калашникова, Т. Г. Киселевой, С. Г. Спасибенко, Я. Стюарт-Гамильтон, С. С. Штан-

ской и др. Факторы социального поведения и самочувствия пожилых людей в обществе, проблемы активизации их поведения исследовали О. О. Данильченко, Л. П. Кузнецова, Г. А. Овчинников, О. Е. Плеханова, Ж. Т. Тощенко, Н. Е. Ускова, Е. В. Черносветов, Е. В. Щанина и др. В своих работах эти авторы подчеркивают тот факт, что популярный стереотип о пассивности старшего поколения, об их консерватизме не находит подтверждения в эмпирических данных. Прекращение профессиональной активности не должно исключать пожилых людей из активной жизни в обществе. Проблемам повышения социальной активности пожилых людей в системе непрерывного образования за рубежом посвящены работы И. В. Высоцкой, И. С. Тетериной, Т. Д. Шапошниковой и других исследователей. Вместе с тем анализ современной литературы указывает на недостаточность работ по обобщению позитивного опыта продления активного долголетия пожилых людей.

Цель данной статьи – выявить возможности образования как фактора активизации социального поведения пожилых людей.

Активное старение рассматривается международным сообществом в качестве наиболее адекватной стратегии в отношении пожилых граждан. В Германии и странах Скандинавии (Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии) с целью содействия социальной активности пожилых разработана целая образовательная система для лиц третьего возраста. Например, в связи с развитием рыночных отношений и увеличением спроса на продукт «образование» в Германии образуется множество различных организаций, работающих в сфере образовательных услуг, как частного, так и государственного характера. Взаимодействие самоорганизованных образовательных инициатив действует как последовательное движение участников образовательного процесса от их роли учащихся в образовательном процессе до их повышения к руководящим должностям в организации. Важно, что это происходит не только в форме институтов и факультетов повышения квалификации, но и центров непрерывного образования, народных университетов [1]. В Дании и Швеции обучением пожилых занимаются народные университеты, а также существуют специальные университеты для

пенсионеров. В Нидерландах реализуется проект «Пенсия в перспективе», цель которого – помочь людям научиться переживать личностные кризисы, связанные с достижением пенсионного возраста. Во Франции первый университет для пожилых был основан в 1973 году; в нем велись научные исследования по образованию людей «третьего возраста». В 1983 году в Великобритании было основано «Общество третьего возраста», в состав которого к 1995 году вошли 266 университетов; обучение в них включает занятия спортом и активную общественно-полезную деятельность [4].

В США концепция обучения пожилых людей получила название *elderhostel*. Это форма реализуется с 1975 г. в виде учебного отпуска, за период которого вполне реально познакомиться с новыми людьми, посетить новые места и получить новые знания. Организаторами курсов являются сотрудники высших учебных заведений. С 60-х годов XX века в Японии на специальных занятиях для пожилых рекомендуются различные программы, начиная с коммунальных проблем и заканчивая обучением женщин, матерей в период ухода за ребенком. В Италии на базе начальной и средней школы организованы занятия для восполнения пробелов в образовании, хотя они немногочисленны и непостоянны. Однако в Италии существуют любительские хоры и театральные труппы, состоящие из пожилых людей. В Польше первый университет третьего возраста был основан в 1975 году при Медицинском центре постдипломного образования. На сегодняшний день в Польше действует 22 университета третьего возраста, где реализуются следующие цели: профилактика старения; постоянное самосовершенствование и самообразование; подготовка к пенсии (танцы, укрепляющая гимнастика, проведение семинаров по психологии и философии); подготовка к общественной деятельности (участие в благотворительных акциях) [6].

В 1980-е гг. в связи с необходимостью реализации стратегий активного долголетия интенсивно начинает развиваться рынок образовательных предложений. Наряду с традиционными образовательными учреждениями во всех странах появляется ряд коммерческих предприятий, предлагающих свои услуги в области обучения. Эти тенденции стали предметом активного изучения учеными содер-

жательных приоритетов и структурных инноваций в сфере образования пожилых людей. Так, С. Каде структурирует многообразие образовательных предложений для пожилых. Она выделяет: учебное поле биографии (поиск смысла, биографическая компетенция); учебное поле повседневной жизни (преодоление повседневности в автономном образе жизни, практическая компетенция); учебное поле креативности или творчества (самовыражение и обмен с другим культурным содержанием, творческая компетенция); учебное поле продуктивности (социальное направление, компетенция, имеющая определенную задачу). Изучая особенности структуры образования в условиях трансформации социокультурного пространства, Г. Домен различает: 1) формальное обучение (организованное, структурированное, с заключительным экзаменом); 2) неформальное обучение (организованное и структурированное, но не имеющее документальной формы об окончании учреждения и экзаменов); 3) неформальное обучение (открытое, неорганизованное и неструктурированное). Такая структура является относительно открытой для различных групп людей. Наряду с определенными организациями, такими как народные школы и приюты для пожилых людей, М. Коли выделяет также группы провайдеров, отличающихся своими предложениями. Под различными образовательными учреждениями он объединяет учреждения дополнительного образования для взрослых, образовательные предприятия или фирмы, культурные центры, клубы и сервисные центры для пожилых, кружки и объединения пожилых людей [2].

На базе Союза пенсионеров и Всероссийского общества «Знание» в 40 регионах РФ действуют достаточно многочисленные Народные университеты, Университеты пожилых и т. д. Как свидетельствует анализ литературы, в России существует три различных формы включения пожилых людей в образовательный процесс: 1) обучение в качестве студента без ограничения возраста; 2) самообразование, ориентация на духовную культуру и самопознание; 3) специальные программы для пожилых людей [3; 4].

В наибольшей степени свою продуктивность подтвердил проект типа «Университет третьего возраста», цель которого – создание условий для изменения стереотипа поведения и жизненных установок

пожилых людей: уход от пассивной позиции и формирование новой модели личностного поведения путем вовлечения пожилых людей в образовательный процесс, разработку и осуществление общественно значимых проектов, увеличение степени их участия в общественной жизни [2].

Также велики возможности Интернета в повышении социальной активности пожилых людей. Специальные сайты для общения пожилых людей, обучения компьютерной грамотности полезны пожилым людям: для создания электронного адреса, чтобы вести деловую переписку; для просматривания ежедневной прессы в электронном варианте (вместо дорогостоящей подписки на газеты); для обработки и печати фотоснимков; для прослушивания музыки (вместо магнитофона или проигрывателя); для просмотра кинофильмов (вместо использования DVD-проигрывателя); для просмотра в режиме он-лайн различных передач (вместо телевизора); для увлекательных и разнообразных игр в свободное время (вместо домино или карт во дворе); для более дешевой связи с родственниками при помощи программы «Скайп» (вместо дорогостоящей мобильной связи).

В целом, благодаря включенности в образовательные проекты у пожилых людей за рубежом расширяются возможности преодоления социальной изолированности. Этому особенно способствуют занятия, посредством которых пожилые могли бы общаться не только со своими сверстниками, но и с молодежью. Свою продуктивность в этом плане подтвердили такие формы участия пожилых людей в духовной жизни общества, как индивидуальное и коллективное творчество, клубная деятельность, участие в совместных встречах с молодым поколением, участие в общественных организациях и волонтерских движениях и т. п.

В то же время, следует отметить, что перечисленные формы активизации духовной жизни людей пожилого возраста, по сути, отражают уже имеющийся опыт социально-культурной деятельности и не содержат значимых элементов новизны. Объединяющим их элементом выступает то, что в основе вышеперечисленных предложений просматривается субъект-объектный подход уже на уровне

формулировок: «участие пожилых в программах образования, в клубной деятельности», «участие в совместных встречах с молодыми поколениями» и т. п. Формулировки «участия» вуалируют установки на «обучение» и «социальное воспитание» пожилого человека, предписывая ему роль объекта социально-культурной деятельности, в то время как прогрессивным следует считать принцип «старость не надо лечить и учить» [5, с. 37].

В связи с вышесказанным целесообразно обратиться к накопленному зарубежному опыту использования многообразного потенциала социально-культурной деятельности в обеспечении процесса активизации духовной жизни пожилых людей. Так, в развитых странах практика организации досуга пожилых людей получила правовую основу и планирование на базе общенациональных программ, которые различаются между собой целями и методикой их достижения: некоторые программы направлены на людей, которые не могут покидать свой дом – «Библиотека на дому», «Книги на колесах» (США); другие рассчитаны на тех, кто имеет какие-то комплексы, связанные с возрастом и здоровьем, в результате чего испытывает чувство одиночества, заброшенности, отчуждения от окружающего мира. Работа в форме обучающего развлечения большого количества общественных объединений и народных университетов, создающих предпосылки для соответствующей политики в отношении пожилых, уводит от психологического стереотипа пассивного «доживания» и формирует активную жизненную ориентацию. Основным достоинством сложившейся за рубежом системы работы с пожилыми является, с одной стороны, принцип свободного выбора видов деятельности, с другой – наличие широкого спектра социально-культурных практик, который они имели, еще не вступив в «третий возраст», а вдобавок – расширение досуговых видов деятельности (в частности, за счет волонтерских направлений работы, познания новых сфер реальности в виде ознакомления со спецификой жизни в старости, получения новых профессиональных знаний) [4]. К сожалению, в Украине, как правило, происходит обратный процесс – сужение и обеднение перечня досуговых предложений для людей, достигших пенсионного возраста.

Как показывает анализ литературы, образовательные программы для пожилых людей имеют самую различную форму и содержание. Существенным моментом является опора на восприятие старения как этапа эволюции человека, который имеет свои ресурсы, а также рассмотрение пожилого человека как субъекта образования. Понятно, что выбор образовательных программ должен основываться на мониторинге потребностей пожилых людей, нуждающихся в образовательных услугах.

Список литературы

1. Высоцкая И. В. Самостоятельная организация как образовательное учреждение в сфере образования пожилых людей в Германии / И. В. Высоцкая // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 6. – С. 159–162.

2. Данильченко О. О. Университет третьего возраста [Электронный ресурс] / О. О. Данильченко // VII Междунар. студ. электронная научная конфер. «Студенческий научный форум», 2015. – Режим доступа : www.scienceforum.ru/2014/472/2088.

3. Овчинников Г. А. Образование и просвещение пожилых людей в системе непрерывного образования «Обучение в течение всей жизни» [Электронный ресурс] / Г. А. Овчинников. – Режим доступа: www.znanie.org/Pmjects/Age3A.IOvchinnikov1.doc – Россия.

4. Тетерина И. С. Российский и зарубежный опыт активизации духовной жизни пожилых людей средствами социально-культурной деятельности [Электронный ресурс] / И. С. Тетерина // Научная библиотека КиберЛенинка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt-aktivizatsii-duhovnoy-zhizni-pozhilyh-lyudey-sredstvami-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti#ixzz4DEbLT6jV>.

5. Черносивтов Е. В. Проблемы активизации жизни пожилых людей / Е. В. Черносивтов // Психология зрелости и старения. Ежекварт. науч.-исслед. журнал. – 2000. – № 1(9).

6. Шапошникова Т. Д. Социокультурное образование и просвещение взрослых за рубежом / Т. Д. Шапошникова // Человек и образование. Акад. вестн. Ин-та образования взрослых РАО. – 2011. – № 3(28).

References

1. Vysotskaja I. V. Samostojatel'naja organizatsija kak obrazovatel'noe uchrezdenie v sphere obrazovanija pozilyh ljudey v Germanii / I. V. Vysotskaja // Sibirskij pedagogicheskij zurnal. – 2012. – № 6. – S. 159–162.

2. Danilchenko O. O. Universitet tretjogo vozrasta [Elektronnyj resurs] / O. O. Danilchenko // VII Mezduar. stud. elektronnaia nauchnaia konfer. «Studencheskij nauchnyj forum», 2015. – Rezim dostupa: www.scienceforum.ru/2014/472/2088.

3. Ovchinnikov G. A. Obrazovanie i prosvetszenie pozylyh ljudey v sisteme nepreryvnogo obrazovanija «Obuchenie v techenii vsej tizni» [Elektronnyj resurs] / G. A. Ovchinnikov. – Rezim dostupa: www.znanie.org/Pmjects/Age3A.JOvchinnikov1.doc – Rossija.

4. Teterina I. S. Rossiyskiy i zarubezny opyt aktivizatsii duhovnoy tizni pozylyh ljudey sredstvami sotzialno-kulturnoy dejatelnosti [Elektronnyj resurs] / I. S. Teterina // Nauchnaia biblioteka KiberLeninka. – Rezim dostupa : <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt-aktivizatsii-duhovnoy-zhizni-pozhilyh-ljudey-sredstvami-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti#ixzz4DEbLT6jV>.

5. Chernosvitov E. V. Problemy aktivizatsii tizni pozylyh ljudey / E. V. Chernosvitov // Psihologija zrelosti i starenija. Etzekvart. nauch.-issled. tzurnal. – 2000. – № 1(9).

6. Shaposhnikova T. D. Sotziokulturnoe obrazovanie i prosvetszenie vzroslyh za rubetom / T. D. Shaposhnikova // Chelovek i obrazovanie. Akadem. vestnik In-ta obrazovanija vzroslyh RAO. – 2011. – № 3(28).

УДК 159.9:37.011.31

*Г. Ф. Пономарьова***ПИТАННЯ ПРОФЕСІЙНОГО ВИГОРАННЯ ФАХІВЦІВ
СФЕРИ ОСВІТИ В КОНТЕКСТІ РОЗВИТКУ
КАДРОВОГО КОРПУСУ**

Анотація. У статті виокремлено деякі аспекти проблеми формування і розвитку кадрового корпусу працівників освіти. Узагальнено результати емпіричного дослідження щодо виділення та ранжування мотивів, що визначають бажання молодих та досвідчених фахівців працювати за фахом. Досліджено питання «професійного вигорання» науково-педагогічних і педагогічних працівників.

Ключові слова: розвиток кадрового корпусу, мотиви вибору та утвердження в професії, «професійне вигорання».

Пономарева Г. Ф. Вопросы профессионального выгорания специалистов сферы образования в контексте развития кадрового корпуса

Аннотация. В статье выделены некоторые аспекты проблемы формирования и развития кадрового корпуса работников образования. Обобщены результаты эмпирического исследования по выделению и ранжированию мотивов, которые определяют желание молодых и опытных специалистов работать по специальности. Исследован вопрос «профессионального выгорания» научно-педагогических и педагогических работников.

Ключевые слова: развитие кадрового корпуса, мотивы выбора и утверждения в профессии, «профессиональное выгорание».

Ponomaryova G. F. The problems of professional burn-out among specialists in education within the context of personnel development

Annotation. The paper singles out certain aspects in the problem of formation and development of personnel among specialists in education. The author generalizes the results of her empirical research in sorting and grading motives that determine the desire of young and experienced specialists to work according to their profession. The work analyzes the problem of «professional burn-out» among scientists and educators.

Key words: development of personnel, motives of choice and gaining a firm hold the profession, «professional burn-out».

Моніторингові тенденції в оцінці діяльності кадрового корпусу освітніх систем, аналіз можливих шляхів його розвитку та адаптації до умов соціокультурних та економічних змін виявляють і актуалізують проблему значної плінності кадрів, особливо серед педагогів-початківців і деякі питання професійного «вигорання» педагогічних та науково-педагогічних працівників.

Виділення названих аспектів проблеми формування і розвитку кадрового корпусу працівників освіти визначає завдання пошуку та дослідження зовнішніх і внутрішніх чинників, що їх детермінують.

Ми пов'язуємо вирішення питань даної проблематики із забезпеченням, по-перше, тісного зв'язку таких етапів роботи з кадрами як: залучення до професії, безпосередня підготовка педагогічних кадрів та їх закріплення у сфері освіти.

Спеціальні дослідження вчених та працівників соціально-психологічної служби комунального закладу «Харківська гуманітарно-педагогічна академія» Харківської обласної ради протягом 2005–2015 років вказують на переважавання позитивної мотивації (97–98%) у студентів-першокурсників щодо вибору педагогічної професії під час навчання в академії. Вказуючи на низку питань і проблем, що виникають упродовж першого року навчання (новий колектив – 86–89%; підвищені, порівняно зі школою, вимоги до навчання викладачів академії – 74–78%; психологічне навантаження, пов'язане з підвищенням відповідальності за результати навчання – 63–66%; підвищений контроль з боку викладачів, куратора групи, адміністрації – 50–54%; незадоволеність поточним навчанням, розчарування в педагогічній професії – 2–3%) студенти однак висловлюють загальну впевненість у правильності вибору професії (любов до дітей – 91–93%; інтерес до даної галузі професійного знання і практики 81–82%; можливість всебічно розвиватися – 69–81%).

Усвідомлюючи неоднозначність процедури вибору професії, ми з'ясували мотиви і так званого «вимушеного вибору» даної професії. Аналіз незмінно вказував на те, що ці мотиви пов'язані переважно з бажанням уникнути певних наслідків (служба в армії, критичне або засуджуюче ставлення з боку близького оточення із числа однолітків і дорослих, перспектива опинитися без освіти тощо).

Узагальнення отриманих за допомогою анкетування емпіричних даних дало можливість також виділити і ранжувати значущі для молодих фахівців мотиви, що визначають їх утвердження в професії (таблиця 1).

Таблиця 1

Мотиви, що визначають бажання працювати за фахом

№ п/п	Мотиви, що визначають бажання працювати за фахом	Відносна кількість педагогів (%)
1.	Любов до дітей, бажання з ними працювати	77,4%
2.	Мотиви, пов'язані з бажанням удосконалюватися в певній галузі знань	48,1%
3.	Зобов'язання, пов'язані з розподілом	39%
4.	Хороший колектив, комфортні стосунки з колегами	26,3%
5.	Відсутність реальної альтернативи професії педагога	14,2%
6.	Любов до педагогічної роботи	14%
7.	Мотиви самореалізації, самоствердження, самовдосконалення	13,8%
8.	Привабливий режим роботи педагога (тривала відпустка, не фіксований робочий день, час для додаткового заробітку тощо)	9,1%
9.	Родинна династія у сфері освіти	5,7%
10.	Особистісні особливості	1,9%

Наведені дані вказують на той факт, що домінуючими стимулами залишаються любов до дітей, інтерес до професії педагога, бажання вдосконалюватися в обраній галузі знань, позитивний клімат у колективі. Але серед стимулів, що утримують молодих фахівців у закладах освіти, ми виявляємо і негативні мотиви – зобов'язання, пов'язані з розподілом, відсутність реальної альтернативи професії педагога.

Не менш цікавим ми вважаємо емпіричний матеріал, який вказує на мотиви досвідчених педагогів, які мають стаж педагогічної роботи 25 і більше років.

Анкетування та індивідуальні бесіди з викладачами та вчителями дали матеріал для складання таблиці 2.

Таблиця 2

Мотиви, що визначають бажання працювати за фахом

№ п/п	Мотиви, що визначають бажання працювати за фахом	Відносна кількість педагогів (%)
1.	Інтерес до роботи з дітьми, професії	61%
2.	Хороші стосунки в сформованому педагогічному колективі	48,2%
3.	Відсутність реальної альтернативи професії педагога зі стабільним заробітком	37,6%
4.	Повага колег і батьків, любов дітей	35,4%
5.	Можливість реалізовувати свої здібності і прагнення	29%
6.	Привабливий графік роботи, що дозволяє вільно планувати день, тиждень, відпустку, додатковий заробіток тощо	21,1%
7.	Страх опинитися без роботи і стабільного доходу	14,7%
8.	Творчий характер професії педагога	14,4%
9.	Відсутність бажання і потреби змінювати професію (все влаштовує, більше не вмію нічого робити на професійному рівні, пізно вже щось міняти тощо)	9,5%
10.	Авторитет у керівництва (області, району, навчального закладу тощо)	4,3%

Особливу увагу ми звернули на результати опитування науково-педагогічних і педагогічних працівників, до яких можна застосувати термін «професійне вигорання».

Відзначимо, що термін «професійне вигорання», за нашими даними, з'явився 1974 року. Його ввів американський психіатр Х. Дж. Фрейденберг. У перекладі з англійської «вигорання» – «припинення горіння» [1].

Термін вказує на появу у працівників захисної поведінки, що спрямована на уникнення або зменшення витрат, сил і емоцій у процесі професійної діяльності.

З'ясовано, що у 32,3% з 198 опитаних формується або вже сформувався один із розглянутих В. Бойко симптомів «вигорання»: «незадоволеність собою», «загнаність у клітку», «редукція професійних обов'язків», «емоційна відчуженість», «особистісна відчуженість» [1]. Ми встановили, що найбільш вираженим симптомом стала «редукція професійних обов'язків» («редукція» з лат. – повернення, відсунення назад), тобто їх спрощення, послаблення інтенсивності виконання – у 23%.

Крім того, цікавими ми вважаємо результати дослідження взаємозв'язку стажу роботи педагога з його ставленням до себе, своєї професійної діяльності, тобто ефектом «вигорання».

Проблему було проаналізовано за методиками В. Бойко і С. Сівак (виокремлюють 4 шляхи розвитку педагога):

А – «Можу, але не бажаю мінятися»;

Б – «Хочу знати себе і можу вдосконалюватися»;

В – «Не можу знати себе і не хочу вдосконалюватися»;

Г – «Хочу знати себе, але змінити нічого не можу») [2].

Ми дійшли висновку, що періодами найбільш продуктивними професійного самовдосконалення є періоди 7–15 років і після 25 років. Найбільш складними – 0–7 років та 15–25 років, що підтверджується результатами досліджень названих учених.

З таблиці 2 випливає, що у педагогів, які працюють більш ніж 25 років, все ще зберігається інтерес до професії, потреба і бажання реалізувати себе і свій досвід, але на більш високому рівні (у половини досліджуваних).

Узагальнюючий аналіз отриманих даних свідчить про те, що «закріплення» педагогів у професії визначають як позитивні (інтерес до професії, любов до дітей, позитивний клімат у колективі, можливість самореалізовуватися), так і негативні (відсутність альтернативи; приваблива перспектива тривалої відпустки, гнучкого графіка роботи; страх втратити стабільний дохід) причини.

Показово, що для деяких молодих чи досвідчених педагогів можливість самореалізації є стимулом для педагогічної професійної діяльності, а для інших – причиною пошуку, зміни професії. Ці та інші висновки ми зробили, аналізуючи результати опитування щодо причин, які визначають бажання педагогів залишити професію (таблиці 3 і 4).

Таблиця 3

Причини, що спонукають молодих фахівців залишити педагогічну професію

№ п/п	Причини, що спонукають молодих фахівців залишити педагогічну професію	Кількість (%)
1.	Низький матеріальний рівень доходів педагога.	78,7%
2.	Недостатня увага держави та суспільства до проблем педагогів.	70,3%
3.	Завантаженість документацією та обов'язками, що не мають прямого відношення до професійної діяльності.	56,9%
4.	Проблеми, пов'язані з небажанням дітей вчитися, виконувати вимоги Статуту навчального закладу; низький рівень вихованості учнів (студентів).	44%
5.	Прагнення до максимальної реалізації своїх здібностей, прагнень, можливостей у професії.	22,1%
6.	Велике психологічне навантаження; напруга, породжена відносинами з вихованцями, адміністрацією, батьками.	21,8%
7.	Обмеженість кар'єрного росту, можливостей для збільшення заробітку у закладі освіти.	18,7%
8.	Постійне втручання адміністрації, батьків, інспекцій тощо в освітній процес.	15%
9.	Сумніви у правильності вибору професії.	10%
10.	Незадоволеність роботою і професією у цілому.	7,5%

Порівняльний аналіз даних в таблицях 3 і 4 вказує на той факт, що для молодого фахівця питання матеріального стимулювання безперечно стоїть на першому місці, в той час як для «закріплення» у професії цей стимул не найважливіший для молодого фахівця (до 3-х років роботи).

Низька заробітна плата для досвідчених педагогів (зі стажем більш ніж 25 років) є важливою причиною для того, щоб залишити професію, але не першорядна, оскільки їх особливо хвилюють питання неефективності власної праці і ставлення учнів (студентів) до навчання.

Причини, що спонукають досвідчених фахівців залишити педагогічну професію

№ п/п	Причини, що спонукають досвідчених фахівців залишити педагогічну професію	Кількість (%)
1.	Стійке усвідомлення невідповідності зусиль і результату, часті розчарування.	69,3%
2.	Ставлення учнів школи (студентів ВНЗ) до навчання, навчального закладу, педагога.	58%
3.	Низька заробітна плата.	57,8%
4.	Недостатнє фінансування сфери освіти; незадовільна матеріально-технічна база.	46,9%
5.	Велика кількість документації з планування та обліку в різних сферах діяльності педагога.	41,1%
6.	Залучення педагога до невласивої для нього діяльності.	33%
7.	Зайвий контроль з боку органів управління освітою та адміністрації.	27,8%
8.	Велике емоційне навантаження, почуття неусвідомленого занепокоєння, що «щось не так, як треба», «щось не вийде, як би не намагався», «щось випущено» тощо.	20,4%
9.	Незадоволеність співвідношенням годин академічного навантаження і годин на творчість в фіксованому обсязі оплачуваного робочого часу, результатами роботи, рівнем досягнень тощо.	10%
10.	Особливо не замислююся. Добре, що є робота, яка приносить стабільний дохід.	7%

Молоді фахівці більше стурбовані питаннями самореалізації в професії (можливо, іншій), кар'єрного зросту, відносинами з адміністрацією, а досвідчені – проблемами організації професійної діяльності, її матеріально-технічного, науково-методичного та фінансового забезпечення. Багато досвідчених педагогів готові довести, що здатні на більше, а, відповідно, більше заробляти, якби була така можливість.

Наукове узагальнення дає можливість зробити висновки про необхідність розробки науково обґрунтованої програми супроводу педагога в освітньому процесі педагогічного ВНЗ, на початковому етапі роботи (до 3-х років) і в періоді зниження продуктивності його професійної діяльності, що спирається на практику і досвід.

Осмислення і науково-технологічного забезпечення вимагають соціально-економічні, психолого-педагогічні, організаційно-методичні напрями реалізації даної програми.

Список літератури

1. Бойко В. В. Синдром «емоціонального вигорання» в професіональному общении / В. В. Бойко. – СПб. : Питер, 1999. – 434 с.
2. Емоційне вигорання / уряд. В. Дудяк – Київ : Главник, 2007. – 128 с.
3. Сівак С. С. Педагогічна атестація в школі. Методика психодіагностичного забезпечення / С. С. Сівак, О. О. Сівак. – Тернопіль : Підручники і посібники, 1997. – 296 с.

References

1. Bojko V.. Sindrom «emocional'nogo vygoranija» v professional'nom obshchenii / V. V. Bojko. – SPb. : Piter, 1999. – 434 s.
2. Emotsiyne vyhorannya / uporyad. : V. Dudyak – Kyiv : Hlavnuk, 2007. – 128 s.
3. Sivak S. S. Pedagogichna atestatsiya v shkoli. Metodyka psykholodiahnostychnoho zabezpechennya / S. S. Sivak, O. O. Sivak. – Ternopil' : Pidruchnyky i posibnyky, 1997. – 296 s.

УДК 339.13.012.42:37(477)

О. І. Решетняк

ОЦІНКА СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНОЇ ЕФЕКТИВНОСТІ ВІД РЕАЛІЗАЦІЇ ОСВІТНЬОЇ КЛАСТЕРНОЇ ПОЛІТИКИ

Анотація. *Метою статті є визначення підходів щодо оцінки соціально-економічної ефективності створення освітніх кластерів.*

Методика дослідження. Вирішення поставленого у статті завдання здійснено за допомогою таких загальнонаукових і спеціальних методів дослідження: аналізу та синтезу, систематизації та узагальнення, діалектичного підходу та методу логічного аналізу.

Результати. Розглядаючи ефективність формування освітнього кластера в статті рекомендовано виділити виникнення синергійного ефекту від взаємодії всіх учасників кластера. Визначено основні підходи щодо його визначення.

Практична значущість результатів дослідження. Оцінка соціально-економічної ефективності від реалізації освітньої кластерної політики дає можливість обґрунтувати доцільність створення інтеграційних структур в сфері освіти. При створенні освітніх кластерів виникає безліч питань, пов'язаних з визначенням рівня ризику, соціально-економічної ефективності і синергійного ефекту в системі. В роботі запропоновано підхід щодо вирішення цих складних питань.

Ключові слова: освітня послуга, соціально-економічна ефективність, синергійний ефект, освітні кластери, освітня кластерна політика

Решетняк О. І. Оценка социально-экономической эффективности от реализации образовательной кластерной политики

Аннотация. *Целью статьи является определение подходов к оценке социально-экономической эффективности создания образовательных кластеров.*

Методика исследования. Решение поставленной в статье задачи осуществлено с помощью таких общенаучных и специальных методов исследования: анализа и синтеза, систематизации и обобщения, диалектического подхода и метода логического анализа.

Результаты. Рассматривая эффективность формирования образовательного кластера в статье рекомендовано выделить возникновение

синергетического эффекта от взаимодействия всех у участников кластера. Определены основные подходы к его определению.

Практическая значимость результатов исследования. Оценка социально-экономической эффективности от реализации образовательной кластерной политики дает возможность обосновать целесообразность создания интеграционных структур в сфере образования. При создании образовательных кластеров возникает множество вопросов, связанных с определением уровня риска, социально-экономической эффективности и синергетического эффекта в системе. В работе предложен подход к решению этих сложных вопросов.

Ключевые слова: образовательная услуга, социально-экономическая эффективность, синергетический эффект, образовательные кластеры, образовательная кластерная политика

Reshetniak O. I. Socio-economic assessment of the efficiency of educational policies cluster

Annotation. The aim of the article is to determine the approaches to assessing the socio-economic efficiency of creation of educational clusters formation.

The methodology of the study. The problem stated in an article is solved by such scientific and special research methods: analysis and synthesis, generalization and systematization, the dialectical approach and the method of logical analysis.

Results. Considering the efficiency of the formation of the educational cluster in the article it is recommended to the highlight appearance of synergies between all the participants in the cluster. Main approaches to its definition are shown.

The practical significance of the research results. Assessment of the socio-economic efficiency of the implementation of the educational cluster policy makes it possible to prove of creation integration structures feasibility in education. When creating educational clusters many questions related to the definition of risk level, socio-economic benefits and synergies in the system arise. In this paper we propose an approach to deal with these complex issues.

Key words: educational service, social and economic efficiency, synergies educational clusters, educational cluster policy

Одним із дієвих напрямів розвитку сфери вітчизняного вищої освіти є кластерна інтеграція, в рамках якої відбувається об'єднання і взаємодія на основі взаємовигідного партнерства освітніх, професійних, громадських організацій, підприємств регіону та органів влади.

Така взаємодія в рамках формування освітніх кластерів є основою для підвищення конкурентоспроможності сфери вищої освіти за рахунок більш ефективного використання наукового, освітнього, виробничого, інфраструктурного, кадрового потенціалу. А також реалізації механізмів ринкового регулювання з допомогою встановлення балансу між «попитом і пропозицією» у підготовці фахівців, затребуваних на ринку праці, забезпечення можливостей для професійного та особистісного зростання учнів і педагогічних працівників [1–4].

Освітні кластери в Україні дадуть можливість сформувати інноваційну модель розвитку сфери вищої освіти за рахунок оптимізації всіх освітніх та організаційних процесів, орієнтації на досягнення єдиної в рамках одного кластера для всіх його учасників мети. Успішність процесів організації і регулювання середовища особистісно-професійного розвитку кадрового потенціалу країни в певних професійних аспектах залежить від вибору факторів інтеграції, стратегічного бачення майбутніх перспектив розвитку підприємств і відповідних галузей економіки.

Поняття «кластер» вивчали Ю. Винокурова, А. Зубарев, В. Калмиков, Д. Яловий та ін. Питання освітнього кластера вивчали Н. Белан, Л. Галімова, Н. Корчагіна, О. Мосунова, С. Растворцева, Н. Череповська, Є. Чучкалова та ін.

Метою статті є визначення підходів щодо оцінки соціально-економічної ефективності створення освітніх кластерів.

Основними характерними ознаками освітнього кластера є:

- неоднорідність – надання різноманітних освітніх послуг;
- наявність інтеграційних зв'язків – визначення потреби в певних компетенціях на ринку праці і формування їх у випускників ВНЗ тощо;
- синергійний ефект – отримання інтегрованого (сукупного від діяльності усіх учасників кластеру) прибутку від надання якісних освітніх послуг та підготовки висококваліфікованих фахівців виходячи з потреб ринку праці та окремих підприємницьких з урахуванням реалізованої стратегії розвитку держави та ін.

За допомогою кластерних об'єднань буде забезпечуватися реалізація основної мети функціонування освітньої системи: це формування

і реалізація ефективної системи підготовки висококваліфікованих кадрів відповідно до існуючої потреби у бізнес-структур регіону.

Як показав аналіз, на сучасному етапі практично всі елементи освітньої системи розрізнені і спрямовані на досягнення індивідуальних цілей кожної організації, які незначно сприяють досягненню цілей системи в цілому і не забезпечують ефективний економічний розвиток. Тому подальша трансформація освітньої системи пов'язана із встановленням взаємозв'язків між окремими елементами функціональної підсистеми, які виконують однорідні функції і забезпечення подальшої міжфункціональної інтеграції освітньої системи [7].

Основні учасники освітнього кластера наведені на рис. 1.

При створенні освітніх кластерів виникає безліч питань, пов'язаних з визначенням рівня ризику, соціально-економічної ефективності і синергійного ефекту в системі.

Оцінка соціально-економічної ефективності від реалізації освітньої кластерної політики може розглядатися в п'яти аспектах: наявність у регіону/території конкурентних переваг для розвитку створюваного освітнього кластера в конкретній галузі економіки; наявність конкурентоспроможних підприємств, які будуть входити до освітнього кластера і брати участь у фінансуванні освітніх програм на умовах державно-приватного партнерства; географічна концентрація і близькість до ВНЗ, які готують відповідних фахівців, і підприємств, які мають потребу у відповідних фахівцях (даний аспект може бути не настільки актуальним в умовах глобалізації та підвищення мобільності людських ресурсів, однак для деяких галузей економіки все ще є важливим); широта учасників освітнього кластера і наявність «критичної маси», акумулювання відповідних навчальних закладів, які мають відповідні ресурси; наявність зв'язків і координації взаємодії між учасниками освітнього кластера.

Розглядаючи ефективність формування освітнього кластера рекомендуємо виділити виникнення синергійного ефекту від взаємодії всіх учасників кластера. Види синергії [6; 8]:

Комунікаційна синергія – виникає за рахунок встановлення комунікаційних взаємодій, зниження часу реагування зміни освітніх програм в залежності від потреб ринку і роботодавців.

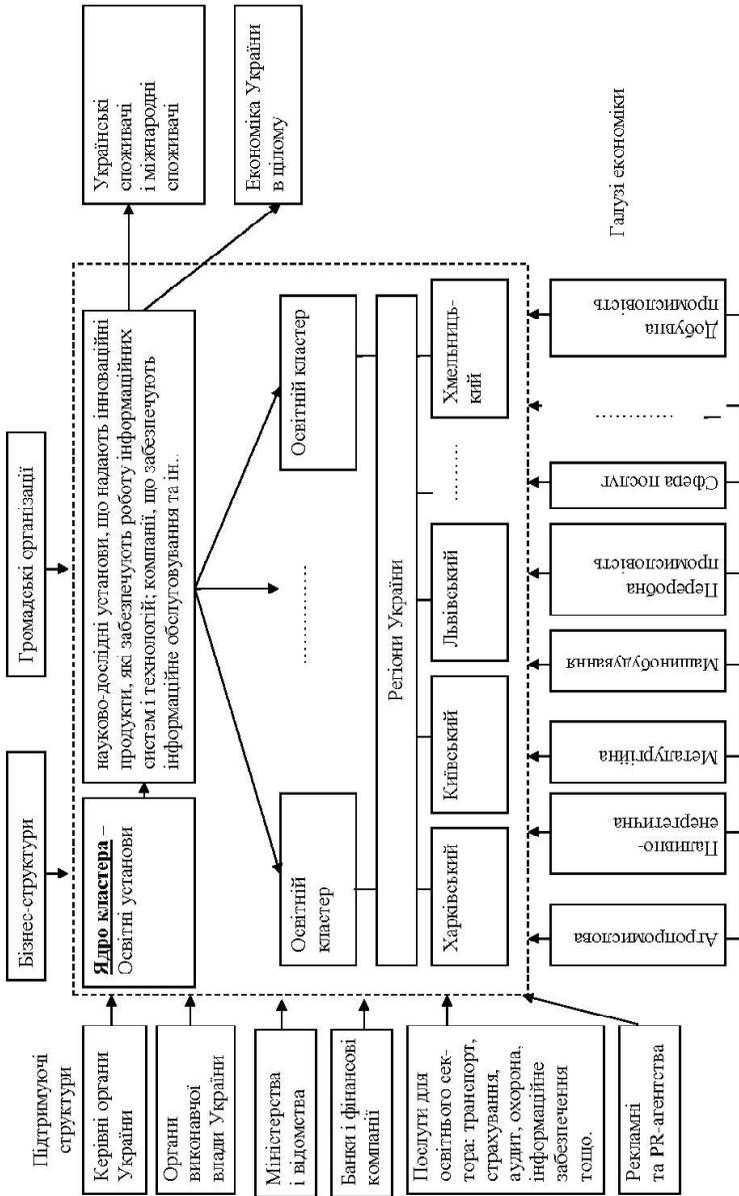

Рис. 1. Основні учасники освітнього кластера [складено автором]

Комерційна синергія – виникає за рахунок зниження витрат бюджетного фінансування освітніх програм за рахунок небюджетних джерел. Сума виділяється підприємницькими структурами на фінансування освітніх програм відноситься в валових, неоподатковуваних витрат (ефект для підприємницьких структур). Крім того, підприємства скорочують внутрішні витрати на навчання і перепідготовку кадрів, економить кошти на фонді оплати праці, залучаючи студентів на стажування. За рахунок формування фахівців відповідно до необхідних компетенціями знижуються витрати на адаптацію нових співробітників, забезпечується зростання продуктивності праці, що призводить до збільшення прибутку і відповідних відрахувань податків до місцевих і державних бюджетів. Підвищується комерційна ефективність і для освітніх установ, так як вони забезпечують безперервний розвиток своєї матеріально-речової бази, забезпечують можливість навчання для талановитих студентів за рахунок стипендій підприємницьких структур, підвищення кваліфікації педагогів, забезпечуючи зростання їх статусу, зацікавленості в педагогічній праці [5].

Соціальна синергія – забезпечується зростання освітньо-культурного рівня молоді, формування конкурентоспроможних випускників, підвищується зацікавленість (мотивація до навчання) студентів в процесі навчання, так як освітні програми містять тільки актуальну інформацію, формує затребувані компетенції, підвищується ймовірність працевлаштування молодих фахівців, а для співробітників підприємств забезпечується можливість безперервного навчання та підвищення своєї кваліфікації, що знижує ймовірність звільнення і незатребуваності в професії після досягнення певного віку.

Визначення синергійної ефективності може бути здійснено за доходним методом. Оцінка ефективності створення і розвитку освітнього кластера для його окремих резидентів полягає, в першу чергу, у визначенні ефективності окремих проектів реалізації конкретних освітніх програм, в яких беруть участь встановлені резиденти, і оцінці синергійного ефекту, який вони отримують від своєї участі в складі кластера, оскільки кластер має високий мультиплікативний, синергійний бізнес-ефект. Однак на даному етапі усі розрахунки мають імовірнісний характер, так як на цей час неможливо

оцінити ефективність реалізації освітніх програм, які ще не було розроблено.

Висновки. Незважаючи на складність оцінки очікуваної ефективності від реалізації пропонованої концепції регулювання розвитку сфери освіти на основі формування кластерів, відзначимо, що такий підхід забезпечить:

- створення демократичної системи освіти, яка гарантує необхідні умови для повноцінної якісної освіти на всіх рівнях;
- індивідуалізацію освітнього процесу за рахунок різноманіття видів і форм освітніх установ та освітніх програм, які враховують інтереси і здібності особистості і потреби роботодавців;
- конкурентоспроможний рівень освіти як за змістом освітніх програм, так і за якістю освітніх послуг;
- дозволить досягти рівня заробітної плати професорсько-педагогічного складу, що забезпечує стійку конкурентоспроможність освіти на ринку праці, і поетапно наблизити оплату праці педагога до європейського рівня;
- забезпечить стійке зростання економіки за рахунок розвитку сфери вищої освіти і приросту внутрішнього валового продукту за рахунок забезпечення більш ефективного розвитку підприємств, які отримують висококваліфіковані кадри.

Список літератури

1. Reshetniak O. I. The Prospects of Development of Ukraine's Economy Through the Creation of Integrated Educational Clusters / O. I. Reshetniak, Yu. A. Zaika // Бізнес Інформ. – 2015. – № 7. – С. 48–53.
2. Аналитическая справка, отражающая текущее состояние процессов формирования и развития стратегических партнерств на основе кластерных проектов с участием ведущих инженерных вузов в 2011 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: clusters.ntf.ru/DswMedia/analytic2011.doc.
3. Баталова А. А. Оценка потенциала кластеризации отрасли [Электронный ресурс]. / А. А. Баталова. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/68EVN613.pdf>.
4. Петров А. П. Закономерности формирования региональных кластерных инициатив / А. П. Петров // Экономика региона. 2013. – № 1. – С. 133–142.
5. Решетняк О. І. Організаційно-економічний механізм формування

освітніх кластерів в Україні / О. І. Решетняк, Ю. А. Заїка // Проблеми економіки. – 2015. – № 4. – С. 158–163.

6. Смирнова Е. А. Кластерный подход к оценке региональной инновационной системы [Электронный ресурс] / Е. А. Смирнова. – Режим доступа: http://pk.napks.edu.ua/library/compilations_vak/eiu/2010/6/p_117_124.pdf.

7. Сомко М. Л. Региональный потенциал кластеризации: способы выявления и методика оценки / М. Л. Сомко // Вестн. Алтай. акад. экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 11–13.

8. Ялов Д. А. Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием [Электронный ресурс] / Д. А. Ялов. – Режим доступа: http://subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_17.

References

1. Reshetniak O. I. The Prospects of Development of Ukraine's Economy Through the Creation of Integrated Educational Clusters / O. I. Reshetniak, Yu. A. Zaika // *Vniznes Inform.* – 2015. – № 7. – S. 48–53.

2. Analiticheskaya spravka, otrazhayushchaya tekushcheye sostoyaniye protsessov formirovaniya i razvitiya strategicheskikh partnerstv na osnove klasternykh proyektov s uchastiyem vedushchikh inzhenernykh vuzov v 2011 godu [Electronic resource]. – Mode of access : clusters.ntf.ru/DswMedia/analitic2011.doc.

3. Batalova A. A. Otsenka potentsiala klasterizatsii otrasli / A. A. Batalova // URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/68EVN613.pdf>

4. Petrov A.P. Zakonomernosti formirovaniya regional'nykh klasternykh initsiativ // *Ekonomika regiona.* – 2013. – № 1. – S.133–142.

5. Reshetnyak O. H. Organizatsiyno-ekonomichniy mekhanizm formuvannya osvitchenikh klasteriv v Ukraini / O. H. Reshetnyak, YU. A. Zaika // *Problemi ekonomiki.* – 2015. – № 4. – S. 158–163.

6. Smirnova Ye. A. Klasternyy podkhod k otsenke regional'noy innovatsionnoy sistemy [Electronic resource]. – Mode of access:: http://pk.napks.edu.ua/library/compilations_vak/eiu/2010/6/p_117_124.pdf.

7. Somko M. L. Regional'nyy potentsial klasterizatsii: sposoby vyyavleniya i metodika otsenki / M. L. Somko // *Vestn. Altay. akad. ekonomiki i prava.* – 2013. – № 1. – S. 11–13.

8. Yalov D. A. Klasternyy podkhod kak tekhnologiya upravleniya regional'nyim ekonomicheskim razvitiyem [Electronic resource] / D. A. Yalov. – Mode of access : http://subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_17.

УДК 94:371(38)

А. А. Рябко

ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЯ И ОТНОШЕНИЕ К УЧИТЕЛЬСКОМУ ТРУДУ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме низкого престижа учительского труда и пренебрежительного отношения к учителю в древней Греции на фоне высоких достижений античной культуры. Рассматриваются типы школ и специализация учителей, которые в них преподавали, вопросы организации процесса обучения, законодательного регулирования деятельности учителей, нормы оплаты их труда. Анализируются исторические и социально-экономические причины в основном предвзятого отношения к деятельности учителя. Автор приходит к выводу, что школа в классической Греции выполняла только обучающую функцию, тогда как воспитательная возлагалась на другие институты гражданского общества.

Ключевые слова: образование, воспитание, пайдейя, мусическая школа, древняя Греция.

Рябко А. О. Становище вчителя та ставлення до вчительської праці у Стародавній Греції

Анотація. Стаття присвячена проблемі низького престижу вчительської праці і зневажливого ставлення до вчителя у стародавній Греції на тлі високих досягнень античної культури. Розглядаються типи шкіл та спеціалізація вчителів, що в них викладали, питання організації процесу навчання, законодавчого регулювання діяльності вчителів, норми оплати праці. Аналізуються історичні і соціально-економічні причини здебільшого упередженого ставлення до діяльності вчителя. Автор приходиться до висновку, що школа в класичній Греції виконувала лише навчальну функцію, тоді як виховна покладалася на інші інститути громадянського суспільства.

Ключові слова: освіта, виховання, пайдейя, мусична школа, стародавня Греція.

Ryabko A. A. The teacher's status and attitude to the teacher's work in ancient Greece

Annotation. The article deals with the problem of low prestige of the teacher's work and derogatory attitude to teacher in ancient Greece on the background of high achievements of ancient culture. We consider the types of specialty schools

and teachers, they taught, the organization of the learning process, legal regulation of teacher standards pay. Analyzes the historical and socio – economic causes most cases of prejudice to the teacher. The author concludes that the school performed in classical Greek learning function only, while others relied on educational institutions of civil society.

Key words: education, paideia, music school, ancient Greece.

Исследование различных аспектов духовной культуры Древней Греции как фундамента современной мировой цивилизации представляется своевременным и актуальным.

В большом массиве работ, посвящённым проблемам образования и воспитания в античности подчёркивается разительный контраст между высокими достижениями античной культуры и крайне пренебрежительным отношением к учительскому труду в большинстве полисов. В общих чертах применительно ко всему греческому миру этот вопрос рассматривается у Г. Е. Жураковского [2], А.-И. Марру [5], В. Йегера [3] и др. Отдельные аспекты развития образования в Северном Причерноморье описаны в работах В. П. Бузескула [1], С. А. Семёнова-Зусера [6] и В. И. Кадеева [4]. Среди недавних исследований стоит упомянуть монографию М. В. Скржинской [7], которая впрочем, по рассматриваемой проблеме повторяет выводы прежних исследователей.

В нашем исследовании мы не стремимся к пересмотру устоявшегося мнения о крайне низком авторитете учителя в античном обществе (во всяком случае, классическом), но попытаемся обозначить направления поиска ответа на вопрос об исторических основаниях подобного положения вещей и механизмах компенсации тех функций, которые сегодня принято возлагать на школу и учителя.

Начальное образование свободного полноправного грека происходило в стенах так называемой мусической школы, где надлежало обучаться под руководством трёх наставников: грамматиста, кифариста и педотриба. В обязанности первого входило обучение грамоте и счёту, с помощью второго осваивали пение и игру на музыкальных инструментах, а последний занимался физическим воспитанием юноши. Мусическая школа была частной организацией,

и вся педагогическая работа в ней протекала на основании личного договора руководителя школы с родителями [2, с. 65]. Что, однако, представлял собой этот руководитель и другие учителя школы?

В данном случае необходимо обратить внимание на то, что афинские учителя произошли не из жреческой касты, но из сословия странствующих певцов, обычных гостей домов эллинской аристократии ещё в «гомеровскую эпоху». Такое происхождение учительства имело вполне реальные последствия.

Все источники, за очень немногими исключениями, говорят нам о незавидном положении учителя мусической школы. Родители тех самых детей, которые приходили учиться в мусическую школу, уже по одному тому, что для учителя его работа являлась источником существования, следовательно, – работой по найму – относились к нему с тем же пренебрежением, с которым они привыкли относиться к любому платному ремесленному труду.

Но прежде всего не ценится профессия учителя потому, что она не требует специальной квалификации. Милетский закон о школах, столь ценный своей скрупулезностью, показывает нам, каким образом осуществлялись выборы на эту должность: у кандидата не требуют никакого подтверждения квалификации, и выборщики должны только сознательно отобрать «наиболее способных заниматься с детьми». С технической стороны любой, кто сам научился читать, рассматривался как способный учить в свою очередь; ему достаточно было своих детских воспоминаний [5, с. 206].

Конечно, никаких педагогических учебных заведений не существовало. Каких-либо особых образовательных данных на открытие школы (которая в этом отношении приравнивалась к мастерской) не требовалось вовсе, и только жизненные случайности, горе и злоключения приводили человека к дверям школы в качестве учителя, что и нашло свое прекрасное выражение в изречении одного ионического поэта, которое со временем превратилось в поговорку по отношению к людям, долгое время пребывающим в безвестном отсутствии: «Он или умер или обучает, детей грамоте» [2, с. 66].

При таких условиях трудно было учителям рассчитывать на приобретение авторитета среди своих учеников. Большинство этих учите-

лей стремилось достигнуть «успехов» в школьных занятиях, пуская в ход «надежное» и «испытанное» средство – палку [7, с. 17–18].

Нравы общества (сущность которых прекрасно выразил Платон в «Законах», говоря, что «палка служила для порядка и увещания детей педагогом») были таковы, что при всем пренебрежении к учителю, ему не только не препятствовали производить подобные экзекуции, но, наоборот, рассматривали их как одну из его обязанностей. (Платон, Законы, III, 70.)

Такому положению учителя соответствовали и нормы его оплаты. Наиболее точные документы по этому поводу – надписи Милета и Теоса. Первая определяет заработок школьного учителя в сорок драхм в месяц, вторая – в пятьсот драхм в год. В обоих случаях это лишь немногим выше, чем плата квалифицированного рабочего, который обычно получал, как известно, одну драхму в день; но этого недостаточно, чтобы представлять реальную основу для повышенного жизненного стандарта. Еще нужно было добиться такого положения, чтобы была уверенность в регулярной оплате. Милет и Теос – исключительные случаи; здесь жалованье учителя, обеспеченное доходами специального фонда, включено в городской бюджет и оплачивается муниципальными казначеями согласно скрупулезным предписаниям. Во всех других местах учителя должны принимать в расчет риск, неизбежно связанный с частной клиентурой [5, с. 205].

В афинской школе не полагалось каникул, зато в каждом месяце было много праздничных дней. Если на тот или иной период времени перепадало значительное число праздников, расчетливые родители нередко предпочитали вообще не посылать детей в это время в школу – в целях экономии. Таким образом, злой иронией над тяжелым положением афинского учителя звучит рассказ о Дионисии Младшем, Сиракузском тиране, который после своего низложения (344 г.) должен был за неимением других заработков заняться практической педагогикой в Коринфе [2, с. 67].

Однако, как бы мало ни платили учителям начальной школы, их положение (в Милете по крайней мере) предпочтительно по отношению к коллегам – преподавателям гимнастики – те получали только тридцать драхм в месяц. Сколько бы ее ни чернили, их профессия,

в силу своей необходимости, тем не менее получает то в одном, то в другом месте официальную поддержку: в III веке до Р. Х. Лампсак вводит для школьных учителей налоговый иммунитет и Птолемей Филадельф – освобождение от пошлины на соль; кроме того, некоторые памятники свидетельствуют, что их прежние ученики иногда надолго сохраняли к ним признательность и уважение [5, с. 206].

Однако все это ничуть не умаляет того факта, что, по сравнению с нашими современными идеями, труд школьного учителя по – настоящему не ценился. Ещё раз подчеркнём его, поскольку он важен для точной оценки школьной жизни и школьной политики у древних: школа еще не играет в воспитании главенствующей роли, которую она приобретет на Западе в Средние века.

Поприще школьного учителя – специализированный сектор образования, он должен «технически оснастить» интеллектуальные силы ребенка, но воспитывает не он. Сущность воспитания – его моральная сфера, сфера характера, жизненного стиля. «Учитель» обязан только научить читать, а это куда менее важно. В древности школьный учитель – слишком обезличенная и незначительная фигура, чтобы семья могла даже и подумать о том, чтобы переложить на него – как это слишком часто случается ныне – свою ответственность за воспитание в собственном смысле слова. Если кто – то помимо родителей получает эту задачу, то это скорее педагог – естественно, простой раб, но который, по крайней мере, принадлежит к дому и тем самым, путем ежедневного общения, непосредственного личного примера, а особенно наставлениями и бдительным надзором вносит свой вклад в воспитание и прежде всего в моральное воспитание – бесконечно больше, чем сугубо технические уроки «грамматиста».

Список литературы

1. Бузескул В. П. Школьное дело у древних греков по новым данным / В. П. Бузескул. – Харьков : Союз, 1918. – 32 с.
2. Жураковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики / Г. Е. Жураковский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. – 471 с.
3. Йегер В. Пайдейя: Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / В. Йегер ; пер. с нем. М. Н. Ботвинника. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шигалина, 1997. – 334 с.

4. Кадеев В. И. Воспитание и обучение в Херсонесе / В. И. Кадеев // В кн.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III в. н. э.). – Харьков : АО «Бизнес Информ», 1996. – 208 с. – С. 109-126.
5. Марру А.-И. История воспитания в античности / А.-И. Марру. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шигалина, 1998. - 425 с.
6. Семёнов-Зусер С. А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья / С. А. Семёнов-Зусер. – Харьков : Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1940. – 44 с.
7. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья / М. В. Скржинская. – Киев : Ин-т истории Украины НАНУ, 2014. – 250 с.

References

1. Buzeskul V. P. Shkolnoe delo u drevnih grekov po novym dannym. - Harkov: Izdatelstvo «Soyuz», 1918. – 32 s.
2. Zhurakovskiy G. E. Ocherki po istorii antichnoy pedagogiki. – М.: Gosudarstvennoe uchebno – pedagogicheskoe izdatelstvo narkomprosa RSFSR, 1940. – 471 s.
3. Yeger V. Paydeyya: Vospitanie antichnogo greka (epoha velikih vospitateley i vospitatelnyih sistem) / Per. s nem. M.N. Botvinnika. - М.: Greko- latinskiy kabinet Yu.A.Shigalina, 1997.- 334 s.
4. Kadeev V. I. Vospitanie i obuchenie v Hersonese. – V kn.: Kadeev V.I. Hersones Tavricheskij. Byit i kultura (I–III v. n. e.). – Harkov: АО «Biznes Inform», 1996.- 208 s. – S. 109-126.
5. Marru A. – I. Istoriya vospitaniya v antichnosti. – М.: «Greko – latinskiy kabinet» Yu.A.Shigalina, 1998.- 425 s.
6. SemYonov – Zuser S. A. Fizicheskaya kultura i zrelischa v drevnegrecheskih koloniyah Severnogo Prichernomor'ya. – Harkov: Izd-vo Harkovskogo gos. un-ta, 1940. – 44 s.
7. Skrzzhinskaya M. V. Obrazovanie i dosug v antichnyih gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya. – Kyiv: Institut istorii Ukrainyi NANU, 2014. – 250 s.

УДК 811.133.1:378.147.016

*М. Г. Снежкова***ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. Формирование личностных качеств студента на этапе его становления определяет всю его последующую деятельность как процессе обучения, так и в общественной жизни. Современный студент должен иметь свою точку зрения и уметь отстоять свое мнение. Открытость и творческий подход к процессу обучения способствует развитию толерантности и лидерства у студентов. Критическое мышление формирует у молодого поколения новый взгляд на мир и потребность изменить его. Задача вуза – создать условия для творческого развития и самореализации студента. Главная мысль этой статьи заключается в том, что личность воспитывается в семье, а «Народная украинская академия» – это одна большая семья, где студенты находят понимание и поддержку.

Ключевые слова: личность студента, семья, воспитание.

Сніжкова М. Г. Виховання особистості студента на початковому етапі вивчення французької мови

Анотація. Формування особистісних якостей студента на етапі його становлення визначає всю його подальшу діяльність як під час навчання, так і в суспільному житті. Сучасний студент повинен мати свою точку зору і вміти відстояти свою думку. Відкритість та творчий підхід до навчального процесу сприяє розвитку толерантності та лідерства у студентів. Критичне мислення формує у молодого покоління новий погляд на світ і потребу змінити його. Метою ВНЗ є створення умов для творчого розвитку і самореалізації студента. Головна думка цієї статті полягає в тому, що особистість виховується в сім'ї, а «Народна українська академія» – це одна велика родина, де студенти знаходять розуміння і підтримку.

Ключові слова: особистість студента, родина, виховання.

Snizhkova M. H. Upbringing of student's personality on the initial level of studying French

Annotation. Formation of student's personal qualities at the stage of his establishment entirely determines his activity during studying in future, as well

as his future social life. A present-day student should have his point of view and the ability to defend his opinion. Openness and creativity in the studying process contribute to the development of students' tolerance and leadership. Critical thinking of the younger generation forms a new perspective on the world, and the need to change it. The task of a university is to create conditions for creative development and student's self-realization. The main idea of this article is that personality is brought up in the family, and the "People's Ukrainian Academy" – is one big family where the students meet understanding and support.

Key words: student's personality, family, upbringing.

Однажды на уроке литературы учитель школы № 76 Октябрьского района г. Харькова Ярошук Е. Н. задала вопрос своим старшеклассникам. Он звучал так: «Каким бы Вы хотели видеть своего учителя?». Дети нарисовали портрет уверенного в себе, компетентного, увлеченного своим предметом, строгого, но доброжелательного педагога с чувством юмора, с которым было бы интересно проводить урок. Тонкий психолог, учитель сказала, что такие же качества сами учителя хотят видеть в своих учениках. В данной ситуации мы видим, насколько обе стороны требовательны друг к другу. Иногда мы склонны к идеализации, но также хотелось бы, чтобы рядом с тобой была личность.

Существует много определений термина «личность». Согласно трактовке Р. С. Немова [3, с. 336] «личность – это человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных по природе связях и отношениях, являются устойчивыми, определяют нравственные поступки человека, имеющие существенное значение для него самого и окружающих».

Как правило, составляющими структуры личности являются:

- характер человека
- темперамент
- способности
- волевые качества
- эмоциональный фактор
- мотивация
- социальные установки

Как никогда ранее Украине нуждается в гармонично развитых, сильных личностях. От них будет зависеть будущее нашей страны.

Вот они пришли на первое занятие – нетерпеливые и слегка ироничные студенты. Они ждут от нас ответов на многие вопросы. С чего же начать?

Со знакомства. Вот простой тест, который поможет определить черты характера, мотивацию, наличие волевых качеств, оптимизма и др.

		Да	Нет
1.	Любите ли Вы учиться?		
2.	Ваш выбор вуза был осознанным?		
3.	Вы хотите в совершенстве овладеть выбранной Вами профессией?		
4.	Есть ли у Вас намерения заниматься научной деятельностью?		
5.	Легко ли Вам общаться со сверстниками?		
6.	Вы обижаетесь на критику?		
7.	Имеете ли Вы свою точку зрения во время дискуссии?		
8.	Нравится ли Вам выступать перед аудиторией?		
9.	Хотите ли Вы стать лидером?		
10.	Вы знаете, как достичь успеха?		

Мы предложили эти вопросы 12 первокурсникам. Подытожив результаты анонимного опроса, оказалось, что 58% хотят стать лидерами, 91% уверены в себе, 100% амбициозны, 91% имеют независимость суждений, 83% знают, как достичь успеха, и только 8% проявили склонность к поддержанию общего мнения и неуверенность в осознанном выборе вуза.

Проведение такого опроса и обсуждение его итогов:

- демонстрирует интерес к личности студентов,
- настраивает их на серьезную работу,
- помогает им адаптироваться в новой социальной среде.

Общеизвестно, что личность воспитывается в кругу семьи. НУА – это большая дружная семья, в которой люди относятся друг к другу

с уважением, поддерживая добрые традиции и приумножая свои достижения. (Став педагогами, мы взяли на себя большую ответственность за формирование личностных качеств студентов). Как важно с самого начала расположить молодых людей к конструктивному диалогу, дать им понять, что они «желанны», и что мы ждали именно их!

Абитуриентов встречают радушно уже в приемной комиссии НУА, куда они приносят свои документы. Сразу ощущаешь заботу о себе и уверенность в том, что у тебя теперь все будет хорошо.

Родительские собрания на I курсе дают возможность родителям и педагогам лучше понять каждого студента, помочь ему в преодолении неизбежного переходного периода от школьной парты к студенческой аудитории. Неизменными на собраниях являются корректность, доброжелательность, тактичность и индивидуальный подход к каждому ребенку и родителю. Ведь в семье уважение и толерантность – фундамент здоровых отношений. Для нас семья – это дети, наши студенты. Мы принимаем их такими, какие они есть. Самоотдача преподавателей вознаграждается доверием студентов. А требовательность (прежде всего, к себе) вызывает уважение.

Счастлив педагог, к которому пришли учиться сильные, мотивированные студенты. Но еще более удивительно осознавать, что личность студента рождается в процессе обучения и общения.

В марте 2016 г. студенты I курса посетили школу № 162 г. Харькова. Мы хотели познакомиться со старшеклассниками, изучающими французский язык и поговорить о франкофонии. Студенты с гордостью представили свою любимую академию, подчеркнув ее домашний уют, воздав должное создателям ВУЗа и всему педагогическому составу. Их было интересно слушать, потому что они не читали заученный ими текст, а то, что они хотели сказать. Каждый нашел свои слова, продемонстрировав при этом ораторские данные.

Александр Асмолов [1, с. 404] говорит, что быть личностью – это значит иметь активную жизненную позицию, о которой можно сказать: «На том стою и не могу иначе».

Мы стремимся с самого начала обучения французскому языку вовлечь наших студентов в увлекательный мир встреч с интересными

людьми. В апреле 2015 г. мы познакомимся с французским поэтом и писателем Брюно Дуссэ и Мюриель Зак, ответственным редактором серии «Те, кто сказал «нет».

Работая с отрывком из романа «Отверженные» Виктора Гюго, студенты всегда сопереживают социальным драмам его персонажей и неизменно торжествуют, когда добро побеждает зло. Мы учим студентов не только читать и переводить, но и чувствовать – страдать, бороться, побеждать вместе с героями книг. На поэтическом вечере мы узнали, что Виктор Гюго сказал ‘нет’ смертной казни, а Дидро – невежеству. Мы хотим, чтобы наши студенты мыслили, находили свой путь в достижении успеха и не боялись трудностей в начале студенческой жизни. Ведь сила воли, упрямство и трудолюбие неизбежно приводят к достижению поставленной цели.

Став педагогами, мы взяли на себя ответственность за формирование личностных качеств студентов, таких как:

- целеустремленность
- потребность самосовершенствования
- самостоятельность
- умение критически мыслить и др.

В 2016 г. мы приняли участие во всеукраинском видео-конкурсе, в котором студентам надо было ответить на вопрос «Что для Вас самое важное в жизни?». Следует отметить, что первокурсники охотно приняли участие наряду со студентами, имеющими опыт участия в проектах. Интересно констатировать, что все-таки ведущей темой было благополучие семьи. Также говорили об академии, удовольствии учиться и надеждах о будущем.

Наш коллега из Белоруссии О. Л. Жук [2, с. 36–37] считает, что для создания творческой образовательной среды в вузе необходимы следующие условия:

- ориентация на творчество как важнейшую ценность учебно-воспитательного процесса
- гуманное отношение ко всем участникам образовательного процесса, учет индивидуальных особенностей и возможностей обучающихся
- открытость и сотрудничество

- наличие системы поощрений
- превращение вуза в открытую социальную систему

Вывод. Студенты Народной украинской академии всегда могут рассчитывать на сотрудничество с преподавателями, поскольку открытость способствует творческому отношению к учебе и к участию в различных конкурсах, а также развивают умение работать в команде и перенимать ценный жизненный опыт. Таким образом, воспитание личности студента возможна лишь в обстановке взаимного доверия, солидарности и любви к своей профессии.

Список литературы

1. Асмалов А. Г. Психология личности / А. Г. Асмалов. – М. : Смысл ; Академия, 2002. – 414 с.
2. Жук О. Л. Подходы к воспитанию студенческой молодежи в современных условиях / О. Л. Жук // Проблемы освіти : наук.-метод. зб. – Київ; Вінниця : Вінниц. соц.-екон. ін-т Ун-ту «Україна», 2006. – Вип. 3, спец.– С. 29–37
3. Немов Р. С. Психология : в 3 кн. / Р. С. Немов. – 4-е изд. – М. : ВЛАДОС; ИМПЭ, 2002. – Кн.1: Общие основы психологии. – 687 с.

References

1. Asmalov A. G. Psihologiya lichnosti. –M.: Smysl; Akademiya, 2002. – 414 s.
2. Zhuk O. L. Podhody k vospitaniyu u studencheskoj molodezhy v sovremennyh usloviyah // Problemy osvity: nauk.-metod. zb. – K.; Vinnytsia: Vinnyts. sots.-ekon. in-t Un-tu “Ukraina”, 2006. – Vyp. 3, spets. – s. 29-37.
3. Nemov R. S. Psihologiya v 3 kn. – M.: VLADOS; IMPE, 2002. – 4-izd. – Kn.1 : Obschie osnovy psihologii.– 687 s.

УДК 001.891:378.12

І. О. Степанець

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ОСНОВИ МОНІТОРИНГУ НАУКОВО-МЕТОДИЧНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ВИКЛАДАЧІВ ПЕДАГОГІЧНИХ ВНЗ

Анотація. У статті аналізується проблема моніторингу якості науково-методичної діяльності викладачів педагогічних ВНЗ. Виокремлено низку суперечностей, що актуалізують проблему якості науково-методичної роботи викладачів. Уточнено та схарактеризовано поняття «науково-методична робота», «моніторинг». Розглянуто єдність освітнього і наукового процесів у педагогічному ВНЗ та умови їх ефективного взаємозв'язку; функції науково-методичної роботи та основні принципи її діагностики.

Ключові слова: моніторинг, якості освітніх ресурсів, науково-методична робота, взаємозв'язок освітнього і наукового процесів, функції та принципи діагностики науково-методичної роботи.

***Степанець І. А.* Теоретико-методологические основы мониторинга научно-методической деятельности преподавателей педагогических вузов**

Аннотация. В статье анализируется проблема мониторинга качества научно-методической деятельности преподавателей педагогических вузов. Выделено ряд противоречий, которые актуализируют проблему качества научно-методической работы преподавателей. Уточнены и охарактеризованы понятия «научно-методическая работа», «мониторинг». Рассмотрено единство образовательного и научного процессов в педагогическом вузе и условия их эффективной взаимосвязи; функции научно-методической работы и основные принципы её диагностики.

Ключевые слова: мониторинг, качество образовательных ресурсов, функции и принципы диагностики научно-методической работы.

***Stepanets S. O.* Theoretical and methodological foundations of monitoring the scientific and methodical activities of teachers' training higher schools pedagogical personnel**

Annotation. The article focuses on the problem of monitoring the quality of scientific and methodical activities of the teachers' training higher schools staff; contradictions in the approaches to the problem have been clarified and amplified.

The unity of educational and scientific processes have been analyzed, as well as the conditions of their effective relationships, the functions of scientific and methodological work and the main principles of their diagnostics.

Key words: monitoring, the quality of educational resources, scientific and methodical activities, educational and scientific processes' interconnection, functions and principles of scientific and methodical work diagnostics.

Існуюча система науково-методичної роботи об'єктивно відіграє важливу роль у розвитку сучасного педагогічного ВНЗ, на що вказують Ю. Алферов, І. Бабин, В. Байденко, Я. Болюбаш, Н. Вознесенська, Т. Дмитренко, В. Міхєєв, Т. Паніна, С. Смирнов, В. Шинкарук та інші. Тривалий час вона передбачала озброєння педагогічних кадрів необхідними знаннями та вміннями, сприяла підвищенню їх наукового рівня та професійної майстерності. Однак, з погляду багатьох науковців, як у змістовному, так і в організаційному плані науково-методична робота, зокрема у педагогічних вишах, на певному етапі перестала відповідати в повному обсязі сучасним вимогам розвитку системи національної вищої освіти. В умовах євроінтеграції актуалізувалась проблема моніторингу якості освітніх ресурсів, у тому числі оцінювання якості науково-методичної роботи та конкретно науково-методичного забезпечення освітнього процесу у вищій школі, на що вказують Т. Борова, А. Данченко, О. Жорнова, Л. Колосова, Е. Рубін, Т. Свиридюк, Н. Хацаюк та інші.

Актуальність дослідження посилюється потребою вирішення досить складної суттєвої проблемної ситуації, пов'язаної з виникненням низки суперечностей між:

- стрімкими темпами інноваційного розвитку суспільства, неперервним зростанням вимог до особистісних і професійних якостей усіх категорій науково-педагогічних працівників і недосконалістю науково-методичної роботи у педагогічних ВНЗ щодо здійснення безперервного підвищення кваліфікації кадрів, здатних ефективно діяти в умовах сучасного європейського і світового освітніх просторів;

- наявністю досвіду організації науково-методичної роботи у системі вищої педагогічної освіти на теренах України та недостатнім його системним узагальненням і творчим використанням в сучасних умовах;

– соціально-технологічними, педагогічними, методичними вимогами до вищої педагогічної освіти як до цілісної, неперервної, ступеневої чітко диференційованої системи підготовки педагогічних кадрів і недостатністю науково-методичного забезпечення цілісного педагогічного процесу у педагогічних ВНЗ;

– між законодавчо закріпленою необхідністю створення результативно діючої системи оцінювання якості науково-методичної роботи викладачів у педагогічних ВНЗ і недостатньою теоретичною розробленістю теоретико-методичних засад, що її забезпечують;

– між сучасними вимогами до ефективності освітнього процесу і недостатнім рівнем якості науково-методичної роботи у вищому педагогічному навчальному закладі (відсутність єдиного підходу до визначення якості науково-методичної роботи у вищому педагогічному навчальному закладі, недостатній рівень професійної компетентності викладачів, відсутність методичних розробок, відсутність стратегічного планування в галузі науково-методичної роботи викладача та ін.);

– між потребою в системному підході оцінювання якості науково-методичної роботи і відсутністю такої системи, показників та критеріїв, які б дали змогу кількісно і якісно її оцінювати;

– між високими вимогами суспільства до якості результату освітнього процесу у педагогічних ВНЗ і невизначеністю сутності, структури та змісту науково-методичної компетентності викладачів, формування якої здійснюється у ході якісної науково-методичної роботи.

Виявлені протиріччя свідчать про те, що науково-методична робота у вищому педагогічному навчальному закладі потребує здійснення перетворень на основі міжнародних стандартів щодо якості вищої освіти, обумовлює необхідність розробки ефективної системи оцінювання її якості.

Правовою основою організації науково-методичної та методичної роботи у ВНЗ є положення Державної національної програми «Освіта» (Україна XXI століття), Закон України «Про вищу освіту», «Національна доктрина розвитку освіти», «Положення про вищий навчальний заклад», «Положення про організацію освітнього процесу», Наказ Міністерства освіти і науки України «Про затвердження норм

часу для планування і обліку навчальної роботи та перелік основних видів методичної, наукової й організаційної роботи педагогічних і науково-педагогічних працівників вищих навчальних закладів».

Розглядаючи якість науково-методичної роботи, зокрема у педагогічному ВНЗ, як чинник підвищення якості освіти у цілому, слід акцентувати увагу на необхідності прийняття своєчасних і ефективних управлінських рішень щодо її організації, змістового наповнення, забезпечення об'єктивності аналізу тощо. Іншими словами, необхідна об'єктивна й достовірна інформація про різні аспекти науково-методичної роботи. Це потребує налагодження системи моніторингу, головною метою якого було б збирання, оцінювання й аналіз її кількісних і якісних показників на всіх рівнях функціонування.

Аналіз результатів науково-педагогічних досліджень дає підстави для висновку, що поняття «моніторинг» (від англ. monitoring – контроль, відстеження) пов'язують з різними сферами і видами діяльності людини, галузями знань, а головне, пропонують різні його тлумачення. Деякі дослідники вживають його у значенні відстеження результативності освітнього процесу, пов'язуючи з контролем навчальних досягнень студентів; інші розуміють як традиційний педагогічний контроль успішності; здебільшого ж – як вивчення окремих (або комплексу) параметрів функціонування системи освіти чи окремих її елементів, суб'єктів освітнього процесу (щодо підготовки фахівців, матеріально-технічного, навчально-методичного забезпечення ВНЗ) тощо (В. Беспалько, А. Дахін, Г. Єльнікова, В. Кальний, А. Майоров, С. Подмазін, С. Шишов та інші).

Наукове узагальнення різних підходів до тлумачення поняття моніторингу в освіті дає можливість виокремити спільні ознаки (рис), що об'єднують усі розглянуті визначення:

1. Це системна інформація, що постійно оновлюється, доповнюється.
2. Процес обов'язкового порівняння явища, об'єкта з визначеним (розробленим, обґрунтованим) стандартом, моделлю тощо.
3. Передбачає розробку стандарта та критеріїв його оцінювання [4, с. 21].

Таким чином, в останні десятиріччя моніторинг набув статусу наукового дослідження, який розглядають як систему процедур,

а не тільки і не стільки як збір інформації про певні характеристики та властивості освітньої системи (М. Зимомря, О. Локшина, В. Лунячек, Т. Лукіна, О. Ляшенко, С. Раков та інші).

Ми згодні із визначенням, запропонованим Т. Єльніковою, що моніторинг – це поточні оцінювання і регуляція будь-якого процесу в освіті. Це певна система, що складається з показників, об'єднаних у стандарт, методів їх розробки і систематичного спостереження згідно з цими показниками за станом та динамікою об'єкта з метою його діагностики, вироблення та коректування управлінських рішень [3, с. 97–102].

Завдання модернізації змісту та структури науково-методичної роботи, зокрема у педагогічних ВНЗ, актуалізує питання її моніторингу у контексті вирішення проблеми органічного поєднання освіти і науки [5, с. 9].

На наше переконання, саме визначення поняття науково-методичної роботи як єдності освітнього і наукового процесів дає підстави для розуміння її сутності, мети, завдань і змісту у вищій школі. Таке поняття, на наш погляд, фіксує властиве їй методологічне спільне, яким є спрямованість на максимально можливе зближення науки у вищій школі з навчальним і виховним процесами, їх гносеологічну однорідність. Але, тільки з методологічної й гносеологічної однорідності не впливає з необхідністю, що поняття «єдність освітнього і наукового процесів» не має специфічного змісту на відміну від поняття науково-дослідної роботи. Розрізняти їх необхідно, оскільки цілі і результати, що досягаються за умов дотримання принципу єдності освітнього і наукового процесу та НДР, по-суті не співпадають. Проблема полягає у встановленні та чіткому поясненні взаємозв'язку між даними процесами. Своєрідність такого взаємозв'язку полягає в тому, що, як засвідчує досвід, спільна цільова спрямованість обох процесів – підготовка компетентних фахівців з високим рівнем творчого розвитку, здатних адаптуватися до змінних соціокультурних умов – не тільки обмежує, але й певною мірою протиставляє освітній і науковий процеси. При цьому слід зазначити, що часто однією з причин такого негативного явища є слабкий зв'язок інтересів учасників наукового й освітнього процесу.

Що ж до змістовної характеристики досліджуваного поняття, слід назвати основні вимоги, яким, як переконує узагальнення наукової теорії, воно має відповідати: співвідносність; наявність суттєвих ознак; відсутність подвійних та метафоричних тлумачень; повнота поняття.

З урахуванням зазначеного можемо зробити висновок, що єдність освітнього і наукового процесів виявляється у стійкому взаємозв'язку означених процесів, що виникає в ході практичної діяльності у ВНЗ за умов:

- цільової професійної, наукової, методичної спрямованості освітнього й наукового процесів, обумовленої профілем конкретного ВНЗ;

- координації напрямів діяльності структурних підрозділів (наукових, методичних, освітніх тощо) при єдиному управлінському центрі;

- спільності матеріально-технічних та трудових ресурсів тощо.

Означений вище взаємозв'язок у ході освітнього процесу в педагогічному ВНЗ виявляється:

- у реалізації результатів наукових досліджень: шляхом започаткування нових напрямів (спеціальностей) з підготовки педагогічних і науково-педагогічних працівників; упровадження освітніх інновацій щодо організації, змісту, методики, засобів навчання та виховання тощо;

- у використанні в освітньому процесі нових інформаційних технологій шляхом обґрунтованого використання засобів програмування, контролю, реалізації технічного і технологічного супроводу освітнього процесу;

- у розвитку НДР студентів шляхом широкого залучення до участі у різних формах науково-дослідницької діяльності;

- у використанні наукового потенціалу ВНЗ шляхом залучення до наукових досліджень професорського-викладацького складу, аспірантів, до освітнього процесу – висококваліфікованих науковців;

- у підвищенні кваліфікації науково-педагогічних кадрів шляхом їх цільової підготовки, системного підвищення фахової майстерності; залучення до вирішення галузевих проблем, виконання державних та міжнародних проектів і програм тощо.

Отже, моніторинг науково-методичної роботи, зокрема у педагогічному ВНЗ, має орієнтуватися на оцінювання успішності та ефективності наукового й освітнього процесів у їх єдності, орієнтованої та результати професійної підготовки студентів.

Крім того, на наш погляд, важливим і об'єктивно-визначальним у застосуванні моніторингу в процесі науково-методичної роботи є конкретне і чітке з'ясування її функцій. Так М. Поташник вказує на такі функції науково-методичної роботи:

- 1 – функції щодо конкретного педагога;
- 2 – функції щодо педагогічного колективу;
- 3 – функції щодо більш широкої системи безперервної освіти, педагогічної науки [1, с. 23].

У контексті модернізації змісту і структури науково-методичної роботи у вищій школі науковці виокремлюють такі функції науково-методичної роботи як організаційну, діагностичну, прогностичну, відновлюючу, коригуючу, пропагандистську, контрольну-інформаційну [1, с. 17].

Не важко помітити, що окремі із названих функцій науково-методичної роботи безпосередньо пов'язані з функціями моніторингу, до яких В. Кальний і С. Шитов відносять аналітико-інформаційну, управлінську, діагностичну, прогностичну, коректуючу [2, с. 5]. Це вказує, по-перше, на об'єктивність їх виокремлення науковцями і, по-друге, на всебічність і достатню широту моніторингової діагностики. Така діагностика, за твердженням В. Гуменюк та І. Наумчук [1, с. 58], має бути систематичною, а функції діагностики (констатуюча, пошуково-дослідницька, формуюча, системоутворююча, корекційна, прогностична) підпорядковуватися загальній меті підвищення ефективності діяльності педагогів і передбачати забезпечення науково-обґрунтованого діяльнісного підходу до управління науково-методичною роботою у ВНЗ.

Основними принципами діагностики В. Гуменюк та І. Наумчук називають:

- об'єктивність – максимальне уникнення суб'єктивних оцінок, урахування всіх результатів (позитивних і негативних), створення рівних умов для всіх учасників освітнього процесу;

– валідність – повна і всебічна відповідність пропонованих контрольних завдань змісту досліджуваного матеріалу, чіткість критеріїв виміру й оцінки, можливість підтвердження позитивних і негативних результатів, які отримуються різними способами діагностування;

– надійність – сталість результатів, що отримуються при повторній діагностиці, яку проводять інші суб'єкти;

– врахування психолого-педагогічних особливостей – вчинення рівня освіти, професіоналізму, загального розвитку, індивідуальних особливостей суб'єкта, а також умов і конкретних ситуацій проведення обстежень;

– гуманність – створення атмосфери доброзичливості, довіри, поваги до особистості, позитивного емоційного клімату;

– систематичність – здійснення діагностики в певній послідовності і за відповідною системою.

Діагностика в аспекті науково-методичної роботи, за висновками науковців здійснюється за такими основними напрямками:

– вивчення рівня професійної компетентності педагогічних працівників та їхніх професійних потреб;

– вивчення стану викладання навчальних предметів та навчальних досягнень учнів;

– оцінювання результативності науково-методичної роботи.

Проводиться діагностика у три етапи:

• підготовчий: визначення мети, суб'єктів та об'єктів, напрямків, відбір критеріїв, вибір інструментарію;

• практичний: збір інформації шляхом анкетування, тестування, бесіди, спостереження, інтерв'ю, вивчення документів, самооцінки тощо;

• аналітичний: обробка отриманої інформації, формування висновків, розробка рекомендацій [1, с. 59–60].

Практика переконує, що об'єктивно й обґрунтовано організоване діагностування допомагає досягти таких результатів:

– змінюється ставлення до науково-методичної роботи на всіх рівнях;

- підвищується якість і рівень аналітичної діяльності педагогів;
- зникає формалізм у плануванні, змісті, формах і методах науково-методичної роботи;
- створюються можливості для виявлення оптимальних шляхів надання допомоги конкретному викладачу;
- змінюються підходи і характер у взаємовідносинах між виконавцями та організаторами науково-методичної роботи;
- конкретизуються основні напрями роботи.

Виходячи з того, що науково-методична робота, зокрема у педагогічному ВНЗ, має за мету спонукання наукових, науково-педагогічних і педагогічних працівників до вивчення й аналізу педагогічного досвіду, прогнозування подальшого вдосконалення педагогічної діяльності, забезпечення знаннями про ефективні шляхи, методи і засоби реалізації нових підходів до забезпечення якості освіти, постійно виникає потреба в отриманні емпіричної інформації для забезпечення дієвого управління науково-методичною роботою. Як стверджують науковці (Г. Єльнікова, О. Лазарев, І. Підласий, Д. Кузнецова, М. Сергєєва, О. Сущенко та інші) та свідчить досвід, отримати таку інформацію можна шляхом комплексного використання такого діагностичного інструментарію як тести, діагностичні карти, анкети, факторно-критеріальні моделі тощо.

Визначаючи одним із критеріїв оцінювання якості науково-методичної роботи готовність викладача до інноваційної діяльності, пропонуємо з цією метою приклад використання комп'ютерної експертної моделі. Таку експертизу можуть здійснювати методисти, завідувачі кафедр, голови науково-методичних рад, провідні науковці, залучені до вирішення означеної проблеми.

Рівень готовності викладача до інноваційної діяльності як результат науково-методичної роботи

Прізвище, ім'я, по батькові: _____

Фах: _____

Стаж роботи: _____

Науковий ступінь: _____

Вчене звання: _____

Посада: _____

Компоненти	Показники інноваційної діяльності	Бали експ.1	Бали експ.2	Бали експ.3	Заг. оцінка (у балах)
Мотиваційно-цільовий	Усвідомлення цілей власної науково-методичної діяльності				
	Готовність відмовитись від стереотипів педагогічного мислення				
	Націленість на творчу діяльність				
Змістово-операційний	Творче використання результатів педагогічних досліджень і моделювання нового педагогічного досвіду				
	Варіативність педагогічної діяльності				
	Володіння методами педагогічних досліджень				
	Застосування в педагогічній практиці засобів діагностики та корекції індивідуальних особливостей студентів, реалізація різнорівневого підходу				
	Розробка авторських ідей навчання та виховання				
Регулятивно-корекційний	Постійне здійснення самоаналізу й самооцінювання діяльності				
	Систематичне коригування освітнього процесу				
	Самостійний пошук нової інформації з метою саморозвитку і самовдосконалення				
	Прогностичність, здатність до проектування				
	Вміння оцінити конкретні інновації та визначити їх цільове призначення				
Загальна кількість балів					
Рівень готовності до інноваційної діяльності					

Критерії оцінювання:	Рівні готовності:
4 бали – показник наявний завжди;	високий – 75-100 %;
3 бали – часто наявний;	середній – 50-74 %;
2 бали – рідко наявний;	нижче середнього – 25-49 %
1 бал – наявний інколи;	низький – 0-24 %.
0 балів – відсутній.	

Таким чином, моніторинг науково-методичної роботи, зокрема у педагогічному ВНЗ, – це динамічна інформаційна система, що пов’язана з супровідним оцінюванням і регуляцією керованого об’єкту з метою випереджального визначення проблем, вироблення управлінських рішень щодо забезпечення якості кінцевого результату відповідно до визначеного стандарту.

Розробка і реалізація моніторингових процедур має здійснюватись з урахуванням сутності й особливостей керованого об’єкту, функцій моніторингу, мети і завдань науково-методичної роботи.

Список літератури

1. Гуменюк В.В. Науково-методична робота з педагогічними кадрами / В.В. Гуменюк, І.А. Наумчик. – Кам’янець-Подільський : ПП Мошак М. І., 2005. – 160 с.
2. Кальной В. А. Технология мониторинга качества образования в системе «учитель-ученик» / В. А. Кальной, С. Е. Шитов. – М. : Пед. общ. России, 1999. – 76 с.
3. Єльнікова Г. В. Моніторинг діяльності керівника / Г. В. Єльнікова // Директор школи, ліцею, гімназії : наук.-практ. журн. для працівників закладів освіти. – 2003. – № 1. – С. 97–102.
4. Моніторинг якості освіти: світові досягнення та українські перспективи / за заг. ред. О. І. Локшиної. – Київ : К.І.С., 2004. – 128 с.
5. Національна доктрина розвитку освіти України / П Всеукраїнський з’їзд працівників освіти. – Київ : 2002. – 232 с.

References

1. Humenyuk V.V. Naukovo-metodychna robota z pedahohichnymy kadramy / V.V. Humenyuk, I.A. Naumchyk. – Kam’yanets’-Podil’s’kyu PP Moshak M.I., 2005. – 160 p.

2. Kal'noj V. A. Tehnologija monitoringa kachestva obrazovaniya v sisteme «uchitel'-uchenik» / V. A. Kal'noj, S. E. Shitov. – M. : Ped.obshh.Rossii, 1999. – 76 p.
3. Yel'nikova H.V. Monitorynh diyal'nosti kerivnyka / H.V. Yel'nikova // Dyrektor shkoly, litseyu, himnaziyi: Naukovo-praktychnyy zhurnal dlya pratsivnykiv zakladiv osvity. – 2003. – № 1. – P. 97–102.
4. Monitorynh yakosti osvity: svitovi dosyahnennya ta ukrayins'ki perspektyvy / Za zah.red. O.I. Lokshynoyi. – Kyiv : K.I.S., 2004. – 128 p.
5. Natsional'na doktryna rozvytku osvity Ukrainy / II Vseukrayins'kyy z'yizd pratsivnykiv osvity. – Kyiv : 2002. – 232 p.

УДК 378.4

*R. Tomaszewski***UNIVERSITY IN EDUCATION SYSTEM
AND THE SOCIO-CULTURAL AREA**

Annotation. The University as an institution and the educational environment was the undisputed dominant in any education system of the first half of the twentieth century. The crisis of the university under the pressure of totalitarianisms, various ideologies and finally globalization referred to, organizational and institutional solutions, but not the very idea of an education at university. Other competing path of university education for elite or mass education (after high-school certificate) has become an ad hoc solution corresponding to the pulse of globalization and social pressures on universal access to academic education. However, both the ideas of the university and the institutional university developed and achieved auto-adaptive capacities in various socio-cultural areas, in contrast to Western Europe, Central Europe, Eastern Europe, or the wider space of the Anglo-Saxon. In the outlined areas of socio-cultural community university (academic teachers and their students) continue to perform three basic functions: scientific research, teaching and stabilizing democracy. However, in the Western Europe, Eastern Europe (post-Soviet) and the US are different proportions of these functions due to the time or place of the operation of a particular university. Between the task of training a little better workers and the formation of the spirit of the elite there is variety of education configurations. It seems, however, that despite of the primacy of science in the modern vision of the world (including vision of a human being) is worth to design education systems having in mind the following reflection: factory (big industrial plant) dates back about 170 years, and today is a relic, a supermarket is a prospect only about 40 years old and is competing with trade via the internet, while the university is over 900 years old and there are many indications that it will survive. There is impossible to carry out specific processes of social exchange as an university education without thinking about university. Although various utopias that refer to virtual university, “socialist” university, supreme university or university for masses and other varieties of utopian vision are an excuse to interfere in the university community. Interference by economists (productivism), politicians (or ideologized bureaucracy), mass media or other usurpers presenting themselves in the position of “great teachers”.

Key words: the mission of the university, the educational system, training of elites, the determinants of territorial and cultural elite education.

Томашевский Р. Университет в системе образования и социокультурной среде

Аннотация. Университет как учреждение и образовательная среда был бесспорно доминирующим в любой системе образования первой половины XX века. Кризис университета, возникший под влиянием тоталитаризма, различных идеологий и, наконец, глобализации, проявляется в организационных и институциональных решениях, но не касается самой идеи образования в университете. Два конкурирующих пути для университета – образование для элиты и массовое образование (как следующий этап после средней школы) – стали кратковременным ответом на глобализацию и социального давления относительно всеобщего доступа к получению высшего образования. Однако как идея университета, так и университет как институт развивались и самоадаптировались к различным социокультурным средам, с отличительными особенностями для Западной, Центральной и Восточной Европы, англо-саксонского пространства в широком смысле. В указанных социокультурных средах университетские сообщества (преподаватели и студенты) продолжают выполнять три основные функции: научно-исследовательская работа, обучение и стабилизации демократии. Тем не менее, в Западной Европе, Восточной Европе (в постсоветский период) и США соотношение пропорции реализации этих функций различно в зависимости от времени или места деятельности конкретного вуза. Между задачами обучения выпуска не более чем «немного лучших» работников и формированием духа элиты находится множество образовательных конфигураций. Однако представляется, что, несмотря на примат науки в современном видении мира (включая видение человека), стоит разрабатывать системы образования, имея в виду следующее соображения: время существования завода (крупный промышленный завод) насчитывает около 170 лет, а сегодня он становится реликтом, супермаркет – это перспектива всего около 40 лет и уже он испытывает сильную конкуренцию с продажами через Интернет, в то время как университету более 900 лет, и есть много признаков того, что он выживет. Осуществление таких процессов социального обмена, как университетское образование, невозможно без университета. Хотя различные утопии, к которым можно отнести виртуальный университет, «социалистический» университет, массовый университет и другие варианты, становятся поводом для вмешательства в университетское сообщество: экономистов (продуктивизм), политиков (или идеологизированной бюрократии), средств массовой информации или других узурпаторов, принимающих на себя на позиции «великих учителей».

Ключевые слова: миссия университета, образовательная система, подготовка элит, детерминанты обучения территориальной и культурной элиты

Томашевський Р. Університет в системі освіти і соціокультурному середовищі

Анотація. Університет як установа і освітнє середовище був безперечно домінуючим в будь-якій системі освіти першої половини ХХ століття. Криза університету, що виникла під впливом тоталітаризму, різних ідеологій і, нарешті, глобалізації, проявляється в організаційних та інституційних рішеннях, але не стосується самої ідеї освіти в університеті. Два конкуруючих напрямки для університету – освіта для еліти і масова освіта (як наступний етап після середньої школи) – стали короткочасною відповіддю на глобалізацію і соціальний тиск щодо загального доступу до здобуття вищої освіти. Однак як ідея університету, так і університет як інститут розвивалися і самоадаптувалися до різних соціокультурних середовищ, з відмінними рисами для Західної, Центральної та Східної Європи, англо-саксонського простору в широкому сенсі. У зазначених соціокультурних середовищах університетські спільноти (викладачі та студенти) продовжують виконувати три основні функції: науково-дослідницька робота, навчання і стабілізації демократії. Проте, в Західній Європі, Східній Європі (в пострадянський період) і США співвідношення пропорції реалізації цих функцій відрізняється в залежності від часу або місця діяльності окремого ВНЗ. Між завданнями, навчання випуску не більше ніж «трохи кращих» працівників і формуванням духу еліти, знаходиться безліч освітніх конфігурацій. Однак представляється, що, незважаючи на примат науки в сучасному баченні світу (включаючи бачення людини), варто розробляти системи освіти, маючи на увазі наступне міркування: час існування заводу (великий промисловий завод) налічує близько 170 років, а сьогодні він стає реліктом, супермаркет – це перспектива всього близько 40 років і зараз вже він відчуває сильну конкуренцію з боку Інтернет-продаж, в той час як університету понад 900 років, і є багато ознак того, що він виживе. Здійснення таких процесів соціального обміну, як університетська освіта, неможливо без університету. Хоча різні утопії, до яких можна віднести віртуальний університет, «соціалістичний» університет, масовий університет та інші варіанти, стає приводом для втручання в університетську спільноту: економістів (продуктивізм), політиків (або ідеологізованої бюрократії), засобів масової інформації або інших узурпаторів, які беруть на себе на позиції «великих учителів».

Ключові слова: місія університету, освітня система, підготовка еліт, детермінанти навчання територіальної і культурної еліти

It is not about shaping public opinion
– You can still manipulate it.
The essence is thinking and truth.

Modern education systems have been formed between the mid XIX century to the 70s in the XX century. They had common features, but also differences due to local traditions and social environment or cultural background. Main common characteristic was the dominance of the university as the most organized school and at the same time place of scientific research. The modern university was the result of the acquisition of the German Humboldt model by most universities in Europe and America because of the successes of German education. Socio-cultural space in Prussia and the German Reich II was characterized by leading solutions to the school system, which dominated Central Europe. Those solutions were to some extent copied in the Russian Empire, and more widely penetrated the Western Europe, to the early twentieth century also occur in the US education system.

It should be emphasized the specificity of the socio-cultural space in Europe which have developed and evolved as a result of two world wars and the dichotomous division of the continent in years 1945-1989. Europe, as the cradle of the most famous universities, was destroyed after 1945 in both the eastern and western part. The background of her reconstruction has become a post-war baby boom. The demographic peak had proved to be a challenge to education during the years 1953-1955, but the breakthrough came in the 1966-1970 period as baby boomers graduates appeared in colleges and universities. Symbolic in the Western Europe “Generation ‘68” forced changes in the functioning of higher education. The privilege of studying at the university studies became the right of every European high school graduate. This change was accompanied by a sharp increase in high school graduates, for example in Germany from 5% to 30% and in France to 20% of the age group¹. Providing educational

¹ T. Judt, *After war. The history of Europe from 1945*, Poznan 2013, p. 462.

opportunities to “Generation ’68” and to others born in demographic peak became the primary task in the countries of Western Europe. It could be only accomplished through effective post-war reconstruction symbolized by high economic growth.

Student rebels of ‘68 in a specific way transformed the years 1966-1972 in the extra-parliamentary opposition, and then in the new left wing in politics. Universities have become for them an arena to enforce educational reforms, settlements in justice and social equality². Attempts to raise those issues of ideological or political background in universities were met with a diverse reaction of academics. Some appreciated professors like Fritz Stern, Wolfgang BY □ III-4-III-ēzinka or Thomas Nipperdy opposed it³. On the other hand, young academics and part of the new generation of professors often provided support or even were co-creators (which were called “Professors in sweaters”). In the following decades, they have become promoters of postmodernism at universities and significantly contributed to the crisis of the university. Stuart Hall, Jacques Lacan, Jacques Derrida, Henry Giroux, and other academic postmodernists Generation ’68 sought to ensure that science could shock and surprise as art. They identified the concept of freedom bringing its content to the limits of anarchy and egoism. In this way, they support a new generation of its demanding attitudes and contribute to the destruction of all authority, including university traditions⁴. So understood academic studies could not, however, (both then and now) remain stabilizers of democracy. Undoubtedly, the organizers and participants of the youth rebellions achieved their long term goal in the 70s-80. They perpetuated the right to revolt and reached an apparent equalization of educational opportunities for the next generations of

²For example universal access to scholarships, which prof. Fritz Stern summarized up by saying „revolutionaries on scholarships” (idem, *Germans in five lifetimes*, Warsaw 2008, s. 231). T. Judt, op. cit., p. 489.

³W. Brezinka, *Educate today. An outline of the issues*, Cracow 2007, p.12 (H. Mahogany, *Education – the art of what is possible*); T. Nipperdey, *Reflections on German history*, Warsaw 1999, p. 238 and 245); F. Stern, op. cit., p. 223 and 227-237.

⁴H. Arendt, *Between the time past and future. Eight exercises in political thought*, Warsaw 1993, pp. 113-232; T. Judt, op. cit., p. 563; F. Stern, op. cit., p. 236.

students⁵. However, forcing an utopia of mass available academic studies led to a distinction between the few elite schools that maintain the principle of rigorous selection of high school graduates in the process of admissions and the number of widely available mass universities with relatively low education level. This process has deepened as a result of fashion in the USA for creation of international rankings of universities. The same fashion in Europe turned into pressure on politicians responsible for education policies⁶.

The second phase of the tensions in the universities of Western Europe, mainly Germany, took place in 2000-2004 as a result of systemic changes eliminating European dichotomy. During that time the students did not oppose the professors, but gave support in the efforts to increase state spending on higher education⁷. This was a result of the next successive waves of baby boomers and the pressure to maintain standards-won by the '68 Generation Students. It should be emphasized, the phenomenon of "anti-elitism" at prestige universities, which was forced by populism in youth between year 1968 and 2012. That academic anti-elitism should be treated as a kind of intellectual disgrace, and in the longer term cause of deepening division on universities educating the elite and mass education offering "illusions in the form of diploma."

The eastern part of Europe remained since 1945 under the control of the Soviet Union, and since then has been subjected to influence based on the utopia of communism. Countries located in this zone rebuilt or transformed their education systems through a more or less absorption of the Soviet model of education. Sometimes it could take the form of a merger of their own tradition of Soviet patterns, or a relatively high degree of autonomy – which was the case in Poland. Although Russia had no

⁵A. Toffler, *Future jump*, Poznań 1998, p. 395.

⁶I think that in terms of Europe's most resistant area of socio-cultural pressure on (fashion) rankings was the German-language cultural area. The embarrassment of academic rankings in Polish conditions is precisely described in: M. Kosmulski, A. Pigoń, *Engineers at the University of the humanists and the polytechnic*, Academy Forum 7-8/2014, p. 48-49.

⁷J. Koch i K. Thimm, *Geist gegen Gebühr*, Der Spiegel, 3/2004, p. 36-50.

significant tradition of education (compared to the West) in the late nineteenth / twentieth century tried to make up for backwardness⁸. However, in the 30s in Soviet Russia was created a school system in which education was identified with the ideological indoctrination. This system has become a component of the Soviet strategy of modernization. It was ran to emphasize vocational training as support to the communist version of modernization. From autumn 1939, and then since 1946 under pressure from the Soviets there was an attempt to transform education throughout Eastern Europe. The largest scope of interference concerned on the Polish universities seized by the Soviet Union in Lviv and Vilnius. After year 1948 the process of Sovietization extended to all national education systems in communist countries except Poland, where, in practice, failed to appropriate higher education and elite secondary education.

In Eastern Europe after 1948 occurred three different socio-cultural areas seen through view on education systems:

1. Eurasian area of Soviet Union (also in Lithuania and Western Ukraine), where continuity of the tradition of education was interrupted;
2. The area of European communist countries (except Poland), which drastically reduced the local tradition of teaching in favor of a unified Soviet model;
3. Area of Polish Republic as the relative autonomy in education.

It should be emphasized that throughout Eastern Europe since 1945, the idea of the superiority of the Soviet school system was highly promoted, the myth of the high-level Soviet academic institutions was created. The direct influence of an attempt to implement Soviet delegation of teachers to universities of satellite countries took place until 1956. In contrast, after 1956 this attempt was replaced by a study-selected students from Central and South Europe in the USSR. Propaganda, and then the myth of the superiority of the Soviet universities over the other universities of the Soviet bloc was the initial recognition and was persistently promoted during the

⁸ J. Schiller de Schindelfeld, *Universitasrossica. The concept of a Russian university 1863-1917*, Warsaw 2008, p.27 i 271. The Russian state authorities decided not to complete the acquisition of the German model of university.

rule of Nikita Khrushchev. It might have some significance because of the selective discoveries of some universities of the USSR in the field of science or technology. This took place within the framework of the obsolete paradigms of industrial development to the mid-70s. Since 1973 educational gap between Soviet universities and Western or American began to grow exponentially (in some part between Polish or Hungarian universities also). Straightforward judgment about Soviet academic institutions and the general socio-cultural achievements of the Soviets was best described in 1980 by German Chancellor Helmut Schmidt. With regard to the Soviet Union and its technological and scientific and cultural achievements, he used the metaphor – “Upper Volta with missiles”⁹. The modernization of the Soviet model exhausted its possibilities to develop. Despite the fact that in 1973-1974 educational reform were taken of the system based on the idea of universal 10-year high school. While the modernization of the West, after overcoming the energy crisis of 1973, has rapidly accelerated and turned into globalization stimulus. One of the fundamental differences in development/modernization strategy is the participation of science and higher education in the processes of modernization: Low in the East, a decisive and sustainable in the West.

The equivalent of Generation '68 at universities in Eastern Europe turned out to be the Polish and Hungarian students in 1956, and the Polish and Czech in 1968. While universities in the USSR contestation among academics never took place – even during the “perestroika and *glasnost*” of Mikhail Gorbachev. The first and only attempt to implement organizational solutions of the Soviet educational system in the Polish education took place in the form of so-called. Kuberski reform in 1974 but it was quickly withdrawn¹⁰. What was failed to achieve by the Russian tsar, was fully accomplished by the Bolsheviks in the Soviet Union. – elimination of academia, as conscience of the nation and public opinion leader. Under those circumstances, the phenomenon turned out to be an academic revisionism in Poland, which symbolized a person of prof. Leszek

⁹ T. Judt, op. cit., p. 295.

¹⁰ T. Hejnicka-Bezwińska, *Changes in education. Contexts, threats and opportunities*, Bydgoszcz 2000, p. 83-85.

Kołakowski, and later prof. Maria Turlejska or prof. Adam Schaff¹¹. Intellectual revisionists from universities in Eastern Europe could stay up in cathedrals or emigrate. Polish academics mostly persisted, because “Polish universities ... have remained virtually untouched in contrast to Czechoslovakia and other countries [communist. – R. T.]”¹². Whatever would the sentence “revisionism” signify to academics its constitutive role was used only in Poland.

The first group of revisionist in the USSR appeared in Soviet universities only under the influence of “Solidarity movement” (1980-1981), but they didn’t separate from the Marxist doctrines¹³. The basic product of the university (intelligence) and its leadership group – “academic intellectuals” in Eastern Europe has not lost its relevance against the evaluation of Denis Sdzikow¹⁴. Although part of the educated community was seduced by the communist utopia, the relative resilience preserved Polish academic. After the liquidation of the “Solidarity movement” in December 1981. Academics took the new role of the anti-communist political opposition (in place of the dissolved “Solidarity movement”)¹⁵. They were in fact the most open to the intellectual contacts with the West and properly equipped with numerous

¹¹ „After 1956 shaped [prof. Leszek Kołakowski – R. T.] ... dissident views in the region where all the critical reviews were ... doomed to exclusion ... delivered in 1968. Famous lecture, which sharply criticized the Communist Party for having betrayed the nation it was an act of political.” (T. Judt, *When facts change*, Poznan 2015, p. 437).

¹² Ibidem, *After war... op. cit.*, p. 211. This confirms my thesis, that sovietizing had different sizes and not all can or should be thrown into one category, as prof. Teresa Hejnicka-Bezwińska does with respect to prof. Schaff (T. Hejnicka-Bezwińska, *op. cit.*, p. 75-76).

¹³ A.W. Worobiowi A.W. Szubin, *Paving the way to freedom in the sphere of culture*, White spots – black spots. Difficult issues in Polish-Russian relations (1918-2008), Warsaw 2010, p. 528 & 531-536; P. Kenez, *The lied history of the Soviet Union*, Warszawa 2008, p. 261; J. Pomianowski, *Paving the way to freedom in the sphere of culture*, Białeplamy..., p. 516.

¹⁴ D. Sdzikow, *Age of intelligence. Comparative history of the educated in Europe*, Warszawa 2011.

¹⁵ B. Miśkiewicz, *Polish higher education in the years 1981-1987*, Torun 2003, p. 21-38 & 172-175.

scientific emigration institutions including “The Polish University Abroad” in London. Against the background of these remarks can be formulated statement that where intelligence elite could count on institutional support (mainly university community) and the university, they actions were effective and they were relatively safe. The Soviet Union could not be effective, and the contestation of its representatives ended mostly in psychiatric institutions¹⁶. In contrast, the best Soviet university graduates were employed in the military or industrial institutions. Polish Universities in years 1948-1988 fortunately have not been lost. They were not implemented in the Eastern European “intellectual communism” dimension. They were enclave located behind the Iron Curtain, which cannot be attributed to what prof. Judt pejoratively described as “academic provincialism” – regardless of their location in Warsaw, London, Krakow or other geographical location¹⁷.

Changes which have taken place in Europe after 1989, led to the transformation of its regions and the socio-cultural area. Undoubtedly great influence on academia’s across the continent had the declared in Bologna, the so-called “The Magna Charta Universitatum” of 1988, which met with overwhelming approval. More complicated was the implementation of the Joint declaration of the European Ministers of Education convened in Bologna (Bologna declaration) launched in 1999, and which was to lead to the creation of the European Higher Education Area. One of the objectives signaled in the process was to improve the competitiveness of European universities in relation to the US. Depending on the interpretation, Bologna process respected the diversity of educational traditions and regional conditions. Therefore, changes were based primarily on the recommendations, and not on the strict injunctions or liabilities. European Union member countries respond differently to the requirements of the Bologna

¹⁶ P. Kenez, op. cit., p. 264.

¹⁷ T. Judt, *When...*, op. cit., p. 439. As a student of Nicolaus Copernicus University in Torun, organized on the basis of evacuated after the war, the Stefan Batory University in Vilnius, I had the opportunity (admittedly cursory) to stay in the Soviet Union in 1978, and then in Russia several times from 2010 to 2014. I think that the assignment of provincialism some Russian or Polish universities is from T. Judt’s abuse.

system. Some countries, including Poland and some other post-communist states rigorously complied with the standards contained in the Bologna Process. Often this meant the denial of the experience of the European and their own educational traditions. Whereas the German system of higher education has made selective implementation of the recommendations of the Bologna System. Germany put themselves in distance from the Anglo-Saxon fashion of school rankings, and German universities do not seek to take over the leading position in these rankings. Prof. Heinz Sünker emphasized the negative impact of the phenomenon of “schooling university life”, which can lead to the transformation of the university in the educational institute, much more advanced than high school but less than academic university¹⁸.

Different strategies of the implementation of the Bologna process is further complicated by local conditions of national education systems in post-communist countries. The process of schooling the universities can be clearly seen in Russia and Ukraine, where it manifests itself both in the methodology of courses, as well as dramatically high teaching hours of academics¹⁹. As a result, various regional systems created different conditions for the implementation of the tasks of university research. The implementation of the Bologna Process in higher education institutions of Central, Eastern or South Europe shows excessive standardization. It is very clear from the Polish perspective, where exaggerated standardization programs and methodology of academic studies led to limiting the autonomy of the university. At this moment, from the perspective of the four-year experience can be observed the necessity of deregulation, which means a deviation from the standards formulated in detail in functioning of the university²⁰. Perhaps looking at American Solutions educational futurists

¹⁸ H. Sünker, *A new look at the idea of the university, Education (Bildung), politics and society. Innovations in Academy education: Higher education in the process of change*, red. nauk. J. Piekarski i D. Urbaniak-Zajac, Łódź 2010, p. 192 i 201.

¹⁹ For example in Russia or Ukraine, teaching load of academic teacher ranges from 600 to 1000 hours per year. However, in the Polish universities currently ranges from 180 to 360 hours.

²⁰ J. Woźnicki, *New areas of freedom*, Academic Forum 7-8/2014, p. 31.

(or politicians) would be willing to consider that origin elements are culture and social capital. Those elements should overtake changes in the economy, marketing tricks and policy of government (not always the policy of the state is the same as widely adopted social position)²¹. The impression is that the prospect of long duration has been lost (or marginalized), which has go under the sociology. But the sociology of its nature examines the current status instead of the historically emerging trends or social differences²².

Rich societies of Western Europe or North America willingly appeal to market regulations in education management, because they already created adequate socio-cultural and economic base. Poorer communities of Central, Eastern or South Europe, paradoxically, they cannot afford it. Despite the material poverty and not always favorable econometric indicators those countries must firstly build a stable base of culture, complementary to social capital (opinion-forming intelligence), and only then rely on market mechanisms and educational global boost. The process of achieving educational standards of European universities will be accompanied by political, ideological and “quasi-economical” pressure or other “educational fashion”.

Nostalgia for the social security of a society based on “equality of poverty” (instead of knowledge and truth) is bound in Eastern Europe with educational strategies for professions lifetime stock. In my perception this is particularly evident in Russia or Ukraine. This means treating the university as a better variety of vocational school. At the same time it opposes the dynamics of permanent readiness of graduates to retrain and take risks in the hope of winning in life. Dynamic posture is characterized by students of Central Europe (Poland, Czech Republic, Slovakia and recently also Romania) and they are based on “instinct consumer.” The concept is not understood as a simple consumption of material goods but the utilization of their education, activity and mobility. This means that increasing the role of the entity in question undertaking the effort and risk

²¹ J. Rifkin, *European dreams*, Warsaw 2005, p. 13 (with Andrew Kostarczyk).

²² P. Śpiewak, *Between individualism and independence, Poland one or more*, Warsaw 2005, p. 160.

thorough education in an environment dominated by the interplay of the labor market or the market of educational services. Decreases while the role of the state in the organization of the elites, which should be selected through a process of “positive discrimination”, eg. The selection through education. It is a quite different function of the state as an arbiter in the social sphere and equal educational opportunities (education or at least free). Undoubtedly, while populism is trying to force the country to achieve equal educational performance. So realize things unfulfillable, because the effects of education at the university level are primarily based on individual abilities, which the state cannot decree (set administratively) to all its citizens. Nevertheless, in the socio-cultural in Eastern Europe and to a lesser extent, Central European populism pressure forces the universities’ ant exclusivity”²³.

Demand for higher education is often due to the situation of the labor market or university ethos, depending on the socio-cultural or country in which this demand is marked. The mass American universities most often in terms of preparation for the proceedings of the people and secure a popularity²⁴. In the tradition of Western Europe is based on the long duration of the university and very often a better market position of its graduates²⁵. In the post-Soviet space socio-cultural improved competitiveness of university graduates due to their professionalization and trainings academic institutions are preparing especially better-educated workers. Against this background, a warning signal may be the phrase “real university” used in the Great Charter of Universities of 1988. They can only be because trustee

²³ In both areas of Europe signaled the phenomenon takes the form of mass academic studies determined by productivity and forcing a result of the transformation of universities in higher vocational schools. In addition, parts of Eastern Europe academia are affected by the phenomenon of corruption (signaled it to me many times my Ukrainian students).

²⁴H. Arendt, *op. cit.*, p. 219. This does not apply of course 10-20 elite American universities significantly different from the rest mass of nearly 8,000 universities.

²⁵In the general social perception called. “*Akademiker*” (graduates of full-size academic institutions) are the least threatened by unemployment social group. In Polish conditions, to 2000. Unemployment rates of people with higher education were trace a college degree guaranteed a better or worse joker”

of the European university tradition – it has been derived model of the modern university, which later became the source of the myth of education. Despite the fact that in the XXI century, too few people are willing to see continuity as a form of progress, and therefore a variety of innovations, over 900-year-old perspective of the university is the undisputed capital. Do not stand with her apparent fetish innovation, eg. Large industrial plants, dating back about 150 years, the supermarkets, which appeared 30 years ago. The big supermarkets are losing because of competition from online forms of trade, and the big industrial giants are different forms of cooperation and linkages of small specialized producers (the phenomenon of de-concentration of production). The University will survive but probably because it is still based on a synthesis of research and teaching, and in the twenty-first century took another important social function – the stabilization of democracy and opposing the return of nationalisms. Construction of contemporary social structures, and in the social hierarchy should be followed according to the rules meritocratic, not ideological or econometric. Membership of the oligarchy of power, ownership, group influence is not in the long distance capable of competing with the knowledge or truth²⁶. These are concepts disliked by the authorities, as disturb the comfort of its exercise, but necessary to ensure progress – as necessary as various types of products of technology (computer, car). Therefore, usually intellectuals successful in the areas of democratic societies are technocrats, as exemplified in Poland prof. Leszek Balcerowicz, the Czech Prime Minister Klaus Vaclaw²⁷. This confirms the efficiency of universities in the process of transmission of the principles of meritocracy to different socio-cultural space.

University as the most organized educational institution, and also the idea of social subjected to often attempt to fit in various utopias that refer to university virtual university “socialist university and other excellent

²⁶The truth is not utilized directly, but is the main product of the university in all the socio-cultural. She makes the academic community operates knowledge, not just information pretending to knowledge, as is the Internet.

²⁷T. Judt, *Powojnie...*, op. cit., p. 808. Prof. Balcerowicz derives from the circles of the Left-wing politics, and the Prime Minister Klaus is conservative.

varieties utopian view of a university. These are the most common excuses used by politicians to interfere in the university community. These interventions host of economists and so-called priests, academic capitalist form of productivism, from politicians form ideologized or bureaucracy, and by the mass media and journalists form of theatricality put all of these usurpers in a position of great teachers. For the university as a “great teachers” have played in the past, the church, the state, dictators, ideologies. However, these were variable factors and none of them dominated the university, while the university durable and produced a permanent ability to adapt and create progress. It would be so from the perspective of long duration to restore the university to its dominant role in the educational systems of all civilized space socio-cultural.

Т. А. Удовицька, М. В. Савохіна

ПРИЙОМ ДО ВНЗ: ПИТАННЯ УПРАВЛІННЯ ТА УДОСКОНАЛЕННЯ

Анотація. Стаття присвячена питанням організації та управління прийомом у вищі навчальні заклади. У статті аналізується український і зарубіжний досвід прийому до ВНЗ, висвітлюються питання організаційного, управлінського, технологічного та інформаційного забезпечення вступних кампаній, визначаються особливості прояву професійної орієнтованості молодих людей під час їх проведення, роль батьків у професійному виборі абітурієнтів. У статті також висвітлюються проблеми результативності, ефективності та соціальної справедливості прийому до ВНЗ. На підставі проведеного дослідження визначено можливі соціальні ризики цього процесу, сформульовано рекомендації щодо їх оптимізації.

Ключові слова: вища освіта, вступна кампанія, абітурієнт, вищі навчальні заклади, зовнішнє незалежне оцінювання якості навчання.

Удовицкая Т. А., Савохина М. В. Прием в вузы: вопросы управления и оптимизации

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации и управления приемом в высшие учебные заведения. В статье анализируется украинский и зарубежный опыт приема в вузы, освещаются вопросы организационного, управленческого, технологического и информационного обеспечения вступительных кампаний, определяются особенности проявления профессиональной ориентированности молодых людей во время их проведения, роль родителей в профессиональном выборе абитуриентов. В статье также затрагиваются проблемы результативности, эффективности и социальной справедливости приема в вузы. На основании проведенного исследования определены возможные социальные риски этого процесса, сформулированы рекомендации по их оптимизации.

Ключевые слова: высшее образование, вступительная кампания, абитуриент, высшие учебные заведения, внешнее независимое оценивание качества обучения.

Udovitskaya T. A. Savokhina M. V. Admission to higher educational establishments: management and optimization issues

Annotation. The article deals with the issues of organizing and managing the admission to educational establishments. The article analyzes Ukrainian and foreign experience of admission to higher educational establishments. Issues of organizational, managing, technological and information support in admissions process have been considered. Peculiarities of youth's demonstrating professional orientation while holding such admissions process have been determined, as well as parents' role in prospective students' professional choice. The article also deals with problems of performance, effectiveness and social justice during the process of admission to higher educational establishments. Based on the research undertaken, possible social risks of this process have been determined, recommendations on their optimization have been stated.

Key words: higher education, admissions process, prospective student, higher educational establishments, external independent testing of education quality.

Актуальність тези «вищий навчальний заклад починається з абітурієнта» не викладає сумніву. Але «траєкторії» руху абітурієнта до ВНЗ змінюються практично кожного року. Не будемо торкатися траєкторій формування профорієнтаційного вибору молоддю, які суттєво змінюються, у тому числі й під впливом ЗНО. Це повинно бути темою окремого обговорення і наукового дослідження. Звернімо увагу на проблеми управління прийомом до вищого навчального закладу, тенденції демократизації та певної автономізації якого простежуються досить виразно при всій його регламентованості. Як відомо, модернізаційні процеси, що динамічно відбуваються в системі вищої освіти, торкнулися і змін системи прийому до вищих навчальних закладів. Але кожна така зміна потребує певної управлінської діяльності шляхом реалізації адекватних соціально-управлінських технологій з метою оптимізації цього процесу і отримання щонайбільш якісного результату, а саме зарахування на навчання підготовлених, умотивованих абітурієнтів з дотриманням принципів соціальної справедливості, відкритості та певної автономності задля формування якісного та кількісного студентського контингенту (при цьому останнє, в умовах демографічної «ями» та інших проблем, превалює на першим). Безумовно, управління цим прийомом є частиною системи

управління у ВНЗ та й освіти в цілому. Тому керованість процесів прийому до вищих навчальних закладів потребує не тільки оптимізації практик, а й наукового осмислення і втілення певних технологій на рівні «освітнього менеджменту». Завданнями такої управлінської діяльності є, з одного боку, оптимальна організація і проведення вступної кампанії, з іншого, як вже було зазначено – максимального формування контингенту студентів. Крім цього, управлінські прорахунки в цьому процесі призводять не лише до проблем у самому навчальному закладі, але й викликають певний суспільний резонанс.

Ступінь досліджень проблеми у науковій літературі. Спираючись на дослідження з проблематики управління в освіті, можна стверджувати, що більшість підсистем вищої освіти достатньо вивчена з погляду оптимізації управління ними. У центрі уваги вчених-практиків традиційно опиняються проблеми управління навчальним і виховним процесами, якістю навчання, науково-дослідною діяльністю викладачів і студентів, вдосконалення управлінської роботи адміністрації навчального закладу та ін. Питання ж і проблеми управління прийомом до ВНЗ практично не досліджені. Разом із тим, вивчення організації та проведення вступних кампаній останніх років показує, що цей процес потребує певного теоретичного осмислення для вироблення оптимальних управлінських механізмів та їх практичної реалізації з метою вдосконалення системи прийому й зарахування до вищих навчальних закладів.

Мета даної статті – висвітлити питання та проблеми управління прийомом до вищих навчальних закладів, визначити можливі ризики цього процесу.

Завдання дослідження:

- проаналізувати особливості управлінського, організаційного та інформаційного забезпечення вступної кампанії;
- визначити можливі ризики в процесі проведення прийому до ВНЗ;
- обґрунтувати взаємозв'язок процесів оптимізації проведення вступної кампанії та якісного та кількісного формування студентського контингенту задля подальшої розробки практичних заходів щодо вдосконалення прийому до вищих навчальних закладів.

Управління процесом прийому до закладів вищої освіти є

механізмом, що забезпечує функціонування системи вищої освіти «на вході». Ефективні процедури прийому до ВНЗ є ключовими компонентами, що у подальшому забезпечують здатність вищого закладу втілювати свою місію та досягати поставленої мети, а в широкому контексті – здатність вищої освіти зробити внесок у національний розвиток й досягнення визначених соціальних цілей.

Окрім цього, оптимальне управління прийомом до ВНЗ дозволить уникнути певних ризиків: організаційних, інформаційних, ризиків деформації формування студентського контингенту, ризику фальстарту для молодих людей при виборі вищого навчального закладу, факультету та спеціальності навчання, ризику зниження престижу навчального закладу через прорахунки під час вступної кампанії, ризиків отримання адміністративної догани для керівників у разі порушення процедури прийому до ВНЗ.

Вирішенню цих завдань сприяють розроблені та впровадженні оптимальні соціальні технології прийому до вищих навчальних закладів, які можна віднести до організаційно-управлінських. При цьому вважається за необхідне визначити сутність поняття «соціальна технологія прийому до ВНЗ», яку можна визначити як послідовність етапів та дій організації та проведення вступної кампанії, направлених на формування якісного та кількісного, професійно-орієнтованого студентського контингенту на підставах доцільності та соціальної справедливості.

Нині в основному склалися механізми та соціальні технології управління прийомом до ВНЗ. Головним регламентуючим документом цього процесу є Умови прийому, що затверджуються відповідним міністерством. Але щорічні (а в деяких випадках, і під час вступної кампанії) зміни у цих Умовах актуалізують вироблення й реалізацію нових управлінських рішень, які не завжди ґрунтуються на наукових принципах і закономірностях управління.

Основними ж сферами, які підлягають управлінському впливу та застосуванню певних соціальних технологій у процесі проведення прийому до ВНЗ та вступної кампанії, є управління інформацією про порядок прийому до вищих навчальних закладів у цілому і до конкретного ВНЗ зокрема, організація документообігу та роботи

з Єдиною базою з питань освіти, робота з абітурієнтами та їх батьками з питань вибору спеціальності або напряму підготовки, участь в організації процедур вимірювання знань та рівня підготовленості абітурієнтів до навчання у вищому навчальному закладі за обраною спеціальністю (на етапі вибору абітурієнтами предметів ЗНО або в випадку необхідності в самому навчальному закладі). Виходячи з цього, можна виділити наступні соціальні технології прийому до ВНЗ: профорієнтаційні; інформаційні; організаційні; технології вимірювання рівня змістовної підготовленості абітурієнтів, які підпадають під управлінський вплив.

Так, питання обізнаності батьків та абітурієнтів про порядок вступу до ВНЗ в певному році залишаються актуальними аж до закінчення вступної кампанії. Задля запобігання суттєвих помилок при вибудуванні абітурієнтами та їх батьками стратегії вибору ВНЗ та спеціальності навчання приймальною комісією Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» започатковано акцію «Успішна вступна кампанія» в межах якої проведено багато зустрічей на спеціальних батьківських зборах за питань нового та особливого у вступній кампанії 2016 року. Така робота викликає значний інтерес не тільки у батьків, але й в управлінців системи освіти, які також зацікавлені у здійсненні професійних планів своїх вихованців.

Що стосується профорієнтаційних технологій, то вони активно реалізуються будь-яким вищим навчальним закладом протягом року. Проблема оптимізації та ефективності форм цієї роботи може бути предметом окремого дослідження. Заради справедливості необхідно відмітити, що при проведенні цієї роботи вищими навчальними закладами інколи йде підмінна поняття, коли під гаслом профорієнтаційної роботи проводять рекламу або популяризацію діяльності того або іншого вищого навчального закладу, що може викликати ризики професійної дезорієнтованості молодого людини. Але і в ході самої вступної кампанії в роботі з абітурієнтами виникає необхідність управління їх професійним вибором. Напевно, ця теза викличе деякі запитання, адже ВНЗ і приймальні комісії апріорі повинні вже мати справу з професійно-орієнтованими абітурієнтами. Але ж в умовах змін прийому до ВНЗ формування професійного вибору зазнає певної

деформації, коли в деяких випадках вибір спеціальності навчання залежить від конфігурації предметів і одержаних балів за результатами зовнішнього незалежного оцінювання якості освіти.

На підтвердження цього можна навести результати соціологічного дослідження «Відповідність системи вступу до ВНЗ на основі ЗНО соціальному попиту громадян», проведеного в листопаді 2009 – січні 2010 року [2, с. 52]. Так, за результатами проведеного дослідження, на час початку вступної кампанії близько 70–80% випускників мали чітку визначеність щодо питання вибору навчального закладу, факультету, спеціальності. Кількість тих, що не визначилися, не така й велика (30%), але в деяких випадках це призводить до проблем професійного вибору як у самих абітурієнтів, так і вносить проблеми формування студентського контингенту самих ВНЗ. Окрім цього, навіть у період вступу в певної частини молодих людей остаточно не сформувався професійний вибір. Це підтверджує аналіз «сценарію» подання документів під час вступу, який показав, що більша частина студентів вважала за необхідне подавати документи до кількох ВНЗ одночасно. Використавши різні сценарії подання документів до ВНЗ, 85 % студентів вступили до тих ВНЗ, куди вони бажали вступити. Серед опитаних студентів 47 % подавали документи до одного вищого навчального закладу на один факультет (спеціальність), 17 % – в один ВНЗ на різні факультети (спеціальності), 18 % – в кілька ВНЗ на подібні факультети (спеціальності), 18 % – в кілька ВНЗ на різні факультети (спеціальності). Саме остання цифра викликає занепокоєння, тому що певна частка абітурієнтів саме вже під час вступу так і не визначилась з обранням напрямом підготовки відповідно професійних мрій, здібностей, попередньої підготовки. В зв'язку з цим може виникнути ризик фальстарту в професійному виборі молодої людини, що в свою чергу приводить до нестабільності студентського контингенту (відрахування, переведення для навчання на інші спеціальності та ін.) та зниження мотивації у процесі навчання. Задля запобігання цього необхідно розширювати консультаційно-управлінську діяльність приймальних комісій щодо роз'яснювальної роботи з абітурієнтами. До цієї роботи мають залучатися і залучаються декани факультетів,

завідувачі кафедрами, провідні викладачі, а також випускники певного навчального закладу за відповідними спеціальностями.

Враховуючи цю проблему, в системі довузівської підготовки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» працює система ретельного знайомства абітурієнтів саме з майбутньою професією шляхом включення їх до професійно-орієнтованих заходів («Школа підприємництва», «Школа лідерства», конкурсів перекладів з іноземної мови, студентської наукової конференції та ін.), а не тільки підготовки їх до ЗНО, що в більшій мірі наявне на підготовчих курсах більшості ВНЗ. Крім того, майбутні студенти університету, а інколи і їх батьки, це повноправні учасники всіх «позааудиторних» заходів, що дозволяє залучити їх саме до освітнього середовища навчального закладу, яке є особливим у кожному ВНЗ. Досвід роботи за абітурієнтами у Харківському гуманітарному університеті «Народна українська академія» показує, що інколи саме така робота за абітурієнтами, більш уважна не тільки до їх загальноосвітньої підготовки та професійних уподобань, але і до особистісних характеристик, мрій про подальшу професійну та кар'єрну діяльність, творчих та інших (спортивних, наукових) досягнень, дозволяє забезпечувати не тільки кількісний прийом до цього ВНЗ, але і його якісну складову.

Своєрідним механізмом, який має й інформаційно-управлінський вплив, є функціонування програми «Конкурс», яка покликана забезпечити прозорість, гласність, демократичність процесу проведення конкурсу при зарахуванні до ВНЗ. Опосередковане управлінське застосування системи «Конкурс» полягає в її впливі на вибір абітурієнтом ВНЗ залежно від його професійної мотивації та рейтингового стану в умовах конкурсної ситуації. Під час зустрічей з абітурієнтами в приймальній комісії Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» з абітурієнтами та їх батьками проводяться практично-тренінгові заняття щодо використання потенціалу програми «Конкурс», яка дозволяє абітурієнтам за передніми роками зорієнтуватися не тільки у різноманітті вищих навчальних закладів, напрямів підготовки, але й у наявності

бюджетних та контрактних місць, середньому конкурсному балі, а також у конкурсі на певні спеціальності. Функціонування цієї системи є, на наш погляд, найбільш демократичною ланкою системи прийому до ВНЗ. Під час аналізу підсумків вступних кампаній адміністратори та керівники, які забезпечують функціонування цієї системи, підкреслюють значну кількість (в тисячах осіб, та десятків представництва країн) «заходів» на сторінки сайту www.vstup.info. При цьому, на сторінках програми також відображено й особисті досягнення абітурієнтів у предметах, які є конкурсними для вступу, що також дозволяє вчителям, що мають відношення до загальноосвітньої підготовки молоді бачити об'єктивні результати своєї праці.

Саме найбільш дослідженими серед процедур прийому до ВНЗ є технології вимірювання рівня змістовної («знанієвої») підготовленості абітурієнтів до навчання у ВНЗ за обраною спеціальністю. На цей час це вимірювання у більшості прийому на перший курс проводиться шляхом зовнішнього незалежного оцінювання якості освіти (ЗНО), вступних екзаменів для окремих категорій вступників та творчих конкурсів на окремі спеціальності. Зважаючи на широке розмаїття практик і процедур прийому, які наразі використовуються в світі, очевидно, що не існує однієї «правильної» системи прийому. Різні моделі прийому до ВНЗ апробуються у вигляді експериментів, що характерно і для вищих навчальних закладів України, коли практично кожного року змінюються умови участі абітурієнтів у конкурсному відборі щодо вступу у вищі навчальні заклади на підставі результатів ЗНО. За результатами досліджень, вступ до ВНЗ на основі ЗНО має досить високі характеристики якості відпрацьованих у світі критеріїв. Проте явищем, більш важливим за абсолютні значення цих характеристик, є їх динаміка, яка дозволяє оцінювати тенденції, прогрес (або регрес) у системі вступу до ВНЗ. З цією метою вкрай необхідно продовжувати ці дослідження і на їх основі створювати постійно діючу моніторингову систему оцінки якості вступу до ВНЗ на основі ЗНО, як це було здійснено у 2010 році [4].

Що стосується організаційних технологій прийому до ВНЗ, то вони чітко прописані у регламентуючих документах і ефективність їх реалізації залежить від управлінських рішень керівників кожного

вищого навчального закладу. Безумовно, істотної управлінської оптимізації потребує й робота приймальної комісії як головного «штабу» вступної кампанії. Тим більше, перед приймальними комісіями поставлене нове завдання, яке потребує певних нових управлінських технологій, а саме – організація роботи з абітурієнтами в умовах подання заяв щодо вступу в електронному вигляді. Безумовно, це значно зменшить паперове навантаження на робітників приймальних комісії, але «прямо пропорційно» віддалить абітурієнта від вищої школи, що іще більше ускладнить пошук «свого» студента для ВНЗ і «свого» вишу для молодої людини. При цьому, вже в регламентуючих документах щодо складу приймальних комісії закріплено певні демократичні тенденції, коли до її складу повинні бути включені не тільки представники громадськості, але і студентського самоврядування, а в засіданнях приймальних комісій, особливо на етапі зарахування до ВНЗ мають право брати участь представники ЗМІ. Такі кроки роблять прийом до вищих навчальних закладів не тільки прозорим, але й в звітній мірі демократичним, а також і більш відповідальними.

В кінцевому підсумку, система прийому до вищих навчальних закладів не є статичною. Зі зміною економічних та соціальних обставин і національних пріоритетів система прийому має розвиватися для того, щоб задовольняти потреби як вищої освіти та економіки, так само і соціальні й культурні потреби окремої особистості в придбанні якісної професійної підготовки за бажаною спеціальністю у бажаному навчальному закладі. Ці зміни зазвичай є поступовим, поетапним процесом, а не одночасною ревізією всіх процедур прийому. У деяких випадках головна мета цих змін – модифікувати або саму систему, або деякі її складові. Цілі цих реформ також мають і загальносоціальне навантаження: від підвищення об'єктивності та справедливості при прийомі до ВНЗ до зменшення рівня корупції й кращого задоволення потреб ринку праці у фахівцях. Це сприятиме регулюванню кількості студентів, які вступають до системи вищої освіти, і як наслідок ефективно регулює кількість випускників із дипломами, які вливаються до ринку праці. В ході вступних кампаній відповідні державні органи також можуть здійснювати стратегічне регулювання

критеріїв для забезпечення адекватної кількості випускників у галузях, які є особливо пріоритетними з інших стратегічних або соціальних міркувань (наприклад, медицина, технологія тощо).

Крім того, якісне вирішення основних завдань цієї управлінської системи і системи вищої освіти в цілому буде неможливо, якщо будуть зроблені значні прорахунки в системі прийому до ВЗН, що має наслідки не тільки щодо якісної підготовки фахівців, але і наслідки, які лежать в площині соціальної справедливості.

Прийом до ВЗН є складним, багатогранним, тривалим процесом, і, як будь-який процес, він потребує оптимізації управління на науковій основі.

Список літератури

1. Брюховецький В. Дослідження ефективності реорганізаційних кроків у процедурі вступу до ВЗН України на прикладі Києво-Могилянської академії / В. Брюховецький // Вища освіта. – 2011. – № 7-8. – С. 38–51
2. Відповідність системи вступу до ВЗН на основі ЗНО соціальному попиту громадян // Вісник ТІМО. – 2010. – № 2-4. – С. 47–96.
3. Дослідження якості конкурсного відбору студентів вищих навчальних закладів за результатами зовнішнього незалежного оцінювання: аналітичні матеріали. – Київ : Нора-Друк. – 2015. – 157 с.
4. Моніторинг якості системи вступу до ВЗН як необхідна умова її вдосконалення // Вісник ТІМО. – 2010. – № 2-4. – С. 2–4
5. Робін Матросс Гельмс. Прийом до університетів: світовий досвід / Робін Матросс Гельмс // Вісник ТІМО. – 2010. – № 2-4. – С. 40–48
6. Сидоренко О. Л. Удосконалення процесу вступу до вищих навчальних закладів як пріоритетний напрям освітньої політики в Україні / О.Л. Сидоренко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Випуск 16. – Харків : Вид-во ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – С. 649-653.
7. Учитися, учитися, учитися: вивчення світового досвіду вступу до вищих навчальних закладів як чинник ефективного розвитку системи освіти в Україні [Електронний ресурс] // Вісник ТІМО. – 2012. – № 1-2. – С. 2-10. – Режим доступу: http://timo.com.ua/sites/default/files/materials/1-2_2012.pdf – Назва з екрана.

References

1. Brjuhoveckij V. Doslidzhennja efektyvnosti reorganizacijnih krokiv u proceduri vstupu do VNZ Ukraïni na prikladï Kievo-mogiljans'koï akademii // Vishha osvita. – 2011. – № 7-8. – S. 38–51
2. Vidpovidnist sistemi vstupu do VNZ na osnovi ZNO social'nomu popitu gromadjan // Visnik TIMO. – 2010. – № 2-4. – S. 47–96.
3. Doslidzhennja jakosti konkursnogo vidboru studentiv vishhïh navchalnih zakladiv za rezultatmi zovnishnogo nezalezhnogo ocinjuvannja: analitichni materiali. – Kiïv: Nora-Druk. – 2015. – 157 s.
4. Monitoring jakosti sistemi vstupu do VNZ jak neobhidna umova vdoskonalennja // Visnik TIMO. – 2010. – № 2-4. – S. 2–4
5. Robin Matross Gelms Prijom do universitetiv: // Visnik TIMO. – 2010. – № 5-13. – S. 5–13
6. Sidorenko O. L. Udoskonalennja procesu vstupu do vishhïh navchalnih zakladiv jak prioritetnij naprjam osvïtnoi politiki v Ukraïni / O.L. Sidorenko // Metodologija, teoriya ta praktika sociologichnogo analizu suchasnogo suspilstva: Zbirnik naukovih prac. – Vipusk 16. – H. : HNU imeni V. N. Karazina. – 2010. – S. 649–653.
7. Uchitisya, uchitisya, uchitisya: vivchennya svitovogo dosvidu vstupu do vischïh navchalnih zakladiv yak chinnik efektyvnogo rozvitku sistemi osviti v Ukraïni // Visnik TIMO. – 2012. – № 1-2. – S. 2-10 [Electronic resource]. – Mode of access: http://timo.com.ua/sites/default/files/materials/1-2_2012.pdf.

УДК 371.67/.69:81'243

В. В. Харченко

ВИКОРИСТАННЯ ЄВРОПЕЙСЬКОГО МОВНОГО ПОРТФОЛІО ДЛЯ ПІДВИЩЕННЯ МОТИВАЦІЇ УЧНІВ У ВИВЧЕННІ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ

Анотація. На сьогодні приділяється значна увага використанню компетентнісного підходу у навчальній діяльності. Саме європейське мовне портфоліо, яке складається з трьох основних компонентів – Мовний паспорт, Мовна біографія, Досьє – і є тим методом, який створює унікальні передумови для розвитку ключових компетенцій у школярів. Основна мета портфоліо – створення мотивації навчальної діяльності, розвиток об'єктивної самооцінки творчих здібностей, уміння самостійно конструювати свої знання, орієнтуватися в інформаційному просторі та планувати свою діяльність.

Ключові слова: компетентнісний підхід, європейське мовне портфоліо, Мовний паспорт, Мовна біографія, Досьє, мотивація, об'єктивна самооцінка, самореалізація, самокритика.

Харченко В. В. Использование европейского языкового портфолио для повышения мотивации учащихся в изучении иностранного языка

Аннотация. Сегодня уделяется большое внимание использованию компетентностного подхода в учебной деятельности. Именно европейское языковое портфолио, состоящее из трех основных компонентов – Языковой паспорт, Языковая биография, Досье – и является тем методом, который создает уникальные предпосылки для развития ключевых компетенций у школьников. Основная цель портфолио – создание мотивации учебной деятельности, развитие объективной самооценки творческих способностей, умения самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве и планировать свою деятельность.

Ключевые слова: компетентностный подход, европейское языковое портфолио, Языковой паспорт, Языковая биография, Досье, мотивация, объективная самооценка, самореализация, самокритика.

Kharchenko V. V. Using the European language portfolio for increasing students' motivation to learn a foreign language

Annotation. Today much attention is paid to the use of a competency-based

approach in teaching. The European Language Portfolio consisting of three main components – Language Passport, Language Biography, Dossier – is just the very method that creates unique conditions for the development of students' key competencies. Its main objective is to create a motivation of the learning process, to develop the objective self-rating of creative abilities, to have the ability of improving the knowledge independently, to be aware of the today's rich information and plan the further work.

Key words: a competency-based approach, the European language portfolio, Language passport, Language biography, Dossier, motivation, objective self-rating, self-actualization, self criticism.

Україна зараз прагне інтегруватися до європейського та світового освітнього простору, де головним чинником є формування компетентностей у школярів. Навчити сучасну людину відразу усьому неможливо. Однак вона, перш за все, повинна вміти швидко пристосовуватися до мінливих життєвих ситуацій, критично мислити, використовувати набуті знання та навички у реальному житті, а також бути здатною генерувати нові ідеї, знаходити нестандартні рішення, творчо мислити, вміти знаходити й аналізувати інформацію, одержану з різних джерел, застосовувати її для особистого розвитку та самовдосконалення.

У наш час школярі мають широкі можливості: участь у різноманітних міжнародних учнівських освітніх проектах, зустрічі та спілкування з іноземцями у соціальних мережах, перегляд улюблених іноземних фільмів англійською мовою тощо. Таким чином, в учнів з'являються мотиви, і щонайголовніше, потреба у вивченні іноземної мови. Завдання вчителя – підтримати такі прагнення, не допустити зниження інтересу учнів до самого процесу навчання, заохотити їх до самостійного пошуку.

Підвищувати зацікавлення і мотивацію до вивчення англійської мови покликані системи інтерактивних та особистісно зорієнтованих педагогічних технологій, зокрема і метод мовного портфоліо, який створює унікальні передумови для розвитку ключових компетенцій у школярів. Використання європейського мовного портфоліо – пакету документів, за допомогою якого учні фіксують свої досягнення і досвід у вивченні іноземних мов, – дозволяє зробити процес навчання

іноземної мови більш прозорим для школярів. Це допомагає їм розвивати здатність до самооцінювання, самоаналізу, самокритики, самодисципліни та самовираження, а також поступово збільшувати усвідомлення відповідальності за власне навчання.

Мовне портфоліо (“English language portfolio”), розроблене Лінгвістичним комітетом Ради Європи з метою стандартизації вимог до вивчення, викладання й оцінювання досягнень у галузі вивчення іноземних мов громадянами європейських країн, було презентовано в Україні у 2003 році після опрацювання у 15-ти країнах Європейського Союзу.

Завдання мовного портфоліо – навчити школярів вивчати мови самостійно протягом усього життя, реально оцінювати власний рівень володіння мовними навичками.

Загальноєвропейські рекомендації з мовної освіти пропонують три обов’язкових компоненти мовного портфоліо:

- мовний паспорт;
- мовну біографію;
- досьє.

Першим компонентом мовного портфоліо є **мовний паспорт (“Language passport”)**, який містить фото, анкетні дані учня, особисту інформацію, критерії оцінювання навчальних досягнень учнів, власну оцінку володіння іноземною мовою відповідно до основних рівнів володіння іноземною мовою, визначених загальноєвропейськими рекомендаціями з мовної освіти – *A, B, C*. Рівні визначаються за основними видами мовленнєвої діяльності:

- аудіювання;
- читання;
- говоріння (монолог як форма продуктивного говоріння або полілог як інтерактивне говоріння);
- письмо як окремий продуктивний вид мовленнєвої діяльності.

Наступним обов’язковим компонентом мовного портфоліо є **мовна біографія (“Language biography”)**. Вона має важливе значення, бо встановлює взаємозв’язок між мовним паспортом і досьє та відображає рівні володіння мовою, досягнуті учнями у певний період

навчання. Варто зупинитися на таких важливих елементах мовної біографії, як:

1) аркуш самоосвіти, який дає учням можливість вибору теми самоосвітньої діяльності згідно з їхніми інтересами, рівнем оволодіння іноземною мовою, тобто є особистісно зорієнтованим. Це можуть бути біографії кумирів, сучасні пісні англійською мовою та їх переклад, кулінарні рецепти, дієти здорового харчування тощо;

2) спеціальні графіки – графік оцінки досягнень учнів вчителем і графік самооцінки, – які заповнюються різними кольорами. Це є ефективним засобом самоконтролю та батьківського контролю. За графіком легко проводити моніторинг росту, стабільності чи спаду знань учня. Він є ефективним чинником розвитку самоаналізу та оцінки школярем власних досягнень.

Третім компонентом мовного портфоліо є **мовне досьє** (“**Dossier**”) – зібрання усіх виконаних робіт, які учень вважає цінними для себе і які відображають його досягнення та свідчать про рівні володіння ним тим чи іншим видом мовленнєвої діяльності: контрольні роботи, листи іноземною мовою, творчі завдання, результати проектної діяльності, доповіді, а також дипломи, сертифікати, свідоцтва. Збирати матеріали можна протягом одного року або впродовж усіх років навчання. Учень також може зберігати у своєму досьє аудіо або відеозаписи, які відображають його успіхи в усному мовленні.

Отже, учнівське мовне портфоліо допомагає школярам проаналізувати результати своєї діяльності, визначати шляхи досягнення вищих результатів, знаходити способи подолання труднощів. Крім цього, воно дає змогу вчителю простежити зростання рівня знань школярів на всіх етапах навчання та за потребою вносити зміни відповідно до рівня учнів.

Оксана Карп’юк, національний координатор європейського мовного портфоліо, пропонує напрацьовані шляхи впровадження мовного портфоліо до іншомовної практики, і презентує їх у *«Стратегії шести кроків»*

«Стратегія шести кроків»

Крок 1. Формування навичок рефлексії. Спонукаати учнів до роздумів:

- Яким учнем щодо вивчення мови я є? (Позитивні та негативні риси.)

- Яким є моє учіння? (Я вивчив, я можу, я не впорався, я не розумію...)

- Якими є мої уроки? (Найбільше подобаються, найцікавіші, не подобаються, найнуднішим є...)

- Що я можу проявити іноземною мовою в середовищі носіїв мови? (Думати позитивно, починаючи з твердження «Я можу...».)

Крок 2. Знайомство з Європейським мовним портфоліо (ЄМП).

Ознайомити учнів із завданнями і функціями ЄМП, використовуючи:

- презентацію компонентів;

- підкреслення цінності європейських рівневих шкал;

- показ зразка ЄМП і способу зазначення прогресу.

- понукати учнів до:

- роздумів про те, в яких ситуаціях можна продемонструвати

ЄМП;

- співставлення своїх умінь із дескрипторами Загальноєвропейської стандартизованої шкали самооцінки;

- обміну ідеями про те, як покращити своє навчання з іноземної мови.

Крок 3. Формування навичок постановки цілей за допомогою дескрипторів. Навчати учнів:

- співставляти рівні й дескриптори із навчальними матеріалами;

- формулювати цілі за допомогою дескрипторів «Я можу»;

- застосовувати дескриптори до підручника;

- використовувати дескриптори для визначення навчальних цілей усієї групи;

- використовувати дескриптори для підсумку досягнень і визначення індивідуальних навчальних цілей.

Крок 4. Формування навичок і розвиток умінь планування учнями власної навчальної діяльності. Заохотити учнів до:

- роздумів над різними видами навчальної діяльності з іноземної мови;

- аргументованого вибору ефективних видів навчальної діяльності;

- створення власних навчальних матеріалів у парах, групах, індивідуально;
- співвідносити види діяльності з уміннями, описаними в дескрипторах;
- регулярно поповнювати створений банк видів навчальної діяльності.

Крок 5. Поступове впровадження самооцінювання. Навчати учнів оцінювати:

- свою роботу в парах із послідуочим коментарем учителя;
- роботу один одного усно в парах;
- свою роботу індивідуально у розмові з учителем про свої досягнення;
- свою роботу у вигляді письмових рефлексивних заміток про те, чим і як добре вони оволоділи із наступним письмовим коментарем учителя;
- письмову роботу один одного в парах із виправленнями перед послідуочим оцінюванням робіт;
- у групі скласти список критеріїв оцінювання якості виконання того чи іншого завдання;
- спостерігати й розмірковувати над попереднім власним учінням і прогресом у досягненні вміння, описаного в дескрипторі;
- регулярно вдаватися до короткого самооцінювання.

Крок 6. Підтримка учнівської роботи з ЄМП. Заохочувати учнів до:

- класних та групових дискусій про краще використання ЄМП;
- інтерв'ю з тими учнями, які успішно використовують ЄМП;
- виготовлення постерів із найкращими ідеями і пропозиціями;
- міжнародних контактів і міжкультурних проєктів та відображення цього досвіду в ЄМП;
- створення виставок з матеріалів учнівських ЄМП;
- підготовки проєктів з представлення результатів свого навчання;
- перетворення ЄМП на об'єкт власної проєктної роботи і її презентації перед громадськістю (учнями інших класів, учителями, батьками тощо)» [2, с. 8–9].

Враховуючи вищезазначене, роботу було вирішено розпочати саме з 1 кроку – формування навичок рефлексії (відображення). Адже вони

допомагають не тільки закріпити, відкоригувати дії, а й спроектувати майбутню діяльність. Тому учням 7 класу наприкінці 1 семестру було запропоновано заповнити карту для стимуляції рефлексії:

	Про мого учіння	Про уроки
+	Я вивчив.... Я можу..... Мені добре вдається.....	Мені найбільше подобається.. Найцікавішим є...
–	Я не впорався... Я не розумію... У мене труднощі...	Мені не подобається... Найважчим є...

Проаналізувавши результати, було зроблено висновок, що 70% учнів мають труднощі з аудіюванням, а загалом 95% усіх учнів хотіли би або підвищити свій рівень сприймання на слух іноземної мови, або набути навички аудіювання шляхом прослуховування англійських пісень. Таким чином, результати було використано як точка опори для подальшого планування вчителем навчального процесу. З метою вдосконалення учнівських навичок з аудіювання на уроках часто використовувалися англійські пісні з подальшим виконанням різноманітних завдань для перевірки розуміння змісту пісенного твору.

Слід відзначити, що це мало також позитивний вплив на учнівську мотивацію. Школярі виявили значне зацікавлення до цього виду роботи. Адже, з одного боку, вони могли слухати свої улюблені пісні закордонних співаків і розуміти їх, а з іншого боку, покращувати знання лексики, граматики та навички аудіювання.

У роботі з європейським мовним портфоліо одним з найголовніших моментів є навчити учнів визначати свої навчальні цілі, користуючись дескрипторами таблиці для самооцінювання, та вміти застосовувати їх у роботі з підручником. Таким чином, було розроблено наступну стратегію: разом з учнями обговорити план роботи на 1 семестр і, користуючись шкалою самооцінювання, визначити цілі (завдання), які вони повинні досягти на кінець I семестру після завершення

вивчення таких тематик ситуативного спілкування як “*Music*”, “*My lifestyle*”, “*Ukraine (geography and climate)*” з кожного виду мовленнєвої діяльності – читання, письмо, аудіювання та говоріння (діалогічне та монологічне мовлення) і, щонайголовніше, сформулювати їх твердженнями типу «*Я можу...*» (“*I can*”). Потім у процесі навчального процесу вони фіксують свій прогрес у досягненні поставленої раніше мети у Мовній біографії. Це значно полегшило визначення того, чого вони навчилися протягом певного часу та те, над чим їм ще треба попрацювати. Стосовно поєднання європейського мовного портфолію з підручником, то було вирішено використати такий метод: перед початком роботи з новим розділом підручника ретельно переглянути його і визначити його основний контент (це ознайомлення з певними граматичними явищами, фонетичним матеріалом та відповідним лексичним матеріалом), поставити цілі і завдання. Після завершення роботи над розділом, учні підводять підсумки і визначають для себе те, що вдалося, і те, над чим треба ще працювати. Варто відзначити, що учні не можуть однаково досягати поставлених цілей. Адже у цьому випадку слід враховувати їх індивідуальні особливості, різний темп у засвоєнні матеріалу та досягненні поставленої мети. Одному учневі потрібен ще деякий час, щоб надолужити та краще засвоїти матеріал, а інший вміє планувати свій час.

Отже, можна стверджувати, що європейське мовне портфолію підвищує мотивацію учнів, їхню відповідальність за результати навчального процесу, сприяє розвитку свідомого ставлення до процесу навчання та його результатів. Так, школярі можуть самостійно порівнювати свій рівень знань у різних класах, свої інтереси у різному віці, пригадати вивчений раніше матеріал.

Список літератури

1. Методика навчання іноземних мов у загальноосвітніх навчальних закладах : підручник / [Л. С. Панова та ін.] – Київ : ВЦ «Академія», 2010. – 328 с.
2. Карп'юк О. Д. Європейське мовне портфолію : метод. видання / О. Д. Карп'юк. – Тернопіль, Лібра Терра. – 112 с.
3. Заболотна Т. Використання інноваційних методів як запорука ефективності навчання іноземної мови / Т. Заболотна, С. Танана //

Гуманітарний вісник Держ. вищ. навч. закл. «Переяслав-Хмельницький держ. пед. ун-т ім. Г. Сковороди». Педагогіка. Психологія. Філософія : зб. наук. праць / М-во освіти і науки, молоді та спорту України, Держ. вищ. навч. закл. «Переяслав-Хмельницький держ. пед. ун-т ім. Г. Сковороди». – Переяслав-Хмельницький, 2012. – Вип. 24. – С. 100–103.

4. The European Language Portfolio (ELP) [Електронний ресурс] / Council of Europe. – Електрон. дані. – 2016. – Режим доступу: <http://www.coe.int/t/dg4/education/elp/> (дата звернення: 21.11.2016). – Назва з тит. екрана. – Англ.

5. Хоменко Т. Ф. Впровадження мовного портфоліо для підвищення мотивації вивчення іноземної мови [Електронний ресурс] / Тетяна Федорівна Хоменко // Освіта.уа. – 12 березня. – Режим доступу: http://osvita.ua/school/lessons_summary/edu_technology/28165 (дата звернення: 18.11.2016).

References

1. Metodyka navchannia inozemnykh mov u zahalnoosvitnikh navchalnykh zakladakh : pidruchnyk / [L. S. Panova ta in.] – Kyiv : VTs «Akademii», 2010. – 328s.

2. Karpiuk O. D. Yevropeiske movne portfolio : metod. vydannia / O. D. Karpiuk. – Ternopil, Libra Terra. – 112 s.

3. Zabolotna T. Vykorystannia innovatsiinykh metodiv yak zaporuka efektyvnosti navchannia inozemnoi movy / T. Zabolotna, S. Tanana // Humanitarnyi visnyk Derzh. vyshch. navch. zakl. «Pereiaslav-Khmelnyskyi derzh. ped. un-t im. H. Skovorody». Pedagogika. Psykholohiia. Filosofiia : zb. nauk. prats / M-vo osvity i nauky, molodi ta sportu Ukrainy, Derzh. vyshch. navch. zakl. «Pereiaslav-Khmelnyskyi derzh. ped. un-t im. H. Skovorody». – Pereiaslav-Khmelnyskyi, 2012. – Vyp. 24. – S. 100–103.

4. The European Language Portfolio (ELP) [Electronic resource] / Council of Europe. – Elektron. dani. – 2016. Mode of access: <http://www.coe.int/t/dg4/education/elp/> (data zvernennia: 21.11.2016).

5. Khomenko T. F. Vprovadzhenia movnoho portfolio dlia pidvyshchennia motyvatsii vyvchennia inozemnoi movy [Electronic resource] / Tetiana Fedorivna Khomenko // Osvita.ua. – 12 bereznia. – Mode of access: http://osvita.ua/school/lessons_summary/edu_technology/28165 (18.11.2016).

Е. І. Цибульська

ІНСТИТУЦІЙНІ УМОВИ ФОРМУВАННЯ ЕКОНОМІКИ ЗНАНЬ В УКРАЇНІ

Анотація. Дається аналіз динаміки індексу економіки знань України та провідних країн світу. Обґрунтовується системоутворююча роль інститутів генерації знань в інституційному каркасі країни в постіндустріальній економіці. Розглядаються заходи щодо вдосконалення інституційного режиму економіки знань. Робиться висновок про створення механізму правового захисту інтелектуальної власності в Україні.

Показано, що формування національної інноваційної системи, адекватної епосі економіки знань має ґрунтуватися на створенні нового класу інститутів – інститутів генерації знань, що є базовим елементом такої системи. Робиться висновок про необхідність забезпечення з боку держави механізму фінансової підтримки розвитку мережі інститутів генерації знань для підвищення національної конкурентоспроможності.

Доведено, що інституційне регулювання процесів формування економіки знань в Україні проводиться неефективно, через неоптимальну щільність інституційного середовища та інституційних пасток. Аргументується висновок про побудову державної економічної політики в інноваційній та інтелектуальній сферах на основі заходів щодо вдосконалення інституційних умов формування економіки знань в Україні.

Ключевые слова: індекс економіки знань, інтелектуальний капітал, інституційні умови, інститут генерації знань, правовий захист інтелектуальної власності.

Цибульская Э. И. Институциональные условия формирования экономики знаний в Украине

Аннотация. Дается анализ динамики индекса экономики знаний Украины и ведущих стран мира. Обосновывается системообразующая роль институтов генерации знаний в институциональном каркасе страны в постиндустриальной экономике. Рассматриваются меры по совершенствованию институционального режима экономики знаний. Делается вывод о создании механизма правовой защиты интеллектуальной собственности в Украине.

Показано, что формирование национальной инновационной системы, адекватной эпохе экономики знаний должна основываться на создании нового

класа інститутів – інститутів генерації знань, являючихся базовим елементом такої системи. Делается вывод о необходимости обеспечения со стороны государства механизма финансовой поддержки развития сети институтов генерации знаний для повышения национальной конкурентоспособности.

Доказано, что институциональное регулирование процессов формирования экономики знаний в Украине проводится неэффективно из-за неоптимальной плотности институциональной среды и институциональных ловушек. Аргументируется вывод о построении государственной экономической политики в инновационной и интеллектуальной сферах на основе мероприятий по совершенствованию институциональных условий формирования экономики знаний в Украине.

Ключевые слова: индекс экономики знаний, интеллектуальный капитал, институциональные условия, институт генерации знаний, правовая защита интеллектуальной собственности.

Tsybulska E. Institutional formation conditions knowledge economy

Annotation. The analysis of the dynamics of Ukraine's and the leading countries Knowledge Economy Index is given. The system-forming role of the institutions of knowledge generation in the institutional framework of the country in the post-industrial economy is argued. The measures to improve the institutional regime of the knowledge economy are considered. The conclusion about the creation of legal protection mechanism of intellectual property rights in Ukraine is made.

Key words: Knowledge Economy Index, intellectual capital, institutional conditions, institute of knowledge generation, legal protection of intellectual property.

Сучасний етап соціально-економічного розвитку світового господарства знаменується формуванням економіки знань, і характеризується наукоміскістю, зростанням інвестицій в наукові дослідження, всебічною інтелектуалізацією суспільного виробництва. Вирішальну роль в ньому відіграють інтелектуальні ресурси. Загальновизнаною стала думка про те, що сьогодні лише через знання можна створити й розвивати конкурентоспроможну економіку, здатну

забезпечувати сучасний рівень життя населення. В даний час знання відіграють домінуючу і визначальну роль в сучасному виробництві, стають важливою перевагою держав, регіонів, галузей і підприємств в конкурентній боротьбі. Інтелектуальні фонди все частіше витісняють фізичні і фінансові фонди в якості основних факторів виробництва. В даний момент в світі йде жорстка боротьба за найважливіші ресурси, перш за все, це невідтворювані сировинні ресурси, запаси яких обмежені, відтворювані технологічні та інтелектуальні ресурси, від яких залежить сучасна конкурентоспроможність національної економіки [1]. Дж. Гелбрейт, автор інституційної теорії корпорацій, вважає, що долар, який вкладений в інтелект людини, породжує більший приріст національного доходу, ніж долар, вкладений в інфраструктуру і виробничі фонди [2].

Тисячі публікацій, у яких досліджуються різні аспекти економіки знань, сотні конференцій по всьому світу, присвячених цьому питанню, свідчать про те, що окреслена проблематика є актуальною. Певний внесок у дослідження економіки знань, уточнення трактування окремих положень і понять зробили українські вчені Ю. Бажал [3], В. Геєць [4–6], Л. Мусіна [7], Л. Федулова [8], А. Чухно [9] та ін.

Економіка знань дає не тільки зростання ефективності виробництва, а й ставить нові проблеми і завдання, які необхідно вирішувати при вибудовуванні економічної політики держави. Грамотну економічну політику можна сформувати при розумінні механізмів розвитку економіки знань. Сьогодні перед Україною з метою підвищення її конкурентоспроможності стоїть завдання формування сприятливих умов для розвитку економіки знань. Основним гальмом формування є відсутність адекватно розвиненого інституційного середовища (табл. 1).

Із табл. 1 видно, що середній показник ІЕЗ по світу за останні роки знаходиться в межах від 5 до 6. Лідером серед країн є Швеція, індекс економіки знань 9,51 у 2009 р. і 9,43 в 2012 р. Український індекс економіки знань (6,00 – в 2009 р. і 5,73 – в 2012 р.) приблизно дорівнює середньому загальносвітовому показнику. Але якщо розглянути складові українського індексу, то видно, що його більш за все гальмує

Таблиця 1

Динаміка індексу економіки знань в Україні та провідних країнах світу за 2009–2012рр. [10]

Індекс економіки знань і його складові 2009 рік					
Країна	Індекс економіки знань (ІЕЗ)	Інституційно-нальний режим економіки	Інновації	Освіта	Інформаційна інфраструктура
Швеція	9,51	9,33	9,76	9,29	9,66
США	9,02	9,04	9,47	8,74	8,83
Германія	8,96	9,06	8,94	8,36	9,47
Тайвань	8,45	7,42	9,27	7,91	9,13
Корея	7,82	6,00	8,60	8,09	8,60
Чехія	7,97	8,17	7,78	8,23	7,70
Україна	6,00	4,27	5,83	8,15	5,77
Росія	5,5	1,76	6,88	7,19	6,38
Бразилія	5,66	4,31	6,19	6,02	6,13
Мексика	5,33	5,06	5,82	4,88	5,56
Китай	4,47	3,90	5,44	4,20	4,33
Індекс економіки знань і його складові 2012 рік					
Країна	Індекс економіки знань (ІЕЗ)	Інституційно-нальний режим економіки	Інновації	Освіта	Інформаційна інфраструктура
Швеція	9,43	9,58	9,74	8,92	9,49
США	8,77	8,41	9,46	8,70	8,51
Германія	8,90	9,10	9,11	8,20	9,17
Тайвань	8,77	7,77	9,38	8,87	9,06
Естонія	8,40	8,81	7,75	8,60	8,44
Чехія	8,14	8,53	7,90	8,15	7,96
Росія	5,78	2,23	6,93	6,79	7,16
Індекс економіки знань і його складові 2012 рік					
Країна	Індекс економіки знань (ІЕЗ)	Інституційно-нальний режим економіки	Інновації	Освіта	Інформаційна інфраструктура
Україна	5,73	3,95	5,76	8,26	4,96
Бразилія	5,58	4,17	6,31	5,61	6,24
Мексика	5,07	4,88	5,59	5,16	4,65
Китай	4,37	3,79	5,99	3,93	3,79

така його складова як інституціональний режим економіки. Так в 2009 р. цей показник складав 4,27, а в 2012 р. вже 3,95, що майже в 1,5 рази нижче від середнього загальносвітового показника цього субіндексу.

Отже, зроблених зусиль зі створення економіки знань в Україні або недостатньо, або вони не мають належного ефекту. Для того щоб за індексом економіки знань Україні наблизитися до розвинених країн, повинні відбутися кардинальні зміни у використанні результатів інтелектуальної діяльності на практиці і створенні економічних інститутів, здатних ефективно використовувати існуючі і створювати нові знання

Мета дослідження – пошук напрямків вдосконалення інституційних умов формування економіки знань в Україні.

Процес інституціоналізації, або створення і розвитку суспільних інститутів, прискорює процеси виробництва нового знання, а, отже, і збільшує обсяг інтелектуального капіталу в суспільстві. Саме на громадські інститути покладено функцію з трансформації інтелектуального капіталу в основний фактор економіки знань. Громадських інститутів, що забезпечують процес формування і відтворення інтелектуального капіталу багато. Виходячи з структурно-системного підходу до аналізу соціально-економічної системи в рамках інституціональної матриці, за сферами діяльності можна виділити наступні інститути, що впливають на формування і розвиток інтелектуального капіталу: соціальна сфера (інститут сім'ї, інститут освіти); економічна сфера (інститут власності, інститут підприємництва, інститут фінансового ринку); політико-ідеологічна сфера (інститут влади, інститут адміністрування); духовна сфера: інститут науки, інститут культури.

В економічній літературі немає єдиної думки з питання ієрархічної структури інституційного середовища, що забезпечує формування та відтворення інтелектуального капіталу, який складає основу економіки знань. Так А. О. Скворцов вважає, що інститут інтелектуальної власності є ядром інституційного середовища формування інтелектуального капіталу, все ж інші інститути, такі як інститут освіти, інститут науки, інститут інновацій, виконують роль інституційної інфраструктури, що створює умови економічної діяльності в інтелектуальній сфері [1]. У М. І. Куянцева з даного питання інша точка зору: «Системоутво-

рюючим інститутом економіки знань, що формується є національна інноваційна система, а інші інститути (податкового пільгування, інноваційної діяльності, державного фінансування фундаментальної науки та освіти), створювані інститути-організації (технопарки, бізнес-інкубатори та ін.), інститути інформаційної системи, мережевої взаємодії та інтелектуальної власності виступають в якості інституційного оточення» [12]. Ряд авторів вважають, що, коли мова заходить про інституційне середовище формування і відтворення інтелектуального капіталу, неможливо визначитися з інститутами першого і другого порядку, все інститути важливі, і саме їх сукупність в цілому і утворює національну інноваційну систему [13]. Процесам генерування і поширення інновацій в господарській практиці об'єктивно передують процеси генерації знань, що здійснюються в рамках відповідних інститутів.

На думку автора, в структурі національної інноваційної системи роль системоутворюючих інститутів виконують інститути генерації знань [14, с. 275]. Від того, які знання і як генерують ці інститути, як здійснюють їх трансферт, на яких умовах, залежить результативність і перспективність інноваційної діяльності тих суб'єктів, які використовують ці знання - фірм, організацій, державних структур, індивідів..

Основним напрямком розвитку, що сприяє формуванню економіки знань і підвищення агрегованого індексу економіки знань, повинні стати заходи, спрямовані на вдосконалення інституційного режиму економіки знань в Україні. Основними напрямками реалізації відповідних заходів, на нашу думку, повинні стати: підвищення рівня правової забезпеченості в інтелектуальній сфері, реалізація економічної політики держави, спрямованої на стимулювання розвитку інноваційного бізнесу, підтримка високого рівня конкуренції в економіці в цілому і в інноваційному секторі, підвищення рівня фінансової забезпеченості економічних суб'єктів в інтелектуальній сфері, підвищення рівня інноваційної сприйнятливості виробників.

Удосконалення інституційних умов формування економіки знань в Україні, на наш погляд, може здійснюватися в результаті реалізації таких заходів:

- підвищення якості правового захисту в сфері відтворення

інтелектуального капіталу, що забезпечує захист інтересів в сфері виробництва нових знань; вдосконалення існуючих і створення нових правових норм, спрямованих на стимулювання інноваційної діяльності організацій.

– забезпечення доступу приватного капіталу в інноваційну сферу за допомогою проведення тендерів та надання на конкурсній основі прав на об'єкти інтелектуальної власності, створені в фінансуються державою інститутах виробництва знань, що фінансуються державою.

– стимулювання розвитку вітчизняної науки за допомогою збільшення фінансування фундаментальних досліджень (переважно за рахунок державних коштів), створення галузевих центрів прикладних досліджень, збільшення фінансових можливостей гарантійних фондів і фондів підтримки інновацій в цілях стимулювання зростання витрат приватного сектора на інновації; забезпечення науки дослідниками за допомогою вдосконалення існуючого кадрового забезпечення науки, створення системи пошуку талантів і підготовки фахівців від загальноосвітніх установ до профільних науково-дослідних інститутів.

– формування пропозиції інновацій на ринку; підвищення здатності виробництва впроваджувати нові технології, за допомогою створення інститутів розвитку, які забезпечують освоєння знань, – створення достатньої кількості ефективно функціонуючих інноваційних територіальних кластерів, технопарків, центрів впровадження розробок на первинному етапі, бізнес-інкубаторів та структур, що забезпечують трансфер технологій від наукових організацій до виробничих; розширення фінансування у формі грантів виключно в області прикладних досліджень і дослідного виробництва.

– забезпечення попиту на інновації; підвищення рівня сприйнятливості підприємницького сектора економіки до інновацій, знаходження механізмів взаємодії науки і виробництва з використанням інституту державних закупівель та державно-приватного партнерства.

– стимулювання розвитку приватного інноваційного бізнесу на основі державно-приватного партнерства з поступовою передачею власності від держави до приватних структур, для забезпечення досконалої конкурентного середовища в галузі освоєння знань;

економічна підтримка українських інноваційних виробництв, здатних в нинішній економічній ситуації замінити імпорт українськими продуктами і забезпечити попит внутрішнього ринку в високотехнологічної продукції.

– розширення існуючих фіскальних пільг і надання цільових бюджетних дотацій організаціям, які проводять перспективні дослідження і здійснюють інновації за пріоритетними напрямками науки і техніки; створення мережі галузевих фондів модернізації матеріально-технічної бази досліджень в наукових установах.

– розширення використання сучасних економічних і фінансових технологій (аутсорсингу, лізингу та венчурного інвестування) в інноваційній сфері; формування інституту бізнес-ангелів, розвиток (докапіталізація) фінансових інститутів забезпечення наукової та інноваційної діяльності.

Таким чином, основним напрямком розвитку української економіки повинні стати заходи, спрямовані на глобальне вдосконалення інституційних умов формування економіки знань: підвищення рівня правової забезпеченості в інтелектуальній сфері, реалізація економічної політики держави, спрямованої на стимулювання розвитку інноваційного бізнесу, стимулювання як пропозиції, так і попиту на інновації, підтримка високого рівня конкуренції в економіці в цілому і в інноваційному секторі зокрема, підвищення фінансової забезпеченості економічних суб'єктів в інтелектуальній сфері, підвищення рівня інноваційної сприйнятливості виробників. Заходи щодо вдосконалення інституційних умов формування економіки знань в Україні, повинні стати основою побудови державної економічної політики в науковій інноваційній та інтелектуальній сферах і поширитися на всі суб'єкти сфери виробництва, розповсюдження і комерціалізації знань.

Список літератури

1. Хубиев К. О содержании «новой экономики» / К. О. Хубиев // Экономист. – 2008. – № 5. – С. 63–71.
2. Гелбрейт Д. Экономические теории и цели общества : под ред. акад. Н. Н. Иноземцева / Д. Гилбрейт. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.
3. Бажал Ю. М. Знаннєва економіка: теорія і державна політика / Ю. М. Бажал // Економіка і прогнозування. – 2003. – № 3. – С. 71–86.

4. Геєць В. М. Характер перехідних процесів до економіки знань / В. М. Геєць // Економіка України. – 2004. – № 4. – С. 4–14; № 5. – С. 4–13.
5. Геєць В. М. Економіка знань та перспективи її розвитку для України / Геєць В. М. – К. : Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2005. – 425 с.
6. Геєць В. М. Суспільство, держава, економіка: феноменологія взаємодії та розвитку / Геєць В. М. – К. : Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2009. – 864 с.
7. Мусіна Л. О. Основні положення переходу до економіки знань: перспективи для України / Л. О. Мусіна // Економіка і прогнозування. – 2003. – № 3. – С. 87–107.
8. Федулова Л. І. Особливості економіки знань на сучасній фазі розвитку суспільства. Теорія і практика розбудови в Україні / Л. І. Федулова, Т. М. Корнєєва // Актуальні проблеми економіки і практики – 2010. – № 4 (106). – С. 74–86.
9. Чухно А. А. Нова економічна політика / А. А. Чухно // Економіка України. – 2005. – № 6. – С. 4–11; № 7. – С. 15–22.
10. Knowledge Economy Index (KEI) index 2012 [Электронный ресурс] // The World Bank. – Режим доступа: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp.
11. Скворцов А. О. Институциональные основы формирования интеллектуального капитала : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. О. Скворцов. – Пенза, 2009. – 25 с.
12. Куянцева М. И. Институционализация интеллектуального капитала как предпосылка формирования экономики знаний : автореф. дис. ... канд. экон. наук / М. И. Куянцева. – Ростов-на-Дону, 2012. – 33 с.
13. Ченцова М. В. Особенности формирования экономики знаний в современных условиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук / М. В. Ченцова. – Москва, 2008. – 19 с.
14. Цыбульская Э. И. Институциональный аспект обеспечения национальной конкурентоспособности в эпоху экономики знаний / Э. И. Цыбульская // Вчені записки Харк. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА. – 2013. – Т. 19. – Кн. 2. – С. 268–277.

References

1. Hubiev K. O sodержanii «novoy ekonomiki» / K. O. Hubiev // Ekonomist. – 2008. – # 5. – S. 63–71.
2. Gelbreyt D. Ekonomicheskie teorii i tseli obschestva : pod red. akad. N. N. Inozemtseva / D. Gilbreyt. – M.: Progress, 1979. – 406 s.

3. Bazhal Yu. M. Znannya ekonomika: teoriya i derzhavna polityka / Yu. M. Bazhal // *Ekonomika i prohnozuvannya*. – 2003. – № 3. – S. 71–86.
4. Heyets' V. M. Kharakter perekhidnykh protsesiv do ekonomiky znan' / V. M. Heyets' // *Ekonomika Ukrainy*. – 2004. – № 4. – S. 4–14; № 5. – S. 4–13.
5. Heyets' V. M. Ekonomika znan' ta perspektyvy yiyi rozvytku dlya Ukrainy / Heyets' V. M. – K. : Instytut ekonomiky ta prohnozuvannya NAN Ukrainy, 2005. – 425 s.
6. Heyets' V. M. Suspil'stvo, derzhava, ekonomika: fenomenolohiya vzayemodiyi ta rozvytku / Heyets' V. M. – K. : Instytut ekonomiky ta prohnozuvannya NAN Ukrainy, 2009. – 864 s.
7. Musina L. O. Osnovni polozhennya perekhodu do ekonomiky znan': perspektyvy dlya Ukrainy / L. O. Musina // *Ekonomika i prohnozuvannya*. – 2003. – № 3. – S. 87–107.
8. Fedulova L. I. Osoblyvosti ekonomiky znan' na suchasniy fazi rozvytku suspil'stva. Teoriya i praktyka rozbudovy v Ukraini / L. I. Fedulova, T. M. Korniyeva // *Aktual'ni problemy ekonomiky i praktyky* – 2010. – № 4 (106). – S. 74–86.
9. Chukhno A. A. Nova ekonomichna polityka / A. A. Chukhno // *Ekonomika Ukrainy*. – 2005. – № 6. – S. 4–11; № 7. – S. 15–22.
10. Knowledge Economy Index (KEI) index 2012 // The World Bank. – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp.
11. Skvortsov A. O. Instituttsionalnyie osnovyi formirovaniya intellektualnogo kapitala: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Penza, 2009. – 25 s.
12. Kuyantseva M. I. Instituttsionalizatsiya intellektualnogo kapitala kak predposylka formirovaniya ekonomiki znaniy: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Rostov-na-Donu, 2012. – 33s.
13. Chentsova M. V. Osobennosti formirovaniya ekonomiki znaniy v sovremennyih usloviyah: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Moskva, 2008. – 19 s.
14. Tsybul'skaya E. I. Instituttsionalnyiy aspekt obespecheniya natsionalnoy konkurentosposobnosti v epohu ekonomiki znaniy / E. I. Tsybul'skaya // *Vcheni zapiski Hark. gumanitar. un-tu «Narodna ukraYinska akademIya»*. – H.: Vid-vo NUA. – 2013. – T. 19. – Kn. 2. – S. 268–277.

Н. Г. Чибисова

ТРАДИЦИИ В ИННОВАЦИОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются такие понятия, как «традиция» и «инновация», анализируется их взаимосвязь и взаимовлияние, а также выявляется роль традиции в современном инновационном поле.

Автор трактует традиции как социокультурное наследие прошлого, передающееся от поколения к поколению и сохраняющееся в обществе в течение длительного периода времени. Традиции подвержены внешнему влиянию и носят конкретно-исторический характер. В условиях модернизации общества традиции призваны менять свои формы и наполняться новым содержанием. Традиции выступают основой для зарождения инноваций, которые в дальнейшем превращаются в традиции и, таким образом, способствуют развитию общества.

Национальное образование базируется на традициях, которые сохраняют и передают молодому поколению ценности прошлого, но традиции прочно взаимосвязаны и взаимодействуют с инновациями, которые, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию образовательных систем.

Ключевые слова: традиция, инновация, образование, образовательное поле, ценности

Чибисова Н. Г. Традиції у інноваційному освітньому полі

Анотація. У статті розглядаються такі поняття, як «традиція» та «інновація», аналізується їх взаємозв'язок та взаємовплив, а також визначається роль традиції в сучасному інноваційному полі.

Автор трактує традиції як соціокультурну спадщину минулого, яка передається від покоління до покоління та зберігається в суспільстві на протязі тривалого часу. Традиції схильні до зовнішнього впливу та носять конкретно-історичний характер. В умовах модернізації суспільства традиції покликані змінювати свої форми та наповнюватися новим змістом. Традиції виступають основою для інновацій, які надалі перетворюються у традиції і, таким чином, сприяють розвитку суспільства.

Національна освіта базується на традиціях, які зберігають та передають молодому поколінню цінності минулого, але традиції міцно пов'язані та

взаємодіють з інноваціями, які, в свою чергу, сприяють подальшому розвитку освітніх систем.

Ключові слова: традиція, інновація, освіта, освітнє поле, цінності

Chybysova N. G. Traditions to innovational educational field

Annotation. The article deals with such notions as ‘tradition’ and ‘innovation’, analyses their correlation and mutual interaction, and outlines the role of traditions in a modern innovation field.

The author interprets traditions as social and cultural heritage of the past handed down to posterity and preserved in the society for a long period. Traditions suffer from external influence and have concrete-historical features. In terms of modernization traditions changing their forms and fill with new content. Traditions form the basis for innovations, which turn into traditions and, thus, promote society development.

National education is based on traditions, which keep and hand down the values of the past to young generations, but traditions are linked to and interact with innovations, which, in their turn, make educational systems to develop.

Key words: tradition, innovation, education, educational field, values.

Цивилизационные преобразования, происходящие в мировом сообществе, оказывают воздействие и на сферу образования.

Современное украинское образование находится на стадии реформирования: меняется его форма, другим становится содержание.

А как же быть с традициями, ценностями, правилами корпоративной университетской культуры, которые сложились и существуют уже не одно столетие в системе образования? Значит ли это, что традиции носят вне оценочный характер, или же они являются застывшим образованием, которое тормозит развитие инновационных процессов в образовательном пространстве?

Цель данной статьи: определить роль традиции в инновационном образовательном поле и постараться ответить на поставленные вопросы.

Обратимся к понятию «традиция». Термин «традиция» (от лат. *traditio* – передача) чаще всего в литературе трактуется как социокультурное наследие прошлого, передающееся от поколения к поколению и сохраняющееся в обществе в течение длительного

періода времени; традиції виступають в ролі регулятора суцільних стосунків, цивілізаційних процесів [7].

Слідовательно, традицію слід розглядати конкретно-історично, в контексті визначених умов існування, з відповідною системою цінностей, культурою і освітою.

По мненню вчених можна виділити функції, які виконує традиція в суцільстві, серед них: 1) підтримання преемственности в культурі, 2) збереження і передача цінностей і норм моралі від покоління до покоління, 3) транслірування колективного досвіду, 4) відбір і збереження визначених образців поведінки, 5) участь в процесі соціалізації і інкультурації людей [3, с. 835].

Досвід розвитку освіти на пострадянському просторі показав, що традиції завжди були найважливішим елементом в побудові національних освітніх систем. Саме вони грали значущу роль в процесі формування і виховання особистості навчального [7].

Базу сучасної освіти в Україні складають традиції народної педагогіки і сімейного виховання, ідеї Г. Сковороди, К. Транквіліона-Ставровецького, Д. Туптало, І. Франко, Лесі Українки, М. Максимовича, А. Потебні, М. Шашкевича, Н. Костомарова, І. Нечуй-Левицького, М. Драгоманова, К. Ушинського, С. Русової, Б. Гринченко, А. Макаренка, В. Сухомлинського і др. Модель сучасної освіти склалася і під впливом філософських і педагогічних ідей Я. Каменського, І. Песталоцці, І. Гербарта, Д. Дьюї.

В українській системі освіти традиції достатньо часто піддавалися зовнішньому впливові і змінювали свій вектор розвитку: то в бік російської системи освіти, то західноєвропейської. В сучасній системі освіти традиція призначена зберігати найкращі духовні образці вітчизняної педагогіки і при цьому не відокремлюватися від світового освітнього процесу.

Для сучасного суцільства характерна нова цивілізаційна парадигма, яка супроводжується рядом інноваційних процесів. В цій зв'язі, сучасна освіта слід розглядати в системі координат: «традиція – інновація».

Термин «інновація» трактується ученими, як впровадження чого-то нового, прогресивного, змінення старого, отжившого, оновлення (чого-либ). Приставка «in» перекладається з латинського мови, як «в». Якщо перекладати дослівно, «innovatio» означає «в напрямленні змінень» [2, с. 91].

В освітанні впровадження інновацій зв'язано з введенням нових цілей, змінення, форм, методів, технологій навчання, нових способів організації занять, виховання, побудову нових відносин між викладачами і навчаними і др.

Таким образом, под інновацією в освітанні розуміється будь-яка нова ідея, новий метод или новий проект, котрий вводиться в систему традиційного освітанні. Но інновації не виникають не відкуди, они являються результатом наукових пошуків, передового педагогічного досвіду окремих викладачів или цілих колективів; інновації виростають из традицій минулого. По тому будь-який інноваційний процес в освітаннєй сфері, зв'язаний ли з зміненням освітанні или же – з формами и методами навчання, слід розглядати як процес, котрий базується на визначених цінностях культури, традиціях педагогіки, моралі. Народна мудрість гласить: «Кожний крок вперед стає можливим тільки тому, що зроблено попереднє» [7]. Народ, втрапивши традиції минулого, поступово скатывается вниз, деградує.

Традиції – это знання, досвід, цінності культури, котрі мають для кожного людини и суспільства в цілому значимий, позитивний характер. По тому традиції зберігаються, підтримуються, их бережуть и передають наступним поколінням.

Но сучасне суспільство вимагає от людини нових умінь и якостей: умінь отримувати необхідну інформацію, самостійно орієнтуватися в отримуваним матеріалі, умінь мотивувати свої дії, творчески нешаблонно мислити, різносторонньо розвивати свої здібності, використовувати нові досягнення науки, техніки и культури. А это вимагає, в свою чергу, впровадження в практику освітаннєго процесу інновацій.

На наш погляд, сучасне українське освітаннє призвано

гармонично сочетать традиции и инновации, ценности информационного общества с ценностями общечеловеческой и национальной культур. Традиции обязательно должны существовать в инновационном образовательном поле. Но они должны способствовать развитию инновационных процессов в образовании.

В Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» (НУА) тесно переплелись традиции и инновации. За двадцать пять лет существования в академии сложились уникальные традиции, сформировались правила корпоративной культуры, появились собственные символы и ритуалы.

«Одной из главных традиций НУА является последовательная приверженность принципам педагогики партнерства» [6, с. 7], особенностью которой выступает единое представление всех субъектов образовательного процесса о целях, формах и методах этого взаимодействия. Педагогика партнерства позволяет на качественно новом уровне организовать учебную и внеучебную деятельность, учитывая индивидуальные (личностные) особенности всех учащихся и студентов. Педагогика партнерства способствовала созданию в академии особого климата – доброжелательности, сотрудничества, который помогает каждому члену коллектива раскрыть свой внутренний потенциал, свое «Я».

Академической традицией стало ежегодное проведение международных научных конференций, посвященных вопросам образования, а также Дней науки, в рамках которых проводятся: международная студенческая конференция, конференция молодых ученых и учителей.

Ежегодно в академии проходят Дни и Недели кафедр, которые представляют собой ряд мероприятий, в том числе, и воспитательной направленности. К таким традиционным мероприятиям можно отнести конкурсы: «Требуется хороший секретарь» (проводимый кафедрой информационных технологий и математики), «Английский с удовольствием» (кафедрой перевода и английской филологии), «Выразительного чтения» (кафедрой украиноведения), студенческие конференции – по проблемам «Великой Отечественной войны» (кафедрой философии и гуманитарных дисциплин), современным

тенденциям развития экономики (кафедрой экономики предприятия) и др.

Одной из главных традиций академии является ежегодное проведение конкурса «История моей семьи», который существует свыше двадцати лет. За эти годы конкурс перешагнул стены академии и стал городским, областным, а с 2011 года и телевизионным (с 2011 года на протяжении нескольких лет конкурс проводился Харьковским телеканалом АТbK).

Конкурс «История моей семьи» – академический, поэтому в нем принимают участие и юные академики, и школьники, и студенты, их родители, выпускники, сотрудники и преподаватели НУА. Конкурс способствует сплочению членов семьи, поскольку написать работу без помощи родителей, близких родственников невозможно. Конкурс помогает понять и взрослым, и детям, что традиции, реликвии семьи – это те ценности, которые необходимо беречь, изучать и передавать следующим поколениям.

Главной академической традицией является празднование Дня рождения академии (29 мая). На праздник собирается вся академическая семья – от дошколят до ветеранов образования, слушателей групп 50+. Традиционно в этот день проводятся: праздник «Именинного пирога» и «Торжественный вечер».

Но академия – это не простое учебное заведение, по своей сути – это инновационный учебно-научный комплекс непрерывного образования, в который входит Детская школа раннего развития, Специализированная экономико-правовая школа и гуманитарный университет с центром довузовской подготовки, аспирантурой и докторантурой, с группами слушателей «50+» и «70+».

Академия – одно из первых в Украине частных учебных заведений, с инновационным содержанием и структурой: в НУА разработаны и реализуются на практике интегрированные учебные программы, кафедры в НУА также интегрированные, они объединяют учителей школы и преподавателей вуза; творчески работают в академии и структурные подразделения – службы Человека и мн. др.

Одним из приоритетных видов деятельности НУА является формирование культурной, образованной и интеллигентной личности

обучающегося. Условием становления такой личности выступает культурно-образовательная среда, в основу которой положены ценности семьи, уважения и любви к родному дому, городу, отечеству, уважения и почитания старших, Учителя, ценности здорового образа жизни.

Таким образом, фундамент учебного комплекса базируется на традиционных общечеловеческих ценностях, а осуществляет НУА инновационную образовательную деятельность.

Современное образование не может стоять на месте, оно призвано соответствовать вызовам общественного развития. Основой образовательных систем выступают традиции, которые также должны соотноситься с требованиями времени. Поэтому в новых условиях традиции могут менять свои формы и наполняться новым содержанием, другими словами, традиции – динамичны, подвижны, они постоянно развиваются. В образовании традиции реагируют на все модернизационные процессы.

Потенциальная способность к созданию инноваций заложена в самой традиции, при этом создание инноваций считается лишь следствием применения традиции или же результатом ее функционирования в социуме [1, с. 33]. Гоцалюк А. А. верно замечает, что традиция выступает предварительной инновацией, последнюю же всегда следует рассматривать как потенциальную традицию, поскольку развитие общества происходит через взаимодействие накопленного традициями опыта с возникновением новых традиций [1, с. 34].

Традиции и инновации находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, традиция выступает основой для зарождения инновации, которая в дальнейшем становится традицией, и на ее основе вновь будет зарождаться новая инновация, которая, таким образом, будет способствовать дальнейшему развитию общества. Такой кругооборот взаимоотношений традиций и инноваций поддерживает социокультурное развитие общества. Но традиции не всегда легко и быстро перестраиваются под вызовы времени. Часто этот процесс протекает спонтанно и довольно болезненно. И помощь в гармонизации данного процесса может прийти со стороны инноваций, последовательное, системное внедрение которых во все сферы бытия позволит обществу

постепенно адаптироваться к новым условиям жизни, к современным вызовам культуры и образования.

Таким образом, движение академии по пути модернизации и дальнейшего прогресса во многом будет зависеть от сохранения, поддержания и творческого развития ее академических традиций и, в то же время, от активного, всестороннего внедрения инноваций в образовательное пространство НУА.

Список литературы

1. Гоцалюк А. А. Научные традиции и инновации: природа взаимосвязи / А. А. Гоцалюк // Вестник Поволж. акад. гос. службы. – 2013. – № 5 (38). – С. 31–37.

2. Днепров Т. П. Особенности развития отечественного образования: традиции и инновации / Т. П. Днепров, О. А. Каргополова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2. – С. 89–92.

3. Культура и культурология: словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 925 с.

4. Мацневский Г. О. Инновации и традиции в образовании / Г. О. Мацневский // Успехи современного естествознания. – 2010. – № 9. – С. 160–162.

5. О роли семьи [Электронный ресурс] / О патриотизме и гражданственности: учеб.-метод. материал. – Режим доступа: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2290

6. Символика и традиции Народной украинской академии : метод. пособие для преподавателей ХГУ и учителей СЭПШ, читающих Актую лекцию 1 сент. 2007 г. / Нар. укр. акад.; [авт.-сост. В. И. Астахова]. – Харьков : Изд-во НУА, 2007. – 16 с.

7. Ховина Т. В. Традиции и инновации в образовательном процессе / Т. В. Ховина // Педагогика: традиции и инновации : материалы V междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). – Челябинск, 2014. – С. 13–16.

References

1. Gocaljuk A.A. Nauchnye tradicii i innovacii: priroda vzaimosvjazi / Gocaljuk A.A. // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. – 2013. – № 5 (38). – S. 31–37.

2. Dneprova T.P. Osobennosti razvitija otechestvennogo obrazovanija: tradicii i innovacii / T.P. Dneprova, O.A. Kargopolova // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2013. – №2. – S. 89–92.

3. Kul'tura i kul'turologija: slovar' / sost. i red. A.I. Kravchenko. – M. : Akademicheskij Proekt ; Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2003. – 925 s.
4. Macievskij G.O. Innovacii i tradicii v obrazovanii / G. O. Macievskij Uspehi sovremennogo estestvoznaniia. – 2010. – № 9. – S. 160 – 162
5. O roli sem'i [Jelektronnyj resurs] / O patriotizme i grazhdanstvennosti: ucheb.-metod. material http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2290
6. Simvolika i tradicii Narodnoj ukrainskoj akademii: metod. posobie dlja prepodavatelej HGU i uchitelej SJePSh, chitajushhjih Aktovuju lekciju 1 sent. 2007 g. / Nar. ukr. akad.; [avt.-sost. V. I. Astahova]. – Har'kov : Izd-vo NUA, 2007. – 16 s.
7. Hovina T. V. Tradicii i innovacii v obrazovatel'nom processe / T. V. Hovina // Pedagogika: tradicii i innovacii: materialy V mezhdunar. nauch. konf. (g. Cheljabinsk, ijun' 2014 g.). – Cheljabinsk, 2014. – S. 13–16.

УДК 004:[37.016.811.134.2]

Е. М. Яриз

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. Лингвострановедение органично вошло в методику преподавания иностранного языка. Более точно этот термин понимается как раздел страноведения, который знакомит студентов с историей, государственным устройством, географией, культурой страны, её политической и экономической жизнью, особенностью нравов и обычаев, условиями жизни, труда, системой образования и высшей школы, средствами массовой информации и т. д., на изучаемом, иностранном языке.

Основным объектом лингвострановедения являются фоновые знания, которыми располагают члены определенной языковой и этнической общности, поэтому решаемые в этой науке проблемы частично охватывают задачи социолингвистики. Лингвострановедение ставит своей задачей изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа-носителя языка и среды его существования.

Ключевые слова: страноведение, лингвострановедение, компетенция, традиции, менталитет, инновация, эффективность, фоновые знания.

Яриз Є. М. Використання передових інформаційних технологій у формуванні лінгвокраїнознавчої компетенції

Анотація. Лінгвокраїнознавство органічно увійшло в методику викладання іноземної мови. Більш точно цей термін розуміється як розділ країнознавства, який знайомить студентів з історією, державним устроєм, географією, культурою країни, її політичним та економічним життям, особливістю традицій і звичаїв, умовами життя, праці, системою освіти і вищої школи, засобами масової інформації та іноземною мовою, що вивчається.

Основним об'єктом лінгвокраїнознавства є фонові знання, якими володіють члени певної мовної та етнічної спільноти, тому проблеми які вирішуються цією наукою, частково стосуються завдання соціолінгвистики. Лінгвокраїнознавство ставить своїм завданням вивчення мовних одиниць, які найбільш яскраво відображають національні особливості культури народу-носія мови і середовища його існування.

Ключові слова: країнознавство, лінгвокраїнознавство, компетенція, традиції, менталітет, інновація, ефективність, фонові знання.

Yariz E. M. Usage of up-to-date technologies in culture-oriented information technologies competence formation

Annotation. Culture-oriented linguistics has become an integral part of teaching a foreign language. More precisely this term is defined as a part of country studying which makes students familiar with history, geography, culture of the country as well as its political and economic systems, customs and traditions, conditions of living, education, mass media, etc. using the language studied.

The main object of culture-oriented linguistics is background of this or that society thus the problems solved by this science partly coincide with those of sociolinguistics. Culture-oriented linguistics aims at studying language units with reflect national peculiarities in a most proper way.

Key words: country studying, cultural-oriented linguistics, competence, traditions, mentality, efficiency, background knowledge.

При изучении иностранного языка студент сталкивается с целым рядом фактов, относящихся не к области лексики, грамматики, фонетики или стилистики а, к сферам социальной, бытовой или исторической. Правильное употребление или понимание некоторых слов или фраз немислимо без знания их происхождения, ситуаций, в которых их можно использовать, или элементарных сведений из истории, литературы, политической реальности страны изучаемого языка. Одновременно с изучением языка следует изучать и культуру его народа – знакомиться с его историей, литературой, экономикой, географией, политикой, бытом, традициями и менталитетом. Комплекс этих сведений принято обозначать термином «лингвострановедение», появившимся в 80-е гг. XIX в. Лингвострановедение вошло а число курсов преподавания этих сведений при изучении иностранного языка. Этот термин понимается как раздел страноведения, который знакомит студентов с историей, государственным устройством, географией, культурой страны, её политической и экономической жизнью, особенностью нравов и обычаев, условиями жизни, труда, системой образования и высшей школы, средствами массовой информации и т. д., на изучаемом, иностранном языке. [3]

Основной целью лингвострановедения является приобретение фоновых знаний, которыми располагают члены определенной языковой и этнической общности, поэтому решаемые в этой науке проблемы в известной степени совпадают с задачами социолингвистики. Лингвострановедение ставит своей задачей изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа – носителя языка и среды его существования. Предметом лингвострановедения является отобранный языковой материал, отражающий культуру страны изучаемого языка.

Наряду с овладением языковым материалом, происходит накопление культурологических сведений и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка.

Образовательной ценностью лингвострановедения является знакомство студентов с культурой страны изучаемого языка, которое происходит в сопоставлении со знаниями о собственной.

Воспитательная ценность лингвострановедения заключается в том, что знания о культуре, истории, реалиях и традициях страны изучаемого языка способствует воспитанию положительного отношения как к иностранному языку, так и к культуре народа-носителя данного языка.

В процессе обучения иностранному языку элементы лингвострановедения оперируют языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них действительностью [2].

Поскольку главной целью лингвострановедения является изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа – носителя языка: реалий (обозначений предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой), коннотации языковых единиц (слов, совпадающих по основному значению, но отличных по культурно-историческим ассоциациям), лексики культурно-национального характера (обозначений предметов и явлений, имеющих аналоги в сопоставляемых культурах, но различающихся национальными особенностями функционирования, формы, предназначения предметов), преподаватель при составлении программы курса и отборе национально-

культурного компонента содержания обучения иностранному языку должен исходить из таких важнейших критериев, как:

- а. культурологическая и страноведческая ценность;
- б. аутентичность информации;
- в. подбор фактов, сориентированных на современную действительность;
- г. функциональность изучаемых языковых явлений.

Под лингвострановедческой языковой компетенцией личности подразумевается способность студента осуществлять межкультурную коммуникацию, базирующуюся на знаниях лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики и умениях адекватного их применения в ситуациях межкультурного общения, а также умениях использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях опосредованного и непосредственного межкультурного общения. Обучение с применением лингвострановедческих и страноведческих материалов безусловно повышает интерес учащихся к изучению иностранного языка и способствует развитию внутренней мотивации студента. Такие занятия отличаются коммуникативно-прагматической направленностью, самостоятельностью и творческим подходом учащихся, их высокой активностью и заинтересованностью в изучении иностранного языка.

Таким образом, студенты должны получить:

1. Знание реалии:
 - а. общественно-политической жизни страны;
 - б. государственного строя;
 - в. политических партий;
 - г. системы образования;
 - д. традиций, обычаев и обрядов страны.
2. Умения:
 - а. ориентироваться по карте;
 - б. анализировать графические схемы,
 - в. читать информацию с графических элементов;
3. Владение информацией, касающейся:
 - а. основных понятий, относящихся к истории развития страны,
 - б. основных понятий, относящихся к географии страны;

в. основных понятий, относящихся к социальным сферам страны.

При включении национально-культурного компонента в содержание обучения иностранному языку требуются адекватные средства, обеспечивающие его усвоения. Такими средствами могут быть, прежде всего, аутентичные материалы по перечисленной тематике, которая может варьироваться в зависимости от времени, отводимого на изучение учебной дисциплины. Для этого преподаватель использует традиционные и современные методы преподавания. Все они должны соответствовать нынешним требованиям, предъявляемым к преподаванию данной дисциплины. К ним относятся учебники, методические пособия, книги, материалы газет и журналов, литературные и музыкальные произведения, предметы реальной действительности или их иллюстративные изображения, которые больше всего могут приблизить учащегося к естественной культурной среде.

Вузы, которые могут привлекать к преподаванию лингвострановедения носителей языка имеют неоспоримое преимущество. Следует однако иметь в виду обязательность неукоснительного выполнения требований учебной программы и плана самого вуза. Для этого необходима координация и согласование приемов и действий носителя языка и преподавателя учебной дисциплины. Такие занятия являются сильнейшим стимулом для студента и могут мотивировать его к посещению страны изучаемого языка для естественного погружения в языковую среду, проживая в семьях, имея повседневную языковую практику и посещая языковые курсы.

Снижение уровня благосостояния украинского народа, вызванное в первую очередь спадом промышленного производства, не позволяет каждому студенту совершить такую поездку. Поэтому роль инновационного подхода в изучении иностранного языка с применением компьютерных технологий в данной ситуации трудно переоценить.

Поскольку образование развивается в социокультурной среде, сущность которой во многом зависит от уровня технологического развития общества, бурное развитие науки и техники внесло свой вклад в процесс обучения. К нему относятся такие явления, как развитие средств массовой информации, появление спутникового

и кабельного телевидения, распространение мощных компьютерных сетей и т. д. С появлением Интернета значительно расширилось информационное пространство, которое создало предпосылки для использования новых образовательных технологий.

Новые информационные технологии расширили среду образования. Они создали условия, при которых студент может воспользоваться учебным материалом из библиотек различных вузов мира на языке оригинала непосредственно с учебного места, оборудованного компьютером с подключением к всемирной сети.

Эффективность подготовки специалистов высшего образования в настоящее время во многом определяется увеличением доли самостоятельной работы студента. Это условие делает весьма актуальной проблему рационального использования техники в учебном процессе, в том числе при обучении иностранному языку. Для практики компьютерного обучения иностранному языку характерно применение автоматизированных обучающих систем, которые активно развиваются.

Современные информационные технологии позволяют студенту иметь доступ к широкому спектру современной информации при наличии хорошего уровня информационной компетентности.

В компьютерной коммуникации трудно переоценить использование программы проверки орфографии, которая помогает студентам на начальном этапе обучения набирать тексты с возможностью исправления ошибок. Компьютерные тесты являются отличным подспорьем в усвоении грамматического материала с последующим его контролем.

Огромное количество компьютерных обучающих программ предоставляет студентам многоуровневые упражнения тренингового характера, вырабатывающие навыки аудирования (восприятия на слух), письма, чтения и спонтанного говорения с использованием программы Skype. После приобретения этих навыков можно начинать общение непосредственно с носителем языка с помощью программы Chat, не выходя из своей квартиры. Возможность виртуального посещения знаменитых городов с целью ознакомления с их достопримечательностями, ознакомления с культурой и традициями

страны изучаемого языка, предоставляемая современными технологиями, превращает обучение в увлекательное занятие, способное поднять мотивацию студентов, без которой трудно добиться высоких результатов. Иноязычная компетенция здесь выступает как синтез лингвистической, социокультурной и предметной компетенций.

Таким образом, интегрируя передовые компьютерные технологии и информационный ресурс сети Интернет в учебный процесс, на практических занятиях по лингвострановедению можно решать более эффективно целый ряд таких дидактических задач, как:

а) формирование навыков и умений чтения оригинальных текстов разной степени сложности;

б) совершенствование навыков восприятия на слух аутентичных фонограмм;

в) совершенствование навыков монологической и диалогической речи на основе подготовленного преподавателем проблемного обсуждения материала сети;

г) закрепление практических навыков монологической и диалогической речи в спонтанном общении с носителями языка с использованием программы Skype;

д) совершенствование навыков письменной речи при составлении ответов партнерам, участвуя в интернет-конференциях;

е) пополнение как активного, так и пассивного словарного запаса современной лексикой;

ж) повышение лингвострановедческой компетенции, за счет ознакомления с речевым этикетом и особенностями речевого поведения носителей языка, историей, культурой и традициями страны изучаемого языка;

з) стимулирование устойчивой мотивации иноязычной деятельности студентов во время практических занятий на основе систематического использования материалов электронных СМИ.

При работе с компьютерными технологиями меняется и роль преподавателя, основная задача которого – поддерживать и направлять развитие личности студентов, их творческий поиск. Отношения со студентами строятся на принципах сотрудничества и коллективного творчества. В этих условиях неизбежен пересмотр

сложившихся сегодня организационных форм учебной работы: увеличение самостоятельной индивидуальной и групповой работы студентов, отход от традиционного практического занятия с преобладанием объяснительно-иллюстративного метода обучения, увеличение объема практических и творческих работ поискового и исследовательского характера.

Включение лингвострановедческого компонента в содержание обучения иностранному языку невозможно без адекватных средств его усвоения.

Список литературы

1. Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : методическое руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1983. – 188 с.
2. Демкин В. Особенности дистанционного обучения иностранным языкам / В. Демкин, Е. Гульбинская // Высш. образование в России. – 2001. – № 1. – С. 127–129.
3. Казанская О.В. Тестирующие программы для использования в сети Интернет / О. В. Казанская, Л. Г. Макаревич, А. С. Русанов // Открытое и дистанционное образование. – 2001. – № 3 (5). – С. 98–100.
4. Кирилова Г. И. Информационные технологии и компьютерные средства в образовании / Г. И. Кирилова // Educational Technology & Society. – 2000. – № 4 (1). – С. 125–136.
5. Коджаспирова Г. М. Технические средства обучения и методика их использования: учеб. пособие для студентов вузов / Г. М. Коджаспирова, К. В. Петров. – М. : Академия, 2001. – 256 с.
6. Кремень В. Г. Дистанційна освіта – перспективний шлях розв’язання сучасних проблем розвитку професійної освіти / В. Г. Кремень // Вісн. акад. дистанц. освіти. – 2003. – № 1. – С. 4–11.
7. Тубалова И.В. О некоторых филологических курсах в системе дистанционного образования / Тубалова И. В., Руденко Т.В. // Научное и методическое обеспечение системы дистанционного образования : материалы Междунар. конф. – Томск, 2000. – С.115–118.
8. Преподавание в сети Интернет : учеб. пособие / отв. ред. В. И. Солдаткин. – М. : Высш. шк., 2003. – 792 с.

References

1. Vereshhagin E. M. Jazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo : metodicheskoe rukovodstvo / E. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. – 3-e izd. pererab. i dop. – M. : Rus. jaz., 1983. – 188 s.
2. Demkin V. Osobennosti distancionnogo obuchenija inostrannym jazykam / V. Demkin, E. Gul'binskaja // Vyssh. obrazovanie v Rossii. – 2001. – № 1. – S. 127–129.
3. Kazanskaja O. V. Testirujushhie programmy dlja ispol'zovanija v seti Internet / O. V. Kazanskaja, L. G. Makarevich, A. S. Rusanov // Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie. – 2001. – № 3 (5). – S. 98–100.
4. Kirilova G.I. Informacionnye tehnologii i komp'juternye sredstva v obrazovanii G. I. // Educational Technology & Society. – 2000. – № 4 (1). – S. 125–136.
5. Kodzhaspirova G. M. Tehnicheskie sredstva obuchenija i metodika ih ispol'zovanija : ucheb. posobie dlja studentov vuzov / G. M. Kodzhaspirova, K. V. Petrov. – M. : Akademija, 2001. – 256 s.
6. Kremen' V.G. Distancijna osvita – perspektivnij shljah rozv'jazannja suchasnih problem rozvitku profesijnoj osviti // Visnik akademii distancijnoj osviti / V. G. Kremen'. – 2003. – № 1. – S. 4–11.
7. Tubalova I. V. O nekotoryh filologicheskikh kursah v sisteme distancionnogo obrazovanija / Tubalova I. V., Rudenko T. V. // Nauchnoe i metodicheskoe obespechenie sistemy distancionnogo obrazovanija : materialy Mezhdunar. konf. – Tomsk, 2000. – S.115–118.
8. Prepodavanie v seti Internet : ucheb. posobie / otv. red. V. I. Soldatkin. – M. : Vyssh. shk., 2003. – S. 164.

**Сучасне суспільство
в контексті гуманітарного
знання й проблеми
економічного розвитку**

В. Г. Алькема, И. В. Заря

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье акцентируется внимание на исследовании национальной экономической безопасности в условиях обострения внешних и внутренних противоречий экономического характера. Обосновывается необходимость расширения подходов к определению дефиниции «экономическая безопасность». В качестве ключевого параметра в сфере экономической безопасности для более эффективного противодействия и обеспечения национальных интересов предлагается принять дефиницию «экономическая безопасность благосостояния».

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, экономическая безопасность, национальные экономические интересы, экономика благосостояния, экономическая безопасность благосостояния

Алькема В. Г., Заря И. В. Забезпечення національної економічної безпеки в рамках концепції економіки добробуту

Анотація. У статті акцентується увага на дослідженні національної економічної безпеки в умовах загострення зовнішніх і внутрішніх протиріч економічного характеру. Обґрунтовується необхідність розширення підходів до визначення дефініції «економічна безпека». В якості ключового параметра у сфері економічної безпеки для більш ефективної протидії і забезпечення національних інтересів пропонується прийняти дефініцію «економічна безпека добробуту».

Ключові слова: безпека, національна безпека, економічна безпека, національні економічні інтереси, економіка добробуту, економічна безпека добробуту

Alkema V. G., Zaria I. V. Providing of national economic security is within the framework of conception of economy of welfare

Annotation. The article focuses on the study of national economic security in the face of the deteriorating external and internal contradictions of an economic nature. The necessity of expansion approaches to determine the definition of

“economic security”. As a key parameter in the sphere of economic security for more effective response and to ensure national interests is invited to adopt a definition of “economic security of well-being.”

Key words: security, national security, economic security, national economic interests, welfare economics, economic security welfare

Постановка проблемы. В условиях обострения внешних и внутренних противоречий экономического характера, важности повышения уровня национальной безопасности государства, возникает насущная необходимость поиска системного алгоритма построения целостной парадигмы экономической безопасности. Она должна строиться на основе методологических и практических основ в контексте современных вызовов экономическому благосостоянию общества как основной цели, условию и инструменту эффективной экономической безопасности, развития мощного ВПК, достижения государством признания на международной экономической и геополитической арене. В таких условиях действенным и основным трендом дальнейшего экономического развития общества является сочетание экономической безопасности государства и экономики благосостояния общества в единую целевую функцию, которая полностью раскрывает и реализует экономический потенциал государства и общества.

Анализ последних достижений и публикаций. Среди направлений дальнейшего развития экономической науки все большую актуальность приобретают исследования экономики благосостояния, что подтверждается многочисленными весомыми заявлениями всемирно известных отечественных и зарубежных выдающихся экономистов, ученых, общественных деятелей. Один из основателей независимой Украины В. Чорновил считал насущной необходимостью именно возрождение благосостояния народа в условиях становления демократического государства, что ярко демонстрирует всю глубину проблематики становления экономики благосостояния.

Президент страны П. Порошенко в инаугурационном докладе, посланиях в Верховную Раду других документах неоднократно поднимает вопрос благосостояния, в частности, определяя благосостояние приоритетной задачей правительства и лично

президента. Он отмечает, что Украина «имеет все необходимое, чтобы обеспечить людям европейское благосостояние». Президент подчеркивает, что достойная оплата труда и трудоустройства – гарантия национальной безопасности.

Также в «Стратегии-2020» президент обращает внимание на основные задачи, стоящие перед правительством – достижение европейских стандартов жизни, а также обеспечение безопасности государства, бизнеса и гражданина. Перед государством поставлена амбициозная цель на перспективу до 2020 года – \$ 16000 ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) и повышение средней продолжительности жизни на 3 года (до 72 лет). Реализация этих задач лежит в плоскости исследований национальной экономической безопасности и экономики благосостояния.

Ученые Национального института стратегических исследований утверждают в аналитической записке, что «внутренняя экономическая среда продолжает находиться в глубоком кризисе, граждане не испытывают положительных изменений в собственном благополучии, несмотря на положительные оценки международных организаций и мировых рейтингов» [4, с. 17].

На утверждении того, что человек – это цель развития и основной ресурс преодоления противоречий между капитализацией и социализацией экономики, в своих исследованиях настаивают такие ученые как В. Геец, А. Даниленко, Н. Жулинский, Э. Либанова, О. Онищенко [5, с. 21].

В этом направлении высказывается и глава представительства Европейского союза в Украине Ян Томбинский, который предлагает для Украины путь интеграции в «европейское пространство демократии, благосостояния и рыночной экономики». Это мнение разделяет и экс-президент Польши Лех Валенса. Он считает, что для европейской интеграции нужно достичь благосостояния в Европе, опираясь на единые ценности. Предлагая Украине такой вектор развития лидеры ЕС в стратегии «Европа – 2020», принятой в 2010 году, также одной из основных задач определяют повышение уровня жизни населения.

Джеймс Вулфенсон, президент Всемирного банка в 1995–2005 гг., одну из задач работы Банка видел в улучшении качества жизни и снижения уровня бедности путем обеспечения устойчивого и справедливого роста. Такой подход имеет многолетнюю историю. Он тесно корреспондируется с глобальной целью Ф. Рузвельта во время «великой депрессии» – достижение положительных социально-экономических последствий.

Исследования в области экономики благосостояния были настолько востребованы и актуальны среди различных известных мировых деятелей, что в разное время появились концепции «Государства благосостояния» (1940), «Схема всестороннего развития» (1999), «Социального баланса» (2000), «Теория человеческого развития» (2003) с ее парадигмой «субъективного благополучия», концепция социальной безопасности и другие. На почве научного оптимизма появились первая, вторая и третья теоремы благосостояния и другие. Такое пристальное внимание к проблематике экономического благосостояния общества обусловлено природным стремлением человека к высоким стандартам жизни и деятельности.

Нерешенные ранее части общей проблемы. Назрела необходимость разработки новых подходов к определению дефиниций «экономическая безопасность», «экономика благосостояния» и «экономическая безопасность благосостояния».

Целью статьи является исследование подходов к определению дефиниций «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность благосостояния» и определение причинно-следственной связи между ними.

Масштабы трактовки дефиниции «экономическая безопасность» поражают своим контрастом и интерпретационным выражением как во времени, так и в качественно-функциональной оценке. Видя в этом понятии особую категорию развития экономической науки, исследователи стремятся добавить свое видение в контексте усовершенствования этой категориальной величины, обобщить ранее приведенные определения и тем самым расширить и добавить универсальности этому понятию.

Взгляды на экономическую безопасность наделяют ее многочис-

ленными свойствами не только в плоскости составляющих экономической безопасности, но и в иерархическом, функциональном, качественном выражениях. Добавляя элемент фундаментальности в своих подходах к трактовке понятия экономическая безопасность, ученые различных научных течений органично связывают экономическую безопасность с основными экономическими исследованиями в целом и на локальных уровнях функционирования экономической системы. Тем самым они указывают на определенную универсальность применения парадигмы экономической безопасности по вертикали и горизонтали иерархических уровней функционирования экономической архитектуры государства.

Сегодня в связи с событиями внутривнутриполитического, экономического и геополитического характера мы приблизились к моменту определения дефиниции «экономическая безопасность» на новом структурно-логическом, парадигмальном уровне.

В условиях актуализации внешних и внутренних вызовов и угроз нужно найти такой ключевой параметр в сфере экономической безопасности, воздействие на который, в рамках его укрепления и развития, позволит стране выйти на качественно новый уровень противодействия и обеспечения национальных интересов. На основании проведенных исследований таковым является экономика благосостояния, что более детально анализируется ниже.

Впрочем, общенаучная и методологическая проблематика по национальной экономической безопасности рассматривается преимущественно на макроуровне, а теоретические и прикладные исследования ее обеспечения в рамках экономики благосостояния пока не нашли своего отражения в научных трудах. Требуют решения проблемы укрепления национальной экономической безопасности в рамках концепции экономики благосостояния с соблюдением имеющихся и разработкой новых критериев парадигмы экономической безопасности.

В условиях углубления кризисных явлений в экономике, перехода страны на европейские стандарты жизни, экономика благосостояния приобретает наивысший приоритет в государственной политике и экономике, привлекает все большее внимание со стороны ученых

и экономистов в области национальной экономической безопасности. Требуют решения такие системные проблемы как демографический кризис, проблема экологии и перераспределения ресурсов, распределение доходов и низкий уровень покупательной способности населения, жилищная проблема, формирование среды благосостояния и другие.

Благосостояние населения неразрывно связано с безопасностью. Изначально люди защищали свое благосостояние, свои интересы как от внешних, так и от внутренних врагов, пытались минимизировать внешние угрозы и опасности. Благополучие и безопасность связаны также с вступлением в силу процесса развития общества, где категория благосостояния содержит факторы развития, а категория безопасности – обеспечение защиты развития общества. Эти дефиниции объединяет также цель существования общества – достижение высокого уровня развития в соответствии с национальными интересами.

В современной научной мысли эти понятия приобретают новую трактовку и сочетаются в основных направлениях научных исследований, как, например, в сущности определения понятия «национальная безопасность». Национальная безопасность – это «сознательное целенаправленное влияние субъекта управления на угрозы и опасности, при котором государственными и негосударственными учреждениями создаются необходимые условия для прогрессирующего развития украинских национальных интересов, источников благосостояния Украины, а также обеспечивается эффективное функционирование системы национальной безопасности Украины» [1, с. 12].

По мнению Г. Пастернак-Таранущенко экономическая безопасность – это состояние государства, при котором она обеспечивает возможность создания и развития условий для плодотворной жизни своего населения, перспективного развития в будущем и роста благосостояния ее жителей [3, с. 82].

Уже в 1996 году ученые отмечали, что наиболее приоритетными национальными экономическими интересами Украины должны стать рост благосостояния граждан и решение государством социальных

проблем [7, с. 76]. Ученими уже делаются попытки очертить основные угрозы национальной безопасности Украины в сфере материального благосостояния, к которым относят такие: 1) низкая стоимость рабочей силы; 2) тинизация заработной платы; 3) бедность населения; 4) отсутствие среднего класса [6]. На наш взгляд, такой перечень является неполным ввиду рассмотрения только одной стороны возникновения угроз – населения. Но в этом процессе значительное место занимают как государство с его институтами и регулированием социально-экономических процессов, так и условия в которых идет развитие общества.

Невозможно полно отразить все причинно-следственные связи и факторы влияния и подчинения экономической безопасности благосостояния без того, чтобы не определить системность этого понятия. Это подтверждается рамочными и программными документами экономического развития государства, выступлениями президентов Украины, высказываниями известных международных экономистов и нобелевских лауреатов по экономике. В перспективе, при условии продолжения развития гражданского общества, экономика благосостояния и безопасность ее реализации получают видное место в первоочередных теоретико-прикладных исследованиях. Система экономической безопасности благосостояния является рядом факторов, условий и явлений, которые создают и реализуют механизм стабильного и прогрессирующего функционирования экономики благосостояния, минимизируя угрозы и опасности, актуализируя новые возможности развития.

Благосостояние общества добавляет качественную содержательность экономической безопасности, как специфической общественной форме. В таком формате экономическая безопасность приобретает новые свойства, при этом экономическая безопасность благосостояния предстает в качестве составной национальной экономической безопасности в рамках внешних и внутренних угроз. Уточнение и расширение базы национальных интересов приобретает особое значение в системе национальной экономической безопасности, дополнение ее составляющих обеспечивает более полную ее реализацию. Учитывая все вышесказанное, мы можем определить

место экономической безопасности благосостояния в системе национальной безопасности. При более глубоком изучении составляющей «экономическая безопасность благосостояния» мы увидим, что высокий уровень ее реализации является плацдармом для реализации других составляющих.

Благосостояние является целью и функцией экономики, а экономическая безопасность благосостояния – фундаментом, основой сильной конкурентоспособной страны, крепкого оборонного потенциала, достойного международного признания государства. Такого же мнения придерживается В. Парето, рассматривая безопасность общества по трем составляющим: политическая стабильность, экономическое процветание, обороноспособность государства. Б. Малицкий уточнил и расширил термин «политическая стабильность» представив его как «социально-политическая стабильность» [2, с. 34].

Как отмечается в Законе Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (статья 1), устойчивое развитие общества обеспечивается при условии защищенности «жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства». Место экономической безопасности благосостояния в системе национальной безопасности показано на рис. 1.

Как видно из рисунка в контексте национальной экономической безопасности экономика благосостояния является системообразующим и системноподдерживающим фактором экономического развития, а категории «экономическая безопасность» и «экономика благосостояния общества» являются взаимозависимыми и прямо и косвенно влияющими друг на друга.

Выводы. Итак, высокий уровень жизни и благосостояния общества обеспечит «своевременное выявление, предотвращение и нейтрализацию реальных и потенциальных угроз национальным интересам в сферах правоохранительной деятельности, борьбы с коррупцией, обороны государства, миграционной политики, здравоохранения, образования и науки, научно-технической и инновационной политики». Этот тезис подчеркивается и в Конституции Украины (статья 3), где «человек, его жизнь и здоровье, честь

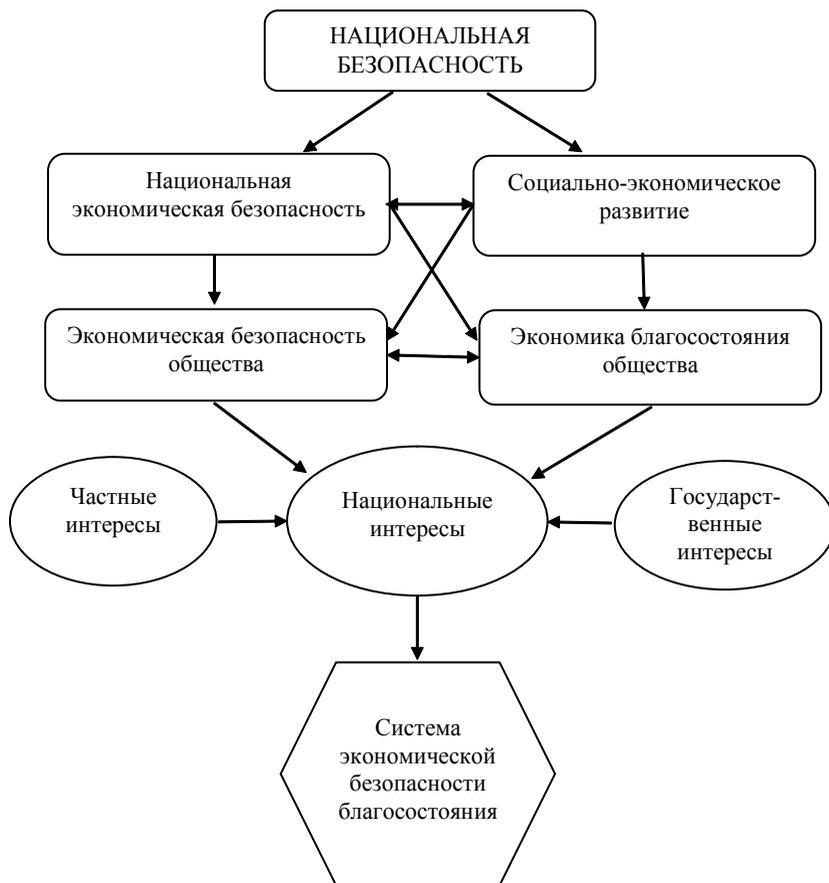

Рис. 1. Место экономической безопасности благосостояния в системе национальной безопасности

Источник: составлено авторами

и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью». Таким образом, в развитом обществе безопасность государства и общества является функцией обеспечения благосостояния и безопасности человека. Нужно признать, что в меняющемся мире исследование экономической безопасности требует сегодня таких подходов, при которых достигается наибольший эффект противостояния надвигающимся угрозам.

Одним из направлений достижения такого состояния является вектор усилий в сторону оценки экономического благосостояния общества. Исследования экономической безопасности в таком русле приведут к развитию нового направления – экономической безопасности благосостояния, которое может стать тем краеугольным камнем, когда будет достигнут не только баланс реализации национальных интересов государства и общества, но и прочные позиции национальной экономической безопасности страны в целом.

Список литературы

1. Липкан В. А. Национальная безопасность Украины : учеб. пособ. / В. А. Липкан. – Киев : Кондор, 2008. – 552 с.
2. Малицкий Б. А. Наука, технологии, инновации и национальная безопасность: теоретические и прикладные аспекты / Б. А. Малицкий ; под ред. д-ра экон. наук, проф. Б. А. Малицкого. – Киев : Феникс, 2014. – 51 с.
3. Пастернак-Таранушенко Г. А. Экономическая безопасность государства. Методология обеспечения : монография / Г. А. Пастернак-Таранушенко. – Киев : КЭИМ, 2003. – 320 с.
4. Системный кризис в Украине: предпосылки, риски, пути преодоления : аналит. док. / Я. А. Жалило, К. А. Кононенко, В. М. Яблонский [и др.] ; под общ. ред. Я. А. Жалила. – Киев : НИСИ, 2014. – 132 с.
5. Социально-экономическое положение Украины: последствия для народа и государства : нац. докл. / под. ред. В. М. Гееца [и др.]. – Москва : НПЦ ББК, 2009. – 687 с.
6. Экономическая безопасность государства: сущность и направления формирования : монография / Л. С. Шевченко, О. А. Гриценко, С. М. Макуха и др. ; под ред. д-ра экон. наук, проф. Л. С. Шевченко. – Харьков : Право, 2009. – 312 с.

7. Экономическая безопасность Украины: сущность и направления обеспечения : монография / В. Т. Шлемко, І. Ф. Бинько. – Киев : НИСИ, 1997. – 144 с.

References

1. Lypkan V. A. Natsyonalnaia bezopasnost Ukrayny: Uchebnoe posobyе. – К.: Kondor, 2008. – 552 s.
2. Malyskyi B. A. Nauka, tekhnolohyy, ynnovatsyy y natsyonalnaia bezopasnost: teoretycheskye y prykladnye aspekty / Pod red. d-ra ekon. nauk, prof. B. A. Malyskoho. – Kyev: Fenyks, 2014. – 51 s.
3. Pasternak-Taranushenko H. A. Ekonomycheskaia bezopasnost hosudarstva. Metodolohyia obespechenyia: Monohrafyia. – К.: КЭУМ, 2003. – 320 s.
4. Systemnyi kryzys v Ukraine: predposylky, rysky, puty preodolenyia: analyt. dok. / Ya. A. Zhalylo, K.A. Kononenko, V.M. Yablonskyi [y dr.]; pod obshch. red. Ya.A. Zhalyla. – К.: NYSY, 2014. – 132 s.
5. Sotsyalno ekonomycheskoe polozhenye Ukrayny: posledstvyia dlia naroda y hosudarstva: natsyonalnyi doklad / Pod. red. V.M. Heetsa [y dr.]. – М.: NPTs BVK, 2009. – 687 s.
6. Ekonomycheskaia bezopasnost hosudarstva: sushchnost y napravlenyia formirovaniya: monohrafyia / L.S. Shevchenko, O.A. Hrytsenko, S.M. Makukha y dr. / za red. d-ra ekon. nauk, prof. L.S. Shevchenko. – Kh.: Pravo, 2009. – 312 s.
7. Ekonomycheskaia bezopasnost Ukrayny: sushchnost y napravlenyia obespechenyia / V.T. Shlemko, I.F. Bynko: Monohrafyia. — К.: NYSY, 1997. — 144 s.

УДК 65.012.34

О. А. Иванова

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ХОДЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. Представлен системный подход к управлению деятельностью предприятия с учетом совокупности технологических и нетехнологических процессов, что позволит вести наиболее обоснованную и целесообразную политику менеджмента, направленную на достижение поставленных целей, в том числе и финансовых результатов работы предприятия. Доказана необходимость постоянного и всестороннего анализа влияния вспомогательных и обслуживающих процессов на операционную деятельность предприятия, отмечено, что необходимо исследование этих процессов во взаимосвязи. Ключом к решению данной задачи может служить развитие концепции управления цепями поставок или так называемый логистический подход в системе управления.

Отмечено, что оценка эффективности логистических решений должна носить комплексный характер и быть направлена на разносторонний анализ логистической деятельности компании и рациональности принятого логистического решения.

Ключевые слова: логистика, эффективность, системный подход, показатели, оптимизация, логистические решения.

Иванова О. А. Системний підхід в ході оцінки ефективності логістичних рішень

Анотація. Представлений системний підхід до управління діяльністю підприємства з урахуванням сукупності технологічних і нетехнологічних процесів, що дозволить вести найбільш обґрунтовану і доцільну політику менеджменту, спрямовану на досягнення поставлених цілей, у тому числі і фінансових результатів роботи підприємства. Доведена необхідність постійного і усебічного аналізу впливу допоміжних і обслуговуючих процесів на операційну діяльність підприємства, відмічено, що потрібне дослідження цих процесів у взаємозв'язку. Ключем до рішення цієї задачі може служити розвиток концепції управління ланцюгами постачань або так званий логістичний підхід в системі управління.

Відмічено, що оцінка ефективності логістичних рішень повинна носити

комплексний характер і бути спрямована на різнобічний аналіз логістичній діяльності компанії і раціональності прийнятого логістичного рішення.

Ключові слова: логістика, ефективність, системний підхід, показники, оптимізація, логістичні рішення.

***Ivanova O. A.* A system approach to logistic solutions efficiency evaluation**

Annotation. The article presents a system approach to the company management in terms of the whole of technological and non-technological processes which ensures the most reasonable and expedient management policy aimed at achieving the set goals, including the company financial results. The necessity for a continuous and comprehensive analysis of the support and service process impact on the company operating activities has been proven; the need for a research into the above processes with reference to each other has been highlighted. The development of the supply chain management concept or the so-called logistic approach to the management system can be the key to the above problem.

It has been noted, that the logistic solutions efficiency evaluation should be comprehensive and aim at a comprehensive analysis of the company logistic activities and the rationality of the adopted logistic solutions.

Key words: logistics, efficiency, system approach, indicators, optimization, logistic solutions.

В современных условиях хозяйствования, каждое предприятие занимается поиском оптимизации процессов, осуществляемых в ходе его функционирования с целью повышения эффективности деятельности предприятия. Безусловно, ключевой задачей является оптимизация основных процессов на предприятии, вместе с тем вспомогательные и обслуживающие процессы любого предприятия, особенно в сфере производства, обеспечивающие эффективное функционирование операционной деятельности, требуют пристального внимания с точки зрения планирования, организации, контроля и других функций управления, непосредственно связанных со спецификой работы предприятия. Системный подход к управлению деятельностью предприятия с учетом совокупности технологических и нетехнологических процессов позволит вести наиболее обоснованную и целе-

сообразную политику менеджмента, направленную на достижение поставленных целей, в том числе и финансовых результатов работы предприятия, отвечающим принципам самокупаемости и самофинансирования, прибыльности, платежеспособности, ликвидности и экономичности. Все это обуславливает необходимость постоянного и всестороннего анализа влияния вспомогательных и обслуживающих процессов на операционную деятельность предприятия, исследование этих процессов во взаимосвязи, то есть, стремясь повысить эффективность своей работы, предприятия должны контролировать технологические стадии, которые предшествуют основному производству или следуют за ним. Подобным принципам стратегического развития могут успешно следовать предприятия различной отраслевой принадлежности. Вместе с тем, с позиции сегодняшнего дня, во многих бизнес-ситуациях развивать стратегию вертикальной интеграции не представляется целесообразным. В последние три десятилетия в мировой экономике прослеживается обратная тенденция – предприятия пытаются повысить свою конкурентоспособность, концентрируясь на направлении своей работы, рассматриваемом ими в качестве основного. В этих условиях происходит переход от вертикальной к так называемой, виртуальной интеграции. Для того чтобы этот переход стал успешным, менеджеры предприятий должны научиться управлять активами и процессами, которые не могут контролировать прямо, но эффективность функционирования которых должны отслеживать. Ключом к решению данной задачи может служить развитие концепции управления цепями поставок или так называемый логистический подход в системе управления.

Принятие логистического решения направлено на выбор наиболее рационального варианта, способствующего лучшему, наиболее эффективному достижению логистической цели, при сложившемся состоянии внешней среды. При этом, под логистическим решением понимается реализация логистического подхода в выбранной сфере хозяйственной деятельности предприятия.

Первым шагом на пути принятия логистического решения является его утверждение и согласование в рамках всей логистичес-

кой системы. Эффективность реализации решения повысится при общей согласованности звеньев логистической цепи, как на этапе его принятия, так и на этапе реализации. При принятии логистических решений, важно не только выявить проблемы и разработать пути их решения, но также достигнуть максимальной эффективности на всех стадиях принятия логистического решения.

В широком смысле, эффективность выражается в продуктивности использования ресурсов для поставленной цели. По сути, можно сказать, что эффективность – это степень достижения поставленной цели, и она может проявляться в любой общественной сфере, такой как: экономическая, социальная, политическая, экологическая, этическая и другие. Но применительно к логистике, стоит рассмотреть экономическую эффективность.

В экономике, под эффективностью понимают соотношение между финансовыми результатами, как правило, прибылью и затратами, либо денежным потоком, дисконтированным денежным потоком и издержками в том либо ином виде, связанными с этими результатами.

В логистике эффективность достигается за счет оптимизации материального и сопутствующих потоков, что и является основополагающей целью логистики. Следовательно, эффективное логистическое решение должно быть направлено на рациональное управление материальным потоком и его координацию, и своевременное выявление проблем, которые могут помешать этому [2].

В большинстве своем специалистами выделяется в качестве ключевых показателей эффективности применения логистического подхода в системе управления минимизацию запасов, снижение транспортных расходов и минимизацию времени транспортировки материальных запасов. Безусловно данные достижения экономической эффективности за счет логистики являются ведущими, вместе с тем, можно выделить еще ряд преимуществ, которые дает логистическая система как инструмент, способствующий повышению организации и управления на предприятии. Так, например, логистическая система минимизирует потери времени в логистической цепи: основное, вспомогательное, обслуживающее производство и системе факторов внешней среды логистики посредством

упорядоченных и согласованных действий. Тем самым реализуя такие принципы организации труда и производства как непрерывность, ритмичность, прямоточность, равная пропускная способность и др. Все это способствует сокращению цикла производства и реализации продукции предприятия, следовательно, и ускорению оборачиваемости оборотных средств, снижению себестоимости продукции, а значит и повышению эффективности деятельности предприятия в целом. Экономическая эффективность возникает также при снижении транспортных расходов. Решая транспортные задачи, оптимизируя маршруты, сокращая холостые пробеги, достигается значительная экономия средств.

Таким образом, оценка эффективности логистических решений должна носить комплексный характер и быть направлена на разно-сторонний анализ логистической деятельности компании и рациональности принятого логистического решения.

Несмотря на многообразие рассматриваемых показателей, оценивающих эффективность логистических решений, стоит отметить сложность их определения и необходимость группировки по функциональным областям логистики [1].

При анализе общих логистических издержек могут возникнуть трудности из-за закрытости информации фирм-конкурентов, современная система бухгалтерского учета не классифицирует многие логистические издержки, сложности оценки ущерба от логистических рисков. Проблематичность оценки логистического сервиса заключается в сложности оценки параметров качества сервисного обслуживания и необходимости постоянного контроля над уровнем качества сервиса. Оценка производительности логистической системы связана с разноплановостью характеризующих показателей, необходимостью соотнесения с функциональными областями логистики. Оценка продолжительности логистического цикла проблематична из-за сложности объективной оценки затрачиваемого времени, в связи с наличием большого количества логистических операций. Оценка рентабельности инвестиций, вложенных в объекты логистической инфраструктуры проблематична из-за сложности расчета дохода от объектов логистической инфраструктуры [1].

При определении показателей эффективности логистических решений необходимо учитывать сферу деятельности предприятия, в которой реализуется логистический подход.

Список литературы

1. Антонова А. Н. Логистические решения: показатели эффективности // Экономика и современный менеджмент: теория и практика : сб. ст. по материалам XI–XII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2016. – № 6(60). – С. 78–82.
2. Гаджинский А. М. Логистика / А. М. Гаджинский. – 21-е изд. – М. : Дашков и Ко, 2013. – 420 с.
3. Моисеева Н. К. Экономические основы логистики / Н. К. Моисеева. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 320 с.

References

1. Antonova A. N. Logistichesie resheniya: pokazateli effektivnosti // Ekonomika i sovremennyiy menedzhment: teoriya i praktika : sb. st. po material. XI–XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.–Novosibirsk, 2016.– № 6(60). – S. 78–82.
2. Gadzhinskiy A. M. Logistika / A. M. Gadzhinskiy. – 21-e izd. – M. : Dashkov i Ko, 2013. – 420 s.
3. Moiseeva N. K. Ekonomicheskie osnovyi logistiki / N. K. Moiseeva. – M. : INFRA-M, 2015. – 320 s.

УДК 330.342

*А. А. Клочко***ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация. В статье приведена характеристика информационной экономики. Автор рассматривает становление теории информационной экономики и влияние современных информационных технологий на различные стороны социально-экономической жизни. Приводятся различные варианты критериев, с помощью которых можно определить наличие информационных феноменов в экономике и значение информации в современном общественном развитии. В работе проанализированы причины и последствия изменения типов организации предприятия в условиях информационной революции. Рассмотрены особенности сетевой организации взаимодействия субъектов информационной экономики. Автор обращает внимание на принципиальные изменения в поведении основных экономических субъектов (потребителей, работников, фирм, государства) под воздействием новых технологий и на особенности осуществления в новых условиях государственной экономической политики.

Ключевые слова: информационная революция; информационная экономика; сетевая экономика; информационное общество; софтверизация; информационная сеть.

Клочко Г. А. Трансформація соціально-економічних відносин в умовах інформаційної економіки

Анотація. У статті наведено характеристику інформаційної економіки. Автор розглядає становлення теорії інформаційної економіки та вплив сучасних інформаційних технологій на різні сторони соціально-економічного життя. Наводяться різні варіанти критеріїв, за допомогою яких можна визначити наявність інформаційних феноменів в економіці і значення інформації в сучасному суспільному розвитку. В роботі проаналізовані причини та наслідки зміни типів організації підприємства в умовах інформаційної революції. Розглянуто особливості мережевої організації взаємодії суб'єктів інформаційної економіки. Автор звертає увагу на принципові зміни в поведінці основних економічних суб'єктів (споживачів,

працівників, фірм, держави) під впливом нових технологій і на особливості здійснення в нових умовах державної економічної політики.

Ключові слова: інформаційна революція; інформаційна економіка; мережева економіка; інформаційне суспільство; софтверізація; інформаційна мережа.

Klochko A. A. Transformation of social and economic relations in the information economy

Annotation. The characteristics of information economy is discussed in the article. The author considers the development of the information economy theory and the influence of modern information technologies on different aspects of social and economic life. Various criteria are considered which make it possible to identify the information phenomena in economy, as well as the importance of information in today's social development. The causes and consequences of changes in the types of enterprise organizations in the conditions of information revolution are analyzed. The author examines the characteristics of the network organization of the subjects of the information economy interaction and draws attention to the principal changes in the behavior of key economic actors (consumers, workers, firms, the government) under the impact of new technologies and the specifics features of the government economic policy under the new conditions.

Keywords: the information revolution; information economy; network economy; information society; softverization; information network.

Информационная экономика – это современная стадия цивилизационного развития, базирующаяся на преобладающей роли информативных продуктов и творческого труда. Разработки теории информационной экономики ведутся с 70-х годов XX столетия. В трудах таких зарубежных ученых как Д. Белл, П. Дракер, М. Кастельс, Й. Масуда, Ф. Махлуп, М. Порат, Т. Стоуньер, Э. Тоффлер, Т. Умесао, К. Эрроу и др. исследуется роль информации и знания в общественном развитии, анализируются социально-экономические последствия информационной революции, информационное производство, информационные ресурсы, механизмы функционирования сетевой экономики и др. В российской науке проблемы информационной экономики освещены в научных работах О. С. Сухарева, Р. М. Нижегородцева,

С. А. Дятлова, А. Зуева, И. И. Родионова, Б. В. Корнейчука, А. Б. Курицкого, Т. П. Николаевой, Л. Мясниковой, А. А. Пороховского, И. А. Стрелец, В. Л. Тамбовцева, Ю. В. Трифонова, М. И. Фрида, Г. С. Хижи и др. Украинские ученые А.И. Яковлев, Л. Н. Ивин, В. М. Куклин и др. применяют в исследовании информационной экономики в основном подходы с позиции производства информации и функционирования рынка информации. На наш взгляд, в отечественных исследованиях недостаточно освещены антропогенные особенности становления информационной экономики. А для украинской действительности это особенно актуальные проблемы, поскольку выход из сложившегося кризиса невозможен в виде возврата к прошлым достижениям советской экономики. Поэтому в данной статье мы обратимся к анализу роли индивида как участника производства, государства как регулятора общественных процессов и структуры общества.

Развитие информационной экономики предполагает, что электронные компоненты играют все большую роль в функционировании широкого круга продуктов, в том числе не принадлежащих к традиционному электротехническому сектору. Электроника изменяет как сами продукты, так и способы их производства. Увеличивается мощность, разнообразие продуктов, снижается их стоимость, в то же время, благодаря миниатюризации и интеграции электронных компонентов, сокращается время производства. Увеличивается доля затрат на исследования и разработки, процесс создания добавленной стоимости перемещается со сборки на производство компонентов. Доминирующую роль играет программное обеспечение.

Если до сих пор продукт понимался как физический объект, выполняющий определенные функции, то сегодня потребителя интересуют те услуги, которые он способен предоставить. Чрезвычайную важность в этой связи приобретает ориентация на потребителя, знание его запросов.

Признаком перехода к информационному обществу может служить изменение организации предприятия, основанное на передаче информации внутри предприятия. Снижение стоимости передачи информации с помощью новых информационных технологий имеет

ефект формирования «организации сетевого типа». Если число членов, входящих в состав организации составляет n , то «организации сетевого типа» требуется количество информационных связей, выражаемое формулой $n(n-1)/2$. Для предприятий доинформационного периода, с присущей им «организацией сосредоточенного типа» и «организацией централизованного типа», требуется соответственно всего $n-1$ информационных связей. При количестве членов больше трех «организация сетевого типа» требует большего информационного обращения [1, с. 67]. Если стоимость информации превышает определенную величину, работа «организации сетевого типа» становится малоэффективной. Существование организаций «сосредоточенного» типа и «централизованного» в обществах до информационной революции можно объяснить как результат стремления повысить эффективность затрат на передачу принятых решений.

Современная информационная революция преодолевает недостатки указанных систем. В результате информационной революции стала возможной передача более сложных и индивидуальных решений и творческих замыслов каждого члена организации. Стоимость такой передачи не равна 0, однако она настолько мала, что преимущества передачи информации превышает затраты на нее. Таким образом, информационная революция быстро делает устаревшими организации «сосредоточенного типа» и «централизованного типа» и в социальном отношении требует сокращения разницы в объеме информации, доступной для различных категорий служащих предприятия [2, с. 4]. Следовательно, технологическая база информационной революции является определяющим фактором того, что односторонняя «деспотия капитала», т. е. монополия капиталистов на право решения и информации, постепенно начинает утрачиваться. Одновременно информационная революция оказывает влияние на масштаб предприятия. Она создает новые возможности для развития предприятий небольшого масштаба, на которых решения, по крайней мере, отдельных вопросов должны приниматься самими рабочими в пределах их компетенции.

До информационной революции процесс увеличения масштабов предприятий происходил потому, что крупное предприятие имело

преимущество перед малым за счет производственной деятельности. Пример из черной металлургии: чем больше габариты доменной печи, тем ниже себестоимость единицы продукции, что обеспечивает преимущества конкуренции. То есть, «преимущество масштаба» являлось важным условием появления и процветания крупных предприятий. Современная информационная революция делает это условие совсем необязательным в конкурентной борьбе.

Это происходит в процессе, когда капиталовложения в оборудование, обычно инвестируемые только в соответствующие виды производства, становятся возможными и в другие отрасли. Мощные компьютеры, являющиеся основным средством производства отраслей, связанных с передачей информации, только путем изменения программного обеспечения могут быть использованы в других отраслях. Предприятия, владеющие такими компьютерами, обладают потенциальной возможностью внедрения в другие отрасли, в то же время они постоянно подвергаются опасности вмешательства со стороны предприятий других отраслей, имеющих компьютеры такой же мощности. Одним словом, препятствий для внедрения со стороны различных отраслей становится все меньше. В связи с этим монополизация рынка предприятиями становится все труднее. Даже, если просто повышается потенциальная опасность такого внедрения, цена предотвращения внедрения различных отраслей определенно снижается. В результате этого возникает конкурентный рынок, и на рынке определенных товаров фактически идет жесткая конкуренция между многими предприятиями. В настоящее время, когда, даже в традиционных отраслях промышленности наблюдается тенденция увеличения добавленной стоимости за счет дополнительной обработки, между отраслями происходит демонополизация рынка. При этом мелким и средним предприятиям также предоставляется большой шанс в бизнесе.

Программное обеспечение характеризуется «общим входом» во всех отраслях, одновременно сама возможность «софтверизации» различного вида работ становится повсеместной, поэтому происходит процесс взаимного проникновения отраслей и слияния рынка. «Софтверизация» предполагает развитие непромышленных

(интеллектуальных) средств экономического общества, которые включают в себя научные знания, информатизацию, дизайн, маркетинг, общественные отношения, программное обеспечение ЭВМ и т. д. «Софтверизация» и, как ее результат, рост доли добавленной стоимости в товаре быстро возрастают [1, с. 246]. Это еще больше ужесточает конкуренцию на рынках, причем даже мелкие предприятия при условии разработки хорошего программного обеспечения могут проникать в сферы, контролируемые крупными монополиями и предприятиями.

Использование информационной сети (или средств передачи информации между организационными структурами) вместо упомянутого выше «преимущества масштаба» становится сегодня наиболее важным фактором производства. Если, в этих условиях суметь использовать эту новую «экономичность» (экономичность связи между организационными структурами), то даже мелкие предприятия смогут на равных конкурировать с крупными. Это требует повышения удельного веса рационализаторских предложений рабочих в деятельности предприятия. Со стороны участников трудового процесса интерес к работе, порождающей желание работать, стимулируется чувством удовлетворения от работы и потребностью в самореализации как одной из наиболее сильных человеческих страстей. Требование самореализации проявляется в желании и стремлении разорвать оболочку, ограничивающую собственные возможности, проверить и проявить свои собственные возможности в полной мере в целях достижения контроля над объектом. Труд, будучи сущностью человека, изначально является выражением внутренней стороны личности, иначе говоря, в труде и происходит самореализация личности. В условиях индустриального капитализма, с его деспотизмом капитала, такой труд не может быть реализован, поскольку интеллектуальный и физический труд жестко разделены. В современном информационном обществе такая самореализация не только начинает осуществляться, но и приобретает характер устойчивой тенденции. Термин «софтверизация» не означает, что машины становятся ненужными. Сильной стороной машин является работа, связанная с количественными характеристиками (сила,

размер, скорость, точность и т. д.). А такие качественные характеристики, как красота, свежесть, утонченность, изящество формы, привлекательность могут воспроизводиться только богатым воображением человеческого ума. Именно эти качественные характеристики становятся в последнее время наиболее важными для товарной продукции, и, как уже отмечалось выше, решающую роль приобретает добавленная стоимость, создаваемая интеллектуальным трудом человека. «Производительные силы человека» существенным образом отличаются от «производительных сил мастерства» в период феодализма, потому, что это мастерство было полностью заменено машинами. В настоящее время производительные силы человека не могут быть замены никакими машинами, для которых недоступно творческое генерирование идей. Например, процесс мышления, в котором при обдумывании идеи человеком *A* и человеком *B* получается один и тот же ответ, теперь может быть заменен работой компьютера. В настоящее время требуются такие производительные силы человека, которые не могут быть заменены машинами. Требуется нечто такое, что переходит из области рационального в область индивидуальности и чувствительности.

Упомянутое изменение отношений между наемным трудом и капиталом формирует у работника сознание того, что он в любое время может перейти в другую фирму или открыть свою. Таким образом, формируется перекрестный рынок труда по профессиям, в пределах которого наблюдаются переходы с одного предприятия на другое.

В этих условиях отдельным предприятиям (капиталу) продолжать монополизировать результаты незаменимого индивидуального труда становится все труднее. Следовательно, общественный труд, до сих пор находившийся как бы запертым у отдельных компаний, впервые становится действительно общественным трудом, являющимся частной собственностью самого работника, и выступает устранением противоречий между «общественным характером производства и частным характером присвоения».

Упомянутые изменения совершенно необходимы для собственной цели капитала – получение прибыли, поэтому они будут неизбежно

происходит независимо от того, нравится это кому-либо или нет. Ввиду жесткой конкуренции между предприятиями данный процесс становится необратимым [3, с. 175].

Технологической базой нового информационного общества является современная информационная революция. Широкое распространение компьютерной техники делает труд человека действительно трудом, который может быть выполнен только человеком.

Именно на технологической базе, основанной на информационной революции, развиваются такие современные тенденции, как изменение структуры предприятий (создание системы независимых производственно-коммерческих подразделений на предприятии, разделение фирм на более мелкие) или децентрализация власти.

Такие изменения создают условия и возможности для того, чтобы более полно учитывать различные вкусы и склонности потребителей. Происходит переход к потребительскому обществу, формулой которого является производство большого ассортимента изделий в небольших количествах. Именно небольшая разница в изделии, которую могут обеспечить мелкие предприятия, нередко действуют как наиболее важный фактор конкурентоспособности, что влечет за собой децентрализацию власти внутри крупных предприятий. При централизованном управлении производством большого ассортимента изделий на одном предприятии возникает необходимость в обработке огромного количества информации в «центре» фирмы. Это вызывает нарушения функций управления. И тогда, даже если не происходит разделение крупных фирм на более мелкие, то децентрализация власти внутри предприятий для решения производственных задач становится неизбежной.

Информационная техника, которой пользуются изготовители товаров, может также быть использована потребителями для сбора информации о товарах предприятия. Если понимать информационную революцию как снижение стоимости сбора информации, то в целом можно сказать, что в результате этого снижения значительно сокращается стоимость товарных сделок (стоимость информации плюс расходы на перевозку) между отдельными партнерами,

благодаря чему расширяется сфера товарообращения. Современная интернационализация (глобализация рыночной конкуренции), приводящая в движение большие массы людей и товаров во всем мире, можно полагать, является поистине важным результатом информационной революции. Таким образом, современная информационная революция приводит к тому, что ликвидируется изоляция различных удаленных районов, упраздняется монополия рынка и расширяется социальный обмен между людьми и странами через обмен товаров.

В информационном обществе значение рынка не ограничивается необходимостью снижения стоимости сделки и расширения выбора. В условиях, когда мелкие предприятия более эффективно создаются творческой инициативой индивидуальных лиц, свободный рынок, предоставляющий альтернативу выбора, является общественно необходимым. Индивидуальность, как новая производительная сила, существует только в отдельных индивидуумах и не является предметом вмешательства со стороны других людей. Кроме того, в этой области невозможно принимать разумные решения относительно того, какой выбор правильный, а какой ошибочный, поскольку это уже дело вкуса. По этой причине вмешательство других людей теряет всякую рациональность. Именно поэтому индивидуальность в качестве высшей ценности требует свободы и автономии для каждого человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте глобализованного информационного производства происходит сдвиг и в отношениях между государством и капиталом. В условиях информационного производства основным продуктом присвоения становятся не вещи, а идеи – информация, знание. В связи с этим возникают сложные проблемы определения и регулирования прав собственности, которые капиталу трудно решить без национального государства – сильного, профессионального и компетентного. Таким образом, современное информационное производство требует важного участия государства в глобальной информатизируемой экономике. В условиях информационного общества изменение условий произ-

водства привело к изменению условий получения прибыли. Переход от старой модели «массовое производство – массовое потребление» к модели «интенсивное наукоемкое диверсифицированное производство – избирательное качественное потребление» не позволяет капиталу сводить оплату труда к минимальным издержкам воспроизводства рабочей силы. Размытие границ стоимости рабочей силы обусловлено ростом требований к уровню образования, профессиональной подготовки, созданию творческой мотивации, а значит, к культурному уровню работника в целом. Обостряющаяся конкуренция, необходимость постоянного обновления предприятия в интересах его выживания, завязанность работника на социально-страховые услуги фирмы приводят к необходимости участия непосредственных работников в функции накопления предприятия. Следовательно, сама трансформация условий производства приводит к усилению процесса социализации. Эта тенденция развивается параллельно с процессом повышения рыночной компоненты, способствующей установлению горизонтальных связей сетевого типа и разрушению старых иерархических структур. Переход к новой демографической ситуации, когда каждое последующее поколение в развитых странах малочисленнее предыдущего, делает единственно возможной основой обеспечения растущей доли престарелых повышение производительности труда, которое может быть достигнуто высокоэффективным использованием накоплений.

Список література

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ – ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Львов Д. Без эффективной экономики знаний у нашей страны нет будущего [Электронный ресурс] / Д. Львов. – Режим доступа: <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/226>.
3. Маркс К. Сочинения : в 50 т. / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – М. : Гос. изд-во полит. лит. – 1969. – Т. 46, ч. 2. – 244 с.
4. Мельянов В. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах / В. Мельянов. – М. : ИНИОН РАН, 2010. – 176 с.

References

1. Kastels M. Informatcionnaya epoha ekonomika, obshchestvo I kultura / M. Kastels; per. s angl. O. I. Shkaratana. – M. GU-VSE, 2009. – 608 s.
2. Lvov D. Bes effektivnoj ekonomiki znaniy u nashej strany net budushchego [Elektronnyj resurs] / D. Lvov. – Rezhym dostupa: <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/226>
3. Marks K. Sochinenija: v 50 t. / Karl Marks, Fridrich Engels. – M.: Gos. izd-vo polit. lit. – 1969. – T. 46, ch. 2. – 244 s.
4. Meljanov V. Informatcionnaja reyolutcija, globalizacija I paradoksy sovremennogo ekonomicheskogo rosta d razvityh I razvivaushchihsja stranah / V. Meljanov. – M.: INION RAN, 2010. – 176 s.

УДК 316.776.33

*К. Mykhaïlyova, L. Artemenko, A. Voronenko***THE UKRAINIANS' INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN MODERN SOCIETY:
THE BASE THEORETICAL ACCENTS**

Annotation. The article is devoted to the phenomenon of the Ukrainians' contemporary intercultural communication. Its purpose is to identify the basic theoretical points of intercultural communication analysis in modern Ukrainian society. To achieve the purpose declared, the article focuses on a sociological interpretation and operationalization of the concepts of "communication" and "intercultural communication". The basic methodological approaches to the research of intercultural communication have been analyzed. The authors make the conclusion that the functional approach to the analysis of cross-cultural communication of the Ukrainians is the most effective one. The actual agents of intercultural communication, conflict and consensual potentials of intercultural communication have been identified. The main nine markers of intercultural communication, the so-called barriers, have been specified as well. They include linguistic, stereotyped, ethno-cultural, psychological ones, locus of control, context, perception of space, time and attitude to religion.

Key words: communication, cross-cultural communication, communication barriers.

Михайлєва Е., Артеменко Л., Вороненко А. Межкультурная коммуникация украинцев в современном обществе: основные теоретические акценты

Аннотация. Статья посвящена систематизации теоретических основ анализа феномена межкультурной коммуникации современных украинцев. Ее цель – определить основные теоретические аспекты анализа межкультурной коммуникации в современном украинском обществе. Для достижения заявленной цели в статье осуществлена социологическая интерпретация и операционализация понятий «коммуникация» и «межкультурная коммуникация». Идентифицированы фактические агенты межкультурной коммуникации, ее конфликтный и функциональный потенциал. Проанализированы основные методологические подходы к исследованию межкультурной коммуникации. Авторы делают вывод о том, что функциональный подход к анализу межкультурной коммуникации украинцев является наиболее

эффективным. Выделены основные маркеры/барьеры межкультурной коммуникации. Среди них: лингвистические, стереотипы, этнокультурные, психологические, локус контроля, контекст, восприятие пространства, времени и отношение к религии.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная коммуникация, барьеры общения.

Михайльова К., Артеменко Л., Вороненко А. Міжкультурна комунікація українців у сучасному суспільстві: основні теоретичні акценти

Анотація. Стаття присвячена систематизації теоретичних основ аналізу феномену міжкультурної комунікації сучасних українців. Її мета – визначити основні теоретичні аспекти аналізу міжкультурної комунікації в сучасному українському суспільстві. Для досягнення заявленої мети в статті здійснено соціологічну інтерпретацію і операціоналізацію понять «комунікація» і «міжкультурна комунікація». Ідентифіковано фактичні агенти міжкультурної комунікації, її конфліктний і функціональний потенціал. Проаналізовано основні методологічні підходи до дослідження міжкультурної комунікації. Автори роблять висновок про те, що функціональний підхід до аналізу міжкультурної комунікації українців є найбільш ефективним. Виділено основні маркери / бар'єри міжкультурної комунікації. Серед них: лінгвістичні, стереотипи, етнокультурні, психологічні, локус контролю, контекст, сприйняття простору, часу і ставлення до релігії.

Ключові слова: комунікація, міжкультурна комунікація, бар'єри комунікації.

Contemporary world depends on permanent communication among people. Without the transfer of information it is impossible to build up social communities, social institutions and organizations. Communication has become an object of the sociological analysis since the beginning of rapid development of mass media when the social world lost its formerly local limits, and communicative activities of social actors began to acquire global scope. At the same time complexity of human relations (creation of extensive social welfare organizations, the differentiation of spheres of human life) inevitably led to the need for practical solutions of the problems of relationship between people and social communities.

The modern process of globalization leads to the expansion of interrelation

and interdependence of different countries, nations and cultures. Today it is impossible to find a culture that has not experienced the impact of other cultures.

In the past, it was believed that cultural differences were the barriers and obstacles to communication and joint activities. Today, there exists a belief that ethno-cultural differences, if properly dealt with, can serve as a source of additional resources, not potential problems. They believe that cultural diversity increases the competitiveness of the multinational organization. However, the inability to use it properly can lead to intercultural conflicts and communication failures.

Ukraine is now more actively involved in the processes of globalization in various areas. Therefore, the issues of intercultural communication are relevant for this country.

Intercultural communication became a subject of interest for scholars in the twentieth century. A number of linguists, anthropologists, including E. Hall, who is considered to be the founder of the study of intercultural communication as a field of cultural anthropology, K. and F. Kluckhohn, George Gumpers and others laid the foundation for research and practical application of theoretical knowledge of cultural differences. The provisions of “understanding Sociology”, Max Weber’s ideas, the theory of linguistic relativity suggested by E. Sapir and B. Whorf, the concept of cultural relativism, the provisions of interpretive anthropology of Geertz, and a number of other concepts and ideas were of great importance for the development of cross-cultural studies.

There have been certain studies on the cultural characteristics of many European, Asian countries and the United States. But there are few studies of this kind, which would demonstrate typical cultural features of the Ukrainians. To make it possible, we need to mark the key theoretical constructions, which could be used in scientific research practices in contemporary Ukraine.

The purpose of the article is to identify the main theoretical points of intercultural communication in the modern Ukrainian society.

The term “communication” appeared in the scientific literature decades ago, but quite recently it has become one of the key term for social and humanitarian knowledge. The most common meaning of the term is

interrelation of any objects. In sociology such objects are the components of society and its structures [4, p. 24].

Although the term has quite a short history, in Sociology there have developed different interpretations of the phenomenon of “communication”. According to S. V. Borisnev, communication should be understood as “the socially conditioned transfer of information and perceptions in terms of interpersonal and mass communication through different channels with the help of different means of communication” [10, p. 63]. According to the *Sociological dictionary* by N. Abercrombie, “communication is the transfer of information from one social system to another; the exchange of information between different systems by means of symbols, signs and images” [1, p. 284]. According to N. Luhmann, communication should be understood as “some historically specific proceeding, dependent on the context of the event”, a set of actions that are typical for the social systems only, the implementation of which is a redistribution of knowledge and ignorance, but not a bond or transfer of information or “semantic” content from one mental system, which possesses them, to another [11, p. 77]. M. S. Andrianov limited understanding of communication by studies of semantic aspects of social interaction [9, p. 34].

Generalization of different approaches to the understanding of communication allows one to pay attention to the essential characteristics such as the presence of two or more participants in the process, which is characteristic for social systems only, including the exchange of certain information by different means.

As many researchers note, the communication process is a dynamic exchange of information between people, occurring at different levels: formal or informal, intellectual or emotional. Despite technological advancement in the field of satellite communications, everyday life still requires our ability to communicate with each other on a personal level [2, p. 73].

Summing up the data from special literature, we can see that the basic components of social communication are usually distinguished as (a) social actors (individuals, groups, institutions); (b) channels and means of communication (oral, written documentary, electronic); (c) meaningful communication objects; (d) communication systems (special system of institutions designed to meet the needs of society for communication).

However, this process is increasingly incorporated into a new system of values, cultural norms and practices that attaches special importance to the process of cross-cultural communication.

Relations between different cultures are called “intercultural communication”, which means “exchange between two or more cultures of the products of their activities, carried out in various forms, as well as those influences, reciprocal changes that occur in the course of this exchange,” [4, p. 48]. In scientific discourse the term “cross-cultural communication” is related to the concept “intercultural communication” that gives us an ability to use them as synonyms.

Intercultural communication has become the object of active research in the 1950s. The concept of “intercultural communication” was first formulated in 1954 in a research by G. Treyger and E. Hall “Culture and Communication. Analysis Model”. In their work the intercultural communication is understood as “the ideal goal to which man should aspire in their desire as much as possible and efficiently adapt to the world” [13, p. 65].

In a narrow sense, the term “intercultural communication” appeared in the literature in the 1970s, in the textbook by L. Samovar and R. Porter “Communication between cultures» [25]. In modern science, such understanding of intercultural communication stresses a particular impact of specific national cultures that face each other in the process of communicative interaction.

Intercultural communication is traditionally interpreted as communication between individuals belonging to different cultures, “carriers of different national mentality” [2, p. 77]. It embraces both the area of foreign policy (then “players” in this field are nations as its macroactors), and the space of domestic policy (in this case we are talking about large and small social groups and social institutions and individual organizations represented by exact persons). Actual agents of intercultural communication, however, are always real people [4, p. 94].

The research of the phenomenon of intercultural communication shows that it contains both the consensual and the conflict potentials. Intercultural contacts may cause a lot of problems, due to mismatch of norms, values, attitudes, characteristics, etc. “They cannot be eliminated in the process

of interaction, so the success of the interaction depends on achieving consensus on the rules and patterns of communication, that do not infringe upon the interests of different cultures. The adaptation of traditional monocultural models to a new social environment against the background of the preservation of cultural diversity in the world becomes inevitably interactions” [12, p. 113].

Numerous practical examples from the history of interaction of cultures prove that the conflict potential is originally laid in the process of intercultural communication [10, p. 78]. It is linked to people’s awareness of their interests as members of various social groups in the context of the interests of other stakeholders.

The most complex system of social relations are ethnic conflicts, manifested as an extreme sharpening of contradictions between peoples in the solution of political, territorial, economic, cultural, religious and other issues perceived as fundamental by representatives of relevant ethnic groups and thus requiring solution [8, p. 263].

The cultural differences are not necessarily the only causes of communicative conflicts in intercultural communication. Behind them there are often issues of power or status, social stratification, generation gap, etc. In real life, “pure” cross-cultural conflicts do not occur. Real relationships presuppose the existence of a plurality of mutual conflicts.

Thus, intercultural communication is a phenomenon of modern times, the specificity of the social space and the subjects of communicative interaction in it. For Ukraine, this specificity is not just there, but also changes dynamically. That is why the analysis of intercultural communication in Ukraine is possible only in the measurement of specific indicators that can be monitored empirically.

As scientific researches show, modern intercultural communication is determined by a number of features. However, one can argue that these features have effect of the same type on the process of communication. For this reason, we consider it necessary to determine the main markers, for which it is advisable to analyze intercultural communication in Ukraine. In consideration of the conflict potential that we have described we choose the most common barriers of cross-cultural interactions as markers.

Broadly speaking, the barriers are defined as “problems that arise in

the course of interaction, or let it reduce its effectiveness” [3, p. 178]. One of the sociological interpretations of communicative barriers can be reduced to its definition through the categories of conditions or factors that hinder an interaction and prevent the exchange of information.

Cross-cultural barriers between partners in direct interaction are manifested at the level of content as a lack of understanding of partners, which is usually caused by different levels of intercultural competence of partners. This communicative competence here involves not only grammatically correct speech, but also the acceptability of statements and behavior in the communication process in accordance with the culture in the system of rules.

Analyzing the literature and summing up the data allows us to say that the following types of communication barriers arise in the process of intercultural communication [1; 2; 4; 8; 10; 12; 13; 14]:

1. Language barriers. Representatives of different cultures use different models of perception of social reality through symbolic systems, and this is reflected in their use of language structures, styles of oral and written communication. According to scientists, linguistic problems are often the first (and thus the most memorable) difficulties in dealing with other cultures. Accordingly, formation and development of linguistic competence of social actors is viewed as important for effective cross-cultural communication. Language competence lies in the skilful use of common language forms, understandable and accessible to all participants in intercultural communication [12]. Besides, the ability to speak two or more languages – is an important stepping stone to the development of intercultural competence.

2. Stereotypes. Features of national and ethnic awareness of different cultures often are the hurdles of intercultural interaction. In this context the following aspects of consciousness are of particular interest: the trend towards ethnocentrism, i.e. negative evaluation of the propensity of other cultures through the prism of one’s own standards; stereotyping of ethnic consciousness, which manifests itself in the formation of a simplified view of other cultures and their representatives; prejudice as a result of selective inclusions in the process of cross-cultural contacts, including sensory perception, negative past experiences, etc. These effects are particularly

important as potential barriers to cross-cultural interactions in the early stages of interaction in a situation of incomplete information about the identity of the partners [5, p. 138]. It is in the context of the masses that they can unduly reduce the effectiveness of cross-cultural communication.

3. The differences in value orientations or ethnic and cultural barriers. In the theory of cross-cultural communication there is an axiomatic assertion that the behavior of participants in intercultural communication is determined by the values – of their cultures [4, p. 218]. One of the phenomena that is due to human nature inevitably accompanies intercultural relations, is ethnocentrism — “a tendency to consider the norms and values – of their own culture as a basis to evaluate and make judgments about other cultures” [1, p. 35].

Ethno-cultural communication barriers based on social, cultural, ethnic and religious differences between the partners. Here, the main reason is one of the communicants’ poor knowledge of the other’s culture. According to the scientists, “the barriers of this type due to the peculiarities of ethnic consciousness, mainstream values -and stereotypes are manifested in communion. They also generated social factors associated with the ownership of the participants of communication to various socio-cultural groups’ [8, p. 208].

4. Psychological barriers. There are psychological reactions to some or other manifestations of other cultures. The interaction with other cultures may be accompanied by great psychological stress, emotions and fears. As the researchers note, “during the intercultural communication the psychological probability of misunderstanding between partners increases significantly. Unusual patterns of behavior, logic, reasoning, infringement of distance communication, types of clothing, and so on can cause negative emotions in relation to the partner and the whole culture that it represents, and lead to failure of the entire process of communication” [7, p. 76].

5. The locus of control. The main point of D. Rotter’s theory of the locus of control is this: if a person perceives themselves responsible for everything that happens to him/her, the positive consequences of such behavior increase, and negative respectively weaken the possibility of similar behavior in similar situations in the future. If one accepts the consequences of behavior as independent of their control, but depending on the Fates,

chance or other people, the previous model of behavior does not receive any reinforcements. The locus of control, as, no doubt, a profoundly personal feature, depends, however, on the culture to which a person belongs [10, p. 142].

6. Context. An American anthropologist E. Hall compares cultures depending on their attitude to the context, which is understood as the information that surrounds and accompanies the event, i.e. something that is woven into the significance of what is happening. Most of the information in highly contextual communication is already known to person, and only a small part of it is represented with words (coded, externally marked communication). Low-contextual communication is the opposite: most of the information is transferred through a sign code.

Accordingly, all cultures can be divided with this marker into high- and low-contextual. High-contextual cultures can be considered similar in terms of the accumulated historical experience, informational facilities and so on. By virtue of tradition and historical development of these cultures they do not change much over time, so the interaction with the world around the same incentive always causes the same reaction (e.g., cultures of the Arab world, Africa, Latin America, and Asia).

For members of a highly contextual cultures a lot is said and specified through non-linguistic context: the hierarchy, status, appearance of the office, its location and layout etc. All the necessary additional information is already laid in people's minds, and the interpretation of the message, without the knowledge of such hidden factors, is incomplete or incorrect, so the languages of highly contextual cultures use a lot of hints and subtext, figurative expressions, etc. High-contextual cultures are more often than not collectivistic [8, p. 213].

Low-contextual cultures are less homogeneous, interpersonal contacts are strictly separated, so, according to E. Hall, whenever people come into contact, they need information about everything happening around. The bulk of the information is contained in the words, not in the context of communication; people often express their desires verbally without assuming that it will be understood from the communicative situation. In such societies, the greatest importance is attached to the speech (written and oral), as well as to discussing the details: nothing remains unnamed and unsaid. In

such cultures people prefer direct and open communication style when things are called by their names. Examples of such cultures are Germany, the UK, the Nordic countries, North America, Australia and New Zealand.

It should be noted that the scale of the Hall does not explain all intricacies of behavior: within the framework of the same culture one can find both high and low-contextual messages, people or demeanor. It is only the most typical or dominant type of interaction [13, p. 176].

7. Perception of space. Different cultures have their own idea of the “personal comfort zone”, which is combined with the appropriate emotional expressiveness and restraint. “People from different cultures have different understandings of body language as well as speech, oral or written. Despite the obvious differences of nonverbal behavior of different cultures, it is not always perceived as serious” [3, p. 193].

Veterans of cross-cultural business meetings believe that the differences in the following four aspects of body language are potentially the most explosive in the negotiations: proxemics (the behavior in space, the physical distance between the interlocutors), haptics (behavior of touches), ophthalmology (eye contact), kinesthetics (body movements, gestures).

8. Perception of time. As they note, “a different perception of time often leads to confusion when it comes to doing business on an intercultural level” [2, p. 169]. In this context, E. Holl distinguishes monochronic and polychronic cultures. In monochronic cultures, people at any given length of time are busy with one thing, they strictly follow the plans, schedules and arrangements, to avoid wasting time. Punctuality is important to them, and delay is considered a serious violation of social norms. In polychronic cultures, people do several things at the same time, the relationship between people is more important than plans and schedules [13, p. 283].

Robert D. Lewis in his comparison of cultures also uses similar categories. He divides culture into three types: monoactive (or linearly arranged) polyactive and reactive. Monoactive do one thing in the period of time, fully focused on it and operate on a predetermined schedule. Representatives of polyactive cultures easily rearrange and can do several things at once, but do not like to break off the conversation. Finally, reactive culture, typical for Asian countries, organize activities not on a strict and immutable plan, but according to the changing context in response to the

changes. Lewis describes reactive culture as those, who “listen”, as the representatives of these cultures rarely initiate action or discussion, preferring first to listen and find out the position of the other [10, p. 248].

9. The system of religious beliefs and views. To single out and clearly define certain basic concepts of a given culture and the factors influencing the attitude of this culture to its members, to others, to events in their environment, presents one of the major challenges to a researcher. The researchers recorded the fear of the supernatural in all cultures, and this is manifestly expressed in religions and religious beliefs [6, p.178].

Religious beliefs are reflected in the demeanor and manners of subjects of communication. Ignorance of the religious beliefs of other cultures, lack of knowledge concerning their specific features can cause misunderstandings, conflicts, breach of relations, cessation of communication for a long time or even forever.

Thus, we can speak of the nine major markers of contemporary intercultural communication.

In general, the analysis showed that the phenomenon of communication gained special significance after the rise of mass media and the start of world globalization processes. The interaction of cultures as intercultural communication is actual for using in contemporary Ukraine.

Based on our theoretical developments, we highlighted nine key markers that determine the efficiency and quality of intercultural communication. Among them are factors of language, stereotypes, ethno-cultural problems, psychological ones, locus of control, context, perception of space, perception of time, religious beliefs. Their analysis applied to our society will help to evaluate our intercultural communicative capital and provide for the recommendations as to the solutions in the problem areas of communication.

Список литературы

1. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; пер. с англ. ; под ред. С. А. Ерофеева. – М. : ОАО «Изд-во «Экономика», 1999. – 489 с.
2. Бирюков Н. И. Взаимопонимание и взаимное непонимание в условиях глобализации / Н. И. Бирюков // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. – М. : МГИМО-Университет, 2003. – С. 35–41.

3. Ричард Р. Гестеланд. Кросс-культурное поведение в бизнесе. Маркетинговые исследования, ведение переговоров, менеджмент в различных культурах / Ричард Р. Гестеланд. — Днепропетровск : ООО «Баланс-Клуб», 2003. — 268 с.

4. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 112 с.

5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с.

6. Гуревич Т. М. Непрямая коммуникация в межкультурных контактах / Т. М. Гуревич // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. — М. : МГИМО-Университет, 2003. — С. 52–59

7. Зинченко В. Г. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе, Г. П. Рябов. — М. : Флинта, 210. — 136 с.

8. Конечкая В. П. Социология коммуникаций: [учеб. для вузов] / В. П. Конечкая ; Международный университет бизнеса и управления. — М., 1997. — 304 с.

9. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий / В. В. Кочетков. — М. : ПЕР СЭ, 2001. — 416 с.

10. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с

11. Луман Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман ; пер. с нем. ; под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып 3. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. — С. 76–85.

12. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Т. Н. Персикова. — М. : Логос, 2011. — 327 с.

13. Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов / М. В. Силантьева, А. В. Шестопад // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. — М. : МГИМО-Университет, 2003. — С. 10–17.

14. Самохина Т. С. Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. / Т. С. Самохина. — М. : Р. Валент, 2005. — 216 с.

15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 315 с.

16. Царева М. А. Межкультурная коммуникация и диалог культур / М. А. Царева. — Хабаровск : ДВГУ, 2006. — 314 с.

17. Щербина И. В. Методы изучения культурных систем и межкультурных ситуаций / И. В. Щербина // Межкультурная коммуникация и профессио-

нально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы II Междунар. конф., посвященной 87-летию образования Белорус. гос. ун-та. – Минск : Тесей, 2008. – 228 с.

18. Alyssa J. Improving Cross-Cultural Communication through Collaborative Technologie: [Электронный ресурс] / J. Alyssa, O'Brien, Christine Alfano, Eva Magnusson. – Режим доступа: <https://web.stanford.edu/group/ccr/pubs/OBrienPersuasiveTech.pdf>

19. Le Baron M. Culture-Based Negotiation Styles: [Электронный ресурс] / Michelle Le Baron. – Режим доступа: <http://gevim.co.il/wp-content/uploads/2014/01/Culture-Based-Negotiation-Styles.pdf>

20. Le Baron M. Cross-Cultural Communication: [Электронный ресурс] – Michelle LeBaron. – Режим доступа: <http://www.beyondintractability.org/essay/cross-cultural-communication>

21. Lowell C. Matthews. The Impact of Globalization on Cross-Cultural Communication: [Электронный ресурс] / C. Matthews Lowell, Bharat Thakkar. – Режим доступа: <http://cdn.intechopen.com/pdfs-wm/38267.pdf>

22. Myron W. Lustig. Intercultural competence: interpersonal communication across cultures / Myron W. Lustig, Jolene Koester. – Boston: Allyn & Bacon, 2010. – 388 p.

23. Hall E. T. Beyond Culture / Edward T. Hall. – USA: Anchor Books/Doubleday, 1976. – 316 p.

24. Johnston K. The Difference Between Formal & Informal Corporate Culture: [Электронный ресурс] / Kevin Johnston. – Режим доступа: <http://yourbusiness.azcentral.com/difference-between-formal-informal-corporate-culture-11855.html>

25. Samovar L. A. Intercultural Communication: A Reader / Larry A. Samovar, Richard E. Porter, Edwin R. McDaniel. – Boston : Wadsworth, 2005. – 658 p.

26. Scollen R. Intercultural Communication. A Discourse Approach / Ronald Scollen, Suzanne Wong Scollon. – Oxford: Blackwell, 1995. – 312 p.

References

1. Aberkrombi N. Sotsiologicheskii slovar' / N. Aberkrombi, S. Khill, B. S. Terner, per. s angl.; pod red. S. A. Yerofeyeva. – M.: OAO "Izd-vo "Ekonomika", 1999. – 489 s.

2. Biryukov N. I. Vzaimoponimaniye i vzaimnoye neponimaniye v usloviyakh globalizatsii / N. I. Biryukov // Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika. – M.: «MGIMO-Universitet», 2003. – S. 35-41

3. Richard R. Gesteland. Kross-kul'turnoye povedeniye v biznese.

Marketingovyie issledovaniya, vedeniye peregovorov, menedzhment v razlichnykh kul'turakh / Richard R. Gesteland. — Dnepropetrovsk: OOO "Balans-Klub", 2003. — 268 s.

4. Gorelov I. N. Neverbal'nyye komponenty kommunikatsii / I. N. Gorelov. — M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. — 112 s.

5. Gudkov D. B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii / D. B. Gudkov. — M.: ITDGK «Gnozis», 2003. — 288 s.

6. Gurevich T. M. Nepryamaya kommunikatsiya v mezhkul'turnykh kontaktakh / T. M. Gurevich // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika. — M.: «MGIMO-Universitet», 2003. — S. 52-59

7. Zinchenko V. G. Slovar' po mezhkul'turnoy kommunikatsii: Ponyatiya i personalii / V. G. Zinchenko, V. G. Zusman, Z. I. Kirnoze, G. P. Ryabov. — M.: Flinta, 210. — 136 s.

8. Konetskaya V. P. Sotsiologiya kommunikatsiy: [ucheb. dlya vuzov] / V. P. Konetskaya; Mezhdunarodnyy universitet biznesa i upravleniya. — M., 1997. — 304 s.

9. Kochetkov V. V. Psikhologiya mezhkul'turnykh razlichiy / V. V. Kochetkov. — M.: PER SE, 2001. — 416 s.

10. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? / V. V. Krasnykh. — M.: Gnozis, 2003. — 375 s.

11. Luman N. Neveroyatnost' kommunikatsii / N. Luman, per. s nem.; pod red. N. A. Golovina // Problemy teoreticheskoy sotsiologii. Vyp 3. — SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2000. — S. 76-85.

12. Persikova T. N. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i korporativnaya kul'tura / T. N. Persikova. — M.: Logos, 2011. — 327 s.

13. Silant'yeva M. V. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v svete sovremennykh modernizatsionnykh protsessov / M. V. Silant'yeva, A. V. Shestopal // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika. — M.: «MGIMO-Universitet», 2003. — S. 10-17.

14. Samokhina T. S. Effektivnoye delovoye obshcheniye v kontekstakh raznykh kul'tur i obstoyatel'stv. / T. S. Samokhina. — M.: R. Valent, 2005. — 216 s.

15. Ter-Minasova S. G. YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya / S. G. Ter-Minasova. — M.: Slovo, 2000. — 315 s.

16. Tsareva M. A. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i dialog kul'tur / M. A. Tsareva. — Khabarovsk: DVGU, 2006. — 314 s.

17. Shcherbina, I. V. Metody izucheniya kul'turnykh sistem i mezhkul'turnykh situatsiy / I. V. Shcherbinina // Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no oriyentirovannoye obucheniye inostrannym yazykam: materialy II Mezhduna-

rodnoy konferentsii, posvyashchenoy 87-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. – Minsk: Tesey, 2008. – 228 s.

18. Alyssa J. Improving Cross-Cultural Communication through Collaborative Technologie: [Електронний ресурс] / J. Alyssa, O'Brien, Christine Alfano, Eva Magnusson. – Режим доступа: <https://web.stanford.edu/group/ccr/pubs/O'BrienPersuasiveTech.pdf>

19. Le Baron M. Culture-Based Negotiation Styles: [Електронний ресурс] / Michelle Le Baron. – Режим доступа: <http://gevim.co.il/wp-content/uploads/2014/01/Culture-Based-Negotiation-Styles.pdf>

20. Le Baron M. Cross-Cultural Communication: [Електронний ресурс] – Michelle LeBaron. – Режим доступа: <http://www.beyondintractability.org/essay/cross-cultural-communication>

21. Lowell C. Matthews. The Impact of Globalization on Cross-Cultural Communication: : [Електронний ресурс] / C. Matthews Lowell, Bharat Thakkar. – Режим доступа: <http://cdn.intechopen.com/pdfs-wm/38267.pdf>

22. Myron W. Lustig. Intercultural competence: interpersonal communication across cultures / Myron W. Lustig, Jolene Koester. – Boston: Allyn & Bacon, 2010. – 388 p.

23. Hall E. T. Beyond Culture / Edward T. Hall. – USA: Anchor Books/Doubleday, 1976. – 316 p.

24. Johnston K. The Difference Between Formal & Informal Corporate Culture: [Електронний ресурс] / Kevin Johnston. – Режим доступа: <http://yourbusiness.azcentral.com/difference-between-formal-informal-corporate-culture-11855.html>

25. Samovar L. A. Intercultural Communication: A Reader / Larry A. Samovar, Richard E. Porter, Edwin R. McDaniel. – Boston: Wadsworth, 2005. – 658 p.

26. Scollen R. Intercultural Communication. A Discourse Approach / Ronald Scollen, Suzanne Wong Scollon. – Oxford: Blackwell, 1995. – 312 p.

УДК 316.722.3

*А. В. Петрушко***НЕФОРМАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В ОРГАНИЗАЦИИ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. В статье проанализированы аспекты организационной коммуникации с точки зрения формализации коммуникативных каналов. Автор акцентирует внимание на необходимости управления организационными коммуникационными потоками, как формальными, так и неформальными с позиции лидера, руководителя, менеджера на всех уровнях структуры организационного управления. Автором рассмотрены различные подходы к определению организационной коммуникации, а также дано свое определение. В статье исследовано понятие неформальных коммуникационных потоков и даны рекомендации их регулирования в управленческой деятельности. Автором рассмотрено понятие «слухи» в системе коммуникаций организации, а также их влияние на управленческую деятельность. Обозначены основные возможные проблемы, связанные с неформальными коммуникациями, даны некоторые рекомендации к управлению слухами, возникающие в неформальном коммуникативном поле организации.

Ключевые слова: коммуникации, неформальные коммуникации, слухи, организационные коммуникации.

Петрушко А. В. Неформальна комунікація в організації: роль та значення в сучасних умовах

Анотація. У статті проаналізовані аспекти організаційної комунікації з точки зору формалізації комунікативних каналів. Автор акцентує увагу на необхідності управління організаційними комунікаційними потоками, як формальними, так і неформальними з позиції лідера, керівника, менеджера на всіх рівнях структури організаційного управління. Автором розглянуті різні підходи до визначення поняття організаційної комунікації, а також дано власне визначення. У статті досліджено поняття неформальних комунікаційних потоків і надані рекомендації щодо їх регулювання в управлінській діяльності. Автором розглянуто поняття «чутки» у системі комунікацій організації, а також їх вплив на управлінську діяльність. Позначені основні можливі проблеми, пов'язані з неформальними комунікаціями, надані деякі

рекомендації щодо управління чутками, що виникають у неформальному комунікативному полі організації.

Ключові слова: комунікації, неформальні комунікації, чутки, організаційні комунікації.

Petrushko A. V. Informal communication of the organization: role and significance in modern conditions

Summary. The article analyzes the aspects of organizational communication from the point of view of formalization of communication links. The author emphasizes the necessity to manage organizational communication flows, both formal and informal from the leader's, executive's, managers' position at all levels of the organizational management structure. The author considers different approaches to the definition of organizational communication and gives his own definition. The concept of informal communication flows has been studied and a few recommendations on their control in management activity have been given. The author considers the concept "rumors" in the system of communications and influence on management activities. The main potential problems connected with informal communications are outlined, some recommendation on managing the rumors that emerge in the field of informal communication are given.

Key words: communications, informal communication, rumors, organizational communication.

Постановка проблеми. Формирование и успешное функционирование организационных коммуникаций является важным элементом процесса управления. Сотрудники организации объединены в коммуникационный процесс взаимосвязанными и взаимообусловленными коммуникационными потоками посредством коммуникационных каналов друг с другом и внешней средой, тем самым образуют систему коммуникаций организации. Коммуникация имеет широкое применение во всех областях управления, она особенно важна для осуществления функции руководства и лидерства. Руководитель занимается коммуникационным управлением для реализации управленческих функций планирования, организации, мотивации и контроля, в сфере межличностных отношений, информационного обмена и процесса принятия решений. Для успешного функционирования организации необходима система, механизм, алгоритм

организационных коммуникаций. Но вместе с тем, организовать и контролировать все существующие коммуникации в организации достаточно проблематично в связи с одновременным функционированием как формальных, так и неформальных коммуникационных потоков, которые являются одним из факторов, определяющих дефект в управлении коммуникациями.

Анализ исследований и публикаций. Изучением неформальных видов коммуникации и их влияния занимались многие исследователи. Ольшанский Д. В. изучал слухи и сплетни как массовые социально-психологические явления. Латынов В. В. в своей работе «Слухи: социальные функции и условия появления», и Шерковин Ю. А. в работе «Слухи: их возникновение и разоблачение», изучали механизмы распространения слухов и контроля над ними. Шерковин Ю. А. также рассматривал целенаправленное создание слухов для достижения определенных целей. В своих работах они разработали классификации слухов по различным основаниям. Также изучением слухов как эффективного средства управления персоналом, занимались Грачев Г. В. и Мельник И. К. Свой вклад в развитие данной проблематики сделала Сидорская И. В. Тем не менее, сегодня вопросы неформальной коммуникации в организации требуют дополнительного изучения: динамичное развитие и трансформации общественных и экономических процессов обуславливают актуализацию научного интереса к данному феномену. Вместе с тем, пристального внимания требует вопрос функционирования и закономерностей распространения различных форм неформальной коммуникации как проявления организационных культурных образцов.

Цель статьи – определить роль и значение неформальных коммуникаций в системе организационных коммуникаций.

Изложение основного материала. Организационные коммуникации – это процессы передачи информации между сотрудниками конкретной организации с целью информирования, контроля, координации действий либо мотивации и удовлетворения социальной потребности сотрудников, которые определяют условия функционирования и успешности данной организации. Информация в данном случае понимается в широком смысле – идеи, оценки, эмоции, сведения, знания.

Коммуникационный процесс в организации можно представить как контакт между отправителем и получателем, устанавливаемый с помощью сообщения, которое направляется по определенному каналу, кодируется и декодируется получателем; имеет канал обратной связи и выделен результат (эффект) коммуникационного процесса, и может подвергаться внешнему воздействию.

Американский ученый М. Кастельс в своей работе «Информационная эпоха» акцентировал особое внимание на том, что без коммуникационных процессов невозможно управление. Поскольку оно, с одной стороны, опирается на существующие и сложившиеся формы коммуникации, с другой – формирует те формы коммуникации, которые облегчают как совместную деятельность, так и само управление [1, с. 105].

В связи с этим можно утверждать, что организационная коммуникация является инструментом управленческого воздействия, так как фактически это способ формирования не только деятельности, но и корпоративной культуры, ценностей и стратегий. В процессе коммуникации на различных организационных уровнях происходит формирование коммуникативного потенциала как отдельных сотрудников, так и организации в целом [3, с. 174].

По мнению Б. Мильнера, «процессы коммуникации позволяют руководителям эффективно выполнять свою работу и принимать решение о выборе оптимальной стратегии для достижения поставленных целей» [2, с. 143].

Анализ существующих теорий коммуникации показывает, что коммуникационные процессы в организации можно классифицировать по различным признакам, одним из которых является степень формализации. В зависимости от степени ее выраженности, выделяют формальные и неформальные коммуникации.

Формальные коммуникационные связи стандартизируют взаимоотношения между коммуникатором (передающим информацию) и реципиентом (принимающим информацию) в организации, строго регламентируемые организационными нормами, правилами, основными ценностями. Эти связи обладают высокой устойчивостью и надежностью и направлены на достижение организационных целей.

Неформальные коммуникационные связи возникают в том случае и там, где формальные связи не могут удовлетворять потребности членов социальных групп в организации. Данные связи обладают меньшей устойчивостью и направлены в основном на достижение целей малых социальных групп и отдельных личностей. Так, неформальные связи используются для информационного обеспечения взаимодействия между подразделениями (горизонтальные деловые связи), для удовлетворения потребностей членов организации в общении, взаимодействия с лидерами, конформности по отношению к групповым нормам. Неформальные связи не носят иерархического характера, но могут быть как горизонтальными (в подавляющем большинстве), так и вертикальными (например, дружеское общение между лидером и рядовым членом группы) [8].

Опираясь на мнение исследователей в области организационных коммуникаций, можно утверждать, что формальные и неформальные каналы коммуникации в организации взаимозаменяемы и дополняют друг друга. Чем более обязательны и чем строже контролируются формальные каналы, тем сильнее развиваются каналы неформальные, тем интенсивней циркулирующие в них потоки информации.

Широко распространено мнение, что неформальный обмен информацией в основном не касается организационных проблем: при свободном общении на работе люди говорят о чем угодно, только не о работе. В действительности это не так: по исследованиям ученых, около 90% неформального информационного обмена касается организационных вопросов. Поэтому понимание руководителем механизма неформальной коммуникации и умение использовать его является важным условием эффективного управления организацией [6, с. 137].

Одной из самых распространенных форм неформальной коммуникации являются слухи. Согласно определению Д. В. Ольшанского, «слухи – это особая, обычно недостоверная информация (и/или искажающая форма передачи любой информации, придающая ей некоторую особенность), передающаяся исключительно в устной форме, как бы «по секрету», и функционирующая исключительно в звуковой форме». При этом автор подчеркивает, что слухи и сплетни – это «всегда искаженная, не вполне достоверная или вполне

недостовірною, по крайній мірі, не перевірена по яким-то причинам інформація». Якщо з теченням часу слухи підтверджуються фактами, то вони перестають бути «слухами» і перетворюються в знання, в достовірну інформацію [4, с. 275].

Особливістю слухів є їх ядро виражена функціональність. Існують дві взаємопов'язані причини виникнення слухів: – наявність у співробітника суб'єктивного відчуття нехватки інформації по якій-либ проблемі і значимість даної теми для співробітника.

Функціональний підхід до слухів сьогодні розділяється абсолютною більшістю як зарубіжних, так і вітчизняних дослідників: слух – це публічна комунікація, відображає частинні гіпотези про функціонування світу (в нашому випадку – організації), з допомогою яких намагаються надати визначеність невизначеним ситуаціям. На практиці це означає, що слухи не виникають на порожньому місці; співробітники не виробляють слухи від «нічого робити», виникнення будь-якого слуху має під собою причину. А ось причина ця може бути як об'єктивна – реальне мовчання офіційних каналів по якій-либ важливій для персоналу проблемі, так і суб'єктивна – внутрішнє відчуття одного або декількох співробітників недостатку інформації по цій проблемі. Зачастую важливі організаційні рішення осідають на рівні середнього менеджерського ланки і не доходять до рядових співробітників тому, що керівництво не вважає потрібним їх інформувати, або по причині недостатньо ефективного функціонування каналів і засобів такої комунікації. Також однією з причин поширення слухів є таке правило: зона «мовлення» слухів дорівнює зоні «мовчання» офіційної комунікації. Якщо мовчать офіційні канали, – генеруються слухи. Будь-який слух – це недоработка офіційної комунікації [6, с.137].

Проблемою, на яку слід звернути увагу в межах організаційного управління відносно слухів – це їх джерело. Наприклад, якщо слухи передаються не по ланці, а від одного або декількох співробітників іншим, то виникає питання: як і чи варто визначати джерело слухів. Керувати слід пам'ятати, що по

своей сути слухи являются анонимными. Идентификация источника слухов сложна и не оправдывает затрат времени. Наличие и появление слухов – не повод для санкций сотрудников, а сигнал для анализа системы организационной коммуникации и в целом кадровой политики в отношении коммуникаций и доступа к информации.

Исследователями доказано, что наличие неформальных форм коммуникации в организации неизбежно, поскольку менеджеру контролировать неформальные потоки сложно. В таком случае менеджеру стоит научиться управлять ими или использовать, соблюдая определенные требования. Во-первых, стоит идентифицировать сотрудников, которые находятся в центре формирования коммуникационных сетей, прибегая к различным методам – наблюдение, опрос, социометрия. Во-вторых, пользоваться данным видом коммуникации только в особых случаях: если существует недоверие сотрудников к формальным источникам информации или важна скорость передачи конкретной информации. Но в этой ситуации применение этих методов будет иметь краткосрочный эффект. В-третьих, распространять следует только информацию нейтрального содержания, при передаче сообщений об увольнениях, реструктуризации, смене руководителя и др. использовать только официальные каналы.

Поскольку слухи являются неформальными каналами коммуникации, управленец прибегает к различным технологиям в борьбе с ними. Принимая конкретные решения, необходимо исследовать неформальные каналы распространения слухов и определить степень их значимости на уровне организации. Также предоставлять оперативную достоверную информацию относительно вопросов, вызвавших распространение слухов. Обсудить данную проблему на уровне лидеров организации, включая формальных и неформальных.

Выводы. В контексте организационного управления неформальная коммуникация существует всегда, независимо от уровня налаженности формальных каналов, но степень ее влияния на бизнес-процессы разная. Поэтому необходимо использовать различные методы при изучении интенсивности и значимости неформальных каналов относительно стратегических задач организации и их уровня радиуса их действия.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / М. Кастельс – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 272 с.
2. Мильнер Б. З. Теория организации : учебник. / Б. З. Мильнер. – М. : Инфра-М, 2006. – 720 с.
3. Морозова Н. А. Управление коммуникациями в организации / Н. А. Морозова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Экономика и управление. – Воронеж, 2010. – № 2. – С. 173–181.
4. Ольшанский Д. В. Политическая психология / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 576 с.
5. Орлова Т. М. Коммуникационный менеджмент в управлении экономическими системами / Т. М. Орлова. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 265 с.
6. Сидорская И. В. Слухи в организации: понятие и способы управления / И. В. Сидорская // Отдел кадров. – 2006. – № 7 (66). – С. 134–137.
7. Пешкова О. А. Изучение и совершенствование организационных коммуникаций / О. А. Пешкова // Молодой ученый. – 2012. – № 7. – С. 115–116.
8. Фролов, С. С. Социология организаций / С. С. Фролов. – М. : Гардарики, 2001. – 384 с.

References

1. Kastels M. Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo i kultura. / M. Kastels – М. : GU VShE, 2000. – 272 s.
2. Milner B.Z. Teoriya organizatsii: Uchebник. / B.Z. Milner. – М. : Infra-M, 2006. – 720 s.
3. Morozova N.A. Upravlenie kommunikatsiyami v organizatsii / N.A. Morozova // Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika i upravlenie. – 2010. – # 2. – S. 173-181.
4. Olshanskiy D.V. Politicheskaya psihologiya/ D.V. Olshanskiy. – SPb.: Piter, 2002. - 576 s.
5. Orlova T.M. Kommunikatsionnyiy menedzhment v upravlenii ekonomicheskimi sistemami / T.M. Orlova. – М.: Izd-vo RAGS, 2002. – 265 s.
6. Sidorskaya I.V. Sluhi v organizatsii: ponyatie i sposoby upravleniya / I.V. Sidorskaya // Otdel kadrov. – 2006. – #7 (66). – S. 134-137.
7. Peshkova O. A. Izuchenie i sovershenstvovanie organizatsionnyih kommunikatsiy [Tekst] / O. A. Peshkova // Molodoy uchenyy. – 2012. – #7. – S. 115–116.
8. Frolov, S. S. Sotsiologiya organizatsiy / S. S. Frolov. – М.: Gardariki, 2001. – 384 s.

УДК 65.012.34:338

О. М. Сумець

СУЧАСНІ ПІДХОДИ ДО ВИЗНАЧЕННЯ ЛОГІСТИЧНОГО МЕНЕДЖМЕНТУ

Анотація. Стаття присвячена критичному аналізу сучасних концепцій визначення дефініції «логістичний менеджмент». Вказано на необхідність запровадження в господарчу діяльність підприємств логістичного підходу. Цей підхід вітчизняними і закордонними вченими розглядається як філософія управління, яка базується на повномасштабному використанні логістичного підходу. Описані переваги логістичного підходу до організації господарської діяльності підприємств перед традиційним, характерним для ринку виробника. Зазначено, що завдяки логістичному менеджменту на підприємствах можливо комплексно і системно охопити в межах загального управління фактично всі етапи сфери обігу продукції.

У статті описані фактори інерційності запровадження логістичного менеджменту на вітчизняних підприємствах, подані результати критичного аналізу точок зору дослідників на визначення логістичного менеджменту. Приведено авторське визначення дефініції «логістичний менеджмент».

Ключові слова: підприємство, логістика, логістичний менеджмент, логістичний підхід, логістична діяльність, логістична система.

Сумець А. М. Современные подходы к определению логистического менеджмента

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу современных концепций определения дефиниции «логистический менеджмент». Указано на необходимость внедрения в хозяйственную деятельность предприятий логистического подхода. Этот подход отечественными и зарубежными учеными рассматривается как философия управления, которая базируется на полномасштабном использовании логистического менеджмента. Описаны преимущества логистического подхода к организации хозяйственной деятельности предприятий перед традиционным, характерным для рынка производителя. Отмечено, что благодаря логистическому менеджменту на предприятиях возможно комплексно и системно охватить в границах общего управления фактически все этапы сферы обращения продукции.

В статье описаны факторы инерционности внедрения логистического менеджмента на отечественных предприятиях, представлены результаты

критического анализа точек зрения исследователей на определение логистического менеджмента. Приведено авторское определение дефиниции «логистический менеджмент».

Ключевые слова: предприятие, логистика, логистический менеджмент, логистический подход, логистическая деятельность, логистическая система.

Sumets A. M. The modern approaches to the definition of logistics management

Annotation. The article deals with the critical analysis of the modern concepts devoted to determining the definition of “logistics management”. The necessity to implement the logistics approach into the economic activity of the enterprises is stressed. This approach is regarded by domestic and foreign scientists as a management philosophy, which is based on the full use of logistics management. The merits of the logistics approach to the organization of the economic activity of the enterprises are described compared to the traditional one that is peculiar to the producer market. The author outlines that the enterprises due to logistics management are capable of encompassing virtually all stages of product’s circulation comprehensively and systematically within the overall management.

The article describes the factors of inertia implementation of logistics management into domestic enterprises; the results of the critical analysis of the researcher’s points of views on the definition of logistic management are presented. The author’s definition of “logistics management” is suggested.

Key words: enterprise, logistics, logistics management, logistics approach, logistics system.

Постановка проблеми у загальному вигляді. Сучасний період економічного розвитку України супроводжується тривалим і доволі болісним переходом економіки на ринкові принципи господарювання – сільське господарство занепадає, сфера промислового виробництва скорочується, сфера послуг повільно, але стійко розвивається. У цих умовах сформувався сучасний економічний простір, у якому діють підприємницькі структури, перед якими постає проблема виконання нових для них завдань, пов’язаних з кардинальним реформуванням їхньої організації і управління на основі всебічного використання досягнень сучасної управлінської науки і практики. Особливо актуальною ця проблема є для вітчизняних підприємств.

Набувши статусу суб'єкта підприємницької діяльності й економічної самостійності, підприємство зобов'язане сформувати таку систему управління, яка б забезпечувала йому стабільну ефективність, високу продуктивність і стійкість положення на ринку, тобто його конкурентоспроможність. Варто вказати, що успіху в цьому напрямі можна досягти за рахунок запровадження в господарській діяльності підприємств логістичного підходу.

Аналіз останніх досягнень і публікацій. Аналіз чисельної кількості публікацій з логістики, зокрема [1; 3; 10 й ін.], показав, що більшість науковців розглядає логістичний підхід як філософію управління, що реалізується через інтегроване управління сукупністю бізнес-процесів та процедур для здобуття синергійного ефекту від узгодження параметрів цих процесів. Як уважає Н.П. Тарнавська, особливої значущості набуває логістичний підхід «під час планування та організації діяльності суб'єктів господарювання, де необхідно акцентувати увагу на пріоритетних нині конкурентних перевагах – якості продукції (процесів, праці), мінімальних витратах коштів і часу на виконання бізнес-процесів та його складових» [10, с. 54].

Нині фахівцями визнано, що логістичний підхід до організації діяльності підприємств має значні переваги порівняно з традиційним, характерним для ринку виробника. Так, О. М. Зборовська як основну перевагу логістичного підходу виділяє його «спрямування на слабко структуровані проблеми, пошук оптимального варіанта їхнього розв'язання» [3, с. 19]. За своєю природою вказаний підхід до удосконалення господарської діяльності суб'єктів господарювання орієнтований на позитивний економічний результат у виконанні логістичних завдань. А тому, як зазначено в публікації [1, с. 33], логістичному підходу нині відводять головну роль у формуванні конкурентних переваг вітчизняних товаровиробників, яка стає більш значущою з розвитком ринкових відносин. За думкою авторів публікації, у перспективі цей підхід набуде «першочергового значення серед інших сфер, зокрема, агробізнесу».

Логістичний підхід як філософію управління на підприємствах різної галузевої належності реалізують через систему логістичного менеджменту (ЛМ), яка залежить від широти застосування логістики

і рівня інтеграції логістичних активностей у процесі господарювання підприємств. У цьому контексті В. В. Смиринський вважає, що логістичний підхід «полягає у виділенні особливої функції управління раніше розмежованими матеріальними та інформаційними і фінансовими потоками, що їх супроводжують; у технічній, технологічній, економічній і методологічній інтеграції окремих ланок матеріалопровідного ланцюга в єдину систему, що забезпечує ефективне управління наскрізними матеріальними потоками» [8, с. 379]. Зазначене можна визнати як основний чинник, що повинен мотивувати суб'єктів господарювання до застосування ЛМ.

Світовий досвід використання методів логістичного менеджменту у процесах виробництва та товароруку готової продукції, дає змогу скоротити обсяги запасів на підприємствах на 30–70%, підвищити продуктивність праці на 25–50%, знизити собівартість продукції майже на 30% та витрати у сфері руху товару на 20% [1, с. 36]. Крім того, як зазначають у звітах про діяльність керівники відомих європейських компаній, застосування логістичного підходу сприяє приросту валового національного продукту країни на 20–30%.

Слід також зазначити, що головним позитивним ефектом від застосування логістичного менеджменту на сучасних підприємствах є значне скорочення витрат на логістичну діяльність у процесі їхнього господарювання.

З огляду на вищезазначене виникає потреба ґрунтовного аналізу поняття «логістичний менеджмент» та сучасних підходів до його визначення.

Невирішені раніше частини загальної проблеми. Не взираючи на чисельну кількість досліджень, що присвячені логістичному менеджменту, на сьогоднішній день все ж залишається невирішеним питання формулювання поняття «логістичний менеджмент», яке б стало загальновизнаним в теорії логістики і зрозумілим для фахівців у практичній площині.

Метою статті є критичний аналіз сучасних концепцій науковців до визначення логістичного менеджменту.

Викладення основного матеріалу дослідження. Потреба упровадження логістичних методів управління на вітчизняних підприємствах

зумовлена високими витратами на виробництво і реалізацію вітчизняної продукції; значним відставанням сфери обліку готової продукції від виробничої сфери; нерозробленістю стратегії розвитку систем розподілу продукції; недосконалістю інфраструктури вітчизняного ринку та недостатньою організованістю гуртово-роздрібних ринків вітчизняної продукції; недостатнім рівнем розвитку сучасних засобів електронних комунікацій; відсталістю транспортної інфраструктури, перш за все, низькою якістю автомобільних доріг; високим рівнем фізичного і морального зносу рухомого складу транспорту; низьким рівнем розвитку виробничо-технічної бази складського господарства; недостатнім розвитком виробництва сучасних видів якісної тари й упаковки.

Актуальність використання сучасними підприємствами ЛМ пов'язана ще й ускладненням внутрішньої структури об'єктів управління, розширенням зв'язків між підприємствами, швидким і безперервним зростанням обсягу інформації, нестабільністю навколишнього середовища, посиленням конкурентної боротьби [3, с. 18–19]. Крім того, розглядаючи аспект застосування ЛМ на вітчизняних підприємствах, слід наголосити і на його можливостях. Зокрема, упровадження ЛМ у господарюванні виробничих підприємств дає змогу: комплексно і з системних позицій охопити всі етапи сфери обігу продукції: «закупівля сировини – виробництво – зберігання – збут – транспорт – споживання, утилізація, знищення»; підвищити конкурентоспроможність продукції; орієнтувати підприємство на системність врахування витрат господарювання і, зокрема, на здійснення логістичної діяльності (ЛД); ефективно знаходити економічні компроміси у процесі прийняття рішень щодо комплексу питань підприємницької діяльності всіх суб'єктів логістичного процесу. Проте, не зважаючи на фактичні позитивні результати від запровадження ЛМ у практичну діяльність вітчизняних підприємств, більшість із них перебувають лише на початковій стадії формування й запровадження логістичного підходу до господарювання. Це пов'язано з низькою різноманітних чинників, а саме: нерозробленістю концепції ЛД, методик, процедур і алгоритмів управління логістичними потоками, що є придатними до умов галузі; дорожнечою сучасних інформаційних технологій з управління

матеріальними ресурсами підприємств; браком кваліфікованих кадрів у сфері логістики та певним рівнем інерційності реалізації ЛМ.

Інерційність упровадження ЛМ на вітчизняних підприємствах спричинена розбіжністю поглядів фахівців на його сутність. Дослідники ЛМ визначають як: складник загального менеджменту, розділ підприємницької логістики, систему наскрізного управління логістичними потоками, систему інтеграції логістики і менеджменту, базу для розробки ділової стратегії і прийняття логістичних рішень, синергію і синтез основних управлінських функцій, функцію органів управління, процес управління. З точки зору автора, це зумовлено тим, що нині вивченню категорії «логістичний менеджмент» науковці приділяють недостатньо уваги. Слід визнати, що на сьогодні відсутні ґрунтовні дослідження змісту й спрямованості ЛМ, не розроблено його концепції. Саме через це, очевидно, серед науковців і виник прагматичний підхід до визначення його сутності: одна частина вчених схиляється до думки, що ЛМ – це сукупність засобів і форм управління постачанням, виробництвом і збутом для досягнення стратегічних, тактичних і оперативних цілей та завдань підприємництва, а друга дотримується погляду, що ЛМ є інструментом управління взаємовідносинами персоналу підприємства із зовнішніми партнерами і споживачами продукції (послуг) [2, с. 16]. Отже, одні науковці у межах підприємства розглядають ЛМ як сукупність основних управлінських функцій (організації, планування, координації, контролю, обліку та аналізу) з логістичними активностями для досягнення цілей функціонування логістичної системи підприємства. Інші дослідники пов'язують логістичний менеджмент тільки з процесом управління персоналом підприємства. На думку автора, обидва погляди щодо сутності ЛМ потребують критичного осмислення й дальшого доопрацювання, бо логістичний менеджмент поєднує у собі як ключові функції менеджменту, так і управління персоналом для ефективного виконання логістичних активностей. А це означає, що перший і другий погляди науковців під час відпрацювання концепції ЛМ необхідно поєднати.

Досліджуючи теоретичні аспекти ЛМ та з'ясовуючи змістовну його частину, вітчизняні вчені зосереджують увагу на утворюючі слова цього словосполучення: «логістичний» і «менеджмент» [4]. Так, автори

книги [6, с. 48] зазначають, що «економічний зміст поняття «логістичний» означає виконання органами управління підприємства завдання двоякого характеру: максимально врахувати потреби і вимоги споживача під час забезпечення оптимального рівня сукупних витрат на таку діяльність (здебільшого щодо забезпечення і підтримання високої якості обслуговування споживача, що потребує значних початкових витрат)».

На думку Є. В. Крикавського, термін «логістичний» має визначати управління потоковими процесами на засадах логістики [4, с. 139]. Тобто управлінські рішення щодо виявлення і розвитку відносин усіх учасників процесу формування і трансформації споживчих властивостей матеріального продукту повинні не суперечити логістичному підходу, а, навпаки, більш результативно використовувати адаптивні й інтеграційні властивості логістики стосовно управління сукупністю внутрішніх і зовнішніх матеріальних потоків.

Щодо дослідження поняття «менеджмент» більшість фахівців вважають, що «ця дефініція є занадто узагальненою і має досить складну семантику» [6, с. 50]. В англо-американському трактуванні «менеджмент» (англ. management – управління) – це складне поняття функціонального характеру, що охоплює великий спектр виробничо-господарських процесів і функцій підприємств (у тому числі матеріально-технічне постачання, виробництво і збут готової продукції). Менеджмент також розглядають як організаційне поняття, що характеризує суб'єктів економічних відносин, їхню роль і діяльність. Таким чином, з одного боку менеджмент визначає завдання діяльності підприємства і його бізнес-процеси, а з іншого – вказує на встановлення ролі менеджера різних рівнів управління в організації. Керуючись цим поглядом, деякі вчені [5, с. 936] дійшли висновку, що логістичний менеджмент для фірми, з одного боку (коли фірма є господарем логістичного процесу) являє собою адміністрування логістичної системи, тобто виконання основних управлінських функцій (організації, планування, регулювання, координації, контролю, обліку й аналізу) для досягнення цілей сформованої логістичної системи (ЛС); з іншого боку, це персонал, що управляє логістичним процесом. Цей висновок фактично збігається з описаним вище прагматичним

підходом до визначення сутності ЛМ, згідно з яким в логістичному менеджменті не можна відокремлювати процес управління об'єктом (у цьому випадку ЛС) від персоналу, тобто фахівців, які безпосередньо його здійснюють. Саме адміністрування ЛС й активізація потенціалу відповідних фахівців єдині в процесі здійснення ЛД на підприємстві.

Нині в науковій і методичній літературі наведено чимало визначень категорії «логістичний менеджмент», що відрізняються між собою за змістом і спрямованістю [9]. Завдяки аналізу змісту цих трактувань встановлено загальні недоліки, що допускають дослідники під час визначення логістичного менеджменту: автори здебільшого не враховують основних функцій, які об'єднує у собі ЛМ і не вказують, що його формують і реалізують тільки у межах ЛС підприємства, фірми, компанії. Разом із тим, у визначеннях зазначено, що ЛМ спрямований тільки на управління логістичними потоками. Крім того, жоден науковець не вважає, що ЛМ є складовою частиною ЛД суб'єкта господарювання.

Аналіз визначень категорії «логістичний менеджмент» дав змогу встановити і його основні характеристики – системність, комплексність й інтегроване поєднання всіх поточкових процесів, що циркулюють в ЛС. Такої ж думки дотримуються й автори монографії [7, с. 47], вважаючи, що ЛМ пов'язаний саме з функціонуванням ЛС, тобто з логістичною діяльністю підприємства. Із цього випливає, що ЛМ охоплює всі структурні складники ЛС (підсистеми, ланки і елементи), враховує її зв'язок із зовнішнім середовищем і забезпечує результативну й ефективну ЛД підприємства для досягнення ним запланованого економічного результату в установлені терміни.

Таким чином, результати особистих досліджень автора, а також вітчизняних і закордонних учених з проблеми визначення ЛМ свідчать, що теорія ЛМ нині потребує дальшого вдосконалення й розвитку. У наукових працях переважно проаналізовано відмінності між традиційним і логістичним підходом до управління матеріальними потоками; більшість фахівців схиляється до думки, що логістичний менеджмент – це управління тільки поточковими процесами, здебільшого матеріальними і частково – інформаційними. Відомий також і підхід до визначення ЛМ як інструменту, що застосовують до

управління однією або двома-трьома активностями логістики, які є ключовими у ЛД підприємства. Зазначимо, що проаналізовані визначення категорії «логістичний менеджмент» [9] є широко застосовуваними, але водночас вони є не зовсім повними, чіткими й конкретними.

З вищевикладеного аналізу випливає, що науковці під час визначення ЛМ не акцентують уваги на необхідності системного й інтегрованого підходу до управління всіма видами потоків упродовж усіх фаз їхнього руху: а) безпосередньо від постачальників матеріальних ресурсів до виробників продукції визначеного найменування; б) від виробників конкретного виду продукції до кінцевих її споживачів; в) щодо повернення зіпсованої і неякісної продукції споживачами виробнику, г) стосовно утилізації продукції, що повернута споживачами на підприємство, й утворених виробничих відходів. Слід також вказати, що певна частина дослідників не вважає ЛМ єдиною функцією управління розрізненими вхідними, вихідними й внутрішніми матеріалопотоками, які об'єднані в єдину систему, що є помилковим.

Вказані помилки, що допустили дослідники під час визначення ЛМ, є вагомим доказом того, що на цей час єдиної методологічної платформи для нього немає. Це утруднює формування системного підходу для впровадження ЛМ у практику господарювання підприємств, фірм і компаній і унеможливує високу ефективність їхньої ЛД. Це підтверджує необхідність ґрунтовних досліджень щодо вдосконалення методології ЛМ як одного з основних складників ЛД суб'єктів господарювання.

Визначаючи категорію «логістичний менеджмент», ми розділяємо погляди переважної більшості вчених про те, що вона повинна базуватись на поєднанні теорій менеджменту та логістики. При цьому теорія менеджменту має бути спрямована на формування ефективного інструменту управління організації (соціально-економічної системи), а логістика – на управління логістичними потоками (матеріальними, інформаційними, фінансовими, сервісними тощо) у даній організації (соціально-економічній системі).

Розглядаючи проблеми, пов'язані з організацією та здійсненням ЛД на підприємствах галузі, слід вказати, що її управлінський аспект

тісно пов'язаний з ЛМ, який забезпечує реалізацію визначеного виду діяльності у запланованих межах і у відповідності до загальної мети.

Висновок. Отже, узагальнивши доробки напрацювань як закордонних, так і вітчизняних учених, під логістичним менеджментом, на думку автора, слід розуміти один з ключових напрямів загального менеджменту і визначений складник ЛД підприємств, який реалізується через інтегроване управління матеріальними потоками і персоналом, технічними засобами й інформацією, сервісом і логістичними процесами й операціями у межах ЛС для досягнення максимальної результативності й ефективності кожної її підсистеми і максимального задоволення вимог кінцевого споживача з мінімальними витратами.

Список літератури

1. Даниленко А. С. Логістика : теорія і практика / [Даниленко А. С., Марченко О. М., Шубравська О. В. й ін.]. – К. : Хай-Тек Прес, 2010. – 408 с.
2. Долгов А. П. Логистический менеджмент фирмы: концепция, методы и модели : [учеб. пособ.] / Долгов А. П., Козлов В. К., Уваров А. С. – СПб. : Бизнес-пресса, 2005. – 384 с.
3. Зборовська О. М. Системне управління поточковими процесами промислового підприємства на підставі логістичного підходу : [монографія] / О. М. Зборовська. – Дніпропетровськ : Дніпропетров. ун-т ім. Альфреда Нобеля, 2011. – 312 с.
4. Крикавський Є. Логістичне управління : [підручник] / Є. Крикавський. – Львів : Вид-во НУ «Львівська політехніка», 2005. – 684 с.
5. Логистика : [учебник] / [Дыбская В. В., Зайцев Е. И., Сергеев В. И., Стерлингова А. Н.] ; под ред. В. И. Сергеева. – М. : Экмо, 2011. – 944 с.
6. Пономаренко В. С. Логістичний менеджмент : [підручник] / Пономаренко В. С., Таньков К. М., Лепейко Т. І. – Харків : ВД «ІНЖЕК», 2010. – 440 с.
7. Посилкіна О. В. Логістичний менеджмент фармацевтичного підприємства : [монографія] / [Посилкіна О. В., Сагайдак-Нікітюк Р. В., Загорій Г. В. й ін.]. – Харків : НФаУ, 2011. – 772 с.
8. Смирчинський В. В. Логістичний менеджмент державних закупівель. Теоретико-правовий та методологічний аспект : [монографія] / В. В. Смирчинський. – Тернопіль : Карт-бланш, 2004. – 390 с.
9. Сумець О. М. Теоретико-методологічні засади логістичної діяльності

підприємств агропромислового комплексу : [монографія] / О. М. Сумець. – Харків : ТОВ «Друкарня Мадрид», 2015. – 544 с.

10. Тарнавська Н. Інноваційне управління конкурентоспроможністю логістичних ланцюгів : [монографія] / Н. Тарнавська, Р. Сивак. – Тернопіль : Вид-во «Підручники і посібники», 2011. – 240 с.

References

1. Danilenko A.S. Logistika : teoriya i praktika / [Danilenko A.S., Marchenko O.M., Shubravskaya O.V. i dr.]. –K. : Khay-Tek Pres, 2010. – 408 s.

2. Dolgov A.P. Logisticheskiy menedjment firmy: kontseptsiya, metody i modeli : [uch. posob.] / Dolgov A.P., Kozlov V.K., Uvarov A.S. – SPb. : Biznespresa, 2005. – 384 s.

3. Zborovska O.M. Systemne upravlinnya potokovymy prothesamu promuslovogo pigprijemstva na pidstavi logistychnogo pigkhodu : [monografiya] / O.M. Zborovska. – Dnipropetrovsk : Dnipropetrovskyy universytet imeni Alfreda Nobelya, 2011. – 312 s.

4. Krykavskiy E.V. Logistichne upravlenie : [pidruchnyk] / Krykavskiy E.V. – Lviv : Lvivska politechnika, 2005. – 684 s.

5. Logistika : [uchebnyk] / [Dybskaya V.V., Zaythev E.I., Sergeev V.I., Sterlingova A.N.] ; pod red. V.I. Sergeeva. – M. : Ekmo, 2011. – 944 s.

6. Ponomarenko V.S. Logistychnyy menedjment : [pidruchnyk] / V.S. Ponomarenko, K.M. Tankov, T.I. Lepeyko. – Kharkiv : VD «INGEK», 2010. – 440 s.

7. Posilkina, O.V. Logistichniy menedjment farmatsevtichnogo pidpruemstva : [monografiya] / Posilkina, O.V., Sagaydak-Nikituk, R.V., Zagoriy, G.V. – Kharkov : NFAU, 2011. – 772 s.

8. Smypchynskyy V.V. Logistychnyy menedjment derjavnnykh zakupivel. Teoretyko-pravovyy aspekt : [monografiya] / V.V. Smypchynskyy. – Ternopil : Kart-blanch, 2004. – 390 s.

9. Sumets A.M. Teoretuko-metodologichni zasady logistychnoy diyalnosti pidpruemstv agroprodovolchogo kompleksa : [monografiya] / A.M. Sumets. – Kharkiv : Drukarnya Madrid, 2015. – 544 s.

10. Tarnavska N. Innovatsiynne upravlinnya konkurentospromognistyuu logistychnykh lantsyugiv : [monografiya] / N. Tarnavska, R. Syvak. – Ternopil : Vyd-vo «Pidruchnyky i posibnyky», 2011. – 240 с.

В. Г. Яременко, О. Л. Яременко

ГЕНЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. Рассматриваются генетико-информационные основания глобальных трансформаций. Анализируются методологические подходы к переходным процессам в экономике и формулируются ограничения на скорость и характер экономической глобализации. На основе предположения о латентной неопределенности QWERTY-принципа для глобального уровня обосновывается вывод о важной роли энтропийных процессов на современном этапе глобальных трансформаций. Предложена альтернативная модель глобального перехода в форме глобализации суверенных государств.

Ключевые слова: глобализация, глобальные трансформации, неопределенность, субъектность, суверенитет, институты, ценности, конкурентоспособность, структурные константы, социально-экономическая идентичность.

Яременко В. Г., Яременко О. Л. Генетико-інформаційні фактори глобальних інституціональних трансформацій

Анотація. Розглядаються генетико-інформаційні підвалини глобальних трансформацій. Аналізуються методологічні підходи до перехідних процесів в економіці і формулюються обмеження на швидкість та характер економічної глобалізації. На основі припущення про латентну невизначеність QWERTY-принципу для глобального рівню обґрунтовано висновок про важливу роль ентропійних процесів на сучасному етапі глобальних трансформацій. Обґрунтовано альтернативну модель глобального переходу у формі глобалізації суверенних держав.

Ключові слова: глобалізація, глобальні трансформації, невизначеність, суб'єктність, суверенітет, інститути, цінності, конкурентоспроможність, структурні константи, соціально-економічна ідентичність.

Yaremenko V. G., Yaremenko O. L. Genetic-information factors of global institutional transformations

Annotation. The article focuses on a genetic-information basis of global transformations. It analyses the methodological approaches to transition processes in the economy and formulates restrictions to the speed and nature of economic

globalization. On the basis of the assumption of a latent uncertainty of the QWERTY-principle for a global level the authors justify the conclusion about the important role of entropy processes at the present stage of global transformations and present an alternative model of global transition as the globalization of sovereign states.

Key words: competitiveness, globalization, global transformation, institutions, socio-economic identity, sovereignty, subjectivity, structure constants, uncertainty, values.

Актуальность проблемы. Глобальные трансформации являются предметом теоретического анализа многих социогуманитарных и экономических наук. В качестве условий и предпосылок глобализации выделяются интенсивные технологические и социально-экономические изменения конца 20 – начала 21 веков, в частности, создание информационных технологий и глобальных информационных систем, внедрение сетевых форм организации экономики, глобальная финансиализация и формирование на ее основе глобальных рынков капиталов и технологий [5, 8]. В ходе глобализации качественно изменяется роль фактора взаимозависимости, и размываются границы между внешним и внутренним. Государственный суверенитет в этих условиях модифицируется, что проявляется как рост полномочий международных институтов за счет части полномочий национальных государств.

Ожидаемым результатом этих процессов является формирование более или менее целостного глобального рыночного, институционального, технологического и социального пространства, что позволит решать фундаментальные задачи человеческой цивилизации на качественно новом уровне [8, 12]. В таком понимании процесс глобализации является безусловно прогрессивным, и в качестве такового неизбежно должен сталкиваться с контртенденциями и процессами, выражающими интересы сходящих с исторической арены укладов, групп, классов, идеологий. В конечном итоге, такая трактовка глобальных трансформаций хорошо согласуется с марксистским видением исторического процесса как борьбы прогрессивных и реакционных сил.

Понимание глобализации как радикального разрыва с тиранией традиционных ценностей, как перехода к полной свободе индиви-

дуального вибору во всіх фундаментальних питаннях людського буття, виражає деякі суттєві риси сучасної трансформаційної дійсності. В той же час, парадоксальним чином така повна свобода супроводжується ідеєю безальтернативності цього переходу. Лейтмотив обреченості людства на свободу і щастя, які розуміються як розумний, раціональний промисел особистості, діючої в інформаційному просторі соціальних мереж, виражає спробу відірвання від історичного процесу, прив'язуючого людину до минулого, детермінуючого нерозривну зв'язь соціального і історичного.

В той же час існують і критично-аналітичні трактування глобалізації як суперечливого процесу, не тільки збагачуючого людство новими можливостями і ресурсами, а й супроводжується серйозними втратами і глибокою кризисністю всієї нашої цивілізації [1–4; 7; 9]. В світлі такого розуміння декларована безальтернативність сучасної моделі глобалізації виглядає, як мінімум, двусмысленною.

На справді безальтернативність майбутнього є химерною. Могучість потенціалу альтернатив глобальних трансформацій набагато перевищує нав'язувані сьогодні універсальні моделі глобального устрою. Корні цієї альтернативності майбутнього глобального устрою кроються як в латентній неопределенності QWERTY-принципу для глобального рівня, так і в беспрецедентному зростанні неопределенності взаємодії людини з природою, в тому числі, і з соціальною, внаслідок глибоких технологічних інновацій. Тому сьогодні будь-які доступні інструменти зняття неопределенності, збереження соціального порядку є в найвищій ступені цінними і востребованими.

Цілью даної статті є розширення наукових уявлень про ціннісно-інституціональні аспекти трансформаційних процесів як глобального, так і національного рівня.

Загальна неопределенність життєдіяльності господарської системи Q може бути представлена в відповідності з ієрархічною структурою специфічних соціальних механізмів її зняття таким чином:

$$Q = F[f_1(V), f_2(I), f_3(T), f_4(R), f_5(r), f_6(i)] + S_1 + S_2, \quad (1)$$

где:

F – функционал совокупной упорядочивающей способности хозяйственной системы;

$f_1(V)$ – потенциал ценностей V ;

$f_2(I)$ – потенциал институтов I ;

$f_3(T)$ – потенциал механизмов доверия T ;

$f_4(R)$ – потенциал механизмов выбора R ;

$f_5(r)$ – потенциал механизмов риска r ;

$f_6(i)$ – потенциал инноваций i ;

$S(S_1, S_2)$ – остаточная неопределенность хозяйственной системы, которая складывается из двух компонентов:

S_1 – остаточная неопределенность хозяйственной системы первого рода, то есть та, которая в принципе может быть устранена при достигнутом мировом уровне институционально-технологического развития;

S_2 – остаточная неопределенность второго рода, которая недоступна для снятия существующими технологиями и социальными механизмами. Поскольку данный вид неопределенности связан с открытостью любой социальной системы во внешний мир природных процессов и явлений, в котором со временем энтропия растет, то включение фактора времени t в качестве независимого аргумента в исходную модель представляется необходимым. Социальный, технологический и институциональный потенциал глобализации должен оцениваться в контексте неизбежного расширения пространства неопределенности, рисков и угроз.

Современные экономические системы субъектны, то есть включают в себя самостоятельные, действующие автономно элементы. Благодаря такой субъективации неопределенность получает структурно-информационные характеристики и границы. Неопределенность, поскольку она противостоит конкретным хозяйствующим субъектам, с помощью их профессиональных информационно-аналитических оценок, частично определяется, в результате чего энтропия хозяйственной системы снижается.

Рискующий субъект «присваивает неопределенность» с целью наилучшего использования ресурсов, но тем самым субъекты отодвигают границы неопределенности подальше от хозяйственной системы. Необходимость принятия риска субъектом обусловлена неустранимой ценностно-институциональной недостаточностью системы и ограниченностью инструментов выбора, а возможность – наличием у него профессионального ресурса, позволяющего давать риску оценки, которые ниже средних рыночных оценок.

В трансформируемом обществе всегда остается некоторый «нерастворимый» остаток социального порядка, который, по сути дела, и обеспечивает преемственность социума, проходящего в своем развитии через ряд катастроф. В контексте анализа глобальных трансформаций под таким минимальным социальным порядком будем понимать некоторые неуничтожимые информационные блоки, которые сохраняют фундаментальные ограничения структуры и функций социума как качественно уникального явления. Эти информационные блоки определяют норму реакции системы на воздействия внешней среды, в рамках которой система может сохраняться и воспроизводиться как идентичность, адаптироваться и самообучаться [14].

Фундаментальные и глубокие перемены в институциональной системе приводят лишь к незначительным изменениям в исторически сложившихся ценностях социума. Это связано с тем, что в условиях трансформационной неопределенности сохранение идентичности социума возможно лишь в том случае, если информационный блок, обозначаемый как ценности V , является актуальным и активным фактором социально-экономической системы. С теоретической точки зрения состояние трансформационной неопределенности ценно тем, что оно может в чистом виде продемонстрировать исследователю основные черты информационного блока «ценности». Очевидно, здесь кроется причина аномально высокой роли этнического фактора в переходных сообществах. В зрелом равновесном социуме идентичность в непосредственном виде редко себя обнаруживает, действуя в основном опосредованно – через институциональную систему.

Таким образом, национальная экономика в состоянии трансфор-

мационного переходу – це поле непрямої активності цінностей, які грають роль диспетчера, направляючого потоки подій в кінцеві пункти їх руху – зрілу рівноважну систему економічних інститутів. Виходячи з цієї абстрактної моделі, спробуємо розглянути деякі актуальні аспекти участі в глобальних трансформаціях в сучасній Україні. Позитивна актуалізація соціально-економічної ідентичності України дозволяє, в-перших, сформувати об'єктивні межі можливої трансформації системи (т.е. показує, до якої ступеня суспільство може переродитися в процесі інтеграції в глобальну економіку і систему глобальних інститутів); в-других, це підкаже найбільш адекватні (менш болючі, більш ефективні) шляхи такої трансформації.

Происхождение економіки незалежної України з економічної системи державного соціалізму є суттєвим початковим умовою трансформаційних процесів. Генетичний дуалізм радянської системи як адміністративно-ринкової на всьому протязі її історії не просто містив в собі потенціальну можливість несанкціонованого поширення ринкових цінностей і стереотипів на «непрямо-суспільну» серцевину державного соціалізму, а неперервно генерував цей процес. Важливу роль в трансформації змісту цієї інституційної системи грали процеси інформаційного переносу, т.е. надходження генетичної (впливаючої на основи соціуму) інформації або з меж системи, або з інших, сусідніх блоків даної системи. Перенос ініціював все більш прискорюваний дрейф системи державного соціалізму в бік так званої моделі «ринкового соціалізму». Чужі інформаційні потоки зсередини вели до генетичного переродження радянського суспільства.

Весьма відносною була і ізоляція від зовнішніх потоків інформації з-за «залізної завіси». Крім власне інформаційних каналів, які ретельно контролювалися, існували ще і формально ідеологічно нейтральні матеріально-речовинні потоки від чужої соціально-економічної системи

(оборудование, технологии, потребительские товары), которые в скрытом виде несли на себе отпечаток иных ценностей и норм. Включаясь в хозяйственно-потребительский оборот социалистического общества, эти технологические потоки делали буржуазно-индивидуалистские пережитки наиболее естественной и целесообразной формой взаимного общения трудящихся. В результате этого система государственного социализма все больше приобретала характер формальной оболочки, прикрывающей постепенные фундаментальные сдвиги в общественном бытии и сознании.

Государственно-социалистический «срез» исторического фундамента экономики Украины и его непосредственные проявления являются наиболее поверхностным слоем социально-экономических стереотипов и приемов хозяйственного поведения населения. Преодоление именно этого слоя (или аспекта) старой институциональной системы – не самая трудная задача трансформации. Гораздо сложнее обстоит дело со следующим, более древним и глубоким слоем генетической информации, который, как минимум, не исключал возможность быстрого перехода населения на поведенческие стереотипы государственного социализма. Такие глубинные, сущностные информационные блоки проявляют наибольшую устойчивость при трансформациях хозяйственных систем [13; 14].

Если признать, что государственно-социалистические институты зафиксировали и актуализировали некоторые изначальные структурные константы социально-экономической идентичности, то трансформации должны быть подвержены именно они, а не их поверхностные проявления. Выяснение природы этих структурных констант, их функциональной специализации, механизмов действия и взаимодействия позволит получить теоретический и практический инструментарий реального управления переходными процессами.

В философии и естествознании известны два типа развития. Первый тип связан с осуществлением или усовершенствованием изначальных свойств объекта, развертыванием его генетического кода (*evolutio* в переводе с латинского означает развертывание чего-то, уже существующего в зародышевом состоянии). Второй тип развития включает в себя реальную возможность появления в ходе

становления объекта совершенно новых свойств или аспектов поведения, ранее «не предусмотренных». Предпосылкой такого развития является предварительное «стирание» генетической информации и создание условий максимально хаотичного состояния.

Семидесятилетняя история советской Украины – это попытка реализации второго типа эволюции, предполагающего полный разрыв с прошлым (нечто вроде Большого Взрыва Вселенной, уничтожившего информацию о ее предыдущей истории). Социальную суть этого типа наиболее выпукло и законченно выразил «кампучийский эксперимент» 70-х годов XX века, нацеленный на полное стирание информации, «до основания».

Но полностью ли стиралась информация о прошлых состояниях в ходе социалистического строительства? Скорее всего, нет. Часть генетической информации в сжатом виде сохраняла национальная (этническая) координата. Там, где это сжатие было меньшим, она оказалась ближе к поверхности и поэтому легче восстанавливается (например, в странах Прибалтики). В этом можно усмотреть некоторые важные причины национального всплеска сегодня, и одновременно – его позитивный смысл. Специалисты обратили внимание на активную роль своеобразного опыта трудовой деятельности, исторически сложившегося в рамках определенной национальной культуры. Коренные черты трудовой этики как составляющей национальных ценностей носят устойчивый характер и влияют на восприимчивость государства к потребностям технологий и рынков, а, следовательно, и на национальную конкурентоспособность [13].

Сегодня практически общепризнанно, что национальная культура труда сыграла едва ли не решающую роль в технологическом рывке Японии во второй половине двадцатого века. Однако нельзя забывать, что веками до этого Япония была более чем далека от мирового лидерства, хотя культура труда оставалась той же самой. Понятно, что одних условиях такой опыт способствует высокой результативности, в других – мешает. Очевидно, здесь речь должна идти не только о навыках собственно трудовой деятельности, но и об определенных целостных стереотипах хозяйственного поведения, охватывающих все стороны экономической активности.

Интересным примером может служить своеобразный этнический срез профессионально-отраслевого разделения труда, наблюдаемый в США: среди выходцев из Германии и их потомков наиболее высокая доля фермерского населения; мигранты из Великобритании дали особенно много горняков, итальянцы – строителей, греки – кондитеров; среди поляков особенно много рабочих автомобильной промышленности, индейцы специализируются в качестве верхолазов. Неравномерность тяготения лиц разной национальности к конкретным видам производственной деятельности прослеживалась достаточно четко и в бывшем Советском Союзе.

Даже поверхностный анализ мировых тенденций развития НТР показывает, что тенденция к институциональной унификации и стандартизации развертывается параллельно с противоположной, которая усиливает роль этнической составляющей глобальной социально-экономической эволюции. Не случайно, что общий рост суммы национализма в мире за последние десятилетия совпал с развертыванием НТР. Скорее всего, именно прогресс науки и техники пробуждает ту часть дремлющей генетической информации, которая восполняет некоторые потребности современного производства в согласовании и интеграции в новых условиях.

Труд, хозяйственная деятельность всегда протекают в естественных рамках языка нации. Эти естественные рамки в разные периоды истории ведут себя по-разному: то их как бы и не слышно, то они вдруг вторгаются в экономическое, становясь его чуть ли не решающим фактором. Если экономический процесс идет *вдоль* силовых линий коллективного бессознательного, то процесс естественен для данного этноса, в силу чего имеет место его ускорение. Если же он идет *поперек* силовых линий, то процесс приобретает конфликтный характер, идет с замедлением. Поэтому мировой научно-технический и институциональный прогресс естественно устремляется в те этносы, которые в данный момент наиболее адекватны его направлению. Нации-лидеры в наглядном виде воплощают активную роль этнического фактора в технологической эволюции человечества [14].

Взаимосвязь экономического и этнического уже дана в самой природе языка. Язык нации – это необходимая ступень присвоения

мира, природы, среды, которая априорно ставит каждое поколение данной нации в систему стереотипных адаптивных реакций, обеспечивающих равновесное состояние. Еще в 30-е годы прошлого века американские лингвисты Э.Сепир и Б.Л.Уорф показали [6], что структура и внутренние законы языка определяют структуру мышления и способ познания и освоения внешнего мира. Характер познания действительности зависит от того языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятиях и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками одной и той же языковой конвенции.

Субъектное отношение к внешнему миру, понятия «мое», «чужое» уже даны в строе языка как первичный уровень социального консенсуса, обеспечивающий сходные реакции представителей этнической группы на объективные экономические условия и потребности. Чем более устойчивыми и стабильными являются эти условия, тем больше они фиксируются и закрепляются в поверхностных стереотипах поведения, и поэтому тем меньше в обществе потребность в фундаментальной информации социально-экономического генотипа, в том числе и в его этнических основаниях.

Однако ситуация меняется, как только изменения среды приобретают слишком быстрый и существенный характер. Поверхностные стереотипы уже не способны обеспечить равновесие социальной системы со средой. Происходит утрата информации, нарастает хаос, дезориентация участников экономической системы. Возрастает число жизненно важных информационных сообщений в единицу времени, на которые должен реагировать индивид. Параллельно с этим увеличивается количество источников информации, действующих несогласованно. В информационном пространстве растет доля уникальных, единичных сигналов, непривычных для отдельного индивида или даже для всей системы. Все это приводит к утрате системной целостности индивида, локальной и глобальной метаструктур. Индивиду слишком много приходится решать самому (*слишком* – по отношению к его реальным информационным возможностям, то есть образованию, квалификации, профессиональным навыкам, общей информационной культуре).

Поэтому как естественная реакция возникает стремление ограничить объем социально значимых сигналов, требующих восприятия и ответа. Этнос играет роль информационного механизма, используя факторы нормативной целостности, устойчивости этнического статуса личности, стабильность состава, устойчивость во времени [13]. Такое понимание роли этноса позволяет объяснить иррациональное, на первый взгляд, возрастание роли этничности в условиях формирования новой информационной ситуации. Дело в том, что сложность современной информационной ситуации значительно опережает возможности большинства населения, выросшего в примитивной информационной среде государственного социализма.

В условиях быстрых переходных процессов для индивида, идентифицирующего себя с тем или иным этносом, спектр выбора ориентиров при определении линии собственного поведения оказывается более узким, чем для человека с ослабленной связью со своим этносом. Этнос накладывает свои серьезные ограничения и на ценности инструментального порядка. Опыт хозяйственной жизни, бытового общения, накопленный этносом за всю его историю, передается из поколения в поколение, делая для типичного представителя одного этноса нежелательным или даже неприемлемым то, что вполне допустимо или даже престижно для представителя другого этноса.

Иногда левые политики и идеологи в качестве примера стабильности и рациональности приводят опыт реформ в КНР, где формирование структур гражданского общества происходит под жестким контролем со стороны партийно-государственных органов, и поэтому реформы протекают в менее болезненной форме. Однако при этом забывают об огромной инертности генетических основ китайского общества, складывающегося тысячелетиями. Социально-экономический генотип настолько глубоко структурировал китайское общество, что самые острые конфликты, самые глубокие перемены в конечном итоге укладываются в *пределы нормы*.

К тому же, не нужно переоценивать стабильность реформируемого китайского общества. Эксперты отмечают рост внутренних напряже-

ний в Китае, связанных с ростом дифференциации ранее относительно однородного социума. Обычные пороки реформируемого общества десятилетиями загонялись вглубь, пока они не выплеснулись наружу. Проводимая сегодня кампания за чистоту партийных рядов КПК наглядно показывает, насколько серьезным стало расхождение между официальной государственной моралью и объективными потребностями экономического оборота. Все острее становятся межрегиональные различия в уровнях экономического развития, что разрушительно сказывается на единстве интересов государства.

Как только оформятся обособленные корпоративные группы внутри правящей элиты, иллюзия, что Китай смог найти точный баланс между модернизацией и стабильностью, может быстро рассеяться. Опыт других стран, уже прошедших стадию интенсивной модернизации, показывает, что именно такие обособленные группы внутри правящей элиты и выступают центрами кристаллизации новой институциональной структуры, а неизбежной социальной формой этого процесса является конкурентная борьба (межрегиональная, межклановая, межнациональная, идеологическая и т.д.).

В процессе этой борьбы происходит укрепление и конституирование наиболее жизнеспособных элементов, и одновременное угнетение и вытеснение слабых и неэффективных. В результате общество приходит в равновесное состояние, когда борьба ведется не вокруг вопроса, кто или что выживет в новой системе, а по поводу распределения ресурсов и власти между уже выжившими и сформировавшимися корпорациями и группами.

Институциональная эволюция может быть представлена как *наслаивание* новых институциональных форм на старые, т. е. обогащение содержания системы, как гетерогенное усложнение, а не ее упрощение, как это пытались представить марксисты.

Генерирование информации, обмен информацией, использование информации лежат в основе получения и реализации конкурентных преимуществ субъектов переходной системы. Поэтому информационные процессы являются решающими с точки зрения конечного результата в ходе кристаллизации новой институциональной структуры. Тот, кто контролирует информационные потоки, получает

абсолютное преимущество и тем самым возможность выбора наиболее выгодной позиции.

Понятие информации в современной науке связывают с уменьшением неопределенности (теория информации К. Шеннона). Хозяйственная деятельность человека как таковая всегда и везде включает в себя определенную стохастическую компоненту. Однако существует некоторые предельные значения неопределенности деятельности и ее результата, при превышении которых деятельность теряет смысл. Субъект должен иметь достаточно информации о способах деятельности и ее ожидаемых результатах, чтобы решение о ней было принято. Чтобы экономика вела себя как единое целое, часть информации должна быть общезначимой (то есть примерно одинаковой по содержанию и по трактовке). Это обеспечивает минимально необходимые согласование, координацию и предсказуемость хозяйственной активности субъектов.

В рыночной экономике основой информационного координирующего механизма являются *цены*. Именно они координируют действия миллионов людей таким образом, что стихийно и не запланировано возникает упорядоченная экономическая структура. Эта координирующая функция цен возможна лишь при соблюдении трех следующих условий: во-первых, цены передают *достоверную* информацию; во-вторых, они служат стимулом к применению наиболее экономичных методов производства; в-третьих, они определяют, кто получает какую долю произведенного продукта.

Рыночная цена передает только существенную информацию и только тем, кому она нужна. Она передает прямую и обратную информацию между производителем и потребителем. Все, что препятствует ценам отражать спрос и предложение, вносит помехи в процесс точной передачи информации (монополии и прямо препятствуют передаче информации, и искажают ее).

Неустойчивая инфляция (то есть модулированная внешним источником) вводит помехи в канал передачи информации. Информация, которая существенна для организации производства – это, в первую очередь, относительные цены. Высокая варьирующая инфляция приводит к тому, что помехи полностью забивают канал

связи, и важная информация превращается в бессмысленный шум. В силу этого подрывается присущий рынку механизм рационального распределения экономических ресурсов. Напротив, равномерная инфляция вносит лишь постоянный поправочный коэффициент в передаваемый сигнал и поэтому является с точки зрения выполнения координирующей функции более или менее терпимой.

Эффективная передача точной информации будет осуществляться впустую, если у адресата нет стимула действовать правильным образом, исходя из этой информации. Цены играют роль стимула, заставляющего производителя не только реагировать на изменения спроса, но так же в отношении поиска наиболее экономичной технологии. Здесь свою роль играет феномен, обозначенный Ф. Хайеком как «неявное знание» и позволяющий рыночной системе использовать огромный объем неформализуемой, т.е. недоступной командной системе, информации.

В теории информации существует такое положение (теорема Шеннона), согласно которому при любой производительности источника сообщений, *меньшей*, чем пропускная способность канала передачи, существует такой способ кодирования, который позволяет обеспечить передачу всей информации, создаваемой источником сообщений, со сколь угодно малой вероятностью ошибки. С другой стороны, не существует способа кодирования, позволяющего вести передачу информации достаточно достоверно, если производительность источника *больше* пропускной способности канала [10].

Пропускная способность формализованных плановых показателей всегда будет меньше производительности источника сообщений, т. е. экономики в целом, генерирующей триллионы сигналов, именно в силу своей *простоты* (которая здесь «хуже воровства»), *конечности* описываемых и учитываемых характеристик, *жесткой адресности* и т.д. Принимается во внимание только та информация, которая может быть формализована, представлена в виде цифр или схем. Возможность использования неявной, неформализуемой информации ограничена. Плановые цифры всегда конкретны и *адресны* и поэтому не обладают свойством всеобщности. Вывод: искажение и потеря самой существенной информации имманентны плановой системе.

Деньги в силу своей всеобщности являются устойчивыми и по отношению к динамике самого понятия «существенное» (как для данного товара, так и для системы в целом). Более того, этот канал обеспечивает постоянное соизмерение самих сущностей, их конкурентный отбор. Скажем, сегодня для системы существенна динамика трудоемкости, завтра – энергоемкости, послезавтра – сокращение жизненного цикла товара. Всеобщность денег улавливает и ранжирует эти закономерности стихийно и незаметно.

Поэтому частная информация, записанная в виде рыночной цены, всегда будет передана с оптимальной степенью достоверности. Плановая система, чтобы быть не хуже рыночной, должна обработать, записать и передать бесконечно большой объем информации. Но это невозможно. Принципиальная узость планового канала информации может быть преодолена лишь путем тотального обсчета и учета в каждом конкретном случае всего объема информации, включая и неявную, неформализуемую, а командная система как раз именно к этому и не приспособлена.

Очень часто недостаточную достоверность информации в административной системе увязывают с недобросовестностью чиновников и управленцев, их стремлением занизить ресурсы, с бюрократическими клановыми интересами, которые расходятся с интересами государства, общества и т.д. Но теорема Шеннона доказывает, что помехи в канале сами по себе не накладывают ограничений на степень достоверности, всегда существуют относительно надежные способы селекции помех. Коренная же порча достоверности возникает именно в силу *принципиальной узости* централизованного административного канала информации. Кроме этого нельзя забывать, что этот канал в основном является вертикальным, то есть подверженным максимальным искажениям.

Производимое в рамках глобальной борьбы с легализацией теневых доходов наделение денег дополнительными социальными условиями жесткой привязки к конкретным транзакциям конкретных субъектов лишает деньги атрибута всеобщности, облегчая учет и контроль со стороны государства и анонимных институтов. Критика в адрес системы «спонтанного порядка и рыночного фундамента-

лизма», апология фактора рациональной организации, которую высказывают сегодня многие известные обществоведы и экономисты, не учитывает, что любая живая система всегда предполагает некоторую оптимальную пропорцию между управляемыми и спонтанными процессами. Присущая социалистической концепции тенденция «тотальной» рациональности и управляемости социума при попытках ее более или менее последовательного воплощения на практике влечет за собой, как правило, катастрофические последствия. Когда государство начинает бороться с проявлениями стихийности рынков, автоматизма и произвола, организовывать все и вся, то оно, во-первых, неизбежно становится на путь прямого насилия, во-вторых, лишает свое население некоторых естественных предпосылок автономного существования. Не может быть полного социального контроля в обществе, где дело пропитания граждан является их частным делом, где человек сам себя кормит и не должен благодарить родное государство за получаемый паек.

Выводы. Как показывает проведенный анализ, информационная, институциональная и функциональная стороны глобальной экономики взаимосвязаны между собой. Длительное устойчивое функционирование глобализируемых государств и хозяйственных субъектов в соответствии с принципами рационального выбора в новых технологических и рыночных условиях ведет к закреплению и распространению наиболее эффективных и способов и методов экономической активности в форме общепринятых правил и ограничений, т. е. институтов. В то же время существует предел изменчивости национальных институциональных систем, за которым начинается утрата идентичности и суверенитета. Государства утрачивают суверенитет не только потому, что его кто-то отнимает, а еще и потому, что их компетентность и полномочия не соответствуют сложности и неопределенности среды.

Десуверенизация глобальной хозяйственной системы за счет расширения полномочий международных финансовых институтов означает вхождение в зону принципиальной неопределенности, которая не может быть распределена между отдельными странами в виде суверенных рисков. Такая модель глобализации может оказаться

тупиковой из-за нарастания кризисных и хаотических процессов. Альтернативной моделью может стать модель глобализации суверенных государств на основаниях новой (глобальной) компетентности и ответственности.

Список литературы

1. Berg A., Buffie E., Zanna L.-F. Robots, Growth, and Inequality// Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 3. P. 10-13.
2. Wellisz C. The Dark Side of Technology// Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 3. P. 14–17.
3. Ghosh A. R., Ostry J. D., Qureshi M. S. When Do Capital Inflow Surges End in Tears?// American Economic Review , 2016, Vol. 106, No. 5.
4. Ostry J. D, Loungani P., Furceri D. Neoliberalism: Oversold?//Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 2. P. 38-41.
5. Radelet S. Africa’s Rise – Interrupted? // Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 2. P. 6-11.
6. Sapir E. Selected Writings in Language, Culture and Personality. (Edited by D.G. Mandelbaum.) Berkeley, Calif.: University of California Press. 1949.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2004.– 188 с.
8. Бжезинский З. Последний суверен на распутье [Электронный ресурс] / З. Бжезинский. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/18/5294.html>
9. Вулф М. Определяя будущее глобализации / М. Вулф // Финансы и развитие. – 2014. – Сентябрь. – С. 22–25.
10. Дмитриев В. И. Прикладная теория информации / В. И. Дмитриев. – М. : Высш. шк., 1989. – 320 с.
11. Сиденко В. Методологические основы анализа глобальных кризисных процессов / В. Сиденко // Экономическая теория. – 2016. – № 2. – С. 85–99.
12. Спенс М. Всеобъемлющий характер. Создание возможностей для роста в развивающихся странах и адаптация к нему / М. Спенс // Финансы и развитие. 2014. – Сентябрь. – С. 17, 19.
13. Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса / А. А. Сусоколов // В кн.: Расы и народы : ежегодник / отв. ред. С. И. Брук. – М., 1990. – Вып. 20. – С. 16.
14. Яременко О. Л. Переходные процессы в экономике Украины: институциональный аспект / О. Л. Яременко. – Х. : Основа, 1997. – 180 с.

References

1. Berg A., Buffie E., Zanna L.-F. Robots, Growth, and Inequality// Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 3. P. 10-13.
2. Wellisz C. The Dark Side of Technology// Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 3. P. 14-17.
3. Ghosh A. R., Ostry J. D., Qureshi M. S. When Do Capital Inflow Surges End in Tears?// American Economic Review, 2016, Vol. 106, No. 5.
4. Ostry J. D., Loungani P., Furceri D. Neoliberalism: Oversold?// Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 2. P. 38-41.
5. Radelet S. Africa's Rise – Interrupted?// Finance & Development, June 2016, Vol. 53, No. 2. P. 6-11.
6. Sapir E. Selected Writings in Language, Culture and Personality. (Edited by D.G. Mandelbaum.) Berkeley, Calif.: University of California Press. 1949.
7. Bauman J. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva / Per. s angl. – M.: Izdatelstvo «Ves Mir», 2004. – 188 s.
8. Bzhezinskiy Z. Posledniy suveren na raspute // [Elektronnyiy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/18/5294.html>
9. Vulf M. Opredelyaya budushee globalizatsii//Finansyi i razvitie. Sentyabr 2014. S. 22-25.
10. Dmitriev V.I. Prikladnaya teoriya informatsii. M.: Vyssh. shk., 1989. – 320 s.
11. Sidenko V. Metodologicheskie osnovyi analiza globalnykh krizisnykh protsessov. // Ekonomicheskaya teoriya. 2016. # 2. S. 85-99.
12. Spens M. Vseob'emlyuschiy karakter. Sozdanie vozmozhnostey dlya rosta v razvivayuschihsya stranah i adaptatsiya k nemu// Finansyi i razvitie. Sentyabr 2014. S. 17, 19.
13. Susokolov A.A. Strukturnye faktory samoorganizatsii etnosa. // V kn.: Rasy i narody. Ezhгодnik. Vyip.20. Otv.red.S.I.Bruk. – M.,1990.S.16.
14. Yaremenko O.L. Perehodnyie protsessyi v ekonomike Ukrainyi: institutsionalnyiy aspekt. H. Osnova. 1997. – 180 s.

**Проблеми лінгвістики,
лінгводидактики,
літературознавства
та перекладу**

УДК 811.112.2

*Н. И. Закриничная***ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены причины использования заимствований из английского языка (англицизмов) в немецком языке.

Цель статьи – определить причины использования англицизмов в немецком языке. Объектом исследования являются заимствования из английского языка.

В статье анализируются функции и виды заимствованных англицизмов. Автор ставит целью установить точные причины их появления в немецком языке и их функциональные особенности.

На основе исследования заимствованной лексики в немецком языке было установлено: доля лексики, заимствованной из английского языка является довольно обширной, несмотря на существующие аналоги в современном немецком языке; функционирование тех или иных англицизмов зависит от стиля говорящего и всего высказывания в целом.

Автор акцентирует внимание на том, что доля заимствованных англицизмов является значительной и выполняет определенную функцию в немецком языке.

Ключевые слова: немецкий язык, заимствование, англицизм, лексика.

Закринична Н. І. Причини використання англiцизмiв у нiмецькiй мовi

Анотація. У цій статті розглянуті підходи причини використання запозичень з української мови (англiцизмiв) в нiмецькiй мовi.

Мета статті – визначити причини використання англiцизмiв у нiмецькiй мовi. Об'єктом дослідження є запозичення із англiйської мови.

У статті аналізуються функції та види запозичених англiцизмiв. Автор прагнув визначити найбільш точні причини їх виникнення у нiмецькiй мовi та їх функціональні особливості.

На основі дослідження запозиченої лексики в нiмецькiй мовi нiмецької мови було встановлено: частка запозиченої з англiйської мови лексики є досить великою незважаючи на існуючі аналоги в сучасній нiмецькiй мовi; функціонування тих чи інших англiцизмiв залежить від стилю того, хто говорить, та всього висловлювання в цілому.

Основну увагу автор акцентує на тому, що частка запозичених англіцизмів є великою та виконує певну функцію в німецькій мові.

Ключові слова: німецька мова, запозичення, англіцизм, лексика.

Zakrinichnaya N. I. Causes for using anglicisms in German

Annotation. This article deals with causes for the use of borrowings from English (anglicisms) in German.

The purpose of this article is to determine the causes for the use of borrowings from English in German. The object of the research are borrowings from English.

The article studies functions and kinds of borrowed anglicisms. The author sought to determine the most exact causes of its appearance in the German and its functional features.

The analyse of approaches to study has given ground for the following conclusions: the share of borrowed from English vocabulary is quite extensive in spite of the existing analogs in modern German the functioning of various anglicisms depends on the style of the speaker and all the statements as a whole.

The author of the work emphasises that the share of borrowed from English vocabulary is quite extensive and performs the specific function in German.

Key words: German language, borrowing, Anglicism, vocabulary.

...известный процент иностранных слов
вращается в язык. И в каждом случае инстинкт
художника должен определить эту меру ино-
странных слов, их необходимость...

А. Н. Толстой

*Пуристы боятся ненужного наводнения
иностраных слов: опасение более чем неос-
новательное. Ненужное слово никогда не
удержится в языке, сколько ни старайтесь
вести его в употребление.*

В. Г. Белинский

В статье рассматриваются причины использования заимствований из английского языка (англицизмов) и их функциональное значение в немецком языке.

Процесс заимствования является одним из самых динамичных, большинство слов родом именно из английского языка в силу того,

что он является языком международного общения. Использование в речи англицизмов стало актуальным практически для всех языков. Английский язык является источником заимствований для таких областей как бизнес, искусство, экономика и политика.

Словарный состав немецкого языка интенсивно обогащается за счет англицизмов. Происходит интегрирование лексики английского языка в немецкий язык, и иноязычный элемент (англицизм) приспособливается к системе немецкого языка. Поэтому иногда заимствованные слова сложно обнаружить из-за написания и произношения, характерных для немецкого языка (Напр. *schocken*, *die Pause* и др.).

В некоторых случаях заимствование неизбежно из-за необходимости создания определенного национального колорита (Напр. *der Bungalow*, *der Sir*, *die Lady*) или создания атмосферы определенной среды (Напр. *das Business*, *das Training*, *prolongieren*).

Иногда использование заимствованных слов в определенной среде продиктовано желанием казаться более осведомленным или «прогрессивным» (Напр. *cool* (англ.) вместо *sehr gut* (нем.); *die Publicity* (англ.) вместо *die Öffentlichkeit* (нем.); *die Crew* (англ.) вместо *die Mannschaft* (нем.)).

Следует также упомянуть о заимствованной лексике, широко используемой в разных сферах общения и придающей высказываниям определенную долю экспрессии и выразительности. Особенно это типично для речи молодежи (Напр. *OK*; *Wow!*; *Oops!*).

Функционирование того или иного заимствованного слова обусловлено намерением говорящего. Следовательно, использование англицизмов зависит от стиля говорящего и коммуникативной задачи всего высказывания в целом.

В сфере политики, бизнесе, рекламе англицизмы могут быть более лаконичными, эффективными (Напр. *der Workshop*, *der Broker*, *der Hacker*, *der Designer*, *der Manager*).

Заимствованные англицизмы могут разнообразить немецкий язык и таким образом помочь избежать повторов (Напр. *das Dessert* (англ.) вместо *der Nachtisch* (нем.); *der Weekend* (англ.) вместо *das Wochenende* (нем.)).

Иногда невозможно избежать английских заимствований из-за отсутствия эквивалента в немецком языке. Особенно продуктивной является лексика компьютерных технологий, техники и Интернета (Напр. *updaten, googeln, mailen*).

Таким образом, можно сделать вывод, что заимствования из английского языка играют важную роль в немецком языке и выполняют разные функции. Заимствование англицизмов может быть продиктовано: желанием быстрее и эффективнее донести информацию до реципиента; необходимостью создания национального колорита в определенной ситуации; отсутствием подходящих эквивалентов в немецком языке.

Список литературы

1. Розен Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 2000. – 190 с.
2. Розен Е. В. Немецкая лексика: история и современность / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 281 с.
3. Carstensen B. Morphologische Eigenwege des Deutschen bei der Übernahme englischen Wortmaterials / B. Carstensen // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. – 1974. – N 4. – S. 155–170.

References

1. Rozen E.V. Na poroge XXI veka. Novyye slova i slovosochetaniya v nemetskom yazyke / E. V. Rozen. – М. : Prosveschenie, 2000. – 190 p.
2. Rozen E. V. Nemetskaya leksika: istoriya i sovremennost / E. V. Rozen. – М.: Prosveschenie, 1991 – 281 p.
3. Carstensen B. Morphologische Eigenwege des Deutschen bei der Übernahme englischen Wortmaterials / B. Carstensen // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. – 1974. – N 4. – S. 155–170.

УДК 812373:81227+811.111

*Л. В. Михайлова***ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ
ВОКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Аннотация. В данной статье анализируются прагмасемантические характеристики вокативных конструкций в англоязычном дискурсе. Объектом исследования является вокатив в англоязычном дискурсе, его прагмасемантические характеристики и разновидности. Прагматическое поле обращения рассматривается с социальными коннотациями, также к сведению принимаются взаимоотношения говорящих, ситуация общения. Обращения подразделяются на собственно обращения и обращения-характеристики. Анализируется место обращения в предложении. Обращение рассматривается в межкультурном аспекте, как одна из составляющих культуры речи говорящего. Выбор формы обращения позволяет коммуникантам осуществлять разнообразные прагматические стратегии общения.

Ключевые слова: Вокативные конструкции, дискурс, обращение, прагмалингвистика, контекст, семантика, обращения-характеристики, вежливость, межкультурный аспект.

***Михайлова Л. В.* Прагмасемантичні різновиди вокативних
конструкцій**

Анотація. В даній роботі аналізуються прагмасемантичні характеристики вокативних конструкцій в англomовному дискурсі. Предметом дослідження є вокатив в англomовному дискурсі, його прагмасемантичні характеристики та різновиди. Прагматичне поле звертання розглядається разом із соціальними конотаціями, статусними відносинами комунікантів. Взаємовідносини комунікантів та ситуація спілкування приймаються до уваги. Звертання підрозділяються на власне звертання та звертання-характеристики. Аналізується місце звертання у реченні, а також звертання розглядається у міжкультурному аспекті, як одна із складових культури мовлення комунікантів. Вибір форми звертання дозволяє комунікантам реалізувати різноманітні прагматичні стратегії спілкування.

Ключові слова: Вокативні конструкції, дискурс, звертання, прагмалингвістика, контекст, семантика, звертання-характеристики, ввічливість, міжкультурний аспект.

Mihajlova L. V. Pragmasemantic varieties of vocative constructions

Annotation. Pragmasemantic characteristics of vocative constructions in English discourse are analyzed in this article. The object of the research is vocative in English discourse, its pragmatic and semantic characteristics and varieties. Pragmatic field of addressing is considered, social connotations are taken into account, as well as status relations of the speakers, their relations and the situation of communication. Addressing and addressing- characteristics are considered. The place of addressing in a sentence is analyzed. . Addressing is described in intercultural aspect, as one of the components of the speech culture of the speaker. Addressing can perform different functions in a sentence. The choice of the addressing form allows speakers to realize different pragmatic strategies of communication.

Key words: Vocative constructions, discourse, addressing, pragmalinguistics, context, addressing- characteristics, politeness, intercultural aspect.

Данная статья представляет собой попытку проанализировать прагмалингвистические характеристики вокативных конструкций (конструкций с обращением) в англоязычном дискурсе.

Объектом данного исследования является вокатив в англоязычном дискурсе, его прагмалингвистические характеристики, а также его прагмасемантические разновидности.

Обращение как вид речевой коммуникации является актуальной проблемой исследования современной лингвистики.

В коммуникативных процессах обращение – одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию. Некоторые исследователи рассматривают обращение как составляющую синтаксической системы языка, другие рассматривают обращение в коммуникативно-прагматическом аспекте. [3; 4].

Вокативные предложения отличаются семантико-грамматической изолированностью. Они содержат имя существительное (или местоимение) в именительном падеже, произносимое с особой интонацией, передающей призыв, побуждение к прекращению действия, несогласие с собеседником, укор, упрек, сожаление, негодование и т. п. [7].

Hamlet (to Horatio) – Sir, my good friend, I'll change that name with you.

В составе вокативных предложений часто употребляются междометия и существительные, которые усиливают и дифференцируют структурно–семантические свойства таких предложений. Характер интонации, выражающей сложное содержание вокативных предложений, в художественной литературе определяется авторскими ремарками или ситуацией:

O'Donnell – Joe! I think you should quit riding people at these meetings.

Разнообразие и богатое прагматическое поле обращения требует рассмотрения с точки зрения парадигматики и синтагматики. Социолингвистические правила парадигматики сводятся к следующему:

- 1 – знанию социальных коннотаций каждой номинации–обращения;
- 2 – знанию социальных разрешений/запрещений к употреблению;
- 3 – учету:

а) социальных параметров адресата относительно адресанта, в том числе симметрии/ асимметрии ролевых позиций;

б) степени их знакомства и характера взаимоотношений;

в) официальности/неофициальности обстановки общения. С таким взглядом на обращения будет соотноситься их социостилистическая характеристика [5].

Например, в русском языке есть такие формы обращений, каждая из которых для своего основного словарного значения имеет однословный эквивалент в английском языке. Вместе с тем, английское слово (словосочетание), выступая в качестве обращения, имеет ярко выраженный эмоциональный компонент коннотативного значения, отсутствующий в русском языке: *boy* – мальчик, *girl* – девочка, *young man* – молодой человек, выступая в функции обращений, они часто приобретают, вполне определенное (чаще негативное) значение. В русском речевом этикете отсутствуют такие формы обращений, которые образуют в английском языке оппозиции, члены которых противопоставлены друг другу по ряду признаков: социальный признак адресанта (социально-маркированное *mister*, и немаркированное *Mr. Brown*, социально-отмеченное *lady*, являющееся ненормативным,

и немаркированное *Lady Jones* или *Ladies and gentlemen*); возрастной признак адресата *miss, madam*; признак знакомства коммуникантов *madam, Mrs. Smith* и др.

Jack. Charming day it has been, Miss Fairfax

Следует отметить, что выбор формы обращения, смена форм по отношению к одному адресату в пределах дискурса позволяет говорящему реализовать разнообразные прагматические тактики общения [2,9].

Обращение в высказывании выполняет различные функции.

Прежде всего, обращения указывают на собеседника, выделяют его как адресата высказывания говорящего. Однако обращения практически никогда не выполняют только одну дейктическую функцию, они обязательно передают информацию о ситуации общения, о социальных статусах и ролях собеседников. Сигнализировать о социальных аспектах общения – в этом заключается одна из функций обращений [1; 6].

На выбор обращения влияют степень знакомства с партнером по коммуникации, соответствующие статусы собеседников, их иерархическое положение относительно друг друга (начальник–подчиненный, вышестоящий – нижестоящий). Французская исследовательница Д. Перре предлагает различать два понятия – «социальная дистанция» (*distance sociale*) и «социальная близость» (*familiarité sociale*). В ее концепции дистанция/близость представляют собой социально–психологические детерминанты, в значительной мере определяющие выбор социально приемлемых форм общения. Речь идет о социальной дистанции, когда собеседники не знакомы, либо когда один из них занимает более высокое социальное положение (по возрасту, должности). При общении знакомых людей или равных по социальному статусу собеседников имеет место социальная близость партнеров по общению [10].

Следует отметить, что, довольно часто обращаясь к незнакомому человеку, мы либо вообще не употребляем обращений (нам важно лишь привлечь внимание), либо используем нейтральные обращения *miss, madam*.

The woman servant. Yes, miss: I'm Nurse Guinness

В случае формального общения между коммуникантами, не

равными по положению, возможно использование наименования социально–должностного ранга, типа – *baron, patron, doctor, inspector, Professor*,

Doctor, shall I continue to take my pills?

а также использование знаков установления относительного расстояния (дистанции) между социально-ранговыми положениями собеседников, а именно: *Miss Green, old chap, honey, etc.:*

Tom, old chap, I haven't seen you for ages!; Honey, will we go out somewhere tonight?

Mr. Brown, you should be more attentive while doing this kind of work!

Обращения к титулованным особам в Англии: к королеве, королю при представлении обращаются *Your majesty, Ваше Величество*, к мужу королевы, а также к наследникам монарха – *Your Royal Highness, Ваше Корлевское Высочество*, в дальнейшем эти титулы заменяются обращениями *Madam* и *Sir*; к герцогу – *Your Grace, ваша светлость*; обращение к его жене такое же; К маркизу, графу, виконту и барону – *Madam, your Lordship*, а также *My Lady*:

Gloucester (to King Lear): My dear lord, You know the fiery quality of the Duke, How unremovable and fixed he is In his own course.

Выбор вокативов регулируется в зависимости от уровня отношений равенства/неравенства между партнерами по коммуникации. В случае равенства партнеров наблюдается симметричное употребление обращений, в случае неравенства – асимметричное [8; 10].

В соответствии с тем, какую основную функцию выполняют обращения в речи, их можно разделить на **две группы**:

- собственно-обращения
- обращения-характеристики.

Собственно-обращения служат преимущественно для однозначного указания на адресата сообщения и привлечения его внимания.

Обращения-характеристики отличаются тем, что помимо номинативного обладают также и предикативно-характеризующим значением. Таким образом, обращение-характеристику можно развернуть в определительное предложение, где обращение играет роль именной части сказуемого.

Обращения-характеристики, не называя адресата, не могут выполнять той функции привлечения внимания собеседника, которая обычно указывается как основная функция обращений. Обращение-характеристика фиксирует факультативные признаки объекта, индивидуализирует, выделяет данный объект из числа других того же рода, оно не выделяет однозначно адресата речи, а предполагает независимое от характеристики знание о том, к кому обращена речь [4].

В ряде случаев слово-обращение может быть интерпретировано адресатом и как собственно-обращение и как обращение-характеристика. В первом случае адресат рассматривает обращение как знак социальных отношений между ним и говорящим, во втором – как приписывание ему некоторого качества, чаще всего выводимого из контекста или ситуации общения.

Помимо вышеуказанных двух групп обращений, можно выделить еще одну. Это **эмоциональные, оценочные обращения**. Их функцией является передавать эмоциональное состояние говорящего, давать оценку адресату речи. Данный тип обращений встречается в неформальном общении. В отличие от обращений-характеристик, предметно-логический компонент значения данной группы обращений оттесняется не предикативно-характеризующим, а эмоциональным, оценочным. Эмоциональное обращение никакой характеристики называемому лицу не дает [1; 4].

У эмоциональных обращений, как и у обращений-характеристик, дейктическая функция часто оказывается утраченной, они лишь сигнализируют о личностном отношении говорящего к слушающему (положительном или отрицательном).

Очень большое значение имеет место обращений в предложении. Обращения возможны в начале (*препозитивные*), в середине (*интерпозитивные*) и в конце (*постпозитивные*) предложения [3,6]..

Эмоциональная окрашенность препозитивных обращений может получать специальное оформление: используются повтор и группировка обращений в сочинительные ряды, что усиливает звательную интонацию:
James, would you be so kind as to listen to me?!

Father, how can you blame me in this situation! You know that I am completely innocent!

Обращения интерпозитивные, произносятся с заметно ослабленной звательной интонацией, с некоторым понижением тона:

I see you point, Mr. Dixon, but I can't agree with you.

В предложениях с постпозитивным обращением звательная интонация тоже ослабляется, а порой почти не чувствуется:

I am not going to make you change your mind, my dear.

Понятие «вежливость» в последнее время приобретает все больший интерес среди ученых, так как может рассматриваться не только на междисциплинарном уровне, а и в межкультурном аспекте.

Обращение можно рассматривать как речевой акт–семантический перформатив с открытой текстовой валентностью, поскольку оно существует (в начальной позиции) для последующего текста/дискурса. Оно информационно насыщено и способно выполнять различные функции.

Выбор формы обращения, смена форм по отношению к одному адресату в пределах дискурса позволяет говорящему осуществлять разнообразные прагматические тактики общения.

Список литературы

1. Алёшкина Е. Ю. К вопросу о семантической характеристике лексики обращений. / Е. Ю. Алёшкина // Функционально–семантические отношения в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1991. – С. 63–67.
2. Алпатов В. М. Предварительные итоги лингвистики XX века / В. М. Алпатов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – 1995. – № 5. – С. 84–92.
3. Гольдин В. Е. К определению сущности обращения / В. Е. Гольдин // Язык и общество. – Саратов, 1982. – С. 46–59.
4. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов : Гигант Медиа, 1987. – 129 с.
5. Дубовский Ю. А. Функциональное общение на английском языке / Ю. А. Дубовский, А. В. Кучер. – Киев : Довіра, 1991. – 205 с.
6. Мальцев И.В. Коммуникативные характеристики обращения / И.В. Мальцев // Вестник МГУ: история, язык, литература. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – Вып. 1. – С. 93–95.
7. Рыжова Л. П. Коммуникативные особенности обращения / Л. П. Рыжова // Содержательные аспекты предложения и текста : сб. науч. тр. – Калинин, 1983. – С. 128–134.

8. Сусов И. П. Лингвистика и межкультурная коммуникация / И. П. Сусов. – М. : Восток–Запад, 2007. – 384 с.
9. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения традиционного синтаксиса с точки зрения речевого этикета / Н. И. Формановская. – М. : Высш. школа, 1983. – С. 102–109.
10. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М. : Высш. школа, 1989. – 156 с.
11. Шматова В. И. Роль социолингвистических факторов при переводе обращений / В. И. Шматова // Функционирование языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1990. – С. 109–112

References

1. Aljoshkina E.Ju. K voprosu o semanticheskoj karakteristike leksiki obrashhenij. / E.Ju. Aleshkina // Funkcional'no–semanticheskie otnoshenija v leksike i grammatike. – Novosibirsk, 1991. – S. 63–67.
2. Alpatov V.M. Predvaritel'nye itogi lingvistiki XX veka / V.M. Alpatov // Lingvistika na ishode XX veka: itogi i perspektivy. – 1995. – № 5. – S. 84–92.
3. Gol'din V.E. K opredeleniju sushhnosti obrashhenija / V.E. Gol'din // Jazyk i obshhestvo. – Saratov, 1982. – S. 46–59.
4. Gol'din V.E. Obrashhenie: teoreticheskie problemy / V.E. Gol'din. – Saratov : Gigant Media, 1987. – 129 s.
5. Dubovskij Ju.A. Funkcional'noe obshhenie na anglijskom jazyke / Ju A. Dubovskij, A. V. Kucher. – K. : Dovira, 1991. – 205 s.
6. Mal'cev I.V. Kommunikativnye karakteristiki obrashhenija / I.V. Mal'cev // Vestnik MGU: istorija, jazyk, literatura. – M. : Izd-vo MGU, 1987– Vyp. 1. – S. 93–95.
7. Ryzhova L.P. Kommunikativnye osobennosti obrashhenija / L.P. Ryzhova / / Soderzhatel'nye aspekty predlozhenija i teksta : sb. nauch. tr. – Kalinin, 1983. – S. 128–134.
8. Susov I.P. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija / I.P. Susov. – M. : Vostok–Zapad, 2007. – 384 s.
9. Formanovskaja N.I. Obrashhenie s tochki zrenija tradicionnogo sintaksisa s tochki zrenija rechevogo jetiketa / N.I. Formanovskaja // M. : Vyssh. shkola, 1983. – S. 102–109.
10. Formanovskaja N.I. Rechevoj jetiket i kul'tura obshhenija / N.I. Formanovskaja. – M. : Vyssh. shkola, 1989. – 156 s.
11. Shmatova V.I. Rol' sociolingvisticheskih faktorov pri perevode obrashhenij / V.I. Shmatova // Funkcionirovanie jazykovyh edinic : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Voronezh, 1990. – S. 109–112.

УДК 94:82-1

І. О. Помазан

ПОЕЗІЯ МАНДРОВАНИХ ДЯКІВ ТА ВАГАНТІВ В ОСВІТНЬОМУ ДИСКУРСІ

Анотація. У статті зроблено компаративний аналіз творчого доробку західноєвропейських вагантів та українських мандрованих дяків в освітньому дискурсі. Проаналізовано типологічну близькість поезії вагантів та мандрованих дяків, зумовлену істотною мірою впливом на їхню творчість специфіки сучасної їм освітньої системи. Зокрема, наголошується, що спільною для мандрованих дяків і вагантів є одна з головних причин виділення й тих, й інших в окрему соціальну групу, а саме надлишок інтелектуальних кадрів, певне «перевиробництво людей розумової праці», за визначенням Михайла Гаспарова. Простежується, у який спосіб це вплинуло на специфіку поетичної творчості маргінальних інтелектуалів західноєвропейського Середньовіччя та українського Бароко. Робиться також висновок про перспективи подальших порівняльних студій в окресленому напрямку.

Ключові слова: поезія бароко, творчість мандрованих дяків, творчість вагантів, середньовічна та барокова освіта.

Помазан І. А. Поэзия странствующих дяков и вагантов в образовательном пространстве

Аннотация. В статье сделан компаративный анализ творческого наследия западноевропейских вагантов и украинских странствующих дяков в образовательном дискурсе. Проанализирована типологическая близость поэзии вагантов и странствующих дяков, обусловленная в значительной мере влиянием на их творчество современной им образовательной системы. В частности, акцентируется, что общей для вагантов и странствующих дяков является одна из основных причин выделения и тех, и других в отдельную социальную группу, а именно излишек интеллектуальных кадров, «перепроизводство людей умственного труда» по определению Михаила Гаспарова. Прослеживается, каким образом это повлияло на специфику поэтического творчества интеллектуальных маргиналов западноевропейского Средневековья и украинского Барокко. Делается также вывод о перспективах дальнейших сравнительных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: поэзия барокко, творчество странствующих дяков, творчество вагантов, средневековое и барочное образование.

Pomazan I. O. The poetry of travelling clerks and vagrants in the educational context

The article presents a comparative analysis of the creative heritage of West European vagrants and Ukrainian travelling clerks in educational discourse. The typological proximity of the vagrant and travelling clerk poetry largely brought about by the contemporary educational system influence on their creative work has been analyzed. In particular, it has been emphasized that the surplus of knowledge manpower defined by Mikhail Gasparov as “the overproduction of knowledge workers” was a common reason for both vagrants and travelling clerks to form a particular social group. The influence of the above phenomenon on the specific character of the poetic works of intellectual outcasts of West European Middle Ages and Ukrainian Baroque has been traced. A conclusion as to the prospects of further comparative studies in this area has been drawn.

Key words: baroque poetry, travelling clerk creative work, vagrant creative work, Medieval and Baroque education.

Творча спадщина мандрованих дяків є одним із надзвичайно цікавих складників українського літературного процесу XVIII ст. І тим цікавішим, що він постав на тлі поступового занепаду української літературної творчості і культури взагалі (а також, можемо додати, й освітньої системи зокрема – *І. П.*) протягом цього періоду [3, с. 284]. Саме на межі книжності, освітньої системи й усної літератури, фольклору й розвинулася глибоко своєрідна й специфічна творчість мандрівних дяків, або, як їх ще називали, бакалярів чи пиворізів.

Досить часто вона представляється як певний типологічний аналог творчості західноєвропейських вагантів [8, с. 260]. М. Т. Яценко навіть вбачає між ними «фігуральні» родинні зв'язки [9, с. 53]. Проте до теперішнього часу ніхто, здається, не ставив собі за мету детальніше розглянути проблему в цьому ракурсі.

Можливо, однією з причин є те, що на відміну від вагантів, творчість яких стала об'єктом дослідження в працях М. Л. Гаспарова, М. М. Бахтіна, і, певною мірою, І. М. Голенищева-Кутузова [6; 1; 2], мандровані дяки дотепер, здається залишаються здебільшого поза увагою літературознавців, якщо не рахувати окремих дотичних досліджень.

У статті ми маємо намір розглянути творчість мандрованих дяків

і вагантів в освітньому дискурсі, адже й ті, й інші тісно пов'язані зі специфікою освітньої системи свого часу та значною мірою є продуктом цієї системи. Надання переваги аналізу типологічних сходжень і розбіжностей перед контактено-генетичними зумовлене тим, що говорити про контактено-генетичні зв'язки між мандрованими дяками і вагантами навряд чи є сенс, бо ваганти були забуті на кінець XIV ст., а мандровані дяки з'явилися лише наприкінці XVII – початку XVIII ст. Про такі зв'язки можна говорити лише розглядаючи ці явища в контексті загальноєвропейської християнської культури, а також шкільної та університетської совіти зокрема. Щодо типологічних сходжень, ми, здається, маємо певні підстави говорити про них. Адже «типологічні аналогії і схожості можуть виникати як при наявності контактів та взаємовпливів літературних явищ, так і поза ними, бо вони народжуються спільними загальними закономірностями суспільного й художнього розвитку різних країн і народів.» [5, с. 15]. Ми ж маємо справу із двома явищами, що навіть при побіжному погляді мають спільні риси. Наприклад, найменування. Адже мандровані, або мандрівні, дяки – це в перекладі з латини і є ті самі ваганти. Латинське *vagantes* українською перекладається як *мандруючі*. Та й сам спосіб життя мандрованих дяків і вагантів дуже схожий – постійне бурлакування. Таким чином, можемо говорити про певні типологічні збіжності.

Спільним для мандрованих дяків і вагантів є також те, що однією з головних причин виділення їх в окремий соціальний прошарок стало певне «перевиробництво людей розумової праці», за визначенням М. Гаспарова [6, с. 448].

На певні подібності в їх творчості значною мірою вплинув той спосіб життя, який вели рівно як ваганти так і мандровані дяки. Зрозуміло, що одним з найпоширеніших жанрів в їх творчості були вірші-орації або ж жебрацькі пісні (у вагантів). Ці жанри мають між собою чи не найбільше подібностей. У них однаково домінують мотиви тяжкого школярського життя, вічних нестатків, жорстокого поводження вчителів із школярами. Лейтмотивом таких творів є переважно заклик слухачів до щедрості на користь бідних школярів, і передовсім, на користь виконавця твору. Так, у вагантів знаходимо:

Стану я духовного.
Злидень поміж вами,
Для страждань народжений
Плентаюсь світами.

2. Я до всіх премудростей
Прагнув причаститись,
Тільки злидні капосні
Не дали довчитись.

3. Одяг подірваний
На мені, недужім,
І в морозну днину я
Аж тремчу від стужі [10].

Аналогічні мотиви простежуємо і у мандрованих дяків:

Звичаї тії з давніх школярів бували,
Же по віршах коляди ся упоминали.
Чого і ми, не хочючи, понехати,
Мусим ся к милостям вашим утікати,
Би-сьте нас чим-кольвек подаровали,
Би-сьмо охотне за вас Бога прохали,
І будем у церкві голосно співати,
Аж стіни церковні будуть ще розлягати [6, с. 129–130].

От юж і я, вандрований пахолок,
Прийшов-єм до вас на той столок,
Барзо би-м вам рад що приповісти,
Але, здоров'я, вам кажучи, хоче ми ся їсти.
Як то наша школа уміє,
Же не один, сидячи за столом, з голоду умліє [7, с. 136].

Така схожість може бути пояснена прагматичною спрямованістю наведених творів. Вірші подібного гатунку, як у вагантів, так і в мандрованих дяків досить однотипні. Слід однак зазначити, що у вагантів у цьому відношенні є одна специфічна риса: вони майже не пишуть про свій шкільний побут, на чому наголошував ще М. Гаспаров [6,

с. 487]. У мандрованих дяків натомість тема школи у віршах-ораціях зустрічається дуже часто. Більше того, вони певною мірою акцентують свій тісний зв'язок із школою. Незавидне матеріальне положення не виключає разом з тим якихось мотивів гордості своїм становищем, показуючи в авторі вірша, так би мовити, студента за покликанням.

Ще одним спільним для вагантів і мандрованих дяків жанром була травестія. Це певною мірою традиційний жанр шкільної рекреативної літератури. Серед зразків вагантської поезії бачимо велике розмаїття травестій, починаючи від «Усеп'янійшої літургії» та «Євангелія від марки срібла» і закінчуючи «Уставом братії блаженного Лібертина». Травестійні поезії мандрованих дяків за асортиментом значно бідніші. Вони становлять собою переважно переробки євангелійних різдв'яних та великодніх сюжетів. Причому переробки ці мають здебільшого досить поміркований характер. Христос, Марія, Бог-Отець, Адам, Єва та інші постають у віршах-травестіях мандрованих дяків як звичайні собі селяни, що діють за біблійним сюжетом:

Старенький Біг

На стіл ізліг

І сам собі дума:

“Празник душам,

Тільки Адам

Із Євою рюма” [7, с. 156–157].

І дали із пекла драла!

Єва на всі жили брала,

А Адам сам употів,

Наперед усіх летів, –

За собою цілу зграю

Повели вони до раю [7, с. 166].

А Христос був на роботі,

Попалив собі чоботи,

Покіль пекло погасив

І Адама воскресив [7, с. 165].

На противагу віршам-орациям мандрованих дяків, вагантські травестійні поезії мають сильно знижений, знущальний, а почасти й брутальний характер. Травестіюють буквально всі жанри духовної поезії – Євангелія, молитви, літургії, устави, секвенції тощо.

При цьому використовуються найрізноманітніші прийоми. Яскравим прикладом цього є, зокрема, травестія статуту монашеського ордену («Братії блаженного Лібертина статут» [6, с. 319]).

Є серед вагантського спадку також велика кількість травестійних творів, побудованих на досконалому знанні Святого Письма й орієнтованих на поціновувачів, що знають їх не гірше за авторів. Це твори на зразок «Ніхто, муж найдосконаліший».

Таку відмінність в творчості мандрованих дяків і вагантів у жанрі травестії можна, гадається, пояснити двома причинами.

По-перше, те в творчості вагантів, що нам здається брутальним, абсолютно органічно сприймалося слухачами XII–XIII ст. «Це веселе пародіювання священного було дозволене в свята, як дозволявся «великодній сміх» (*risus paschalis*), як було дозволене м'ясо і статеве життя. Воно було просякнуте тим же народно-святковим відчуттям тимчасової зміни й оновлення в матеріально-тілесному плані. Тут панує та ж логіка амбівалентного матеріально-тілесного низу» [1, с. 96]. Ця характерна риса середньовічного світовідчуття й спричинилася до можливості виникнення таких брутальних, з точки зору сучасної естетики, творів: «Комічне і трагічне, профануюче і священне, висміююче і піднесене суть дві сторони єдиного світосприйняття, природно доповнюючи одна одну.» [3, с. 317]. У той період, на який припадає творчість мандрованих дяків, така середньовічна амбівалентність світосприйняття була вже до певної міри зруйнована, і в їхній творчості на засадах барокового світогляду від того середньовічного оновлюючого матеріально-тілесного низу, про який говорить М. Бахтін, лишилися тільки елементи досить поміркованого травестіювання та пародіювання сюжетів з Святого Письма та гротескові образи всесвітньої учти:

Христос родивсь

Мир звеселивсь!

Сьогоднішніми часи

Для сих родин
Всяк християнин
Вминає ковбаси.
Баби, діди
Пиво-меди,
Горілку варену
Кухликом п'ють,
З книшами труть
Свинину печену [7, с. 156].

Власне, творчість мандрованих дяків може цілком природно сприйматися на рівні нашої сучасної естетики, тоді як доробок вагантів може бути сприйнятий лише з певними застереженнями, або й не сприйнятий зовсім.

По-друге, щодо різноманітності асортименту травестійних творів мандрованих дяків і вагантів, то слід відзначити, що тут велику роль відіграла орієнтація на потенціального реципієнта. У вагантів таким реципієнтом була людина освічена, тонкий поціновувач, що міг розібратися у всіх сладностях алюзій поетичного тексту. Відповідно до цього ми зустрічаємо у вагантів таке розмаїття творів і таку складність алюзій. Мандровані дяки ж у своїй творчості орієнтувалися переважно на селян та міщан. З огляду на це й твори їх досить однотипні: в основі лежать, як правило, усіма добре знані епізоди з Святого Письма чи якісь усталені сюжетні структури (як, наприклад, у віршах-ораціях, що складаються переважно за такою схемою: віншування, скарга на важке життя, вимагання коляди; іноді один з елементів міг випускатися). Певне різноманіття ми тут маємо лише на рівні інтерпретації цих сюжетів.

Таким чином, порівняльний аналіз творчості мандрованих дяків та вагантів в освітньому дискурсі може, на нашу думку, дати цікаві результати, однак визначення засад цього аналізу вимагає певних застережень. Досліджуючи співвіднесення творчості мандрованих дяків і вагантів, слід враховувати, що ми маємо справу з двома своєрідними культурними явищами, котрі постали на подібному соціальному підґрунті, зумовленому розвитком, становленням,

а згодом і певною кризою освітньої системи, однак мають певні специфічні риси, визначені різними історико-соціальними умовами й передовсім різними культурними контекстами, в яких відбувався процес становлення і розвитку цих культурних і літературних феноменів.

Список літератури

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии / И. Н. Голенищев-Кутузов. – М. : Наука, 1972. – 308 с.
3. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа / М. С. Грушевский. – Киев, 1911. – 316 с.
4. Гуревич А. Я. К истории гротеска. «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе / А. Я. Гуревич // Изв. АН СССР. Сер. «Литература и язык». – 1975. – Т. 34, № 4. – С. 317–327.
5. Наливайко Д. С. Спільність і своєрідність. Українська література в контексті європейського літературного процесу / Д. С. Наливайко. – Київ : Дніпро, 1988. – 395 с.
6. Поэзия вагантов. – М. : Наука, 1975. – 608 с.
7. Українська література XVIII ст. – Київ : Наук. думка, 1983. – 694 с.
8. Українська літературна енциклопедія : у 5 т. – Київ : Голов. ред. УРЕ, 1988. – Т. 1: А-Г. – 536 с.
9. Яценко М. Т. На рубежі літературних епох / Т. М. Яценко. – Київ : Наук. думка, 1977. – 280 с.
10. Поезія вагантів. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ae-lib.org.ua/texts/_vagantes_poetry__ua.htm.

References

1. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa / M. M. Bahtin. – 2-e izd. – М. : Hudozh. lit., 1990. – 543 s.
2. Golenishchev-Kutuzov I. N. Srednevekovaya latinskaya literatura Italii / I. N. Golenishchev-Kutuzov. – М. : Nauka, 1972. – 308 s.
3. Grushevskij M. S. Ocherk istorii ukrainskogo naroda / M. S. Grushevskij. – Kiev, 1911. – 316 s.
4. Gurevich A. YA. K istorii groteska. «Verh» i «niz» v srednevekovej latinskoj

literature / A. YA. Gurevich // Izv. AN SSSR. Ser. «Literatura i yazyk». – 1975. – Т. 34, № 4. – С. 317–327.

5. Nalyvaiko D. S. Spilnist i svoieridnist. Ukrainska literatura v konteksti yevropeiskoho literaturnoho protsesu / D S. Nalyvaiko. – Kyiv : Dnipro, 1988. – 395 s.

6. Поэзия ваянгов. – М. : Nauka, 1975. – 608 s.

7. Ukrainska literatura XVIII st. – Kyiv : Nauk. dumka, 1983. – 694 s.

8. Ukrainska literaturna entsyklopediia : u 5 t. – Kyiv : Holov. red. URE, 1988. – Т. 1: А-Н. – 536 s.

9. Iatsenko M. T. Na rubezhi literaturnykh epokh / T. M. Yatsenko. – Kyiv : Nauk. dumka, 1977. – 280 s.

10. Poeziia vаяntiv. [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: http://ae-lib.org.ua/texts/_vagantes_poetry__ua.htm.

УДК82:81.112.2Рот1/7.07

Ж. Е. Потапова

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ ПРИЕМОВ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РАССКАЗЕ ЙОЗЕФА РОТА «DER VORZUGSSCHÜLER»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей создания Йозефом Ротом образа главного героя рассказа «Der Vorzugsschüler». В процессе анализа обнаружилось, что обо всем, что касается главного героя, мы узнаем только из авторского повествования и вплетенной в него несобственно-прямой речи героя. Отдельные, особо значимые моменты выделены курсивом или проходят красной нитью через все произведение, повторяясь в различных ситуациях. Язык деловой, простой и вместе с тем очень емкий, чему способствует применение эпитетов, сравнений, антитезы, метафор, повторов. Данная статья является продолжением разработки темы «Условия формирования духовно-моральных ценностей немецкой молодежи на рубеже 19–20 веков» (на материале художественных произведений указанного периода).

Ключевые слова: Йозеф Рот, «Der Vorzugsschüler», авторские приемы создания образа литературного героя.

Потапова Ж. Є. Особливості авторських прийомів характеристики головного героя в оповіданні Йозефа Рота «Der Vorzugsschüler»

Анотація. Стаття присвячена розгляду особливостей створення Йозефом Ротом образу головного героя оповідання «Der Vorzugsschüler». У процесі аналізу виявилось, що про все, що стосується головного героя, ми дізнаємося тільки з авторської оповіді і вплетеної в неї невластиво-прямої мови героя. Окремі, особливо значущі моменти виділені курсивом або проходять «червоною ниткою» через увесь твір, повторюючись в різних ситуаціях. Мова ділова, проста і разом з тим дуже містка, чому сприяє застосування епітетів, порівнянь, антитези, метафор, повторів. Дана стаття є продовженням розробки теми «Умови формування духовно-моральних цінностей німецької молоді на рубежі 19–20 століть» (на матеріалі художніх творів зазначеного періоду).

Ключові слова: Йозеф Рот, «Der Vorzugsschüler», авторські прийоми створення образу літературного героя.

Potapova Zh. Y. Peculiarities of the author's devices employed to characterize the main hero of the story «Der Vorzugsschüler» by Joseph Roth

Annotation. The article addresses the problems of peculiar ways of the author's creating the character of the main hero of the story «Der Vorzugsschüler» by Joseph Roth. The results of the analysis show that we learn everything about the hero from the author's narration and the hero's reported speech interweaving with it. Especially important elements are put in italics or appear effectively throughout the work, repealed in different situations. The language is both matter of fact and effective due to the usage of figures of speech, such as epithet, simile, antithesis, metaphor, repetition. The article is the extension of investigating the problem "Conditions of formation of German young people's spiritual and moral values on the borderline of XIX–XX C. (on the material of the period literary works).

Key words: Joseph Roth, «Der Vorzugsschüler», authoring techniques creating an image of a literary hero.

Рассказ австрийского писателя Йозефа Рота «Der Vorzugsschüler», впервые опубликованный в сентябре 1916 года в венской газете «Österreichs Illustrierte Zeitung», относится к часто появлявшимся в конце 19-го – начале 20-го веков так называемым «школьным романам», однако имеет свои особенности. В произведении рассказана история жизни главного героя – от школьных дней до конца жизненного пути. Считается, что фигурой Антона Ванцля и его карьерой Йозеф Рот примкнул в выборе темы и замысла изображения к европейской традиции повествования, целью которой, особенно во Франции, была критика буржуазного общества и которая в немецком языковом пространстве заострена на разоблачении гнета воспитания [1, с. 1077]. Есть мнение, что Йозеф Рот дальновидно изобразил будущий портрет немецкого авторитарного характера [2]. Целью представленной работы является попытка показать, с помощью каких авторских приемов выстраивается образ такого характера. В работах, посвященных творчеству Рота [3], отмечается, что он был замечательным стилистом, образцом для него были Стендаль и Флобер, которых он ценил за краткость, точность и логичность изложения. Главной отличительной особенностью новелл, как

утверждает О. В. Козонкова [4], исследовавшая новеллистику Рота, является организация повествования не вокруг ситуации, а вокруг одного персонажа, который представлен на протяжении длительного периода. Это в полной мере относится и к произведению «Der Vorzugsschüler», все события в котором привязаны к одной фигуре – Антону Ванцлю.

Первое знакомство с сыном почтальона Антоном Ванцлем происходит в самом начале рассказа, где автор отмечает экстраординарность черт детского лица (*das merkwürdigste Kindergesicht von der Welt*). Особо обращает на себя внимание, что глаза мальчика смотрели на мир не по годам умно и серьезно (*altklug und ernst*). Антон Ванцль всегда был вежлив и чисто одет. На его сюртуке не было ни пылинки, на чулках – ни малейшей дырочки, никаких шрамов и царапин на гладком бледном личике. Он редко играл, никогда не боролся с ребятами и не воровал яблок в соседском саду. Антон Ванцль только *учился*. (Слово «учился» у автора выделено курсивом: *Anton Wanzl lernte nur*). Далее мы узнаем, что учился он с утра до позднего вечера, его книги и тетради были очень чистыми и обернуты белой бумагой. На первом листе несвойственным для ребенка мелким красивым почерком было написано его имя. В школе на своем месте за партой он сидел, как приклеенный (*Auf seinem Platz in der Schulbank saß er wie angenagelt*), сложив руки, как предписано, и смотрел на учителя своими умными не по годам глазками (*mit seinen altklugen Äuglein*). Он был образцом для всего класса, в его тетрадях стояли одни пятерки, его ответы были по сути, хорошо подготовленными. Самым неприятным становились для него перерывы, когда все, кроме старосты, должны были выходить из класса. Тогда он стоял в школьном дворе, робко прижавшись к стене, не решаясь сделать ни шагу из-за боязни быть сбитым каким-нибудь мчащимся одноклассником, и облегченно вздыхал лишь, когда звенел звонок. Он степенно, как директор (*bedächtig, wie sein Direktor*), шел за толпящимися ребятами, ни с кем не разговаривал и садился за парту только тогда, когда учитель командовал садиться. Антон Ванцль не был счастливым ребенком. Ему нужно было блистать, превосходить своих товарищей, и это твердое железное желание

(eiserner Wille) истощало его слабые силы. Поначалу у Антона была только *одна* цель (nur ein Ziel): он хотел стать старостой. Такая должность импонировала маленькому Антону, но староста в классе уже был. Бессонными ночами вынашивал Антон жестокие планы, неустанно обдумывал, как он может сместить старосту (Er brütete in schlaflosen Nächten grimmige, racheheiße Pläne aus, er sann unermüdlich nach, wie er den »Aufseher« stürzen könnte). И однажды ему это удалось. Однако тщеславие не давало покоя и дальше. Все время появлялись новые цели, на которые он работал в полную силу. При этом он внешне постоянно сохранял достоинство, любой из его поступков был хорошо продуман: он оказывал учителям маленькие любезности со спокойной гордостью, помогал им надеть пальто с самым серьезным выражением лица, его лесть всегда была неброской и имела характер служебной обязанности. Йозеф Рот называет своего героя ловким дипломатом (ein geriebener Diplomat), который делает только то, что считает умным и практичным. Он никого не любил и не требовал любви, у него не было потребности в нежности, ласке, он никогда не плакал, так как отважный юноша *не должен* плакать (Denn ein braver Junge durfte nicht weinen). После школы Антон поступает в гимназию. Внешнее проявление его сути стало еще утонченнее, он по-прежнему образцовый ученик. Всеми предметами овладевает прилежно, ничему не отдавая предпочтения, так как у него вообще нет ничего, что связано с любовью. Тем не менее, он с большим пафосом декламирует баллады Шиллера и с артистичным подъемом играет в театре во время различных школьных праздников. Говорит очень зрело (sehr altklug) и мудро о любви, но никогда сам не влюбляется, а перед девушками играет скучную роль ментора и педагога. Он был великолепным танцором, имел безупречно отлакированные манеры и сапоги (von tadellos lackierten Manieren und Stiefeln), тщательно отутюженные позу и брюки (steifgebügelter Haltung und Hose), его манишка сверкала чистотой, чего нельзя было сказать о его характере (seine Hemdbrust ersetzte an Reinheit, was seinem Charakter von dieser Eigenschaft fehlte). Своим коллегам он помогает, но не потому, что хочет помочь, а из страха, что ему тоже когда-нибудь пригодится их помощь. Во всем

соглашается с преподавателями, оказывает постоянные услуги. Выбирая направление для дальнейшей учебы после окончания гимназии, Антон Ванцль останавливается на специальности «литература», и хотя люди говорят, что это «профессия нищих», Антон Ванцль считает, что к деньгам и славе можно придти, если все умело обставить. А что-то умело обставить – это Антон умел (Aber man konnte zu Geld und Ansehn kommen, wenn man es geschickt anstellte. Und etwas geschickt anstellen - das konnte Anton). Антон стал студентом. Такого «солидного» студента (einen so «soliden» Studenten) мир еще не видел. Он не курил, не пил, не дрался. Но к какому-то обществу он должен был примкнуть, это было заложено в его натуре: он должен был иметь коллег, которых он мог превзойти, он должен был блистать, иметь должность, делать доклады. И хотя в лицо его сокурсники называли домоседом и зубрилкой, в глубине души они испытывали огромное уважение к молодому человеку, который учился еще на младших курсах, но уже обладал огромными знаниями. Педагоги тоже признавали его авторитет. Он был крайне необходимым справочником, бродячим лексиконом (ein äußerst notwendiges Nachschlagewerk, ein wandelndes Lexikon), он знал все книги, авторов, даты, книжные магазины издательств, он знал все новые, улучшенные издания. Вместе с тем он мог часами без усталости кивать головой в знак согласия, не противореча преподавателям. Он по-прежнему подавал пальто, был швейцаром, сопровождал преподавателей. В *одном* только Антон Ванцль не продвинулся (Nur auf *einem* Gebiete hatte Anton Wanzl sich noch nicht hervor getan): в вопросах любви, но когда он в уединении размышлял, то приходил к выводу, что обладание женщиной повысило бы его статус у друзей и коллег. И, кроме того, его безмерной потребности властвовать требовалось существо, которое бы ему полностью подчинялось, которое он мог бы месить и формировать по своей воле. Антон Ванцль до сих пор только подчинялся, теперь он хотел командовать (Anton Wanzl hatte bis jetzt gehorcht. Nun wollte er einmal befehlen), а во всем слушаться могла бы только любящая женщина. Нужно только это умело обставить. А что-то умело обставить – это Антон умел (Man mußte es nur geschickt anstellen. Und etwas geschickt anstellen, das konnte Anton).

Бросив на произвол судьбы девушку, с которой начал встречаться, Ванцль женится на дочери советника Крайтмайера. Лавиния Крайтмайер ему совершенно не нравилась (Lavinia Kreitmeyer gefiel ihm nicht im geringsten), но инстинкт, который постоянно сопутствовал прилежному в жизни ученику, говорил ему, что Лавиния была бы очень подходящей женой, а еще более подходящим был бы свекор с его связями (Aber der Instinkt, mit dem Vorzugsschüler des Lebens stets ausgerüstet sind, sagte ihm, daß Lavinia eine gar passende Frau für ihn wäre und Herr Hofrat Sabbäus ein noch passenderer Schwiegervater). Правда, у Лавинии уже был жених, но от него можно легко избавиться. Это нужно только умело обставить. А что-то умело обставить – это Антон умел (Man mußte es nur geschickt anstellen. Und etwas geschickt anstellen, das konnte Anton).

С дипломом доктора Антон Ванцль начал работать. Он был добросовестным, строгим, справедливым учителем (Er war ein gewissenhafter, strenger, gerechter Lehrer). Он рос в глазах начальства, имел вес в лучшем обществе (spielte eine Rolle in der besseren Gesellschaft) и работал в области избранной науки. Его зарплата росла и росла, его ранг повышался (Sein Gehalt stieg und stieg, er wuchs von einer Rangklasse in die andere). Со временем Ванцль становится директором школы, в которой учился, устранив при этом самым непорядочным образом действующего директора.

Господину директору доктору Ванцлю жилось хорошо. Его амбиции успокоились. Иногда в глубине души он смеялся над легковерием мира, но его бледные губы оставались сомкнутыми. Он боялся, что стены имеют не только уши, но и глаза, и могут его выдать (Er fürchtete, die Wände hätten nicht nur Ohren, sondern auch Augen und könnten ihn verraten). И лишь в гробу он смеялся впервые в жизни. Он смеялся над доверчивостью людей и глупостью мира.

В работе была предпринята попытка выявить особенности создания Йозефом Ротом образа главного героя рассказа «Der Vorzugsschüler». В процессе анализа обнаружилось, что обо всем, что касается главного героя, мы узнаем только из авторского повествования и вплетенной в него несобственно-прямой речи героя. Отдельные, особо значимые моменты, выделены курсивом или

проходят красной нитью через все произведение, повторяясь в различных ситуациях. Язык деловой, простой и вместе с тем очень емкий, чему способствует применение эпитетов, сравнений, антитезы, метафор, повторов. Большой смысл заключен в несколько раз использованной зевгме. Лексика в основном употреблена в своем прямом значении, но ее выбор оказывается настолько удачным, что все ситуации предстают перед читателем очень наглядно и создают образ ярко выраженного социального типа.

Список литературы

1. Hacker F. Nachwort. In: Roth, Joseph. Der Vorzugsschüler // Joseph Roth. Werke. Vierter Band / Hrg. und Fritz Hacker. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 1077.
2. Kosenina A. Der Vorzugsschüler: Rezension / Alexander Kosenina, Joseph Roth // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 5.08. 2012. – S. 5.
3. Творчість Йозефа Рота. [Електронний ресурс] / Реферати и сочинення. – Режим доступа: <http://bukvar.su/zarubezhnaja-literatura/144369-Tvorchist-IYozefa-Rota.html>. – Загол. з екрану.
4. Козонкова, О. В. Новеллистика Йозефа Рота : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Козонкова Ольга Валентиновна ; Моск. гос. ун-т им М. В. Ломоносова. – М., 2002. – 20 с.
5. Roth J. Der Vorzugsschüler // Joseph Roth. Werke. Vierter Band. / Hrg. und Nachwort Fritz Hacker. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 1 – 13.

References

1. Hacker F. Nachwort / Hacker Fritz // Roth J. Der Vorzugsschüler // Werke / Joseph Roth ; Hrg. und Fritz Hacker. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – Band 4. – S. 1077.
2. Kosenina A. Roth, Joseph: Der Vorzugsschüler: Rezension / Alexander Kosenina // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 5.08.2012. – S. 5.
3. Tvorchist' Yozefa Rota. [Elektronny resurs] // Referaty u sochyneniia. – Rezhym dostupa: <http://bukvar.su/zarubezhnaja-literatura/144369-Tvorch-st-IYozefa-Rota.html>.
4. Kozonkova, O. V. Novellistika Yozefa Rota : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03 / Kozonkova Olga Valentinovna ; Mosk. gos. un-t im M. V. Lomonosova. – M., 2002. – 20 s.
5. Roth J. Der Vorzugsschüler / Roth Joseph // Werke / Joseph Roth ; Hrg. und Nachwort Fritz Hacker. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1989. – Band 4. – S. 1–13.

УДК 811.133.1: 81'33

С. В. Смолянкина

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей электронного общения молодежи и его влияния на состояние современного французского языка. Выявлены основные характеристики письменного общения: модификации графем и морфосинтаксических элементов, упразднение графем, использование логограмм, отсутствие диакритических знаков, заглавных букв, пунктуации. Язык SMS-сообщений проникает в самые разные области жизни, оказывая влияние на культуру в целом. Одни аспекты этого влияния можно считать положительными, а другие аспекты вызывают опасения у лингвистов, поскольку пренебрежение правилами правописания и пунктуации может привести к снижению грамотности и деструктивно повлиять на литературный французский язык.

Сделан вывод, что электронная коммуникация преимущественно реализуется в письменной форме, являясь источником лингвистических модификаций, которые в будущем отразятся на состоянии французского языка.

Ключевые слова: Интернет, электронное общение молодежи, язык SMS-сообщений, французский язык, грамотность.

Смолянкина С. В. Електронне спілкування молоді та його вплив на сучасну французьку мову

Анотація. Стаття присвячена розгляду особливостей електронного спілкування молоді та його впливу на стан сучасної французької мови. Виявлено основні характеристики письмового спілкування: модифікації графем і морфосинтаксичних елементів, скасування графем, використання логограм, відсутність диакритичних знаків, великих літер, розділових знаків. Мова SMS-повідомлень проникає в різноманітні галузі життя, що впливає на культуру в цілому. Одні аспекти цього впливу можна вважати позитивними, а інші аспекти викликають побоювання у лінгвістів, оскільки нехтування правилами орфографії і пунктуації може призвести до зниження грамотності і деструктивно вплинути на літературну французьку мову.

Зроблено висновок, що електронна комунікація переважно використо-

вується у письмовій формі, що є джерелом лінгвістичних модифікацій, які в майбутньому позначатися на стані французької мови.

Ключові слова: Інтернет, електронне спілкування молоді, мова SMS-повідомлень, французька мова, грамотність.

Smolyankina S. V. Young people's electronic communication and its impact on modern French language

Annotation. The article deals with the peculiarities of young people's electronic communication and its impact on the state of modern French language. The article distinguishes the basic features of written communication: modification of graphemes and morphosyntactic elements; abolition of graphemes, use of logograms and absence of diacritics, capital letters and punctuation. The language of SMS messages penetrates different spheres of life and influences the culture as a whole. Some aspects of this influence can be regarded as positive. Others cause apprehension of linguists, as neglecting spelling standards and punctuation rules may result in a decline of grammatical correctness and damage the literary French language.

The author comes to the conclusion that electronic communication which is mainly realized in the written form, is a source of linguistic modifications which may affect the condition of the French language in future.

Key words: Internet, young people, language of SMS messages, virtual communication, French, literacy.

Можно ли представить сегодняшний день без интернета или мобильной связи? Многие скажут, что это вчерашний день, и в современном мире сложно обойтись без Интернет-технологий и гаджетов. Если старшее поколение не столь быстро реагирует на изменения в техническом мире, особенно, если говорить об интернет-общении, то молодежь не представляет себе мир без социальных сетей, чатов, блогов, SMS-сообщений и предпочитает виртуальное общение реальной коммуникации.

Безусловно, коммуникация в киберпространстве – это необходимость XXI века. Но каково влияние подобного общения на повседневную жизнь, на грамотность речи и состояние современного французского языка? Поиск ответа на данный вопрос и является целью данного исследования.

Актуальность темы обусловлена тем, что язык, являясь живым организмом, четко отражает потребности и эмоции молодежи и в некоторой степени выступает защитным слоем при восприятии окружающего, постоянно меняющегося мира.

Французский, как и любой другой язык, быстро меняется, реагируя на изменения в различных сферах деятельности, поэтому при его изучении необходимо учитывать речь молодых французов, общающихся между собой через современные средства связи.

Любая коммуникация имеет свои цели и задачи. Удаленное общение осуществляется в основном под вымышленными именами (никнеймами), что способствует преодолению психологического барьера при построении взаимоотношений с незнакомыми людьми, облегчает поиск ответов на интересующие их вопросы, позволяет проявить свою независимость или завоевать популярность среди сверстников.

В виртуальном мире молодые люди ищут способы самовыражения, придумывая некий собственный мир, который не может существовать без завуалированного языка.

Французские подростки постоянно пользуются языком SMS-сообщений, так называемым «*le langage texto*». Привычные тенденции сокращений слов в SMS-сообщениях перешли в общение в социальных сетях и чатах. Характерными чертами такой коммуникации являются краткость, быстрота, отсутствие орфографических и грамматических правил, соответственно происходит симплификация языка на письме. Но французская исследовательница Изабель Пьерозак считает, что *le français tchaté* (язык общения в чатах) не следует называть «простым» или «упрощенным», [3, 107], скорее можно говорить о «маркированном» («*ge-marquée*») языке, который характеризуется новыми морфологическими признаками.

В написании слов и реплик преобладают следующие тенденции: модификации графем (субституция или редукция), упразднение графем, модификация морфосинтаксических элементов, использование логограмм, редукция графических элементов (диакритические знаки, заглавные буквы, пунктуация, пробелы между словами).

Измененное написание слов часто содержит цифры или знаки, например:

- r129 – rien de neuf
- @2m1/ a2m1 – à demain
- 1posibl – impossible
- jSpR ktu va bi1 J'espère que tu vas bien?
- keske C – qu'est ce que c'est?
- j s8la – je suis là
- ab1to – à bientôt
- de se ke tu veu – de ce que tu veux

Интернет-общение – это некая игра для молодежи, игра в словотворчество, которое понятно определенному кругу людей. Сокращается максимально все. Для облегчения понимания коммуникации современной молодежи издаются специальные словари аббревиации SMS [2]:

- slt tlm — salut tout le monde
- jpp – Je n'en peux plus
- askip – à ce qu'il paraît
- oklm – au calme
- jdcjdr – je dis ça, je dis rien
- bcp – beaucoup
- mdr – mort de rire

Молодые люди вырастают на общении в чатах, блогах, социальных сетях. Для них языковая норма – это непосильная ноша, навязываемая в школе, которой они себя противопоставляют. Пропаганда упрощения языка наблюдается сегодня повсюду: в ней задействованы средства массовой информации, Интернет и другие сферы, с которыми соприкасается молодежь. [1, 212] Однако виртуальное общение вызывает неоднозначные высказывания среди специалистов в области языкознания. Учитывая неизбежность новых веяний, они выражают определенные опасения относительно состояния языковой нормы, поскольку любые языковые формирования отражаются на уровне знания национального языка и чаще всего приводят к снижению грамотности, то есть деструктивно влияют на литературный французский язык.

Таким образом, можно сделать вывод, что электронная коммуникация, преобладающая в письменной форме, является источником лингвистических модификаций. Интернет-общение не может не отражаться на речи в повседневной жизни и зачастую пагубно влияет на грамотность молодых людей, поскольку происходит привыкание к употреблению измененных слов. Следовательно, обучение французскому языку как иностранному необходимо осуществлять с опорой на особенности интернет-общения молодежи, приобщая к реалиям языковой среды.

Список литературы

1. Сидоров А. А. Формы молодежного общения и их влияние на состояние современного французского языка / А. А. Сидоров // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкозн. 2011. – № 1 (13). – С. 209–213.
2. Dictionnaire SMS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dictionnaire-sms.com/>. – Загл. с экрана
3. Pierozak I. Pour une approche syntaxique complexe : l'exemple d'objets dits «simples»/ Isabelle Pierozak // La linguistique. 2005. Vol. 41, fasc. 1. – P: 107–131.

References

1. Sidorov, A.A. Formy molodezhnogo obshhenija i ih vlijanie na sostojanie sovremenного francuzskogo jazyka / A.A. Sidorov // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2. Jazykoz. 2011. – № 1 (13) – P. 209–213. (in Russian)
2. Dictionnaire SMS [Electronic resource]. – Available at: <http://www.dictionnaire-sms.com/>
3. Pierozak I. Pour une approche syntaxique complexe : l'exemple d'objets dits «simples»/ Isabelle Pierozak // La linguistique. 2005. Vol. 41, fasc. 1. – P. 107–131.

УДК 811.111'33

Е. В. Тарасова

АНГЛИЙСКИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС КАК ПОДСИСТЕМА АНГЛИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Объектом описания является английский письменный деловой дискурс (АПДД), рассматриваемый как микросистема в составе макросистемы английского экономического дискурса (АЭД), обслуживающего систему экономических связей, сложившихся в англоговорящих социумах. АПДД рассматривается в рамках синергетической системно-интегративной и системно-деятельностной парадигмы, согласно которой деловой документ представляет собой целенаправленное действие с характерной адресантно-адресатной конфигурацией, выбор которой регулируется как конкретными правилами организации и ведения бизнеса, так и общими правилами коммуникации. В статье приводится перечень основных типов деловой документации, каждый из которых представлен как особый речевой жанр. Утверждается что деловая документация имеет социально-значимые цели, регулируя социально-экономическое взаимодействие индивидов и социальных групп, и потому является необходимой составляющей экономической деятельности.

Ключевые слова: деловой дискурс, экономический дискурс, речевой жанр, микросистема, макросистема, системно-интегративная парадигма.

Тарасова О. В. Англійський письмовий діловий дискурс як підсистема англійського економічного дискурсу

Анотація. Об'єктом опису є англійський письмовий діловий дискурс (АПДД), представлений як комунікативна мікросистема у складі макросистеми англійського економічного дискурсу (АЕД), що обслуговує систему економічних стосунків, що склалися в англосовних соціумах. АПДД розглядається в межах синергетичної системно-інтегративної та системно-діяльностної парадигми, згідно якої діловий документ є цілеспрямованою дією з характерною адресантно-адресатною конфігурацією, вибір якої регулюється як конкретними правилами організації та ведення бізнесу, так і загальними правилами комунікації. В статті надається перелік основних типів ділової документації, кожен з яких представлений як особливий мовленнєвий жанр. Стверджується, що ділова документація має соціально значущі цілі – регулює

соціально-економічну взаємодію індивідів і соціальних груп і тому є необхідною складовою економічної діяльності.

Ключові слова: діловий дискурс, економічний дискурс, мовленнєвий жанр, мікросистема, макросистема, системно-інтегративна парадигма.

Tarasova Ye. V. English written business discourse as a subsystem of the English economic discourse

Annotation. The object of scrutiny is written English business discourse presented as a communicative micro-system within the macro-system of English economic discourse. The latter is viewed within the integrative synergistic activity-based paradigm. A business document is regarded, accordingly, as a purposeful communicative action with a characteristic addressant-addressee configuration whose choice is regulated by both the specific rules of business running and organization and the general rules of communication. The author lists the main kinds of English business documentation, each of them presented as a distinct speech genre. It is argued that business documentation has a socially significant aim. Regulating socio-economic interaction of individuals and social groups it is a necessary instrument of organizing society's economic activities.

Key words: business discourse, economic discourse, speech genre, micro-system, macro-system, system-intergrating paradigm.

Понимание дискурса как «текста, зануреного у життя» [1], як соціально зорієнтованого мовлення..., що існує передусім і головним чином у текстах, за якими постає особлива граматики, лексикон, семантика, правила слововживання і синтаксису, в кінцевому підсумку – особливий світ» [3, с. 168], виводит даний комунікативний феномен в русло синергетических исследований, основополагающим принципом которых является *системно-интегративный*.

Суть данного принципа состоит в понимании дискурса как ингерентно *организованной* формы деятельности. В рамках системно-деятельностной концепции [9; 11 и др.] дискурс исследуется как «система систем» – целостность, состоящая из взаимосвязанных частей, «имеющая свое строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [9, с.31].

«Дискурс обладает качеством самоорганизации» [9, с.176], и поскольку он отражает регулярно повторяющиеся закономерности

в поведении членов общества в той или иной ситуации, его необходимо описывать и анализировать не только как процесс, но и как *структуру*, состоящую из элементов, каждый из которых «включен в свой особый закон развития, реализуемый с помощью специфических механизмов» [13, с.262].

Деловой дискурс (ДД), сложившийся в той или иной лингвокультуре, оформляет ритуал, требующий для своего выполнения известного порядка речевых действий. Речевая деятельность коммуникантов-бизнесменов имеет свою цель и свой продукт. В качестве последнего обычно выступает письменный текст, являющийся формой реализации *письменного делового дискурса* (ПДД), или *дискурса деловых документов*. Продуцент ПДД имеет своей целью закодировать и передать посредством письменной речи информацию так, чтобы побудить делового партнера действовать определенным образом. Деловой документ – это грамматически оформленный и семантически заверченный тип текста, который имеет особую коммуникативную структуру и *наделен определенной юридической силой*. Как таковой он представляет собой целенаправленное коммуникативное действие с характерной адресантно-адресатной конфигурацией, включающее вербальные и невербальные компоненты, выбор и функционирование которых регулируется как экстралингвистическими правилами организации и ведения бизнеса, сложившимися в данной этнокультуре, так и общими правилами коммуникации, в частности, принципами кооперации и вежливости [6; 16]. Обслуживая взаимоотношения индивида-профессионала в той или иной области со сложившейся в обществе системой деловых связей и отношений, деловая документация преследует общественно значимые цели: она регулирует социально-экономическое взаимодействие индивидов и социальных групп и, следовательно, является необходимым составным компонентом *экономической деятельности*.

Сегодня признается, что в основе всякой экономической системы лежит тот или иной **экономический дискурс** (ЭД) [14; 8; 12] со своей «оценивающей переменной», являющейся необходимой гуманитарной составляющей порожденного данной системой типа «экономического человека» [13; 14 и др.]. ЭД представляет собой

сложный стратегический механизм – своеобразную самонастраивающуюся функционально-адаптивную (ФА) систему, основной характеристикой которой является «гибкость, проявляемая на различных уровнях» (*flexibility at various levels* – [14]). Особая «гибкость», или повышенная функциональная адаптивность ЭД связана с тем, что концептуальное пространство экономической деятельности и экономических отношений в любой социокультуре подвижно, изменчиво и находится в состоянии постоянного взаимодействия и неустойчивого равновесия с окружающей средой. Экономическая система чутко реагирует на влияние поступающей извне информации, получаемой по разным каналам, динамично изменяясь в процессе ее усвоения и переработки членами социума. Представляя собой «гибкий сплав» всего спектра человеческих отношений – отношений между отдельными индивидами, между индивидами и государством, между человеческими коллективами – корпорациями, нациями странами и т. п., ЭД аккумулирует признаковые черты разных функциональных стилей, регистров и жанров, в результате чего возникает своего рода *полидискурсность*, которую можно считать отличительной прагматической особенностью ЭД.

Отмеченное прагматическое своеобразие ярко проявляется в современном *английском экономическом дискурсе* (АЭД), обслуживающем систему экономических отношений, сложившуюся в англоязычных социумах. АЭД можно представить как сверхсложную иерархически организованную «систему систем», лежащую в основе как поведенческих, так и мыслительных практик данных сообществ, образуемую совокупностью «вложенных» [11] функционально взаимозависимых дискурсивных (под)систем. Целостный комплекс АЭД интегрирует, в частности, *английский деловой дискурс* (АДД), также в свою очередь представляющий собой ансамбль структурно-согласованных элементов, одним из которых является *английский письменный деловой дискурс* (АПДД).

Микросистема АПДД, следовательно, выступает составной частью **макросистемы** АДД, которая, в свою очередь, входит в качестве компонента в глобальную **мегасистему** АЭД.

Системно-интегративное осмысление внутренней организации

АПДД предполагает возможность его дальнейшего формального (архитектонического) и содержательного (композиционного) членения.

Проблемы организации дискурса тесно переплетаются сегодня также с понятием **речевого жанра** (РЖ): «мовленнєвий жанр – складова дискурсу, його найважливіша категорія..., спілкування людей – це обмін різноманітними МЖ або їх частинами; структура ж дискурсу постає як сукупність МЖ» [3, с. 167]. Развивая идеи М. Бахтина [2], современные исследователи [3; 4; 5 и др.], считают, что «у комунікативній перспективі МЖ постають як закріплені в суспільному обігу схеми мовленнєвих дій, прийняті в певних ситуаціях і призначені для передачі певного змісту типові способи побудови мовлення, моделі міжособистісного спілкування, важливою складовою частиною яких виступає інтенціональність» [3, с. 169].

Как целостная коммуникативная категория РЖ является абстракцией, материализующейся в виде совокупности конкретных текстов. Согласно Н. Фэрклу, РЖ – это «культурно признаваемый артефакт – член определенной категории текстов, выделяемых на основе общепризнанных культурно закрепленных конвенциональных признаков, таких, прежде всего, как принадлежность к определенной сфере человеческой деятельности и целеназначение» [14, с. 18, пер. мой – *Е.Т.*]. Более того, считается [3; 14], что формирование различных РЖ – «использования языка для создания текстов по определенным моделям» является результатом самоорганизации дискурса. И если «человеческая речь в типовых ситуациях выливается в готовые формы РЖ, которые организуют человеческое общение в пределах того или иного типа дискурса» [2, с.163], то письменная речь коммуникантов-бизнесменов выливается в готовые формы деловых документов/текстов, которые организуют их общение в пределах *делового дискурса*. И если РЖ – это «тематичні, прагматичні, функціональні «блоки», що ідентифікуються учасниками спілкування» и представляют собой «певні моделі, узагальнення типів спілкування» [3, с.160], то каждый тип деловой документации есть по сути РЖ, ибо представляет собой именно такое единство содержания, стиля, композиции и ряда внеязыковых факторов, которое вполне отвечает

всем известным на сегодня в лингвистике определениям данного понятия.

К основными РЖ, выделяемым в рамках АПДД, мы относим отчет, контракт, договор, меморандум, резюме и деловое письмо.

Контракт (Contract) – это юридический документ, определяющий условия совместной деятельности сторон – двух лиц, компаний или организаций и связывающий их определенными, *в том числе финансовыми*, обязательствами по отношению друг к другу.

Договор (Agreement) – это юридический документ, определяющий условия совместной деятельности сторон – двух лиц, компаний или организаций и их обязательства по отношению друг к другу *за исключением финансовых*.

Деловое письмо (Business letter) – это способ общения с адресатом, находящимся за пределами компании/учреждения.

Резюме (Resume) – это краткое изложение биографических данных и/или послужного списка, как правило, предоставляемое претендентом на должность, участником конкурса или тендера. Выделяются:

- *резюме-биография* (Curriculum Vitae) – жизнеописание кандидата, в котором фактическая информация изложена в хронологическом порядке;

- *резюме-послужной список* – документ, содержащий перечень мест работы, должностей, занимаемых претендентом в различное время, и другие сведения, подтверждающие его квалификацию, профессиональные знания и умения.

Отчет (Report) – это аналитический документ, подготовленный на основе имеющейся в распоряжении составителя информации и представляющий собой детальное изложение, профессиональный анализ или подведение итогов профессиональной деятельности, предназначенный, как правило, «для внутреннего пользования».

Меморандум (Memorandum) – это инструктивный документ регулятивного характера, который циркулирует исключительно внутри компании/учреждения и содержат информацию, предназначенную только для сотрудников данной организации.

По своему внутреннему строению, следовательно, АПДД также является системой систем, образуемой совокупностью подсистем – РЖ.

Естественно, что каждый из перечисленных РЖ АПДД отличает своя «разновидность языка» (a variety of language), или «подъязык» (sublanguage – [15, с. 20], наиболее функционально приспособленный к ситуационным параметрам текстов данного жанра и очерчивающий круг лексико-грамматических, дискурсивно-семантических и прочих языковых особенностей, согласно которым эти тексты строятся.

Эти собственно языковые особенности английских деловых текстов целесообразно рассматривать с коммуникативно-интегративной точки зрения в опоре на концепцию *коммуникативных регистров* (КР) [7; 15; 17], определяемых «как определенные модели отражения действительности, обусловленные точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями и выражаемые совокупностью языковых средств всех уровней, предназначенных для реализации этой модели в тексте» [10, с. 91]. О коммуникативных/речевых регистрах ведется речь, когда ставится задача системного описания *языкового инструментария*, используемого для создания текста – его лексических, фонологических, грамматических, синтаксических признаков, характеризующих экстралингвистическую социоситуативную специфику РЖ, манифестацией которого данный текст является. Каждый КР, таким образом, также образует особую коммуникативную подсистему, представленную стабильным репертуаром речевых стратегий, возможностей и приемов с закрепленными за ними специфическими особенностями языкового наполнения.

Особенности языкового оформления КР определяются в свою очередь принадлежностью делового документа к одному из пяти коммуникативных регистров – репродуктивному, информативному, генеративному, реактивному, волюнтаривному [7], точнее, *преобладанием* в нем лингвопрагматических признаков того или иного регистра, т.е. видом *коммуникативного действия*, инструментом осуществления которого данный документ является, а также РЖ, который данный документ представляет.

Представленный системно-интегративный синергетический подход дает возможность глубже познать сложную природу делового

общения, выдвигая на первый план его информационно-коммуникативную сторону. В общетеоретическом плане он дополняет представление о структурно-функциональном единстве речемыслительной деятельности положением о синхронизированном, организационно-согласованном существовании ее частей.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. // Собр. соч. – М.: Русские словари; 1996. – Т.5. – С. 159–206.
3. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – Київ: Академія, 2004. – 344 с.
4. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматический и семантический аспекты / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1990. – 87 с.
5. Вержбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вержбицкая. – М.: Рус. слов. 1996. – 416 с.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 1982. – 243 с.
8. Кропотов С. Л. Проблема «экономического измерения» субъективности в неклассической философии искусства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. 09.00.04/С. Л. Кропотов. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. – 46 с.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гносиз; 2003. – 280 с.
10. Осипенко Н. К. Грамматические категории в тексте / Н. К. Осипенко // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы: сб. ст. – М.: РГГУ, 2002. – С. 89–117.
11. Пригожин И. Г. Природа, и новая рациональность. В поисках нового миропонимания / И. Г. Пригожин // Философия и жизнь – 1991. – №7. – С. 106–114.
12. Тарасова Е. В. Some Theoretical and Practical Aspects of Discourse Management / Е. В. Тарасова // Вестн. Междунар. славян. ун-та. Сер. Филология. – 2003. – Т. 4, № 5 – С. 6–17.
13. Щедровицкий Г. П. Программирование научных исследований и разработок / Г. П. Щедровицкий // Из архива Г.П. Щедровицкого. – М., 1999. – Т. 1. – 286 с.

14. Fairclough N. Language and globalization / N. Fairclough. – London : Routledge, 2006. – 186 p.

15. Ferguson C. Dialect, register and genre: Working assumptions about conventionalization / C. Ferguson // *Sociolinguistic perspectives on register* / D. Biber & E. Finegan (Eds.). – New York, 2003. – P. 15–30.

16. Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage / S. Levinson. – Cambridge : CUP, 1987. – 345 p.

17. Paltridge B. Discourse analysis. Language Arts & Disciplines / B. Paltridge. – Bloomsbury Academic, 2006 – 244 p.

References

1. Arutyunova N.D. / D. Arutyunova // *Lingvisticheskiy entsyklopedicheskiy slovar'*. – M. : Sovetskaya entsyklopedia, 1990. – P.136-137.

2. Bakhtin M.M. Problema rechevyh zhanrov / M.M. Bakhtin. *Sobr. Soch.* – M. : Russkiye slovari, 1996. – T. 5. – P 159-206.

3. Batsevich F.S. Osnovy komunikativnoyi lingvistiki / F.S. Batsevich.- Kiyiv: Akademia, 2004. – 344 p.

4. Bogdanov V.V. Rechevoye obshcheniye. Pragmaticheskiy i semanticheskiy aspekty / V.V. Bogdanov, – L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1990. – 87 p.

5. Verzhbytska A. Yazyk. Kultura. Poznaniye / A Verzhbytska. – M.: Rus. Slov. 1996. – 416 p.

6. Grais G.P. Logika i rechevoye obshcheniye / G.P. Grais // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika.* – 1985. Vyp. 16. – P. 217–237.

7. Zolotova G.A. Komunikativniye aspekty ruskogo sintaksisa / G.A. Zolotova. M.; 1982. – 243 p.

8. Kropotov S.L. Problema «ekonomicheskogo izmereniya» subjektivnosti v neklasicheskoy filosofii iskustva // S.L. Kropotov: avtoref. dis. D-ra ekon. Nauk.09.00.04 / S/L/ Kropotov. – Yekaterinburg: Ural. gos. un-t, 2000. – 46 p.

9. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa / M.L. Makarov. – M. : Gnosis; 2003. – 280 p.

10. Osypenko N.K. Gramaticheskiye kategorii v tekste / N.K. Osypenko. *Lingvistika na rubezhe epoh. Idei i toposy: sb. st.* – M.: RGGU, 2002. – P. 89–117.

11. Prygozhin I.G. Pryroda i novaya ratsionalnost'. V poiskah novogo miroponimaniya / I.G. Prygozhin // *Filosofiya i zhizn'* – 1991. – #7. – P. 106 –114.

12. Tarasova Ye.V. Some Theoretical and Practical Aspects of Discourse Management // *Vestnik Mezhdunarodnogo slavyanskogo un-ta. Ser. «Filologiya».* 2003. – T.4. – # 5. – P. 6–17.

13. Shchedrovitskiy G.P. Proramirovaniye nauchnyh issledovaniy I razrabotok / G.P. Shchedrovitskiy G.P. // Iz arkhiva G.P. Shchedrovitskogo. – M. ; 1999. T.1 – 286 p.
14. Fairclough N. Language and globalization / N. Faiclough. – London : Routledge, 2006. – 186 p.
15. Ferguson C. Dialect, register and genre: Working assumptions about conventionalization / *Sociolinguistic perspectives on register*. C. Ferguson // D. Biber & E. Finegan (Eds.), New York; Oxford University Press. – 2003. – P. 1–30.
16. Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage / S. Levinson. – Cambridge : CUP, 1987. – 345 p.
17. Paltridge B. Discourse analysis. Language Arts & Disciplines / B. Paltridge. – Bloomsbury Academic, 2006. – 244 p.

УДК 81237+811.111

Т. М. Тимошенко

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ПОВЫШАЮЩАЯ ИХ НОМИНАТИВНЫЙ И СТИЛИСТИКО-КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В статье рассматривается вариативность языковых единиц как постоянная характеристика любого языкового уровня, являющаяся результатом динамики языка, в процессе которой происходит непрерывное совершенствование и дифференциация языковых средств, их содержания и формы.

Объектом анализа в статье является семантическое и формальное варьирование номинальной модели N1-Vcop-Nv и роли, которую выполняет при этом связочный элемент.

Номинализация – выражение предикации именными средствами – давно привлекает внимание ученых как языковой механизм усложнения предикативного содержания предложения, отличающийся продуктивностью словообразовательных моделей, экономией речевых усилий, богатым экспрессивно-стилистическим потенциалом.

Проанализированный языковой материал свидетельствует о том, что в предложениях, построенных по номинальной модели, в которых информативным центром является именной компонент (предикатив), определяющий категориальную принадлежность предложения, роль связки не сводится к формальному указанию на взаимоотношения подлежащего и сказуемого. Связочный элемент несет собственную смысловую нагрузку, наращивая и обогащая предикативную ось и повышая информативную насыщенность предложения.

Связочный элемент:

- указывает на окказиональный или константный характер признака, предугиваемого субъекту, природу его возникновения, обстоятельства обнаружения, его реальность, достоверность и т. д.;
- может выступать как лексическое средство передачи грамматических значений (различные аспектуальные характеристики);
- во многих случаях значительно расширяет шкалу стилистических коннотаций номинального предложения, привнося разнообразные оттенки субъективной модальности.

Ключевые слова: семантическое и формальное варьирование, содержание и форма языковых единиц, номинализация, номинальная модель, именной компонент и связочный элемент, информативная насыщенность, шкала стилистических коннотаций.

Тимошенко Т. М. Варіативність мовних одиниць, що підвищує їх номінативний та стилістико-конотативний потенціал

Анотація. У статті розглядається варіативність мовних одиниць як постійна характеристика будь-якого мовного рівня, що є результатом мовної динаміки, у процесі якої відбувається безперервне удосконалення та диференціація мовних засобів, їх змісту та форми.

Об'єктом аналізу у статті є семантичне та формальне варіювання номінальної моделі N1-Vcop-Nv і ролі, яку при цьому виконує зв'язковий елемент. Номіналізація – вираження предикації іменними засобами – давно привертає увагу вчених як мовний механізм ускладнення предикативного змісту речення, який відзначається продуктивністю словотвірних моделей, економією мовних зусиль, багатим експресивно-стилістичним потенціалом.

Проаналізований мовний матеріал свідчить про те, що у реченнях, побудованих за номінальною моделлю, в яких інформативним центром є іменний компонент (предикатив), що визначає категоріальну належність речення, роль зв'язки не зводиться до формального зазначення взаємовідносин між підметом та присудком.

Зв'язковий елемент несе власне змістовне навантаження:

- вказує на оказіональний або константний характер ознаки суб'єкта, природу її виникнення, обставини її виявлення, її реальність, достовірність і т. ін.
- може виступати як лексичний засіб передавання граматичних значень (різні аспектуальні характеристики);
- в багатьох випадках значно поширює шкалу стилістичних конотацій номінального речення, надаючи різноманітних відтінків суб'єктивної модальності.

Ключові слова: семантичне та формальне варіювання, зміст та форма мовних одиниць, номіналізація, номінальна модель, іменний компонент та зв'язковий елемент, інформативна насиченість, шкала стилістичних конотацій.

Tymoshenkova T. M. Variability of language units increasing their nominative, stylistic and connotative potential

Annotation. The article addresses the problem of language units variability as a constant characteristic of any language level, resulting from the language dynamics bringing about a continuing improvement and differentiation of language means, their content and form.

The semantic and formal variation of the N1-Vcop-Nv nominal model and the part of the linking element in the process is the object of analysis in this article.

Nominalization – the expression of predication by nominal means – has long attracted scholars' attention as a language mechanism of a sentence content complication, distinguished for a high productivity of word building models, economy of speech efforts, a rich expressive and stylistic potential.

The language material analyzed shows that in sentences based upon this model in which the information centre is the nominal component (predicative) that determines the categorial type of the sentence, the function of the link verb is not reduced to formal indication of the subject and the predicate relations.

The linking element:

- designates the occasional or the constant character of the property predicated to the subject; the nature of its origin; the circumstances of its revealing; its credibility, authenticity, etc.;

- may function as a lexical means of expressing grammatical meanings (various aspect characteristics);

- in many cases considerably extends the scale of stylistic connotations of the nominal sentence, introducing all kind of subjective modality shades.

Key words: semantic and formal variation, language units content and form, nominalization, nominal model, nominal component and linking element, informational richness, scale of stylistic connotations.

Исследование вариативности языка было и остается актуальной проблемой лингвистики. Вариативные отношения, присущие всем уровням языковой структуры, являются результатом эволюции языка, в ходе которой происходит непрерывное совершенствование и дифференциация языковых средств. Вариативность реализуется как в содержании, так и в форме языковых единиц, и это находит свое выражение в том, что, с одной стороны, общее значение может быть передано системой варьирующихся форм, а с другой – единое конструктивное целое может обладать относительными, но различающимися между собой значениями [3].

Проблемы языковой вариативности на материале различных языков рассматривали в своих работах В. М. Жирмунский (1936, 1964), М. В. Сергиевский (1947), Э. Косериу (1963), У. Вайнрайх (1972), Л. В. Щерба (1974), Р. Koch (1985), Л. П. Якубинский (1986), Л. М. Скредина (1987, 2009), F. Gadet (1997), М. А. Бородин (2002), Н. Volker (2009), А. Е. Лукина (2014) [1]. Однако, язык как знаковая система, оперативно реагирующая на любые изменения в жизни общества, находится в процессе непрерывной динамики, и вариативность – перманентное состояние любого живого языка – дает все новый материал для исследования.

Целью данной статьи является анализ семантического и формального варьирования номинальной модели $N1-V_{cop}-Nv$ и роли, которую при этом выполняет связочный элемент. Выбор номинальной модели в качестве объекта исследования не случаен. Проблема номинализации – выражения предикации именными средствами – давно привлекает внимание ученых. На существенную роль именного компонента в развитии в индоевропейских языках простого предложения по линии усложнения его предикативного содержания указывал еще А. Мейе (1938). Явление номинализации во французском языке описано у Ш. Балли (1955). На значительную распространенность именных средств выражения предикации в русском языке в своих исследованиях указывают А. А. Потебня (1899), Ф. И. Буслаев (1858), К. С. Аксаков (1875), А. А. Шахматов (1941). Проблема номинализации в английском языке привлекала самое пристальное внимание О. Есперсена (1958), Дж. О. Керма (1931), З. Вендлера (1968), а также чешских лингвистов, исследовавших средства выражения предикации в английском языке в сравнении с чешским (см. Mathesius 1913, Trnka 1930, Vachek 1955, Hladky 1961, Firbas 1959).

Интерес к проблемам номинализации ничуть не уменьшился и в последующие годы. По утверждению многих лингвистов, «именной стиль» получил самое широкое распространение, проникнув во все сферы коммуникации. Номинализация рассматривается как типологическое явление, и ее широкое распространение объясняется целым рядом причин:

1. Продуктивностью словообразовательных моделей «глагол-существительное». Исследователями подсчитано, что отглагольные производные составляют свыше 50% всех существительных со значением «имя лица».

2. Соображениями языковой экономии, т. к. номинализованные конструкции позволяют увеличить информативную насыщенность предложения за счет включения исходных структур и предложений в трансформированном и связанном виде в качестве субъекта, объекта, обстоятельства, определения.

3. Экспрессивно-стилистическим потенциалом номинальных структур, восполняющих лексико-грамматические средства художественной изобразительности в литературной прозе и разговорной речи [см. также 2, с. 163–175].

Семантическое варьирование в пределах одной языковой единицы проявляется в определенном наборе значений, выражаемых данной единицей, то есть в ее полисемантичности. Формальное варьирование предусматривает возможность замен тех или иных элементов в различных условиях лингвистического или ситуативного контекста, при которых языковая единица, приобретая известные смысловые или стилистические оттенки, не меняет своего основного категориального значения. Семантическое и формальное варьирование номинальной модели реализуется как по линии именного, так и глагольного компонента. В номинальной конструкции основная смысловая нагрузка лежит на именном компоненте, однако из этого не следует, что глагольный компонент в таких конструкциях семантически нейтрален. Наряду с «классическим» связочным глаголом *to be* в номинальных конструкциях широко используются другие связки. Они сохраняют семантические корреляции с соответствующими полнозначными глаголами и благодаря этому используются в качестве индикатора различных типов отношений между подлежащим и сказуемым, служат средством передачи разнообразных семантических и грамматических значений, а в ряде случаев определяют стилистическую маркированность предложений.

Традиционно глагольные связки подразделяются на три основные категории:

связки со значением существования признака – seem, play, work (as), serve (as), appear (в значении «выглядеть»)

e.g. A Dane acted as my interpreter (Kent). And you would be a king, sir, you must play the leader (Bolt);

связки со значением сохранения признака – stay, remain, continue, keep, etc.

e.g. You'll stay an executive assistant until you rot (Haily). Anne remained the attentive listener as Neely poured out her entire diatribe of woe (Susann);

связки со значением изменения признака – become, make, turn, go, come out, etc.

e.g. He was lucky, uncommon lucky – he most always came out winner (19 c. stories). ...He'd make a squad leader right off (Jones).

Наряду с вышеуказанными в номинальных конструкциях употребляется еще целый ряд связок, указывающих на форму существования признака, его соответствие или несоответствие действительности, характер или источник предцирования субъекту того или иного признака.

Связки со значением авторизации. В качестве автора может выступать как субъект признака (announce oneself, confess oneself), так и другие лица (be rated, be considered, be recognized, be listed (as), be reckoned, be looked on (as), be declared, be called, be referred to, be named, be judged, be classed (as), be known (as), be announced, be admitted, be thought (of), be supposed, etc.)

e.g. You are not ashamed to stand there and confess yourself a disgusting deceiver (Shaw). General Scott isn't supposed to be a labour arbitrator (Knebel, Baily).

Связки со значением выявления признака. Признак может обнаруживаться как самим субъектом (prove oneself, show oneself, reveal oneself, appear (в значении «оказываться»), turn out), так и другими лицами (be identified, be found, etc.)

e.g. He's proved oneself an extremely able administrator and studio executive (Robbins). He was found a bad correspondent (Charteris).

Связки со значением каузации. К ним относятся: be assigned, be appointed, be elected, be made, be hired, be employed, be taken, be called.

e.g. You've been assigned my assistant (Forsyth). Her father had been appointed manager of Forth Pit... (Cronin).

Связки в номинальных конструкциях могут выступать как лексическое средство передачи грамматических значений, например, аспектуальности – связки со значением начала (start, begin, etc.); продолжения (stay, remain, keep, continue, etc.); окончания действия (finish, end, come out, emerge, etc.)

e.g. He began as a newspaper reporter (Steward) (инхоативность). He used to be just a regular writer, when he was at home (Salinger) (дуративность). He ended as a telephonist (Sillitoe) (результативность).

В ряде случаев связочные глаголы обладают ярко выраженной экспрессивно-стилистической коннотацией, передавая различные оттенки субъективной модальности. Сюда относятся:

Связки со значением волеизъявления, желания, намерения, субъективной оценки: be willing, want, wish, should (would) like, prefer, feel, be going, mean, be determined, etc.

e.g. Little Jon also meant to be a painter when he grew up (Galsworthy). He was determined to become a fashion photographer (Krantz).

Связки со значением мнимого существования признака, включающие сему «стремление субъекта создать о себе представление, не соответствующее действительности» – play, act, pretend, etc.

e.g. He himself might have acted the chivalrous protector (Susann). We'd pretend that we weren't married, pretend to be starcrossed lovers (Braine).

Связки со значением аппроксимации – be like, look like, act like, pass for, etc.

e.g. You feel rather like a prisoner coming out of jail, don't you? (Cusack). She looked like a boy actor (Murdoch).

Таким образом, в предложениях, построенных по номинальной модели, в которых информативным центром является именно

компонент (предикатив), определяющий категориальную принадлежность предложения, роль связки не сводится к формальному указанию на взаимоотношения подлежащего и сказуемого. Связочный элемент несет собственную смысловую нагрузку, наращивая и обогащая предикативную ось и повышая информативную насыщенность предложения. Связочный элемент указывает на окказиональный или константный характер признака, предизируемого субъекту, природу его возникновения, обстоятельства обнаружения, его реальность, достоверность и т. д. Связка номинального предложения может выступать как лексическое средство передачи грамматических значений (различные аспектуальные характеристики). Связочный элемент во многих случаях значительно расширяет шкалу стилистических коннотаций номинального предложения, привнося разнообразные оттенки субъективной модальности.

Список литературы

1. Лукина А. Е. Понятие языковой вариативности в отечественной и зарубежной лингвистической традиции / А. Е. Лукина // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 1. – Т. 11. – С. 7–11.
2. Номинализация в современном английском языке / [под общ. ред. Н. Н. Раевской]. – Киев : Вища школа, 1982. – 175 с.
3. Проблемы варьирования языковых единиц. Материалы к спецкурсам и спецсеминарам / И. В. Арнольд и др. – Киев : РАПО «Укрвузполиграф», 1990. – 198 с.
4. Семантическое и формальное варьирование / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Наука, 1979. – 176 с.
5. Тимошенкова Т. М. Коммуникативно-стилистическая ориентированность грамматической организации высказывания и варьирование его форм / Т. М. Тимошенкова // Вч. зап. ХГУ «НУА». – Т. XX. – 2014. – С. 382–393.

References

1. Lukina A.J. Ponjatije jazykovej variativnosti v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvisticheskoj traditsii // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika, № 1, tom 11, 2014. [The Notion of Variability in Home and Foreign Linguistic Tradition] (in Russian).

2. Nominalizatsija v sovremennom anglijskom jazyke – K.: Vyshcha Shkola, 1982 [Nominalization in Modern English] (in Russian).

3. Problemy variirovanija jazykovykh jedinit. Materialy k spetskursam i spetsseminaram – K.: RAPO «Ukrvuzpoligraf», 1990 [The Problems of Language Units Variability] (in Russian).

4. Semanticheskoje i formal'noje variirovanije – M.: Nauka, 1979 [Semantic and Formal Variation] (in Russian).

5. Tymoshenkova T.M. Kommunikativno-stilisticheskaja orijentirovannost' grammaticheskoj organizatsii vyskazyvanija i variirovanije jeho form // Vch. zap. KhGU «NUA». – T. XX, 2014. [Communicative and Stylistic Orientation of an Utterance Grammatical Organization and Variation of its Forms] (in Russian).

УДК 81.111:81'271

Ю. Ю. Ушакова

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС В СВЕТЕ ДЕЙСТВИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРИНЦИПОВ ВЕЖЛИВОСТИ

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть коммуникативно-прагматические особенности англоязычного медицинского дискурса (МД), обслуживающего сферу функционирования медицинского сообщества в англоязычных странах, включая социокультурные практики и профессиональную деятельность его членов. Показано, что МД реализуется в виде речевых действий, совершаемых посредством речевых актов. Перечисляются признаки, отличающие МД от других типов институционального дискурса, в частности, то, что он представляет собой выверенное взаимодействие коммуникативных и этических норм, регулируемых Принципом Вежливости. Утверждается, что характерным проявлением этого принципа в речевом поведении врача является *модерация*, состоящая в смягчении иллокутивной силы высказывания.

Ключевые слова: медицинский дискурс, коммуникативно-прагматическая категория, модерация, лингвотерапевтическая направленность.

Ушакова Ю. Ю. Англomовний медичний дискурс в світі дійства комунікативних принципів ввічливості

Анотація. Ціль статті – розглянути комунікативно-прагматичні особливості англomовного медичного дискурсу (МД), що обслуговує сферу функціонування медичної спільноти в англomовних країнах, включаючи соціокультурні практики і професійну діяльність його членів. Показано, що МД реалізується у вигляді мовних дій, що здійснюються за допомогою мовних актів. Перераховуються ознаки, що відрізняють МД від різних типів інституційного дискурсу, зокрема, те, що він являє собою вивірену взаємодію комунікативних і етичних норм, які регулюються Принципом Ввічливості. Стверджується, що характерним проявом цього принципу в мовній поведінці лікаря є модерация, що складається в пом'якшенні іллокутивної сили висловлювання.

Ключові слова: медичний дискурс, комунікативно-прагматична категорія, модерация, лінгвотерапевтична спрямованість.

Ushakova J. U. English medical discourse from the point of view of the politeness principles

Annotation. The aim of the paper is to consider communicative-pragmatic characteristics of the English medical discourse (MD) developed in the medical communities of the English-speaking countries and covering its members' socio-cultural practices and professional activities. It is shown that MD is actualized by means of speech actions realized as speech acts. The author lists the features differentiating the English MD from other types of institutional discourse, emphasizing that the English MD is an established pattern of communicative and ethic norms of interaction, regulated by the Politeness Principle. It is argued that a characteristic manifestation of this principle in the English-speaking doctor's speech behavior is *moderation* which consists in down-toning the illocutionary force of an utterance.

Key words: medical discourse, communicative-pragmatic category, moderation, linguo-therapeutic effect.

Медицинский дискурс (далее МД) рассматривается как коммуникативно-речевой уровень существования и реализации профессиональной культуры специалистов-медиков, структура и содержание которого определяются духовными ценностями и нормами данного профессионального сообщества, целями и задачами социально-культурных практик и профессиональной деятельности его членов [5].

Как сфера профессионально-коммуникативного взаимодействия медиков МД обладает такими признаками, как деонтологическая ориентированность, толерантность, персуазивность (от англ. persuade – убедить, склонить, уговорить). Однако главной, базовой категорией МД следует признать лингвотерапевтическую направленность: нацеленность на «лечение словом» [5].

Характер МД, его протекание зависят от конкретных ситуаций, связанных с оказанием медицинской помощи больному. Многовековой опыт общения врача с пациентами выработал определенные нормы поведения, базирующихся на высоких моральных принципах, которых должен придерживаться врач. Он не может злоупотреблять доверием пациента, унижать его, уменьшать веру в выздоровление, обязан хранить медицинскую тайну.

Реализация этих принципов находит отражение в речи врача, которая должна соответствовать указанным этическим нормам – быть построенной в дружелюбной тональности, носить тактичный характер, включать арсенал эвфемистических средств языка, помогающих «сглаживать острые углы». Чтобы общение было результативным, врач должен использовать речевые стратегии и тактики, подходящие к непосредственному моменту общения, с целью предотвратить или устранить возможный негатив, создать психологический климат общения, при котором пациент будет чувствовать себя комфортно, а врач выполнит свои профессиональные обязанности. Врач должен уметь так выстраивать свое речевое поведение, чтобы пациент самостоятельно приходил к нужному решению и не чувствовал неприятия мнения врача.

Важным фактором установления взаимопонимания между больным и врачом является доверие первого ко второму. Для достижения взаимопонимания между врачом и пациентом необходимо создавать специальные условия. Важнейшими условиями взаимопонимания являются:

- понимание врачом речи пациента;
- осознание им проявляющихся качеств пациента;
- выявление степени и характера влияния на личность пациента ситуации взаимодействия;
- выработка соглашения и практическое его выполнение по установленным правилам.

Причинами недопонимания могут быть:

- отсутствие или искажение восприятия врачом и пациентом друг друга;
- различия между ними в структуре подачи и восприятия речевых и иных сигналов;
- дефицит времени для умственной переработки получаемых и передаваемых сведений;
- умышленное или случайное искажение передаваемой информации;
- отсутствие возможности исправить ошибку или уточнить данные;

- отсутствие единого понятийного аппарата для оценки личностных качеств собеседника, контекста его речи и поведения;
- нарушение правил взаимодействия в процессе выполнения конкретной задачи;
- потеря или перенос на другую цель совместных действий и др. [2].

В процессе общения МД реализуется в виде речевых действий, совершаемых посредством речевых актов.

Речевые акты традиционно рассматриваются как действия, совершаемые партнерами в процессе речевой коммуникации. Они описываются в терминах целей говорящего и условий успешности их реализации. Наиболее существенным признаком для выделения того или иного типа речевого действия является интенция говорящего, обеспечивая реализацию разных речевых актов как форм межличностного речевого общения. Различные реализации отличаются друг от друга иллюкутивной силой. Локутивная же сила высказывания сводится к его когнитивному содержанию. Цели высказывания достигаются в виде перлокутивного эффекта (воздействие на состояние собеседника). По мнению Дж. Р. Серля, «смысл (point), или цель (purpose) приказа может быть охарактеризована как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Смысл, или цель, обещания – в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто» [10, с. 2–3]. Таким образом, у просьбы и приказа одна цель: побудить слушающего что-то сделать.

Общение врача с больным – неотъемлемый компонент процесса диагностики характера и степени тяжести патологического состояния последнего. В ходе консультаций больной получает необходимые рекомендации относительно лечения. Не менее важно уметь успокоить больного во время болезненной лечебной или диагностической процедуры: «цель медицины – если можно – вылечить, если нет – облегчить, но всегда – утешить» (Амбруаз Паре).

Речь врача представляет собой выверенное взаимодействие коммуникативных и этических норм, регулируемых Принципом Вежливости.

Принцип Вежливости в применении к речевой коммуникации определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная

на предотвращение возможных конфликтных ситуаций, реализуемая в процессе речи посредством ряда тактических приемов. Основным понятием теории вежливости является введенное Э. Гоффманом понятие «лица», под которым подразумевается социальная ценностная ориентация индивида относительно того, как он должен восприниматься в обществе, в частности, в речевой коммуникации [9]. Э. Гоффман определяет «лицо» в терминах «социально одобряемых атрибутов», с помощью которых индивиду удается «хорошо себя подать» [9].

П. Браун и С. Левинсон предлагают рассматривать вежливость как сохранение лица [7; 8]. Развивая этот взгляд на вежливость, указанные американские исследователи называют лицо универсальным понятием, представляющим собой своеобразный социальный имидж, в сохранении которого заинтересован каждый член общества [7, с. 66; 8, с. 61].

В процессе общения в рамках МД врач обычно заинтересован в сохранении как своего лица, так и лица своего пациента. Для этой цели он использует систему коммуникативных стратегий как *позитивной*, так и *негативной* вежливости, что позволяет ему, с одной стороны, демонстрировать больному свое сочувствие и солидарность, с другой, – сохранять определенную дистанцию, выражая, таким образом, свое уважение к нему.

Как известно, в качестве средств негативной вежливости П. Браун и С. Левинсон выделяют извинения, языковую и неязыковую почтительность, смягчение тона, механизмы деперсонификации (говорящий и слушающий дистанцируются от речевого акта), другие смягчающие механизмы. Позитивная вежливость охватывает такие стратегии, которые указывают на то, что желания говорящего, по крайней мере, частично совпадают с желаниями слушающего [3, с. 38].

Так как врачу в своей профессиональной деятельности нередко приходится сообщать пациенту «плохие новости» (неблагоприятный диагноз, необходимость операции и т.п.), он нередко использует среди прочего эмоционально настраивающие тактики, которые в дискурсе реализуются, например, с помощью персуасивных речевых актов, таких как: Не волнуйтесь! Не беспокойтесь! Ничего страшного!

Потерпите, пожалуйста! Все будет хорошо! Все идет нормально! и т. д. [5].

Речевое поведение обычно включает широкий арсенал «успокоительных» коммуникативных стратегий и тактик, важное место среди которых занимает смягчение илокутивной силы высказывания, известное в прагмалингвистике как *модерация* [4].

Модерация как коммуникативно-прагматическая категория является неотъемлемой частью Принципа Вежливости, ибо ее инвариантную основу составляет коммуникативная интенция *сдержанности*, состоящая в деинтенсификации иллокутивной силы и/или элемента пропозиционального содержания высказывания, т.е. в придании смыслу сообщаемого менее экстремального, категоричного и безапелляционного характера. Данная интенция реализуется в речевой коммуникации посредством разноуровневых единиц и структур – коммуникативных модераторов высказывания.

Категория модерации представляет собой тот коммуникативно-прагматический инвариант, который объединяет различные прагматические варианты на базе общности коммуникативной интенции говорящего, состоящей в смягчении тона высказывания в сторону придания ему большей умеренности и сдержанности.

Согласно исследованию А.В. Ярхо [6], инвариантное значение модерации реализуется в речи англоговорящих коммуникантов в виде пяти прагматических вариантов, а именно, модерации, девальвации, недоговоренности, неуверенности и аппроксимации. Все они так или иначе фигурируют в речи англоязычных медиков. Приведем примеры:

• **митигация:**

...Now I'll take your temperature. Pull it (the thermometer) under your tongue. Well, it is a bit high.../«Emergency Room», 1994-2009/;

...You have got a cold but not a very bad one.../«Emergency Room», 1994-2009/;

• **недоговоренность:**

...I can help you...if.../«As Good As It Gets», 1997/;

Why honey, you look like you ain't feeling too good /Cornwell/;

...Do you remember the first time he talked to you? Were you in water? Maybe you went swimming.../«The cell», 2000/;

• **неуверенность:**

It seems to me, you take not all the medicine /«Emergency Room», 1994-2009/;

Replace the valve? Well, it's way too early to tell. We'll have to wait and see what we get on the monitor...when you come back next week /«Dr.Giggles», 1992/;

* **аппроксимация:**

Did you run a base line?...Next time run a base line to calibrate the machine. There's a glucose solution specifically for that. Is that the substance you're analysing?...What is it, a plant extract? /«The Medicine Man», 1992/;

Модерируя смысл своего высказывания в той или иной ситуации, врач принимает во внимание целый ряд факторов:

– свое отношение к пациенту, которое он может выразить не только в общем плане, но и в связи с частными признаками адресата, такими как: 1) его физиологические особенности; 2) индивидуально-психологические особенности; 3) жизненный опыт, образ жизни, отношение к другим людям и т. д.); 4) социально-ролевые функции пациента (социальный статус, материальное положение, деловые качества, обязанности, образование, воспитание и т.д.);

– свое отношение к предметам объективной действительности и их свойствам;

– свое отношение к ситуации, что предполагает, в свою очередь, учет так называемых непредметных значений – «то-что значений» в терминологии Н. Д. Арутюновой [1, с. 153], т.е. событий и фактов, которые относятся к области мнений и знаний (утверждения, мнения, предположения);

– свое отношение к собственному «Я» – своему внутреннему эмоциональному миру, психическому состоянию, личностным свойствам, поведению, моральным ценностям, личным и профессиональным интересам и т. д.

Можно утверждать, что стратегии модерации смысла высказывания составляют одну из важнейших профессионально востребованных качеств специалиста-медика в англоязычных культурах,

неотъемлемую составляющую особенностей языковой личности врача, его профессиональной компетенции.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Болучевская В. В. Общение врача: создание положительных взаимоотношений и взаимопонимания с пациентом. [Электронный ресурс] / В. В. Болучевская, А. И. Павлюкова // Медицинская психология в России. – 2011. – № 4. – Режим доступа: www.mprj.ru/archiv_global/2011_4_9/nomer/nomer11.php.
3. Власян Г. Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации / Г. Р. Власян // Вестник Челяб. гос. ун-та: Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 60. – №33 (248). – С. 36–39.
4. Кишко С. Н. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации категории модерации [Электронный ресурс] / С. Н. Кишко // Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках: материалы Междунар. лингвистического семинара (Донецк, 16–17 ноября 2015 г.). – Режим доступа: www.ulstu.ru/main?cmd=file&object=12820.
5. Куриленко В. Б. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса [Электронный ресурс] / В. Б. Куриленко, М. А. Макарова, Л. Д. Логинова // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 1. – Режим доступа: web.snauka.ru/issues/2012/01/64317.
6. Ярхо А. В. Коммуникативная стратегия неуверенности в современном англоязычном диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04. / А. В. Ярхо. – Х., 2004. – 249с.
7. Brown P. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // E.N. Goody (ed.). – Cambridge: Univ. Press, 1978. – P. 56–310.
8. Brown P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Univ. Press, 1987. – 345 p.
9. Goffman E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour / E. Goffman. – Garden City, New York: Anchor Books, 1967. – 270 p.
10. Searle John R. A classification of illocutionary acts / Searle R. John // «Language in Society». – Cambridge : Univ. Press, 1976. – № 5. – P. 1–23.

References

1. Arutyunova N.D. Tipyi yazyikovyyih znacheniy. Otsenka. Sobyitie. Fakt / N.D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1988. – 341 s.
2. Boluchevskaya V.V. Obschenie vracha: sozdanie polozhitelnyih vzaimootnosheniy i vzaimoponimaniya s patsientom. [Elektronnyiy resurs] / V. V. Boluchevskaya, A.I. Pavlyukova // Meditsinskaya psihologiya v Rossii. – 2011. – # 4. – Rezhim dostupa: www.mprj.ru/archiv_global/2011_4_9/nomer/nomer11.php.
3. Vlasyan G.R. Kommunikativnaya kategoriya vezhlivosti: problema interpretatsii / G.R. Vlasyan // Vestnik Chelyab. gos. univ.: Filologiya. Iskusstvovedenie. – 2011. – Vyip. 60. – #33 (248). – S. 36-39.
4. Kishko S.N. Kommunikativno-pragmaticheskoe pole kak metod kompleksnogo opisaniya sposobov realizatsii kategorii moderatsii [Elektronnyiy resurs] / S.N. Kishko // Semantika i slovoobrazovanie v germanskih, romanskih i slavyanskih yazyikah: materialyi Mezhdunar. lingvisticheskogo seminara (Donetsk, 16–17 noyabrya 2015 g.). – Rezhim dostupa: www.ulstu.ru/main?cmd=file&object=12820.
5. Kurilenko V.B. Lingvoterapevticheskaya napravlennost kak bazovaya kategoriya meditsinskogo diskursa [Elektronnyiy resurs] / V.B. Kurilenko, M.A. Makarova, L.D. Loginova // Sovremennyye nauchnyie issledovaniya i innovatsii. – 2012. – # 1. – Rezhim dostupa: web.snauka.ru/issues/2012/01/64317.
6. Yarho A.V. Kommunikativnaya strategiya neuverennosti v sovremennom angloyazyichnom dialogicheskom diskurse: diss... kand. filol. nauk: spets. 10.02.04. / A.V. Yarho. – H., 2004. – 249s.
7. Brown P. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // E.N. Goody (ed.). – Cambridge: Univ. Press, 1978. – P. 56–310.
8. Brown P. Politeness: Some universals in language usage/ P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Univ. Press, 1987. – 345 p.
9. Goffman, E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour. Garden City, New York : Anchor Books, 1967. – 270 p.
10. Searle John R. A classification of illocutionary acts / Searle R. John // «Language in Society». – Cambridge : Univ. Press, 1976. – #5. – P. 1–23.

УДК 811.111: 81'271

*А. А. Хильковская***АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ АГРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС
В НЕАГРЕССИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности дискурса дружеского общения в его отношении с принципами кооперации Р. Грайса, теорией вежливости Браун и Левинсона и нормами и правилами социального взаимодействия, принятыми в англоязычных лингвокультурах. Объектом исследования являются речевые стратегии, традиционно относящиеся к агрессивному (конфликтному) дискурсу. Цель исследования – рассмотреть использование этих стратегий в неагрессивном контексте общения англоязычных коммуникантов, в узком кругу близких и хорошо знакомых друг другу людей, когда нормы вежливости могут игнорироваться сознательно. Результаты исследования показывают, что в подоюных ситуациях стратегии т.н. агрессивного дискурса, в частности ликопожняющие речевые акты утрачивают свою агрессивную силу и трансформируются в свою противоположность – маркеры солидарности и групповой принадлежности.

Ключевые слова: агрессивный дискурс, позитивное лицо, негативное лицо, ликопожняющие речевые акты, коммуникативные стратегии.

Хильковская А. А. Англоровний агресивний дискурс у неагресивному використанні

Анотация. Стаття розглядає феномен спілкування у дружньому колі та співвідношення принципів, за якими це спілкування відбувається, з кооперативними принципами Р. Грайса, теорією ввічливості Браун та Левінсона – нормами соціальної взаємодії, прийнятними в англоровних лінгвокультурах. Об'єктом дослідження є мовні стратегії, які традиційно належать до агресивного (конфліктного) дискурсу. Мета дослідження полягає в тому, щоб розглянути використання цих мовних стратегій з іншими комунікативними цілями, а саме, коли в вузькому колі друзів загальноприйнятні принципи ввічливості свідомо ігноруються, і, більше того, свобода від виконання цих норм є ознакою приналежності до кола друзів, маркером дружньої приязні та турботи та позитивного відношення до співрозмовника, тобто в контексті дружнього спілкування традиційні агресивні мовленнєві акти втрачають ознаки конфліктності.

Ключові слова: агресивний дискурс, позитивне обличчя, негативне обличчя, мовленнєві акти, що загрожують обличчю, комунікативні стратегії.

Khil'koskaya A. A. English aggressive discourse in a non-aggressive use

Annotation. The article deals with the specific nature of communicative behavior within a circle of close friends viewed from the Cooperative Principle of Grice and Brown & Levinson's politeness theory. The object of the research is communicative strategies traditionally viewed as belonging to aggressive discourse. The purpose of the research is to analyze the use of those strategies in informal friendly interaction. The analysis shows that when engaged in social interaction with interlocutors they love and care about young English speakers tend to turn language strategies traditionally belonging to aggressive discourse into those of demonstrating affection and care.

Key words: aggressive discourse, positive face, negative face, face-threatening acts, communication strategy.

В данной статье рассматривается феномен речевого взаимодействия англоязычных коммуникантов в дружеском кругу в отношении к универсальным принципам речевого взаимодействия, сложившимся в англоязычных социумах.

Объектом исследования являются речевые стратегии, традиционно рассматриваемые как признаки агрессивного (конфликтного) дискурса.

Цель исследования – проанализировать случаи нетрадиционного использования стратегий агрессивного дискурса (случаи намеренного отклонения от принципов кооперации и вежливости) в ситуациях дружеского общения между англоязычными коммуникантами.

Эмпирическим *материалом* исследования послужила речь персонажей романа современного английского автора Элизабет Янг «A Girl's Best Friend» (2003 год). Выбор этого текста в качестве предмета изучения связан с тем, что герои произведения – молодые современные люди, неформально общающиеся в своем кругу. Объем проанализированной выборки составил 156 примеров.

Речевое взаимодействие персонажей вышеназванного произведения рассматривается с точки зрения теории позитивной и негативной

вежливости Браун и Левинсона [1] и принципов Кооперации, сформулированных П. Грайсом [2]. В соответствии с данной методологией речь есть деятельность и, как всякая другая деятельность, строится в соответствии с устойчивыми, традиционно сложившимися правилами речевого взаимодействия в данной лингвокультуре.

Согласно вышеупомянутой методологии, каждый участник акта коммуникации владеет языком, обладает рациональностью (действует как рациональный агент) и имеет «лицо» (негативное и позитивное) – образ/имидж, который он/она желает представить окружающим. Авторы теории вежливости [1:55] отмечают, что «многие стратегии вежливости являются межкультурными, т. е. универсальными, хотя содержание понятия «лицо» в разных культурах различное».

В процессе речевого взаимодействия говорящий стремится к достижению определенных коммуникативных целей, стремясь при этом не нанести ущерба как собственному «лицу», так и «лицу» своего собеседника. Более того, забота о «лице» собеседника рассматривается как проявление рациональности, как залог эффективной коммуникации, сотрудничества, как верный путь к достижению собственных коммуникативных целей. Как известно, П. Браун и С. Левинсон используют понятие «face threatening acts» – ликопоносящих РА, речевых актов, угрожающие лицу собеседника (негативному или позитивному) и «face honoring acts» – речевых актов, направленных на сохранение и поддержание положительного и отрицательного лица адресата [1: 60]. В соответствии с теорией речевого сотрудничества (кооперации) конструктивное взаимодействие возможно только при готовности обеих сторон к кооперации и их общей заинтересованности во взаимопонимании и сохранении «лица» друг друга.

Агрессивный (конфликтный) дискурс, определяется обычно как совокупность устных и письменных текстов, созданных со случайным или намеренным пренебрежением принципами негативной и позитивной вежливости, с использованием соответствующих речевых актов, стратегий и тактик, способных нанести вред лицу собеседника

и повредит лицу говорящего. Так как агрессивный дискурс является объектом нашего исследования, оно, естественно, предполагает рассмотрение *ликопонижающих* РА – таких в первую очередь, как директивы (приказы, наставления, запрещения, инструкции); репрезентативы (требования, суждения, упреки, хвастовство); комиссивы (предупреждения, угрозы, отказы), а также других отрицательнооценочных РА – таких, как обвинения, упреки, выражения неодобрения и т. п.) [4].

В определенных ситуациях говорящий может сознательно отказаться от использования стратегий вежливости и от намерения смягчить угрозу «лицу» собеседника в случаях, если он рассчитывает на выигрыш времени в ситуации, требующей немедленного реагирования, либо игнорирование правил вежливости во имя демонстрации честности и прямоты сулит выгоду его положительному «лицу», не грозя при этом нарушением принципов кооперации. Прибегая к той или иной речевой стратегии, рациональный агент, таким образом, взвешивает потенциальные угрозы и возможные выигрыши на пути достижения своих коммуникативных целей.

Отметим, что в силу сложившихся традиций соблюдение говорящими принципов кооперации и вежливости является в англоязычных культурах общепринятой нормой, которую нередко соблюдают чисто автоматически, речевые акты, реализующие эти принципы (выражение участия, интереса, поддержки, оптимизма, солидарности, извинения, принятие на себя основного груза вины за любые неудобства, испытываемые собеседником, приуменьшение тягот, испытываемых самим говорящим), продуцируются говорящим зачастую по привычке, в силу воспитания и не обязательно являются свидетельством заботы о «лице» собеседника и стремления к сотрудничеству и взаимопониманию.

С другой стороны, изучая в ходе настоящего исследования виды дружеского речевого взаимодействия, мы наблюдаем случаи, когда тесная дружба и теплые приятельские отношения между собеседниками «говорят», пренебрегая максимами вежливости, и именно игнорирование этих максим свидетельствует об особой близости и доброжелательности в отношениях между коммуникантами.

и властью, а потому вправе требовать от детей повиновения, т.е. имеет место ситуация ассиметричная, ситуация коммуникативного неравноправная, при которой дистанция между коммуникантами больше, чем в точке 0.

Но когда в кругу друзей вдруг раздается адресованный всей компании ничем не смягченный императив “*Don't anybody say anything!*”, это декларирует наличие особых отношений внутри коллектива, дистанция между которыми меньше, чем в точке 0. Обозначим его точкой +1.

Негативный личный комментарий в кругу друзей “*I hate to tell you, Izzy, but I think one of your false eye-lashes is coming off*” в точке +2 – это знак приятельских отношений, тогда как аналогичный негативный комментарий по поводу внешности, адресованный собеседнику, находящемуся вне тесного дружеского круга, к которому принадлежат собеседники в данной ситуации, мог бы быть воспринят как агрессивный, увеличил бы дистанцию между коммуникантами и препятствовал бы эффективной кооперации в точке –2.

Негативный комментарий по поводу поведения собеседника “*Might have known I wouldn't get any sympathy from you!*” также имеет двойственный характер: адресованный близкому человеку, он воспринимается как шуточный и является знаком приятельских отношений, а высказанный в адрес лица, находящегося вне этого круга, прозвучит как упрек, подчеркивающий дистанцию и свидетельствующий об отсутствии дружественных отношений.

Высказывание “*I really absolutely hate you sometimes*” в точке –3 принадлежит к агрессивному дискурсу, а в точке +3 воспринимается собеседником как “*I love you*”.

Аналогично: высказывание “*If you dare say “I told you so”, I'll kill you*” в точке –4 – это угроза, т.е. РА из области агрессивного (конфликтного) дискурса, в то время как в точке +4 – напротив, свидетельствует об отсутствии социальной дистанции между коммуникантами и является знаком включения говорящим адресата в свой ближний круг.

Можно заключить, таким образом, что речевое взаимодействие в дружеском кругу нередко происходит с помощью средств,

формально являющихся принадлежностью конфликтного дискурса, которые утрачивают свою «агрессивность» и превращаются в свою противоположность, будучи использованы в общении среди «своих».

Следует отметить также, что описанная зеркальная симметричность ликопонижающих РА, нарушающих принципы кооперации и вежливости, подчеркивающих дистанцию между коммуникантами, и тех же РА, используемых в дружеском общении и сигнализирующих теплые близкие, приятельские отношения между участниками коммуникации, легко может стать причиной коммуникативных сбоев и неудач, в случае ошибочного выбора стратегии в той или иной ситуации речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – L., N.Y.: CUP, 1987. – 345 p.
2. Grice P. Logic and Conversation / P. Grice // Syntax and Semantics. Speech Acts. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41–52.
3. Grice P. Further Notes on Logic and Conversation / P. Grice // Pragmatics vol. 4: London: Routledge, 1998. – P. 162–178.
4. Хильковская А. А. К вопросу о так называемом агрессивном дискурсе / А. А. Хильковская // Научная дискуссия: инновации в современном мире: сб. ст. по материалам XLVII Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: инновации в современном мире». – № 3 (46), ч. 2. – М., 2016. – С. 18–21.

References

1. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – L., N.Y.: CUP, 1987. – 345p.
2. Grice P. Logic and Conversation / P. Grice // Syntax and Semantics. Speech Acts. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41-52.
3. Grice P. Further Notes on Logic and Conversation / P. Grice // Pragmatics vol. 4: London: Routledge, 1998. – P. 162-178.
4. Hilkovskaya A. A. K voprosu o tak nazyivaemom agressivnom diskurse / A. A. Hilkovskaya // Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire: sb. st. po materialam XLVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire». – № 3 (46), ch. 2. – М., 2016. – S. 18–21.

УДК 811.112.2

Л. Н. Шмакова

ПОВТОРЫ В РАМКАХ СЛОВА КАК СЛОВООБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО И СПЕКТР ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена одному из видов повторов, который является малоизученным явлением в современном немецком языке – повтору в рамках слова.

Объектом исследования в данной статье стал внутрисловный повтор как словообразующее средство в немецком языке. Предметом исследования являются особенности функционирования и сферы его применения в современном немецком языке

Цель статьи – анализ лингвистической литературы по исследуемой проблеме, уточнение понятия «редупликация». В статье подробно анализируется редупликация и её различные дефиниции.

Ключевые слова: повтор, редупликация, словообразование, стилистический приём, современный немецкий язык.

Шмакова Л. М. Повтори в рамках слова як словотворчий засіб та спектр їх вживання в сучасній німецькій мові

Анотація. Стаття присвячена одному з видів повторів, що є мало вивченим явищем в сучасній німецькій мові – повтору в рамках слова.

Об'єктом дослідження цієї статті є повтор усередині слова як словотворчий засіб в німецькій мові. Предмет дослідження – особливості функціонування та сфери його вживання в сучасній німецькій мові.

Мета статті – аналіз лінгвістичної літератури з досліджуваної проблеми, уточнення поняття «редуплікація». В статті докладно аналізується редуплікація та її різноманітні дефініції.

Ключові слова: повтор, редуплікація, словотворення, стилістичний засіб, сучасна німецька мова.

Shmakova L. M. Reduplication within the limits of a word as a way of word-formation and the spheres of its usage in modern German language

Annotation. The article deals with the problem of reduplication within the limits of a word, one of insufficiently studied phenomena in modern German language.

The object of this research is the reduplication as a way of word-formation in German. The subject of the research – the specificity of reduplication functioning and the spheres of its usage in the modern German.

The purpose of the article is analysis of linguistic works on the problem discussed and amplification of the notion «reduplication». Reduplication and its various definitions are considered in detail.

Key words: repetition, reduplication, derivation, stylistic device, modern German language.

В рамках лексикологических исследований и общелингвистическом контексте изучения отдельных стилистически значимых явлений исследуются языковые повторы. Достаточно большое количество научных работ, посвященных описанию повтора в современном языкознании, свидетельствует о том, что изучению этого явления уделяется значительное внимание. Анализ лингвистической литературы по исследуемой проблеме дает основания констатировать, что стилистической функции повтора уделялось большее внимание. Вопрос о повторе в различной степени освещался и в пособиях по стилистике различных языков (А. Н. Гвоздев (1965), Э. Г. Ризель (1975), И. Р. Гальперин (1981), М. П. Брандес (2004), Н. М. Наер (2006)). Повтор исследовался как стилистическое явление в творчестве конкретного писателя В. Борхерта, Г. Белля, В. Шнурре, З. Ленца (Л. Н. Тимошук (1975)).

В современной лингвистике повтор считается многоаспектным, сложным и полифункциональным явлением. Результат обзора научной литературы по проблематике повтора подтверждает, что данное явление в силу многообразия и многоплановости языкового выражения неоднократно привлекало к себе внимание исследователей различных областей знания (риторика, лингвистика, литературоведение, психология, психолингвистика, социолингвистика). Наряду с этим отмечается, что исследования, проводившиеся ранее на материале немецкого языка, не могут послужить достаточной базой для того, чтобы составить полное представление о повторе. Это одна

из причин обращения к данной проблематике на материале современного немецкого языка.

Среди многообразия видов повтора в современном немецком языке повтор в рамках одного слова, или редупликация, выступающая как средство слово- и формообразования, по утверждению авторов работ, посвященных изучению этого явления, редко становился объектом изучения лингвистов в немецком языке, так как исследователи недооценивали роль редупликации, определяя ее как примитивный, элементарный словообразовательный тип [5].

В связи с этим объектом данного исследования выбран внутрисловный повтор как словообразующее средство в немецком языке, а предметом исследования являются особенности функционирования и сферы их применения в современном немецком языке

Цель статьи – проведение анализа отечественной и зарубежной лингвистической литературы по исследуемой проблеме, уточнение понятия «внутрисловный повтор», определение сфер употребления редупликации в современном немецком языке.

Внутрисловный повтор, или редупликация (лат. *reduplicatio*) представляет собой полное или частичное удвоение части слова, морфемы или всего слова. Как деривационный способ, считается столь же древним, как и человеческий язык. Словообразование посредством этого вида повтора свойственно всем эпохам исторического развития индоевропейских языков и немецкого языка в частности.

Применительно к этому исследуемому в лингвистической литературе явлению на материале разных языков, используется целый ряд терминов: «редупликация», «дупликация», «повтор», «геминация», «повторение», «мультипликация», «удвоение», «словоудвоение». В разных трактовках этого явления авторами под это понятие подводится неодинаковый круг явлений – от разнообразных внутрисловных до удвоений между словами. Отмечается, что распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку и зависит от принадлежности к тому или иному языковому типу [1; 3]. В особенности это языковое явление свойственно романским и

русскому языку. Немецкий язык не может сравниться по степени использования данного явления с этими языками.

Что касается принадлежности к частям речи, В. Фляйшер отмечает, что редупликация в немецком языке встречается в основном у существительных [Fleischer 1992, 84].

В большинстве языков редупликация может быть полной, неполной или дивергентной. Так например, в немецком языке к полной или простой редупликации можно отнести Tamtam, Effeft, Wehweh (в русском языке такие слова, как белый-белый, еле-еле), к неполной – Kuckuck (в русском – улюлю), к дивергентной – Schnippschnapp, Klimperwimper (в русском языке такой-сякой, тяп-ляп).

Изучению внутрисловного повтора в современном немецком языке посвящено диссертационное исследование Урбаевой А. П., где повтор и сферы употребления внутрисловного повтора впервые подвергаются комплексному рассмотрению. С учетом формальной структуры Урбаевой А. П. были выделены три группы редупликатов: полные, аблаутивные и рифмованные; все три группы характеризуются двухкомпонентностью, слова, состоящие из большего числа компонентов, встречаются исключительно редко. Автором определены основные сферы употребления редупликатов современного немецкого языка: звукоподражательная лексика; заимствования; термины и специальная лексика; имена собственные; детский язык; молодежный сленг. На первое место по количественной представленности в немецком языке автор выносит звукоподражательную лексику. В работе выявлено, что аблаутивных редупликатов больше среди звукоподражаний, полных – среди редупликатов в детском языке, терминах [5].

В группе заимствованных редупликатов авторы наблюдают тенденцию использования чисел, замещающих созвучные буквосочетания и слова: M2M (Machine-to-Machine), B2B (Businnes-to-Businnes) и объясняют это, прежде всего развитием виртуального общения в языке [5]. Особо отмечается, что благодаря процессу заимствования значительно пополнился и состав редупликативных лексических единиц немецкого языка.

Наряду с тем, что исследователями отмечается небольшая количественная представленность редупликатов в современном немецком языке, особо подчеркивается широкий спектр их функционального применения: передача интенсивности признака, создание музыкального эффекта, придание композиционной завершенности и определенного лирического настроения, выражение дополнительных смысловых оттенков.

Авторы подчеркивают существующую тенденцию к увеличению слов-повторов в немецком языке в сфере терминологии.

Можно сделать предположение о том, что за счет развития относительно недавно сформированных научных областей, будет увеличиваться и состав лексических единиц с элементами повтора, что может послужить предметом для дальнейших лингвистических исследований.

Список литературы

1. Букатникова С. Д. К вопросу о классификации редупликаций [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/63/10128/> (дата обращения 09.09.2016)
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 144 с.
3. Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии / О. Ю. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2000 – № 4. – С. 68 – 84.
4. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1973. – 216 с.
5. Урбаева А. П. Многообразие видов повтора в современном немецком языке [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. П. Урбаева, МПГУ. – М., 2007. – 16 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mnogoobrazie-vidov-povtora-v-sovremennom-nemetskom-yazyke> (дата обращения 09.09.2016)
6. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1992. – 301 s.
7. Schindler W. Reduplizierte Wortbildung im Deutschen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Chefredakteur: Neumann Werner. – 1991. – Bd. 44. – Heft 5. – Verlag Akademie. – S. 597–613.

References

1. Bukatnikova S. D. K voprosu o klassifikatsii reduplikatsiy [Elektronnyiy resurs] // Molodoy ucheniy. 2014. – № 4. – Rezhim dostupa: <http://www.moluch.ru/archive/63/10128/> (data obrascheniya 09.09.2016)
2. Gal'perin, I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya / I. R. Gal'perin. – M. : Nauka, 1981. – 144 p.
3. Kryuchkova O. Yu. Reduplikatsiya v aspekte yazykovoy tipologii / O. Yu. Kryuchkova // Voprosy yazykoznaniya. – 2000 – №4. – P. 68–84.
4. Solganik G. Ya. Sintaksicheskaya stilistika (slozhnoe sintaksicheskoe tseloe) / G. Ya. Solganik. – M. : Vyssh. shk., 1973. – 216 p.
5. Urbaeva A. P. Mnogoobrazie vidov povtora v sovremennom nemetskom yazyke [Elektronnyiy resurs]: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk Urbaeva A. P., MPGU. – M., 2007. 16 p. – <http://cheloveknauka.com/mnogoobrazie-vidov-povtora-v-sovremennom-nemetskom-yazyke> (data obrascheniya 09.09.2016)
6. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1992. – 301 s.
7. Schindler W. Reduplizierte Wortbildung im Deutschen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Chefredakteur: Neumann Werner. – 1991. – Bd. 44. – Heft 5. – Verlag Akademie. – S. 597–613.

Студентська трибуна

УДК 297(44)

*К. Зіад***ФРАНЦУЗЬКА ІСЛАМІЗАЦІЯ ЯК ЗАГРОЗА
СВІТОВОМУ СУСПІЛЬСТВУ**

Анотація. У роботі розглядаються фактори, вплив яких може становити загрозу національній безпеці Франції, а також всього світового співтовариства внаслідок активної ісламізації країни, асиміляції ісламу й ісламської культури на території Франції. Автор стверджує, що сьогодні вони вже є невід'ємною частиною французької культури, що часто веде до її розмивання.

В результаті перетворення ісламу в другу релігію у Франції перед країною гостро постає питання про статус ісламу в державі і, поряд з цим про створення концепції громадської безпеки та моніторингу розвитку імміграційних процесів. Автор зазначає, що, застосувавши вироблену Францією концепцію як модель, світове співтовариство в умовах глобалізації зможе захистити себе від загроз масштабної появи тероризму та екстремізму під час масової міграції населення.

Ключові слова: іслам, Франція, тероризм, культурна асиміляція

Зіад К. Французская исламизация как угроза мировому сообществу

Аннотация. В данной работе рассматриваются факторы, влияние которых может составить угрозу национальной безопасности Франции, а также всего мирового сообщества вследствие активной исламизации страны, ассимиляции ислама и исламской культуры на территории Франции. Автор утверждает, что сегодня они уже являются неотъемлемой частью французской культуры, что зачастую ведет к ее размыванию.

В результате превращения ислама во вторую религию во Франции, его «офранцузивания», перед страной остро встает вопрос о статусе ислама в государстве и наряду с этим о создании концепции общественной безопасности и мониторинга развития иммиграционных процессов. Автор отмечает, что, применив выработанную Францией концепцию как модель, мировое сообщество в условиях глобализации сможет защитить себя от угроз масштабного появления терроризма и экстремизма при массовой миграции населения.

Ключевые слова: ислам, Франция, терроризм, культурная ассимиляция

Ziad K. French islamization as threat to world community

Annotation. This paper deals with the factors, which may affect and threaten the national security of France and also of the whole world community as a result of active Islamisation of the country, Islam assimilation and Islamic culture on the territory of France. The author states that today these factors already constitute an integral part of the French culture, often leading to dissolution of the latter.

Upon turning Islam into the second religion in France, its “Frenchification”, the country ultimately needs to solve the issue of Islam status and also to create a concept of social security and monitoring of immigration process development. The author mentions that by using the concept, developed by France, as a model, the world community may defend itself from threats of large-scale terrorism and extremism in massive population migration in the age of globalization.

Key words: Islam, France, terrorism, cultural assimilation

Здавна, релігія іслам, як єдина форма віросповідання, розкололася на кілька напрямків. Основними напрямками є: Сунізм і Шіїзм. Однак, в наслідок розвитку мусульманської культури, утворилися такі течії, як ваххабізм і салафізм. Ці два напрямки є радикальними і їх прихильниками є і екстремістські терористичні організації - ісламські фундаменталісти і радикали. До таких організацій можна віднести Ісламська держава Іраку і Леванту (ИГИЛ), Джабхат ан-нусру (Джабхат Аль-фатах), Аль-каїду, Бока-Харам, Аш-шабат та ін. Основою політики їх організації є радикальний іслам, який проповідує антизахідну концепцію розвитку суспільства, а також нетерпимість до інших релігійних течій, навіть ісламських.

Їх радикальні та екстремістські дії можна простежити, як на близькому сході, так і в країнах Європи. Особливо актуальною країною, де діють такі організації є Франція. До найбільш значних проявів тероризму і екстремізму цих організацій можна віднести :

1. Терористичний акт в Ніцці стався 14 липня 2016 року виходець з Тунісу на 19-тонній вантажівці вривався в натовп людей, які спостерігали на Англійській набережній за салютом на честь Дня взяття Бастилії. Загинуло багато людей. Відповідальність за інцидент взяла на себе терористична організація «Ісламська держава».

2. Терористичний акт в редакції Charlie Hebdo стався 7 січня 2015 року в Парижі. В результаті нападу озброєних бойовиків загинуло 12

осіб. Відповідальність за теракт взяли на себе бойовики терористичної організації «Аль-Каїда на Аравійському півострові». Про причетність до події також заявили в терористичній організації «Ісламська держава».

3. Теракт у церкві Святого Стефана у Сент-Етьєн-дю-Рувре – теракт, здійснений 26 липня 2016 року в римо-католицькому храмі святого Стефана у місті Сент-Етьєн-дю-Рувре, округу Руан, регіону Нормандія у Франції двома діячами терористичної організації «Ісламська держава».

На сьогодні багато фахівців з тероризму та екстремізму, висловлюють думку про те, що Франція знаходиться під загрозою масштабного виникнення тероризму та екстремізму, а в подальшому це може призвести до загальної ісламізації суспільства, починаючи з Франції і досягнувши інших країн Європи. Цю тему добре розкриває відомий політолог і філософ Іван Бло у своєму творі «Нова революційна загроза. Ісламський тероризм». Там йдеться про те, що ісламизм і ісламський фундаменталізм є троянським конем, не тільки для країн Заходу, але й для всього світу. І ця загроза знайшла активну фазу у Франції, що може покласти початок для таких дій.

Серед ісламських діаспор, молоді мусульманські неофіти, зазначає вчений, вважають, що західний світ «загруз у своєму матеріалізмі, неминуче буде приєднуватися до табору правовірних мусульман», пише інтернет-портал.

Однак з іншого боку, існують і інші думки з питання ісламу, які стверджують, що ісламістська загроза – це всього лише міф і нічого більше.

Останнім часом, особливо після терористичного акту в Тулузі, в засобах масової інформації часто поширюються повідомлення про те, що у Франції, переважно в передмістях великих мегаполісів, діють осередки радикальних ісламських організацій, в тому числі і «Аль-Каїди».

Однак відомі французькі експерти з арабського світу та ісламу, зокрема, політолог і письменник Жіль Кеппел, визнаючи наявність певних соціальних проблем, пов'язаних з «геттоізованими місцями проживання мусульманської діаспори», тим не менш не вважають їх

такими гострими, які потребують негайних заходів. У свою чергу відомий французький фахівець з ісламу і ісламістського руху Орландо Рой вважає, що «іслам трансформувався завдяки впливу світськості та секуляризації, зазначив сайт. В середовищі мусульманських інтелектуалів з'явилися помірні ліберали і вільно мислячі ідеологи, які виражають різні напрямки сучасної мусульманської думки».

З цією думкою можна погодитися, так як статистика показує, що іслам не однорідний. Міжнародні релігійні дослідження показали, що за статистикою з 1,7 млрд. мусульман на планеті, всього 7 млн. є представниками радикальних і екстремістських течій ісламу.

Французький політолог Тьеррі Вольтон заявив: «Ісламизм – це виродження ісламу, його деградація». Звідси випливає така думка, що іслам по своїй природі не є релігією радикалізму і загального ісламізму. Він лише, на сьогодні, може стати зброєю в руках екстремістів і терористів для таких дій.

Дійсно, сьогодні, Франція знаходиться під загрозою, як у сфері безпеки країни, суверенітету, так і у сфері концепції громадської безпеки і розмивання культурної спадщини ісламізмом.

Також необхідно зазначити, що Франція бере участь у внутрішніх проблемах країн Близького Сходу, де, безпосередньо, і розвиваються ці терористичні організації. Відомо, що Франція проводить військові дії проти ІГІЛ на території Сирії та інших країн Близького Сходу. Підтримує опозиційні сили – Вільну сирійську армію і сприяла ескалації конфлікту на території Сирії. Цей фактор викликав потік біженців з території Сирії у Франції, також викликав невдоволення з боку мусульман, що могло лише збільшити розвиток терору і ісламістських течій на території Франції.

Список літератури

1. Грибанова С. Д. Геополитические процессы в объединенной Европе / С. Д. Грибанова. – М. : Наука, 2003. – 234 с.
2. Крыласов С. Р. Исламизм: история и современность / С. Р. Крыласов. – М. : Прогресс, 2001. – 195 с.
3. Морелли Э. Мусульманская иммиграция угрожает Европе? / Э. Морелли // Известия. – № 21. – 2004. – С. 12–13.

4. Проханова С. В. Культурные связи Алжира и Франции / С. В. Проханова // Французский вестник. – № 2. – 2003. – С. 21–23.
5. Pryce-Jones D. The Islamization of Europe / Pryce-Jones David // Commentary Magazine. – № 3. – 2005. – P. 35–39.

References

1. Gribanova S. D. Geopoliticheskie processy v obedinennoj Evrope / S. D. Gribanova. – М. : Nauka, 2003. – 234 s.
2. Krylasov S.R. Islamizm: istoriya i sovremennost / S. R. Krylasov. – М. : Progress, 2001. – 195 s.
3. Morelli E. H. Musulmanskaya immigraciya ugrozhaet Evrope? / E. H. Morelli // Izvestiya. – № 21. – 2004. – S. 12–13.
4. Prohanova S. V. Kul'turnye svyazi Alzhira i Francii / S. V. Prohanova // Francuzskij vestnik. – №2. – 2003. – S. 21–23.
5. Pryce-Jones D. The Islamization of Europe / Pryce-Jones David // Commentary Magazine. – № 3. – 2005. – P. 35–39.

УДК 378.4(477.54)(091)

*А. В. Зоріна***АНАЛІЗ ЗАРУБІЖНИХ МОДЕЛЕЙ ФІНАНСУВАННЯ СИСТЕМИ ОСВІТИ**

Анотація. У статті представлені результати дослідження особливостей зарубіжного досвіду фінансування освітніх систем. Застосовуючи інституційну методологію дослідження, розкриваються особливості формування механізму фінансування освіти в розвинених країнах.

Виділено особливості маркетинга освіти. Проаналізовано зміни і сучасні напрямки в розвитку механізмів регулювання розподілу коштів системи вищої освіти.

Охарактеризована альтернативна модель фінансування вищої школи України. Зроблено висновок, що однією з причин високих темпів зростання глобальної системи освіти є, збільшення кількості дорослих, які отримують додаткову освіту в тій чи іншій формі, і стрімке впровадження інформаційних технологій в навчальний процес (дистанційні курси, електронні підручники, навчальні програми, системи електронного управління навчанням і т.д.).

Ключові слова: схеми фінансування, механізми розподілу коштів, організація фінансування вузів.

Зорина А. В. Анализ зарубежных моделей финансирования системы образования

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей зарубежного опыта финансирования образовательных систем. Применяя институциональную методологию исследования, раскрываются особенности формирования механизма финансирования образования в развитых странах.

Выделены особенности маркетинга образования. Проанализированы изменения и современные направления в развитии механизмов регулирования распределения средств системы высшего образования.

Охарактеризована альтернативная модель финансирования высшей школы Украины. Сделан вывод, что одной из причин высоких темпов роста глобальной системы образования является, увеличение количества взрослых, получающих дополнительное образование в той или иной форме, и стремительное внедрение информационных технологий в учебный процесс (дистанционные курсы, электронные учебники, учебные программы, системы электронного управления обучением и т.д.).

Ключевые слова: схеми фінансування, механізми розподілення средств, організація фінансування вузів.

Zorina A.V. Analysis of foreign models of financing education

Annotation. The article presents the results of a research into international experience in the financing of education systems. Application of the institutional methodology makes it possible to identify certain aspects of the education financing mechanism in the developed countries.

The features of education marketing have been analyzed. The changes and current trends in the development of mechanisms of regulating the distribution of funds in the higher education system have been studied.

An alternative model of financing higher school in Ukraine has been described. The conclusion is made that one of the reasons for the rapid development of the global system of education are increasing the number of adults receiving a second higher education in one form or another, and the fast introduction of information technologies in the educational process (internet learning courses, electronic textbooks, programs, systems of electronic learning management , etc.).

Keywords: financing models, funds distribution mechanism, organization of higher education institutions of financing.

Постановка проблеми. На основі кращих міжнародних практик вже багато зроблено для позитивних змін в системі управління університетами, що може підтримати реформи і зробити їх більш швидкими та ефективними. Тому актуальним є питання аналізу особливостей сучасних тенденцій розвитку системи менеджменту освіти.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. В умовах економічної кризи, фінансування освіти і науки в повномасштабному обсязі здається неможливим. Незважаючи на це, проблема об'єктивного визначення обсягів фінансування залишається актуальною, оскільки нормативний метод фінансування освіти створює передумови для раціонального використання коштів державного бюджету і забезпечення якості підготовки спеціалістів на рівні вимог. Дослідженням цього питання займалися такі вітчизняні вчені, як: Бойко О. Д., Борисенко В. Г., Черепанова С. О., Шаповал Ю. Б., Тропіна В. Б. та ін. Незважаючи на постійний інтерес дослідників до різних питань даної

теми, аналіз публікацій підтверджує, що з огляду на складність і багатогранність даної проблеми не всі її аспекти досліджені і опрацьовані.

Постановка завдання. Мета дослідження: систематизація актуальних тенденцій процесу фінансування освіти та спираючись на досвід розвинених країн світу зробити пошук альтернативних джерел фінансування освіти і науки в Україні.

Основні результати дослідження. Ключовими індикаторами ефективності освітньої системи будь-якої країни є доступність і якість освіти. В 2012р. у Нью-Йорку було видано доповідь «Реформа американської освіти і національна безпека», підготовлену Незалежною робочою групою. Аналіз безпекових вимірів освітньої політики, здійснюваний представниками американської експертної спільноти, відзначається не тільки загальними обґрунтуваннями важливості освітньої сфери, а й визначенням критеріїв оцінки стану освіти у зв'язку з потребами зміцнення національної безпеки та пропозиціями щодо заходів, спрямованих на поліпшення ситуації в освітній галузі. Автори виділяють п'ять основних загроз, які мають високий потенціал актуалізації у разі зволікання з подоланням негативних тенденцій в освітній царині:

- загроза для економічного зростання і конкурентоспроможності;
- загроза для воєнної безпеки;
- загроза для інформаційної безпеки;
- загроза для глобальних інтересів США;
- загроза для єдності і згуртованості нації [2].

Саме в економічній царині відзначається одна з визначальних тенденцій розвитку глобальної системи освіти, яка полягає у постійному швидкому зростанні освітніх бюджетів упродовж останніх 15 років. За прогнозами фахівців, які передбачають збереження і навіть підвищення високих поточних темпів зростання світового освітнього ринку, 2017-го року його обсяг перевищуватиме 6,3 трлн доларів, при цьому найбільші обсяги зростання фінансування припадуть на вищу освіту та державну і корпоративну освіту протягом життя [3].

З цієї причини для урядів багатьох країн з переважно державною формою власності у сфері вищої освіти актуальним стало питання

про те, як найкраще поєднати ринковий і неринковий підходи для забезпечення збалансованої системи вищої освіти.

В середньому у загальній структурі доходів університетів в Європі 50–90% припадає на державне фінансування. Будучи складовою єдиної фінансової системи, у державному фінансуванні вищої освіти також відбуваються значні зміни в умовах, характері та розмірі коштів, що є результатом різних соціально-економічних явищ і процесів, наприклад інфляції. Так, у 2014 році в 15-ти європейських країнах спостерігався нижчий рівень державного фінансування, доступного для університетів, ніж у 2008 році [3; 6].

Сучасні тенденції розвитку політики у сфері вищої освіти базуються на ідеї ринкової орієнтації, або маркетизації (marketisation або marketization – процес, який дозволяє державним підприємствам діяти як ринковоорієнтованим фірмам). Це досягається завдяки зниженню державних субсидій, дерегулюванню, організаційній реструктуризації (корпоратизації), децентралізації та в деяких випадках приватизації.

З огляду на такі чинники, саме державне фінансування визначає довгострокову фінансову стійкість вищої школи. За останніми даними, в країнах Північної Європи (Данія, Фінляндія, Ісландія, Норвегія, Швеція), а також в Австрії, Бельгії, Чехії, Естонії, Франції і Німеччині до 5% бюджету університетів формується за рахунок плати за навчання та адміністративних зборів. В той же час, у таких країнах, як Угорщина, Ірландія, Італія, Нідерланди, Латвія, Польща, Словаччина та Іспанія, а також Сполучене Королівство, від плати за навчання університети отримують більше 10% своїх доходів.

Прикметно, що на зростання інвестицій в освітню сферу безпосереднім чином не вплинула світова фінансово-економічна криза. Почасти це пояснюється обраною урядами переважної частини розвинутих країн стратегією щодо додаткового фінансування своїх економік і стимулювання таким чином споживчого попиту, а почасті – прагненням громадян забезпечити своїх дітей з допомогою вищої освіти кращими шансами на отримання гідної роботи. У тих країнах і тих сегментах освіти, де державне фінансування все ж скорочується, воно компенсується за рахунок приватного інвестування, в тому числі плати за навчання. Громадяни розвинутих країн, незважаючи на окремі

протести, в цілому поки що погоджуються сплачувати більше за отримання вищої освіти. Також серед причин високих темпів зростання глобальної системи освіти фахівці називають збільшення кількості дорослих, що отримують додаткову освіту у тій чи іншій формі, та стрімке впровадження інформаційних технологій у навчальний процес (дистанційні курси, електронні підручники, навчальні програми, системи електронного управління навчанням тощо).

Одна з найбільш значущих відмінностей поточного стану системи освіти України полягає у значно нижчих, ніж у розвинутих країнах, абсолютних показниках фінансування. Якщо у відносному вимірі (частка витрат на освіту у ВВП) зведений освітній бюджет України є за світовими стандартами високим, становлячи 6–8 % ВВП, то абсолютні обсяги ВВП України є значно нижчими, ніж відповідні показники європейських країн зі співмірною кількістю населення. Наприклад, від Польщі – менші приблизно у два рази, від Іспанії, яка має практично однакову з Україною кількість населення, – у чотири рази. При цьому понад 90 % державних інвестицій в галузь освіти в Україні спрямовується на утримання – заробітну плату, сплату комунальних послуг, харчування та ін. [4], тобто переважна частина коштів, що витрачаються на систему освіти, йде на підтримання поточного стану, а не на розвиток.

Варто зауважити, що приватні інвестиції в систему вищої освіти у розвинутих країнах не обмежуються безпосередньою платою за навчання. Суттєві надходження ВНЗ отримують у вигляді різноманітних пожертв від благодійників та як оплату за здійснювані для приватних компаній наукові дослідження і прикладні розробки. У свою чергу розвинуті системи студентського кредитування дають змогу громадянам оплачувати навчання протягом тривалого періоду після його закінчення, таким чином значною мірою перекладаючи витрати на банківські системи відповідних країн.

Частка приватного фінансування вищої освіти є більшою у країнах, де вищу освіту мають більше громадян. Крім того, поступове зростання частки приватного фінансування освіти (особливо це стосується ВНЗ) у розвинутих країнах в цілому не відбувається за

рахунок скорочення державного фінансування: обсяги і державного, і приватного фінансування постійно зростають, проте зростання приватного фінансування має вищі темпи.

Важливим способом фінансування університетів є перфоманс-контракти, або цільові угоди по досягненню певних завдань, які укладаються між державними органами та університетами. Такі угоди знаходять своє застосування в 15-ти країнах Європи, які розглядаються в дослідженні, проте не завжди мають прямий та чіткий вплив на фінансування ВНЗ. Наприклад:

Австрія: перфоманс-контракт – це результат бюджетних переговорів між профільним міністерством і кожним університетом для визначення обсягів фінансування, при цьому законом встановлений мінімальний рівень таких коштів; досягнення цілей контракту може впливати на хід переговорів на наступний період. Нідерланди: перфоманс-контракти запроваджені лише з 2012 року і їхні результати ще не достатньо чіткі. На даному етапі поки що не досить зрозуміло, чи будуть такі угоди безпосередньо впливати на обсяги фінансування університетів. На даний момент контракти базуються на цілях, які погоджуються між профільним міністерством та окремими ВНЗ. В структурі загальної суми блок-грантів для університетів їхня частка складає близько 7%. Бранденбург та Гессен (Німеччина): перфоманс-контракти складають відповідно 2% та 5% доходу від загальної суми блок-грантів. Надаються на умовах досягнення специфічних цілей, узгоджених для кожного університету. Проте оцінка таких контрактів не достатньо ретельна і невиконання планових показників рідко карається скороченням відповідного фінансування. Данія: перфоманс-контракти не пов'язані з фінансуванням, але є частиною механізму управління університетом (використовуються при внутрішньому розподілі коштів) [1].

Методика розподілу джерел фінансування між державним і недержавним секторами передбачає, що кошти, які сплачуються домогосподарствами за навчання у державних навчальних закладах, а також добровільні внески належать до власних надходжень бюджетних установ. Відповідно видатки навчальних закладів, що здійснюються за рахунок власних надходжень за надання послуг,

а також за рахунок цільових внесків, вважаються уже видатками держави.

Концепція МОН України передбачає відхід від існуючої системи фінансування вишів на підставі державного замовлення та запровадження нової моделі, яка укладатиметься з чотирьох основних елементів:

1. Базового (блочного) фінансування ВНЗ.
2. Соціального фонду.
3. Фонду розвитку (фонду капітальних видатків).
4. Фонду державної цільової підтримки.

Запропонована модель сприятиме прозорості у розподілі бюджетних коштів та підвищенню ефективності їх використання, припиненню практики «ручного розподілу» коштів, а також розширенню свободи у розпорядженні грошима вищими навчальними закладами. Але запропонована МОН модель не вирішить всі існуючі проблеми такого фінансування, та не створить умов для суттєвого прориву у розвитку вітчизняної освіти.

Дуже цікавою, на наш погляд є Альтернативна модель фінансування вищої школи в Україні [11]. Ця модель складатиметься з наступних елементів:

1. Встановлюються наступні три форми державного фінансування підготовки фахівців у вищих навчальних закладах:

Здійснення державою повної компенсації витрат на навчання;

Надання державних гарантій для отримання здобувачами вищої освіти кредитів на оплату вартості навчання з погашенням за рахунок держави відсотків за такими кредитами;

Надання державних гарантій для отримання здобувачами вищої освіти кредитів на оплату вартості навчання з погашенням за власний рахунок здобувачів освіти відсотків за такими кредитами. Вказані форми забезпечення підготовки фахівців реалізуються шляхом створення трьох фондів фінансування вищої освіти студентів. Процес реалізації моделі доданої вартості студента відбуватиметься завдяки принципу використання базових критеріїв для визначення рейтингу абітурієнта, до яких відносяться:

результати зовнішнього незалежного оцінювання;

результати Державної підсумкової атестації;
преференція по спеціальності;
регіональна преференція.

Доступ абітурієнтів (студентів) до можливості фінансування за одним з вищезазначених фондів визначається на підставі комплексної оцінки вказаних вище критеріїв при вступі на навчання до вищого навчального закладу та періодично коригується протягом всього терміну навчання в залежності від проміжних результатів оцінювання успішності.

2. Оператор фондів. Оператором фондів є відповідний центральний орган виконавчої влади – Національне агентство з фінансування вищої освіти, що має статус центрального органу виконавчої влади.

3. Порядок розрахунків. В рамках першого фонду Агентство перераховує вартість послуг з навчання безпосередньо до ВНЗ, а індивідуальні супутні витрати у розмірі мінімальної заробітної плати – на індивідуальний банківський рахунок студента.

В рамках другого фонду Агентство від імені Уряду підписує з кредитною установою договір про надання державних гарантій за комерційним кредитом, перераховує суми відсотків за позиками, нарахованих під час навчання, кредитній установі, яка в свою чергу самостійно перераховує до ВНЗ вартість навчання.

В рамках третього фонду Агентство від імені Уряду підписує з кредитною установою договір про надання державних гарантій за комерційним кредитом.

4. Зміна доступу до фондів фінансування. Під час навчання кожен студент має періодично підтверджувати доступ до того чи іншого фонду фінансування.

З метою визначення рівня доступу до фонду фінансування, Агентство кожні півроку організовує перевірку знань студентів, результати якої вносяться до єдиної державної бази даних з питань освіти.

За результатами перевірки, Агентство, залишаючи незмінною пропорцію розподілу фондів фінансування вищої освіти студентів по кожній спеціальності кожного року навчання, перерозподіляє між студентами право доступу до того чи іншого фонду у залежності від результатів контролю якості знань.

Висновки. Незважаючи на величезну кількість досліджень питань фінансування освіти залишається багато проблем і сама головна їх – за рахунок яких джерел мають фінансуватися навчальні заклади та науково-дослідні установи в ринковій економіці для ефективного вирішення питання з подальшим працевлаштуванням своїх випускників.

Список літератури

1. Joel I. Klein, Condoleezza Rice, Julia C. Levy. U.S. Education Reform and National Security (Independent Task Force Report No. 68). – New York: Council on Foreign Relations Press. – March 2012. – 120 p.

2. Strauss. Global education market reaches \$4.4 trillion – and is growing [Electronic resource] // The Washington Post, February 9, 2013 – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com>

3. Витрати на освіту, Research & Branding Group, [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://rb.com.ua/ukr/marketing/tendency/8324>.

4. Пропозиція робочої сили та попит на неї. Статистичні таблиці та графічні матеріали (оновлено 02.11.15) [Електронний ресурс] // Державна служба зайнятості. – Режим доступу: <http://www.dcz.gov.ua>.

5. Про вищу освіту : Закон України від 01.07.2014 № 1556-VII [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua>

6. Когут І. Бюджет освіти та науки 2016: що прийняли депутати [Електронний ресурс] / І. Когут, С. Стадний // Аналітичний центр CEDOS. – Режим доступу: <http://www.cedos.org.ua>

7. Перспективи імплементації нової моделі державного фінансування вищої освіти в Україні: результати круглого столу в Чернівцях [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.edu-trends.info>.

References

1. Joel I. Klein, Condoleezza Rice, Julia C. Levy. U.S. Education Reform and National Security (Independent Task Force Report No. 68). – New York: Council on Foreign Relations Press. – March 2012. – 120 p.

2. Strauss. Global education market reaches \$4.4 trillion — and is growing // The Washington Post, February 9, 2013 [Electronic resource] – Mode of access : <http://www.washingtonpost.com>.

3. Vitraty in osvitu, & Research Blog Group, [Electronic resource]. – Mode of access : <http://rb.com.ua/ukr/marketing/tendency/8324>.

4. Propozitsiya robochei syly ta popyt na nes. Statistichnyi tablytsy ta

grafichniy materialy (02/11/15) // Derzhavna sluzba zainiatosti [Electronic resource] – Mode of access : <http://www.dcz.gov.ua>.

5. Pro vyshchu osvitu: Zakon Ukrainy vid 01.07.2014 № 1556-VII [Electronic resource]. – Mode of access : <http://zakon5.rada.gov.ua>.

6. Kohut I. Biudzhet osvity ta nauky 2016: shcho pryinialy deputaty / I. Kohut, Ye. Stadnyi. Biudzhet osvity ta nauky 2016: shcho pryinialy deputaty [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.cedos.org.ua>.

7. Perspektyvy implementatsii novoi modeli derzhavnoho finansuvannia vyshchoi osvity v Ukraini: rezultaty kruhloho stolu v Chernivtsiakh / [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.edu-trends.info>.

УДК 316.334:37.011

А. В. Михайлєва

ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ И УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ

Аннотация. В статье проведен анализ сущности инновационного образования. Через различные определения данного феномена показано, что чаще всего это совокупность определенных технологий, оказывающих тот или иной эффект на субъекты образовательного поля. Обращено внимание на основные условия реализации инновационного образования. Среди них – реализация ключевых принципов (непрерывность и вариативность, научность, технологичность, включение методологии в содержание образования, диалогизм, гуманизация и рефлексивность), а также многоуровневость, в рамках которой особую роль играет инновационная компетентность руководителя образовательного учреждения. Систематизированы эффекты инновационной деятельности в образовании. Особое внимание уделено барьерам инновационной деятельности, преодоление которых позволит повысить индекс инновационности образования и эффективность функций образования в современных условиях.

Ключевые слова: инновация, инновационное образование, принципы инновационного образования, барьеры инновационного образования, эффекты инновационного образования.

Михайльова А. В. Інноваційна освіта: сутність та умови успішності

Анотація. У статті здійснено аналіз сутності інноваційної освіти. Через різні визначення даного феномену показано, що найчастіше це сукупність певних технологій, що мають той чи інший ефект на суб'єкти освітнього поля. Звернуто увагу на основні умови реалізації інноваційної освіти. Серед них – реалізація ключових принципів (безперервність і варіативність, науковість, технологічність, включення методології в зміст освіти, діалогізм, гуманізація і рефлексивність), а також багаторівневість, в рамках якої особливу роль відіграє інноваційна компетентність керівника освітнього закладу. Систематизовано ефекти інноваційної діяльності в освіті. Особливу увагу приділено бар'єрам інноваційної діяльності, подолання яких дозволить підвищити індекс інноваційності освіти і ефективність функцій освіти в сучасних умовах.

Ключові слова: інновація, інноваційна освіта, принципи інноваційної освіти, бар'єри інноваційної освіти, ефекти інноваційної освіти.

Mykhaylyova A. V. Innovative education: essence and conditins of the success

Annotation. The article analyzes the essence of innovative education. Through the various definitions of this phenomenon the author shows that the more often it's a collection of specific technologies that have a particular effect on the subjects of the educational field. Attention is paid to the basic conditions for the implementation of innovative education. Among them – the implementation of the key principles (continuity and variability, scientific, technological, including the methodology in the content of education, dialogic, humanization and reflexivity), as well as multi-level, in which a special role is played by the innovative competence of the head of the educational institution. Effects of innovation in education are systematized. Particular attention is paid to innovation barriers, overcoming of which will increase the index of innovativeness of education and effectiveness of education functions in modern conditions.

Key words: innovation, innovative education, the principles of innovative education, innovative education barriers, the effects of innovative education.

Образование всегда являлось важным социальным институтом, который выполнял принципиальные для общества функции – социально-экономические, социально-политические, культуротворческие и др. С изменением общества образование также претерпевает изменения.

В современных условиях актуализируется инновационный характер общества. Так, по статистическим данным, доля предприятий, внедряющих инновации, например, в Венгрии, Литве и Словакии, составляет около 30% [5, с. 18]. А 92,0% украинцев полагают, что существует возможность применения инновационных разработок в сфере их профессиональной деятельности.

По данным исследователей, «наибольшее распространение инновации получили в сфере технологий (35%), в науке (21,7%), в образовании (15,0%), в управлении (10%), в сфере обслуживания (8,5%), в сфере организации труда (5,0%)» [2]. Это требует новых акцентов и в образовании.

Среди причин, которые определяют необходимость инновационной деятельности в образовании, эксперты называют [3; 8]:

- несоответствие системы образования современному уровню требований (47,3%);
- новые законы, акты, нормативные документы в образовании (42,1%);
- демографические изменения (31,6%);
- несоответствие между реальной профессиональной деятельностью и представлением о ней (26,3%);
- изменения в структуре отрасли (21,0%);
- изменения в восприятии, настроении людей (10,5%).

Именно поэтому возрастает значимость инновационного образования.

Данная проблема достаточно часто оказывается в фокусе научных размышлений. Чаще всего об инновациях в образовании размышляют педагоги, хотя данная сфера исследований популярна и у социологов, которые рассматривают ее с точки зрения социального взаимодействия и социальных эффектов.

Несмотря на популярность проблематики образования в целом и инноваций в образовании, в современном научном поле не достаточно внимания уделено самому феномену инновационного образования и условиям его успешности. Поэтому цель статьи – систематизировать основные содержательные акценты в понимании инновационного образования и выделить условия его успешной реализации.

Для того чтобы говорить об инновационном образовании, необходимо разобраться с ключевыми понятиями. Так, что чаще всего под инновацией понимают некое внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции. Результатом инноваций являются усовершенствование прежней системы и реализация ее функциональных связей. Инновация всегда выходит за рамки существующих теорий, она нацелена на полное обновление позиций субъектов, преобразование связей в системе и самой системы.

Главная цель инновации в образовании – обеспечить качественный рост эффективности процессов образования и воспитания, взаимо-

действия всех стейкхолдеров в интересах обеспечения современной экономики профессиональными кадрами, способными привести к технологическому прорыву на внутреннем и международном рынках.

Исходя из этого, можно утверждать, что «инновационное образование – это такое образование, которое способно к саморазвитию и которое создает условия для полноценного развития всех своих участников; инновационное образование – развивающее и развивающееся образование» [6]. «Инновационное образование – целенаправленный процесс воспитания и инновационного обучения человека, в результате которого у него развиваются творческие способности, формируются навыки самообучения, самосовершенствования, позволяющие ему приобретать знания и опыт для жизнедеятельности в обществе знаний» [9, с. 36]; «инновационное образование – это только те инновационные образовательные технологии и программы, где результатом инновационной деятельности педагогов является генерация инновационных идей обучаемыми» [1].

Таким образом, чаще всего под инновационным образованием понимают совокупность определенных технологий, оказывающих тот или иной эффект на субъекты образовательного поля.

На современном этапе развития инновационное образование утверждается в качестве одного из первостепенных факторов в развитии общества. Оно предполагает наличие в своем основании определенных принципов. К ним ученые относят: непрерывность и вариативность, научность, технологичность, включение методологии в содержание образования, диалогизм, формирование экологического сознания, гуманизацию и рефлексивность [4].

Реализация этих принципов может быть отнесена к основным условиям эффективного внедрения инновационного образования. В качестве индикаторов этой эффективности можно рассматривать различные эффекты, которые несет, по мнению руководителей образовательных учреждений, инновационная деятельность: научно-познавательный (52,6%), профессионального роста (47,3%), морально-нравственный (47,3%), личностного роста (21,0%), социальный (21,0%), эмоциональный (15,8%) [8].

К аналогичным условиям можно также отнести многоуровневость его реализации. Ведь для успешной реализации идей инновационного образования важно, чтобы они воспринимались и на уровне управления образованием, и на уровне управления учебным заведением, и на уровне педагогов и обучаемых.

Особо важным в этом процессе является наличие инновационной компетентности руководителя образовательного учреждения. Х. Барнетт еще в 1953 году обратился к категории «инновационный потенциал личности», а инновационность в его традиции, чаще всего, рассматривается, как способность человека воспринимать, выделять, дорабатывать и внедрять новые и оригинальные идеи.

В целях исследования стратегий инновационного поведения руководителя учеными был проведен опрос руководителей образовательных учреждений [8]. Результаты опроса показали, что их инновационная деятельность полимотивированна и обусловлена:

- личностно-профессиональными потребностями – 47,3%;
- накопленным профессиональным опытом – 47,3%;
- опытом персонала ОУ – 31,6%;
- опытом коллег-руководителей ОУ – 26,3%;
- новым научным знанием – 15,8%;
- нереализованным личным потенциалом – 10,5%;
- неожиданными неудачами в профессиональной деятельности – 10,5%.

Инновации, осуществляемые руководителями образовательных учреждений, способствуют научному познанию, профессиональному росту, морально-нравственному удовлетворению, введению новых технологий, методов, форм обучения, изменяют психолого-педагогические условия и оптимизируют их жизнедеятельность. У трети руководителей, как показывает практика, в результате инноваций появляются новые управленческие решения. Однако только пятая часть руководителей использует инновации в управлении.

В то же время, руководителям не хватает современных научных знаний в области управления образованием. Именно поэтому они не торопятся изменять стиль общения с персоналом и стиль управления.

Это является одной из проблемных зон в достижении целей инновационного образования.

Одним из способов создания условий развития инновационного образования является применение методов активного обучения как составной части современных инновационных технологий, широко внедряемых в последнее время в практику. Важным требованием к выбору методов обучения является необходимость активизации учебно-познавательной деятельности обучаемых. Эффективное решение этих задач возможно при условии, если в содержание профессиональной подготовки будет включена культура педагогического мышления, основанного на теоретическом осмыслении социальной действительности, на принципах прогнозируемости и учете индивидуальности.

Важным аспектом анализа успешности инновационного образования выступают его барьеры. Обобщение литературы по данному вопросу [2; 3; 6; 7] показало, что к ним можно отнести:

- отсутствие мотивации (стимулов) как для бизнеса, так и для разработчиков инноваций,
- отсутствие достаточного количества подготовленных управленцев (менеджеров), способных и желающих сконцентрироваться на инновациях как основной зоне работы;
- недостаточное моральное поощрение и общественное признание участников инновационного процесса;
- замкнутость научного сообщества;
- слабое использование диагностического компонента в учебно-воспитательном процессе и управленческой деятельности;
- отсутствие системных исследований современных инноваций в образовании.

Преодоление этих барьеров позволит повысить индекс «инновационного оптимизма» и решить актуальные проблемы современного образования. Важным здесь видится партнерство образовательных учреждений и исследовательских лабораторий с предприятиями и органами власти, у которых должна быть сформирована потребность в результатах инновационного образования.

В целом, можно согласиться, что главное в инновационном образовании – «не догонять прошлое, а создавать будущее». «В лучших своих образцах оно ориентировано не столько на передачу знаний, которые постоянно устаревают, сколько на овладение базовыми компетенциями, позволяющими затем – по мере необходимости – приобретать знания самостоятельно» [5]. Однако для эффективного внедрения такого образования изменения должны произойти со всеми субъектами образовательного пространства.

Список литературы

1. Абдурахманов К. Х. Инновационное развитие образовательных систем [Электронный ресурс] / К. Х. Абдурахманов. – Режим доступа: <http://rea.uz/about/science/publications/detailed/?id=50>. – Загл. с экрана
2. Годовикова Е. Результаты опроса по теме: «Инновации как ресурс развития» [Электронный ресурс] / Елена Годовикова. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Different/Public/101129.html>. – Загл. с экрана
3. Кудинов В. В. Причины, препятствующие становлению инновационной деятельности педагога / В. В. Кудинов // Научно-теоретический журнал. – 2013. – №2(15). – С. 34–39.
4. Кузнецова А. Я. Принципы инновационного образования / А. Я. Кузнецова // Фундаментальные исследования. – № 12. – 2008. – С. 77–78.
5. Нацпроект «Образование» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sfedu.ru/www/stat_pages.show?p=INF/ab3#s2. – Загл. с экрана
6. Слободчиков В. И. Инновационное образование: введение в проблему [Электронный ресурс] / В. И. Слободчиков. – Режим доступа: <http://www.in-exp.ru/component/content/article/38-teor-in-exp-dejat/125-vved-in-probl.html>. – Загл. с экрана
7. Федулова Л. И. Инновационный вектор развития промышленности Украины / Л. И. Федулова // Экономика Украины. – 2013. – № 4 (609). – С. 15–23.
8. Чирковская Е. Г. Особенности проявления инновационной руководителя образовательного учреждения [Электронный ресурс] / Е. Чирковская. – Режим доступа: <http://axima-consult.ru/stati-4-5.html>. – Загл. с экрана
9. Шитов С. Б. Инновационное образование в формирующемся обществе знаний / Сергей Борисович Шитов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – № 4(12). – 2009. – С. 35–41.

References

1. Abdurakhmanov K. KH. Innovatsionnoye razvitiye obrazovatel'nykh sistem [Elektronnyy resurs] / K. Kh. Abdurakhmanov. – Rezhim dostupa: <http://rea.uz/about/science/publications/detailed/?id=50> – zagl. s ekrana
2. Godovikova Ye. Rezul'taty oprosa po teme: «Innovatsii kak resurs razvitiya» [Elektronnyy resurs] / Yelena Godvikova. – Rezhim dostupa: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Different/Public/101129.html> – zagl. s ekrana
3. Kudinov V. V. Prichiny, prep'yatstvuyushchiye stanovleniyu innovatsionnoy deyatel'nosti pedagoga / V. V. Kudinov // Nauchno-teoreticheskiy zhurnal. – 2013. – №2(15). – S. 34-39.
4. Kuznetsova A. YA. Printsipy innovatsionnogo obrazovaniya / A. YA. Kuznetsova // Fundamental'nyye issledovaniya. – №12. – 2008. – S. 77-78.
5. Natsproyekt «Obrazovaniye» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://sfedu.ru/www/stat_pages.show?p=INF/ab3#s2 – zagl. s ekrana
6. Slobodchikov V. I. Innovatsionnoye obrazovaniye: vvedeniye v problemu [Elektronnyy resurs] / V. I. Slobodchikov. – Rezhim dostupa: <http://www.in-exp.ru/component/content/article/38-teor-in-exp-dejat/125-vved-in-probl.html> – zagl. s ekrana
7. Fedulova L. I. Innovatsionnyy vektor razvitiya promyshlennosti Ukrainy / L. I. Fedulova // Ekonomika Ukrainy. – 2013. – №4(609). – S. 15-23.
8. Chirkovskaya Ye. G. Osobennosti proyavleniya innovatsionnoy rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Elektronnyy resurs] / Ye. Chirkovskaya. – Rezhim dostupa: <http://axima-consult.ru/stati-4-5.html> – zagl. s ekrana
9. Shitov S. B. Innovatsionnoye obrazovaniye v formiruyushchemsya obshchestve znaniy / Sergey Borisovich Shitov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. – № 4(12). – 2009. – S.35-41.

Наука в НУА

В. И. Астахова

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Завершила работу традиционная харьковская научно-практическая конференция по проблемам образования, которая проводится на базе Народной украинской академии начиная с 2000 года. В этом учебном году на конференцию была вынесена тема о взаимодействии образовательных учреждений со стейкхолдерами; тема, к разработке которой научная общественность вплотную еще не приступала, хотя растущий интерес к ней становится все более очевидным.

Определение потенциальных партнеров и выбор оптимальных путей установления взаимодействия с ними в новых быстро изменяющихся условиях становится одной из важнейших инновационных функций образования, разработка которой фактически только начинается. Наша конференция стала одной из первых научных площадок, начавших обсуждение принципиально новых научных проблем, с которыми столкнулось университетское сообщество в начале XXI столетия. Вероятно, именно это подтолкнуло многих известных ученых к участию в ее работе. Хотя может быть ее высокий уровень связан еще и с не совсем традиционной формой ее проведения, с четкой целенаправленностью обсуждаемых вопросов и возможностью услышать мнение и академиков и начинающих исследователей.

Мы давно уже не ставим своей целью максимальное расширение круга участников наших конференций. Мы приглашаем только специалистов, работающих над данными проблемами, имеющих собственную точку зрения и готовых ее аргументировано отстаивать. В ходе работы заслушивается один доклад мэтра и 4–5 содокладов экспертов. Все выступления обсуждаются непосредственно по ходу, хотя затем проводится «круглый стол» со свободной дискуссией по наиболее острым вопросам. Такая форма существенно повышает активность аудитории, позволяет вырабатывать общее мнение, определяет общие позиции по спорным моментам.

Так было и на этой конференции. В ней приняли участие 76 человек, половина из которых доктора наук, известные ученые из Германии, Польши, Швеции, Беларуси, РФ, крупных вузовских центров Украины. Все выступающие единодушно оценили актуальность темы и своевременность ее обсуждения. Все отмечали, что работа над темой во всем мире только начинается и потому так важно задать правильный тон, как можно точнее определить основные направления, сформулировать методологические и методические принципы ее исследования.

Вопросам методологии, определения категориального аппарата, структурных особенностей отдельных отрядов стейкхолдеров и практическим подходам к работе с ними был посвящен доклад мэтра, доктора социологических наук, профессора, академика НАН Украины, ректора Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Заслуженного деятеля науки и техники Украины, председателя Совета ректоров Харьковского вузовского центра и председателя оргкомитета нашей конференции В. С. Бакирова. Главное внимание в его докладе было уделено формированию эффективного партнерства между студентами и преподавателями, изменению функциональных характеристик и студентов и преподавателей в новых исторических условиях.

О принципах новых взаимоотношений и выстраивании новых векторов взаимодействия с бизнес-средой говорила в своем докладе доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», сопредседатель оргкомитета и модератор конференции Е. В. Астахова, которая показала, что в настоящее время с разной скоростью и глубиной идут трансформационные процессы выстраивания новых векторов взаимоотношений и взаимодействия учебных заведений с государством, бизнес-средой, комьюнити и т.д. и подчеркнула, что эти подвиги можно охарактеризовать как принципиально новый период налаживания отношений со средой.

Ее мысли продолжила О. Н. Балакирева кандидат социологических наук, зав. отделом мониторинговых исследований социально-экономических трансформаций Института экономики и прогнозирова-

ния НАН Украины. В ее докладе обоснован вывод о том, что интерес к проблеме стейкхолдеров в системе образования будет очень быстро возрастать, в связи с чем необходимо разработать структурные характеристики каждого из партнерских отрядов и, учитывая их специфику, определять конкретные пути работы с каждым из них.

Большой интерес присутствующих вызвал предельно четкий и конкретный доклад доктора физмат наук, профессора, академика НАН Украины, председателя Северо-Восточного научного центра НАН и МОН Украины В. П. Семиноженко «Экономика, основанная на знаниях и инновациях, как вызов для системы образования в новой модели экономического развития». Подчеркнув значимость вынесенных на конференцию вопросов, докладчик еще раз показал, что, в последние годы все связанные с экономическим развитием документы международного уровня так или иначе выходят на проблемы образования и науки, поскольку именно эти направления являются определяющими для дальнейшего развития всех сфер жизнедеятельности общества, а все остальное – вторично. «Сегодня очень важно научиться быстро учиться и еще быстрее переучиваться», – сказал академик.

В основе дальнейшего развития общества, и в том числе экономики, лежит развитие эмоционального интеллекта как умения человека понимать и правильно оценивать ситуацию в каждый конкретный момент, выстраивая соответственно происходящим изменениям свою жизненную стратегию. Формирование эмоционального, чувственного интеллекта – стержневая задача образования на всех его ступенях.

Такую точку зрения поддержали доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии и гуманитарных дисциплин ХГУ «НУА» Е. А. Подольская, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Народной украинской академии, руководитель научной школы по экономике образования в НУА Г. Б. Тимохова, кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса и финансов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса Е. В. Астахова (мл.) и С. С. Шестопал, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права того же вуза.

По мнению доктора социологических наук, профессора, зав. кафедрой отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко В. В. Чепак работа со стейкхолдерами является в настоящий момент для высшей школы и потребностью и необходимостью. Постепенное исчезновение национальных моделей университетов и создание единого образовательного пространства, функционирующего по рыночным законам, обусловило кардинальное преобразование университета как организации. В условиях сокращения государственной поддержки и усиления конкуренции в рамках образовательного пространства, университеты принимают на себя функцию финансирования и вынуждены внедрять новые, более эффективные методы управления, становясь при этом стейкхолдер-компаниями, т. е. системами, состоящими из множества разных групп заинтересованных сторон.

При этом, по утверждению В. В. Чепак, целью университета, как стейкхолдер-компания, есть установление взаимовыгодных отношений со всеми его внутренними и внешними партнерами.

Об особенностях работы с отдельными партнерскими группами, практической работе с выпускниками и их почетной мисси содействия своей *Alma mater* рассказал в своем выступлении кандидат философских наук, доцент, первый проректор Львовского католического университета Т. Д. Добко. Конкретные рекомендации из практического опыта по сотрудничеству с партнерами в университетах Швеции предложили ученые Кристианштадского университета – Почетный профессор ХГУ «НУА» Коллин Свен-Олоф и его коллеги по университету Уман Тимур – преподаватель бизнес-администрирования и Берберг Перпилла – зам. руководителя бизнес-программы.

Удачными можно считать и попытки отдельных участников конференции выйти на проблемы правового регулирования партнерских отношений в системе образования. Эти вопросы были затронуты в выступлениях доктора философских наук, профессора, зав. кафедрой философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова М. И. Вишневого, кандидата юридических наук, профессора, декана факультета «Бизнес-управление»

ХГУ «НУА» В. В. Астахова, доктора социологических наук, профессора кафедры социологии того же университета Е. Г. Михайлевой. Хотя справедливости ради, надо сказать, что по общему признанию всех, кто касался вопросов правового регулирования взаимодействия учебных заведений со стейкхолдерами «круг урегулированных взаимоотношений в этой сфере крайне узок, и это является существенным тормозом на пути их дальнейшего совершенствования».

Никого не оставило равнодушным выступления О. И. Шарова – кандидата физико-математических наук, доцента, директора Департамента высшего образования Министерства образования и науки Украины. Раскрывая свою тему «Стейкхолдеры в управлении ВНЗ: ожидания общества, законодательская база и современные тенденции», он привел крайне тревожные данные о новой демографической реальности в современном мире и особенно в Украине, обосновал вывод о необходимости своевременного и активного реагирования на вызовы времени, сформулировал основные направления и принципы, которые позволят не только сохранять университетский уровень и традиции, но и обеспечат их дальнейшее развитие в сложнейших условиях современных общественных трансформаций.

Наиболее оживленное обсуждение в ходе дискуссии вызвали три группы вопросов: 1) студенчество, как базовый субъект и партнер в системе высшего образования (выступления профессоров Л. Г. Сокурской, Е. В. Батаевой, Е. Г. Михайлевой, В. А. Кирваса и др.); 2) изменение роли родителей и принципов взаимодействия с ними (профессора Астахова В. И., Нестерова М. А., Силласте Г. Г., Чибисова Н. Г.); 3) взаимодействие вузов с работодателями и бизнес-структурами (доценты Бирченко Е. В., Решетняк Е. И., Панченко Д. И., Молодчая Н. С.).

Конференция завершила свою работу, дав мощный импульс для дальнейшего исследования острых проблем развития образования. Материалы конференции опубликованы (см.: «Взаимодействие образовательных учреждений со стейкхолдерами – веление времени». Материалы XV международной научно-практической конференции. Харьков, изд-во НУА, 2017, 305 с., а также <https://goo.gl/c0hXNu>; <https://goo.gl/kPkMVF>; <https://dpspace.nua.kharkov.ua>). Тема следующей,

XVI по счету харьковской конференции по образованию определена – «Образовательные риски: суть и подходы к решению», дата ее проведения назначена на 15 февраля 2018 года. И даже первые заявки на участие в ней уже получены. А это значит, что поиск продолжается и выход из кризисной ситуации в образовании неизбежно будет найден.

После закрытия конференции ее участники посетили академические передвижные выставки: «Нашей библиотеке 21 год» и «Старинные предметы домашнего обихода» (раритеты из семейных коллекций) – выставка посвящена XXII общеакадемическому конкурсу «История моей семьи», побывали на экскурсии в музее истории НУА и оставили самые теплые отзывы в книге посетителей музея.

О. Е. Басманова, Е. П. Миколенко

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ:
ОНЛАЙН И ОФФЛАЙН ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НУА И ЮЖНО-ВЕСТФАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРИКЛАДНЫХ НАУК**

Часть первая. Онлайн.

В весеннем семестре 2013/14 учебного года студенты факультета «Бизнес-управление» НУА приняли участие в «биноме» – совместном изучении курсов «Экономика и организация инновационной деятельности» и «Создание бизнеса и инновационный менеджмент». Первый предмет преподавала доцент кафедры экономики предприятия НУА, канд. экон. наук Басманова О. Е. Второй – профессор Эвальд Миттельштэд, представлявший факультет инжиниринга и управленческих наук Южно-Вестфальского университета прикладных наук (Германия, г. Мешеде)

Рабочим языком «бинома» был английский, а взаимодействие происходило по двум направлениям. Во-первых, это был обмен Skype-лекциями: проф. Эвальд Миттельштэд осветил тему «Модель инновационного бизнеса» для БУ-4; доц. Басманова О. Е. – тему «Бизнес инкубаторы: украинская практика и лучшие примеры» для группы немецких студентов. Кроме того, студенты активно работали в смешанных группах над совместными исследовательскими проектами. С каждой стороны участвовало по 12 студентов, соответственно из общей команды было сформировано 6 групп по 4 человека. Состав группы – 2 студента из Украины, 2 студента из Германии – позволил ее участникам работать максимально эффективно и комфортно, взаимодействуя с коллегами и в родном вузе, и за рубежом.

Каждая группа подготовила письменную работу объемом 10–15 страниц по выбранной заранее теме, которая включала теоретическую часть и соответствующие практические примеры (кейсы) из практики Украины и Германии. Работа в группах началась в марте 2014 года, а в конце мая (19 и 20) прошли презентации основных результатов исследований с записью на видео. Обмен видеозаписями позволил участникам групп виртуально «присутствовать» на

презентациях своих коллег. Реализованный бином позволил наладить сотрудничество между НУА и Южно-Вестфальским университетом прикладных наук, а студенты получили навыки удаленного взаимодействия с коллегами и попрактиковали применение в профессиональной среде знаний английского языка.

Часть вторая. Оффлайн-семинары в Германии.

Начиная с 2014 года реализуется проект MeetUp для студентов, изучающих предпринимательство. Благодаря финансовой поддержке фонда EVZ («Erinnerung, Verantwortung und Zukunft»), что в переводе означает «Память, ответственность и будущее», 22–29 ноября 2014 года группа магистров БУ-5 отправилась в Германию в вуз-партнер. Двенадцать студентов НУА приняли участие в семинаре «Предпринимательство и межкультурное взаимодействие», который проходил в Южно-Вестфальском университете прикладных наук под руководством проф. Э. Миттельштэда. Семинар представлял собой комплекс теоретического и практического материала, который закреплялся в процессе работы в группах (партнерами студентов НУА были коллеги-магистры немецкого университета). Итогом плодотворной работы стали презентации бизнес-идей каждой из шести групп. Таким образом, были продемонстрированы полученные знания и навыки по предпринимательству и взаимодействию внутри смешанных украино-немецких групп. Подводя итоги, абсолютно все участники сошлись во мнении, что это был уникальный проект, который существенно расширил их знания, умения и навыки. В том числе, позволил узнать больше о стране-партнере во время не только рабочего взаимодействия, но и экскурсий и неформального общения.

21–28 ноября 2015, вторая группа студентов НУА отправилась в г. Мешед. Совместные немецко-украинские семинары MeetUp становятся традицией. Особенностью программы 2015 года стало участие представителей факультетов СМ и РП, а также ориентация бизнес-идей на решение экологических, социальных и культурных проблем современной Европы. Кроме того, в проведении занятий были задействованы преподаватели НУА: канд. экон. наук, доц. Басманова О. Е. и канд. экон. наук, ст. преп. Миколенко Е. П.

Часть третья. Обмен визитами.

В 2016 году НУА и Южно-Вестфальский университет прикладных наук получили грант фонда EVZ в третий раз! Этот год отличается тем, семинар MeetUp продлится с 3 октября по 23 ноября и будет включать в себя более длительный период разнообразных мероприятий. Так, в октябре Академия впервые принимала немецких участников в своих стенах. Открытие проекта началось с подготовленных студентами презентаций о своих странах и университетах. Э. Миттельштэд в рамках последующего семинара предложил студентам различные инструменты для генерирования бизнес-идей в группах. Первые наработки получили дальнейшее развитие по модели Value Proposition Canvas уже в течение следующих семинаров, тренером которых выступила Миколенко Е. П. После нескольких раундов обсуждений идей в группах и с преподавателями участники представили презентации социально-значимых бизнес-идей. Были предложены солнечные батареи для электромобилей, устройство безопасности для лыжников, программа, облегчающая выбор профессии, для абитуриентов, поступающих в вузы, тренинги по межкультурным коммуникациям для Украины и Германии, очки для любого сезона и погоды, а также программа оценки состояния здоровья эмигрантов. Учебный блок семинара завершился домашним заданием: Басманова О. Е. ознакомила участников с основными составляющими конкурентной среды для дальнейшего комплексного анализа конкурентов и заменителей, что позволит в будущем усовершенствовать разработанные идеи и сделать их более конкурентоспособными. Домашнее задание – это новинка организации взаимодействия студентов в этом году, которая нацелена на продление онлайн взаимодействия в перерыве между аудиторными занятиями.

Харьковский блок семинара был насыщен не только воркшопами и семинарами, но и знакомствами с бизнесом и культурой. Так, участники познакомились с организацией производства на заводе ГП «Электротяжмаш» и в компании САН ИнБев (на пивзаводе). Разделили впечатления от концерта кобзарской музыки в Харьковском областном организационно-методическом центре культуры и искус-

ства, балета «Жизель» в Харьковском национальном академическом театре оперы и балета им. Н. В. Лысенко. Вся неделя прошла насыщенно, весело и ярко!

Следующая часть семинара пройдет в Южно-Вестфальском университете прикладных наук в г. Мешедде. Планируется, что студенты усовершенствуют свои стартовые идеи с учетом домашнего задания по конкурентному анализу, применят модель Business Canvas и подготовят финальные презентации в формате Elevator Pitch (или «Презентация для инвестора»). На внеаудиторное время запланированы мероприятия: бизнес-экскурсии на предприятия в Северный-Рейн Вестфалия и посещение Кельна (культурной столицы региона).

Таким образом, семинары MeetUp – это уникальный проект совместного обучения, в котором на сегодняшний день поучаствовало 36 студентов НУА и 36 студентов Южно-Вестфальского университета прикладных наук. Для обеих сторон – это самый масштабный проект международной кооперации, позволяющий познакомить широкую аудиторию с бизнесом и культурой другой страны, приобрести и развить навыки межкультурного общения. Программа MeetUp ежегодно приносит новый опыт и новые достижения всем участникам – и студентам, и преподавателям.

О. А. Иванова

ДЕНЬ НАУКИ В НУА

Вот уже в 24 раз традиционно в апреле в Академии проходит День науки, объединяющий в себе три конференции: конференцию молодых ученых, региональную конференцию учителей и самую многочисленную международную научно-практическую студенческую конференцию. Тематика конференций также традиционно посвящена вопросам образования. В этом году выбраны остроактуальные направления: научно-теоретическая конференция молодых ученых носила тематику «Академическая карьера в высшей школе: мотивация и демотивация», XXIV региональная научно-практическая конференция учителей прошла по теме «Современная школа в условиях глобальных социальных трансформаций», а конференция студентов объединила работу аудитории в соответствии с темой XXIV международной научно-практической конференции «Мир университета: выстраивание взаимоотношений с внешней средой в условиях постоянных изменений». Всего в 17-ти секциях Дня науки работало свыше 250 студентов, учителей и молодых ученых. Соучредителями конференции выступили Министерство образования и науки Украины, Институт высшего образования НАПН Украины, Департамент науки и образования ХОГА, Совет ректоров Харьковского вузовского центра, Харьковская академия непрерывного образования.

Все участники конференций имели возможность выступить с докладом или сообщением, принять участие в дискуссии. Несмотря на то, что это уже двадцать четвертый День науки, ежегодно в него привносится что-то новое. Так в этом году впервые в преддверии Дня науки в ХГУ «НУА» (8.04) прошел День науки в СЭПШ (7.04), как составная, но не менее важная часть. В этом году свои первые результаты научно-исследовательской работы представили не только старшеклассники секции МАН, но и Юниор-МАН, чьи доклады и сообщения были достойны, также содержательны и интересны как и участников других конференций, проводимых в рамках Дня науки в ХГУ «НУА». Особенностью нынешнего Дня науки стало активное

участие иностранных студентов. Более 20 человек из вузов Германии, Франции, Великобритании, Польши, Прибалтики, Беларуси поделились своими научными достижениями.

В этом году конференция молодых ученых насчитывала более 30 участников, причем не только Харьковских вузов, но и высших учебных заведений Украины, России, Франции, Германии. Интересный формат, живая дискуссия, скайп-общение с участниками конференции из Германии, не оставили равнодушными никого.

Плодотворно и содержательно прошла работа трех секций учителей, еще раз подтверждая статус НУА – учебно-научный комплекс!

Бесспорно приподнятое настроение, позитивный настрой, траекторию дальнейшей работы заложило блестящее выступление основного докладчика на пленарном заседании – Вишленковой Елены Анатольевны доктора исторических наук, профессора, заместителя директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики на тему «Кому, для чего и какая нужна история университетов? Отрадно, что позитивную работу Дня науки оценили и гости академии, выступившие с приветственным словом перед участниками конференций: Сидоренко А. Л. – директор Харьковского регионального центра оценивания качества образования, д-р социол. наук, проф., член-корреспондент АПН Украины; Бондаренко А. В. – директор украинско-болгарского ООО «ПИРАНА», член Попечительского совета Народной украинской академии;

День науки завершил свою работу, дав мощный импульс для дальнейшего исследования острейших проблем развития образования. Надеемся, что эта традиция – проведение Дня науки в НУА сохранится на долгие годы и даст еще много научных побед!

Д. В. Подлесный

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:
МОТИВАЦИЯ И ДЕМОТИВАЦИЯ
(о проведении научно-теоретической конференции
молодых ученых В ХГУ «НУА»)**

Карьерная мотивация является одним из ведущих факторов профессионального роста работников высшей школы и, соответственно, имеет прямое влияние на эффективность процесса воспроизводства научно-педагогических кадров. При этом следует отметить, что в силу целого ряда причин академическая деятельность и академическая карьера характеризуются наличием ряда особенностей, которые могут как мотивировать, так и демотивировать научно-педагогического работника и, прежде всего, молодого ученого и специалиста. Поэтому в условиях сложных и противоречивых трансформаций, которыми характеризуется развитие современной образовательной системы, крайне важен научный анализ мотивирующих и демотивирующих факторов академической карьеры. Провести научную диагностику проблем карьерного мотивирования работников высшей школы была призвана научно-теоретическая конференция молодых ученых «Академическая карьера в высшей школе: мотивация и демотивация», которая 8 апреля 2017 г. состоялась в рамках Дней науки в Народной украинской академии.

Проведение апрельских конференций молодых ученых практикуется более 10-ти лет и успело стать одной из традиций ХГУ «НУА». Следует отметить, что конференция этого года собрала солидный состав участников. В ней приняли участие не только аспиранты, но и опытные преподаватели, имеющие ученые степени и звания. При этом кроме преподавателей и аспирантов вузов Харькова и Украины доклады на конференцию представили молодые ученые из Германии, Франции и России, что свидетельствует о по-настоящему международном статусе данного научного события. Еще одной важной чертой конференции стал ее ярко выраженный междисциплинарный характер. Проблемы карьерной мотивации научно-педагогических работников

рассматривалась с точки зрения социологии, экономики, психологии, истории, педагогики, то есть практически всех ведущих отраслей гуманитарного знания.

Конференция прошла в рабочей и доброжелательной атмосфере. Значительный интерес у участников вызвали доклады преподавателей и аспирантов Народной украинской академии Е. Б. Банниковой, Н. П. Гоги, А. Е. Ильченко, Е. П. Миколенко, В. В. Процевского. Не можем не отметить и доклад гостя НУА, аспирантки Украинского католического университета Ю.В. Татьяниной, которая поделилась опытом реализации инновационной модели аспирантуры, разработанной в Украинском католическом университете, являющемся одним из наиболее интересных и самобытных вузов современной Украины. Своеобразной изюминкой конференции стал телемост с немецким коллегой - аспирантом Южновестфальского университета прикладных наук (г. Мешед) Й. Тиманном, который раскрыл мотивационную составляющую функционирования немецких вузов. При этом следует отметить, что в роли модератора конференции выступил еще один гость – добрый друг Народной украинской академии, известный ученый-психолог профессор ХНПУ им. Г. С. Сковороды С. А. Микитюк, который не только блестяще выполнил свои прямые обязанности, но и ознакомил участников с собственными наработками в области особенностей психологического портрета современного научно-педагогического работника.

В ходе обсуждения докладов все участники смогли высказать свое мнение по таким важным вопросам, как особенности построения академической карьеры, проблемы мотивирования научно-педагогических кадров, повышение квалификации академических работников, инновационные подходы к работе с преподавателями и молодыми учеными. Особенно активное участие в дискуссии принимали аспиранты, и это крайне важно, поскольку именно они могут оценить достоинства и недостатки современной системы мотивирования молодых научно-педагогических кадров на личном опыте.

Таким образом, апрельская конференция молодых ученых стала достаточно важным шагом на пути научного осмысления проблемы

карьерного роста академических кадров. При этом представляется, что данная конференция не только пополнила теоретико-методологический багаж и научный опыт участников, но и может стать трамплином для дальнейших исследований в области разработки методики карьерного мотивирования научно-педагогических работников.

М. И. Степанова

АДАПТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО ОПЫТА В ХАРЬКОВЕ ИЛИ ПРОЕКТ «НОЧЬ НАУКИ»

Вот уже несколько лет в Германии, в разных городах, проводится массовое мероприятие, направленное на популяризацию научной деятельности и достижений – Ночь науки. Все начиналось в 2000 году в Бонне, а сейчас охватывает 16 немецких населенных пунктов. Ежегодно или раз в два года научные учреждения, университеты, инновационные предприятия, во второй половине дня, до поздней ночи, представляют науку во всем ее многообразии. В числе этих населенных пунктов – Нюрнберг, город-побратим Харькова.

Принимая во внимание количество научных и учебных заведений в Харькове, их результаты научно-исследовательской работы, а также следуя стратегии популяризации города в пределах Украины и за рубежом через проведение крупных имиджевых мероприятий, Харьковский городской совет при поддержке Посольства Германии в Украине и Генерального консульства Германии в Донецке (офис в Днепре) принял решение перенять опыт города-побратима и попробовать провести «Ночь науки» в Харькове.

В результате работы с немецкими экспертами в 2013 году в Первой столице проект был организован в первый раз. «Первопроходцами» стали шесть университетов, которые в одном месте рассказывали о своей научной работе и достижениях.

Формат отличался от принятого в Нюрнберге, где желающие больше узнать о научных новинках, посещают организации-участники и, более того, платят за эту возможность.

В 2014 году провели «Ночь науки» в Харькове еще раз. Во второй раз формат усовершенствовали: организации-участники находились не в одном месте, а приглашали посетителей к себе гости. Для обеспечения оперативного и удобного доступа к локациям были организованы бесплатные автобусы.

Проект получил хорошие отзывы и вызвал общественный резонанс. В итоге, был продолжен. Каждый год организаторы стараются ввести какое-нибудь новшество. Так, в 2014 году менялся

формат мероприятия, в 2015 году было организовано два маршрута следования автобусов для посетителей проекта, в 2016 году добавилась специальная программа мероприятий для младшеклассников и конкурс студенческих проектов. Изменения позволяют не просто сохранять, но и наращивать интерес к проекту.

Народная украинская академия принимает участие в «Ночи науки» с 2015 года. Во время ее проведения в НУА организуется несколько площадок, на которых гости могут познакомиться с особенностями научной деятельности факультетов и подразделений: наукой управления бизнес-процессами, познания и развития себя, сохранения здоровья и магией филологии и перевода. Самые юные посетители наблюдают химические и физические опыты, делают поделки, приобщаются к английскому языку.

Деятельность на площадках находит отклик у посетителей, что подтверждается увеличением их количества во второй год почти в два раза.

Проект «Ночь науки» можно отнести к успешным благодаря тому, что у каждого из его организаторов, участников, посетителей свои приобретения:

- Харьковский городской совет получает заметный вклад в позитивный имидж города, что способствует привлечению новых партнеров и новых инвестиций;

- школьники старших классов и их родственники, являющиеся основными посетителями, ближе знакомятся с вузами, в которых могут учиться дальше, получают возможность в сжатом временном периоде сравнить несколько высших учебных заведений;

- вузы, как основная принимающая сторона, при сравнительно небольших вложениях, могут рассказать о себе в необычной и интересной форме большому количеству школьников – потенциальных абитуриентов, сформировать ценность своих учебных и научных программ, установить личный контакт с будущими студентами. Привлечение к приему посетителей студентов, большого количества преподавателей, сотрудников в значительной степени способствует укреплению взаимоотношений в коллективе, распространению академической культуры, формированию уважения к вузовской среде.

Проект планується продовжувати, як і участь в ньому Народної української академії. Задача на новий навчальний рік – надати нову форму і зміст організовуваним заходам, щоб наочно продемонструвати відвідувачам настільки цікавою і захоплюючою може бути наукова діяльність, особливо в НУА.

Список літератури

1. Long Night of the Sciences. [Електронний ресурс] // Wikipedia. The free encyclopedia. – Режим доступу: https://en.wikipedia.org/wiki/Long_Night_of_the_Sciences. – Загл. з екрана.
2. Степанова М. І. Ночь науки. Звучит інтригуюче? / М. І. Степанова // Academia. – 2016. – № 3 (151). – С. 3.
3. Шейко Ю. Партнерство Нюрнберг-Харків: досягнення в культурі та плани в економіці [Електронний ресурс] / Юрій Шейко // Deutsche Welle. – 08.11.2016. – Режим доступу: <http://p.dw.com/p/2S1Hu>. – Загол. з екрана.

**Презентація
НОВИХ НАУКОВИХ ВИДАНЬ**

Е. В. Астахова

ПАРТНЕРСТВО РАДИ БУДУЩЕГО

Партнёрство ради будущего : монография / под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Е. В. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 236 с.

В монографии представлены результаты научных изысканий и практических разработок, полученных в ходе многолетнего социального эксперимента по выявлению наиболее эффективных форм сотрудничества между инновационным учебным заведением и родителями обучающихся в нем школьников и студентов. Работа подготовлена коллективом авторов, на протяжении многих лет разрабатывающих проблемы модернизации современного образования и имеющих значительный практический опыт в деле становления Народной украинской академии как оригинальной модели непрерывного образования.

Является фактически первой пробой пера по теме «Становление и развитие социального партнерства, как инновационная функция современного образования», к разработке которой приступают научные школы ХГУ «НУА» с 2017 года. Актуальность данной темы не требует детальных обоснований образовательные институты в силу своей социальной значимости и массовости имеют весьма разветвленные, быстро разрастающиеся партнерские связи, так называемые группы влияния (стейкхолдеры). Среди них есть те, чье влияние по целому ряду причин в отечественной системе образования существенно возрастает.

Речь идет, в первую очередь, о родителях, которые всегда относились к одной из ключевых «групп влияния», но в последние два десятилетия ощутимо укрепили свои позиции на образовательном поле.

Любое образовательное учреждение само по себе, в одиночку, не сможет сориентироваться в наслоениях вызовов и проблем. Оно должно опираться в своих поисках на внутренние ресурсы (своеобразный «академический оплот») и внешние группы влияния. Объединение усилий и налаживание конструктивного диалога позволяет с определённой долей оптимизма смотреть в будущее.

Последнее особенно важно, если учесть, что институты образования работают сегодня в условиях своеобразной «всеобщей дистанцированности». Всех ото всех: ученика от учителя, родителей от ребёнка (и наоборот) преподавателей от студентов, которые, в свою очередь, дистанцированы друг от друга. И эта отстраненность имеет тенденцию к нарастанию [1]. Противоречие, о котором идёт речь, очень болезненно для системы образования, ибо оно по своей сути построено на диалоговой культуре, утрата которой подрывает сами устои образования как социального института.

Для сохранения и развития ведущей функции образования необходим постоянный поиск и эксперимент. При этом изначально нужно принять высокую степень риска, сопровождающего освоение новых практик, результат которых в полной мере не ясен.

К числу таких экспериментальных научно-учебных комплексов относится Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА»), созданный в 1991 г. для реализации на практике идеи непрерывного образования. НУА – инновационная по своей сути структура, ибо аналогов в отечественной практике образования ей нет. Отсюда – постоянный поиск, нестандартность подходов и необходимость, порой, плыть против течения.

Как учебное заведение внебюджетного финансирования НУА не имеет возможности опираться на государство, его ресурсы и поддержку. Отсюда – ориентир на собственные силы и потребность в быстром и чётком реагировании на растущие и меняющиеся запросы. Это – аргумент не только развития, но и выживания в жесткой конкурентной среде современного образовательного поля.

Именно поэтому НУА постоянно стремится менять характер деятельности, чтобы в будущем оказаться в более благоприятном положении, чем те учебные заведения, которые пока испытывают меньшее давление обстоятельств.

Для этого на протяжении уже четверти века предпринимаются усилия по формированию культуры деятельности, сориентированной на изменения. Делается всё для того, чтобы рассматривать

проблемы как возможности и подготовить организационную культуру учебного заведения к превращению первых во вторые.

Предлагаемая монография – своеобразный результат экспериментов и поисков Народной украинской академии. В данном контексте – в сфере выстраивания взаимоотношений с одним из ключевых стейкхолдеров образовательной институции – родителями.

Синдром «выключенного родителя», характерный для отечественного образования, прекрасно проанализировал известный учёный, профессор Л. Л. Любимов [2], подходы которого к выстраиванию отношений с родителями во многом созвучны деятельности НУА. Той самой деятельности, в основу которой положена идея равной ответственности за результаты всех субъектов образовательного процесса при лидирующей (направляющей) роли учебного заведения. Такой подход базируется на уверенности в том, что для успешного функционирования последнего в условиях новой культуры образования, оно должно быть не только восприимчивым (отзывчивым), но и ответственным (активным) перед обществом. Ключевая разница между восприимчивостью и ответственностью здесь состоит в том, что необходимо не только воспринимать запросы общества, но и одновременно задавать направления для размышлений и выработки политики общества. Иными словами, реагировать на спрос и обязательно влиять на него, удовлетворять потребности и формировать их.

Такие подходы без «родителя понимающего» (родителя-партнёра, участника образовательного процесса) реализовать невозможно. Отсюда и стремление ХГУ «НУА» к проектированию именно такого родителя, сотрудничеству с ним.

В разделах монографии, посвященной поиску форм такого партнёрства, представлены материалы как теоретического плана (разделы I–II), так и описание практического опыта. Хотя, конечно, отделить в чистом виде одно от другого невозможно. Ведь описание, к примеру, многообразия форм организации коммуникации с родителями, построено на понимании и признании идеи о том, что для успешного взаимодействия с внешними стейкхолдерами (а именно к этой категории относятся родители) необходимо соответствующее

развитие инфраструктуры (собрания, клубы, экскурсии, тематические встречи, самые разнообразные формы совместной деятельности).

Архитектоника монографии выстроена таким образом, чтобы подчеркнуть концептуальные подходы НУА: трансформация взаимоотношений с родителями (как и с другими группами влияния) может произойти только в том случае, если в «базовых 11 единицах» в самом учебном заведении люди объединятся для того, чтобы путем организованной инициативы изменить ситуацию [3, с. 20–22].

Именно коллективная деятельность составляет основу феномена трансформации. Только при таком подходе возможны те самые адаптивные изменения, которые создают условия для конструктивной встречи с постоянными преобразованиями, с новыми культурными образцами.

Монография, хотелось бы надеяться, даст представление о деятельности Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» по созданию партнёрства ради будущего. Однако если интерес к излагаемой проблеме не будет полностью удовлетворен, то можно предложить родителям и другим заинтересованным читателям познакомиться и с другими материалами и наработками НУА по данной теме. Речь идет о комплексных программах «Родители», «Воспитание воспитателей», «Сопровождение выпускников» и других, которые дополняют «Концепцию развития НУА» и в совокупности, думается, могут дать более ёмкое представление о выстраивании взаимоотношений учебного комплекса с родителями [4].

Список литературы

1. Архипов Б. Риски современного детства: знания, отделенные от чувств / Б. Архипов // Первое сентября. – 2012. – 11 авг. – № 13. – С. 11.
2. Любимов Л. Л. Что мешает нашей стране улучшить качество школьного образования / Л. Л. Любимов // Высшее образование – 2011. – № 4. – С. 11–26.
3. Бертон Р. Кларк. Создание предпринимательских университетов / Бертон Р. Кларк. – М.: Изд-во ВШЭ. – 2011. – 360 с.
4. Электронный архив Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/>.

А. П. Алексійко

НАДІЙНЕ ПІДГРУНТЯ ДЛЯ ЗАДОВОЛЕННЯ ПОТРЕБИ МАЙБУТНІХ ФАХІВЦІВ У ДУХОВНІЙ САМОСТІЙНОСТІ

Подольская Е. А. Философия : учебник : в 2 ч. / Е. А. Подольская, Т. В. Подольская ; Нар. укр. акад., [каф. философии и гуманитар. дисциплин]. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – Ч. 1. – 476 с. ; Ч. 2. – 412 с.

Актуальність викладеного у підручнику матеріалу та його затребуваність у вищій школі не викликає сумнівів. Авторам вдалося дослідити розвиток філософії як світоглядного та методологічного знання, виявити суперечливість певних теоретичних підходів, домогтися об'єктивного викладу кожної концепції, щоб надати можливість читачеві плюралістичного, поліваріантного сприймання теоретичного доробку кожного мислителя, хоч це і не виключає авторського бачення проблеми. Втім, позиції Є. А. Подольської та Т. В. Подольської є досить зваженими та теоретично обґрунтованими. У контексті розгляду громадянських позицій представників філософської вітчизняної та зарубіжної думки автори висвітлюють основні загальнолюдські й особистісні цінності та смисли.

Дуже важливо, що у даному підручнику весь матеріал логічно згрупований у три основні блоки – модулі, що дозволяє виділяти сутнісні моменти та мотивувати інноваційне, креативне мислення студентів у ході освоєння запропонованого матеріалу. Схеми, таблиці, цитати, термінологічний словник, довідкові дані про філософів, викладки з їх творів з коментарями – все підкорено ідеї допомогти з інтересом засвоїти викладений матеріал.

Досить виправдано автори приділяють значну увагу аналізу особистості та її перспектив у вимірах філософського аналізу. Діяльність аналізується як доцільна активність суб'єкта, досліджується специфіка ціннісного ставлення людини до оточуючої реальності.

Суттєвим досягненням авторів цього підручника можна вважати акцентування ідеї про те, що у складному мінливому сучасному суспільстві майбутнє залежить від того, наскільки кожна людина

повною мірою може прийняти на себе відповідальність за нього. Для цього автори залучають читача до осмислення глобальних процесів у світі, врахування усієї палітри думок про суперечливі тенденції та взаємозв'язки у сучасному суспільстві.

Значущою домінантою цього підручника є підсилений аксіологічний аспект, адже в останньому розділі людина розглядається у системі соціальних зв'язків. Практичне значення аксіології автори цілком справедливо вбачає у раціональному засвоєнні, обґрунтуванні та захисті тих цінностей та норм, які дозволяють сприймати людину як подію, як мету, як вищий сенс історії.

Безсумнівно, викладений матеріал стане надійним підґрунтям для задоволення внутрішньої потреби майбутніх фахівців у духовній самостійності, незалежності мислення молодого людини, яка прагне до осягнення істини. Матеріал викладений логічно, стилістика викликає задоволення, форма подачі змісту стимулює розвиток самостійних роздумів читача.

Е. В. Батаева

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Кукушкина Е. И. Русская интеллигенция в поисках политических смыслов / Е. И. Кукушкина. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 2015. – 192 с.

В монографии Е. Кукушкиной представлена глубокая аналитика феноменов интеллигенции и интеллигентности, которые в современном информационном обществе, делающим ставку на интеллект и интеллектуалов, стали восприниматься как нечто неопределенное, маргинализированное, не имеющее под собой конкретного социального явления/предмета. Как отмечает автор, в современной научной литературе все чаще можно столкнуться с риторикой «смерти» истинной интеллигенции, ее вырождения, утраты ею высоких духовных и общественных идеалов (с. 67, 140–142), без которых она теряет уникальность и перерождается в класс интеллектуалов. Размышления о том, что означает быть «настоящим» интеллигентом, какие качества необходимо стяжать тем, кто социально позиционирует себя как представителей интеллигенции и субъективно идентифицируют себя с этой социальной группой, оказались очень своевременными, учитывая современный контекст научной актуализации темы меритократии, темы интеллектуальной элиты.

Как полагает Е. Кукушкина, теоретизирование на тему интеллигенции и интеллигентности является характерной особенностью русской философии и социологии, в которой этой теме всегда уделяли пристальное внимание. Действительно, феномен интеллигенции был открыт именно в России и уже в первой половине 19-го века русские мыслители пытались отрефлексировать его специфику. В то же самое время автор монографии уже в первой главе делает поправку, что само явление интеллигенции и интеллигентности является международным, и в каждом обществе, в каждой нации можно встретить людей, обладающих особым этосом и культурой, отличающих их от не-интеллигентов; в то же самое время, несмотря на глобальность феномена интеллигенции, можно говорить о национальной специфике

интеллигенции русской, украинской, французской и т. д. (с. 13, 68). Какими качествами должен обладать интеллигент любой национальности? Чем отличается интеллигент от интеллектуала или просто – от человека с высшим образованием? Опираясь на исторические, философские, социологические тексты известных русских мыслителей (в основном, дореволюционной эпохи), Е. Кукушкина представила в своей монографии концепцию интеллигенции и интеллигентности, которая, безусловно, представляет интерес как для философов, так и социологов. Параметры аналитики заданы в самих названиях разделов монографии, что значительно облегчает понимание и способствует интеллектуальной ориентации в текстовом пространстве книги.

Можно согласиться с Е. Кукушкиной, что самого факта наличия высшего образования далеко недостаточно для того, чтобы *быть* интеллигентом: «ограничивая состав интеллигенции кругом образованных специалистов, мы тем самым исключаем из числа носителей высокой духовности людей, которые независимо от их образовательного уровня и наличия (или отсутствия) у них диплома, обладают мудростью в сочетании с острым чувством справедливости» (с. 67). Наиболее важными качествами истинного интеллигента являются «высокая духовность, острое чувство справедливости, неподкупность, нравственность» (с. 67), которые могут быть присущи и необразованным крестьянам. Хотя Е. Кукушкина делает поправку, что в данном контексте уместнее говорить об интеллигентности как личностном качестве, а не об интеллигенции как социальной группе.

В предисловии к монографии (и далее – практически во всех главах) автор предлагает описательное определение интеллигенции как «средоточия духовности и генератора идей, на основе которых формируется общественный идеал», к числу которой относят «тех высокообразованных и культурных людей, у которых есть определенные заслуги перед обществом и которые пользуются в обществе особым авторитетом; которые обладают высокими нравственными качествами; взгляды и жизненные позиции которых пользуются уважением и доверием, а поведение служит примером

для подражания; которые определяют духовную атмосферу, дух времени и стиль мышления эпохи; от степени влияния на общественное сознание которых зависит состояние культуры и гармонии в обществе» (с. 6). Е. Кукушкина подчеркивает абсолютную важность духовно-нравственных (не столько социальных) характеристик интеллигенции, без которых она вырождается в нечто иное – класс интеллектуалов с дипломом о высшем образовании, не акцентирующем важности выполнения духовной исторической миссии. «При любых переменах неизменными остаются те свойства интеллигенции, которые выражают ее сущность: скромность, самопожертвование, сострадание, ответственность, чувство сопричастности к истории, готовность отвечать за все происходящее в обществе (в чем и заключается ее историческая миссия)» (с. 7). Очень уместным в данном контексте становится концепт «аристократизма духа, а не крови», который использовали русские философы И. Ильин и Н. Бердяев, описывая суть понятия интеллигентности. Интеллигентом не рождаются, получить по наследству духовный аристократизм невозможно – его необходимо стяжать, «накопить», развить в духовном подвиге самоусовершенствования и борьбы с собственными пороками.

Еще один важный показатель интеллигентности человека, выделенный П. Лавровым и Н. Михайловским, – способность «критически мыслить», критически оценивать происходящее в общественной и личной жизни, и как следствие – способность «вырабатывать идеал человеческого достоинства, чтобы затем воплотить его в действительность» (с. 74). Сформировавшееся критическое мышление свидетельствует о развитой субъектности и социальной зрелости человека, способного самостоятельно анализировать жизненные ситуации и создавать проекты по усовершенствованию общества. Отдельную главу Е. Кукушкина посвятила анализу «антимещанской сущности интеллигенции», в которой мещанин (антипод интеллигента) рассматривается не столько как представитель определенного сословия, сколько как духовно бедный человек, привязанный к земле, к материальным, приземленным

ценностям, смысл своего существования полагающий в материальных символах благополучия и комфорта, в спокойной жизни, полной удовольствий. Как гениально подметил А. Герцен, «мещанин стремится *казаться* вместо того, чтобы *быть*, вести себя *прилично* вместо того, чтобы вести себя *хорошо*, сохранять внешнюю *респектабельность* вместо *внутреннего достоинства*» (с.80). Наоборот, интеллигент стремится именно *быть*, а не прозябать и не казаться, старается следовать высшим нравственным, постматериальным ценностям, ориентироваться на чувство внутреннего достоинства, а не соответствовать правилам *внешней* благопристойности. Еще одна важная деталь, отличающая интеллигента от мещанина (рассмотрению которой также посвящена отдельная глава монографии) – социальный максимализм, проявляющийся в стремлении к идеальному общественному устройству, к установлению социальной справедливости «здесь и сейчас», а не к реализации приземленных целей «комфортного устройства на земле».

В последних разделах монографии Е. Кукушкина, анализируя современную ситуацию, расценивает ее как кризисную: интеллигенция (в классическом понимании этого слова) уходит с исторической сцены, ей на смену приходят интеллектуалы, для которых не является приоритетной «моральная ответственность перед обществом, сопричастность истории, переживания за судьбы народа». Современная интеллигенция утратила историческую влияние, от режима служения обществу перешла к режиму «обслуги» (с.141) массовых потребностей, коммерциализировалась, усвоив мещанские стремления к земному комфорту и власти. Тем не менее, автор монографии предлагает оптимистический прогноз, согласно которому интеллигенция «никуда и никогда не исчезнет», найдет силы возродиться и выполнить миссию «духовного возрождения общества».

Высоко оценивая концептуальный анализ феноменов интеллигенции, интеллигента и интеллигентности, предложенный Е. Кукушкиной, следует отметить, что можно было бы несколько больше внимания уделить разграничению этих концептов, а также выявлению факторов, которые могли бы способствовать возрождению «настоящей» интел-

лигенции в современном «обществе потребления». Тем не менее, следует признать, что исследование Е. Кукушкиной проведено на высоком концептуальном уровне и может быть полезным всем теоретикам, интересующимся темой интеллигенции, меритократии и информационализации современного общества.

В. Ю. Головей

МЕДІА-ВІЗУАЛЬНІСТЬ У СОЦІАЛЬНОМУ ВИМІРІ

Батаєва К. В. Соціальна візуалістика і медіа-візуальність : навч. посібник. – Київ : Кондор-Видавництво, 2017. – 344 с.

У навчальному посібнику «Соціальна візуалістика і медіа-візуальність» К. В. Батаєвої презентовані основні положення нового напрямку в сучасній соціології і філософії – соціальної візуалістики, метою якої є вивчення особливостей функціонування візуального контенту в контексті постсучасної культури. Актуальність цієї проблематики обумовлена не тільки своєрідною гіпертрофією медіа-візуальності в сучасній культурі, засилиям технічно створених образів, але й стрімким зростанням ролі медіа-візуальності у формуванні соціального досвіду, як на колективному, так і на особистісному рівні. Медіа-візуальність стає провідним фактором конструювання новітніх соціокультурних практик, визначаючи форми й особливості сучасних культурних комунікацій, створює візуальне поле, в якому формується наша культурна ідентичність, наша «картина світу».

Як слушно вважає автор, соціальна візуалістика має вивчати не тільки соціальні образи, мас-медійні зображення, але й процес становлення та еволюції соціальних режимів бачення, а також має досліджувати функціонування «візуальних знаків» у контексті кіберкомунікації. Відповідно до цих завдань і побудовано структуру посібника К. В. Батаєвої. У першому розділі «Медіа-візуальність як предмет соціальної візуалістики» розглянуті особливості міждисциплінарного проекту соціальної візуалістики та її предмету – концептів соціального візуального та медіа-візуальності. Автор зазначає, що соціальна візуалістика зосереджується на аналітиці соціокультурних феноменів медіа-візуальності, які можна спостерігати у публічній сфері міжособистісної взаємодії (с. 18–19).

Другий розділ присвячено аналізу сучасних концепцій візуального у контексті модерних та постмодерних візуальних практик (фланерства, відеофілії, відеоманії, соціального вуаеризму та ексгібіціонізму); висвітлюється специфіка «філософії візуальних форм» – таких як

фотографія, телебачення, кіно, архітектура, театр. Зроблено важливий висновок про те, що кожна епоха вирізняється особливими візуальними пріоритетами, специфічним «режимом бачення», обумовленими не тільки культурними кодами й габітуальними звичками людини, але й соціокультурним контекстом візуальних практик та особливостями медіа-технологій (с. 97).

У третьому розділі висвітлюються теоретичні засади і практичні методи дослідження соціального медіа-образу. Тут представлені різноманітні методологічні та методичні підходи до вивчення візуального медіа-контенту (герменевтичний, семіотичний, структурний, дискурсивний, іконографічний, мотиваційний та соціально-поведінковий, метод контент-аналізу тощо), завдяки чому навчальний посібник набуває практичної значущості. Важливо, що авторка навчального посібника не тільки описує різні методи, а й наводить приклади того, як їх можна використовувати під час дослідження фото- та відео-образів. У четвертому розділі проаналізовано феномен кібервізуальності, виявлено її специфіку як сучасного різновиду медіа-візуальності; значну увагу приділено особливостям застосування методів *action-analysis* та *interaction-analysis* на конкретних прикладах чат-комунікації. У п'ятому розділі розглядаються такі актуальні проблеми соціальної візуалістики як візуальні практики *Selfie* та *Instagram*, а також проблеми сприйняття сучасною людиною фантастичних фільмів та серіалів. У висновках автор концептуалізує особливості герменевтичного аналізу медіа-візуальності, й у тому числі, кібервізуальності, обґрунтовуючи засади герменевтики медіа-візуального.

Слід позитивно відзначити доволі широкий соціокультурний та історико-філософський контекст, на тлі якого розгортається аналітична проблематика посібника, передусім це стосується ґрунтового аналізу історичного становлення дискурсу візуальності, а також переосмислення та систематизації теоретичних підходів до вивчення медіа-образів (зокрема, співставлення семіотичного та іконографічного підходів). Про високий теоретико-методологічний і концептуальний рівень посібника свідчить вдалий вибір найбільш важливих понять

соціальної візуалістики, зміст яких послідовно розкривається в тексті навчального видання: це поняття «соціальне візуальне», «медіа-візуальність», «соціальна іконографія», «медіа-образ»; іконографічний аналіз гендерного контенту медіа-візуальності; феноменологічний аналіз кіберкомунікації; концепції дигітальної герменевтики та «внутрішньої візуалізації» тощо.

Авторка переконливо обґрунтовує важливість теоретичного та практичного вивчення різноманітних форм мас-медійної візуальності, адже внаслідок своєї глобальної розповсюдженості вони здійснюють визначальний вплив на свідомість і поведінку сучасної людини, радикально змінюючи парадигми світосприйняття. Залежно від контенту медіа-образів та способу їх презентації, вони можуть по-різному моделювати соціальні траєкторії людської поведінки. Тому навчальний посібник К. В. Батаєвої є цілком своєчасним, а його змістовні узагальнення мають науково-практичну значущість. Окрім засвоєння понятійної бази кожний розділ містить завдання, які формують у студентів здатність аналізувати конкретні практичні ситуації, пов'язані з опрацюванням навчального матеріалу: аналіз та співставлення певних різновидів медіа-візуальної комунікації, порівняння методичних підходів до розгляду та опису медіа-візуального контенту тощо.

Позитивно можна оцінити вдале поєднання теоретичного матеріалу та практичних розробок, що посилює теоретико-методологічне та практичне значення посібника. Методологію досліджень гендерної візуальності сучасної реклами, жіночої геронтології у медіа-презентаціях, акціональної та інтеракціональної культури віртуальних співтовариств можна використовувати не тільки у візуальній соціології, журналістиці, культурології, але й у візуальній антропології та філософії мас-медіа, що підтверджує міждисциплінарний статус соціальної візуалістики.

Загалом навчальний посібник К. В. Батаєвої визначається актуальністю проблематики, змістовністю, концептуальністю, логічною послідовністю викладу матеріалу і новаторським підходом. Серед його важливих особливостей – багатоаспектність та міждис-

циплінарний характер, що відповідає сучасним соціально-гуманітарним стратегіям. Навчальний посібник забезпечує реальну можливість формування аналітичного мислення, а також розвитку практичних здібностей щодо вибору й застосування оптимальних методів аналізу різноманітних аспектів сучасної медіа-візуальності. Переконана, що посібник «Соціальна візуалістика і медіа-візуальність», написаний К. В. Батаєвою, знайде зацікавленого читача як серед студентів, аспірантів, так і в науково-викладацькому середовищі.

Є. А. Подольська, І. Ю. Зая, Т. М. Берест

НОВИЙ ПОГЛЯД НА ГЕНДЕРНУ ПРОБЛЕМАТИКУ

Силласте Г. Г. Гендерна соціологія і російська реальність / Г. Г. Силласте. – 2-е вид. – М. : Инфра-М, 2016. – 638 с.

Гендерна соціологія – відносно молода міждисциплінарна галузь сучасної соціології. І хоча вона успішно пройшла етап інституціоналізації, в науці дотепер не сформувалося єдиного розуміння гендерної соціології як спеціальної соціологічної теорії. Внести ясність у це питання можна тільки, розглянувши той справді щонайширший круг проблем, по відношенню до якого вироблені різні підходи, що утілюють собою концептуальне бачення цієї галузі соціологічної науки. Дане завдання є дійсно грандіозним, оскільки суспільство розділене на гендерні спільності, і особливості їх соціального положення і поведінки червоною ниткою проходять через всі сфери людської життєдіяльності. Здається, інших доказів актуальності гендерної соціології не вимагається. Але в реальності все відбувається не так просто, адже одна справа – визнання дисципліни академічним співтовариством, а інше – готовність її використовувати для вирішення практичних завдань соціуму тими, від кого це безпосередньо залежить.

Мало хто з учених, що спеціалізуються в області гендерної соціології, здатний сьогодні взяти на себе в буквальному розумінні місію проаналізувати в одній монографії весь цей неосяжний круг проблем. Подібне доречно тільки у підсумковій роботі, де узагальнюються досвід багаторічних різносторонніх досліджень по всьому спектру гендерної проблематики. Але саме такої роботи, що пропонує осмислення головних, складних напрямів світової гендерно-соціологічної думки і одночасно підводить ризику під цілою епохою у розвитку вітчизняної гендерної соціології, останнім часом не вистачало для того, щоб відчутися такою, що базується на стійкій основі.

Втішно, що зовсім недавно така робота, нарешті, з'явилася. Видавництво «Инфра-М» видало у 2012 р., а у 2016 р. перевидало монографію Заслуженого діяча науки РФ професора Силласте Г. Г.

«Гендерна соціологія і російська реальність». Перший тираж розійшовся так швидко, що багатьом фахівцям навіть не вдалося його придбати.

Монографія за своєю суттю носить характер онтології гендерної соціології, але онтології, що має одну дуже важливу відмітну деталь. Автор не просто розкриває суть гендерної соціології, звертаючись до її історії у нас і за кордоном. Описуючи методологічну базу гендерної соціології та всі рівні гендерного соціологічного дослідження, Галина Георгіївна показує на дуже багатому російському емпіричному й історичному матеріалі ефективність застосування накопиченого в рамках гендерної соціології досвіду для вивчення російського суспільства, що деформується з 1988 року. В результаті монографія за допомогою гендерної соціології розкриває онтологію російського суспільства в гендерному заломленні минулих 25 років у складній вітчизняній історії.

Професор Сілласте Г. Г. дуже вдало обрала хронологічні рамки вивчення російського суспільства. Відстежувати соціо-гендерні процеси, починаючи з періоду «перебудови» і закінчуючи нашими днями, дійсно резонно, адже саме на рубежі 1980–1990-х рр. відбулося багато змін соціально-економічного розвитку суспільства, що породили ті тенденції, які дотепер визначають економічний, політичний і соціальний стан гендерних спільнот, викликаючи гострі соціальні проблеми в суспільстві.

Не дивлячись на описану вище багатоплановість монографії, її структура дуже чітка, що є результатом логічно вивіреної послідовності викладу основних сюжетів. Не дивно, що така фундаментальна праця з гендерної соціології складається з семи (sic!) частин, кожна з яких поділена на розділи.

Перша частина – «Гендерна соціологія: питання і відповіді» починається з глави «Народження гендерної соціології в Росії». Поміщене в цьому розділі визначення об'єкту і предмету гендерної соціології розкриває особливості їх трактування автором, який виступає проти вузького розуміння гендерної соціології як суто жіночих досліджень. Заслужений діяч науки РФ заявляє: «Предмет гендерної соціології – соціальний статус чоловіків і жінок в суспільстві та його

еволюція під впливом конкретних умов (історичних, політичних, духовних). Її об'єкт – чоловіки і жінки як дві великі гендерні (за своєю суттю, соціально-демографічні) спільності, що розрізняються за соціальним статусом і рольовими функціями, особливостями психологічного складу, поведінки і свідомості» (с. 25).

Другий розділ – «Гендерна соціологія як галузева соціологічна теорія: еволюція, суперечності, перспективи». Професор Сілласте Г. Г. проводить цікаве порівняння вітчизняних і західних традицій гендерних досліджень, показує сильні і слабкі сторони і виводить властиву їм специфіку з соціальних, політичних, історичних і культурних умов існування конкретного суспільства і функціонування науки. Далі автор детально зупиняється на гендерних аспектах формування і функціонування громадської думки, на проблемах забезпечення прав гендерних спільнот. Професору Сілласте, як ученому високого гатунку, властиве вміння чітко формулювати свою позицію, не дивлячись на існуюче різноманіття оцінок соціальних явищ, що розвиваються. Автор використовує сувору аргументацію, підкріплену офіційними статистичними даними і результатами великої кількості прикладних соціологічних досліджень.

Останній розділ цієї частини «Прояв насильства в суспільному житті» підводить до більш широкого обговорення сутності гендерних відносин у ринковій економіці.

Друга частина – дуже важлива. У ній розглядаються найбільш значущі проблеми суспільства в гендерному вимірюванні: гендерна асиметрія, стратифікація, соціальні ризики, бідність та ін. В кінці розкриваються нові форми гендерної самореалізації в ринковій економіці. Автор розкриває такі нові явища на ринку праці, як фріланс і дауншифтінг, що додає дослідженню інноваційного характеру.

У наступній частині автор звертається до положення гендерних спільнот в російському селі, що випробував за останні десятиліття найсерйозніші потрясіння, які зруйнували традиційний устрій життя гендерних сільських спільнот. Відмітимо, що взагалі до сільської теми вітчизняні соціологи звертаються у край рідко, і монографія професора Сілласте Г. Г. є позитивним виключенням. Галина Георгіївна приходиться

до висновку: «Новий спосіб життя на селі швидше можна визначити як «деформаційний», що химерно поєднує в собі риси нового стану російського села як соціуму, що піддається руйнації, де негативні наслідки форсованого переходу до ринку переважають над традиційними соціальними і етичними нормами життя російського села» (с. 266). Не можна не визнати, що зроблені автором правдиві висновки щодо стану гендерних спільнот на селі звучать досить песимістично.

Четверта частина присвячена жінкам в політиці і оригінально названа словами патріарха французької дипломатії Ш. М. Талейрана: «Жінки – це і є політика». Автор показує силу і слабкість жіночого руху, жіночого електорату, його недостатньо реалізований потенціал.

У п'ятій частині автор глибоко аналізує модернізацію російської освіти, для якої гендерна асиметрія не є новою проблемою, але останніми роками набуває все більшої актуальності. Автор досить сміливо говорить про питання захисту національних інтересів Росії у світлі приєднання до Болонської освітньої системи.

Шоста частина присвячена сім'ї – «Сім'я: адаптація і виживання в умовах кризового соціуму». Частково про проблеми сім'ї мова йшла і в попередніх частинах, наприклад, у розділах третьої частини, що оповідає про село, і це допомагає читачу швидше залучитися до обговорення найважливіших проблем російської сім'ї, яке ведеться в даній частині монографії.

Монографію вінчає сьома частина – «Духовний світ і ціннісні орієнтації гендерних спільнот». У ній приділяється багато уваги висвітленню гендерних проблем в ЗМІ і віддзеркаленню їх у продуктах масової культури. Автор піднімає проблему виховання молоді і пропонує перспективні способи її розв'язання.

У монографії використані величезні масиви даних прикладних соціологічних досліджень різних років, що перетворює роботу ще і в соціологічний банк-довідник з питань соціо-гендерних змін у Росії. Робота написана яскравою, виразною мовою, читається легко, тому деколи забуваєш, що тримаєш в руках наукове дослідження. Це істотне достоїнство монографії.

Не менш важливо, що автор послідовно витримує соціологічний підхід до гендерних досліджень, що іменується соціо-гендерним підходом, але при цьому ніколи не обмежується розробками свого наукового цеху, широко практикуючи базові принципи міждисциплінарного дослідження. Подібне виявляється можливим завдяки вже відміченому вище унікальному авторському досвіду проведення прикладних гендерних досліджень, а також умінню кваліфіковано операціоналізувати поняття і, як наслідок, точно визначати роль і місце різних чинників, що обумовлюють явища в житті гендерних спільнот, що піддаються ретельному аналізу.

Видана у твердій палітурці книга чудово оформлена. Поміщена на обкладинці репродукція знаменитої картини Шагала «Політ над містом», точно передає її співзвуччя змісту книги: аналізу положення двох гендерних спільнот – чоловічої і жіночої – у російському суспільстві. Думається, такий видавничий хід послужить хорошій художній пропаганді не тільки авторської праці професора Г. Г. Сілласте, але і самої гендерної соціології в Росії.

Монографія професора Сілласте Г. Г. буде цікава як тим, хто безпосередньо займається гендерними дослідженнями або зв'язаний за родом своєї діяльності з соціальною політикою, так і тим, хто просто цікавиться гендерною проблематикою, поглядами соціологів на процеси суспільного розвитку. Думаю, що ця фундаментальна праця зацікавить будь-якого читача, небайдужого до проблем сучасного російського суспільства.

Е. Г. Михайлѣва

НАДЕЖНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ НАУЧНОГО ПОИСКА

Подольская Е. А. *Методология научных исследований : терминолог. слов. / Е. А. Подольская ; Нар. укр. акад., [каф. философии и гуманитар. дисциплин]. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 124 с.*

Подготовленный Е. А. Подольской терминологический словарь полностью соответствует требованиям образовательного стандарта, современным научным представлениям по данной области знаний с учетом уровня профессиональных образовательных программ, а также содержания учебного материала целям учебной дисциплины,

В терминологическом словаре дается набор терминов, позволяющий эффективно вести научный поиск, обосновывать использование научных методов, оценивать результативность научной работы. Раскрывая сущность категорий, Е. А. Подольская акцентировала внимание на особенностях научного стиля и критериях научности. При этом акцент ставится на содержательном и формальном аспектах методологии.

Заслужой составителя данного терминологического словаря является то, что в нем выделяются именно те термины, которые дают возможность анализировать формы научного познания, раскрывать методологический потенциал основных универсальных методов, общенаучных и методов конкретных наук. Акцент также ставится на этапах развития социального познания, основных принципах и функциях, а также особенностях формирования и апробирования научных положений.

Сущность замысла этого справочного пособия состоит в том, чтобы дать научно-теоретический инструментарий для анализа эффективности исследовательской деятельности. Важные черты исследуемых объектов четко отразились в тех понятиях, которые выделяет Е. А. Подольская. С помощью приведенных терминов представляется возможным раскрыть сущность системного подхода к анализу объектов, обосновать правомерность использования

общенаучных методов и соотнести их с критериями результативности науки.

Достоинством этого издания является его нацеленность на конкретные цели и задачи в логике компетентного подхода к обучению и ориентации на результат.

Следует отметить достаточно высокий уровень инновационности и методологической эвристичности: термины отражают новые требования к научным работам и особенности их апробации; обращается внимание на предупреждение плагиата, компиляции и т. п. Все приведенные категории отвечают критериям четкости, доступности изложения, отсутствия дублирования содержания, полноты использования литературы.

Несомненно, это справочное пособие будет содействовать эффективному усвоению особенностей научного дискурса и организации научно-исследовательской работы на основе научной методологии; оно необходимо для студентов, магистрантов, аспирантов, интересующихся методологией научного познания.

Слово пам'яті

УДК 94:378(477.54)

Ю. В. Гарбуз

ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. М. ШЕПТУХИ

Аннотация. Публикация продолжает серию материалов об общественной и научно-педагогической деятельности ведущих преподавателей ХГУ «НУА», ушедших из жизни. Предпринята попытка описать основные этапы жизни и работы в академии доцента, декана факультета «Референт-переводчик» Н. М. Шептухи (1948-2014).

Ключевые слова: декан, вклад в образование, учебная деятельность, переводчик.

Гарбуз Ю. В. Суспільно-педагогічна і наукова діяльність М. М. Шептухи

Анотація. Публікацію продовжує серію матеріалів про суспільну і науково-педагогічну діяльність провідних викладачів ХГУ «НУА», які пішли з життя. Зроблено спробу описати основні етапи життя і роботи в академії доцента, декана факультету «Референт-перекладач» Н. М. Шептухи (1948-2014).

Ключові слова: декан, внесок в освіту, навчальна діяльність, перекладач.

Harbuz J. V. Social, educational and scientific activity of N. M. Sheptuha

Annotation. The publication continues a series of materials about public and scientific and pedagogical work of leading lectures of KUH "PUA" who have passed away. An attempt was made to describe the main stages of life and work in the academy the dean and lecturer N. M. Sheptuha (1948–2014).

Key words: dean, contribution to education, educational activity, translator.

Британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 годах Уинстон Черчилль однажды сказал: «Диктаторы должны бояться своего переводчика и своего дантиста, так как они более могущественны, чем они сами». Действительно, профессия переводчика одновременно трудна и величественна. Особенно, если она включает в себя еще и педагогику. Слово – оружие. И переводчики могут научить людей

использовать это оружие или же дать ему могущественную силу, как в хорошее, так и плохое русло. Например, перевести людям, что война окончена. Николай Михайлович Шептуха хорошо владел словом. Он был одним из тех преподавателей, которые учили на личном примере. В нем присутствовал одновременно и переводчик, и педагог. Николай Михайлович, декан факультета «Референт-переводчик» (1994–2003 гг.), внес ощутимый вклад в подготовку студентов-переводчиков ХГУ «НУА».

Биография Николая Михайловича проста и традиционна для его поколения: школа, служба в армии, университет, преподавание. Но есть и не совсем традиционные странички. Например, работа переводчиком в Алжире, Тунисе. Или – деканство в первом в Украине учебном заведении негосударственной формы собственности.

Шептуха Николай Михайлович родился 12 сентября 1948 года в деревне Безруки, Дергачёвского района, Харьковской области. Высшее образование получил в Харьковском университете им. М. Горького на факультете иностранных языков по специальности «Референт-переводчик» (1966–1973 гг.). Преподавал французский язык и литературу в ХНУ им. В. Н. Каразина. В 70–80-х гг. работал в Алжире, в качестве переводчика возглавлял отдел переводов Представительства «Тяжпромэкспорт». Затем преподавал французский язык в ХГУ. В 1994 г. стал деканом факультета «Референт-переводчик» в НУА.

На протяжении всех лет преподавания в НУА Николай Михайлович демонстрировал высокий уровень профессиональной подготовки, обеспечивал высокую результативность и качество обучения студентов, активно выступал в роли педагога-наставника молодых преподавателей. Николай Михайлович также старался сделать жизнь студентов ярче и насыщенной. Он много внимания уделял организации внеучебной жизни на факультете, ездил со студентами на многочисленные экскурсии, готовил КВН и «Экватор»

Шептуха Николай Михайлович внес большой вклад в развитие Народной украинской академии. Им опубликованы работы по проблемам развития гуманитарного образования, в том числе, частного. Эту тему он изучал на материалах отечественного

и зарубежного опыта. («К вопросу о методике, перспективах и целесообразности подготовки референтов-переводчиков в ХГИ «НУА»; «Тенденции развития высшего образования в зарубежных высокоразвитых странах». – Х., 1998.).

Также доцент Шептуха Н. М. подготовил Политологический словарь и Глоссарий современного образования.

По воспоминаниям людей, знавших Н. М. Шептуху, он был человеком удивительной доброты и отзывчивости, всегда приходил на помощь. Ануфриева Ирина Леонидовна, декан факультета «Референт-переводчик», вспоминает Николая Михайловича с трепетом в сердце. Она помнит его весёлым человеком, который любил студентов как своих родных детей. Именно Николай Михайлович вместе с преподавателем А. И. Гавриловой и зав. кафедрой романской филологии П. В. Джандоевой откликнулся на предложение организовать шефство студентов над классами СЭПШ, где изучали французский и испанский языки. Он активно поддерживал и другие многочисленные идеи и проекты, направленные на совершенствование изучения иностранных языков в НУА. «Николай Михайлович часто рассказывал истории, которые случались с ним за границей. Особенно часто вспоминал работу в Тунисе,» – делится воспоминаниями Ирина Леонидовна. Для нее Шептуха Николай Михайлович был настоящим французским мужчиной, всегда одевался элегантно, мог покорить всех своим французским шармом.

Выпускники РП, учившиеся в период, когда Николай Михайлович был деканом, говорят о нем как о человеке, к которому можно было всегда обратиться за советом и поддержкой. Он не просто помогал словом, но и делом. Беспokoился, хлопотал, воспитывал... Относился к студентам по-отечески внимательно и заботливо, был неутомимым выдумщиком.

К сожалению, болезнь рано оборвала жизнь Николая Михайловича, но о нём помнят выпускники и коллеги, сохраняется память в музее истории НУА, ведь декан Н. М. Шептуха – часть истории Народной украинской академии, которую учебное заведение сохраняет бережно и системно.

Список литературы

1. Кто есть кто в ХГИ «НУА»? : (справочник) / ХГИ «НУА». – Харьков, 1999 – 130 с.
2. Архив за 2003 год Центра по работе с персоналом ХГУ «НУА».
3. Фонды и летописи музея истории НУА.

References

1. Kto est kto v KhGI «NUA»? : (spravochnik) / KhGI «NUA». – Kharkov, 1999 – 130 s.
2. Arkhiv za 2003 god Tsentra po rabote s personalom KhGU «NUA».
3. Fondy i letopisi muzeya istorii NUA.

УДК 94:378.12(477.54)

И. С. Григорьева

ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА Е. Ф. ПЕЛИХОВА

Аннотация. Публикация продолжает серию материалов об общественной и научно-педагогической деятельности ведущих преподавателей ХГУ «НУА», ушедших из жизни. Предпринята попытка описать основные этапы жизни и работы в академии профессора, преподавателя и ученого Е. Ф. Пелихова (1943–2015).

Ключевые слова: профессор, вклад в образование, учебная деятельность, экономист.

Григор'єва І. С. Суспільно-педагогічна і наукова діяльність Є. Ф. Пеліхова

Анотація. Публікація продовжує серію матеріалів про суспільну і науково-педагогічну діяльність провідних викладачів ХГУ «НУА», які пішли з життя. Зроблено спробу описати основні етапи життя і роботи в академії професора, викладача і вченого Є. Ф. Пеліхова (1943–2015).

Ключові слова: професор, внесок в освіту, навчальна діяльність, економіст.

Grigorieva I. S. Social, educational and scientific activity of Ye. F. Pelikhov

Annotation. The publication continues a series of public about the social and scientific - pedagogical activity of the leading teachers of KUH "PUA" who have passed away. An attempt was made to describe the main stages of life and work in the Academy professor, lecture and scientist Ye. F. Pelikhov (1943–2015).

Key words: professor, contribution to education, educational activity, economist.

Лев Николаевич Толстой писал: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел Все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель....» Именно таким был Пелихов Евгений

Федорович, человек, который вкладывал в подготовку студентов не только свои силы, но и душу. Он был искренне предан делу Образования.

Родился Евгений Федорович 15 июля 1943 г. в селе Токаревка Тамбовской области, в семье военнослужащего. Школу заканчивал в Харькове (1960 г.), куда семья переехала по месту службы отца. Учился будущий профессор с интересом и достаточно легко. Серебряная медаль, по окончании школы, тому подтверждение.

Поработав на производстве, Евгений Федорович в 1962 году поступил в Харьковский политех, где с особым пристрастием изучал экономику. Интерес не остался незамеченным и по окончании института Е. Ф. Пелихов был приглашен на работу ассистентом кафедры экономики промышленности. По воспоминаниям самого Евгения Федоровича, научная работа привлекла сразу: он активно публиковался, сдал все экзамены кандидатского минимума на «отлично». После защиты диссертации – преподавание в ряде харьковских вузов, создание семьи, в которой родились две дочери...

В 1993 г. судьба привела Е. Ф. Пелихова в Народную украинскую академию, которая только начинала свой путь. Евгений Федорович, придя на кафедру экономики предприятия, многое сделал для ее становления, как и для всего факультета «Бизнес-управление» («БУ») в целом. Через его руки прошли учебные планы и программы, он составлял тематику курсовых и дипломных работ, читал лекции, вел практические занятия. И все это – с предельной ответственностью и высочайшим профессионализмом. Максимализм профессора Пелихова был известен всем – студентам, коллегам, аспирантам. По их воспоминаниям, он не терпел халтуры, иногда был ироничен и даже резок. Особенно с теми, кто не делал, а «изображал».

Выпускники, вспоминая о годах учебы на факультете «БУ», всегда называют фамилию Пелихова. Он, в числе тех, кто заложил в них культуру понимания экономики предприятия, научил многому из того, что реально понадобилось в профессиональной деятельности. Это ли не высочайшая оценка преподавателя! Кто-то вспоминал его лекции и конкретные темы, которые «всплывали» в памяти по мере необходимости, кто-то находил «пелиховские конспекты», когда

возникла потребность в решении каких-то конкретных профессиональных проблем. Прошедшие «школу Пелихова» говорят, что одно упоминание фамилии мэтра позволяло выпускникам БУ разных лет понимать, что это – свой, его учил проф. Е. Ф. Пелихов...

Такая жизненная и профессиональная позиция Евгения Федоровича сказалась и на его научной школе. Аспирантов готовил основательно, глубоко, что называется «на совесть». Первой ученицей, защитившей кандидатскую и успешно продолжившей «пелиховскую лигию» экономики предприятия в НУА стала Ольга Анатольевна Иванова. Теперь – проректор академии по научно-исследовательской работе, сильный и авторитетный преподаватель. Следом за ней защитили диссертации О. Басманова и И. Гурьева – выпускницы факультета «Бизнес-управление» – интересные и самобытные специалисты.

Жизнь Евгения Федоровича в НУА была насыщенной и многогранной. Он делал все, что должен делать настоящий профессионал. И делал со сто процентной отдачей, честно, по-настоящему. Это подтвердит любой его дипломник, любой выпускник или коллега.

В чем-то был неудобен, трудно шел на компромиссы, не терпел халтуры и был жесток с теми, кто исповедовал иные пути.

Его кредо – честная и профессиональная работа на благо образования и любимой экономики. Звучит, возможно, не очень современно и где-то даже банально. Но именно такой был Евгений Федорович, живший по правилам и ценностям своего поколения, поколения, рожденного в военные 40-е годы.

Бережно и заботливо относился к семье. Жена, две дочери и внуки – предмет особой радости и гордости. Играл с упоением в шахматы, рыбачил с огромным удовольствием, что называется, всласть. Мог в ярких красках рассказывать о рыбалке, об улове, о планах по «рыбачьей части».

Автор более 100 публикаций, среди которых монографии «Экономическая эффективность инновации», «Оценка экономической эффективности технического перевооружения производства», многочисленные учебные пособия, в том числе с грифом МОН Украины «Оценка конкурентоспособности современного промышленного предприятия», «Экономика современного предприятия», «Экономи-

ческая эффективность логистических решений»; участник научных конференций самого разного уровня и ранга, автор концептуальных подходов к разработке бакалаврских и магистерских программ по экономике в НУА.

Многое, очень многое сделал. Но еще больше осталось в планах. Сердце подводило всё чаще и чаще. Операция, на которую рискнул пойти, не получилась, не позволила решить проблемы со здоровьем. За несколько дней до дня рождения, в июле 2015 г. Евгения Федоровича не стало. Чуть за семьдесят, еще многое можно было бы сделать. Но...

Уходят люди, уходят и из жизни академии, из её динамического ритма. Смена поколений, вроде бы всё закономерно. Но потеря профессора Е. Ф. Пелихова реально невозполнима. Конечно, будут другие. Но таких уже не будет. Пелихов есть Пелихов.

И спасибо ему за то, что был. Был в НУА, в жизни факультета, кафедры, выпускников. Кто-то очень точно заметил: «Не говори с тоской: «Их нет», а с благодарностью – «Были».

Академия искренне благодарна профессору Евгению Федоровичу Пелихову.

Список литературы

1. Кто есть кто в ХГИ «НУА»? : [справочник] / ХГИ «НУА». – Харьков : Изд-во НУА, 1999. – 136 с.
2. Фонды и летописи музея истории НУА.
3. Персоналия Е. Ф. Пелихова.

References

1. Kto est kto v KhGI «NUA»? : (spravochnik) / KhGI «NUA». – Kharkov, 1999 – 136 s.
2. Fondy i letopisi muzeya istorii NUA.
3. Personalialia Ye. F. Pelikhov.

Відомості про авторів

АСТАХОВА Катерина Вікторівна
доктор історичних наук, професор, ректор Харківського
гуманітарного університету «Народна українська академія»
(ХГУ «НУА»)

АСТАХОВА Валентина Іларіонівна
доктор історичних наук, професор,
радник ректора ХГУ «НУА»

АЛЕКСІЙНКО Алла Петрівна
доктор філософських наук, професор, завідувача кафедрою філософії
Харківського національного медичного університету

АЛЬКЕМА Віктор Григорович
доктор економічних наук, професор, завідувач кафедри
управлінських технологій Університету економіки та права «КРОК»

АРТЕМЕНКО Людмила Олександрівна
доцент загальноакадемічної кафедри іноземних мов ХГУ «НУА»

АСТАХОВ Віктор Вікторович
кандидат юридичних наук,
професор кафедри економічної теорії та права,
декан факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

БАСМАНОВА Оксана Євгенівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

БАТАЄВА Катерина Вікторівна
доктор філософських наук,
професор кафедри соціології ХГУ «НУА»

БЕРЕСТ Тетяна Миколаївна
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри українознавства ХГУ «НУА»

ВОЙНО-ДАНЧИШИНА Ольга Леонідівна
кандидат юридичних наук, доцент кафедри економічної теорії
та права, декан факультету післядипломної освіти ХГУ «НУА»

ВОРОНЕНКО Анастасія Дмитрівна
студентка III курсу факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

ГАРБУЗ Юлія Володимирівна
студентка II курсу факультету «Референт-перекладач»
ХГУ «НУА»

ГОГА Наталія Павлівна
кандидат психологічних наук, доцент кафедри соціології,
заступник декана факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

ГОЛОВЕЙ Вікторія Юріївна
доктор філософських наук, професор, завідувача кафедрою
культурології Східноєвропейського національного університету
ім. Лесі Українки

ГРИГОР'ЄВА Ілона Сергіївна
студентка II курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ДОМБРОВСЬКА Ксенія Юріївна
аспірантка кафедри соціології,
начальник відділу науково-дослідної роботи ХГУ «НУА»

СРЕМЕНКО Юлія Вікторівна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»,
директор фізико-математичного ліцею № 27

ЗАКРИНИЧНА Наталія Іванівна
викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

ЗАРЯ Ігор Вікторович
кандидат економічних наук, доцент кафедри країнознавства і
туризму Інституту міжнародних відносин НАУ

ЗАЯ Іосіф Юрійович
кандидат історичних наук, доцент Департаменту соціології
Фінансового Університету при Уряді РФ, вчений секретар
Дослідницького комітету «Гендерна соціологія» Російського
товариства соціологів

ЗВЕРКО Тамара Василівна
кандидат соціологічних наук, доцент,
декан факультету «Соціальний менеджмент» ХГУ «НУА»

ЗІАД Карім Халіль Мохамед
студент V курсу факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

ЗОРИНА Анастасія Вадимівна
студентка III курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Ольга Анатоліївна
кандидат економічних наук, доцент,
проректор з науково-дослідної роботи ХГУ «НУА»

ІЛЬІНА Валерія Олегівна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»

ІЛЬЧЕНКО Аліна Євгенівна
аспірантка кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

КАМБУР Надія Олександрівна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»

КІРВАС Віктор Андрійович
кандидат технічних наук, професор кафедри інформаційних
технологій та математики ХГУ «НУА»

КЛОЧКО Ганна Андріївна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економічної теорії та
права ХГУ «НУА»

КОЗИРЕНКО Віктор Петрович
кандидат технічних наук, доцент,
проректор з інформаційних технологій ХГУ «НУА»

КРАСУЛЯ Марина Олександрівна
кандидат технічних наук, доцент, завідувача кафедрою фізичного
виховання та спорту ХГУ «НУА»

КРУГЛЯК Марина Едуардівна
кандидат історичних наук,
доцент кафедри гуманітарних і соціальних наук
Житомирського державного технологічного університету

МИКОЛЕНКО Олена Петрівна
кандидат економічних наук,
старший викладач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

МІТТЕЛЬШТЕД Евальд
(MITTELSTÄDT Ewald)
доктор економічних наук, професор факультет інжинірингу
і менеджменту Південно-Вестфальського університету
прикладних наук

МИХАЙЛОВА Людмила Вільївна
кандидат філологічних наук, доцент, завідувача кафедрою
германської та романської філології ХГУ «НУА»

МИХАЙЛЬОВА Анастасія Віталіївна
студентка IV курсу факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

МИХАЙЛЬОВА Катерина Геннадіївна
доктор соціологічних наук,
професор кафедри соціології ХГУ «НУА»

НЕЧІТАЙЛО Ірина Сергіївна
кандидат соціологічних наук, доцент,
завідуюча кафедрою соціології ХГУ «НУА»

ПЕТРУШКО Анна Вікторівна
аспірантка кафедри соціології, заступник декана факультету
«Соціальний менеджмент» ХГУ «НУА»

ПІДЛІСНИЙ Дмитро Вадимович
кандидат історичних наук,
доцент кафедри філософії та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Єлизавета Ананіївна
доктор соціологічних наук, професор,
завідуюча кафедрою філософії та гуманітарних дисциплін
ХГУ «НУА»

ПОМАЗАН Ігор Олександрович
кандидат філологічних наук, доцент,
завідувач кафедри українознавства ХГУ «НУА»

ПОНОМАРЬОВА Галина Федорівна
кандидат педагогічних наук, професор, ректор Комунального
закладу «Харківська гуманітарно-педагогічна академія»
Харківської обласної ради

ПОТАПОВА Жанна Євгенівна
кандидат філологічних наук,
професор кафедри германської та романської філології
ХГУ «НУА»

РЕШЕТНЯК Олена Іванівна
кандидат економічних наук,
доцент кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

РЯБКО Андрій Олексійович
учитель історії ХГУ «НУА», аспірант кафедри історії
стародавнього світу та середніх віків Харківського національного
університету ім. В. Н. Каразіна

САВОХІНА Марина Володимирівна
кандидат медичних наук, доцент кафедри фармакоterapiї
Національного фармацевтичного університету

СИТНИКОВА Поліна Едуардівна
кандидат технічних наук, завідувача кафедрою інформаційних
технологій і математики ХГУ «НУА»

СМОЛЯНКІНА Світлана Володимирівна
старший викладач кафедри германської та романської філології
ХГУ «НУА»

СНІЖКОВА Майя Григорівна
викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

СТЕПАНЕЦЬ Іван Олексійович
кандидат педагогічних наук, доцент, проректор з науково-
педагогічної роботи Комунального закладу «Харківська
гуманітарно-педагогічна академія»
Харківської обласної ради

СТЕПАНОВА Марина Ігорівна
начальник відділу зовнішніх зв'язків ХГУ «НУА»

СУМЕЦЬ Олександр Михайлович
доктор економічних наук, професор, завідувач кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ТАРАСОВА Олена Владиславівна,
доктор філологічних наук, професор загальноакадемічної кафедри
іноземних мов ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВА Тамара Михайлівна
кандидат філологічних наук, професор кафедри германської
та романської філології ХГУ «НУА»

ТОМАШЕВСЬКИЙ Роман
(TOMASZEWSKI Roman)
доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії освіти
та виховання Поморського університету (Слупск, Польща)

ТОПЧИЙ Тетяна Василівна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології
ХГУ «НУА»

УДОВИЦЬКА Тетяна Анатоліївна
кандидат історичних наук, доцент кафедри соціології ХГУ «НУА»

УШАКОВА Юлія Юріївна
аспірантка загальноакадемічної кафедри іноземних мов
ХГУ «НУА»

ХАРЧЕНКО Вікторія Василівна
вчитель англійської мови Богодухівської гімназії № 1
Богодухівської районної ради Харківської області

ХІЛЬКОВСЬКА Ася Олександрівна
старший викладач загальноакадемічної кафедри
іноземних мов ХГУ «НУА»

ЦИБУЛЬСЬКА Елеонора Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЧИБІСОВА Наталія Григорівна
кандидат філософських наук, професор кафедри філософії
і гуманітарних дисциплін, проректор з гуманітарної освіти
і виховання ХГУ «НУА»

ШМАКОВА Ліана Миколаївна
викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

ЯРЕМЕНКО Валентина Григорівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЯРЕМЕНКО Олег Леонідович
доктор економічних наук, професор кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЯРІЗ Євген Михайлович
доцент кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

ЗМІСТ

Передмова	3
Трансформація соціальних функцій освіти й методів навчання: виклики і перспективи у XXI столітті	9
<i>Астахова Е. В.</i> Вклад НУА в развитие образовательных процессов в Украине: наработки первого двадцатипятилетия	11
<i>Астахова В. И.</i> Эксперимент завершен. Да здравствует эксперимент!	26
<i>Астахов В. В.</i> Правовое регулирование процессов модернизации образовательной системы Украины: проблемы и перспективы	47
<i>Батаева Е. В.</i> Концепция инструментального и коммуникативного действия Ю. Хабермаса в философии и социологии образования	63
<i>Войно-Данчишина О. Л.</i> Особенности образования людей третьего возраста (опыт Народной украинской академии)	72
<i>Гога Н. П.</i> Психологические аспекты взаимодействия субъектов учебного процесса	79
<i>Домбровская К. Ю.</i> Построение профессиональных стратегий молодежи в контексте социальных трансформаций	88
<i>Єременко Ю. В.</i> Сутність інтегративного підходу до освіти обдарованих дітей	97
<i>Зверко Т. В., Топчий Т. В.</i> Карьерный капитал выпускника вуза: сильные стороны и направления развития	106
<i>Ильина В. О.</i> Развитие личностных диспозиций студентов в высшем учебном заведении (на примере Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»)	113
<i>Ильченко А. Е.</i> Институциональные особенности развития человеческого капитала в рамках концепции непрерывного образования	121
<i>Камбур Н. О.</i> Реалізація права на освіту як умова соціальної справедливості	132
<i>Кирвас В. А., Ситникова П. Э.</i> Референт-переводчик: особенности и перспективы профессии	141
<i>Козыренко В. П.</i> Облачные ресурсы в учебно-воспитательном процессе НУА	155
<i>Красуля М. А.</i> Гуманизация физического воспитания как необходимое условие для саморазвития личности студента	162
<i>Кругляк М. Е.</i> Студентський шлюб ХІХ – початку ХХ ст. у підросійській Україні	170

<i>Mykolenko O., Mittelstädt E.</i> Challenges and achievements of entrepreneurship education during intercultural group work	182
<i>Нечитайло И. С., Ильина В. О.</i> Гражданские позиции молодежи харьковского региона: анализ структурных компонентов	189
<i>Подлесный Д. В.</i> Подходы к реформированию университетского образования в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.)	203
<i>Подольская Е. А.</i> Образование как фактор активного долголетия: мировой опыт	215
<i>Пономарьова Г. Ф.</i> Питання професійного вигорання фахівців сфери освіти в контексті розвитку кадрового корпусу	224
<i>Решетняк О. І.</i> Оцінка соціально-економічної ефективності від реалізації освітньої кластерної політики	232
<i>Рябко А. А.</i> Положение учителя и отношение к учительскому труду в Древней Греции	240
<i>Снежкова М. Г.</i> Воспитание личности студента на начальном этапе изучения французского языка	246
<i>Степанець І. О.</i> Теоретико-методологічні основи моніторингу науково-методичної діяльності викладачів педагогічних ВНЗ	252
<i>Tomaszewski R.</i> University in education system and the socio-cultural area	264
<i>Удовицька Т. А., Савохіна М. В.</i> Прийом до ВНЗ: питання управління та удосконалення	279
<i>Харченко В. В.</i> Використання європейського мовного портфоліо для підвищення мотивації учнів у вивченні іноземної мови	290
<i>Цибульська Е. І.</i> Інституційні умови формування економіки знань в Україні	299
<i>Чибисова Н. Г.</i> Традиции в инновационном образовательном поле	309
<i>Яриз Е. М.</i> Использование передовых информационных технологий в формировании лингвострановедческой компетенции	318
Сучасне суспільство в контексті гуманітарного знання й проблеми економічного розвитку	327
<i>Алькема В. Г., Заря И. В.</i> Обеспечение национальной экономической безопасности в рамках концепции экономики благосостояния	329
<i>Иванова О. А.</i> Системный подход в ходе оценки эффективности логистических решений	340

<i>Клочко А. А.</i> Трансформация социально-экономических отношений в условиях информационной экономики	346
<i>Mykhaylyova K., Artemenko L., Voronenko A.</i> The Ukrainians' intercultural communication in modern society: the base theoretical accents	357
<i>Петрушко А. В.</i> Неформальная коммуникация в организации: роль и значение в современных условиях	372
<i>Сумець О. М.</i> Сучасні підходи до визначення логістичного менеджменту ...	380
<i>Яременко В. Г., Яременко О. Л.</i> Генетико-информационные факторы глобальных институциональных трансформаций	391
Проблеми лінгвістики, лінгводидактики, літературознавства та перекладу	409
<i>Закриничная Н. И.</i> Причины использования англицизмов в немецком языке	411
<i>Михайлова Л. В.</i> Прагмасемантические разновидности вокативных конструкций	415
<i>Помазан І. О.</i> Поезія мандрованих дяків та вагантів в освітньому дискурсі	423
<i>Потапова Ж. Е.</i> Особенности авторских приемов характеристики главного героя в рассказе Йозефа Рота «Der Vorzugsschüler»	432
<i>Смолянкина С. В.</i> Электронное общение молодежи и его влияние на современный французский язык	439
<i>Тарасова Е. В.</i> Английский письменный деловой дискурс как подсистема английского экономического дискурса	444
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Вариативность языковых единиц, повышающая их номинативный и стилистико-коннотативный потенциал	454
<i>Ушакова Ю. Ю.</i> Англоязычный медицинский дискурс в свете действия коммуникативных принципов вежливости	463
<i>Хильковская А. А.</i> Англоязычный агрессивный дискурс в неагрессивном употреблении	472
<i>Шмакова Л. Н.</i> Повторы в рамках слова как словообразующее средство и спектр их применения в современном немецком языке	479
Студентська трибуна	485
<i>Зіад К.</i> Французька ісламізація як загроза світовому суспільству	487
<i>Зоріна А. В.</i> Аналіз зарубіжних моделей фінансування системи освіти	492
<i>Михайлєва А. В.</i> Инновационное образование: сущность и условия успешности	502

Наука в НУА	511
<i>Астахова В. И.</i> Новое направление в исследовании проблем образования	513
<i>Басманова О. Е., Миколенко Е. П.</i> Международный опыт обучения: онлайн и оффлайн взаимодействие НУА и Южно-Вестфальского университета прикладных наук	519
<i>Иванова О. А.</i> День науки в НУА	523
<i>Подлесный Д. В.</i> Академическая карьера в высшей школе: мотивация и демотивация (о проведении научно-теоретической конференции молодых ученых в ХГУ «НУА»)	525
<i>Степанова М. И.</i> Адаптация немецкого опыта в Харькове или проект «Ночь науки»	528
Презентація нових наукових видань	531
<i>Астахова Е. В.</i> Партнерство ради будущего	533
<i>Алексійко А. П.</i> Надійне підґрунтя для задоволення потреби майбутніх фахівців у духовній самостійності	537
<i>Батаева Е. В.</i> Интеллигенция и интеллектуалы в современной научной рефлексии	539
<i>Головей В. Ю.</i> Медіа-візуальність у соціальному вимірі	544
<i>Подольська С. А., Зая І. Ю., Берест Т. М.</i> Новый взгляд на гендерную проблематику. Особенности гендерных спільнот в інноваційному спектрі. Гендерна соціологія набула нової якості за рахунок глибокої наукової праці	548
<i>Михайлєва Е. Г.</i> Надежный методологический инструментарий для научного поиска	553
Слово пам'яті	555
<i>Гарбуз Ю. В.</i> Общественно-педагогическая и научная деятельность Н. М. Шептухи	557
<i>Григорьева И. С.</i> Общественно-педагогическая и научная деятельность профессора Е. Ф. Пелихова	561
Відомості про авторів	565

В 90 **Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»** / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – Т. 23. – 580 с.
ISSN 1993-5560

Щорічне періодичне видання «Вчені записки» Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» об'єднує в собі публікації результатів наукових досліджень викладачів та аспірантів як академії, так й інших ВНЗ України, зарубіжних авторів, які працюють над проблемами гуманітарного напрямку.

У збірнику наведено матеріали, які розкривають економічні, соціологічні, історичні, правові, філологічні та інші аспекти розвитку сучасної освіти.

Видання представляє інтерес для викладачів, аспірантів, студентів і практичних працівників сфери освіти.

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XXIII

В авторській редакції

Відповідальна за випуск *О. А. Іванова*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*
Художник *Р. М. Третьяков*

Підписано до друку 12.05.2017. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 33,71. Обл.-вид. арк. 30,95.
Наклад 500 пр. Зам. № 129/17.

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.